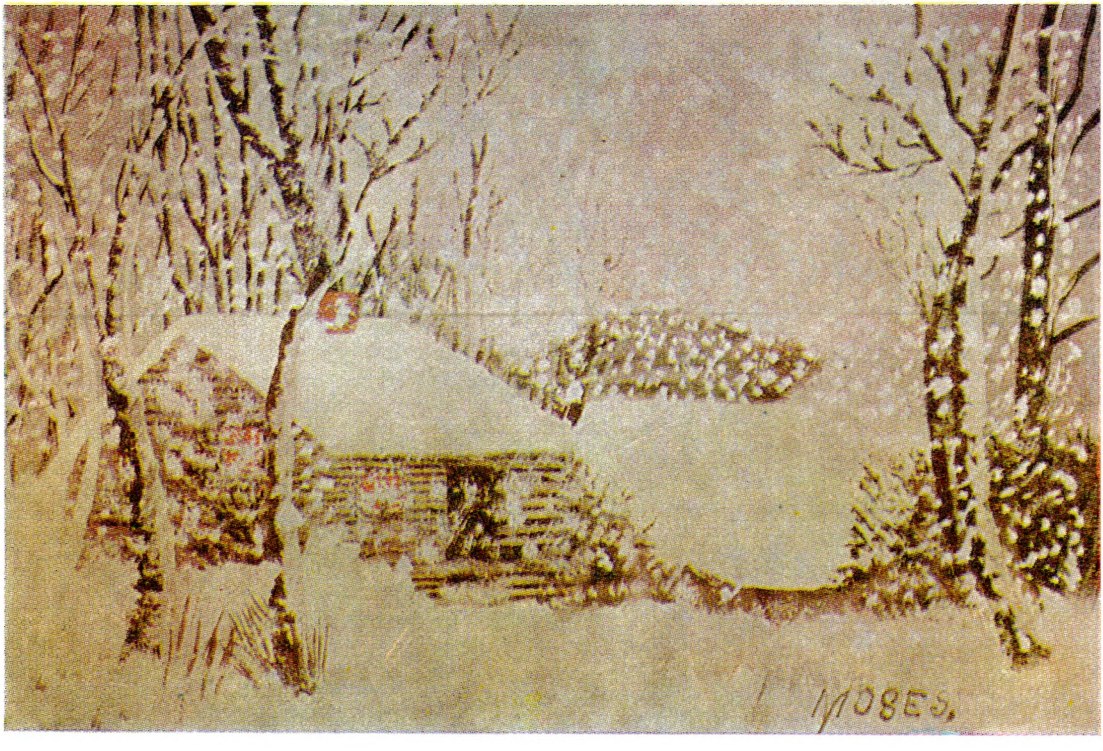
ISSN 0130 – 6545

12. 1981

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА



БАБУШКА МОЗЕС. США. Солнце зашло

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

■

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

■

ИЗДАЕТСЯ С 1955 ГОДА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ», МОСКВА

12 декабрь 1981

Содержание

ГАБРИЭЛЬ ГАРСИА МАРКЕС — Хроника объявленной смерти *(Повесть. Перевод с испанского Л. Новиковой)* 3

ШАМСУР РАХМАН — Стихи *(Перевод с бенгальского Б. Девятинского)* 48

КЭНДЗАБУРО ОЭ — Записки пинчраннера *(Роман. Окончание. Перевод с японского и послесловие В. Гривнина)* 54

Литературное наследие

ШАРЛЬ СЕНТ-БЕВ — Стихи *(Перевод с французского и вступление Инны Шафаренко)* 178

Критика

Л. ТОДОРОВА — Социальная «бесполезность» или социальная ответственность литературы и искусства 186

Сопоставляя точки зрения

НИКОЛАЙ АНАСТАСЬЕВ, АЛЕКСАНДР МУЛЯРЧИК — Поверить литературу жизнью 195

А. ЛЮКСЕМБУРГ — Конформисты и бунтари в садах академии 206

Культура и современность

Заметки на полях

С. ФАДЕЕВ — Социография: что это такое? 212

Н. ПОНОМАРЕВА — На форуме болгаристов 214

Публицистика

ВЭНС ПАККАРД — Формовщики людей *(Фрагменты книги. Перевод с английского Мих. Загота)* 218

ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ — Колонизаторы мозга, или Угроза биократии 228

Отклики, встречи, впечатления

МАЯ УЛЬРИХ — Художник перевода Имре Макаи 236

Антирубрика

С. Н. ПАРКИНСОН — «Воля народа, или Ежегодное всеобщее собрание представителей» *(Рассказ. Перевод с английского Евгении Ежерец)* 239

МЮРИЭЛ СПАРК — Необыкновенно точные часы *(Рассказ. Перевод с английского Евгении Шварц)* 241

КЕЙТ УОТЕРХАУЗ — Альберт и лайнер *(Рассказ. Перевод с английского Людмилы Биндеман)* 242

ОСКАР УАЙЛЬД — Фразы и афоризмы для молодых *(Перевод с английского Евгении Шварц)* 245

Наши гости

Лев Токарев — Арман Лану (Франция) 249

Среди книг

Издано в СССР

Сергей Белов — О временах мирных ✦ А. Бочаров — Блеклые краски осени ✦ О мужах праведных и истину любящих *(Интервью с болгарским писателем Славом Хр. Караславовым)* 249

Издано за рубежом

По страницам журнала «Лотос». Элис Фаиз — Долгий путь поэта и борца. Мамаду Вад — Вызов брошен ✦ Никита Разговоров — Сказки Превера и сказки о Превере ✦ Л. Злобина — Мир глазами канадских женщин 255

Советская литература за рубежом 205, 211

Из месяца в месяц 194, 260

Содержание журнала «Иностранная литература» за 1981 год (№ 1—12) 267

На 1-й и 4-й страницах обложки — репродукции картин БАБУШКИ МОЗЕС (США) «Белые березы» и «Время урожая».

© «Иностранная литература», 1981 г.

ГАБРИЭЛЬ ГАРСИА МАРКЕС

Хроника объявленной смерти

ПОВЕСТЬ

Перевод с испанского Л. НОВИКОВОЙ

Любви надменностью достигнуть можно.
Жил Висенти [1]

В день, когда его убили, Сантьяго Насар встал в 5.30 утра, чтобы встретить корабль, на котором прибывал епископ. Ему приснилось, что он шел сквозь рощу фиговых деревьев под моросившим мягким дождем, и какое-то мгновенье во сне он был счастлив, однако, проснувшись, не мог избавиться от ощущения, будто его обгадили птицы. «Зачастую он видел во сне деревья»,— сказала мне его мать Пласида Линеро, вспоминая 27 лет спустя подробности того страшного понедельника. «За неделю до того ему снилось, будто он летал — один — в самолете из фольги среди деревьев миндаля, не задевая за стволы»,— говорила она. Пласида Линеро пользовалась вполне заслуженной репутацией блестящей толковательницы чужих снов, если рассказывали ей их натощак, но и она не заметила чего-либо угрожающего ни в этих двух, ни в других сновидениях своего сына о деревьях, про которые он сообщал ей по утрам в дни, предшествовавшие его смерти.

Да и сам Сантьяго Насар не уловил предзнаменования. Спал он мало и плохо, не снимая одежды, проснулся с головной болью, а во рту — будто кошки ночевали, и все это он воспринял как естественное следствие свадебной попойки, затянувшейся далеко за полночь. Те многочисленные люди, которых он встретил с момента выхода из дома в 6.05 утра и до того, как был заколот, словно свинья, часом позже,— все они вспоминают, что, хоть и выглядел он несколько заспанным, но был в хорошем настроении и еще каждому мимоходом замечал, что день наступает прекрасный. Никто из них не мог с уверенностью сказать, относилось ли это замечание к погоде. Одни сходились во мнении, что было солнечно и с моря через банановые заросли долетал легкий ветерок, как и следовало быть в погожий

[1] Жил Висенти (ок. 1470 — ок. 1536 гг.) — выдающийся португальский драматург и поэт-сатирик. (*Здесь и далее прим. перев.*)

© Gabriel García Márquez, 1981.

ГАБРИЭЛЬ ГАРСИА МАРКЕС — GABRIEL GARCIA MARQUEZ (род. в 1928 г.).

Колумбийский писатель, автор романов, повестей и других произведений, переведенных на многие языки мира, в том числе на русский. С творчеством этого писателя советских читателей впервые познакомил журнал «Иностранная литература», опубликовав его роман «Сто лет одиночества» (1970, № 6—8).

Повесть «Хроника объявленной смерти» («Crónica de una muerte anunciada») печатается по изданию «La Oveja Negra Ltda», Bogotá, Colombia, 1981.

февральский денек. Большинство же, наоборот, утверждало, что погода была мерзкой, небо — нависшим и сумрачным, в воздухе стоял тяжелый запах загнившей воды, а в момент несчастья пошел мелкий дождь вроде того, что Сантьяго Насар видел в чащобе сна.

Я приходил в себя после той же свадебной попойки, пребывая в объятиях благословеннейшей Марии Алехандрины Сервантес. Проснувшись от внезапных ударов колокола, я решил, что трезвон этот устроен в честь епископа.

Сантьяго Насар надел брюки и рубашку из белого полотна — обе вещи не были накрахмалены,— такие же, что были на нем накануне, на свадьбе. То была его праздничная одежда. Если бы не приезд епископа, он надел бы рубаху и брюки цвета хаки и натянул сапоги для верховой езды — в таком виде он отправлялся по понедельникам в свою асьенду «Божественный лик», которую вместе со скотом унаследовал от отца и которой управлял весьма разумно, хотя и без большой для себя пользы.

В горы он отправлялся с «магнумом-357» за поясом, очередь его утяжеленных пуль, как утверждал Сантьяго Насар, могла рассечь лошадь надвое. В сезон охоты на куропаток он возил с собой еще и снаряжение для соколиной охоты. В его шкафу, кроме того, хранились винтовки «малинхер-шёнауэр-30.06», «холланд-магнум-300», «хорнет-22» с двойным оптическим прицелом и многозарядный «винчестер». Он всегда спал так, как спал его отец: с пистолетом в наволочке подушки; перед выходом из дома в тот день он вынул магазин и положил пистолет в ящик ночного столика. «Он никогда не оставлял оружие заряженным»,— сказала мне его мать. Я знал об этом и знал еще, что он хранил оружие в одном месте, а патроны держал в другом — и очень отдаленном, с тем чтобы никто, пусть даже случайно, не смог бы поддаться искушению зарядить оружие в доме. Это разумное правило было введено его отцом, после того как однажды утром служанка, убирая постель, тряхнула подушкой и пистолет, ударившись об пол, выстрелил; пуля расщепила шкаф в комнате, пробила стену гостиной, с пронзительным свистом пронеслась через столовую соседнего дома и превратила в пыль гипсовую статую святого в человеческий рост, украшавшую главный алтарь церкви на противоположной стороне площади. Сантьяго Насар в то время был еще совсем ребенком, но не забыл урока.

Последнее воспоминание о нем, сохранившееся у матери, связано с моментом, когда он поспешно прошел через ее спальню. Он нечаянно разбудил мать, пытаясь нащупать таблетку аспирина в аптечке, находившейся в ванной комнате; она зажгла свет и увидела сына в проеме двери со стаканом воды в руке — таким она и запомнила его навсегда. Именно в тот момент Сантьяго Насар и рассказал ей свой сон, но она не обратила внимания на слова о деревьях.

— Все сны о птицах — к доброму здоровью,— сказала она мне.

Она видела его, лежа в том же гамаке и в той же позе, в какой я нашел ее в старости, на закате ее последних дней, вновь вернувшись в это забытое селение в попытке восстановить из разрозненных осколков разбитое зеркало памяти. Пласида Линеро едва различала — и то при сильном освещении — фигуры людей, к вискам ее были привязаны листья целебных растений от беспрестанной головной боли, оставшейся от последней встречи с сыном, когда он прошел через ее спальню. Женщина лежала на боку, ухватившись за веревки в изголовье гамака, она пыталась приподняться; в полусумраке комнаты стоял запах застоявшейся воды в крестильной купели, который так поразил меня в то утро, когда свершилось преступление.

Лишь появился я в проеме двери, как она вспомнила Сантьяго Насара. «Там он и стоял,— сказала она мне.— На нем был костюм из белого полотна, просто выстиранный, без крахмала,— его нежная кожа не переносила крахмала». Она долго сидела в гамаке, пережe-

вывая зернышки кардамона, пока ощущение, что сын вернулся, не покинуло ее. Тогда она вздохнула: «Он был единственной опорой в моей жизни».

Я представил себе, каким он остался в ее памяти. Ему исполнился 21 год в последнюю неделю января, он был строен и бледен, арабского типа разрез глаз и вьющиеся волосы передались от отца. Сантьяго Насар был единственным сыном от брака, заключенного по расчету, супругам не выпало ни одного счастливого мгновения, но сам он, казалось, был вполне счастлив, имея такого отца, пока тот не скончался скоропостижно три года назад; сын казался счастливым и с оставшейся в одиночестве матерью, так было до понедельника — дня его смерти. От матери он унаследовал дар предчувствия. У отца же еще в раннем детстве обучился владению огнестрельным оружием, любви к лошадям и натаскиванию ловчих птиц, от него же воспринял полезное искусство быть отважным и осторожным. Между собой отец и сын говорили по-арабски, однако в присутствии Пласиды Линеро избегали этого, чтобы она не чувствовала себя исключенной из беседы. В селении их никогда не видели с оружием, своих натасканных птиц они привезли сюда лишь однажды, чтобы показать на благотворительной ярмарке искусство соколиной охоты. Смерть отца вынудила Сантьяго Насара бросить учение после окончания средней школы и заняться делами принадлежащей семье асьенды. Что же касается его личных качеств, то был он человеком с открытым сердцем, веселым и доброжелательным.

В день, когда его убили, мать, увидев сына во всем белом, решила, что он ошибся днем недели. «Я напомнила ему, что был понедельник»,— сказала она мне. Но он пояснил, что парадное платье надел на случай, если представится возможность приложиться к перстню на руке епископа. Однако это ее не тронуло.

— Он и с корабля-то не сойдет,— сказала она сыну.— Как всегда, по обязанности благословит всех и уедет туда, откуда приехал. Ненавидит он наш городок.

Сантьяго Насар знал, что это правда, но торжественность церковных ритуалов неудержимо влекла его. «Как в кино»,— сказал он мне однажды. А вот мать в связи с приездом епископа заботило лишь одно — как бы сын не промок под дождем: ей послышалось — он чихал во сне. Она посоветовала ему взять зонт, но он махнул рукой на прощанье и вышел из комнаты. Видела она его в последний раз.

Кухарка Виктория Гусман утверждала, что ни в тот день, ни в течение всего февраля дождей не было. «Наоборот,— сказала она мне, когда я посетил Викторию незадолго до ее кончины.— Солнце начинало жарить намного раньше, чем в августе». В окружении нетерпеливых собак она рубила на куски туши трех кроликов для обеда, когда в кухню заглянул Сантьяго Насар. «Утром по физиономии можно было определить, как прошла его ночь»,— вспоминала Виктория Гусман, не скрывая своей неприязни. Ее дочь, Дивина Флор — Божественный Цветок, едва начинающий распускаться,— подала Сантьяго Насару большую чашку кофе без сахара, влив в нее рома — так бывало каждый понедельник,— чтобы помочь ему побороть тяготы прошедшей ночи. В очаге просторной кухни шипело пламя, на высоких насестах еще спали куры; здесь жизнь шла своим чередом. Сантьяго Насар разжевал еще одну таблетку аспирина и стал потягивать медленными глотками кофе, не спеша размышляя и не отводя взгляда от обеих женщин, потрошивших у плиты кроликов. Виктория Гусман, несмотря на возраст, прекрасно сохранилась. Девочка же, еще немного диковатая, уже задыхалась, похоже, от порывов плоти. Сантьяго Насар схватил ее за руку, когда она подошла, чтобы взять у него пустую чашку.

— Пришло время взнуздать тебя,— сказал он ей.

Виктория Гусман показала ему окровавленный нож.

— Пусти ее, прохвост,— приказала она, насупившись.— Пока я жива, из этого родника тебе не пить.

Ибрагим Насар соблазнил Викторию Гусман в ее самые юные годы. В течение нескольких лет он тайно встречался с ней в конюшнях асьенды, а потом, когда любовь кончилась, перевел ее служить при доме. Дивина Флор, ее дочь от недавнего сожителя, знала, что ей уготованы ночи в постели Сантьяго Насара, и эта мысль порождала в ней преждевременные желания. «Такого мужчины, как он, не рождалось более на свете»,— сказала она мне, толстая и грустная, окруженная детьми — плодами многих любовных встреч. «Он был во всем вылитый отец,— возразила ей Виктория Гусман.— Такое же дерьмо». Она не смогла скрыть дрожи, вспомнив ужас Сантьяго Насара, когда она одним махом вырвала внутренности у кролика и швырнула собакам дымящийся клубок кишок.

— Не будь зверем,— сказал он ей.— Представь: если б это был человек?!

Виктории Гусман понадобилось почти 20 лет, чтобы понять, почему человек, привыкший убивать беззащитных животных, так неожиданно взволновался. «Боже! — воскликнула она в испуге.— Неужели это было знамение!» Однако в то утро, когда свершилось преступление, кухарку настолько обуяла накопившаяся ярость, что она продолжала бросать собакам потроха других кроликов лишь для того, чтобы отравить завтрак Сантьяго Насару. Таково было положение дел, когда весь городок проснулся от оглушительного рева гудков парохода, на котором прибыл епископ.

Дом — в прошлом тут был склад — имел два этажа, стены его обиты грубо отесанными досками, двускатная крыша покрыта цинком, на коньке постоянно дежурили стервятники в ожидании отбросов, скапливавшихся в порту. Здание было построено в те времена, когда река была еще настолько судоходной, что морские баркасы и даже настоящие корабли рисковали подниматься до городка, преодолев болотистое устье. По окончании очередной гражданской войны сюда прибыл с последней группой арабов Ибрагим Насар, тогда корабли с моря уже не заходили в порт — река изменила русло,— и склады оказались ненужными. Ибрагим Насар купил строение за ничтожную цену, намереваясь оборудовать в нем лавку для продажи импортных товаров, однако так никогда и не открыл ее. А собравшись жениться, он превратил склад в жилой дом. В нижнем этаже была отстроена гостиная на все случаи жизни, за домом соорудили конюшню на четыре лошади и подсобные помещения для прислуги, а также кухню с окнами в сторону порта, откуда постоянно доносился запах стоячей воды. Единственно, чего он не тронул в доме, так это винтовую лестницу, спасенную, очевидно, с какого-то потерпевшего крушение корабля. На втором этаже, где прежде находилась контора таможни, Ибрагим Насар устроил две спальни и пять комнатушек-кают для многочисленных детей, которых предполагал иметь, кроме того, воздвиг деревянный балкон, нависавший над миндалевыми деревьями, что росли на площади, здесь Пласида Линеро просиживала мартовские вечера, надеясь облегчить свое одиночество. С фасадной стороны сохранилась парадная дверь, в которой он проделал два высоких окна, украсив их деревянной резьбой. В сохранности оставил он и задний подъезд, лишь приподняв притолоку двери, чтобы смог проезжать всадник; находил применение Ибрагим Насар и части старого причала. Вообще-то задняя дверь использовалась намного чаще, и не только потому, что через нее можно было попасть в стойла или на кухню, но и потому, что она выходила на улицу, ведущую к новому порту,— не надо было пересекать площадь. Парадная же дверь, за исключением праздников, постоянно была закрыта на засов. И тем не менее именно здесь, а не у задней двери ожидали Сантьяго Насара те, кто собирался его убить, и как

раз через парадную дверь он вышел, отправившись на встречу епископа, хотя ему пришлось обогнуть весь дом, чтобы пройти к порту.

Никто не мог взять в толк столько мрачных совпадений. Следователь, прибывший из Риоачи, видимо, что-то почувствовал, пусть и не решался принять их во внимание, но его стремление дать этим совпадениям рациональное толкование явствовало из его протоколов. Несколько раз при упоминании двери, выходящей на площадь, следователь называл ее как в детективном рассказе: *«роковая дверь»*. На самом же деле единственным достойным внимания объяснением можно считать слова Пласиды Линеро, ответившей на вопрос юриста истинно материнским доводом: «Мой сын никогда не выходил через заднюю дверь, если был празднично одет». Эта аргументация была настолько незамысловата, что следователь отметил ее особо на полях, но в дело не занес.

Виктория Гусман со своей стороны была сугубо категоричной в ответе, заявив, что ни она, ни ее дочь не знали, что Сантьяго Насара кто-то поджидает, чтобы убить. Однако с годами она признала, что им обеим все уже было известно до того, как он вошел в кухню пить кофе. Обо всем им сообщила нищенка, зашедшая в дом после пяти утра попросить немного молока, она же открыла им повод и место, где его поджидали. «Я не предупредила его, поскольку сочла, что это пьяная болтовня»,— сказала мне Виктория Гусман. Но Дивина Флор в мой последующий — уже после смерти матери — визит к ней признала: мать ничего не сказала Сантьяго Насару потому, что в глубине души желала, чтобы его убили. Сама же Дивина Флор была еще девочкой, да к тому же испугалась и принять самостоятельного решения не могла; она еще больше испугалась, когда он схватил ее за кисть и она ощутила, что рука его — ледяная и каменная, как у мертвеца.

В предрассветном сумраке Сантьяго Насар широкими шагами прошел через дом, преследуемый радостным ревом гудка епископского судна. Дивина Флор забежала вперед открыть ему дверь; пытаясь ускользнуть от него, она двигалась между клетками спящих в столовой птиц, среди плетеной мебели и папоротников, свисающих из подвешенных к потолку горшков, но, когда отбрасывала засов, не смогла избежать когтей ястреба. «Он мял меня, как лепешку,— сказала мне Дивина Флор.— Он часто тискал меня, встретив одну где-нибудь в укромном углу; но в тот день мне не было, как всегда, страшно, просто до ужаса захотелось плакать». Она отодвинулась, пропуская его, и через приоткрытую дверь увидела на площади миндалевые деревья в предрассветной заре, будто покрытые снегом, но у нее не хватило мужества разглядеть еще что-либо. «В тот момент прекратился рев пароходных гудков и запели петухи,— продолжала она.— Крик их был настолько оглушительным, даже трудно было поверить, что петухов в городке оказалось такое множество, сперва я подумала, что их привезли вместе с епископом». Единственное, что она могла сделать для мужчины, принадлежать которому ей было не суждено,— это, вопреки приказаниям Пласиды Линеро, оставить засов на двери открытым, чтобы в случае надобности он смог бы скорее вернуться в свой дом. Кто-то, чью личность так и не установили, подсунул под дверь конверт с запиской, в которой предупреждал Сантьяго Насара, что его ждут, чтобы убить, и, кроме того, сообщал место расправы, мотивы, равно как и другие весьма точные подробности. Послание это лежало на полу, когда Сантьяго Насар выходил из дома, но он его не видел; не видела конверт и Дивина Флор, и вообще никто этой записки не видел, и обнаружили ее много времени спустя после того, как было совершено преступление.

Пробило шесть, но фонари на улицах все еще горели. На ветвях миндалевых деревьев и на некоторых балконах все еще раскачивались разноцветные бумажные гирлянды, подготовленные к свадьбе,

и можно было подумать, что их только что развесили в честь епископа. Площадь, вымощенная брусчаткой до церковной паперти, около которой были сооружены подмостки для музыкантов, походила скорее на свалку пустых бутылок и всякого рода мусора после народного гулянья. Несколько человек, подгоняемые гудками парохода, бежали в сторону порта, когда Сантьяго Насар вышел из дома.

Единственным открытым заведением на площади была молочная лавка неподалеку от церкви, там и находились двое, поджидавшие Сантьяго Насара, чтобы убить его. Хозяйка молочной — Клотильде Армента — была первой, кто увидел его в сиянии зари, и ей представилось, что он отсвечивал алюминием. «Он уже казался привидением»,— сказала она мне. Те, кто собирался его убить, спали на лавках, прижимая к себе ножи, завернутые в газеты, и Клотильде Арменте пришлось сдерживать дыхание, чтобы не разбудить их.

Это были близнецы Педро и Пабло Викарио. Исполнилось им по 24 года, и столь похожи они были меж собой, что их трудно было различить. «Внешне выглядели они непривлекательно, но выделялись нравом достойным»,— гласил протокол. Я, зная обоих с начальной школы, написал бы то же самое. Тем утром они были одеты в костюмы из темного сукна — по случаю свадьбы,— чересчур парадные и толстые для побережья. После многочасового загула лица братьев были изрядно помяты, но все же должным образом побриты. Близнецы не переставая пили еще с кануна свадебного пиршества, а на третьи сутки они были не то что пьяны, просто оба походили на бодрствующих лунатиков. С первыми бликами рассвета после почти трехчасового ожидания в лавке Клотильде Арменты они заснули, впервые с субботы. С первым гудком парохода они очнулись, чутье окончательно заставило их пробудиться, когда Сантьяго Насар вышел из своего дома. Оба стиснули в руках газетные свертки, а Педро Викарио даже стал приподниматься.

— Во имя любви к господу богу! — пробормотала Клотильде Армента.— Оставьте это на потом, хотя бы из уважения к сеньору епископу.

«То был перст всевышнего»,— повторяла она потом. Конечно, посоветовала она невзначай, случайно, но действие ее слова оказали незамедлительное. Услышав Клотильде Арменту, близнецы Викарио задумались, и тот, что было встал с лавки, вновь сел. Оба проводили взглядом Сантьяго Насара, переходившего площадь. «Они смотрели на него скорее с жалостью»,— говорила Клотильде Армента. В ту минуту площадь пересекала рысцой беспорядочная стайка учениц монастырской школы, одетых в сиротские форменные платьица.

Пласида Линеро была права: епископ не сошел с парохода. В порту кроме представителей власти и школьников скопилось много народа; повсюду из плетеных корзин выглядывали откормленные петухи, принесенные в дар его преосвященству: суп из гребешков был его любимым блюдом. На пристань было доставлено столько подношений, что для их погрузки на судно понадобилось бы не менее двух часов. Но пароход не причалил. Извергая драконий рык, он появился из-за излучины реки, и тогда оркестр заиграл епископальный гимн, а петухи в корзинах заорали, переполошив собратьев в городке.

В ту пору легендарные колесные суда, питавшиеся дровами, уже исчезали, а на тех немногих, что сохранились и плавали, не осталось ни пианолы, ни отдельных кают для справлявших медовый месяц; да и против течения такие посудины двигались с превеликим трудом. Но судно епископа было новехоньким, вместо одной у него высились две трубы, на которых браслетом был нарисован флаг, а колесо с лопастями на корме придавало вид быстроходного морского корабля. У поручней, на верхней палубе, около капитанской рубки стоял епископ в белом облачении, окруженный свитой из испанцев. «Погода стояла как на рождество»,— сказала моя сестра Маргот. По

ее словам, в порту произошло следующее: проходя вдоль причала, судно прогудело и обдало всех, кто стоял в первых рядах на берегу, паром, вырвавшимся под давлением. Видение было мимолетным — епископ, проплывая мимо собравшейся толпы, творил в воздухе крестное знамение, повторяя этот жест механически, без какой-либо задней мысли, просто бездумно, до тех пор, пока пароход не исчез из виду, и в порту остался лишь гвалт перепуганных петухов.

Сантьяго Насар с полным основанием мог чувствовать себя обманутым. Откликнувшись на публичные призывы падре Кармен Амадора, он пожертвовал несколько охапок дров, вдобавок отобрал для епископа петухов с наиболее аппетитными гребешками. Однако огорчался он недолго. Моя сестра Маргот, стоявшая рядом с ним на пристани, заметила, что к нему вернулось хорошее настроение, и он намерен был продолжать попойку, хотя таблетки аспирина не принесли никакого облегчения. «Простуженным он не выглядел и рассуждал только о том, во что обошлась свадьба»,— сказала она мне. Кристо Бедойя, который находился здесь же, назвал цифры, поразившие донельзя. Вместе с Сантьяго Насаром и мною он кутил почти до четырех утра, но спать к родителям не пошел, а остался поболтать у деда и бабки. Здесь он и получил многие сведения, еще недоставшие ему, чтобы прикинуть расходы на свадьбу. Кристо Бедойя подсчитал, что для гостей было зарезано сорок индюков и одиннадцать боровов да еще четыре телки — все это жених распорядился зажарить прямо на площади для угощения народа. Подсчитал Кристо Бедойя, что было выпито 205 ящиков контрабандных спиртных напитков и почти 2000 бутылок рома — их просто раздавали в толпе. Не оказалось в городке ни одного человека — ни богатого, ни бедного,— кто так или иначе не участвовал в этом самом буйном празднике, еще невиданном здесь. Сантьяго Насар мечтал вслух.

— Такой будет и моя свадьба,— сказал он.— И жизни не хватит, чтобы рассказать о ней.

Сестре будто бальзам пролился на сердце. Она еще раз подумала о счастливой звезде Флоры Мигель, которой судьба и так дала многое и которая на рождество станет к тому же обладать Сантьяго Насаром. «Я тотчас же поняла, что лучшей партии, чем он, не может быть,— сказала мне она.— Представить только — красавец, обязательный человек и с собственным состоянием в 21 год». Маргот частенько приглашала его к нам завтракать, особенно когда жарили пончики с мясом из юкки, а в то утро мать как раз их готовила. Сантьяго Насар с радостью принял приглашение.

— Я только переоденусь и догоню тебя,— сказал он и вдруг вспомнил, что забыл часы на ночном столике: — Который час?

Было 6.25 утра. Сантьяго Насар взял под руку Кристо Бедойю и повел его к площади.

— Через четверть часа я буду у вас,— сказал он сестре.

Она упорно предлагала идти всем вместе и тотчас же, поскольку завтрак уже готов. «Какая-то странная настойчивость отличала ее,— говорил мне Кристо Бедойя.— Настолько странная, что порой я думаю, не знала ли Маргот, что его собираются убить, и потому хотела спрятать парня в вашем доме». Однако Сантьяго Насар убедил мою сестру не дожидаться, идти домой, а тем временем он переоденется для верховой езды: ему нужно было как можно скорее быть в асьенде, чтобы там холостить бычков. Тем же жестом, что и с матерью, Сантьяго Насар простился с Маргот и пошел в сторону площади, потянув с собой Кристо Бедойю. Сестра его видела в последний раз.

Многие из тех, кто был в порту, знали: Сантьяго Насара хотят убить. Дон Ласаро Апонте, полковник, окончивший академию и ныне в отставке, в течение одиннадцати лет исполнявший обязанности муниципального алькальда, откозырял ему на военный манер. «Я располагал вполне реальными основаниями считать, что ему уже не гро-

зит никакая опасность»,— сказал он мне. Падре Кармен Амадор также не проявил беспокойства. «Увидев его живым и здоровым, я подумал, что все толки — бредни»,— сказал он мне. Никто даже не задался вопросом: а был ли предупрежден Сантьяго Насар? Всем казалось невероятным, что он оставался в неведении.

И действительно, моя сестра Маргот была одной из немногих, кто все еще не знал, что Сантьяго Насара готовятся убить. «Если б мне стало известно об этом, я увела бы его к нам, хоть на веревке»,— заявила она следователю. Было странно, что сестра не знала о предстоящем преступлении, но еще более странным было, что об этом не знала и моя мать, поскольку в нашем доме она узнавала обо всем раньше всех, несмотря на то, что в течение многих лет не посещала даже церкви. Я ценил эту ее способность еще со времен, когда мне приходилось вставать спозаранку, чтобы отправляться в школу. Я встречал ее, бледную и молчаливую — такой она была в те годы,— во дворе: в дымчатом предрассветном сумраке она подметала пол патио, а потом за кофе рассказывала мне о происшедшем на белом свете, пока мы спали. Казалось, что ее и других жителей городка, особенно ее ровесников, связывали тайные, невидимые нити; иногда она поражала нас, заранее сообщая о том, что можно было узнать, лишь обладая даром предвидения. Однако в то утро она не ощутила приближения трагедии, вызревавшей с трех часов утра. Она кончила мести двор, и сестра Маргот, отправляясь встречать епископа, видела, что мать толчет юкку для пончиков. «Слышно было, как кричали петухи»,— говаривала мать, вспоминая тот день. Далекий шум она связала, однако, не с прибытием его преосвященства, а с последними отголосками свадьбы.

Наш дом находился вдалеке от главной площади — он стоял у реки, в роще манговых деревьев. Сестра Маргот дошла по берегу до порта, народ был слишком возбужден визитом епископа, чтобы интересоваться чем-то иным. Перед домами лежали больные, вынесенные на улицу, чтобы они могли принять божье исцеление, из дворов выбегали женщины с индюками, поросятами и всякой снедью, от противоположного берега реки плыли украшенные цветами каноэ. После того как епископ скрылся из виду, так и не ступив на здешнюю землю, стала известна другая новость, и весть эта сразу же приобрела скандальный характер. Тогда-то моя сестра Маргот и узнала о том, как страшно развивались события накануне: Анхела Викарио, прелестная девушка, только что вступившая в брак, водворена обратно в дом родителей, так как молодой супруг обнаружил, что она не была девственницей. «Я почувствовала, словно мне предстоит умереть,— сказала моя сестра.— Сплетню обсасывали и так и эдак, но никто не мог объяснить, каким же образом бедняга Сантьяго Насар оказался замешанным в этом скандале». Единственно, что было известно, будто братья Анхелы Викарио готовились убить его.

Моя сестра вернулась домой, кусая губы, чтобы не разрыдаться. В столовой она встретила мать, одетую в воскресное платье — в синих цветочках — на тот случай, если бы епископ решил заглянуть к нам; накрывая на стол, мать напевала про себя фадо[1] о тайной любви. Моя сестра отметила, что был поставлен лишний прибор.

— Это для Сантьяго Насара,— сказала ей мать.— Мне передали, что ты пригласила его завтракать.

— Убери прибор,— ответила Маргот.

И сообщила обо всем. «Я думала, что мать уже в курсе случившегося,— говорила она мне.— Как всегда, начнешь ей рассказывать, еще не дойдешь и до середины, а она уже знает, чем окончится все». Но на этот раз зловещая новость была туго завязанным узелком и для матери. Имя Сантьяго Насару дали в ее честь, она к тому же была

[1] Народная португальская песенка.

его крестной матерью; вместе с тем мать состояла в кровном родстве с Пурой Викарио, родительницей возвращенной в отчий дом невесты. Не дослушав сестру, мать надела туфли на каблуках, накинула черную мантилью, в которой только наносила визиты соболезнования. Мой отец, лежавший в постели, услышав разговор, неожиданно появился в столовой — как был в пижаме — и встревоженно спросил ее, куда она собралась.

— Предупредить куму Пласиду,— сказала мать.— Ведь несправедливо, уже всем известно, что ее сына хотят убить, и лишь она этого не знает.

— Нас связывает с ней столько же, сколько с семьей Викарио,— возразил отец.

— Всегда надо быть на стороне усопшего,— ответила мать.

Из других комнат появились младшие братья. Самые маленькие, ощутив что-то неладное, заплакали. Мать — впервые в жизни — не обратила на них никакого внимания, как не обратила внимания и на мужа.

— Подожди, я оденусь,— сказал он ей.

Она уже вышла на улицу. Мой брат Хаиме — тогда ему было не более семи лет,— один из всех одетый, собирался в школу.

— С матерью пойдешь ты,— приказал ему отец.

Хаиме побежал за ней, не понимая ни того, что происходило, ни куда они направлялись, и схватил ее за руку. «Она шла и вслух разговаривала сама с собой,— рассказывал мне Хаиме.— Злодеи, бормотала она очень тихо, подонки, неспособные ни на что другое, как приносить несчастья». Она даже не отдавала себе отчета, что тащит за руку ребенка. «Люди, наверно, подумали, что я сошла с ума,— сказала она мне.— Помню только, где-то вдалеке слышался шум толпы, будто вновь началась свадьба, и все бежали в сторону площади». Со всей решимостью, на какую была способна, когда речь шла о чьей-то жизни, мать ускорила шаг, но кто-то из бежавших навстречу сжалился над ней.

— Не торопитесь, Луиса Сантьяга! — прокричал ей кто-то, пробегая мимо.— Его уже убили.

Байярдо Сан Роман, молодожен, вернувший жену ее родителям, впервые появился здесь в августе предыдущего года — за шесть месяцев до своей свадьбы. Он прибыл на пароходе, курсирующем каждую неделю: весь его багаж — две кожаные сумы, отделанные серебром, и украшения на них сочетались с узорами пряжки на ремне и застежек на сапогах. Ему было лет около тридцати, хотя точный возраст установить трудно, его отличали тонкая талия начинающего тореро, с блеском золота глаза и будто прокаленная на медленном жаре селитры кожа. Одет он был в короткую куртку и очень узкие брюки — обе вещи были сшиты из натуральной телячьей кожи, а на руках красовались козьи перчатки, тончайшей выделки, того же цвета, что и костюм. Магдалена Оливер плыла с ним на одном судне и в течение всего путешествия не могла оторвать от него глаз. «Выглядел он педерастом,— сказала она мне.— Так обидно! Ведь красавчик, впору обмазать его кремом и съесть!» Она была не единственной, кто так думал, и не последней из тех, кто сразу же понял, что Байярдо Сан Роман — мужчина, которого не раскусишь с первого взгляда.

В конце августа мать прислала мне в колехио письмо и в нем мимоходом отметила: «Приехал сюда очень странный человек». В следующем письме она сообщала: «Странного человека зовут Байярдо Сан Роман, все говорят, что он обаятелен, но я его не видела». Никто никогда так и не узнал, зачем он прибыл. Кому-то из тех, кто не удержался перед искушением незадолго до свадьбы спросить его об этом, он ответил: «Я бродил из города в город в поисках —

на ком бы жениться». Это могло быть правдой, но с таким же успехом он мог ответить все что угодно, обладая манерой говорить то, что помогало ему скрывать правду.

Вечером в кинотеатре, сразу же по прибытии, он дал понять, что разбирается в профессии путейца, заговорив о срочной необходимости проложить железную дорогу в глубь страны, чтобы обезопасить селение от капризов реки. На следующий день ему потребовалось дать телеграмму, и он сам отбил ее на телеграфном ключе, да к тому же раскрыл телеграфисту секрет, как использовать уже севшие электрические батарейки. С не меньшей уверенностью он побеседовал о болезнях в районе приграничной полосы с военным врачом, прибывшим сюда в связи с набором в армию. Ему нравились шумные и затяжные застолья, пить он умел здорово, в ссорах выступал примирителем и был противником нечистой игры. Однажды в воскресенье, после мессы, он вызвал на пари самых ловких пловцов — а их было немало — и оставил сильнейших из них на двадцать саженок позади, переплыв реку туда и обратно. Моя мать написала мне об этом в одном из писем и завершила комментарием на свой манер: «Похоже, что он плавает и в золоте тоже». Она опиралась на слухи о том, что Байярдо Сан Роман может сделать все что угодно — и делает все великолепно,— да и располагает безграничными финансовыми средствами.

Мать окончательно благословила его, заявив в своем письме, датированном октябрем: «Люди его очень любят,— потому что он честен и добр сердцем, а в прошлое воскресенье он причащался, опустившись на колени, а также помог отслужить мессу по-латыни». В те времена не разрешалось причащаться стоя, и вся служба шла только по-латыни, однако моя мать имела обыкновение прибегать к подобным, ничего не значащим уточнениям, когда хотела постигнуть суть вещей. Тем не менее после столь благожелательного вердикта она написала мне еще два письма, в которых уже ничего не сообщала о Байярдо Сан Романе, не известила даже, хотя уже об этом стало широко известно, что он собирается жениться на Анхеле Викарио. Только много времени спустя после этой несчастной свадьбы она призналась мне, что лично познакомилась с ним, когда было слишком поздно исправить написанное ею в октябрьском письме, и его золотистые глаза ужаснули ее.

— Он показался мне похожим на дьявола,— сказала она мне,— но ты ведь сам говорил, что о таких вещах не следует писать.

Я познакомился с Байярдо Сан Романом чуть позже, чем моя мать, когда приехал домой на рождественские каникулы, и не посчитал его столь странным, как о нем толковали. Он представился мне действительно обаятельным, но не таким уж идеальным, каким обрисовала его Магдалена Оливер. Выглядел он более серьезным, чем можно было предполагать по его проделкам, чувствовалась в нем какая-то внутренняя напряженность, едва скрываемая излишней веселостью. Но, главное, он показался мне очень грустным человеком. К тому времени он уже объявил о своей помолвке с Анхелой Викарио.

Так и не удалось точно установить, как они познакомились. Хозяйка пансиона для холостяков, где проживал Байярдо Сан Роман, передавала, что он дремал послеобеденную сиесту, расположившись в качалке в гостиной — были последние дни сентября,— когда Анхела Викарио и ее мать пересекали площадь с корзинками искусственных цветов. Байярдо Сан Роман увидел двух женщин в глухих траурных платьях, они казались единственными живыми существами в послеполуденном мареве. Он спросил, кто эта девушка. Хозяйка ответила, что она — младшая дочь женщины, идущей рядом, и что зовут ее Анхела Викарио. Байярдо Сан Роман проводил взглядом обеих женщин до конца площади.

— Ей очень подходит ее имя [1],— произнес он.

Затем, откинув голову на спинку качалки, он вновь закрыл глаза.

— Когда я проснусь,— сказал он,— напомните мне, что я на ней женюсь.

Анхела Викарио говорила мне, что хозяйка пансиона сообщила ей об этом случае задолго до того, как Байярдо Сан Роман стал преследовать ее своей любовью. «Я очень испугалась»,— сказала она мне. Три человека, находившихся в пансионе, подтвердили, что такой случай действительно был, однако четверо других не считали его достоверным. Зато все версии сходились на том, что Анхела Викарио и Байярдо Сан Роман впервые встретились в октябре, в день национального праздника, на благотворительной ярмарке, где ей было поручено заниматься лотереей. Байярдо Сан Роман пришел на праздник и направился прямехонько к витрине, у которой стояла бледная лотерейщица, наглухо — до запястий — облаченная в черное, и спросил ее, сколько стоит инкрустированный перламутром граммофон с трубой — главная приманка ярмарки. Она ответила, что предмет этот выставлен не на продажу, а будет разыгран в лотерею.

— Еще лучше,— сказал он,— так будет проще и к тому же дешевле.

Анхела Викарио призналась мне, что он добился своего: произвел на нее впечатление, но отнюдь не любовным порывом. «Я не выносила заносчивых мужчин и еще никогда не видела столько фанфаронства, сколько в нем,— сказала она мне, вспоминая тот день.— А потом я подумала, что он поляк». Ее неприязнь еще более возросла, когда в обстановке всеобщего нетерпения выкрикнули номер лотерейного билета на граммофон и выигрыш действительно выпал Байярдо Сан Роману. Невозможно было предположить, что он, оказывается, скупил все лотерейные билеты лишь для того, чтобы произвести на нее впечатление.

В ту же ночь, вернувшись домой, Анхела Викарио обнаружила у себя граммофон, обернутый подарочной бумагой и украшенный бантиком из органди. «Я так и не могла догадаться, как он узнал, что у меня был день рождения»,— сказала она мне. Ей было трудно убедить родителей, что она не дала никакого повода Байярдо Сан Роману прислать ей подобный подарок, да еще в такой вызывающей форме, что, естественно, не прошло незамеченным для окружающих. Ее старшие братья Педро и Пабло отнесли подарок в пансион, с тем чтобы вручить его владельцу, и сделали это с таким шумом, что не осталось ни единого человека, кто, если и не видел, как эта игрушка прибыла к Анхеле Викарио, зато видел, как она отправилась восвояси. Семья Анхелы Викарио не учла лишь неотразимости Байярдо Сан Романа. Близнецы вернулись к себе только на рассвете следующего дня, осоловевшие от попойки, все с тем же граммофоном в руках и к тому же в сопровождении Байярдо Сан Романа, намереваясь продолжать гулянку дома.

Анхела Викарио была младшей дочерью в семье с очень скромным достатком. Ее отец, Понсио Викарио, принадлежал к бедным ювелирам и зрение потерял, создавая восхитительные золотые безделушки, поддерживая, таким образом, честь домашнего очага. Мать, Пурисима дель Кармен, служила школьной учительницей, пока не вышла замуж — уже на всю жизнь. Ее кроткая и несколько болезненная внешность прекрасно скрывала силу характера. «Она была похожа на монахиню»,— вспоминала Мерседес. Пурисима дель Кармен с таким самопожертвованием отдавалась заботам о муже и воспитанию детей, что окружающие иногда забывали о ее собственном существовании. Две старшие дочери вышли замуж очень

[1] Игра слов: от исп. angel (ангел) и лат. vicarius (заменяющий, помощник).

поздно. Кроме близнецов и Анхелы была еще одна дочь — средняя, но она скончалась от малярии, и вот уже два года по ней носили траур, неполный дома и строгий на улице. Братьев вырастили настоящими мужчинами. Девиц воспитывали для замужества. Они умели вышивать на пяльцах, шить на швейной машинке, плести на коклюшках кружева, стирать, гладить, делать искусственные цветы, готовить всевозможные сладости, а также писать приглашения на помолвки. В отличие от сверстниц, легкомысленно относящихся к ритуалам, связанным со смертью, четыре дочери Викарио были великими мастерицами в древней науке ухода за страждущими, в утешении умирающих и отпевании умерших. Единственное, за что их упрекала моя мать, так это за привычку причесываться перед сном. «Девочки,— говорила она им,— не расчесывайте косы к вечеру: моряков упустите». За исключением этого, считала моя мать, не было на свете лучше воспитанных девиц. «Они безупречны,— слышал я, как она частенько повторяла.— Любой мужчина будет счастлив с каждой из них, ибо они выращены для страдания». Однако тем, кто женился на двух старших дочерях, оказалось нелегко вырваться из замкнутого круга — их жены всегда ходили вместе, устраивали танцы только для дам и постоянно были готовы видеть тайный смысл в любом намерении мужей.

Анхела Викарио была самой красивой из всех четверых, и моя мать утверждала, что родилась она, как вошедшие в историю великие королевы,— в рубашке. Но вид у нее был какой-то неприкаянный, да и духом она была бедна, ничто не предвещало ей обеспеченного будущего. Я встречал ее ежегодно во время рождественских каникул и всякий раз, увидев ее у окна мастерящей из лоскутков цветы или напевавшей со своими соседками любимые вальсы старых дев, думал о том, что выглядит она еще более неприкаянной и усохшей. «Твою глупую кузину,— говаривал мне Сантьяго Насар,— уже надо ставить на подпорки». Однажды, незадолго до того, как она надела траур по сестре, я впервые увидел ее на улице в обычном платье, с завитыми волосами и с трудом поверил, что это действительно она. Но такой ее образ был мимолетным, с годами замкнутость ее возрастала. Так что, когда стало известно, что Байярдо Сан Роман решил на ней жениться, многие решили — не скрывается ли за этим коварство чужака.

Семья же Анхелы Викарио восприняла его предложение не только всерьез, но и с большой радостью, если не считать Пуры Викарио, которая поставила условие: Байярдо Сан Роман должен раскрыть свое происхождение. До той поры никто не знал, кто он такой. Его прошлое было известно лишь с того вечера, когда он сошел с корабля в своем артистическом одеянии, в отношении же своего происхождения он был настолько скрытен, что даже самые бредовые догадки могли оказаться правдой. Дело дошло до того, что поговаривали, якобы он, будучи командиром армейской части, снес с лица земли целые деревни, посеяв ужас в Касанаре; якобы он — беглый каторжник из Кайены; якобы видели его в Пернамбуко выступавшим с парой дрессированных медведей и даже утверждали, что в канале Ветров он поднял со дна морского остатки испанского галеона, груженного золотом. Байярдо Сан Роман положил конец всем этим домыслам простейшим образом: он привез в городок все свое семейство.

Их было четверо: отец, мать и две ошеломляющие сестры. Они прибыли на машине марки «форд-Т» со служебным номером, и крякающий гудок автомобиля в 11 утра произвел на улицах переполох. Мать — Альберта Симондс, толстенная мулатка с Курасао, изъяснявшаяся по-испански с примесью «папиамьенто» [1], в молодости была провозглашена прекраснейшей среди 200 красавиц Антильских островов. Дочери — в расцвете юности — походили на молодых необъезженных

[1] Диалект жителей острова Курасао, представляющий смесь португальского, испанского, голландского языков и местных наречий.

кобылок. Но главным козырем был отец: генерал Петронио Сан Роман — герой гражданских войн прошлого века и один из прославленных деятелей при правительстве консерваторов, поскольку обратил в бегство полковника Аурелиано Буэндиа, разгромив его в бою под Тукуринкой. Лишь моя мать, узнав, кто он такой, не пошла с ним здороваться. «Прекрасно, пусть поженятся,— сказала она мне.— Но это одно дело, а совсем другое — пожать руку человеку, который приказал стрелять в спину Херинельдо Маркесу». Едва успев выглянуть из окна автомобиля и приветственно взмахнуть белой шляпой, генерал немедленно был узнан по известным всем портретам. Он был одет в полотняный костюм цвета спелой пшеницы, на ногах — полусапожки из козьей кожи со шнурками, завязанными накрест, на переносице — золотое пенсне, золотой же цепочкой прицепленное к петличке жилета. На лацкане красовалась «Медаль за мужество», в руке — трость из яблоневого дерева, украшенная резьбой в виде национального герба. Осыпанный горячей пылью наших отвратительных дорог, генерал первым вылез из автомашины, и лишь только он появился, всем стало ясно, что Байярдо Сан Роман может вступить в брак с любой, на которой вздумает жениться.

Но Анхела Викарио не хотела выходить за него. «Он казался чересчур дюжим для меня мужчиной»,— сказала она мне. Кроме того, Байярдо Сан Роман даже не пытался увлечь ее, похоже, он околдовал всех членов ее семейства. Анхела Викарио не могла забыть тот ужасный вечер, когда собравшиеся в гостиной родители и старшие сестры вместе с их мужьями вынудили ее дать согласие на брак с человеком, которого она лишь мельком до этого видела. Близнецы в сговоре не участвовали. «Мы решили, что это женские затеи»,— сказал мне Пабло Викарио. В виде решающего аргумента родители выдвигали следующее: их семейство, добродетелью которого были более чем скромные доходы, не имело права отказываться от такого подарка судьбы. Анхела Викарио осмелилась заикнуться, что на пути к браку лежит серьезная помеха — нет любви, но мать сразила ее:

— Любви тоже можно научиться.

Эта помолвка в отличие от других того времени, обычно весьма затяжных, когда жених и невеста находились под неусыпным наблюдением, длилась всего четыре месяца — по настоянию Байярдо Сан Романа. Еще укоротить срок помолвки оказалось невозможным, поскольку Пура Викарио потребовала выждать, пока семья не снимет траур. Но и это время пролетело незаметно и беззаботно. Байярдо Сан Роман умел удивительно устраивать все дела. «Однажды вечером он спросил меня, какой из домов мне нравится более,— рассказывала мне Анхела Викарио.—А я, не представляя, к чему он клонит, ответила, что самый красивый дом в городке принадлежит вдовцу Ксиусу». Я бы ответил так же. Дом стоял на вершине холма, овеваемый всеми ветрами, и с террасы его открывался вид на рай бескрайних заливных лугов, расцвеченных лиловыми анемонами; в ясные летние дни отсюда можно было разглядеть на горизонте нежную линию Карибского моря и трансатлантические лайнеры с туристами из Картахены де лас Индиас [1]. В ту же ночь Байярдо Сан Роман отправился в Светский клуб и сел за столик к вдовцу Ксиусу сыграть партию в домино.

— Послушай, вдовец,— сказал он ему,— я покупаю у тебя дом.

— Дом не продается,— ответил вдовец.

— Покупаю со всем, что в нем имеется.

Вдовец Ксиус со старомодной учтивостью пояснил, что все вещи в доме были куплены его супругой за их долгую, полную лишений жизнь, и для него эти предметы остаются как бы напоминанием о ней. «Он говорил так, будто сердце держал на открытой ладони,— сказал мне доктор Дионисио Игуаран, игравший с ними в домино.— Я был

[1] Главный город департамента Боливар на севере Колумбии, крупный порт.

уверен, что Ксиус предпочтет умереть, чем продать дом, где он был счастлив более 30 лет». Байярдо Сан Роман согласился с его доводами.

— Хорошо,— сказал он.— Тогда продай мне дом пустым.

Вдовец Ксиус упорствовал до конца партии. Спустя три дня вечером Байярдо Сан Роман, настроенный еще более решительно, вновь сел за столик с домино.

— Вдовец,— обратился он опять,— сколько стоит дом?

— У него нет цены.

— Назови любую.

— Мне жаль, Байярдо,— сказал вдовец,— но вы, молодые, не понимаете сердечных мотивов.

Байярдо Сан Роман не размышлял и секунды.

— Положим, пять тысяч песо,— сказал он.

— Играй честно,— ответил ему с возмущенным достоинством вдовец.— Дом не стоит таких денег.

— Десять тысяч,— произнес Байярдо Сан Роман.— И я тебе выложу их сейчас же, банкноту за банкнотой.

Вдовец посмотрел на него глазами, полными слез. «Он плакал от ярости,— сказал мне доктор Дионисио Игуаран, который был не только врач, но еще и писатель.— Представь себе, такая сумма — только руку протяни, а приходится отвечать «нет» в силу сентиментальных мотивов». Вдовец Ксиус потерял голос, но упорно, без промедления покачал в знак отказа головой.

— Тогда сделай мне последнее одолжение,— сказал Байярдо Сан Роман.— Подожди меня здесь пять минут.

Пять минут спустя он действительно вернулся в Светский клуб с кожаной сумой, украшенной серебром, и выложил на стол десять пачек купюрами по тысяче песо, еще перевязанные бумажными лентами с печатями Государственного банка. Два месяца спустя вдовец Ксиус скончался. «Он умер только из-за этого,— говорил доктор Дионисио Игуаран.— Ксиус был здоровее нас всех, но когда я прослушивал его, то чувствовал, как у него в сердце булькают слезы». Вдовец Ксиус не только продал свой дом со всем его содержимым, он еще и просил Байярдо Сан Романа, чтобы тот выплачивал ему сумму постепенно, так как у него не осталось для утешения ни одного сундучка, где бы он мог хранить столько денег.

Никто бы не подумал, никто бы не сказал, что Анхела Викарио не девственница. Никто не знал никакого ее жениха, да и росла она вместе с сестрами под железной властью матери. Меньше чем за два месяца до свадьбы Пура Викарио не позволила ей наедине с Байярдо Сан Романом осмотреть дом, где молодожены собирались жить,— слепой отец и сама мать сопровождали Анхелу Викарио, дабы охранять ее честь. «Я просила господа бога, чтобы дал он мне сил покончить с собой,— сказала мне Анхела Викарио.— Но он не дал». Анхела была настолько подавлена, что решила было открыть всю правду матери и освободить себя от мук, но две единственные подружки-поверенные, помогавшие ей у окна мастерить из лоскутков цветы, отговорили ее от благого намерения. «Я их покорно послушалась,— сказала Анхела Викарио мне.— Они заставили меня поверить в их опытность одурачивать мужчин». Подруги заверили Анхелу Викарио, что почти все девицы теряли невинность еще в детстве — совершенно случайно. Они же убедили ее в том, что даже самые строптивые мужья мирились с любой ситуацией, лишь бы о ней никому не было известно. Наконец, убедили ее в том, что большинство мужчин первую брачную ночь встречают с испугом, не способны ни на что, и в критический момент не могут даже отвечать за собственные действия. «Во что они верят, так это лишь в то, что увидят на простынях»,— доказывали подруги. Короче, они обучили Анхелу Викарио всяким хитростям и уловкам, чтобы она смогла провести будущего супруга, уверить его, будто обладает давно утерянным даром, а утром после первой ночи вынести

во двор на солнце полотняную простыню с пятном, доказывающим ее непорочность.

С такой надеждой она и вышла замуж. Байярдо Сан Роман со своей стороны вступал в брак, рассчитав, что он покупал для себя счастье лишь силой своего необыкновенного влияния и богатства, и чем грандиознее становились его планы насчет будущего празднества, тем безумнее приходили ему в голову идеи, как сделать праздник более величественным. Когда стало известно о приезде епископа, он пытался отложить свадьбу на день, чтобы венчал их его преосвященство, но воспротивилась Анхела Викарио. «Я не хотела получить благословение от человека,— сказала она мне,— который отрубает для своего супа лишь петушиные гребешки и выбрасывает птицу в помойку». И даже без благословения епископа свадьба приняла невиданный размах, она приобрела такие масштабы, что в конце концов наводить порядок стало невозможно, и, вырвавшись из рук самого Байярдо Сан Романа, превратилась в общественное событие.

На этот раз генерал Петронио Сан Роман и его семейство прибыли на парадном катере Национального конгресса, причем до конца свадьбы судно стояло ошвартованным у причала; генерала сопровождали многочисленные выдающиеся личности, оставшиеся тем не менее незамеченными в потоке новых лиц. Было навезено столько подарков, что пришлось благоустроить заброшенное здание первой электростанции, чтобы выставить напоказ самые удивительные из них, остальные же подношения были немедленно отправлены в бывший дом вдовца Ксиуса, уже подготовленный для приема новобрачных. Жениху был подарен автомобиль с откидывающимся верхом, ниже фабричной эмблемы готическими буквами было выгравировано имя Байярдо Сан Романа. Невесте был преподнесен футляр со столовым набором из чистого золота на двадцать четыре персоны. Кроме того, была привезена труппа танцоров и два оркестра, исполнявшие вальсы в разнобой с местными музыкантами; на шум празднества сбежались многие бродячие аккордеонисты и барабанщики.

Семья Викарио проживала в скромном доме с кирпичными стенами и крышей из пальмовых ветвей, из-под которых выглядывали два слуховых оконца, в январе сюда залетали вить гнезда ласточки. Терраса с фасадной стороны почти вся была заставлена цветочными вазонами, в просторном внутреннем дворе росли фруктовые деревья, гуляли на свободе куры. С другой стороны двора близнецы выстроили свинарник, здесь же стоял «жертвенный камень» для забоя и стол для разделки туш; хозяйство служило верным источником дохода после того, как Понсио Викарио потерял зрение. Начал управлять хозяйством Педро Викарио, а когда он ушел на военную службу, то искусству мясника-забойщика обучился брат-близнец.

Комнат в доме едва хватало для семьи, и потому старшие сестры, узнав о размахе свадебных торжеств, пытались арендовать другое помещение. «Представляешь,— сказала мне Анхела Викарио,— они подумывали о доме Пласиды Линеро, но, к счастью, родители воспротивились, твердя, как и прежде, что их дочери либо празднуют свадьбу в нынешней клетушке, либо вообще не выходят замуж». Дом был выкрашен в свой первоначальный желтый цвет, двери починены, полы отремонтированы, одним словом — приобрел вид, достойный грандиозной свадьбы. Близнецы увели со двора животных, отмыли известью свинарник, однако и после этого было ясно, что места недостаточно. В конце концов, по настоянию Байярдо Сан Романа, все заборы вокруг дома были снесены, а с соседями достигнута договоренность, что танцы будут происходить в их домах: под сенью тамариндов были расставлены только что сколоченные столы.

Единственной неожиданностью в день свадьбы стало то, что жених приехал за Анхелой Викарио с опозданием на два часа, она же отказалась надевать подвенечное платье, пока не увидит его в своем

доме. «Представь себе,— сказала она мне.— Я была бы рада, если бы он вообще ко мне не приехал, но я не могла позволить ему бросить меня с фатой». Ее предусмотрительность выглядела вполне естественной, поскольку в обществе не было для женщины большего позора, как остаться с носом в полном свадебном одеянии. Однако то обстоятельство, что Анхела Викарио осмелилась набросить на себя фату с флердоранжем, не будучи девственницей, впоследствии было истолковано как профанация символов чистоты и невинности. Лишь моя мать оценила стремление Анхелы Викарио сыграть свою партию до самого конца. «В те времена,— объяснила она мне,— бог принимал такое». Зато никто не знал, какими картами играет свою партию Байярдо Сан Роман. С минуты, когда он появился во фраке и цилиндре, и до того, как исчез с танцев, уводя жертву своих преследований, он выглядел образцом счастливого жениха.

Неизвестно было также, какими картами играет Сантьяго Насар. Мы были все время вместе — и в церкви, и на празднике — с Кристо Бедойей и моим братом Луисом Энрике, и никто из нас не заметил в нем ни малейшей перемены. Мне пришлось повторять об этом много раз — все мы вместе росли, учились в школе, вместе проводили каникулы, и предположить, что один из нас не поделился с остальными тайной, да еще столь значительной, казалось невероятным.

Сантьяго Насар был любителем праздников, и самое величайшее наслаждение он испытал перед смертью, подсчитывая расходы на свадьбу. По его подсчетам, церковь была украшена цветами на сумму, равную стоимости четырнадцати похорон по первому разряду. Эта точность потом долгие годы преследовала меня — Сантьяго Насар частенько говаривал, что запах цветов в закрытом помещении для него неотделим от смерти; в тот день, входя в церковь, он повторил мне: «Не хочу, чтобы на моих похоронах были цветы»,— и не предполагал он, что на следующее утро мне придется позаботиться, чтобы цветов у его гроба не было. Возвращаясь от церкви к дому Викарио, он подытожил стоимость разноцветных гирлянд, украшавших улицу, подсчитал, во сколько обойдутся музыка и петарды и даже во что обойдется рис, которым их встречали, осыпая пригоршнями, на празднике. В духоте полуденного зноя молодожены вышли во двор кое-что пригубить и перекусить. Байярдо Сан Роман уже стал нашим большим другом или, как тогда говорилось, собутыльником и, видимо, прекрасно себя чувствовал за нашим столом. Анхела Викарио, уже без фаты и веночка, в атласном, промокшем от пота платье вдруг обрела облик замужней женщины. Сантьяго Насар продолжал свои подсчеты и сообщил Байярдо Сан Роману, что на данный момент на свадьбу уже затрачено около девяти тысяч песо. Анхела Викарио — всем это было очевидно — восприняла его слова как бестактность. «Моя мать учила меня, что в присутствии посторонних не следует говорить о деньгах и расходах»,— сказала она мне. Однако Байярдо Сан Роман встретил замечание Сантьяго Насара одобрительно и даже с чувством определенной гордости.

— Почти девять,— сказал он.— Но мы ведь только начинаем. К концу свадьбы сумма увеличится, пожалуй, вдвое.

Сантьяго Насар предложил проверить будущий счет до последнего сентаво, и на это ему как раз хватило оставшейся жизни. Действительно, последние сведения, сообщенные ему Кристо Бедойей на следующий день в порту за 45 минут до его смерти, свидетельствовали, что прогнозы Байярдо Сан Романа были точны.

У меня сохранились довольно смутные воспоминания о свадьбе, пока я не решил восстановить ее по подробностям, осевшим в памяти других. Долгие годы в нашем доме вспоминали, как отец в честь новобрачных играл на скрипке — любимом инструменте далекой моло-

дости, как моя сестра-монахиня танцевала меренге в своем одеянии монастырской привратницы, как доктор Дионисио Игуаран — двоюродный брат матери — устроил себе поездку на служебном катере, чтобы не находиться в селении в день приезда епископа. В ходе расследований для данной хроники я собрал многочисленные свидетельства, выходящие за рамки официальных, в том числе и воспоминания сестер Байярдо Сан Романа: их бархатные платья, украшенные крыльями огромных бабочек — они крепились к спинке золотыми приколками,— привлекли на свадьбе большее внимание, чем плюмаж на шляпе их отца и кираса военных медалей на его груди. Многие не забыли, как в угарном веселье, не отдавая себе отчета, я предложил Мерседес Барча выйти за меня замуж, хотя тогда она только что закончила начальную школу; и сама она напомнила мне об этом, когда мы поженились четырнадцать лет спустя. Наиболее яркое впечатление, которое я сохранил навсегда о том злосчастном воскресенье, осталось от образа старого Понсио Викарио, сидевшего на табурете в середине патио. Видимо, его посадили здесь, полагая, что это почетное место, но гости то и дело натыкались на него, путали с кем-то, пересаживали, чтобы он никому не мешал, а старик крутил во все стороны снежно-белой головой, и на лице его застыло выражение растерянности недавно ослепшего человека; он отвечал на вопросы, обращенные к нему, и на приветствия, сказанные другим, и был счастлив на своем островке забвения — будто картонная, топорщилась на нем накрахмаленная рубаха, он сжимал в руке тяжелую гуайяканного дерева трость, купленную ему по случаю праздника.

Официальная часть торжества закончилась в шесть часов вечера, после того как отбыли почетные гости. Уплыл расцвеченный огнями катер, оставляя после себя музыкальный шлейф вальсов, исполненных на пианоле, и на какое-то мгновение мы замерли, словно в нерешительности повиснув над пропастью, и тут же вновь обрели себя, отдавшись вихрю кутежа. Вскоре в открытом автомобиле, с трудом прокладывая дорогу в толпе, появились новобрачные. Байярдо Сан Роман поджигал петарды, отпивал агуардьенте [1] из протянутых ему бутылок и вышел из машины вместе с Анхелой Викарио, чтобы вступить в круг пляшущих кумбию [2]. В конце концов он распорядился продолжать танцы за его счет, пока нам хватит сил, а подавленную от страха жену увел в дом своей мечты, где был так счастлив вдовец Ксиус.

К полуночи общее веселье стало распадаться, открытой на площади оставалась лишь молочная Клотильде Арменты. Сантьяго Насар, я, мой брат Луис Энрике и Кристо Бедойя отправились в дом милосерднейшей Марии Алехандрины Сервантес. Среди многих там побывали и братья Викарио, они пили вместе с нами и пели с Сантьяго Насаром за пять часов до того, как убили его. Кое-где еще оставались островки гулянья, со всех сторон до нас доносились обрывки музыки и каких-то далеких ссор, но звуки эти становились все печальнее, пока не умолкли совсем незадолго до того, как заревел гудок парохода епископа.

Пура Викарио рассказала моей матери, что легла она в одиннадцать часов вечера — старшие дочери сначала помогли ей навести более или менее порядок после свадебной кутерьмы. Около десяти часов, когда в патио еще сидели и пели несколько пьяных, Анхела Викарио прислала сюда кого-то с просьбой взять ее саквояж с личными вещами, оставшийся в шкафу спальни; мать хотела было отправить ей также чемодан с повседневной одеждой и бельем, но посланец торопился.

Пура Викарио уже глубоко спала, когда вдруг в дверь постучали. «Раздались три редких удара,— рассказывала она моей матери.—

[1] Спиртной напиток из сока сахарного тростника.

[2] Меренге и кумбия — народные колумбийские танцы.

Но в них чувствовалось нечто, предвещающее дурные вести». Не зажигая огня, продолжала Пура Викарио, и не разбудив никого, она открыла дверь и в свете уличного фонаря увидела Байярдо Сан Романа в расстегнутой шелковой рубашке и в тропической расцветки брюках на эластичных подтяжках. «Он был зеленого цвета, как бывает во сне»,— сказала Пура Викарио моей матери. Анхела Викарио стояла в тени, когда Байярдо Сан Роман взял ее за руку и вытащил на свет. На ней висели обрывки атласного платья, и до талии она была завернута в полотенце. Пуре Викарио представилось, что оба они свалились под откос вместе с автомобилем и лежали бездыханными на дне пропасти.

— Святая матерь божья! — воскликнула она в ужасе.— Скажите, вы на этом свете или на том?!

Байярдо Сан Роман не вошел, он лишь мягко подтолкнул жену к двери, не произнеся при этом ни слова. Потом он поцеловал в щеку Пуру Викарио и сказал ей с глубочайшей горечью и в то же время с великой нежностью:

— Спасибо за все, мать. Вы — святая.

Только Пура Викарио знала, что происходило в последующие два часа, и в могилу ушла с этой тайной. «Единственное, что я помню,— это как одной рукой мать держала меня за волосы, а другой хлестала так неистово — я даже думала, убьет она меня»,— рассказывала мне Анхела Викарио. Но побои мать наносила так тихо, что ни ее муж, ни старшие дочери, спавшие в соседних комнатах, ничего не слышали до самого рассвета, когда катастрофа уже свершилась.

Близнецы вернулись домой незадолго до трех — их срочно вызвала мать. Они увидели, что Анхела Викарио лежит на диване в столовой, распростертая ничком, лицо ее — в синяках и кровоподтеках, но плакать перестала. «Мне уже не было страшно,— сказала она мне. — Наоборот. Я чувствовала себя так, будто сбросила смертельный кошмар, мне одного лишь хотелось — поскорее бы все кончилось, и я смогла бы рухнуть в постель и уснуть». Педро Викарио, наиболее решительный из братьев, схватил ее за пояс, поднял в воздух и посадил на обеденный стол.

— Ну, давай, девочка,— произнес он, дрожа от ярости. — Скажи нам: кто он?

Она на мгновение запнулась, ровно на столько, сколько требуется, чтобы произнести имя. Будто во тьме искала это имя, тотчас же нашла его среди многих и многих на этом свете и на том и прибила его к стене точным ударом кинжала — как бы без всякого колебания наколола на булавку бабочку,— этим огласила приговор, вынесенный судьбой давно и навсегда.

— Сантьяго Насар,— сказала она.

Адвокат придерживался концепции убийства с целью защиты чести, что допускает суд совести; в конце судебного процесса близнецы заявили, что если бы вновь — хоть тысячу раз — возник такой же повод, они поступили бы так же. Им первым пришла в голову мысль выдвинуть этот мотив в свое оправдание, и пришла она в тот самый момент, когда несколько минут спустя после совершения преступления они отдали себя перед церковью в руки правосудия. Задыхаясь, братья ворвались в приходский дом, преследуемые толпой разъяренных арабов, и положили свои вытертые от крови ножи на стол падре Амадора. Оба были совершенно обессилены чудовищной работой — убийством, одежда их и руки были покрыты потом и пятнами еще не засохшей крови, но священник вспоминал их добровольную сдачу как акт большого достоинства.

— Мы убили его преднамеренно,— сказал Педро Викарио,— но мы невиновны.

— Перед богом, пожалуй,— ответил отец Амадор.

— И перед богом, и перед людьми,— возразил Пабло Викарио.— Это было дело чести.

Более того, восстанавливая обстоятельства преступления, братья изобразили еще большую жестокость, чем это было на самом деле, так что за казенный счет пришлось ремонтировать парадную дверь в доме Пласиды Линеро: при воспроизведении происшедшего на месте преступления дверь изрубили ножами в щепы. В тюрьме предварительного заключения — паноптикуме Риоачи, где близнецы провели три года в ожидании решения суда, у них не было денег, чтобы под залог оставаться на свободе,— находившиеся там арестанты отмечали добрый характер и общительность братьев, но никто не замечал в них и малейшего признака раскаяния. Действительные же факты свидетельствовали о том, что братья Викарио отнюдь не хотели убивать Сантьяго Насара немедля и без свидетелей,— наоборот, они сделали все возможное и невозможное, чтобы им помешали его прикончить, но этого им не удалось достичь.

Как мне рассказывали годы спустя, близнецы пошли вначале искать его у Марии Алехандрины Сервантес, в доме которой они пробыли с ним до двух часов ночи. Этот факт, как и многие другие, не был зафиксирован в протоколе следствия. Когда, по утверждению Викарио, они пришли за Сантьяго Насаром, его уже не было в этом доме, так как мы все вместе отправились петь серенады; не соответствует действительности и то, что братья вышли с нами. «Они не уходили от меня»,— сказала мне Мария Алехандрина Сервантес, и, зная ее прекрасно, я никогда не сомневался в правдивости этих слов. Странно, что Викарио появились в молочной лавке Клотильде Арменты, хотя знали, что здесь бывает кто угодно, но только не Сантьяго Насар. «Это была единственная открытая лавка»,— заявили они следователю. «Рано или поздно он все равно зашел бы сюда»,— сказали мне братья после выхода из тюрьмы. Каждому было известно, что парадный вход дома Пласиды Линеро оставался запертым изнутри даже днем и что Сантьяго Насар всегда носил с собой ключи от задней двери. Через нее он и вошел, когда вернулся, в то время как близнецы более часа поджидали его с другой стороны дома, а, направляясь встречать епископа, он вышел прямо на площадь, и по причине такой неожиданной, что даже следователь не мог понять ее.

Никто еще не знавал столь широко объявленной смерти. После того как сестра назвала имя, близнецы отправились в сарай с утварью для забоя свиней и выбрали два лучших ножа, один служил для разделки туш и был десяти пульгад [1] в длину и двух с половиной в ширину, второй — для зачистки — семи пульгад длиной и полторы шириной. Они завернули ножи в тряпье и отправились точить их на рынок, в мясные ряды, которые только начинали открывать. Первых клиентов было немного, но двадцать два человека заявили, что слышали, о чем переговаривались Викарио, и у двадцати двух сложилось впечатление, что близнецы говорили не таясь преднамеренно, чтобы их услышали. Мясник Фаустино Сантос, их приятель, видел их, когда они в 3.20 вошли к нему — как раз в это время он устанавливал лоток с потрохами,— и не понял, почему братья пришли в понедельник, да еще так рано, и к тому же в темных суконных костюмах, в которых были на свадьбе. Он привык встречать их по пятницам, чуть позднее и в кожаных фартуках, которые они надевали, когда кололи свиней. «Я подумал, настолько они пьяны,— сказал мне Фаустино Сантос,— что ошиблись не только часом, но и днем». Он напомнил им, что наступил понедельник.

— Кто же этого не знает, дурачина,— ответил вполне миролюбиво Пабло Викарио.— Мы хотим только наточить ножи.

[1] Пульгада — старинная испанская мера длины, соответствует 23 мм.

Они точили их на вращающемся диске ноздреватого камня и делали это как обычно: Педро держал и поочередно поворачивал лезвия ножей, а Пабло крутил ручку привода. Работая, они рассказывали мясникам о том, насколько пышна была свадьба. Некоторые из мясников пожаловались, что, будучи сотоварищами по профессии, они не получили свою долю свадебного торта, и братья пообещали позднее прислать им сладкое. Наконец, лезвия запели на камне, и Пабло поднес свой нож к лампе, чтобы засверкала сталь.

— Мы собираемся убить Сантьяго Насара,— сказал он.

Репутация порядочных людей у близнецов была настолько прочна, что никто не обратил на их слова внимания. «Все решили, что это пьяный бред»,— заявили некоторые мясники так же, как заявила и Виктория Гусман, и многие другие, кто братьев видел позже. Я как-то спрашивал у мясников, не говорит ли их ремесло о том, что в душе человек их профессии склонен к убийству. Они запротестовали: «Когда режешь скотину, не осмеливаешься ей глядеть в глаза». Один из них рассказывал мне, что не может есть мясо забитого им животного. Другой говорил, что не может зарезать корову, если видел ее до этого, тем более если пил от нее молоко. Я напомнил, что братья Викарио кололи ими же выращенных свиней, хотя очень привыкали к животным и даже давали им клички. «Это верно,— ответил мне один из мясников,— но вы не забывайте, что они давали свиньям не имена людей, а названия цветов». Фаустино Сантос был единственным, кто в угрозе Пабло Викарио заметил намек на правду и спросил последнего в шутку, почему же они решили убивать Сантьяго Насара, тогда как вокруг ходит столько богатых людей, заслуживающих смерти первыми.

— Сантьяго Насар знает почему,— ответил ему Педро Викарио.

Фаустино Сантос рассказывал мне потом, что он забеспокоился и поделился своими соображениями с полицейским, который вошел чуть позже купить фунт печенки на завтрак алькальду. Полицейского, как свидетельствовал протокол, звали Леандро Порной, и умер он на следующий после свадьбы год от раны в шею, нанесенной ему быком во время местных праздников. Так что с ним я никак не мог побеседовать, но Клотильде Армента подтвердила, что полицейский был первым, кто побывал в ее молочной, когда близнецы Викарио уже сидели здесь и поджидали Сантьяго Насара.

Клотильде Армента только что сменила за прилавком своего мужа. Таков был установленный порядок. На рассвете в лавке торговали молоком, в течение дня — разными продуктами, а после шести в помещении устраивали бар. Клотильде Армента открывала лавку в 3.30, на рассвете. Ее супруг, добрый дон Рохелио де ла Флор, отвечал за бар вплоть до часа закрытия. Но в ту ночь клиентов, которые разбрелись со свадьбы, было так много, что он отправился спать после трех утра, так и не закрыв заведения, а Клотильде Армента поднялась раньше обычного, потому что хотела распродать молоко еще до приезда епископа.

Братья Викарио вошли в бар в 4.10. В этот час здесь продавали только съестное, но Клотильде Армента поставила перед ними бутылку агуардьенте, и не только потому, что очень их уважала, но и потому, что была благодарна за объемистый кусок свадебного торта, который они ей прислали. В два затяжных глотка братья осушили бутылку, но оставались бесстрастными. «Они выглядели окоченевшими,— сказала мне Клотильде Армента,— и настроение их было невозможно подогреть даже горючим». Затем они сняли свои суконные пиджаки, с особой тщательностью повесили их на спинки стульев и попросили еще одну бутылку. На них были грязные от высохшего пота рубашки, а небритая щетина придавала им диковатый вид. Вторую бутылку они выпили уже сидя и медленнее, настойчиво поглядывая на дом Пласиды Линеро, стоявший напротив; окна в доме были еще темными. Самое большое окно, выходившее на балкон, было окном

спальни Сантьяго Насара. Педро Викарио спросил Клотильде Арменту, не видела ли она света именно в этом окне, и женщина ответила, что не видела, однако проявленный интерес показался ей странным.

— С ним что-нибудь произошло? — спросила она.

— Нет, ничего,— ответил ей Педро Викарио.— Просто мы ищем его, чтобы убить.

Ответ был столь неожиданным, что она не поверила в его искренность, но ее внимание привлекли два ножа-резака, завернутые в кухонные полотенца, которые держали близнецы.

— А можно ли узнать, почему вы решили убить его, да еще в такую рань? — спросила она.

— Он знает почему,— ответил Педро Викарио.

Клотильде Армента внимательно посмотрела на них. Она знала братьев настолько хорошо, что даже различала их между собой, и особенно после того, как Педро Викарио вернулся из казармы. «Они ведь были похожи на детей»,— сказала она мне. И эта мысль испугала ее — она всегда считала, что только дети способны совершить всякое. Женщина закончила возиться с молочными бутылками и пошла будить мужа, чтобы сообщить ему о том, что происходит в лавке. Дон Рохелио де ла Флор слушал ее в полудреме.

— Не будь дурой,— сказал он ей,— эти ребята никого не убьют, а уж богача тем более.

Когда Клотильде Армента вернулась, близнецы беседовали с полицейским, пришедшим в лавку за молоком для алькальда. Она не слышала, о чем был разговор, но по тому, как полицейский перед уходом посмотрел на ножи, предположила, что братья сообщили и ему о своих намерениях.

Полковник Ласаро Апонте встал чуть раньше четырех. Он заканчивал бриться, когда полицейский Леандро Порной сообщил ему о планах братьев Викарио. Прошедшей ночью полковник разрешил столько ссор между друзьями, что не стал торопиться разрешать еще одну. Он спокойно оделся, несколько раз — пока не достиг должного — перевязал галстук-бабочку, затем повесил на шею для встречи епископа ладанку конгрегации девы Марии. В то время как он завтракал тушеной печенкой, украшенной колечками лука, жена возбужденно передала ему, что Байярдо Сан Роман вернул Анхелу Викарио в отчий дом, но полковник не воспринял это сообщение с таким уж драматизмом.

— Бог мой! — посмеялся он.— Что подумает епископ?

Однако, еще не закончив завтрак, он вспомнил рассказанное ему полицейским, сопоставил обе информации и обнаружил, что они связаны между собой как частички головоломки. Он направился на площадь улицей, ведущей от нового порта, дома которой в ожидании прибытия епископа наполнялись жизнью. «Я точно помню, было около пяти часов утра, начинался дождь»,— сказал мне полковник Ласаро Апонте. На улице его остановили трое и по секрету донесли, что братья Викарио ждут Сантьяго Насара с намерением убить его, но лишь один человек из этих троих мог сказать, где они поджидают свою жертву.

Полковник нашел братьев в лавке Клотильде Арменты. «Увидев их, я подумал, что ребята просто хорохорятся,— сказал он мне, следуя собственной логике,— поскольку они не были так пьяны, как я полагал». Он даже не спросил близнецов об их намерениях, только отобрал у них ножи и отправил спать. Он отнесся к ним с тем же благодушием, с каким воспринял волнение собственной жены.

— Представьте себе,— сказал им полковник,— что подумает епископ, увидев вас в таком состоянии!

Братья ушли. Клотильде Армента испытала еще одно разочарование от легкомысленности алькальда: она считала, что он должен был

арестовать близнецов до выяснения истины. Полковник Апонте в виде последнего аргумента показал ей ножи.

— Им больше нечем убивать,— сказал он.

— Дело не в этом,— ответила Клотильде Армента.— Надо освободить бедных парней от ужасного обета, выпавшего на их долю.

Она кое о чем догадалась и уверилась в том, что братья Викарио не столько стремятся привести свой приговор в исполнение, сколько найти кого-либо, кто не позволит им этого сделать. Но полковник Апонте жил в ладу со своей душой.

— Нельзя задерживать лишь по подозрению,— сказал он.— Сейчас важнее всего предупредить Сантьяго Насара и — с Новым годом!

Клотильде Армента будет всегда вспоминать, что способности низенького и толстенького полковника причиняли ему массу неприятностей, однако я сам вспоминаю о нем как о человеке счастливом, хотя и несколько свихнувшемся на спиритизме, которому обучился он по почте и занимался в одиночку. Его поведение в тот понедельник было окончательным доказательством его легкомыслия. Дело в том, что полковник и не вспомнил о Сантьяго Насаре, пока не увидел его в порту, и поспешил поздравить самого себя с принятием правильного решения.

Братья Викарио сообщили о своем намерении более чем двенадцати лицам, которые пришли в лавку за молоком, и эти лица еще до шести утра разнесли эту весть. Клотильде Армента казалось невероятным, что в доме напротив ничего неизвестно. Она полагала, что Сантьяго Насара не было дома — она не видела, чтобы в его спальне зажигался свет; каждого, кого могла, она просила предупредить Сантьяго Насара при встрече. Она даже сообщила об этом отцу Амадору, передав новость с послушницей-служанкой, которая пришла за молоком для монахинь. После четырех утра она увидела свет в кухне дома Пласиды Линеро и отправила последнее и срочное сообщение Виктории Гусман с нищенкой, каждое утро приходившей в лавку поклянчить каплю молока. Почти все уже были на ногах, когда взревел гудок на пароходе епископа, все готовились к встрече с ним; нас было очень немного — тех, кто не знал, что братья Викарио ждут Сантьяго Насара, чтобы убить его, в то время как другим уже до последних подробностей были известны мотивы их действий.

Клотильде Армента еще не успела распродать молоко, когда братья Викарио вернулись, держа в руках ножи, завернутые в газеты. Один — двенадцати пульгад в длину и трех в ширину,— с твердым и уже заржавевшим лезвием, был изготовлен самим Педро Викарио из пилы-ножовки для металла еще в ту пору, когда после войны немецкие ножи в продажу не поступали. Второй нож был короче, но зато более широким и кривым. Следователь зарисовал его в протоколе, видимо не сумел описать его словами, и только рискнул отметить, что нож был похож на миниатюрный ятаган. Именно этими, столь примитивными и изрядно стертыми ножами было совершено преступление.

Фаустино Сантос не мог понять, что происходит. «Они опять пришли точить ножи,— рассказал он мне,— и тут стали орать, да так, чтобы все их слышали, что выпустят кишки Сантьяго Насару. Я даже подумал, что они просто бахвалятся, к тому же я не пригляделся к ножам, посчитав, что это все те же». Но Клотильде Армента, как только братья опять вошли к ней, отметила, что решимость в них была уже не та, что прежде.

И в самом деле, между братьями впервые возникли разногласия. Дело в том, что по духу они были столь же разными между собой, сколь похожи внешне, и в момент неожиданных трудностей проявлялись их противоположные характеры. Пабло Викарио на шесть минут был старше брата, в годы отрочества отличался большим воображе-

нием и решимостью. Педро Викарио всегда казался мне более сентиментальным и потому более властным. В 20 лет оба ушли на военную службу, но Пабло Викарио был освобожден, оставлен главой семьи. Педро Викарио отслужил одиннадцать месяцев в патрулях по охране общественного порядка. Воинский режим, отягощенный постоянным страхом смерти, укрепил в нем склонность к командованию и привычку решать за брата. Он вернулся домой с «сержантской бленнореей», оказавшей сопротивление самым жестоким методам лечения армейской медицины, а также уколам мышьяка и клизмам из английской соли доктора Дионисио Игуарана. Только в тюрьме его вылечили. Мы, друзья братьев, сходились во мнении, что в Пабло Викарио неожиданно развился странный комплекс зависимости от младшего близнеца, после того как Педро Викарио вернулся домой с душой казарменного служаки, к тому же у него появилось нечто новое: Педро Викарио задирал рубашку и показывал любому желающему шрам от зашитого пулевого ранения на боку. Пабло Викарио даже испытывал некий трепет перед «бленнореей» великого человека, которую брат демонстрировал как военную награду.

Как заявил сам Педро Викарио, именно он принял решение убить Сантьяго Насара, а брат вначале лишь последовал за ним. Он же, после того как их разоружил алькальд, решил, что долг их выполнен, и тогда командование взял на себя Пабло Викарио. В своих заявлениях, данных следователю по отдельности, ни один из братьев не упомянул об этой размолвке. Однако Пабло Викарио не раз говорил мне, что ему было нелегко убедить брата принять окончательное решение. Возможно, то была минутная слабость, но Пабло Викарио пошел один в сарай за другими ножами, тогда как его брат корчился под тамариндом, пытаясь помочиться. «Мой брат никогда не знал, что это такое,— сказал мне Педро Викарио в наше единственное свидание.— Это все равно как мочиться битым стеклом». Вернувшись с ножами, Пабло Викарио нашел своего брата все еще в обнимку с деревом. «Он исходил холодным потом от боли,— сказал он мне,— и пытался убедить меня, чтобы я шел один, потому что он не в состоянии убивать кого бы то ни было». Педро Викарио сел на один из наспех сколоченных для свадебного обеда столов и спустил до колен брюки. «Почти полчаса он менял свои бинты»,— сказал мне Пабло Викарио. На самом же деле его брат задержался не более чем на десять минут, но для Педро Викарио все это было так трудно, а для Пабло Викарио так непонятно, что последний увидел в его действиях уловку, чтобы протянуть время до рассвета. Он сунул брату в руки нож и почти силой повлек его на поиски утерянной чести сестры.

— Выхода нет,— сказал он,— считай, что все это уже произошло с нами.

Они вышли из свинарника, еще не завернув ножи, преследуемые собачьим лаем из дворов. Начинало светать. «Дождя не было»,— вспоминал Пабло Викарио. «Напротив,— утверждал Педро,— с моря дул ветер, и звезды можно было пересчитать по пальцам». Новость к тому времени уже так широко разнеслась, что Ортенсиа Бауте открыла дверь своего дома как раз в ту минуту, когда братья проходили мимо, и первой оплакала Сантьяго Насара. «Я вообразила, что они уже убили его,— сказала она мне,— потому как в свете уличного фонаря увидела ножи, и мне показалось, что с них капала кровь». Один из немногих домов на этой заброшенной улице был дом Пруденсии Котес, невесты Пабло Викарио. Каждый раз, когда близнецы проходили здесь в этот час — особенно в пятницу, направляясь на рынок,— они заходили к ней выпить первую чашечку кофе. Братья толкнули дверь в патио, на них бросились собаки, но тут же успокоились, признав их в предрассветном сумраке; в кухне близнецы поздоровались с матерью Пруденсии Котес. Кофе еще не был готов.

— Оставим кофе на потом,— сказал Пабло Викарио,— мы очень торопимся.

— Понимаю вас, сыночки,— ответила она.— Дело чести не ждет.

Но они все-таки задержались, и на этот раз Педро Викарио подумал, что его брат намеренно тянет время. Пока они пили кофе, в кухню вошла Пруденсия Котес — девица в расцвете юности; в руках она несла кипу старых газет, чтобы развести огонь в очаге. «Я знала, что они задумали,— сказала она мне,— и не только была с ними согласна, но никогда не вышла бы за Пабло замуж, если бы он не выполнил свой долг мужчины». Прежде чем покинуть кухню, Пабло Викарио взял у нее два газетных листа и один отдал брату — завернуть ножи. Пруденсия Котес осталась ждать в кухне, пока не увидела, как близнецы прошли через двор; она продолжала ждать еще три года, не поддаваясь ни на минуту отчаянию, пока Пабло Викарио не вышел из тюрьмы и не стал ее мужем на всю жизнь.

— Будьте очень осторожны,— сказала она им.

Так что Клотильде Армента частично была права, когда ей показалось, что братья уже не отличаются прежней решимостью; она подала им бутылку отвара медвежьего ушка в надежде взбодрить их. «В тот день я поняла,— сказала она мне,— как мы, женщины, одиноки в этом мире!» Педро Викарио попросил у нее бритвенные принадлежности ее супруга, и Клотильде Армента принесла ему помазок, мыло, висячее зеркальце и бритву с новым лезвием, но он побрился своим ножом-тесаком. Она сочла это высшей степенью проявления мужского превосходства. «Он был похож на убийцу из кинофильма»,— сказала она мне. Однако Педро Викарио объяснил мне позднее, что в казарме научился бриться навахой и в дальнейшем не мог это делать иначе. Его брат побрился более скромным образом — безопасной бритвой, одолженной у дона Рохелио де ла Флор. Наконец в полном молчании и неторопливо они распили бутылку, наблюдая с отрешенным видом полуночников за темным окном в доме напротив, а в это время мимо с притворным равнодушием сновали клиенты, покупая без всякой надобности молоко, спрашивая о несуществующих продуктах с единственной целью — убедиться, верно ли, что близнецы ждали Сантьяго Насара, чтобы убить его.

Братья Викарио так и не увидели света в окне. Сантьяго Насар вошел в свой дом в 4.20 утра, но ему не пришлось зажигать огонь, чтобы добраться до спальни — фонарь на лестнице горел всю ночь. Как был — в одежде — он бросился в темноте на кровать, для сна у него оставался только час; таким его и нашла Виктория Гусман, когда поднялась будить — пора идти встречать епископа. Вместе с ним мы были у Марии Алехандрины Сервантес до трех утра и даже чуть позже: тогда она сама отпустила музыкантов и погасила огни на танцевальной площадке, с тем чтобы мулатки ее заведения наслаждений улеглись отдыхать в одиночку — без клиентов. Вот уже три дня и три ночи девицы трудились без отдыха, вначале тайно обслуживая почетных гостей, а затем — распахнув настежь двери для тех, кто, как мы, остались без пары на свадебной гулянке. Мария Алехандрина Сервантес, о которой мы говорили, что заснет она только тогда, когда умрет, была самой элегантной и самой нежной женщиной из всех, кого я знал когда-либо, самой услужливой в постели, но и самой строгой. Она здесь родилась и выросла, здесь и жила — в доме с широко открытыми для всех дверьми, сдавая внаем несколько комнат, с огромным патио — площадкой для танцев, где вместо фонарей висели сухие тыквы, купленные на китайских базарах в Парамарибо[1]. Именно она покончила с целомудрием юношей моего поколения. Она обучила нас намного большему, чем нам следовало бы знать, но главное — она втолковала нам, что нет более печального зрелища на свете, чем пустая кровать. Сантьяго Насар потерял разум, едва увидев ее. Я преду-

[1] Столица и крупнейший порт республики Суринам.

предил его: «Бойся, сокол, нежной цапли!» Но он не слушал меня, сбитый с толку волшебным воркованием Марии Алехандрины Сервантес. Она была его безумной страстью и поводом для рыданий в его 15 лет, пока Ибрагим Насар не выгнал сына ремнем из ее постели и не запер его более чем на год в асьенде «Божественный лик». С той поры их связывало глубокое уважение, однако без особых излишеств в любви, и она относилась к Сантьяго Насару с таким почтением, что не ложилась в постель к другому, если Сантьяго Насар был неподалеку. В мои последние каникулы она рано выпроваживала нас под смехотворным предлогом, будто устала, однако дверь при этом оставляла незапертой и забывала гасить фонарь в коридоре, чтоб я тайком мог к ней возвращаться.

У Сантьяго Насара был почти фантастический талант к переодеванию, и его любимым занятием было менять одежды на мулатках так, что они сами себя не узнавали. Он вытряхивал гардероб одних, чтобы нарядить других, так что девицы в конце концов ощущали себя непохожими на самих себя и точь-в-точь такими, какими не были. Как-то одна из мулаток увидела себя в другой настолько четко, что разразилась рыданиями. «Мне показалось, что я вылезла из зеркала»,— сказала она. Но в ту ночь Мария Алехандрина Сервантес не позволила Сантьяго Насару в последний раз насладиться своим искусством иллюзиониста и сделала это под таким легкомысленным предлогом, что мерзкий привкус одного лишь воспоминания об этом изменил ее жизнь. Поэтому мы ушли, потащив за собой музыкантов распевать серенады, и продолжали развлекаться сами, в то время как близнецы Викарио ждали Сантьяго Насара, чтобы убить его. Именно ему пришла мысль подняться в четыре утра на холм, где стоял дом вдовца Ксиуса, и пропеть серенаду молодоженам.

Мы не только спели под окнами, но и запустили в саду петарды, но из дома не доносилось никаких признаков жизни. Нам не пришло в голову, что в доме никого нет, тем более что у ворот стоял новый автомобиль еще с открытым верхом и украшенный по случаю праздника атласными лентами и парафиновым флердоранжем. Мой брат Луис Энрике — он уже тогда играл на гитаре как профессионал — импровизировал в честь молодых супругов песню о брачных кознях. До этого момента дождя не было. Наоборот, в небе висела луна, воздух был прозрачен, а в глубине оврага виднелись переливы светящихся гнилушек на кладбище. С другой стороны можно было различить банановые рощи, синие в лунном свете, печальные болота, а на горизонте фосфоресцирующую линию Карибского моря. Сантьяго Насар указал на мерцающий огонек в море и сказал, что то была бесприютная душа утопленника с рабовладельческого судна, шедшего с живым грузом из Сенегала и затонувшего у входа в порт Картахены де лас Индиас. Нельзя было и подумать, что совесть его неспокойна, хотя тогда он еще не знал, что эфемерная супружеская жизнь Анхелы Викарио закончилась два часа назад. Байярдо Сан Роман отвел ее в дом родителей пешком, чтобы шум мотора преждевременно не разгласил его несчастья; и при потушенных огнях он сидел один в огромном и счастливом доме вдовца Ксиуса.

Когда мы спустились с холма, мой брат пригласил нас позавтракать жареной рыбой в лавке на рынке, но Сантьяго Насар возразил: ему хотелось часок поспать до приезда епископа. Он ушел с Кристо Бедойей по берегу реки, обходя в старом порту хижины бедняков, где уже зажигались огни; перед тем как завернуть за угол, он взмахнул рукой в знак прощания. Мы видели его в последний раз.

Кристо Бедойя, с которым он договорился встретиться позднее в порту, попрощался с ним у задней двери его дома. Как обычно, учуяв его приход, залаяли собаки, но Сантьяго Насар успокоил их в темноте звяканьем ключей. Виктория Гусман следила за кофейником на плите, когда он прошел через кухню внутрь дома.

— Эй, хозяин,— позвала она его,— скоро закипит кофе.

Сантьяго Насар ответил, что выпьет кофе позднее, и попросил передать Дивине Флор, чтобы та его разбудила в половине шестого и принесла ему чистую одежду, такую же, какая была на нем. Минуту спустя после того, как он поднялся в спальню, Виктория Гусман получила послание Клотильде Арменты, отправленное с нищенкой. В 5.30 утра она исполнила приказ — разбудила, но отправила не Дивину Флор, а поднялась сама в его спальню с полотняным костюмом в руках: Виктория Гусман всякий раз охраняла дочь от когтей хозяина.

Мария Алехандрина Сервантес оставила засов на двери открытым. Я простился с братом, пересек коридор, где среди вазонов с тюльпанами спали, сгрудившись, коты, принадлежащие мулаткам, и без стука вошел в спальню. Лампы были погашены, но сразу же, переступив порог, я ощутил теплый запах женщины и в темноте разглядел глаза бодрствующей пумы, а потом я уже ничего не помнил, пока не зазвонили колокола.

Направляясь домой, мой брат зашел в лавку Клотильде Арменты купить сигареты. Он столько уже выпил, что его воспоминания о той встрече были очень смутными, но никогда он не мог забыть убийственного глотка, предложенного ему Педро Викарио. «То была чистейшая взрывчатка»,— сказал мне он. Пабло Викарио, начинавший дремать, услышав, что вошел мой брат, вскочил и показал ему нож.

— Сейчас пойдем убивать Сантьяго Насара,— сказал он ему.

Мой брат этого не помнил. «Но если бы я и помнил, то не поверил бы этому,— повторял он мне зачастую.— Какому дьяволу могло прийти в голову, что близнецы собираются кого-то убивать, да еще резаками для свиней!» Викарио спросил брата, где находился Сантьяго Насар, поскольку их видели вместе, и он опять-таки не запомнил, что им ответил. Но Клотильде Армента и близнецы Викарио так удивились, услышав его ответ, что каждый в отдельности заявили об этом — и ответ был внесен в протокол следствия. Согласно их показаниям, мой брат сказал: «Сантьяго Насар мертв». Затем он всех осенил епископским благословением, споткнулся о приступок у двери и, качаясь, вышел. На середине площади брат встретился с падре Амадором. Последний в полном облачении направлялся в порт, за ним следовали служка, звонивший в колокольчик, и несколько помощников, которые несли походный алтарь для отправления мессы епископом. Увидев их, братья Викарио перекрестились.

Клотильде Армента рассказывала мне потом, что после того, как священник прошел мимо ее дома, у братьев исчезли последние надежды. «Я решил, что святой отец не получил моей записки»,— сказала она. Однако много лет спустя падре Амадор, удалившийся от мирской суеты в мрачном «Доме здоровья» Калафелля, признался мне, что он все-таки получил записку Клотильде Арменты, получил и другие, более тревожные послания, когда собирался отправиться в порт. «По правде говоря, я не знал, что делать,— сказал он мне.— Первое, о чем я подумал, что все это — дело не мое, а гражданских властей, но потом решил, проходя мимо, сказать кое-что Пласиде Линеро». Однако, пересекая площадь, он начисто забыл обо всем. «Вы должны понять меня,— сказал он мне,— ведь в тот несчастный день прибывал епископ». Когда совершалось преступление, он испытал такое отчаяние и ощутил себя таким недостойным, что ему не пришло в голову ничего иного, как бить в набат будто при пожаре.

Мой брат Луис Энрике вошел в дом через кухонную дверь, которую мать оставляла незапертой, чтобы отец не слышал, когда мы приходили. Перед тем как лечь спать, брат зашел в туалет, где и заснул, сидя на унитазе; позже мой другой брат, Хайме, собираясь идти в школу, обнаружил Луиса Энрике лежащим ничком на каменном полу и распевающим во сне песни. Моя сестра-монахиня, которая не пошла встречать епископа, поскольку была с похмелья, не смогла разбудить

брата. «Пробило пять часов, когда я пошла в туалет»,— сказала она мне. Позднее в ванную комнату, прежде чем отправиться в порт, вошла, чтобы принять душ, моя другая сестра, Маргот, и ей удалось с большим трудом перетащить Луиса Энрике в спальню. В глубоком сне он услышал, так и не проснувшись окончательно, первые гудки парохода епископа. Потом он опять уснул, сломленный выпивкой, и спал до тех пор, пока сестра-монахиня не вбежала в спальню, пытаясь на ходу натянуть одеяние, и не разбудила его безумным криком:

— Убили Сантьяго Насара!

Увечья, нанесенные ножами, были как бы началом безжалостного вскрытия, которое вынужден был произвести падре Кармен Амадор ввиду отсутствия доктора Дионисио Игуарана. «Казалось, будто мы его опять убиваем после того, как он уже скончался,— сказал мне бывший священник в своем уединении в Калафелле.— Но таков был приказ алькальда, а приказы этого варвара, какими бы глупыми они ни были, приходилось выполнять». Это было не совсем справедливо. В суматохе того нелепого понедельника полковник Апонте успел связаться по телефону с губернатором провинции, и последний уполномочил его произвести предварительное расследование до того, как будет направлен следователь. В прошлом алькальд был армейским офицером, опыта в вопросах юриспруденции у него не имелось, и он был слишком самонадеян, чтобы обращаться с вопросами к кому-либо, кто мог знать, с чего надо начинать. Первое, что беспокоило алькальда,— это вскрытие тела. Кристо Бедойя, в то время студент медицины, добился отвода, ссылаясь на то, что Сантьяго Насар был его ближайшим другом. Алькальд считал, что труп может находиться в замороженном состоянии до возвращения доктора Дионисио Игуарана, однако ему не удалось найти морозильник размером в человеческий рост, а единственный подходящий — на рынке — вышел из строя. Тело было выставлено для прощания посередине зала; оно лежало на узкой железной кровати, пока изготовляли богатый гроб. Из спален и даже из соседних домов сюда были перенесены вентиляторы, но желающих взглянуть на покойника было так много, что пришлось сдвинуть мебель, снять клетки с птицами, унести вазоны с папоротниками, и даже после этого духота стояла невыносимая. Собаки, взбудораженные запахом смерти, увеличивали смятение. Они выли не переставая с той минуты, когда я вошел в дом, а как раз в этот момент Сантьяго Насар еще агонизировал на кухне, здесь же в крик рыдала Дивина Флор, которая отгоняла собак дверным засовом.

— Помоги мне! — крикнула она.— Они хотят выжрать у него кишки!

Мы заперли собак на замок в стойле. Позднее Пласида Линеро приказала отвести собак подальше, пока не закончатся похороны. Однако в полдень — никто не знает, как это произошло,— они сбежали и словно обезумевшие ворвались в дом. Пласида Линеро в единственный раз потеряла самообладание.

— Проклятые псы! — закричала она.— Прикончите их!

Приказание было исполнено немедленно, и дом вновь погрузился в тишину. До того не было опасений за состояние тела. Лицо осталось нетронутым, и на нем сохранилось то же выражение, которое было, когда Сантьяго Насар пел; Кристо Бедойя втиснул внутренности на положенные им места и перевязал тело полотняной лентой. Однако к вечеру из ран начала течь жидкость янтарного цвета, привлекавшая мух, вокруг рта появилось лиловое пятно, медленно, словно тень от облака на воде, расползавшееся до корней волос. Всегда доброжелательное выражение вдруг изменилось на враждебное, и мать прикрыла лицо платком. Тогда полковник Апонте понял, что ждать более невозможно, и приказал падре Амадору произвести вскрытие. «Хуже

будет, если через неделю его придется выкапывать»,— сказал он. В свое время священник изучал медицину, и в частности хирургию, в Саламанке, однако, не защитив диплом, перешел в духовную семинарию, так что даже алькальд понимал, что производимое падре Амадором вскрытие юридической силы не имеет. Тем не менее он потребовал выполнить свое приказание.

То была бойня, и происходила она в помещении местной школы; на вскрытии помогал аптекарь, который вел записи, и студент медицины — первокурсник, находившийся здесь на каникулах. В их распоряжении имелось всего несколько инструментов, применяемых при малой хирургии, кроме того, были использованы орудия для различных ремесел. Но если не обращать внимания на увечья, вновь нанесенные телу, то отчет падре Амадора о вскрытии выглядел нормальным, и следователь присовокупил его к протоколу как полезный документ.

Семь из многочисленных ран оказались смертельными. Печень была практически разрублена двумя глубокими ударами в ее переднюю часть. В области желудка имелось четыре ранения, одно из которых было настолько глубоким, что разрушило поджелудочную железу. В области толстых кишок были нанесены шесть менее тяжелых ранений, множественные удары проникли в тонкие кишки. Единственный удар в спину на уровне третьего позвонка снизу перфорировал правую почку. Брюшная полость была заполнена большим количеством сгустков крови, а в жиже, состоящей из остатков пищи и фекалий, был обнаружен золотой медальон, проглоченный Сантьяго Насаром в четырехлетнем возрасте. В грудной клетке имелось два проникающих ранения: одно — в правом боку, под вторым ребром — задело легкое; второе прошло очень близко к левой подмышке. На кистях рук и на предплечьях имелись шесть неглубоких ран; два глубоких горизонтальных ранения имелись: одно — на правом бедре, второе — в тканях живота. Ладонь правой руки была сильно рассечена. В отчете говорилось: «Как стигма у распятого Христа». Серое вещество его мозга весило на шестьдесят граммов больше, чем у рядового англичанина, и падре Амадор отметил в отчете, что Сантьяго Насар отличался особыми интеллектуальными способностями, его ожидало блестящее будущее. В последнем же абзаце падре указал на имевшуюся гипертрофию печени, что было им отнесено за счет плохо залеченного гепатита. «В любом случае,— сказал он мне,— ему оставалось совсем немного лет жизни». Доктор Дионисио Игуаран, который действительно в свое время лечил Сантьяго Насара от гепатита, с возмущением вспоминал это вскрытие. «Ему и положено быть священником, настолько он туп,— сказал он мне.— Невозможно ему втолковать, что у нас, жителей тропиков, печень намного больше, чем у галисийцев». Отчет о вскрытии констатировал, что причиной смерти явилась большая потеря крови, каждая из семи ран была роковой.

Нам вернули совершенно другое тело. Половина черепа была снесена во время трепанации, и лицо красавца, пощаженное смертью, исказилось до неузнаваемости. Кроме того, священник одним махом вырвал изрубленные внутренности, и, не зная, что с ними делать, под конец в гневе, благословив их, выбросил в помойное ведро. У последних зрителей, прилипших к окнам школы, истощилось любопытство, помощник испарился, а полковник Лисаро Апонте, повидавший на своем веку многое и сам проведший множество кровавых расправ, после этого вскрытия стал вегетарианцем, а кроме того, уже был спиритом. Пустая телесная скорлупа, нафаршированная тряпками и негашеной известью, наспех зашитая шпагатом огромной — для мешковины — иглой, почти разваливалась, когда мы уложили ее в новый, обитый стеганым шелком гроб. «Я думал, что в таком виде он дольше сохранится»,— сказал мне падре Амадор. Произошло же обратное:

мы вынуждены были похоронить покойника как можно быстрее, на заре, поскольку тело находилось в таком плохом состоянии, что держать его в доме было невыносимо.

Наступал мрачный вторник. После столь угнетающего дня я не мог уснуть в одиночестве и толкнул дверь дома Марии Алехандрины Сервантес — а вдруг засов не закрыт? В светильниках из сухих тыкв, висевших на деревьях, горел свет, на площадке для танцев пылали костры, а над ними дымились огромные кастрюли, в которых мулатки перекрашивали в черный траурный цвет свои праздничные платья. Как уже бывало на рассвете, я нашел Марию Алехандрину Сервантес бодрствующей и совершенно нагой, она всегда так поступала, когда в доме не было чужих. Сложив ноги по-турецки, она восседала на своей королевской кровати, а перед ней стоял поднос с вавилонской башней из еды: телячьи котлеты, отварная курица, свиная вырезка и гора бананов и овощей, которых могло бы хватить на пять человек. Безграничное обжорство всегда для нее было единственным видом оплакивания, и никогда я не видел, чтобы она совершала его с большей тоской. Я лег рядом с ней, не снимая одежды, почти не разговаривая и также по-своему рыдая. Я думал о жестокости судьбы Сантьяго Насара, заплатившего за 20 лет счастливой жизни не только смертью, но еще и четвертованием, разрушением, изничтожением своего тела. Мне приснилось, что в комнату вошла женщина с девочкой на руках, которая, не переставая, чавкала, и полуизжеванные зерна кукурузы падали ей на платье. Женщина сказала мне: «Она все грызет, как глупый крот, то неряшливо, то нахально». Неожиданно я почувствовал, как нетерпеливые пальцы расстегивают пуговицы моей рубашки, ощутил опасный запах зверя любви, притаившегося за моей спиной, и понял, что я начинаю тонуть в дарящих наслаждение зыбучих песках ее нежности. Но она резко остановилась, где-то очень далеко откашлялась и исчезла из моей жизни.

— Не могу,— сказала она,— от тебя пахнет им.

И не только от меня. В тот день все вокруг пахло Сантьяго Насаром. Братья Викарио ощутили этот запах в тюремной камере, куда их запер алькальд, пока размышлял, что же с ними делать дальше. «Сколько ни оттирался мочалкой с мылом, я не мог избавиться от этого запаха»,— сказал мне Педро Викарио. Близнецы не спали уже три ночи, но отдохнуть им не удавалось, потому что, как только они начинали дремать, им чудилось, что они опять совершают преступление. Уже совсем стариком, пытаясь объяснить мне свое состояние в тот нескончаемый день, Педро Викарио сказал мне просто: «Все равно что бодрствовать вдвойне». Эта фраза заставила меня подумать, что самой невыносимой для них в камере была бессонница.

Камера была длиной в три метра, высоко зарешеченное оконце, переносная параша, рукомойник — тазик и кувшин, две каменные лежанки с соломенными циновками. Полковник Апонте, под руководством которого была сооружена эта камера, утверждал, что никогда не существовало более гуманного приюта, чем этот. Мой брат Луис Энрике был с этим согласен, потому что однажды ночью за драку с музыкантами его заперли сюда, и алькальд великодушно разрешил ему пребывать здесь с одной из мулаток. Возможно, братья Викарио думали так же, когда в восемь утра до их сознания дошло, что опасность со стороны арабов им не угрожает. Близнецы были удовлетворены мыслью о выполненном долге, и беспокоил их единственно навязчивый запах. Они попросили побольше воды, хвойного мыла, мочалки, смыли кровь с рук и лица, а потом выстирали рубашки, но заснуть никак не могли. Педро Викарио еще попросил принести ему слабительное и другие желудочные лекарства, стерильный бинт, чтобы сменить повязку, утром он даже смог помочиться дважды. Однако по мере наступления дня жизнь для него становилась столь тяжкой, что мысль о запахе отступила на второй план. В два часа дня, когда

можно было расплавиться от жары, Педро Викарио чувствовал себя таким усталым, что не мог более лежать на своей циновке, но та же усталость не позволяла ему оставаться на ногах. Боль в паху пронизывала до шеи, моча перестала отходить, и он в ужасе подумал: а не случится ли так, что он не сможет уснуть до конца своей жизни? «Я не спал одиннадцать месяцев»,— сказал он мне, а я знал его достаточно хорошо, чтобы поверить. Он не мог есть. Пабло Викарио все же проглотил понемногу от всего, что принесли, а через четверть часа у него началась ужасающая рвота, прохватил понос. В шесть часов вечера, когда происходило вскрытие трупа Сантьяго Насара, срочно вызвали алькальда: Педро Викарио был уверен, что его брат отравлен. «Я исходил жидкостью,— сказал мне Пабло Викарио,— и мы не могли отделаться от мысли, что все это — происки турков» [1]. Дважды опорожнялась за это время параша, шесть раз водил часовой Пабло Викарио в уборную алькальдии. Там и нашел его полковник Апонте, сидящим на стульчаке в будке без дверей под прицелом ружья; из Пабло Викарио понос извергался таким потоком, что думать о преднамеренном отравлении не было нелепостью. Однако мысль эту немедля отбросили, как только установили, что пил он только воду и съел обед, присланный ему Пурой Викарио. Тем не менее алькальда все это так потрясло, что он приказал отвести арестантов под усиленным конвоем к себе домой в ожидании прибытия следователя, который и перевел их в паноптикум Риоачи.

Страхи близнецов были вызваны накалом страстей на улицах. Возможность мщения со стороны местных арабов не исключалась, но никто, кроме братьев Викарио, не подумал о яде. В народе предполагали, что арабы скорее дождутся ночи, чтобы бросить в окно банку с керосином и сжечь арестантов в тюремной камере. Но и это предположение было бредовым. Арабы представляли собой общину мирных переселенцев, осевших в начале этого века в селениях Карибского побережья — в самых отдаленных и бедных — и занимавшихся торговлей цветастым тряпьем и ярмарочными безделушками. Они были дружны, трудолюбивы, исповедовали католическую религию. Они заключали браки только между собой, привозили свои злаки, выращивали в своих дворах овец, разводили майоран и баклажаны, и единственной, но болезненной их страстью были карты. Старшие продолжали говорить на простонародном диалекте арабского языка, вывезенном с родины, сохранив его нетронутым до второго поколения, однако третье поколение, за исключением Сантьяго Насара, выслушивало обращение родителей на арабском, но отвечало на испанском языке. Таким образом, немыслимо было представить себе, что внезапно изменится мирный сельский дух арабов и они будут мстить за смерть, в которой всех нас можно было признать виновными. И, кстати, никто не подумал о возможности мщения со стороны семьи Пласиды Линеро — людей влиятельных и воинственных, пока судьба им улыбалась, подаривших свету не одну пару убийц, безнаказанно, пользуясь своей громкой славой, расправлявшихся в барах и тавернах с противниками.

Обеспокоенный слухами, полковник Апонте посетил каждую арабскую семью и — по крайней мере хоть на этот раз — пришел к правильному заключению. Он обнаружил арабскую часть населения в печальном и смятенном состоянии духа, в алтарях виднелись знаки траура, многие люди, сидя на полу, плакали навзрыд, но ни в ком полковник не обнаружил жажды мщения. Утренние волнения вспыхнули под горячую руку сразу же после убийства, и сами преступники полагали, что дальше тумаков дело бы не пошло. Более того, именно Сусеме Абдала, столетняя старейшина, порекомендовала целебный отвар из горькой полыни и лепестков страстоцвета, который успокоил

[1] В Колумбии всех лиц арабского происхождения в народе называют «турками».

холерину у Пабло Викарио и, наоборот, развязал у его брата цветной от болезни ручеек. После этого Педро Викарио впал в дрему, а его излеченный брат видел первый сон без угрызений совести. Так и застала их Пурисима Викарио, когда на заре в три часа алькальд привел ее попрощаться с сыновьями.

По предложению полковника Апонте вся семья Викарио — даже старшие дочери с мужьями — уехала. Они отбыли так, что никто этого не заметил; мы же — не спавшие из тех, кто пережил тот невыносимый день,— хоронили Сантьяго Насара. Семья Викарио, покинувшая городок до той поры, пока не остынут страсти, как говорил алькальд, сюда уже не вернулась. Пура Викарио прикрыла платком лицо возвращенной ей дочери, чтобы не видны были синяки, и одела ее во все ярко-красное, чтобы никто не думал, что она хранит траур по своему тайному возлюбленному. Прежде чем уехать, Пура Викарио просила падре Амадора исповедать в тюрьме сыновей, но Педро Викарио отказался и убедил брата, что им раскаиваться не в чем. Они остались одни; в день их перевода в Риоачу оба настолько пришли в себя и настолько уверовали в свою правоту, что отказались, чтобы их вывозили ночью, как поступили с их семейством, напротив, они пожелали покинуть городок в разгаре дня и с открытым лицом. Отец, Понсио Викарио, вскоре умер. «Его унесло душевное горе»,— сказала мне Анхела Викарио. Близнецы, после того как были освобождены, остались в Риоаче, в одном дне пути от Манауре, где проживала семья. Туда и отправилась Пруденсия Котес, чтобы сочетаться браком с Пабло Викарио, который обучился ювелирному ремеслу в мастерской отца и стал отличным мастером. Педро Викарио — без любви и без работы — три года спустя вернулся в армию и дослужился до звания старшего сержанта; одним прекрасным утром его патруль, распевая песни о шлюхах, углубился на территорию, захваченную партизанами, и больше об этой группе ничего не было известно.

Для подавляющего большинства существовала только одна жертва — Байярдо Сан Роман. Предполагалось, что другие участники этой трагедии достойно и даже с определенным величием выполнили долг, предопределенный им самой жизнью. Сантьяго Насар поплатился за нанесенный позор, братья Викарио доказали, что они — истинные мужчины, а сестра, над которой насмеялись, вновь обрела честь. Единственный, кто потерял все, был Байярдо Сан Роман. «Бедняга Байярдо»,— так вспоминали его долгие годы. Правда, о нем все забыли вплоть до лунного затмения, случившегося в следующую после трагедии субботу, когда вдовец Ксиус рассказал алькальду, что он видел, как светящаяся птица летает над его прежним домом; вдовец полагал, что то была душа его супруги, требовавшей вернуть ей имущество. Алькальд хлопнул себя по лбу, но жест этот не имел ничего общего с видением Ксиуса.

— Черт побери! — воскликнул он.— Я совсем забыл об этом бедняге!

Он поднялся на холм в сопровождении полицейского патруля и обнаружил перед домом автомобиль с открытым верхом, заметил и одинокий свет в спальне, но на призывы его никто не отозвался. Тогда взломали боковую дверь и обошли комнаты, освещенные ущербным из-за затмения лунным светом. «Казалось, все, все в доме находилось под водой»,— рассказывал мне алькальд. Байярдо Сан Роман лежал без сознания на кровати в том самом виде, в каком его видела Пура Викарио на заре вторника — в тропической расцветки брюках, шелковой рубашке, но без туфель. На полу стояли пустые бутылки, еще больше нераспечатанных валялось у постели, однако следов еды не было. «Он находился в крайней стадии алкогольного отравления»,— сказал мне доктор Дионисио Игуаран, который срочно прибыл к нему. Однако через несколько часов Байярдо Сан Роман

пришел в себя и, обретя рассудок, выгнал всех из дома, употребив при этом сильнейшие выражения, на какие был способен.

— И пусть никто ко мне не суется, так и переэдак вас всех,— сказал.— Даже старый хрыч, мой папаша-ветеран.

Тревожной телеграммой алькальд сообщил о случившемся генералу Петронио Сан Роману, дословно включив и последнюю фразу. Видимо, генерал Сан Роман буквально воспринял слова сына, ибо сам к нему не поехал, а отправил за ним жену, двух дочерей и, кроме того, двух перезрелых дам, скорее всего своих сестер. Женщины прибыли на грузовом судне, до ушей закутанные в траур и с распущенными волосами по случаю несчастья, происшедшего с Байярдо Сан Романом. Еще не ступив на твердую землю, они сбросили туфли и босиком прошли до холма по раскаленному от солнечного зноя песку, выдирая на голове пряди волос и рыдая так пронзительно, что вопли их скорее казались криками радости. Я наблюдал за ними, стоя на балконе дома Магдалены Оливер, и, помню, еще подумал тогда, что такая скорбь может быть только притворной, дабы скрыть другой, еще больший, позор.

Полковник Ласаро Апонте сопровождал женщин до холма; позже верхом на муле, на котором выезжал по срочным вызовам, туда же поднялся доктор Дионисио Игуаран. Когда зной спал, два служащих муниципалитета снесли в гамаке, подвешенном к двум палкам, Байярдо Сан Романа; он был с головой накрыт одеялом, и за ним следовала свита плакальщиц. Магдалена Оливер подумала, что он умер.

— Разрази господь! — воскликнула она.— Какая потеря!

Но Байярдо Сан Роман был опять пьян, мертвецки пьян — трудно было поверить, что он еще жив: его правая рука волочилась по земле, и как только мать ни укладывала ее в гамак, она вновь свешивалась, оставляя на земле след, начинавшийся у самого обрыва и кончавшийся у причала. Это единственное, что осталось в памяти от него,— воспоминание о жертве.

Дом они оставили нетронутым. Ночами кутежей во время каникул мы с братьями поднимались на холм, и обследовали дом, и каждый раз обнаруживали, что в покинутых апартаментах ценных вещей становилось все меньше. Однажды нам попался на глаза тот саквояж, который по просьбе Анхелы Викарио прислала ей мать в первую брачную ночь, но не придали находке никакого значения. Содержимое его казалось вполне естественным — женские предметы туалета и гигиены, подлинное их назначение я узнал много позже, когда Анхела Викарио рассказала мне о всех ухищрениях, которым ее обучили кумушки, чтобы обмануть мужа. Саквояжик был единственным следом, который она оставила в доме, бывшим ее семейным очагом всего на пять часов.

Много лет спустя, когда я вернулся в поисках последних свидетельств для этой хроники, уже не осталось ничего, что составляло счастье Йоланды Ксиус. Несмотря на упорные попытки полковника Ласаро Апонте следить за домом, вещи из него постепенно исчезали, в том числе и буфет с шестью зеркалами в рост человека, который искусные мастера Момпоса вынуждены были собирать в комнате, ибо он не проходил в дверь. Вначале вдовец Ксиус был счастлив, ибо считал, что исчезновения эти — дело рук его супруги, стремившейся унести то, что ей принадлежало. Полковник Ласаро Апонте издевался над ним. Но однажды ночью ему пришло в голову провести сеанс спиритизма в надежде выяснить все, и душа Йоланды де Ксиус лично подтвердила ему, что именно она уносила для своего дома в загробном мире безделушки времен ее счастья. Дом начал разваливаться. Свадебный автомобиль рассыпался перед воротами, и в конце концов от него остался лишь проржавевший от непогоды кузов. О его владельце ничего не было известно долгие годы. В протоколе имелось

его заявление, но оно было настолько кратким и сбивчивым, что создавалось впечатление, будто его настрочили в последнюю минуту, чтобы никто не обвинял в нарушении необходимых формальностей. 23 года спустя, в тот единственный раз, когда я пытался поговорить с ним, Байярдо Сан Роман встретил меня несколько агрессивно и наотрез отказался сообщить хоть какой-то факт, который позволил бы пролить свет на его участие в драме. Впрочем, и его родители знали об этом еще меньше нашего и совершенно не понимали, почему сын забрался в столь захолустный городок без какого-либо иного — на первый взгляд — повода, кроме желания жениться на женщине, которую он никогда не видел.

Зато об Анхеле Викарио я постоянно получал краткие вести, которые и подтолкнули меня создать некий идеализированный образ. Моя сестра-монахиня некоторое время бродила по северной части Гуахиры, пытаясь обратить в истинную веру последних идолопоклонников, и обычно останавливалась у Анхелы Викарио побеседовать — в одном из селений, на которые наступали соленые волны Карибского моря, мать пыталась заживо похоронить свою дочь. «Привет тебе от кузины»,— говорила мне всегда сестра. Маргот, моя другая сестра, также посещавшая Анхелу Викарио в первые годы, рассказала мне, что они купили солидный дом с просторным двором, открытым всем ветрам, и что их единственной заботой были ночи морских приливов, ибо тогда из уборных извергались нечистоты, а по утрам в спальнях прыгали рыбы. Все, кто видел Анхелу Викарио в ту пору, сходились на том, что она увлеклась машинной вышивкой, стала великой мастерицей в этом деле и с помощью своего ремесла достигла покоя и забвения.

Много лет спустя, когда все было как-то неопределенно и когда я пытался хоть как-то разобраться в себе, а пока занимался продажей энциклопедий и книг по медицине в деревнях Гуахиры, случайно я забрел в индейское селение. В окне дома у моря в самый знойный час я увидел за швейной машинкой женщину; она была в легком трауре, на лице — очки в металлической оправе, в волосах — желтоватая седина; над головой ее висела клетка с непрестанно певшей канарейкой. Увидев ее в идиллическом обрамлении окна, я не хотел верить, что это именно та женщина, которую я создал в своем воображении, даже отказывался признать, что жизнь в конце концов может так сильно походить на плохой роман. Но то была она — Анхела Викарио, 23 года спустя после драмы.

Она отнеслась ко мне как обычно, будто к далекому родственнику, и на мои вопросы отвечала продуманно, не без чувства юмора. Она была настолько зрелой и мудрой, что трудно было поверить — неужели передо мной та же Анхела Викарио. Более всего меня потрясло то, как она в конце концов оценивала свою жизнь. Через несколько минут она уже не казалась мне столь постаревшей, как вначале,— наоборот, она выглядела почти такой же юной, какой оставалась в моих воспоминаниях, в ней не было ничего общего с той, которую в двадцать лет вынудили выйти замуж без любви. Ее мать-старуха, которую уже трудно было понимать, встретила меня как непостижимого призрака. Она отказалась вспоминать былое, и для данной хроники мне пришлось удовлетвориться отдельными из брошенных ею фраз в беседах с моей матерью и еще немногими, что я откопал в собственных воспоминаниях. Старуха сделала все возможное, чтобы Анхела Викарио умерла заживо, но дочь помешала ей, никогда не делая тайны из своего злосчастного приключения. Напротив, каждому, кто хотел услышать, она рассказывала историю со всеми подробностями, за исключением тайны, которая так и осталась нераскрытой: кто же был подлинным виновником ее падения, как это произошло и когда, ибо никто не верил, что им мог быть Сантьяго Насар.

Они принадлежали к двум разным мирам. Их никто никогда не видел вместе, тем более наедине. Сантьяго Насар был слишком высокомерен, чтобы обратить на нее внимание. «Твоя кузина — дурочка»,— говорил он мне, когда ему приходилось упоминать о ней. К тому же он был ястребом-куроедом, как мы тогда выражались. Так же как и отец, он бродил в одиночку по горам, нещадно обрывая едва завязавшийся плод — любую девицу, появившуюся в округе; однако в городке были известны лишь две его связи: довольно формальная с Флорой Мигель и страстная, доводившая его до безумия вот уже четырнадцать месяцев, с Марией Алехандриной Сервантес. Наиболее распространенной в силу своей хитроумности, видимо, была следующая версия: Анхела Викарио защищала того, кого она в самом деле любила, а назвала имя Сантьяго Насара, поскольку никак не думала, что ее братья могут пойти против него. Я сам пытался вырвать у нее эту истину во время моего второго посещения, высказав ей все приведенные в логический порядок аргументы, но она лишь подняла взгляд от вышивки и сразу опровергла их.

— Не старайся более, братец,— сказала она мне.— Это был он.

Не умолчав ни слова, она рассказала обо всем остальном, вплоть до происшествия в брачную ночь. Рассказала, что подруги научили ее напоить мужа до потери сознания, подсказали сыграть в излишнюю стыдливость и заставить его погасить свет, обучили, как сделать себе ужасающее промывание квасцами, что позволило бы ей притвориться девственницей, как запачкать простыни, чтобы повесить для показа на следующее утро в своем дворе. Однако советчицы Анхелы Викарио не учли двух обстоятельств: необыкновенную закаленность по части напитков Байярдо Сан Романа и духовную чистоту ее, которая скрывалась под внешней глуповатостью — порождением предрассудков. «Я не сделала ничего из того, что мне советовали,— сказала она мне,— потому что, чем дальше я думала, тем больше понимала, что все это свинство и так низко нельзя поступать ни с кем, тем более с беднягой, которого, к несчастью, угораздило на мне жениться». Короче, без всяких маневров она позволила раздеть себя в освещенной спальне, не испытывая уже никакого страха, который и так изуродовал ее жизнь. «Все было очень просто,— сказала она мне,— я была готова к смерти».

Она рассказывала о своем несчастье без всякого стыда, чтобы скрыть другое — подлинное, сжигавшее ее. Невозможно было даже предположить, пока она не решилась со мной поделиться, что Байярдо Сан Роман навсегда остался в ее жизни с минуты водворения ее в дом родителей. Для нее это был смертельный удар. «Когда мать начала меня бить, я вдруг вспомнила о нем»,— сказала она мне. Удары перестали быть столь ощутимыми — она знала, что получает их за него. Лежа на диване в столовой и всхлипывая, она продолжала думать о нем и удивлялась самой себе. «Я плакала не от боли, не из-за того, что произошло,— сказала она мне.— Я плакала о нем». Она продолжала думать о нем и когда мать прикладывала ей к лицу примочки из арники и тем более когда услышала крики на улице и набат как при пожаре, и тут вошла Пура Викарио и сказала ей, что теперь она может спать спокойно — самое страшное уже произошло.

Долго и без всяких надежд она вспоминала о Байярдо Сан Романе, пока ей не пришлось сопровождать мать на обследование к глазному врачу в больницу Риоачи. Мимоходом они зашли в «Гостиницу Порта», с хозяином которой были знакомы, и Пура Викарио попросила в баре стакан воды. Она стояла спиной к дочери и пила воду, и вдруг Анхела Викарио увидела предмет своих мыслей, отраженным в многочисленных зеркалах салона. С перехваченным дыханием она повернула голову и увидела, как он прошел совсем рядом, не заметив ее, как он вышел из гостиницы. С совершенно разбитым сердцем она посмотрела на мать. Пура Викарио закончила пить, отерла рукавом губы и улыбнулась ей от стойки бара, сияя новыми очками. И впервые

в жизни Анхела Викарио увидела мать такой, какой она была на самом деле: несчастной женщиной, посвятившей себя культу собственных недостатков. «Дерьмо»,— сказала про себя Анхела Викарио. Она была настолько потрясена, что проделала обратный путь, распевая во весь голос, а потом бросилась в постель и проплакала три дня.

Она родилась заново. «Я обезумела от любви к нему,— сказала она мне,— окончательно помешалась». Достаточно ей было закрыть глаза — и она видела его; она слышала его дыхание в рокоте моря, жар его тела в постели будил ее в полночь. Лишившись покоя, под конец недели она написала Байярдо Сан Роману первое письмо. То была очень короткая записка, она сообщала в сдержанных выражениях, что видела, как он выходил из гостиницы, и что ей было бы приятно, если бы он тоже ее заметил. Ответа она ждала безуспешно. Через два месяца, устав от ожидания, она отправила ему второе письмо, написанное в том же завуалированном стиле, что и первое, единственной целью которого, казалось, было стремление упрекнуть его за невежливость. Шесть месяцев спустя она написала ему еще шесть писем, и все они остались без ответа, но она была удовлетворена, убедившись, что он их получает.

Впервые в жизни став хозяйкой своей судьбы, Анхела Викарио открыла для себя, что любовь и ненависть — страсти взаимосвязанные. Чем больше писем она отправляла ему, тем сильнее разгоралась ее любовная лихорадка, но еще больше ее согревало чувство злорадства. «У меня все нутро переворачивалось, когда я видела мать,— сказала мне Анхела Викарио,— но я не могла смотреть на нее, не вспоминая его». Ее жизнь замужней женщины, возвращенной родителям, была такой же нехитрой, как и та, что она вела в девушках: вышивание с подругами, только раньше она мастерила из лоскутков ткани тюльпаны и из клочков бумаги птиц. Когда мать ложилась, Анхела Викарио запиралась в комнате и до зари писала письма, обреченные на забвение. Она стала разумной и властной хозяйкой своих желаний, вновь— и только ради него — словно стала девственницей и не признавала иной силы, кроме собственной, не знала иного ига, кроме своей страсти.

Половину своей жизни она каждую неделю писала ему. «Иногда я даже не знала, о чем писать,— говорила она мне, задыхаясь от смеха,— но мне достаточно было знать, что он получает мои послания». Сначала то были краткие записки помолвленной, потом — надушенные письмеца нежной невесты, весточки тайной любовницы, деловые послания, свидетельства любви и, наконец, негодующие письма покинутой супруги, придумывающей себе самые страшные болезни, чтобы заставить его вернуться. Однажды ночью, находясь в веселом настроении, она пролила чернила на уже законченное письмо и вместо того, чтобы разорвать его, приписала: *«В доказательство моей любви посылаю тебе слезы»*. Иногда, устав плакать, она издевалась над собственным безумием. Единственное, что ей не приходило в голову,— это отречься. А он, несмотря ни на что, казался равнодушным к ее горячке.

На десятый год однажды на рассвете, когда задували все ветры, она проснулась от ощущения, что он лежит обнаженным в ее постели. Тогда она написала ему лихорадочное письмо на двадцати страницах, в котором, отбросив стыд и смущение, высказала ему все горькие и ржавые истины, что копились в ее сердце с той самой злосчастной ночи. Она рассказала ему о тех вечных язвах, что он оставил на ее теле, о соли его уст, об огненном вихре его африканской плоти. Письмо она вручила служащей почты, которая вечерами по пятницам приходила к ним вышивать и забирала у нее корреспонденцию; Анхела Викарио решила, что этот всплеск будет последним в ее агонии. После она уже не соображала ни что она пишет, ни к кому адресует, но продолжала писать без устали еще семнадцать лет.

Это случилось в августовский полдень. Анхела Викарио вышивала вместе с подругами, когда услышала, что кто-то подошел к двери. Ей

не надо было смотреть — кто это, она уже знала, что это он. «Он был толстым, начинал лысеть, и ему требовались очки, чтобы видеть вблизи,— сказала она мне.— Но то был он, черт побери! Он!» Она испугалась, понимая, что он видит ее столь же постаревшей, как и она его, к тому же она не верила, что в нем кроется столько же любви, сколько в ней, чтобы вынести все. На нем была промокшая от пота рубашка — таким она увидела его впервые на ярмарке,— тот же пояс, в руках он держал те же кожаные, но уже потрепанные сумы с серебряными украшениями. Байярдо Сан Роман, не обращая внимания на застывших в изумлении вышивальщиц, сделал шаг вперед и положил свои сумы на швейную машинку.

— Ну, хорошо,— сказал он.— Вот и я.

У него был чемодан с бельем и второй такой же чемодан, где лежали почти две тысячи написанных ею писем. Они были подобраны по датам, сложены в пачки, перевязаны ленточками и все — нераспечатаны.

Многие годы мы не могли говорить ни о чем другом. Наша ежедневная жизнь, до той поры определяемая будничными привычками, неожиданно закрутилась вокруг события, находившегося в центре внимания окружающих. Петушиный крик на заре заставал нас бодрствующими в попытках свести к единому знаменателю случайности, позволившие нелепости превратиться в реальность; всем было очевидно, что мы поступали так не из стремления выявить тайну, а лишь потому, что никто из нас не мог жить далее, не определив точно, каково же было место и роль, уготованные судьбой каждому.

Многие так и не узнали этого. Кристо Бедойя, ставший известным хирургом, никогда не мог себе объяснить, почему он уступил своему первоначальному намерению и просидел два часа, ожидая епископа, в доме деда и бабки, вместо того чтобы отдохнуть у родителей, которые ждали его на рассвете, чтобы предупредить о готовящемся преступлении. Однако большинство из тех, кто мог что-то сделать, чтобы помешать убийству, и тем не менее ничего не сделал, утешали себя мыслью, что вопросы чести священны и касаться их могут лишь те, кто причастен к драме. «Честь — это любовь»,— слышал я слова моей матери. Ортенсия Бауте, чье участие в этой истории сводилось лишь к тому, что она видела два окровавленных ножа, которые к тому же в тот момент еще не были покрыты кровью, была так потрясена этой галлюцинацией, что впала в кризис самобичевания и однажды, не выдержав более этого состояния, выбросилась голой на мостовую. Флора Мигель, невеста Сантьяго Насара, назло всем убежала с лейтенантом-пограничником, который сделал из нее проститутку и торговал ею среди сборщиков каучука Вичады. Аура Вильерос, повитуха, помогавшая при родах трех поколений, узнав о смерти Сантьяго Насара, почувствовала спазм мочевого пузыря и до смерти мочилась только с помощью трубки. Дон Рохелио де ла Флор, добрый супруг Клотильды Арменты, в свои 86 лет являвший чудо долголетия, в последний раз поднялся на ноги, чтобы увидеть, как четвертовали Сантьяго Насара у запертой двери собственного дома, и не смог пережить этого волнения. Пласида Линеро, которая заперла эту дверь в последний момент, вовремя освободила себя от всякой вины. «Я заперла ее потому, что Дивина Флор поклялась мне, будто она видела, как мой сын входил в дом,— сказала она мне,— но это была неправда». Однако Пласида Линеро никогда не могла себе простить, что спутала доброе предзнаменование о деревьях со зловещим предзнаменованием о птицах, после чего впала в опасную привычку своего времени — жевать семена кардамона.

Двенадцать дней спустя после того, как преступление свершилось, следователь нашел весь городок в лихорадочном состоянии. Он сидел в грязном деревянном здании муниципалитета и пил заваренный

в кастрюле кофе с ромом из сахарного тростника — чтобы отгонять видения, порождаемые зноем. Ему пришлось вызвать подкрепление солдат, чтобы удержать толпу людей, даже без вызова бросившихся давать показания в жажде продемонстрировать собственное значение в происшедшей трагедии. Следователь только что защитил диплом и был еще одет в черный суконный костюм юридического института, на руке — кольцо с эмблемой его выпуска; все в нем выражало гордость и вдохновение счастливого начинающего. Однако имя его так и осталось неизвестным. Все, что мы знаем о его характере, было извлечено из составленного им протокола, который двадцать лет спустя после преступления мне помогли найти многочисленные лица во Дворце правосудия Риоачи. В архивах не существовало никакой системы; более века на полах развалившегося здания колониальной эпохи, которое некогда двое суток служило штабом Френсису Дрейку [1], горами лежали папки с делами. Морские приливы заливали нижний этаж, и разорванные тома плавали по пустынным кабинетам. Я сам много раз бродил по щиколотку в воде в этом озере потерянных происшествий, и только случайность помогла мне пять лет спустя выловить 322 просоленные морской водой страницы из тех 500, составлявших дело.

Имя следователя так и не появилось ни на одной из страниц, но было очевидным, что он — человек, снедаемый страстью к литературе. Без сомнения, он читал испанских и некоторых латинских классиков, хорошо знал Ницше — в то время модного автора среди юристов. Заметки на полях — и не только по цвету чернил — казались написанными кровью. Следователь был настолько обескуражен загадкой, поставленной перед ним судьбой, что очень часто допускал лирические отступления, несовместимые со строгостью его профессии. Особенно неестественным ему казалось то, что жизнь придумала столько случайностей, обычно запрещаемых для литературы, чтобы без помех наступила столь широко объявленная смерть. Но более всего—это было уже в конце его изнурительного расследования—тревожил следователя тот факт, что он не нашел мало-мальски правдоподобного доказательства тому, что Сантьяго Насар действительно был первопричиной всей этой страшной истории. Подруги Анхелы Викарио, соучастницы ее обмана, еще долгое время рассказывали, что она раскрыла им свою тайну до свадьбы, но не сообщила никакого имени. Для протокола они заявили: «Она рассказала нам о чуде, но не о святом». Анхела Викарио, со своей стороны, занимала ту же позицию. Когда следователь в присущей ему уклончивой манере спросил ее, знает ли она, кто был покойный Сантьяго Насар, она бесстрастно ответила:

— Он был моим автором.

Так это и записано в деле, без всяких иных уточнений — обстоятельств и места происшествия. В ходе суда, длившегося всего три дня, представитель адвокатуры от потерпевшей стороны особенно упирал на зыбкость данного обвинения. Растерянность следователя в связи с отсутствием улик против Сантьяго Насара была так велика, что проделанная им огромная работа иногда казалась исковерканной от отчаяния. Так, на странице 416 красными чернилами аптекаря своей собственной рукой он вывел на полях следующую пометку: «*Дайте мне предрассудок, и я переверну весь мир*». Под этим парафразом отчаяния теми же кровавого цвета чернилами он изобразил одним радостным штрихом сердце, пронзенное стрелой. Для него, как и для самых близких друзей Сантьяго Насара, поведение жертвы в последние предсмертные часы являлось безусловным доказательством ее невиновности.

[1] Френсис Дрейк (ок. 1545—1595 гг.) — английский мореплаватель и пират. Совершил несколько плаваний к берегам нынешней Латинской Америки, занимаясь работорговлей и пиратскими набегами на испанские корабли и владения.

Действительно, в утро своей смерти Сантьяго Насар, несмотря на то, что прекрасно знал, какова цена надругательства, вменяемого ему в вину, не ощущал никаких опасений. Он, хорошо знавший ханжескую природу окружающего его мира, должен был понимать, что бесхитростная душа каждого близнеца не способна устоять против оскорбления. Никто хорошо не знал Байярдо Сан Романа, но Сантьяго Насар достаточно был знаком с ним, чтобы понимать: под светскими манерами в нем, как и в любом другом, скрывается раб извечных предрассудков. Таким образом сознательная беспечность для Сантьяго Насара являлась бы самоубийством. Кроме того, когда в последний момент он узнал, что братья Викарио ждут его, чтобы убить, его реакция выразилась не в панике, как об этом много говорилось, а скорее в растерянности невиновного.

Мое личное мнение таково: Сантьяго Насар умер, не осознав своей смерти. Он пообещал моей сестре Маргот позавтракать у нас, после чего Кристо Бедойя увел его под руку на мол, и оба выглядели столь беспечно, что вызвали у окружающих напрасные надежды. «Они шли такие веселые,— сказала мне Меме Лоаиса,— что я возблагодарила бога, решив, что дело улажено». Естественно, не все уж так любили Сантьяго Насара. Поло Каррильо, владелец электростанции, считал, что спокойствие Сантьяго Насара объясняется не его невиновностью, а его цинизмом. «Он считал, что деньги делают его неуязвимым»,— сказал он мне. Фауста Лопес, его супруга, добавила: «Как и все турки». Индалесио Пардо зашел в лавку Клотильде Арменты, и близнецы заявили ему, что, как только епископ уедет, они убьют Сантьяго Насара. Как и многие другие, он решил, что эти слова — бред непроспавшихся, но Клотильде Армента подтвердила, что это правда, и просила найти Сантьяго Насара и предупредить его.

— Не утруждайся,— сказал Педро Викарио,— в любом случае считай его уже покойником.

Вызов слишком очевидный. Близнецам было известно о дружбе между Индалесио Пардо и Сантьяго Насаром, и, видимо, они считали его подходящим человеком, который мог предупредить преступление и при этом смыть с них позор. Но Индалесио Пардо встретил Сантьяго Насара в обнимку с Кристо Бедойей в толпе людей, покидавших порт, и не решился предупредить его. «С меня уже сошел пыл»,— сказал он мне. Он хлопнул по плечу каждого из юношей, и они пошли дальше. Оба едва заметили Индалесио Пардо, так как были погружены в подсчеты стоимости свадьбы.

Люди расходились, направляясь, как и они, к площади. Толпа была достаточно густой, но Эсколастике Сиснерос показалось, что два друга продвигались вперед без всяких затруднений — вокруг них образовалась пустота, все знали, что Сантьяго Насар обречен умереть, и не осмеливались касаться его. Кристо Бедойя также вспоминает, что отношение к ним было странное. «На нас смотрели так, будто у нас размалеваны лица»,— сказал он мне. Сара Нориега открывала свою обувную лавку, когда они проходили мимо, и испугалась бледности Сантьяго Насара.

— Подумать только, дорогая Сара! — сказал он ей, не останавливаясь.— Ну и похмелье!

Селесте Дангонд сидела в пижаме перед своим домом, издеваясь над теми, кто вырядился встречать епископа, и пригласила Сантьяго Насара выпить кофе. «Я сделала это, чтобы выиграть время и обдумать положение»,— сказала она мне. Но Сантьяго Насар ответил ей, что торопится переодеться, так как приглашен к завтраку к моей сестре. «Я растерялась,— объяснила мне Селесте Дангонд.— Мне показалось, что не могут его убить, коль скоро он так уверен в том, что собирается делать». Джамиль Шайюм был единственным, кто поступил так, как решил заранее. Когда до него дошел слух, он тут же вышел к дверям своей лавки тканей и стал ждать Сантьяго Насара,

чтобы предупредить его. Он был одним из последних арабов, которые приехали с Ибрагимом Насаром, был его партнером по картам до смерти последнего и продолжал по традиции оставаться советчиком семьи друга. Ни у кого не было столько оснований беседовать с Сантьяго Насаром, как у Джамиля Шайюма. Однако он подумал, что если слух ложен, то он лишь напрасно взволнует Сантьяго Насара, и предпочел вначале посоветоваться с Кристо Бедойей — а может, он лучше информирован? Когда друзья проходили мимо, он позвал его. Кристо Бедойя хлопнул по спине Сантьяго Насара — это уже было на углу площади — и подошел к Джамилю Шайюму.

— До субботы,— сказал он на прощанье.

Сантьяго Насар не ответил, он как раз обратился по-арабски к Джамилю Шайюму, и последний тоже по-арабски произнес что-то, скорчившись от смеха. «То была игра слов, которой мы всегда развлекались»,— сказал мне Джамиль Шайюм. Сантьяго Насар, не останавливаясь, прощально махнул обоим и свернул за угол на площадь. Они видели его в последний раз.

Едва Кристо Бедойя выслушал Джамиля Шайюма, как тотчас же выскочил из лавки догонять Сантьяго Насара. Он видел, как друг завернул за угол, но не нашел его среди тех, кто расходился по площади. Несколько человек, у которых он спрашивал о Сантьяго Насаре, ответили ему одинаково:

— Я только что видел его с тобой.

Кристо Бедойе показалось невозможным, что Сантьяго Насар так быстро дошел до дома, но он решил все же войти и спросить о нем, тем более что парадный вход был не заперт и дверь только прикрыта. Не заметив в сумраке записки на полу и стараясь не шуметь, так как для визитов время было раннее, он пересек гостиную; в глубине дома зашумели встревоженные собаки и выбежали к нему. Он успокоил их звяканьем ключей, чему научился у хозяина дома, и, сопровождаемый сворой, прошел на кухню. В коридоре столкнулся с Дивиной Флор, которая тащила ведро и швабру мыть полы в гостиной. Она заверила его, что Сантьяго Насар не вернулся. Кристо Бедойя вошел в кухню, когда Виктория Гусман ставила на огонь жаркое из кроликов. Она немедленно все поняла. «Он задыхался»,— сказала она мне. Кристо Бедойя спросил у нее, дома ли Сантьяго Насар, и она с напускным радушием ответила, что он еще не приходил спать.

— Дело серьезное,— сказал ей Кристо Бедойя.— Его ищут, чтобы убить.

— Эти несчастные парни никого не убьют,— возразила она.

— Они пьют уже с субботы,— настаивал Кристо Бедойя.

— Именно поэтому,— заявила она,— нет пьяницы, который жрал бы собственное дерьмо.

Кристо Бедойя вернулся в гостиную, где Дивина Флор только что открыла окна. «Совершенно точно, дождя не было,— сказал мне Кристо Бедойя.— Время шло к семи часам, и в окнах сияло золотое солнце». Он опять спросил Дивину Флор, уверена ли она, что Сантьяго Насар не вошел в дом через дверь гостиной. На этот раз она не была столь уверенной, как в первый. Он спросил ее о Пласиде Линеро, и девушка ответила, что минуту назад поставила ей на ночной столик кофе, но будить не стала. Так было всегда: Пласида Линеро вставала в семь, выпивала кофе и спускалась отдать указания относительно обеда. Кристо Бедойя взглянул на часы — было 6.56 утра. Тогда он поднялся на второй этаж — еще раз убедиться, что Сантьяго Насар не вернулся.

Дверь в спальню была заперта изнутри, потому что Сантьяго Насар вышел через комнату матери. Кристо Бедойя не только знал этот дом так же хорошо, как свой собственный, но и пользовался полным доверием семьи, поэтому он толкнул дверь в спальню Пласиды Линеро, чтобы пройти через нее в соседнюю комнату. Через верхнее оконце

проникал пыльный солнечный луч; в гамаке, положив под щеку руку невесты, на боку спала прекрасная женщина, и образ ее был призрачным. «Она была как видение»,— сказал мне Кристо Бедойя. Минуту он смотрел на нее, потрясенный ее красотой, а потом тихо пересек спальню, прошел вдоль ванной комнаты и вошел в спальню Сантьяго Насара. Кровать была нетронутой, на кресле висел отутюженный костюм для верховой езды, поверх него — шляпа для всадника, на полу, лежали шпоры, стояли высокие сапоги. На ночном столике ручные часы Сантьяго Насара показывали 6.58. «Я вдруг подумал, что он мог прийти и вновь уйти с оружием»,— сказал мне Кристо Бедойя. Но в ящике столика он обнаружил «магнум». «Я никогда не стрелял,— рассказывал мне Кристо Бедойя,— но на этот раз решил взять пистолет и отнести его Сантьяго Насару». Он засунул оружие за пояс под рубашку и только уже после того, как преступление было совершено, обнаружил, что пистолет не заряжен. В момент, когда он закрывал ящик, в дверях с чашечкой кофе в руках появилась Пласида Линеро.

— Бог мой! — воскликнула она.— Как ты меня испугал!

Кристо Бедойя тоже испугался. Он увидел ее в ярком свете, в халате, затканном золотистыми жаворонками, со спутанными волосами, и очарование исчезло. В растерянности он пояснил, что вошел сюда в поисках Сантьяго Насара.

— Он ушел встречать епископа,— сказала Пласида Линеро.

— Епископ проплыл мимо,— ответил он.

— Как и следовало полагать,— сказала она.— Хуже сукиного сына!

Она оборвала себя, почувствовав, что Кристо Бедойя не знал, куда себя деть. «Пусть бог простит меня,— сказала мне Пласида Линеро,— но он был так растерян, что мне пришла в голову мысль о воровстве». Она спросила Кристо Бедойю, что с ним происходит. Он понимал щекотливость своего положения, но у него не хватило мужества сказать ей правду.

— Я просто не спал ни минуты,— сказал он.

Кристо Бедойя ушел без дальнейших объяснений. «Она всегда считала, что ее обворовывают»,— сказал он мне. На площади он встретил падре Амадора, который возвращался в церковь со всеми аксессуарами для так и не состоявшейся мессы, однако решил: единственное, что может сделать священник для Сантьяго Насара,— это спасти его душу. Кристо Бедойя вновь направился к порту и тут услышал, что его зовут из лавки Клотильде Арменты. В дверях стоял Педро Викарио, бледный и растрепанный, в расстегнутой рубахе с закатанными до локтей рукавами и с самодельным грубым тесаком из ножовки. Его поведение казалось слишком вызывающим, чтобы быть случайным, и все же его действия не были решающими среди всего, что в последние минуты могло бы предупредить преступление.

— Кристобаль! — прокричал Педро Викарио.— Скажи Сантьяго Насару, что мы ждем его здесь, чтобы убить.

Кристо Бедойя сделал бы большую услугу братьям, если бы не позволил им этого совершить. «Умей я стрелять из пистолета, Сантьяго Насар был бы жив»,— сказал он мне. Но одна мысль о выстреле потрясла его, настолько он был наслышан о могучей уничтожающей силе свинцовой пули.

— Предупреждаю, что он вооружен «магнумом», способным продырявить автомобиль,— крикнул он.

Педро Викарио знал, что это неправда. «Он никогда не носил оружия, если не был одет для верховой езды»,— сказал он мне. И все же он предусмотрел, что Сантьяго Насар может быть при оружии, когда принял решение смыть пятно с чести своей сестры.

— Мертвые не стреляют,— крикнул он.

В этот момент в дверях появился Пабло Викарио. Он был так же бледен, как и брат, и так же, как и брат, в праздничном суконном

пиджаке, в котором был на свадьбе, в руках он держал нож, завернутый в газету. «Если бы не этот случай,— сказал мне Кристо Бедойя,— я так и не узнал бы никогда, который из них кто». Позади Пабло Викарио появилась Клотильде Армента и закричала Кристо Бедойе, чтобы он торопился, ибо в этом городишке женоподобных подонков только мужчина, как он, может помешать трагедии.

Все, что произошло после этого, стало достоянием широкой публики. Люди, возвращавшиеся из порта, привлеченные криками, потянулись занимать места на площади, дабы присутствовать при совершении преступления. Кристо Бедойя спросил у нескольких знакомых о Сантьяго Насаре, но никто его не видел. В дверях Светского клуба он увидел полковника Ласаро Апонте и рассказал ему о том, что произошло только что перед лавкой Клотильде Арменты.

— Этого не может быть,— сказал полковник Апонте,— потому что я их отправил спать.

— А я только что видел их с резаками мясников,— возразил Кристо Бедойя.

— Не может того быть, потому что я отобрал у них ножи, прежде чем отправить их проспаться,— настаивал алькальд.— Наверное, ты видел их до этого.

— Я видел их две минуты назад, и у каждого было по ножу,— ответил Кристо Бедойя.

— Черт побери! — воскликнул алькальд.— Значит, они вернулись с другими ножами.

Он пообещал немедленно заняться этим делом, но тут же вернулся в клуб затвердить партию в домино на вечер, а когда вышел, убийство уже свершилось. Кристо Бедойя допустил единственную, но роковую ошибку: он решил, что в последний момент Сантьяго Насар, не сменив одежды, пошел завтракать в наш дом. Кристо Бедойя шел быстрым шагом по берегу реки и у каждого встречного спрашивал, не видел ли он Сантьяго Насара, но никто не мог толком ответить. Он не обеспокоился этим, так как к нашему дому вели несколько дорог. Тут к нему обратилась Просперо Аранго, нищенка, умоляя сделать что-либо для ее отца, умиравшего в сарае, несмотря на скоропалительное благословение епископа. «Проходя мимо, я видела старика,— сказала мне сестра Маргот,— у него уже было лицо покойника». Кристо Бедойя задержался ровно на четыре минуты, помогая Просперо Аранго донести отца до кровати. Когда он вышел, то услышал далекие крики, и ему показалось, что там, где находилась площадь, взорвались петарды. Он попытался бежать, но плохо прилаженный пистолет мешал ему. Завернув за последний угол, он узнал в спину мою мать, которая силком волокла младшего сына.

— Луиса Аранго! — крикнул он ей.— Где твой крестник?

Моя мать едва повернула к нему лицо, залитое слезами.

— Ах, сынок! — ответила она.— Говорят, его убили.

Так оно и было. В то время, как Кристо Бедойя искал его, Сантьяго Насар зашел в дом своей невесты Флоры Мигель, который находился как раз за тем углом, где его последний раз видел друг. «Мне и в голову не пришло, что он там,— сказал он мне,— потому что это семейство никогда не поднималось раньше полудня». Было общеизвестно, что по приказанию Наира Мигеля, ученого мужа общины, вся его семья спала до двенадцати часов дня. «Поэтому Флора Мигель, которую и в двух водах не проваришь, выглядела как свежая роза»,— говорила Мерседес. На самом же деле, как и во многих других семьях общины, здесь вставали очень рано, и все были трудолюбивы, но двери до полудня держали на запоре. Родители Флоры Мигель и Сантьяго Насара давно договорились о браке между детьми. Сантьяго Насар был помолвлен, будучи еще ребенком, теперь он уже готов был выполнить свой долг, возможно, еще и потому, что о браке у него было столь же утилитарное представление, как и у

его отца. Флора Мигель отличалась цветущим видом, но была лишена и изящества, и обаяния и на всех свадьбах своего поколения выступала посаженной матерью, так что обручение с Сантьяго Насаром было для нее выходом, ниспосланным провидением. Пребывание в роли жениха было очень легким — без официальных визитов, без сердечного трепета. Несколько раз перенесенная свадьба была, наконец, намечена на ближайшее рождество.

В тот понедельник Флора Мигель поднялась с первыми гудками епископского корабля и уже вскоре после этого узнала, что близнецы Викарио ждут Сантьяго Насара, чтобы убить его. Моей сестре-монахине, единственной, с кем она говорила после несчастья, Флора Мигель сказала, что не помнит, кто ей об этом сообщил. «Я только помню, что к шести утра все знали об этом»,— сказала она ей. Девушке показалось немыслимым, что Сантьяго Насара намерены убить, однако ей пришло в голову, что теперь его женят на Анхеле Викарио, чтобы восстановить честь последней. От унижения она забилась в припадке. Она рыдала от ярости в своей спальне, приводя в порядок ящик с письмами Сантьяго Насара, которые он присылал ей из школы, а в это время половина городка ожидала епископа.

Проходя мимо дома Флоры Мигель, Сантьяго Насар всегда, даже если здесь никого не было, проводил ключами по металлическим жалюзи на окнах. Она ждала его в тот день с сундучком его писем на коленях. Сантьяго Насар не мог с улицы видеть ее, но Флора Мигель через сетку видела его подходившим к дому и услышала его еще до того, как он коснулся металла ключами.

— Входи,— сказала она ему.

Никто, даже врач, не входил в этот дом в 6.45 утра. Только что Сантьяго Насар оставил Кристо Бедойю в лавке Джамиля Шайюма, к тому же столько народа ждало его на площади — просто невозможно понять, каким образом никто не заметил, как он вошел в дом своей невесты. Следователь искал хоть единого свидетеля, который бы видел его, и делал это с той же настойчивостью, что и я, однако найти такого человека не удалось. На странице 382 дела красными чернилами на полях была записана еще одна сентенция: «Рок делает нас невидимыми». Как это все получилось, если Сантьяго Насар вошел к невесте через парадную дверь, на виду у всех и не предпринимая никаких мер, чтобы его не заметили?! В платье с узором из пресловутых подсвечников, которое она обычно надевала по торжественным случаям, зеленая от злости, Флора Мигель ждала его в гостиной, где и вручила ему сундучок:

— Получай! — сказала она ему.— И хоть бы тебя убили!

Сантьяго Насар так растерялся, что ящик упал, и письма, не содержавшие любви, рассыпались по полу. Он пытался догнать Флору Мигель в спальне, но она захлопнула дверь и набросила крючок. Он постучал несколько раз и стал звать ее таким взволнованным для столь раннего часа голосом, что сбежалось почти все семейство. Их было более четырнадцати — кровных и некровных — родственников. Последним вышел отец — Наир Мигель, с крашеной рыжей бородой и в бедуинской галабее, в которой всегда ходил дома и которую привез с далекой родины. Я видел его много раз, он был огромным и величественным, но более всего меня потрясала сила его авторитета.

— Флора! — он заговорил на своем языке.— Открой дверь!

Он вошел в комнату дочери, а все остальные члены семьи во все глаза рассматривали Сантьяго Насара. Он стоял на коленях, собирая письма и складывая их в сундучок. «Казалось, он кается»,— сказали мне. Через несколько минут Наир Мигель вышел из спальни, сделал жест рукой, и все исчезли.

Затем он обратился на арабском языке к Сантьяго Насару. «С первого же момента я отметил, что он совершенно не понимает, о чем я ему толкую»,— сказал мне Наир Мигель. Он спросил Сан-

тьяго Насара, известно ли ему, что братья Викарио ищут его, чтобы убить. «Он так побледнел и настолько потерял над собой контроль, что невозможно было подумать, что он притворяется»,— сказал мне Наир Мигель. Он тоже считал, что поведение Сантьяго Насара было отмечено не столько страхом, сколько растерянностью.

— Ты сам знаешь, правы братья или нет,— сказал он ему.— В любом случае у тебя лишь два выхода: либо ты прячешься здесь, в доме, который и есть твой дом, либо ты выйдешь с моей винтовкой.

— Ни черта не понимаю,— пробормотал Сантьяго Насар.

Это были единственные слова, которые он смог произнести, и произнес он их по-испански. «Он выглядел мокрым птенчиком»,— сказал мне Наир Мигель. Ему пришлось взять из рук Сантьяго Насара сундучок, потому что он не знал, куда его девать, чтобы открыть дверь.

— Их будет двое против одного,— сказал Наир Мигель.

Сантьяго Насар вышел. Народ уже расположился на площади, как в дни парадов. Все видели, что Сантьяго Насар вышел, и все поняли, что он уже знал, что его собираются убить, и выглядел он таким затравленным, что даже не находил дороги к собственному дому. Говорят, кто-то крикнул с балкона: «Не туда, турок, иди через старый порт!» Сантьяго Насар поискал, откуда шел голос. Джамиль Шайюм прокричал ему, чтобы он спрятался в его лавке, а сам побежал за своим охотничьим ружьем, однако никак не мог вспомнить, куда он спрятал патроны. Ему кричали со всех сторон, и Сантьяго Насар крутился то вправо, то влево, оглушенный многими голосами. Наконец он направился к своему дому, чтобы пройти через кухонную дверь, но вдруг вспомнил, что парадный вход открыт.

— Вот он идет,— сказал Педро Викарио.

Оба увидели Сантьяго Насара одновременно. Пабло Викарио снял пиджак, положил его на табурет и развернул нож, имевший форму короткого и кривого меча. Прежде чем выйти из лавки, братья, не сговариваясь, перекрестились. Тогда Клотильде Армента схватила Педро Викарио за рубашку и закричала Сантьяго Насару, чтобы тот бежал быстрее, ибо его собираются убить. Крик был настолько пронзительным, что заглушил все остальные. «Вначале он испугался,— сказала мне Клотильде Армента,— потому что не знал, кто ему кричит и откуда». Сантьяго Насар увидел ее и одновременно увидел Педро Викарио, сбившего женщину ударом, увидел и другого брата. Он находился менее чем в 50 метрах от дома и побежал к своему парадному входу.

За пять минут до этого Виктория Гусман рассказывала в кухне Пласиде Линеро то, о чем уже знали все. Пласида Линеро была женщиной с крепкими нервами и ничем не выдала своего волнения. Она спросила Викторию Гусман, не говорила ли она об этом ее сыну, и последняя солгала, сказав, что, когда он спустился пить кофе, она еще ничего не знала. Дивина Флор, продолжавшая мыть полы в гостиной, сказала, что видела, как Сантьяго Насар вошел с площади и поднялся в спальню по винтовой лестнице. «Это было мелькнувшим видением,— рассказывала мне Дивина Флор.— Он был одет в белое и держал что-то в руке, я не смогла разглядеть, что это было, но мне показалось, что он держал букет роз». Поэтому, когда Пласида Линеро спросила о сыне, Дивина Флор ее успокоила.

— Минуту назад он поднялся в свою комнату,— сказала она матери.

В этот момент Пласида Линеро увидела на полу конверт, но не подумала поднять его и узнала о содержании послания лишь позднее, когда кто-то в общей суматохе несчастья показал ей бумагу. Через дверь она видела братьев Викарио, бежавших к ее дому с обнаженными ножами. Там, где она стояла, были видны только они, Пласида

Линеро не видела сына, стремившегося к своей двери с другого угла площади. «Я подумала, что они хотят ворваться и убить его прямо в доме»,— сказала она мне. Тогда она подбежала к двери и одним ударом захлопнула ее. Она уже задвигала засов, когда услышала крики Сантьяго Насара, услышала ужасающие удары в дверь, но женщина была уверена, что сын наверху и осыпает бранью братьев Викарио с балкона своей комнаты. Она поднялась, чтобы помочь ему в этом.

Чтобы успеть вбежать в дом, Сантьяго Насару нужны были всего две секунды, но в этот миг дверь захлопнулась. Он успел еще несколько раз стукнуть в нее кулаком и тут же повернулся, чтобы встретить врагов лицом. «Увидев его перед собой, я испугался,— говорил мне Пабло Викарио,— он показался мне в два раза выше, чем был на самом деле». Сантьяго Насар поднял руку, чтобы предупредить первый удар Педро Викарио, который напал на него справа, выставив нож прямо перед собой.

— Сволочи! — прокричал Сантьяго Насар.

Нож прорезал ему ладонь правой руки и на всю длину вошел в бок. Все услышали вопль боли:

— А-а-а, мама!

Железной рукой забойщика скота Педро Викарио вырвал нож и нанес второй удар почти в то же место. «Самое удивительное, что нож вышел из тела чистым,— сказал Педро Викарио следователю.— Я нанес ему еще три удара — и ни капли крови». После третьего удара Сантьяго Насар, обхватив руками живот и издавая стон раненого теленка, изогнулся, пытаясь повернуться к братьям спиной. Пабло Викарио, державший кривой нож, находился слева от него, в этот момент он и нанес ему единственный удар в спину; сильная струя крови окрасила рубаху. «Она пахла, как он сам»,— сказал мне Пабло Викарио. Трижды смертельно раненный, Сантьяго Насар повернулся вновь лицом к братьям и прижался спиной к материнской двери, не оказывая ни малейшего сопротивления, будто желая помочь Викарио, чтобы они на равных добивали его. «Он больше не кричал,— сказал Педро Викарио следователю.— Наоборот, мне показалось, что он смеется». Оба продолжали наносить поочередно быстрые удары, прижав Сантьяго Насара к двери и впав в оглушающее забытье, которое они встретили по ту сторону страха, и не слышали криков всего селения, потрясенного их преступлением. «Я чувствовал себя как человек, мчащийся на лошади»,— заявил Пабло Викарио. Но вдруг оба очнулись, ибо выбились из сил, им казалось, что Сантьяго Насар никогда не упадет. «Дерьмо, братец! — сказал мне Пабло Викарио.— Ты даже представить себе не можешь, как трудно убить человека!» Наконец, пытаясь окончательно добить Сантьяго Насара, Педро Викарио нацелился ему в сердце, но он искал его почти под мышкой, там, где оно расположено у свиней. А Сантьяго Насар не падал потому, что братья поддерживали его, ударами своих ножей прижимая к двери. В отчаянии Пабло Викарио нанес страшнейший удар в живот, и кишки с громким треском вырвались наружу. Педро Викарио собирался сделать то же самое, но рука его дрогнула от ужаса, и он лишь мимоходом полоснул по бедру. Сантьяго Насар еще мгновение стоял, прислонившись к двери, потом увидел в свете солнца свои собственные внутренности — чистые и голубые — и упал на колени.

Громко зовя сына, Пласида Линеро обошла спальни и тут услышала другие крики — но не его,— она выглянула в окно, выходящее на площадь, и увидела, что братья Викарио бегут к церкви, преследуемые по пятам Джамилем Шайюмом с винтовкой для охоты на ягуаров и группой невооруженных арабов. Она решила, что опасность миновала. Затем она вышла на балкон спальни и увидела перед входом дома сына. Сантьяго Насар лежал лицом вниз, в пыли и пытался подняться из лужи собственной крови. Наконец он встал и, согнувшись, в полном шоке, поддерживая руками выпадающие внут-

ренности, пошел. Он прошел более ста метров, чтобы полностью обойти дом и войти через кухонную дверь. У него еще хватило сознания идти не по улице — более длинной дорогой, а пройти через соседний дом. Пончо Ланао, его супруга и пятеро детей понятия не имели о том, что творилось в двадцати шагах от их ворот. «Мы услышали крики,— сказала его жена,— но думали, что это празднуют приезд епископа». Они только начали завтракать, когда увидели Сантьяго Насара, залитого кровью и с гроздью собственных кишок в руках. Пончо Ланао сказал мне: «Я никогда не мог забыть ужасающей вони дерьма». Архенида Ланао, их старшая дочь, рассказала, что Сантьяго Насар шел твердо, как обычно, четко чеканя шаг, и его лицо сарацина, обрамленное спутанными кудрями, было прекрасно как никогда. Проходя мимо стола, он улыбнулся им и проследовал через комнаты до заднего выхода из дома. «Мы окаменели от страха»,— сказала мне Архенида Ланао. Моя тетка Венефрида Маркес как раз чистила рыбу во дворе своего дома, расположенного на берегу реки. Тетка увидела, как Сантьяго Насар спускается по ступеням старого причала, направляясь к своему дому.

— Сантьяго, сынок! — закричала она ему.— Что с тобой?

Сантьяго Насар узнал ее.

— Меня убили, тетя Вене,— ответил он.

Он споткнулся на последней ступеньке, но тут же выпрямился. «Даже заботливо стряхнул землю, прилипшую к внутренностям»,— сказала мне тетушка Вене. Потом он вошел в свой дом через заднюю дверь, открытую с шести утра, и рухнул ничком.

■

НОВИКОВА ЛЮДМИЛА СЕРГЕЕВНА

Советский переводчик, искусствовед. В ее переводе печатались произведения Альфонсо Лопеса Микельсена, Марио Варгаса Льосы, Хуана Рульфо, Хуана Боша и других писателей Латинской Америки.

ШАМСУР РАХМАН

■

Перевод с бенгальского Б. ДЕВЯТИНСКОГО

Этот город

Этот город клянчит у туристов подачку.
Этот город хромает, голоногий и залатанный.
Этот город играет на скачках,
Дуреет от пальмовой водки и,
Раскинув ноги в тени, бьет вшей, а также клопов.
Иногда он шнырит по карманам
И удирает от полицейского.
Иногда глазами краснее луны глазеет по сторонам.
Этот город болтает чушь,
Наизусть читает стихи, горланит песни,
На стремительных фабриках проливает пот в три ручья.
Иногда помышляет о колыбельных песнях или
Разглядывает девушку,
Молча стоящую на веранде.

Этот город, выжженный в жару и вымокший в дождь,
Тянет тачки; а приходит ночь,
Жаждя плотских забав, спешит в обители шлюх.
Этот город в белой больничной палате
Мечется в простынях.
Этот город не лечит сифилис.
Этот город голодает у дверей праведного,
На руки и грудь вешает амулеты и священные шнуры,
День и ночь плюет кровью.

Этот город всегда кого-то хоронит.
Этот город рвет на себе волосы,
Бьется головой о стены застенков.

ШАМСУР РАХМАН (род. в 1929 г.).

Бангладешский поэт. Учился на филологическом факультете Даккского университета. Автор более десяти поэтических сборников: «Первая песня перед второй смертью» (1960), «Солнечный свет на челе» (1963), «Разрушенная синева» (1966), «На родной земле» (1971), «Из концлагеря» (1972), «Встреча некстати» (1973) и др. Шамсур Рахман известен и как переводчик и журналист. Он перевел на бенгальский язык «Гамлета» У. Шекспира, избранные стихотворения Роберта Фроста.

В публикуемую подборку вошли стихотворения разных лет.

Этот город признаёт голод единственной истиной,
Подыхая в пыли.
Этот город сбегается глазеть на парады;
С душой, истатуированной афишами,
Словно эльгрековский персонаж,
Он касается благородной лазури небес...
И всякий день отбивается от гиен.

Но прежде...

Порою небо, дерево, река
Иль мертвого лица простая непреложность,
Свет фонаря в тумане, ржавый визг замка,
Бедро уборщицы, пустяшная оплошность

Иль ночь стогласная ко мне придут строфой...
Но прежде — с грохотом состав по мне промчится,
И рыжих мух в глаза вползает рой,
И в клочья плоть мою рвут трупоеды-птицы.

Как наставить мне дитя?

Как наставить мне дитя
Звезды зажигать?
Хотя
Взрослым звезды ни к чему.
И без видимой удачи
Мы, беспутны и незрячи,
Месим грязь, бредя во тьму.

Как наставить мне дитя
Правду говорить?
Хотя
Совесть в нас от века спит.
И житейский взрослый опыт
Столько лжи веками копит,
Что в одно с обманом слит.

Как наставить мне дитя
Совершать добро?
Хотя
На земле темны дела,
Потому что дни и ночи
Злость и ненависть клокочут,
Точно черная смола.

Как наставить мне дитя
В вере жизнь прожить?
Хотя
Поколений череда
В ослеплении безверья
И в безмерье лицемерья
Забрела невесть куда.

Зову

Зову, кричу — и звать давно устал,
И нет мне отголоска и ответа.
Вхожу в дома — ни встречи, ни привета,
Ни звука даже. Долго я плутал,

Ища людей. Вдруг — перекресток. Встал
Я в ужасе — навстречу (было это!)
Выходит кто-то. Вот он рядом где-то.
Кричу — но крика нету. Пуст квартал.

Как будто смерть под кровли этих мест
Вошла хозяйкой. В мире одиноком
Часы сломались. Страшной пустоты

Оплакать даже некому окрест.
По городскому телу боком-боком
Лишь краб спешит под волны немоты.

Жестяная дудочка

Я тоже семилетним был мальчишкой
И островом сокровищ мнил кровать,
И клады в ней искал. В индейский лес плутать
Я уходил вождем — и томагавк под мышкой.

Мой караван в Сахаре брел с одышкой.
А в полдень дудочник являлся в тень играть
На дудке жестяной — и в душу благодать
Вдувал ее напев, блеснув бенгальской вспышкой.

Я в полдень жизни думаю: «А вдруг
Он, как тогда, придет на уголок, где будка,
Сыграть мотивчик свой? Вдруг жестяная дудка

Растрогает меня средь будничных докук?
Обрадуюсь ли я? Монетку кину? Шутка...
Тот мир пропал — и мальчик тот, и звук...

Зухре

Ужасно неустойчив я — и нету мне покоя:
Дороги в белый день боюсь,
В потемках лестницы боюсь —
Ну черт-те что такое!
И жизнь моя как плач среди
Неброженой чащобы;
Не кто иной —
Я сам виной,
Что не сыщу трущобы,
Ни крова на пути своем. И лишь во мраке ужас
Пылает взглядом, точно зверь. И все вокруг, обрушась,
Со мною потеряло связь... Но кто-то речь заводит:
«Что ищешь ты, Шамсур Рахман?» — и в черный сад уходит
А я его кричу. Зову. Тянусь к его ответу.
Нет никого. Лишь голос мой. И отголоска — нету...

Лазурь,
Которую всегда любил я,
Постоянно
разваливается в куски, кровоточа, как рана.

Вопрос всевышнему

Господь! Уж коль тобою был я сотворяем,
То отчего не птицей-попугаем?
По нормам клетки я б умно крутил хвостом,
Лущил бы семечки и воду пил потом,
И говорил бы чушь по наущенью,
И вовсе был бы чужд я словоощущенью.

Дом

Я в доме собственном смиреннейших смирней —
Шаги мои домашних раздражают,
И те спросонья гнев свой выражают,
И я бесшумен — так оно верней.

Все в доме благолепны, кто взрослей,
И радионамазы обожают;
А девушки цветут, а юноши мужают,
И подрастает целый сонм детей.

В квартале мусорщиков воет барабан,
Орет на стенке громкоговоритель,
И все культуры в тюбиках хотят.

И лишь слова бряцают. Но в обман
Скисает благо. Спит моя обитель —
Сварливый дом. И блещет звезд сенат.

Огонь

Я знал всегда —
Палит он деревни и города.
Будь вражий лагерь, будь кров приветный —
Он равно жарок. Ущерб несметный,
Но незаметный — в его натуре.
А мир не знает — чему конец:
Листочкам бурым, гонимым бурей,
Или культуре, наконец.
Его стихия во мне сокрыта;
Сижу — глаза мои закрыты,
Но вижу — движет лесным пожаром ко мне! По мне!
И — вдруг! — свечи огарком ярым затеплится в ее окне.

Запах тубероз

Я вижу: в нашем бренном мире вечер,
Луна восходит, словно сломанный браслет.
И туберозы пахнут, будто много лет
Таких ночей не нес нам сладкий ветер.

И, может быть, вернется тих и светел
Миг поэтический в наш ординарный свет,
И сном смягчится сонм вещей и вечных бед,
И запах тубероз очистит все на свете.

И этим запахом во мне возрождены
Воспоминанья давние. Бывало,
Меня коснешься ты — и сердце расцветет;

Так раскрывается в неистовстве луны
Эгоцентричный лотос. Хлебом стала
Сегодня память мне. Да только хлеб не тот.

Страдание

Мой сын пылал в жару. И покраснели
Его глаза и стали как цветки
Кришначура. Касанием руки
Я тронул лоб горячий. На постели

Он задыхался. Сердце еле-еле
В нем шевелилось, как в норе зверьки.
В дверные ветер бился косяки...
Врача бы надо! Что ж я, в самом деле!

Цветки кришначура в глаза глядели мне.
«Усни, малыш,— сказал я,— полегчает!»
А он ни слова. Кот в углу скучает,

Я жду рассвета в четком полусне.
Когда б мне разделить толику этой боли!
Но каждый одинок в часы своей недоли.

Препоны

Я думал — в парк с тобой пойдем. Но там
Хулиганья хрипатая надсада.
Я думал — в ресторан зайдем. Досада —
Там торгашей и жрущих тьмы и тьмы.
Я думал — выйдем прогуляться мы
По улице, но там голодных сходки.
Я думал — покатаемся на лодке,
И радости на нас с тобой сойдут...
Но по реке, надутой половодьем,
То буйволы, то мертвецы плывут.

В какую пору мы живем!

В какую пору мы живем! Просто трудно поверить!
Стулу, столу или двери
Скажешь на ухо что-нибудь — обычнейшее такое,
Тому, кому надо, возьмут донесут. Даже лесные звери
И сами леса, озера, ручьи и ручейки в равной мере
Доверия недостойны сейчас — вот оно дело какое!

В какую пору мы живем! В каждом нынешнем доме
Ложь преспокойно сидит и коктейль потягивает в истоме.
Все происходит всегда по ее.
Все расстараются ради нее.
Разум, добро, благородство
Ей отдают первородство.
В какую пору мы живем! Ночью весенней часто
Вместе с тобой мы по парку идем, а рядом — толпы
несчастных;
Наш поцелуй оскверняется хором
Их попрошайства, увечьями, мором,
И обступает трупная прель
Нашего первенца колыбель.

Время

Птиц и зверей, людей, царей, миры,
Эпохи, государства и народы —
Даятель неминуемой невзгоды
Сгребает Время с кона злой игры.

Оно как тигр. Страшны его пиры.
Все мимолетно — твердь, земля и воды.
Все прах пред ним — и семена, и всходы.

Все тлен пред ним — потери и дары.
Зачем цепляюсь? Бездна ждет меня.
Не упасут на осыпи каменья,
И Время нам не улестить собой.

Ты — прах и тлен — бежишь, как от огня,
От бренности своей. Но нет сомненья,
Что трюк с бессмертьем выдуман тобой.

■

КЭНДЗАБУРО ОЭ

Записки пинчраннера

РОМАН

Перевод с японского В. ГРИВНИНА

4

Вам может показаться удивительным, что о таком из ряда вон выходящем инциденте не было сообщения в газетах. Но это говорит лишь о существовании приказа заткнуть рот прессе из-за опасения, что известие о тридцати ружьях и большом количестве патронов, попавших в руки организованной в группу молодежи, может вызвать общественное волнение. Я же имел возможность на месте гоняться за слухами и легендами, связанными с этим событием.

Я сказал: «приказ заткнуть рот», будучи уверен, что в нашей стране он действует фактически повсеместно. Невероятно большое число инцидентов не находит отражения на страницах газет. Мне, например, точно известно, что это относится к происходящему на атомных электростанциях. Я уже говорил, что до сих пор получаю пособие как бывший научный сотрудник атомной электростанции, только дав обязательство не сообщать средствам массовой информации конкретных подробностей аварии, в результате которой я подвергся облучению. Мне и впредь необходимо это ежемесячное пособие, вот почему я и вам не раскрываю всей сути происшедшего, ха-ха.

Подобное случалось, я думаю, не только со мной; я имею в виду людей, облучившихся на атомных электростанциях, которых не только руководство электростанции, но и профсоюз убеждал держать в тайне случившееся, и они молчали, получая за это определенное денежное вознаграждение. Атомные электростанции обходятся дорого, ха-ха. Они определенно разрушают окружающую среду и ежедневно вырабатываемыми радиоактивными отходами, и астрономическим количеством отработанной горячей воды, но, несмотря на это, они активно пропагандируются как источник энергии, символизирующий надежду будущего человечества выжить. А значит, распространять слухи о том, как я, работая на такой электростанции, стал жертвой аварии, все равно что перечеркивать завтрашний день человечества. И, естественно, молчание становится нашей неотъемлемой сущностью.

Приведу пример — об этом инциденте писали газеты. Он произошел совсем недавно — помните? На атомной электростанции в Тохоку инженер-электрик умер от белокровия. Он служил в компании, осуществляющей ремонт атомных реакторов. В течение четырех лет он проверял и ремонтировал атомные реакторы. В мае прошлого года его положили в клинику, а в конце февраля этого года он умер. Мне не особенно хотелось знать подробности — достаточно уже того, что у него оказалось белокровие. Компания попыталась заткнуть рот средствам массовой информации — это естественно, но и семья умершего тоже хранила молчание. В течение своего полугодового пребывания в клинике инженер тщательно скрывал диагноз и ни словом не обмолвился о нем больным, находившимся в одной с ним палате. Если бы случившееся выплыло наружу, он мог бы лишиться покровительства атомной электростанции, и тогда рассчитывать ему было бы не на кого. Он испытывал одиночество человека, который в условиях бурного использования атомной энергии в мирных целях усомнился в целесообразности строительства атомных электростанций. В состоянии ли

Окончание. Начало см. в № 11, 1981.

больной вынести такое испытание? Я убежден, что множество инженеров проходит курс лечения, облучившись на атомной электростанции.

Таким образом, остается одно — говорить о подобных инцидентах в юмористических тонах,— так вот, я облучился вне стен атомной электростанции. И в этом первая причина того, что электростанция и профсоюз сделали все, чтобы сохранить случившееся в глубокой тайне.

Мы мчались тогда в машине, груженной ядерным сырьем, из которого можно было изготовить двадцать бомб. Мчались по государственной автостраде втроем: водитель, его помощник и я, представитель атомной электростанции, и никакой охраны — не великолепно ли, ха-ха. И произошло то, что должно было произойти,— на нас напали похитители ядерного сырья.

Писатель-невидимка исходит из подготовленных отцом Мори материалов, стараясь понять, на чем основываются его «юмористические тона», представил себе детали инцидента так. На атомной электростанции с помощью стержней из изотопа урана-238 в определенной пропорции с обогащенным на 3—5% ураном-235 нагревают паровой котел. В результате происходит превращение некоторой части урана-238 и в реакторе образуется плутоний. Для его выделения стержни раз в год извлекаются и подвергаются химической обработке. Ральф Лепп — один из тех, кто делал атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, а после войны стал критиком ядерной стратегии, хотя и не настаивает на полном уничтожении ядерного оружия,— пишет, что ядерные стержни, заключенные в огромные свинцовые контейнеры, невероятно тяжелые, «горячие» в смысле радиации, и даже гангстеры, если похитят их, никакой пользы для себя извлечь не смогут. А вот выделенный химически на обогатительной фабрике азотнокислый плутоний, представляющий собой зеленую жидкость, обладает весьма слабой радиацией, и его можно перевозить на грузовике в обычных контейнерах — им гангстеры могут заинтересоваться, говорит Лепп.

Писатель-невидимка согласен, что зеленая жидкость в контейнерах была тем самым ядерным сырьем, которого могло хватить на двадцать бомб, о чем говорил отец Мори, и считает описанный инцидент вполне вероятным! Однако, если бы даже зеленая жидкость действительно была похищена, для того чтобы изготовить из этого исходного продукта атомную бомбу, пришлось бы наладить производственный процесс по ее очистке и превращению в металл — для этого необходимы дорогостоящее оборудование и опытные специалисты. Разумеется, если грабители ядерного сырья поставили себе цель завладеть этими контейнерами, то все происходило так, как описывает отец Мори.

Мы ехали в большой машине, груженной ядерным сырьем, возвращаясь с обогатительной фабрики на атомную электростанцию. Вырвавшись из бесконечных пробок, наша машина выехала наконец на специальную дорогу, ведущую к атомной электростанции. Тут нас и захватили. Крытый брезентом грузовичок старой модели, который, несомненно, следовал за нами от самой обогатительной фабрики, отчаянно сигналя, будто хотел обогнать нас, начал прижимать нашу машину к обочине — какое сопротивление могли мы оказать, не имея охраны? Во-первых, я не сразу разобрался в происходящем и даже подумал, не нарушили ли мы правила движения. Вполне можно было предположить, что в крытом брезентом грузовичке сидит инспектор дорожной полиции. А водитель скорее всего подумал: наверно, что-нибудь неладно в кузове, где стоят контейнеры, и его машину хотят остановить, чтобы сказать об этом. После того как грузовичок обогнал нас, водитель рукой в перчатке стал подавать знаки, чтобы мы подъехали к обочине и остановились, причем делал он это твердо и уверенно.

Однако, как только мы остановились, из грузовичка выскочили какие-то личности, чей вид вызвал изумленные возгласы нашего водителя и его помощника. Вне себя, они завопили злыми голосами:

— В чем дело, в чем дело? Чего вам надо?

— Что это такое, что это такое? Чего это вы устроили?

Брезент над кузовом преследовавшего нас грузовичка откинулся, и оттуда молодцевато выпрыгнули человек пять-шесть, они встали в позу *жестяных людей* из «Ужасного колдуна»[1], издав при этом странный металлический скрежет. Их можно было

[1] Популярный в Японии комикс.

назвать ловкими и в то же время какими-то несуразными — беспорядочно, хотя и энергично прыгая вокруг нас, они действовали неумело, и было совершенно непонятно, чего они хотят. У всех у них в руках были старинные пики, в рост человека.

— В чем дело, в чем дело? Чего вам надо?

— Что случилось, что случилось? Чего это вы затеяли?

Жестяные люди пиками уперлись в дверцы водительской кабины, и водитель со своим помощником снова завопили голосами, в которых звучали жгучая злоба и стыд. Тут я впервые испугался, и не на шутку, из-за их странной одежды. Потом мне пришла мысль, что самое ужасное произойдет, если им удастся осуществить задуманное. Наряд *жестяных людей* — старые американские шинели с капюшонами, надвинутыми на глаза, поверх шинелей привязаны тяжелые металлические листы — по всей видимости, одеяние это должно было защищать их от радиации; скорее всего руководил грабителями не научный расчет, а животный страх. *Жестяные люди*, тут же взобравшиеся в кузов нашей машины, оказались, видимо, первыми в нашей стране похитителями ядерного сырья.

Теперь один из *жестяных людей* начал колотить пикой в дверцу водительской кабины. Водитель и его помощник опять закричали растерянно и в то же время негодующе:

— В чем дело? В чем дело? Чего вы стучитесь?

— Что это такое, что это такое? Чего вы стучитесь?

— Хотят, чтобы мы открыли дверцу,— пришлось мне объяснить им.— Нижняя часть лица под капюшоном, наверно, у него повязана носовым платком, и поэтому говорить он не может. Ничего плохого делать нам он не собирается — нет нужды.

Пика продолжала барабанить по дверце, и водитель нехотя открыл ее — в кабину ворвалась уличная жара и вонь, исходившая от *жестяного человека*. Он протянул руку, огромную из-за прикрывавших ее металлических листов, и вытащил ключ зажигания. Между рукавом шинели и перчаткой проглянула потная розовая кожа.

Завладев ключом, *жестяной человек* резко захлопнул дверцу и, грохоча, побежал к своему грузовичку. Как только он вскочил на подножку, грузовичок развернулся и задом подъехал к кузову нашей машины. Водителем грузовичка был бледный мужчина в спортивной рубахе, а не *жестяной человек*, как остальные. Когда я выглянул из кабины, чтобы получше рассмотреть его, *жестяной человек* на подножке погрозил мне пикой, так что водителя удалось увидеть лишь мельком. И еще я заметил, тоже на мгновенье, нарисованную на брезенте эмблему начальной школы. И подумал, что это грузовичок, на котором доставляют школьные завтраки, и мои мысли устремились в новое русло. Эмблема начальной школы как раз и заставила меня сделать то, что я сделал в дальнейшем. Не покажется ли вам это странным? Ведь в то время у меня еще не было ребенка, да я и не питал особого интереса к детям.

И все же, когда я увидел эмблему начальной школы, я совершенно явственно услышал громкие крики: ЛИ... ЛИ... ЛИ... Я испытал возбуждение пинчраннера, охваченного страхом, смешанным с горьким честолюбием.

Я еще был сотрудником атомной электростанции и в тот раз отвечал за перевозку ядерного сырья, но не само нападение возмутило меня так сильно, как водителя и его помощника,— пока еще не отчетливо, но я уже предвидел огромную опасность, с которой оно связано. И мысль об этой опасности сверлила мне мозг: ЛИ... ЛИ...

Поскольку жестяные люди решили везти ядерное сырье в грузовичке, на котором доставляют школьные завтраки, то, видимо, предполагают воспользоваться летними каникулами и произвести очистку плутония в спортивном зале начальной школы. Какой-нибудь юнец, только что назначенный учителем физики этой начальной школы, будет руководить производственным процессом, но сможет ли эта компания, не имеющая никакого опыта, благополучно осуществить задуманное? Даже если все пойдет хорошо, заражение спортивного зала ядерным сырьем неизбежно. При соприкосновении с воздухом очищенный плутоний окисляется. В этом случае окись плутония распространится по всему спортивному залу. Дети будут вдыхать его, и через какое-то время в школе появятся больные раком легких.

Когда мне это пришло в голову, я сам закричал: ЛИ... ЛИ... и, переступив через колени водителя и его помощника, выскочил из кабины в дверцу, которая не была видна *жестяному человеку*. Водитель и его помощник с негодованием теперь кричали вслед мне:

— Что это с вами, что это с вами? Побледнели как полотно. Не впутывайте нас в это дело!

Когда я подбежал, *жестяные люди* уже загрузили в свой грузовичок вожделенные контейнеры. И точно завороженные смотрели на зеленую жидкость, струйкой стекавшую с кузова на землю. По меньшей мере один контейнер оказался поврежденным.

Было уже слишком поздно, а похитители ядерного сырья стояли и строили идиотские предположения: проникнет вытекающая жидкость через их защитную одежду или нет. Ни у одного из них не было счетчика Гейгера. Заметив, что я побежал, один из них с грохотом припустил за мной, остальные, смотревшие на расползающееся по земле пятно, обернулись в нашу сторону. Тут я поднял крик и, хотя до смерти напугал всех этих юнцов, сам оказался в безвыходном положении, и мне не оставалось ничего другого, как нырнуть под брезент грузовичка похитителей.

— Здесь все вокруг заражено! И грузовик, и дорога — все заражено! Вы сами тоже заражены! Если вы уедете обратно на своем грузовике, то заражен будет весь Токио! Спасайтесь, спасайтесь, спасайтесь!

С этим криком я спрятался за самым дальним контейнером, и *жестяные люди* стали колоть меня пиками, подняться в кузов они боялись. Я все кричал, а *жестяные люди* все кололи и кололи меня пиками, боль была нестерпимой, а тут еще возникла и другая боль, от ожогов. Но я безостановочно кричал металлическим голосом, не уступавшим лязгу лат *жестяных людей:*

— Здесь все вокруг заражено! Вы облучились. Я тоже облучился и весь в ожогах! Разве можно допустить, чтобы вы вернулись в Токио на своем грузовике и заразили весь город? Нельзя допустить, чтобы дети заболели раком легких! Спасайтесь, спасайтесь, спасайтесь!

Крытый брезентом грузовичок продолжал стоять на месте, а юнцы все ожесточеннее кололи меня пиками. Вдруг *жестяные люди* разом сорвались с места и побежали, издавая невероятный лязг. Боль от ожогов лишила меня сил вылезти наружу, я уже не кричал о радиоактивном заражении и, лишь едва слышно повторяя все еще звучавшее у меня в ушах ЛИ... ЛИ..., весь дрожал, точно от холода, хотя лето было в разгаре. Вот как я был облучен.

Глава III

Однако все это было в прошлом

1

Однако все это было в прошлом; я говорю — в прошлом, потому что все это безвозвратно прошло. Дело в том, что это происходило до нашего с Мори *превращения.* Теперешние же я и Мори — это я и Мори после *превращения.* Что значит *превращение?* Мне даже кажется, что я только и живу ради того, чтобы рассказать о нем, преодолев неисчислимые тяготы, выпавшие на мою долю после *превращения,* ха-ха. Но как сложно рассказать о *превращении* так, чтобы убедить вас, а через вас бесчисленное множество других людей! Рассказывать же упрощенно, в общих чертах бессмысленно. Именно поэтому до сих пор я рассказывал о том, что уже безвозвратно прошло. Это была подготовка.

И опять-таки именно поэтому мне понадобились вы — писатель-невидимка. Я, рассказывавший вам до сих пор,— это я уже после превращения. Мне, человеку, лишенному литературных способностей, вряд ли удалось бы придать правдоподобие описанию событий до *превращения,* изложенные человеком после *превращения.* А чтобы понять, что представляло собой наше с Мори *превращение,* совершенно необходимо знать все происшедшее до него.

До сих пор я ничего не рассказывал вам о *превращении.* Говоря о своих предчувствиях, я мельком коснулся этого, но рассказывал-то о действительно случившемся в моей реальной жизни и снах до *превращения.* Пригласить вас в качестве писателя-невидимки было для меня единственно возможным способом передать информацию бесконечному множеству людей. И роль писателя-невидимки будет постепенно возрастать. Я взял на себя обязанность поведать всему человечеству об истинном смысле *превращения,* но для этого нужно не столько говорить, сколько действовать, опять-таки в интересах всего человечества! Я в самом деле безумно занят, ха-ха.

Таким образом, поскольку роль писателя-невидимки определилась, характер этой работы, заключающейся в описании событий, субъектом которых является отец Мори, наконец, стал ясен и мне, и читателям. Следовательно, комментарии, отражающие несогласие между рассказчиком — отцом Мори и мной, записывающим его рассказ, потребуются мне в редких случаях, как это и было до сих пор. К тому же я стал испытывать острый интерес к *превращению* или, лучше сказать, к самому отцу Мори, утверждающему, что такое *превращение* произошло. Следовательно, до тех пор пока отец Мори не умолкнет, я не откажусь от выполнения своей миссии писателя-невидимки.

Итак, наше с Мори *превращение* — каким образом оно началось? Прежде всего мне хотелось бы, чтобы в вашей памяти запечатлелся факт, что это случилось в начале весны, в день сильного снегопада. И сам факт, что в тот день был сильный снегопад, заставивший отступить весну, тоже, видимо, имел определенное значение. Проснувшись в темной комнате, я сразу же почувствовал, что снаружи все занесено глубоким снегом. Почувствовал по холоду, по доносившимся с улицы звукам, совсем не таким, как всегда. Обычно я поднимаюсь с постели с тяжелым сердцем, будто внутри у меня что-то надломилось, но в то утро или, лучше сказать, почти в полдень я встал удивительно бодрым, готовым на любые подвиги.

Мори тоже был возбужден снегопадом, он встал с рассветом и смотрел на снег. Его сумеречный, ограниченный мир сознания расширился до того, что он мог уже испытывать подъем, даже его движения, хотя и едва уловимо, изменились, стали более ловкими, целенаправленными. Это-то и явилось непосредственной причиной события, случившегося во второй половине того снежного дня, то есть последнего события перед *превращением*. Действия Мори на первый взгляд могли показаться безрассудными, но, если внимательно присмотреться к ним теперь, когда все завершено, в них явственно вырисовывается причинно-следственная связь. Мори никогда не действует по своей прихоти, ему неведом метод проб и ошибок — разумеется, это немало усложняет жизнь нашим детям, ха-ха!

В тот день обстоятельства складывались для жены особенно неблагоприятно. Ее разбудил Мори, чтобы она сменила обмоченную еще на рассвете простынку, потом позвонили из группы Ооно, чтобы я выходил. Точно недовольная птица, она нахохлилась, замкнулась в себе и не удостоила даже взглядом снежные сугробы. Мне пришла в голову мысль, не воплотились ли в мою жену, собравшись вместе, все тени, сбежавшие с улицы, где стало так необычно светло, ха-ха! В одинаковом пальто, в одинаковых шапках, в одинаковых шерстяных шарфах, в резиновых сапогах, доходивших нам до колен,— в таком виде мы вышли с Мори из дому. Встречавшиеся на прорытой в снегу узкой тропинке прохожие, чье сонное воображение, подстегнутое снегопадом, пробудилось, удивленно смотрели на нас. Вернувшись домой, они, наверно, снова вышли на улицу — насладиться снегом, и, может быть, кто-нибудь из них говорит:

— Странная пара, этот взрослый и ребенок. Совершенно одинаковые с головы до ног. Даже головы у них одинаковые, два огурца, большой и маленький, нет, это не отец и сын, а братья, и один из них — карлик.

В тот день мы с Мори шли встречать руководителя движения против строительства атомной электростанции на юге Сикоку, который прибыл на Хонсю рейсовым пароходом, а потом пересел на поезд Синкансэн — скоростной линии железной дороги. Он интересовался мной потому, что я уже десять лет был неразрывно связан с группой Ооно. «Десять лет со дня облучения» — руководитель движения обязательно употребит эти слова; во время нашей беседы он будет задавать мне вопросы о тех тяготах, физических и моральных, которые я в связи с этим испытываю. Снедаемый постоянной тоской, я не смогу передать свои истинные чувства и мысли и буду говорить самые общие вещи. Тем более что руководитель движения из далекой провинции, чтобы доложить потом обо всем пославшей его организации, будет подробно и обстоятельно записывать мои слова. Но поскольку в прошлом я был инженером и имею опыт работы на атомной электростанции, то я обязательно скажу о неверном толковании проблем научного характера. Так что для него, руководителя движения, я ни в коем случае не окажусь человеком совершенно бесполезным.

Я ходил на самые разные митинги протеста против строительства атомных электростанций и в первую очередь для того, чтобы встречаться с Ооно. Если бы я уходил из дому без убедительного предлога, порожденного нашим атомным веком,— борь-

бы против строительства атомных электростанций,— жена бы сделала все, чтобы помешать моей встрече с Ооно. Но жена тоже человек атомного века — разве могла она возражать против борьбы со строительством атомных электростанций, одна из которых, по ее глубокому убеждению, была виновна в облучении ее мужа и разрушении в его организме красных кровяных телец, в рождении ребенка, подобного нашим детям, и лишении ее возможности производить на свет здоровых детей? Жена очень гордилась тем, что училась когда-то на медицинском факультете; так могла ли она повернуться спиной к гражданскому движению протеста против строительства атомных электростанций, хотя и возглавляла его Ооно?

В этом причудливо переплеталось комическое и трагическое, ха-ха, но временами моя жена сама, казалось, сомневается — может быть, облучение плутонием тут ни при чем и что-то неладное произошло в ее собственном материнском организме. Именно поэтому она, возможно, прониклась еще большей ненавистью к атомным электростанциям, стараясь убедить себя в том, что именно они повинны во всех ее несчастьях.

— Идем на платформу Синкансэна. Эта та самая платформа, Мори, с которой ты ездил к бабушке.

— Да, Синкансэн!

Так переговаривались мы с Мори в толчее Токийского вокзала у выхода на платформу Синкансэн, и тут я выпустил руку Мори, которую до этого крепко сжимал. Нужно было купить перронные билеты. Я направился было прямо к окошку кассы, но, увидав, что перед ним стоит человек пять-шесть, неловко потоптавшись, повернулся и пошел в конец очереди. Я рассеянно смотрел по сторонам. В моем костюме, предназначенном для хождения по глубокому снегу, мне было слишком жарко, и я находился в каком-то полубессознательном состоянии. Купив перронные билеты, я протянул один из них Мори, который, как я думал, стоит у меня за спиной, но Мори исчез!

Толчея переместилась от контроля у выхода на платформу Синкансэн вправо, к центральному входу. Я кричал громко, но мои крики мгновенно растворялись в шуме толпы.

— Мори, Мори!

Все было напрасно.

Я кричал, а толпа безжалостно толкала меня и несла за собой, и мне с трудом удавалось сохранять равновесие. Я решил остановиться у центрального входа — ведь у Мори нет перронного билета. Пока я нервно оглядывался в сторону контроля, новый поток пассажиров потащил меня к проходу на платформу линий Кёхама, Яматэ и Центральная. В конце концов мне удалось вырваться из толпы и вернуться к выходу на платформу Синкансэн, но Мори и след простыл. Судя по времени, экспресс Хикари, который я встречал, уже пришел. Не зная, что предпринять, я нерешительно, поминутно оглядываясь, прошел контроль и одним духом взбежал по лестнице на платформу, к которой прибывал экспресс Хикари. Там уже стояли встречавшие — два молодых человека с флагом группы Ооно.

— Хорошо, что пришли! Из-за снежных заносов поезд опаздывает на целый час,— сказали они, как обычно, бесстрастно.

— Только что где-то здесь исчез мой сын. Пойду разыщу его и сразу же вернусь.

— Пропал Мори? Уж не ЦРУ или Американская комиссия по атомной энергии здесь замешаны?

— Не может быть! — закричал я.

— Почему? Как это «не может быть»?

Молодые люди, которые привыкли организовывать демонстрации и всегда готовы к активным действиям, захваченные дикой фантазией о существовании некоего международного заговора, тут же окликнули проходившего мимо сотрудника железнодорожной полиции. Тот стал подробно записывать в блокнот: имя пропавшего, возраст, пол, место жительства, профессия отца. Хотя Мори было уже восемь лет, чужому он ни за что не скажет своего имени, поэтому объявлять по радио об исчезновении мальчика было бессмысленно. Кроме того, пропавший Мори не проявит никакого беспокойства, что позволило бы окружающим понять: пропал именно он.

— Ему восемь лет, но... От рождения с черепом у него не все в порядке... и, даже поняв, что потерялся, плакать он все равно не будет...

— Вы говорите, с черепом не в порядке,— это заметно?

— Была опухоль — ее удалили! Что же тут противоестественного?

Нужно пойти в участок и проделать все необходимые формальности — как у них все просто! Молодые люди, которым нельзя было отказать в отзывчивости, пошли туда вместо меня. Я снова вернулся к контролю у выхода к платформе Синкансэн и стал рыскать по всему вокзалу. Токийский вокзал — здание довольно простое, но для такого ребенка, как наши дети, оно представляет собой огромный лабиринт, где легко заблудиться, да к тому же отсюда можно уехать в любой район Японии.

Через час после того, как начались поиски Мори, молодые люди из группы Ооно, прихватив с собой маленького пожилого человека — руководителя движения против строительства атомной электростанции на Сикоку,— спустились с платформы. Молодые люди уже рассказали ему мою придуманную сначала только для жены историю, будто ненормальность Мори объясняется тем, что я был облучен,— он тут же выразил готовность включиться в поиски Мори и стал расспрашивать о его приметах.

— Увидите — сразу поймете, что слабоумный. Точная моя копия, уменьшенная на треть! — ответил я грубо.

Он печально посмотрел на меня.

Мысли, терзавшие меня во время поисков Мори, продолжавшихся уже целых два часа, вспомнились мне потом, при случившемся вскоре *превращении*, и наполнились для меня новым смыслом. Меня преследовала мысль, что Мори оказался брошенным на Токийском вокзале, точно ребенок, подкинутый в камеру хранения. Преследовала меня и такая идея: а вдруг Мори сел в первый попавшийся поезд и уехал неизвестно куда и попадет в руки совершенно чужих людей. Пройдет несколько недель, родственные узы, связывающие его со мной, его отцом, порвутся, и Мори превратится в совершенно другое существо, и не исключено — я найду его только по собачьему выражению глаз и странному шраму на животе...

Стоило мне представить, что Мори упал с платформы и его переехало поездом, как все во мне переворачивалось. К тому же у меня было совершенно отчетливое чувство, что произошло *превращение* и мы поменялись с Мори местами — потерявшийся ребенок, брошенный всеми, заблудившийся, не понимающий, что с ним произошло, не кто иной, как я сам. Потрясенный этой мыслью, я метался по вокзалу, и тут ко мне подбежал руководитель движения против строительства атомной электростанции на Сикоку, взывавший к каждому ребенку, который попадался ему на глаза: «Мори! Мори?» — и обратил ко мне глаза, полные непереносимой боли, чистые и честные глаза пожилого человека. Каждый раз, когда на меня смотрели эти глаза, я чувствовал себя вдвойне, втройне затерянным в толпе Токийского вокзала и шептал строку из Блейка, которую как-то прочел в романе: *Отец, куда же ты ушел, бросив меня?* Прошептав эти слова, я обратился к какому-то совершенно постороннему, неизвестно что собой представляющему человеку (ха-ха, обратился к отцу) вырвавшимся из самой груди молитвенным голосом, точно взывающим о помощи:

Father! Father! Where are you going? O, do not walk so fast.
Speak, father, speak to your little boy.
Or else I shall be lost [1].

Запыхавшись от погони за человеком, который хотел бросить меня, я в конце концов начал носиться взад-вперед по Токийскому вокзалу, ха-ха — неужели я хотел догнать убегающего?

Что же касается настоящего Мори, то его нашли молодые люди, которые любое дело доводили до конца. Мори поднялся на платформу экспресса «Кодама» и целых три часа, никому не мешая, спокойно стоял у киоска, навалившись своим усталым телом на прилавок. Толпы людей на платформе толкали его, и он нашел себе убежище в этом тихом уголке. Когда мы отправились с ним навестить бабушку, то ехали как раз на экспрессе «Кодама». Точно бестелесное существо, он без билета спокойно проскользнул через контроль на выходе к платформе Синкансэна. Молодые люди пошли в полицейский участок сообщить, что пропавший найден, а мелкий служащий, пивший чай, сказал своим товарищам:

— Я так и подумал, что это он и есть, на платформе экспресса «Кодама», да? Я его там видел.

---

[1] Отец! Отец! Куда ты идешь? О, не иди так быстро, говори, отец, говори со своим маленьким сыном. Иначе я потеряюсь *(англ.)*.

Молодые активисты, имеющие привычку по всякому поводу заявлять протест властям, набросились на него: если заметили мальчика, почему не удостоверились, кто он, не доложили? Они так вошли, что их чуть было не арестовали, но им удалось ударить, ха-ха.

2

В тот день я надолго задержал на вокзале руководителя движения против строительства атомной электростанции на Сикоку и даже заставил его помогать нам разыскивать Мори, но этого мало — я решил вернуться домой и не участвовать в вечернем митинге, где ему была отведена главная роль. И, что было уже совсем неприлично, я еще спросил у молодых людей, будет ли присутствовать на митинге Ооно, и получил такой ответ:

— Послушайте, папаша, ради чего вы вертитесь около нашего движения? Когда Ооно не будет с нами, вы сразу же сбежите, да? До чего же люди вашего возраста бесхитростны!

Я почувствовал, что молодежь в душе осуждает меня. Но я совсем выбился из сил, устал и Мори, и мы, шлепая по слякоти от растаявшего снега, перепачканные с ног до головы, вернулись домой. Подождав, пока жена, у которой с утра было дурное настроение, переоденет Мори, я увел его в кабинет и стал бить. Мори весь съежился от страха, сощурился, втянул голову в плечи и, пытаясь защитить лицо, выставил вперед локти. Где и когда научился он так защищаться? Может быть, среди общих накоплений человечества, получаемых нами еще до рождения благодаря наследственному коду, есть специальный пункт, предусматривающий правила защиты слабого, когда его избивают? А я, приводя Мори в ужас, пользовался самыми грязными методами — схватив за руки, пытался отвести их от лица, тыкал в грудь, чтобы ему пришлось опустить локти, и бил его по щекам.

Вас, отца одного из наших детей, наверно, с души от этого воротит, вам хочется спросить меня: для чего? Запишите мой ответ, и пусть он прозвучит как смех сквозь слезы, ха-ха,— чтобы научить! Как иначе осознал бы Мори, что три часа его блужданий были ужасными тремя часами, как бы он смог понять, что должен за это понести наказание? Хотя наказание последовало лишь через пять часов, я все бил и бил Мори — и не было мне оправдания, ха-ха,— чтобы научить! Научить, что бросать меня и уходить, бежать так, чтобы я не мог догнать, уходить в неизвестном направлении — плохо! Ха-ха, жестокое учение с весьма сомнительными результатами!

Когда я ударил Мори первый раз, нос его стал багровым, точно внутри его вспыхнула красная лампочка, из глаз пролилось несколько слезинок, и он, будто для того, чтобы подтвердить мой удар, сам стукнул себя по той же щеке. И он не плакал. Потому что я, ударив его первый раз, пригрозил: не смей плакать! Что же я начал делать потом? Дрожа всем телом от озноба, будто во мне таяли снежные сугробы, со скрипом стискивая зубы так, что сморщился подбородок, ха-ха, я коварно и жестоко бил неумело защищающегося, не помышляющего о сопротивлении ребенка...

Я постепенно осознавал, что невидимой мне, грубой, огромной ладонью бьют не кого иного, а именно меня, бьют прозрачной, огромной ладонью, легко преодолевающей неумелую защиту, и, чтобы понять смысл этих ударов, я бью самого себя по щеке (но это щека Мори!), и волосы у меня встают дыбом.

— Что вы здесь делаете в темноте? — услышал я за своей спиной крик человека, у которого тоже волосы встали дыбом. Не разгибаясь, я испуганно обернулся и увидел жену, которая, перестав кричать, так и осталась с зиявшим черной ямой открытым ртом. Что-то напоминающее серебристые листья ивы выделялось на темном лице жены. Два глаза и лезвие бритвы в левой руке.

— Сам виноват, что Мори потерялся, за что ты его бьешь? Ты же ему говорил о бабушке, вот он и пошел на платформу «Кодама». И целых три часа терпеливо ждал, что ты догадаешься об этом! Откуда такая жестокость? Что ты делаешь с ним здесь, в этой страшной темноте?

Жена кричала «в этой страшной темноте», дрожа всем телом, точно так же как дрожали мы с Мори.

— Скажи лучше, что ты собираешься делать? С бритвой в руке? Может, ты тайком брилась?

— Ты поехал на Токийский вокзал, чтобы бросить там Мори? Ты поехал, чтобы бросить там Мори, и, чтобы создать себе алиби, решил использовать в качестве свидетелей активистов движения против строительства атомных электростанций!

— Ничего подобного!

— Когда ты первый раз позвонил мне, что Мори пропал, ты был возбужден — думал, удалось избавиться от него! А стоило ему найтись, и в телефонной трубке я слышу унылый голос! Будешь и дальше врать?

— Я искал Мори целых три часа и безумно устал, откуда же взяться бодрости.

— Бодрости у тебя не было, наверно, потому, что не пришла та отвратительная женщина! Нужен ты ей, чтобы с тобой встречаться! Она в это время выступала по телевизору. Так бить ребенка, которого ты собирался бросить, только за то, что тебе не удалось встретиться с этой женщиной? Подонок!

После нашего возвращения, переодевая Мори, жена упорно отворачивалась от меня, когда я рассказывал о случившемся, и я подумал только, что виной всему ее дурное настроение. Но она, наверно, в течение ста восьмидесяти минут, которые отделяли первый звонок — Мори потерялся, и второй — он нашелся, беспрерывно пила виски. И теперь пьяна. Поняв это, я разозлился до того, что в глазах потемнело — такова была моя реакция на страх от неожиданного появления жены. Если вдуматься, я постоянно стеснялся жены и на этот раз, боясь, что она услышит, приказал Мори не плакать.

— Я прекрасно понимаю — ты меня ненавидишь, вот и размахиваешь бритвой. Но тебе меня не обмануть, я видел, что ты собиралась сделать в то утро. Скажи сама, что хуже: бить Мори или кастрировать его?

Не успел я это сказать, как ее глаза — два ивовых листка на одном уровне — сверкнули во тьме. Третьим листком — золингеновской бритвой — жена начала размахивать во все стороны!

Жена, хотя и пьяная, была ошеломлена и, когда до нее дошел смысл моих слов, даже перестала размахивать бритвой. Я ее, конечно, разозлил, но у меня была и другая цель — представить ее трагедию в комическом свете и хоть немного сбить чудовищное напряжение. Совершенно обезумевшую жену я любил сейчас до умопомрачения, этим же умопомрачением можно было объяснить и мои слова.

— Я убью тебя! Хотя ты и облучен плутонием, все равно спишь с женщинами! И пусть все катится к черту! Я убью тебя!

Размахивая бритвой, жена набросилась на меня. Я повалил Мори на пол и теперь мог увертываться от мелькавшей у меня над головой бритвы. Пьяная жена, прыгая около меня, споткнувшись, ударилась о книжный шкаф.

— Ой, больно! — жалобно закричала она.

Но в нее точно бес вселился — боль только распалила ее, она снова набросилась на меня.

Атаки жены стали чересчур опасными, но тут застонал валявшийся у наших ног Мори. Как только я с ужасом подумал, не поранен ли Мори, жена ударила меня по уху рукой, в которой была зажата бритва. От страха, охватившего меня подобно мрачной, грозовой туче, я с силой отшвырнул жену. Она и сама испугалась, что бритва сделала свое дело и, с грохотом ударившись о стеклянную дверцу шкафа, на этот раз не завопила: ой, больно! Послышался лишь звук, похожий на всхлипывания — наверно, она пыталась втянуть кровь, лившуюся из носа. На полу стонал Мори — он трясся, напуганный нашей дракой.

Я стоял в темноте и тихо скулил. Удар пришелся по кончику левого уха и губе, но бритва, как мне показалось, щеки не задела; брызнула кровь, и я ощутил боль, но не только от удара, а еще и от того, что нервные волокна словно скрутились в тугой клубок. Возможно, я скулил еще и потому, что в критический для жизни момент пытался спастись, инстинктивно повторяя то, что делал Мори. Всхлипывания жены объяснялись, видимо, тем же. Каждый из нас старался подражать стонам Мори.

С подбородка, точно из крана, стекала кровь и струилась с груди на живот, а потом на босые ноги. Я открыл рот, чтобы облизать губы, но, попав на онемевший, ставший твердым, как палка, язык, кровь полилась по нему в горло; закашлявшись, я стал выплевывать сгустки крови. Я понял, что бритва все-таки рассекла щеку насквозь и из этой красной дыры, наверно, торчат зубы, свои и искусственные; я пошел к выключателю зажечь свет, заливая кровью все вокруг. Нужно показать рану убийце с золингеновской бритвой! Но я увидел такое, что отбило у меня охоту демонстриро-

вать свою рану. Жена, стоявшая у стеклянной двери, куда я отшвырнул ее, опустив окровавленное лицо, занесла левую руку с бритвой, чтобы перерезать запястье на правой! Я схватил с пола под выключателем крысоловку и запустил в жену, целясь ей в руку. В бритву она не попала, но зато прищемила ей правую руку. Жена издала вопль, на который не способна ни одна крыса, и начала судорожно отжимать пружину, ха-ха. Это была особая крысоловка, изготовленная по моим чертежам, когда я работал на атомной электростанции, где крысы перегрызали трубы, по которым поступала вода для охлаждения реактора. Я перетаскал с атомной электростанции массу всяких вещей, но ни одна не оказалась столь полезной, как эта крысоловка.

Засунув в рот четыре пальца, высвобожденные из крысоловки, жена медленно вышла из комнаты. Я сел на кровать, чувствуя во всем теле неприятный озноб. В книге, анализирующей стрессы, которым подвержены служащие атомной промышленности, я как-то прочел, что во время стресса происходит сужение кровеносных сосудов кожи, чтобы больше крови поступало в мозг и мышцы. Но в данном случае все было по-другому — кровь не поступала в мозг и мышцы, она лилась на пол из раны в щеке.

Все тело мое закоченело, будто я уже был трупом. Я неотрывно смотрел на все еще лежавшего на полу, прикрывавшего обеими руками кусочек пластмассы в голове и продолжавшего стонать Мори. Удастся ли мне восстановить взаимопонимание, существовавшее между нами до сих пор? А какими, собственно говоря, были наши отношения до сих пор? Я вспомнил, что Мори сам ударил себя по щеке, мне захотелось еще отчетливее вспомнить это, и я тоже ударил себя по щеке. Однако пальцы прошли сквозь рану и столкнулись с чем-то твердым, возможно с зубами, и я закричал от боли и страха. Жена вбежала на этот крик с аптечкой в руках. Свернувшееся калачиком тело стонавшего Мори даже не шелохнулось, и я, чтобы вызвать его сострадание, закричал снова...

В борьбе сумо при ранении одного из противников объявляется ничья, так и жена, забыв о стычке, стала оказывать мне первую помощь. Выйдя замуж в период прохождения стажировки в университетской клинике, она так и не стала врачом, но, я думаю, истинная причина была в другом — к тому времени она поняла, что не способна одолеть программу медицинского факультета. Разумеется, я ей этого никогда не говорил. Когда она оказывала мне первую помощь, я боялся, как бы к жене не вернулась жажда борьбы и она не начала раздирать пинцетом дыру в щеке, но жена, тщательно продезинфицировав рану, сказала тусклым голосом:

— Я положу марлю и забинтую, так что кровь больше течь не будет.

И я действительно почувствовал, что кровь, лившаяся в рот, загустела. А сам факт, что меня порезали бритвой, уже не вызывал злости. Я испытывал чувство освобождения, будто мне специально сделали кровопускание. В какой-то популярной книжке я прочел, что в средние века, когда кровопускание было главным средством лечения, случалось, женщины, чтобы поскорее облегчить страдания, даже давили на руку лекаря, резавшего их тело.

— Нужно наложить швы. Пойду к врачу,— сказал я.

Но тут жена завопила:

— В больницу идти нельзя!

Как раз в тот момент, бинтуя мне лицо, она распрямилась и, бурно выдыхая запах виски, продолжала вопить:

— Пусть меня заберут, я все равно рта не раскрою!

Рана болит, кровь безостановочно течет — наверно, из-за недостатка витамина В, головной мозг не регулирует обмена веществ, а тут еще от воплей жены я окончательно растерялся, ха-ха.

— Хорошо, сегодня в больницу не пойду. Да я и не могу оставить тебя с Мори, когда ты в таком состоянии.

Жена уронила голову на грудь и, вконец опьянев, казалось, потеряла самое себя, но вдруг энергично вскинула голову и потребовала:

— Отдай золинген! Я же отдала твою крысоловку!

— Никакого золингена не отдам, куплю тебе безопасную бритву «Жилетт». То, что ты разрезала мне щеку,— ладно, но я не могу допустить, чтобы ты кастрировала Мори,— сказал я и, подпрыгнув, увернулся от пинка в пах.

— Это ты поранил Мори. И мы с Мори ни за что не простим тебе!

Готовила жена новый пинок или просто шаталась оттого, что была пьяна, я не

знал, но на всякий случай решил поостеречься и, чтобы не вдыхать паров алкоголя, отошел в сторону.

— Я с Мори возвращаюсь к своим родителям! А ты отправляйся на Итабаси в клинику Токийского университета и попроси у них опухоль, вырезанную у Мори! Она принадлежит тебе! И больше ничего не смей отбирать у него! Мы с Мори будем бороться!

— Не говори глупостей. Я активист гражданского движения и не допущу такого тона,— сказал я, а жена, прикрывая своим телом Мори, который лежал в прежней позе, скорчившись, снова ревниво обратила ко мне свои глаза — ивовые листки, как если бы речь зашла об Ооно. Не были ли ее неожиданные действия проявлением подсознательного стремления противодействовать Ооно?

3

Жена не стала дальше наматывать бинт поверх марли, прижимавшей рану, и я попытался сам закрепить его, но это никак не удавалось. Не знал, где лучше завязать. Я пошел в другую комнату, чтобы взять лыжный шлем из черной шерсти, в котором было три отверстия — для глаз, носа и рта. Я примерил его — бинт прижат, почти никакого давления на рану. Попробовал произнести «Мори, Мори» — ощутил боль от движения щеки и услышал только:

— Ёй, ёй.

Я вернулся в кабинет, жена, до этого что-то шептавшая на ухо Мори, сразу же повысила голос и запричитала:

— Мори вместе с мамой, Мори уедет отсюда. Только Мори и мама вдвоем уедут отсюда. Бросим здесь сумасшедшего, который бьет Мори, и уедем вдвоем, Мори и мама!

Мори уже не лежал, скорчившись и прикрыв руками голову, — теперь он стоял. Жена, опустившись на колени, прижимала его к себе. Мори, который сейчас был на голову выше ее, поднял на меня опухшие глаза, но остался в объятиях матери.

— Мори, слышишь, Мори, вместе с мамой Мори уедет отсюда. Только Мори и мама вдвоем навсегда уедут отсюда! Оставим здесь сумасшедшего, который хотел бросить такого ребеночка, как Мори, бил его, и уедем!

Я сел на кровать и, мелко дрожа от озноба — не знаю, чем вызванного, погодой или физическим моим состоянием,— стал ждать. И при этом думал с беспокойством, что для нас с Мори это последний шанс.

Жена встала и, продолжая прижимать к себе Мори, склонилась над ним и попыталась вывести из комнаты, но он явно сопротивлялся этому. Жена тащила его изо всех сил, так энергично, будто решила похитить. Но Мори стоял как вкопанный — сдвинуть его с места было невозможно, жене едва удавалось устоять на ногах.

— Мори, ну что же ты? Послушай, Мори, ну пойдем же!

— Мори, Мори, — поспешил я вмешаться, но ничего вразумительного произнести не смог — слышалось только «ёй, ёй».— Мори, Мори, оставайся со мной! Мори, Мори, оставайся со мной!

Однако у меня получалось лишь «ёй, ёй, ёйииие!». Возможно, именно тогда и наступил поворотный момент в нашей с сыном жизни.

Противясь жене, которая буквально пыталась выкорчевать его, Мори, как сторонник ненасильственного сопротивления, лишь упирался, и каждый раз, когда жена пыталась сдвинуть его, она сама едва не падала, пьяная и обессилевшая. Причем все это время Мори смотрел прямо на меня, взывавшего: «Ёй, ёй, ёйииие!» Хотя мне было стыдно за себя в этом дурацком черном с красными полосками шерстяном шлеме, ободряемый взглядом Мори, я продолжал взывать: «Ёй, ёй, ёйииие!»

— Что ты говоришь? — Жена, повернувшись ко мне, в противоположность Мори была, казалось, потрясена моим видом, ха-ха.

— ЁЙ, ЁЙ, ЁЙИИИЁ! — прокричал я и выплюнул на подушку сгусток крови.

— *МОРИ, МОРИ, ПАПА ПЛОХОЙ!*

— *ПАПА ПЛОХОЙ — НЕТ!*

— *МОРИ, ИДИ С МАМОЙ!*

— *ЁЙ, ЁЙ, ЁЙИИИЁ!*

— *МОРИ ПОЙДЕТ С МАМОЙ — НЕТ!*

Жена отняла от Мори одну, потом другую руку, выпрямилась и сделала несколько шагов в мою сторону. Потом замерла и, точно исполняя айнский танец журавля,

только изображая не летящего журавля, а угрожающего, медленно вскинула вверх непослушные руки.

— И отец и сын полоумные, отравленные плутонием! — закричала она и с громким плачем выскочила из комнаты и побежала вниз по лестнице.

Я вынул из книжного шкафа коньяк и салями, спрятанные туда на случай бессонницы, когда идти за виски с пивом неохота, но потом, вспомнив о ране, поставил коньяк назад и отрезал кусок колбасы.

— Ёй, ёй, ёйииие.

Мори подошел ко мне и начал есть колбасу, разложенную на перфокарте. Счистив ногтями шкурку и выковыряв каждое зернышко перца, он держал тонкий кружок в горизонтальном положении, и при этом глаза его, напоминающие темную воду, не видели ничего вокруг, кроме этого кружочка. Я не знаю ни одного человека, кроме Мори, который бы ел самую немудреную пищу, проявляя такое естественное уважение к еде как таковой. Разумеется, я воспринимал эту короткую передышку как временное перемирие, и радость видеть Мори, жующего салями, была равносильна глотку из фляжки, когда сидишь в окопе. Одинокая воительница на первом этаже беспрерывно ходила взад и вперед — наверно, укладывала вещи. Потом сделала несколько звонков по телефону. В моем кабинете и гостиной были установлены параллельные аппараты, поэтому при повороте диска на одном из них второй позванивал. Стоило мне поднять трубку, и я бы узнал, с кем разговаривает жена, но я этого не сделал. Мори со мной, и все шансы на победу у меня, так что суетиться нечего. А кроме того, как бы осторожно я ни поднял трубку, жена моментально это заметит, и на меня тут же обрушится ее окрик: «Нечего подслушивать, ты, полоумный, отравленный плутонием!» Ха-ха!

Когда Мори доел салями, я снял с его кровати любимое им шерстяное одеяло — старого друга, с которым он был в клинике, когда ему делали вторую операцию. Я устал, и у меня не было сил подстилать простынку — вместо этого я сводил его в уборную. Потом, не раздеваясь, мы легли с ним в мою кровать. Рана на щеке пульсировала и болела, эта боль прочно удерживала меня в *настоящем*. Боль была подобна циклическому движению. Ведь циклическое движение подразумевает бесконечное повторение — бесконечное повторение боли! Когда в детстве, стараясь заснуть, я плотно закрывал глаза, под веками появлялись самые разные фигуры — они вращались, рассыпались, снова собирались вместе, и в этом была определенная цикличность. Мне казалось, что это Мандала [1] и на ней изображено предсказание всей моей жизни, и я изо всех сил старался понять его — не помню, с каких пор эти фигуры перестали появляться. Я хотел сказать Мори о том, что нашел наконец разгадку: он лежал рядом со мной на спине, обжигающе горячий, точно готовый самовоспламениться. Но тут сработал рефлекс — мне не хотелось тревожить сына, которому пришлось сегодня немало выстрадать, и я решил пойти за коньяком. Я собрался уже было встать с постели, но спящий Мори крепко вцепился мне в руку, неужели чтобы не потеряться, не превратиться в потерявшегося ребенка?

4

Я заснул. И увидел удивительный сон, весь наполненный атмосферой беды, во сне я снова испытывал смертельную усталость, причем чувство это не поддавалось никакому описанию. После облучения моя жизнь превратилась в бессрочные каникулы и, поскольку во время бодрствования никаким трудом я не занимался, воображаемый труд во время сна, возможно, служил некоей компенсацией моего безделья. Часто я просыпался, испытывая неимоверную усталость, а самого сна не помнил, и тогда я думал, не подобна ли эта усталость тяжкому бремени воспоминаний умирающего, перед мысленным взором которого проходит вся его жизнь. Но все это было до *превращения*. В своем рассказе я вот-вот перейду и этот рубеж, потому-то мне и потребовался писатель-невидимка. Время *превращения* уже совсем близко, так что можете смело не обращать внимания на то, что я рассказываю.

Сон был такой. Какой-то хулиган ударил меня, когда я возвращался домой. И вышел-то я на улицу, кажется, только для того, чтобы меня ударили. Во рту был неприятный привкус от раны в щеке и искусственных зубов. Когда мне поставили временный протез, у меня возникли денежные затруднения, и постоянный я до сих пор так и не сделал. Между тем десны у меня задубели и сжались, и между искусст-

[1] Мандала — буддийский магический рисунок мира.

венными зубами и деснами образовались щели, и поэтому я всегда плотно прижимал зубами протез. Итак, возвращаясь домой, я засунул палец в рот и обнаружил, что два верхних коренных зуба, к которым крепился протез, отсутствуют. Я надавил на зубы языком, и они вывалились все до одного, точно поставленные в ряд костяшки японских шахмат, представляете? Как неприятно, когда весь рот набит выпавшими зубами...

Я проснулся от топота жены, взбегавшей по лестнице. Это была наша с ней общая привычка — по комнате мы двигались вяло, медленно, но, выйдя в коридор, всегда чуть ли не бежали. Точно боялись, что на нас неожиданно нападет что-то страшное, как опухоль, которая была в черепе Мори. Включив в комнате свет, жена заверещала:

— *БРОСАЮ ТЕБЯ И МОРИ И УЕЗЖАЮ, ВОТ!* Раньше я не бросала вас: боялась, что вы вдвоем покончите с собой. *НО ТЕПЕРЬ Я РЕШИЛАСЬ — БРОСАЮ ТЕБЯ И МОРИ И УЕЗЖАЮ, ВОТ!* Я опять вернусь к учебе, которой пожертвовала ради тебя и такого ребенка! А потом выйду замуж по-настоящему и рожу настоящего ребенка! Если бы я вышла замуж не за тебя, а за другого, то родился бы совершенно нормальный ребенок! Хорошо, Мори такой из-за облучения плутонием — на этот раз я выйду замуж за человека, не облученного плутонием. И значит, ребенок будет нормальным! Если же Мори такой по чистой случайности, даже по теории вероятности следующий ребенок будет нормальным! *ПОНЯЛ?! Я БРОСАЮ ТЕБЯ И МОРИ И УЕЗЖАЮ!*

— Но не поедешь же ты сейчас, ночью? Может быть, лучше сделать это завтра?

Я хотел ей сказать это, но мне удалось произнести лишь: «Ёй, ёй, ёйииие». Правда, жена, которая, по самым скромным подсчетам, была близка со мной две тысячи пятьсот раз, моментально поняла, что я хотел сказать.

— *ЧТО ТЫ МЕЛЕШЬ?* Режиссер уже приехал за мной, даже цепи надел на колеса, опасаясь, что на дороге гололед. Он ждет меня на улице, ведь ты, чтобы помешать мне уйти, можешь обвинить его в незаконном вторжении в чужой дом. Может, встанешь и вынесешь мой чемодан? Пошевеливайся! *БРОСАЮ ТЕБЯ И МОРИ И УЕЗЖАЮ, ВОТ!*

Оттого, что жена вот так запросто, без всякого объяснения употребила существительное «режиссер», у меня начисто исчезло желание останавливать ее. В распахнутые настежь двери прихожей лились звуки трубы, выводившей мелодию «За сотни ри[1] от моей страны».

В газетной колонке, посвященной театральной жизни, я как-то прочел сплетню, будто этот самый режиссер поставил на свой видавший виды автомобиль музыкальный клаксон. Жена была знакома с ним давно, еще в девичестве — тогда его театральная группа преуспевала, ставила одну пьесу за другой и про него даже говорили, что он будет способствовать возрождению японского театра.

— Бери чемодан, не копайся! *Я БРОСАЮ ТЕБЯ И МОРИ И УЕЗЖАЮ!*

В комнате все было перевернуто вверх дном. Вокруг чемодана — с ним я обычно ездил за границу — горой валялись вещи, с которыми жене жаль было расстаться, и она изо всех сил пыталась втиснуть их в чемодан, но так и не смогла. Сковорода с ребристым дном — свадебный подарок однокурсников жены, однако я не припомню, чтобы мы хоть раз ели куски мяса такие огромные, чтобы жарить их на этой сковороде, ха-ха. Делая вид, что проверяю замки на чемодане, я попытался вложить в него сковороду, но тут жена, стоявшая рядом с независимым и неприступным видом, резким движением вырвала ее у меня из рук и отбросила в сторону. Не понимаю, почему именно сковорода вызвала у нее такой гнев.

Разумеется, столь тяжелую вещь лучше было не класть в чемодан, и без того достаточно набитый. Чемодан был неподъемный, и рана на щеке стала болеть невыносимо, невыносимой была и боль в суставах после ночи, проведенной в неудобной позе на узкой кровати рядом с Мори.

— *ЧТО ТЫ ТАМ КОПАЕШЬСЯ!* Заснул, что ли? *ИМПОТЕНТ!*

Превозмогая боль, я исступленно тащил чемодан. Мой соперник, с которым мы десять лет назад боролись за эту женщину, все слышит, так что «импотент» — пожалуй, слишком жестоко с ее стороны, ха-ха.

Режиссер, небольшого роста мужчина, стоял рядом со старым «ситроеном», который он поставил у фонарного столба. Одежда на нем была в тон машины, печальное лицо закрывали солнечные очки, хотя и так было темно.

---

[1] Ри — мера длины, равная 3927 м.

Сразу же за калиткой я опустил чемодан на землю и, отступив на шаг, остановился. Жена, кажется, не требовала от меня, чтобы я дотащил чемодан до «ситроена».

— Быстрее клади вещи в машину! А то он вдруг пожалеет и унесет их обратно!

Режиссер с унылым видом медленно направился ко мне. Поравнявшись с чемоданом, он вдруг сделал стремительный рывок и бросился на меня с кулаками. Наверно, они с моей женой пользуются одним и тем же методом нападения — неожиданной атакой. Но мне даже увертываться не пришлось — режиссер вдруг поскользнулся и грохнулся на мостовую. Не мешало бы ему и на ботинки надеть цепи, ха-ха. Он тут же поднялся и с гордым видом потащил чемодан — выглядело все это великолепно.

— Можешь не бить, бросаю-то его я! *Я БРОСАЮ ТЕБЯ И МОРИ И УЕЗЖАЮ!*

«Ситроен» подъехал вплотную ко мне — режиссер сделал это, чтобы через окошко бросить мне в лицо прощальную реплику:

— Полоумный!

Я вернулся в опустевший дом. Режиссер, не постеснявшийся обругать меня, был еще совсем молод, но казался стариком — мне почему-то стало тоскливо. Мой соперник выглядел пожилым человеком, да и я сам, несомненно, одряхлел не по возрасту. Но что это? Куда вдруг девалась боль в мышцах и суставах, которая мучила меня даже тогда, когда я опустил на землю чемодан? Я теперь испытывал обновление во всем организме, о котором в молодости и мечтать не мог, и в то же время сознавал невозможность такого обновления. Может быть, именно это и было болью? Если бы я не должен был думать о Мори, спавшем в моей кроваги, то, наверно, так бы и стоял здесь сейчас и плакал, ха-ха.

Вернувшись в кабинет и сев на кровать рядом с Мори, я заметил, что он обмочился. Я разбудил его, отвел на его кровать и укрыл одеялом. Избитое лицо Мори опухло. Из-за опухоли сразу после рождения голова его была продолговатой, и весь он был похож на маленького старичка — я отчетливо помнил это.

— Мори, спокойной ночи, — хотел я сказать ему, но получилось «ёй, ёиии».

— Мори спит! — пробормотал сын.

Потом мне захотелось пожаловаться Мори, и я стал мысленно говорить с ним, употребляя самые неожиданные даже для самого себя слова. мама уехала, она бросила нас, хотя я и любил ее больше Ооно, больше всех, ведь она была моим товарищем в борьбе с нашей горькой жизнью. Да, но что же делать с мокрым матрасом? Жена бросила меня, и мне не оставалось ничего другого, как просто отказаться от ответа на трудные вопросы, которые стали тут же возникать, — я завернулся в сухое одеяло и лег прямо на пол. То, что я испытал во сне, было ужасно. Не сновидение было страшным — все заволокла сплошная тьма, и я даже снов не мог видеть. Ужасным было то, что произошло со мной во время сна: мое тело точно вывернули наизнанку. И само тело, идя наперекор испуганному сознанию, не сопротивлялось! Оно начало исторгать из себя другое тело такого же размера. И остановить это было невозможно.

Проснувшись на следующее утро, я обнаружил, что рана на щеке зарубцевалась, исчезли даже шрамы от ожогов, полученные в сражении с *жестяными людьми*. Вместо вставных зубов выросли собственные — чтобы убедиться в этом, достаточно было потрогать их языком. Даже не смотрясь в зеркало, я уже знал, что мое тело помолодело на двадцать лет и стало телом восемнадцатилетнего. А Мори, повзрослевший на двадцать лет и ставший двадцативосьмилетним, накинув на голову свое любимое потрепанное одеяло, пришел посмотреть, что произошло со мной. Вот формула нашего *превращения:* 38—20=18, 8+20=28.

Глава IV

Мы сразу же включились в борьбу

1

Символический смысл происшедшего со мной *превращения* состоял в том, что исчезли все следы плутониевого ожога. Разве это не так? В атомных реакторах выделяется Pn, никогда не существовавший на Земле, и период его полураспада равен двадцати четырем тысячам лет. Во всяком случае он не исчезнет, пока человечество будет существовать. Я отождествляю земной шар до загрязнения этим веществом, которое

человек теперь уже не в силах уничтожить, и свое тело, омолодившееся до восемнадцатилетнего возраста и еще не облученное. Возможно, некоторые скажут, что так мыслить и чувствовать — полнейшее безумие, и мое *превращение* в восемнадцатилетнего посчитают обыкновенным бредом сумасшедшего. А у меня нет желания обращаться к тем, для кого я безумец, хотя и понимаю, что мой рассказ действительно похож на бред сумасшедшего. Но я не могу забросить все и заняться детальным исследованием себя и Мори, чтобы сообщить потом о результатах этих исследований. Если я просто расскажу о событиях, происшедших со мной и Мори после *превращения*, слова мои, несомненно, выразят истинное содержание того, что произошло с нами. А благодаря вашим запискам это смогут понять и другие. Для нас с Мори, непосредственно переживших *превращение*, хорошо уже то, что мы оказались способными на самостоятельные действия. Представляете, что испытывает человек, вновь обретший тело восемнадцатилетнего? Ха-ха, это очень приятно. Разве не свойственно всем людям горестно вздыхать: неужели и мне когда-то было восемнадцать лет? А я вздыхал с радостью — сейчас, дожив до тридцативосьмилетнего возраста, я вновь стал обладателем тела восемнадцатилетнего, ха-ха. Правда, к радости примешивалась и мука. Когда мне давным-давно было восемнадцать лет, я влюблялся так, что внутри у меня все клокотало, я испытывал муки от обуревавших меня чувств. И я предпочел бы умереть, нежели испытать их вновь. Но возродило ли и их мое *превращение*? Ха-ха. Я не могу отрицать, что в создавшемся положении мной овладело беспокойство, но стоит ли говорить вам об этом? Ведь мои слова доходят до вас, пройдя через тело восемнадцатилетнего.

В каком направлении будет в дальнейшем развиваться мое тело, вернувшееся к восемнадцатилетнему возрасту? В направлении — семнадцать, шестнадцать, пятнадцать... ноль лет? И в конце концов я исчезну, погрузившись в плодную жидкость искусственной матки? Ха-ха. Если же предположить, что мое тело застынет на нынешней отметке «восемнадцать», то я, возможно, обрету бессмертие, вечно оставаясь восемнадцатилетним? Правда, я могу, когда захочу, покончить с собой — так что ада бессмертия я всегда смогу избежать. Благодаря вашим запискам мое *превращение* получит широкую огласку и я стану самым знаменитым человеком, объектом всеобщей зависти. Римский папа должен будет встретиться со мной и принять относительно меня какое-то специальное решение, ха-ха. Однако вполне можно предположить, что происшедшее со мной и Мори *превращение* случается с бесчисленным множеством людей — только данных об этом пока нет.

Следовательно, если *превращения* происходят на всем земном шаре, не означает ли это кризиса человечества? Правда, руководитель калифорнийской лаборатории Солк, создавший вакцину против детского паралича, напомнил, что в китайском языке слово «кризис» состоит из первых иероглифов двух слов: «опасность» и «шанс». Не является ли бесконечное множество *превращений*, включая и нас — меня и Мори,— явлением, символизирующим кризис человечества? Если да, то в современном мире на свет вот-вот появится Антихрист. Как нужно бороться, чтобы не допустить этого, чтобы погубить Антихриста в зародыше? Возникает вопрос: кто будет бороться? И я отвечаю: поручите это только нам, *превратившимся*.

...Вот какие мысли владели мной, они захватили меня целиком. Мне ведь стало восемнадцать лет, и у меня было такое ощущение, будто бурлящая в теле жидкость вот-вот достигнет точки кипения, будто мрачные грозовые тучи гонят меня вперед!

Как только я осознал происшедшее *превращение*, мной овладела навязчивая идея. На НЛО прилетают пришельцы из космоса и направляют проекционный аппарат на определенную точку Земли. Один источник света посылает два луча на два стереоэкрана. Используя подобную конструкцию, не составляет никакого труда, манипулируя проекционными аппаратами, совместить проекцию А и проекцию В, произведя взаимокомпенсированное *превращение* с разрывом в двадцать лет.

Если наше с Мори *превращение* было осуществлено таким образом, то естественно предположить, что пришельцы имели определенный план и, не исключено, на нас с Мори возложена некая миссия. *Превращение* захватило нас со всепоглощающей силой, которой было трудно противиться. Оно произвело в наших телах направленный взрыв. И, может быть, мы вплотную подошли к такому моменту, когда должны выполнить возложенную на нас миссию. В том случае, разумеется, если наше *превращение* имеет реальный смысл! Мы, *превратившиеся* — восемнадцатилетний я и двадцативосьмилетний Мори, — надеемся, что этот момент наступит. Мы выполним свою миссию,

преодолевая одну трудность за другой. Потом... да, судя по моим оптимистическим рассуждениям, я, кажется, действительно помолодел до восемнадцати лет не только телом, но и душой. Но стоит ли горевать по этому поводу? Ха-ха.

2

Каким же человеком стал превратившийся Мори? Я думаю, о нем можно сказать так же, как и обо мне: его дух остался духом до телесного превращения, и, не противореча этому, он стремительно переходит в дух, соответствующий возрасту его нового тела.

Мори после превращения уже не повторял за мной слова как попугай, стал молчаливым, и поэтому я теперь сужу о нем только по его внешнему виду и поведению. Природная молчаливость теперешнего двадцативосьмилетнего Мори очень идет ему. Молчаливость его весьма выразительна. Собираясь что-либо предпринять, я рассказываю Мори, как я это себе мыслю, что намерен делать. Я приобретаю новый опыт, разумеется опыт восемнадцатилетнего, ха-ха. и рассказываю о нем. Мори впитывает мой рассказ, не произнося ни слова, ободряет меня. В такие минуты он не отрывает от меня внимательного взгляда!

В своем дальнейшем повествовании я покажу, как это происходит конкретно. Ведь и после нашего *превращения* Земля продолжает вращаться вокруг собственной оси, вращаться вокруг Солнца, чередуются приливы и отливы — все в природе зовет нас к действиям. Когда я смотрю на Мори, *превратившегося* в двадцативосьмилетнего, сердце мое наполняется бесконечной нежностью. Никогда прежде я не встречался с таким Мори, но, поскольку именно этот Мори — настоящий, окончательный Мори, Мори, рожденный источником света, и поскольку этот Мори живет в реальности, я совершенно спокоен — скорее всего, нам с ним удастся достойно прожить свою *превращенную* жизнь и выполнить миссию, возложенную на нас космической волей.

Помимо всего прочего, я почувствовал, что Мори полностью отдает себе отчет в том, что представляет собой его тело двадцативосьмилетнего и изменяющийся в соответствии с этим телом дух. У нас не было необходимости говорить о *превращении*. Ведь как это было бы хлопотно, если бы дети, подобные н а ш и м д е т я м, претерпев *превращение*, не понимали, что с ними произошло. Правда? Представляете мое положение, если бы Мори, увидев меня, ставшего восемнадцатилетним, и решив, что какой-то проходимец хочет занять место его отца, пришел бы в ярость и набросился на меня с кулаками? Ведь Мори теперь обладал мускулатурой зрелого мужчины, а я был еще слабым юношей с неокрепшим костяком, не говоря уж о мускулах, ха-ха.

Вот почему я, исходя из наших отношений, строящихся на том, что *превращение* мы воспринимали как нечто естественное, рассказал Мори следующее:

— Я тебе уже много раз говорил о пинчраннере, а теперь вспомнил кое-что новое. Я вспомнил яркий солнечный день после проливного дождя, мы как раз начали игру, дождавшись, когда солнце высушит лужи. Между рядами домов несся бурлящий мутный поток бурого цвета. Но игроки под яркими лучами солнца, выглянувшего после дождя, думали только о бейсболе, а я сидел на скамейке и ждал, чтобы меня выбрали в пинчраннеры. (Я и раньше часто вспоминал о страхе и честолюбии, которые испытывал, когда выбирали меня, но почему-то забыл о том, что сначала меня охватывало непреодолимое желание быть выбранным в пинчраннеры.) Малыши, которым еще ни разу в жизни не удалось посидеть на скамейке запасных, призывно кричали, будто души солдат — деревенских парней, погибших в чужих краях, откуда даже останки их не вернулись на родину. Ну, в общем, доставай из шкафа одежду, которая тебе подойдет. Сегодня холодно. А я приготовлю поесть!

Мори отошел от кровати и стал шарить в шкафу. В школу он ходил недолго, но, похоже, выработка жизненных навыков в специальном классе в основном сводилась к обучению детей самостоятельно одеваться. Во всяком случае, в этом виде обучения он преуспел. Правда, сейчас, после *превращения*, говорить об этом немного смешно.

Я стремительно вскочил с кровати, испытывая бодрость, свойственную восемнадцатилетнему. На подтянутой фигуре брюки теперь висели мешком. В ту минуту, честно говоря, я почувствовал даже беспокойство от того, что во мне произошла такая разительная перемена. Слой подкожного жира сделался тонким, как детское одеяльце. И

это ты, толстый мужчина средних лет, ха-ха. Но думал я не только о себе. Я стал беспокоиться о Мори. Не должен ли я скрывать от посторонних *превратившегося* Мори? Хорошо еще, что в нашей стране нет воинской повинности, но, если взрослый человек, неожиданно ставший из восьмилетнего двадцативосьмилетним, не зарегистрируется в муниципалитете, это будет воспринято как пренебрежение к своим обязанностям гражданина. Но как скрыть Мори? Хуже всего прятаться в собственном доме, лучше выйти на улицу. В народ! В безвыходной ситуации партизаны тоже бросаются в безбрежное людское море, где они могут свободно плавать!

Телефонный звонок. Я потянулся было за трубкой, но вдруг весь сжался.

Постой, как я должен говорить по телефону после превращения? Но поскольку превращение произошло, нынешний я — единственно существующий я. Продолжать в том же духе, как до превращения? Это лишь насторожит посторонних, колебался я.

— Ты что, спал? Постоянно ты спишь! *Я БРОСИЛА ТЕБЯ И МОРИ И УЕХАЛА!*

Телефон умолк. Набралась смелости с похмелья или опохмелилась на скорую руку и кричит дурным голосом, ногами топает от бешенства.

Хорошо! Значит, во всем мире сохранился порядок, существовавший с незапамятных времен. *Превратились* лишь мы с Мори! Снова зазвонил телефон, на этот раз я снял трубку с твердым намерением обругать в ответ жену, б ы в ш у ю жену, но услышал голос совершенно незнакомого мне, постороннего человека.

— Вам известно, что тайным устроителем сегодняшнего митинга является террористическая антикоммунистическая организация? Может быть, вам лучше не ходить на него?

Ответить я не успел. Действительно, в тот вечер проводился митинг против строительства атомных электростанций. В качестве докладчика выступал руководитель движения против строительства атомной электростанции на Сикоку, за день до этого прибывший в Токио. Группа Ооно сотрудничала с этим движением. До сих пор, точно зная об этих связях, я не расспрашивал о подробностях. Деятельность группы Ооно контролируется руководством революционной группы — что в этом противоестественного? Я, правда, никогда не слыхал, что какие-либо организации непосредственно диктовали свою волю группе Ооно. *Пусть я не знаю, кто это звонил, но, если кто-то пытается помешать нам с Мори пойти на митинг, мы обязательно должны попасть туда,* сразу же подумал я. Действительно, у меня появилась решительность восемнадцатилетнего, ха-ха. Каким бы опрометчивым ни было решение, инициатива останется в моих руках, подумал я с оптимизмом. Более того, ждут, что появимся мы, какими были до *превращения*, а придем мы — после *превращения*. Может быть, это и гарантирует нам полное алиби?

Спустившись по лестнице, я заглянул в комнату Мори. Разбросанные в ней одежда и обувь показались мне такими крохотными, словно из сказки. Значит, я уже привык к повзрослевшему Мори после *превращения*.

— Надеюсь, ты не пойдешь один? Двадцативосьмилетний мужчина, обладающий опытом восьмилетнего?

Я сказал это, будто произносил монолог, но мой голос сорвался на пронзительный фальцет неоперившегося юнца. Мало того, я, восемнадцатилетний, боялся, что Мори бросит меня. И по привычке, которая была у меня до *превращения*, я стремительно сбежал с лестницы с энергией, свойственной восемнадцатилетнему, хотя так суетиться необходимости не было. Мори никуда не собирался!

Раньше это делал я, а маленький Мори смотрел, держа в руках длинный пакет спагетти,— теперь же он сам готовил себе еду. Грациозно склонившись над газовой плиткой, он внимательно следил за кипящей кастрюлей и мелко нарезал лук, кусочек масла уже был приготовлен. Напрягшееся тело Мори в моих брюках и спортивной рубахе, его затылок и плечи — мне показалось, что я уже видел их где-то. Да это ведь точно мое тело на закате юности! Успокоившись, я пошел в ванную. Мое лицо, которое я увидел впервые после *превращения*, не было прежним, каким я запомнил его, когда мне в первый раз исполнилось восемнадцать лет. Более того, в зеркале мне улыбалось именно то лицо, которое мне хотелось иметь тогда. Вот только глаза разрушали гармонию лица — в них застыла неуверенность в себе, застенчивость, проглядывало детское любопытство. Но если отвернуться от зеркала, ха-ха, своих глаз не увидишь!

Когда мы поели, было уже за полдень, и в четыре часа мы наконец вышли из дому, направляясь на митинг; эту вторую половину дня мы прожили спокойно и мирно, синхронизируя свои организмы с движением Вселенной. Словно привыкали к разнице во времени после длительного полета.

В то послеполуденное время наши отношения с Мори напоминали отношения братьев, которые, встретившись после долгой разлуки, весь вечер пировали, порядком напились и наутро вдруг приумолкли. Исполнять роль младшего брата, который, перепив и перегуляв, чувствует себя сегодня разбитым и испытывает стыд, должен был, разумеется, я. А роль великодушного и рассудительного старшего исполнял Мори. Я собрал вещи, разбросанные по всему дому женой, б ы в ш е й женой, а Мори сидел в уголке гостиной и слушал пластинки. Я трудился в одиночку, испытывая чувство, будто делаю это в благодарность за то, что меня, напившегося и буянившего вчера, великодушно прощают.

Слушая музыку, Мори время от времени тихо улыбался. Эта привычка была у него до *превращения*, и то, что она сохранилась и после *превращения*, радовало меня и наполняло надеждой. Ведь это значит, что ниточка, связывающая меня с Мори, и после его превращения все еще находится у меня в руках. Когда Мори хотелось послушать музыку, у него всегда был такой вид, будто его ждет большая радость. Потом начинала играть музыка, и он умиротворенно улыбался. И это была не деланная улыбка, которую можно изобразить на лице в любой момент, независимо от того, что слушаешь. Например, слушает он «Турецкий марш» Моцарта в исполнении Глена Гульда, Горовица, или Гизекинга. Каждого из них он воспринимает с особой улыбкой, причем все они взаимно дополняют друг друга, подчеркивают те места в произведении, которые и вызывают его улыбку, и сразу же можно понять, кого он слушает.

В тот день Мори, точно почувствовав необходимость восстановить гармонию между собой, претерпевшим *превращение*, и музыкой, устроил свое тело, ставшее теперь таким большим, перед динамиками и слушал «К-331» в исполнении Горовица. От того, что этой ночью творилось в доме, проигрыватель немного расстроился, и Мори, прослушав несколько тактов, чуть увеличил скорость. Обладая абсолютным слухом, он прекрасно помнил паузы Горовица при правильном вращении диска. Меня радовало, что эта способность сохранилась у него и после *превращения*. А ведь когда дети, подобные н а ш и м д е т я м, вырастают, эта удивительная способность, которой они обладают с младенческих лет, исчезает. Тем более что произошел не естественный рост, а *превращение*.

Снова телефон: уборку я вчерне закончил и теперь спокойно снял трубку, но, услышав голос Ооно, неожиданно для себя сказал, что должен перейти к другому аппарату, и, упруго отталкиваясь ногами восемнадцатилетнего, взбежал по лестнице. Если Ооно не узнала моего голоса после *превращения*, можно кое-что придумать, решил я. Но *превратившийся* Мори не должен был этого слышать.

— Отец Мори дома? Кто вы такой? Я не могла бы поговорить с отцом Мори? — *Отца Мори нет. Он вместе с Мори отправился в длительное путешествие. А мать Мори вернулась к родителям. Вчера был большой переполох — пропадал Мори. И когда отец Мори пришел домой, у них с матерью Мори вышла ссора. Может быть, они решили на некоторое время разъехаться, чтобы потом все начать заново? Меня наняли присматривать за домом, пока их нет, но я не один. Нас двое — тот, что слушает сейчас в гостиной музыку, он мне вроде как за старшего брата,— мы вдвоем и будем присматривать за домом. Отец Мори должен нам позванивать, но мы связаться с ним не имеем возможности. Мать Мори тоже может связываться с нами. Но ее связь с нами и связь отца Мори имеют разный смысл, ха-ха.* (Молчание).— Кто вы такой? Я тоже слышала, что с Мори вчера случилось ужасное происшествие. Хорошо еще, что нашелся. Все-таки я не понимаю, зачем отец Мори отправился с ним в длительное путешествие? Кто вы такой? — *Я кто? Единственный ученик отца Мори, так будем говорить. А тот, кто слушает музыку,— его приятель, старинный. С отцом Мори мы вместе работали и развлекались, но я младше — так что «ученик» — самое подходящее слово,— мне восемнадцать лет, ха-ха. С сегодняшнего дня мы будем присматривать за домом, записывать, кто звонил, какая корреспонденция пришла. Вот что я за*

человек, ха-ха. (Молчание.) — Ах, так? Значит, с сегодняшнего утра вы отвечаете на телефонные звонки? Скажите, пожалуйста, не было ли сегодня довольно странного звонка, насчет митинга, на который отец Мори тоже должен был пойти? Угрожающего — такой звонок я имею в виду.— *Был, был. Интересно, кто же это звонил? Сказали, что на сегодняшнем митинге лучше не присутствовать. И никакого объяснения, с чем связан этот звонок. Ясно, что звонили от политической группировки, враждебной той, которая устраивает сегодняшний митинг.* Сегодняшний митинг организован теми, кто выражает чаяния широких народных масс, озабоченных проблемой загрязнения окружающей среды атомными электростанциями, и хотя в его подготовке и принимала участие молодежь, принадлежащая к определенной политической группе, не она является непосредственным организатором этого митинга. Выходит, некоторая часть руководства враждебной группировки, куда входят и молодые люди, участвующие в нашем движении, вмешивается даже в проведение этого митинга. (Молчание.)— Уж не их ли угрозы заставили отца Мори отправиться с сыном в путешествие? Может быть, и вчерашнее не было обычным несчастным случаем — враждебная группировка прятала Мори, чтобы как следует запугать отца Мори? Ведь в печати появилась информация о том, что в Токио с Сикоку прибывает организатор борьбы против строительства атомной электростанции. Правда, об этом сообщалось только в газете, выходящей на Сикоку, но все же. А точное время прибытия ничего не стоило выяснить в токийском отделении газеты. Не исключено, что отца Мори кто-то — кто, нам неизвестно — запугал, и он предпочел вместе с женой и Мори на некоторое время скрыться. Вы действительно об этом ничего не знаете? Или отец Мори сказал вам, чтобы вы делали вид, будто ничего не знаете? И тот, постарше, который вместе с вами присматривает за домом, тоже ничего не знает? Я Ооно Сакурао.— *Я с самого начала понял, что вы знаменитая Ооно-сан, ха-ха. Я знаю и о том, что вы были близки с отцом Мори. После встречи с вами отец Мори подробно рассказал мне обо всем. Рассказал, что мучился страхами: уж не импотент ли он? В ту ночь вы заснули, а он все мучился — ничего у него не получалось, помните? Ооно-сан, не хотите со мной? Мне восемнадцать лет, и я всегда готов, не хотите со мной?* (Молчание.) — Вы не отец Мори, а? Зачем вам понадобилось изменять голос и пищать эти ужасные вещи?

...Держа в руках молчащую, словно задохнувшуюся трубку резко отключившегося телефона, я весело смеялся — ну точь-в-точь обезьяна. Я торжествовал оттого, что этой женщине — теперь она уже старше меня — смог навязать разговор о малоприятном случае, имевшем место в действительности. Я же восемнадцатилетний мальчишка — что с меня взять, ха-ха. И никаких угрызений совести при этом я, конечно, не испытывал. Впервые в жизни я ощутил свободу, какую только мог себе представить. Когда в первый раз мне было восемнадцать лет, о такой свободе я и мечтать не мог.

С таким настроением я осматривал комнату, как бы прощаясь с прошлой жизнью, когда мне не нравился весь мир и я сам. Особенно внимательно — стоявшие в шкафу оттиски из «Атомной промышленности», «Металлических материалов» и докладов Американской комиссии по контролю над атомной энергией, а также статьи, например, «Случаи коррозии в атомной промышленности и методы ее предотвращения». Из-за того, что я облучился при нападении *жестяных людей*, моя карьера на атомной электростанции закончилась, но я продолжал работать, помещая статьи в сборниках докладов и сообщений. Правда, если бы о моей деятельности узнали администрация электростанции или профсоюз, они бы не пришли в восторг, ха-ха. Разумеется, своими статьями б ы в ш и й инженер, находящийся на содержании электростанции, вовсе не желал навредить коллегам. И тем не менее или, возможно, именно поэтому, когда мне попалось на глаза сообщение из-за границы об аварии на атомном реакторе, происшедшей в США в штате Иллинойс по вине «Коммонвел Эдисон компани», я тут же затребовал материалы в отделе информации своего бывшего предприятия. «Защитим три принципа мирного использования атомной энергии: независимость, демократия, гласность!» — это была моя коронная фраза, которой я очень гордился, ха-ха. Может быть, я просто хотел выявить где-нибудь в мире еще один случай облучения, происшедшего в результате столкновения с *жестяными людьми.*

Но сейчас я вдруг понял, что материалы, хранившиеся в шкафу, стали мне не нужны. Потом я кое-как подыскал подходящую одежду для себя, восемнадцатилетнего, и Мори, двадцативосьмилетнего, чтобы мы могли выйти из дому, и спустился вниз. Я подумал: а что, если после митинга мне удастся подцепить Ооно и испытать свою

возродившуюся мужскую силу, ха-ха. Если бы я знал, что произойдет со мной дальше, это, должно быть, умерило бы мою радость.

4

В тот день, пока мы играли в «наведение мостов», произошло землетрясение. Игра «наведение мостов» состоит из расчерченной на клетки четырехугольной доски, в каждом нечетном ряду проделано пять, а в четном — четыре отверстия, в которые вставляются Т-образные пластмассовые фишки. Красные фишки играют против белых. Фишками строят мосты — красный и белый. Когда фишки противника препятствуют наведению моста, приходится идти в обход или перескакивать через него и двигаться дальше. Мне стоило немалого труда научить этой игре Мори до *превращения*. Это тоже делалось для его воспитания! Какого воспитания? Необходимость борьбы с чужими. Чужие будут препятствовать естественному течению жизни Мори. Что нужно сделать, чтобы все же двигаться вперед? Что необходимо предпринять, чтобы освободиться, когда тебя приперли к стене? Иногда нужно не пропускать вперед чужих, одолевать их. Так что, пожалуй, эта игра — своего рода учебник жизни.

Сначала трудно было обучить абстрактной идее строительства моста. Моста, который строится из пяти фишек путем продвижения их вперед. Моста, который удается наконец построить из двадцати пяти фишек, когда движение по прямой перекрыто и приходится идти в обход. В обоих случаях получаются одинаковые мосты — уже одно это требует высокого уровня понимания. Далее — как надо ставить свои фишки, препятствуя движению вперед моста противника; чтобы научить этому, пришлось немало попотеть. Дело в том, что Мори пытался построить фигуру не в соответствии с логикой игры, а из побуждений эстетического характера.

Но все же в конце концов Мори научился правильно ходить, и, если он получал три фишки форы и игра упрощалась, ему удавалось даже победить. Когда мое поражение становилось очевидным, я испытывал чувство досады, близкое к безнадежности, и прибегал к самым нечестным методам, чтобы ниспровергнуть побеждающего Мори. Уж не было ли это предварительной подготовкой к *превращению?* Теперь, когда *превращение* действительно произошло, я с помощью этой игры пытался погрузить лот в глубину нашего *превращения.*

Мы начали с того, что по заведенной традиции поставили в лагере Мори три фишки. Постепенно он стал теснить меня, и, поскольку его атака развивалась в наиболее логичном направлении, Мори не давал мне возможности перейти в контратаку. Я проиграл. Тогда мы поставили ему две фишки. Я стал играть предельно внимательно, стараясь изолировать эти фишки и не позволить им соединиться с теми, которые ставились вновь. Однако эта операция привела к тому, что ходы мои стали элементарными, и, когда окружение было завершено, воспрепятствовать постройке моста, который Мори вел с другой стороны, оказалось невозможным. Горло у меня пересохло и саднило. Я дал Мори фору одну фишку. И попытался сразу же расстроить правильное расположение его фишек. К каким только уловкам я ни прибегал — ведь мне было восемнадцать лет и я не испытывал стыда, не боялся за свою репутацию, ха-ха. Но, несмотря на все мои хитрости, с первых же ходов именно я попался на удочку: уловка — оружие обоюдоострое. Я разозлился, даже пот выступил, и одновременно уловил другой запах, не похожий на запах моего пота, отличный от запаха юноши,— я ощутил запах тела взрослого человека — тела Мори. Мори тоже был напряжен. Что же делать, может быть, теперь играть, не давая форы?

И в это время началось землетрясение. Эти колебания вверх и вниз, как ни странно, вселяли чувство устойчивости, казалось, будто спокойно погружаешься в бездну на какой-то огромной качающейся платформе — таким было это землетрясение. По привычке я тут же начал рассказывать Мори о землетрясении.

— Это землетрясение. В движение пришел верхний слой земной коры. Если говорить о том, как это происходит, то в общем...

Повернувшееся ко мне небритое лицо Мори выражало живой интерес, но глаза при этом были совершенно спокойными! И я покраснел. Я подумал, что Мори, с таким интересом и спокойствием слушавший мой рассказ, как раз и есть тот человек, который, подобно Сократу, заставляет меня осознать свое невежество и пытается поднять меня на новую ступень знаний. В этот момент, к счастью, зазвонил телефон, и я вышел из затруднительного положения. Это снова был юнец, такой же, как тот, что угрожал мне тогда по телефону, но на этот раз тон был предельно вежливый — на-

верно, какой-нибудь полный энтузиазма молодой профсоюзный функционер, старающийся придать своему голосу солидную басовитость.

— Если сила толчков достигнет восьми баллов, то Токио будет разрушен. Разумеется, будут мобилизованы силы самообороны. Воспользовавшись таким удобным моментом, они совершат военный переворот. И в Японии никто не способен предотвратить это, верно? Землетрясение, переворот — революционные силы будут раздавлены. Землетрясение — этот шанс изменения расстановки сил — смогут использовать только силы самообороны, а революционные группы использовать не смогут. Исходя из этого, сделаем следующий шаг в наших рассуждениях. Нужно создать такое разрушительное средство, которое могло бы уравновесить те силы, что придут в движение в результате землетрясения. И показать, что мы способны свободно контролировать его и приводить в действие. Другого пути нет. Могучая сила, адекватная общему количеству энергии землетрясения, не дана человеку. Успех возможен лишь в том случае, если мы ограничимся только районом Токио. Народ должен иметь одну атомную бомбу, которой будет распоряжаться наша революционная группа. Это будет фактором нестабильности — нечто равное землетрясению, способному превратить Токио в руины. Вот что явится нашим козырем. Нечто подобное планирует и контрреволюционная группировка, но мы в отличие от них уже лет десять готовились к этому, так что сходство только кажущееся. Одна лишь наша группа революционная, и только наш курс правилен и в своей теоретической основе, и в своей практике. Мы надеемся, что вас не запугают грязные угрозы бандитов из контрреволюционной организации и вы пойдете на митинг. Мы высоко ценим активное участие в нем представителя интеллигенции, тем более — вы специалист.

— Специалист? Какой же я специалист? Я восемнадцатилетний неопытный мальчишка! — непроизвольно вырвалось у меня — впервые после *превращения* мой голос звучал естественно. Я вновь ощутил, что не только мое тело, но и даже дух стал восемнадцатилетним.

— Что? — Голос собеседника, утративший деланную солидность, звучал теперь по-молодому грубо, в нем слышалось нескрываемое беспокойство.— Восемнадцатилетний мальчишка? Зачем вы меня дурачите? Разве вы не тот б ы в ш и й специалист атомной электростанции?

—Не верите — задайте мне какой-нибудь вопрос по специальности. Я и сам хочу проверить, остались ли у меня хоть какие-то знания. Остались ли они в голове восемнадцатилетнего юнца.

— Хм! *БОЛВАН!*

Мой собеседник бросил трубку, употребив, как мне послышалось, непонятный диалектизм, но, подумав, я понял, что это просто старое ругательство. Ха-ха, а ведь я ему сказал чистую правду. Теперь революционная группа, откуда мне позвонили, несомненно, будет считать меня своим врагом: я ведь отказался снабдить ее сведениями об атомной энергии. Правда, мне уже угрожала враждебная ей группировка. В любом случае либо те, либо другие будут ненавидеть меня — никуда не денешься! Но фактически ненавидеть будут несуществующего тридцативосьмилетнего человека, и, следовательно, я, *превратившийся*, в полной безопасности, ха-ха.

Когда мы с Мори подошли к зданию, в котором проходил митинг, около огромного сугроба, подтаявшего было, но потом снова замерзшего, выступал какой-то странный человек лет тридцати. Долго говорить ему не дали — юнцы из отряда охраны митинга, с повязками *антиполиция* на рукавах, сбили его с ног. Он упал, уткнувшись головой в грязный сугроб. Это был невзрачный человечек с серым лицом, из-за сутулости, вызванной сидячим образом жизни, казавшийся ниже ростом, чем был на самом деле. Но, подчиняясь непонятному раздвоению сознания, он отрастил вызывающе огромные усы. Привлеченный усами, я внимательно всмотрелся в его лицо — прекрасный высокий лоб, крупный, выдающийся вперед нос. Манера изъясняться у него тоже была не простой, она сочетала в себе прямоту и выспренность.

—Революционная партия свергает партию своих противников, это совершенно естественно! Если она не делает этого, то никакая она не партия. Но зачем проламывать черепа железными трубами, переламывать руки и ноги и, наконец, убивать? Может быть, лучше вместо этого хватать людей, снимать с них штаны и пороть. А потом можно и отпустить. Снова хватать и снова пороть, повторяя раз за разом. И проделывать это с лучшими студентами, в конце концов порка им надоест и они, возможно, вступят в вашу группу. Во всяком случае, такая вероятность существует. Если же

к вам придут люди с пробитыми головами и переломанными ногами и руками, проку от них мало. От убитых и вовсе мало толку. Вам это, надеюсь, понятно? Вы ведь тоже лучшие студенты! (Тут несколько человек из *антиполиции*, на которых он указал пальцем, подскочили к усатому с криками: *Мы не проламываем черепа, не переламываем руки и ноги и уж конечно не убиваем! Партия наших противников, говоришь? Пороть нужно, говоришь?* — и сбили его с ног. Мужчина упал в сугроб как подкошенный, но все же встал и начал счищать с себя снег и грязь и отряхиваться, как собака,— во все стороны летели комки снега и брызги воды. Потом он отошел на несколько шагов от *антиполиции* и возобновил свое выступление, но тут же снова приблизился к *антиполиции*.— Я придумал прекрасный метод достижения согласия между вашими группами. Враждующие группы А и В посылают друг другу ну хотя бы по пять человек. Таким образом, каждая из них берет заложников и, заботясь о судьбе своих товарищей, находящихся во вражеском стане, будет относиться к посланцам учтиво. Если же вы станете принимать с распростертыми объятиями посланцев других групп, то поступите именно так, как следует поступать умным людям. Мао Цзэдун всегда радушно встречал иностранных гостей. Неумны те, кто не видит другого пути, кроме борьбы с противником. Но вы, наверно, выступаете и против идей Мао тоже? Со временем посланцы других групп поймут, что теория и практика вашей группы не так уж отличаются от их собственной теории и практики, во всяком случае не настолько, чтобы за это пороли. И тогда они станут той движущей силой, которая поможет осуществить слияние двух групп. Согласны? А если не согласны, то с чем? *(Ты ни черта не смыслишь в организационных вопросах, в анализе нынешней обстановки в мире, реально существуют лишь революционная группа и контрреволюционная бандитская организация,*— парировала *антиполиция*, заколебавшаяся было под воздействием логики оратора, и набросилась на него с еще большим ожесточением.)

Усатый оратор, сбитый с ног в четвертый или пятый раз за то время, как мы с Мори наблюдали за происходящим, медленно, точно вставать ему совсем не хотелось, поднялся и, отряхиваясь, подошел к нам. Наверно потому, что, кроме нас, у него не было ни одного слушателя! Глядя на нас сощурившись, как всякий очень близорукий человек, по какой-то причине оставшийся без очков (в данном случае причина была ясна — он несколько раз тыкался головой в сугроб), сказал:

— Революционная группа ведет борьбу, обращаясь к широким слоям народа, но особенно старается втянуть в свою орбиту интеллигенцию, верно? Вам не кажется, что она должна делать все наоборот? Сможет ли группа расширить свои ряды, если не разрушит окружающую ее ограду и не распространится за ее пределы? Никакого проку не будет от того, что она втянет в свою орбиту незначительное число интеллигентов. Разве не должна она выпустить интеллигенцию на вольное пастбище как свободных пропагандистов проводимой группой кампании?

Сначала я подумал, что слова усатого оратора обращены ко мне. Но тут же спохватился. Он обращался к одному из тех интеллигентов, которых революционная группа пытается втянуть в свою орбиту, и считал он таковым не кого иного, как Мори! Двадцативосьмилетний же Мори, благосклонно улыбаясь, слушает усатого оратора и, казалось, безмолвно соглашается с ним, поощряет его. Улыбка Мори, будто милая шалость ребенка, не могла не вызвать улыбку и у оратора, в усах которого запеклась лившаяся из носа кровь.

Тут подлетели юнцы из *антиполиции* и обратились к нам и оратору с разными заявлениями, причем выражение их лиц и тон в обоих случаях ничем не отличались. Мне бы хотелось, чтобы удобства ради вы передали их по-разному.

— Участники митинга, войдите, пожалуйста, в зал! *Ты и участникам митинга собираешься мешать?*

До того как *антиполиция* грубо оттолкнула усатого оратора, Мори успел протянуть ему руку и решительно обменялся с ним рукопожатием. Я почувствовал, что у меня, восемнадцатилетнего подростка, запершило в горле.

5

В холле перед залом, где проводился митинг, стояли параллельно два длинных стола, между ними был узкий проход; минуя его, каждый получал пачку листовок, взамен которых вносил взнос участника митинга — год от года расположение столов становилось все более продуманным. Скупердяев вроде меня, например, все это раздражало. Однако за себя и Мори я все-таки положил в ящик двести иен мелочью, но

вдруг Мори достает из кармана брюк, до вчерашнего дня бывших моими, бумажку в пять тысяч иен и вносит ее. Я даже вскрикнул непроизвольно: ого, ха-ха. Под потолком вдоль сцены висел лишь один лозунг. У меня создалось впечатление, что будущая киносценаристка Ооно хотела продемонстрировать свое профессиональное мастерство. *«ЯДЕРНУЮ ЭНЕРГИЮ — В РУКИ ТЕХ, КТО НЕ СТОИТ У ВЛАСТИ!»* — вот этот многозначительный лозунг. Ни один политический строй, будь то на Востоке или на Западе, не способен на такое. Если вдуматься, то *жестяные люди* были первыми, кто, громыхая своими бесполезными доспехами, попытался реализовать этот лозунг. И воспрепятствовал им не кто иной, как я. Может быть, мне, наоборот, следовало облачиться в их снаряжение и похитить ядерное сырье? Я почему-то был убежден, что на митинг, где присутствовали и домохозяйки, но главную роль играли студенты, явились и *жестяные люди*. Но идентифицировать меня *превратившегося* и меня во время нападения немыслимо.

Не успели мы сесть, как я почувствовал зуд в области сердца. Хорошо еще, что я сидел у прохода,— нерешительно, будто опасаясь побеспокоить соседей, я запустил руку под рубаху и даже вскрикнул от боли — пальцы мои коснулись крупной сыпи! Хотя ко мне и вернулась неопытность восемнадцатилетнего, все же мне не могла прийти в голову мысль, что в городе на следующий день после большого снегопада расплодились гусеницы. Значит, виновата рубаха. Желая выглядеть, как подобает юноше, я надел пижонскую рубашку. Это была одноцветная трикотажная рубашка, которую я купил в магазине калифорнийской лаборатории — это был период моего становления как специалиста.

Когда я увидел в шкафу рубашку, меня отчего-то охватило неприятное чувство, но,— о безрассудство *превратившегося* восемнадцатилетнего! — не подумав об источниках неприятных воспоминаний, я надел рубашку на голое тело. Теперь, когда начался нестерпимый зуд, я понял секрет рубахи. Последний раз я надевал ее сразу же после возвращения из Америки, в тот день, когда пошел помочь новому начальнику переехать на новую квартиру. Стараясь заслужить похвалу, я не покладая рук таскал вещи, и с камелий, во множестве росших в саду, мне за ворот насыпались волоски гусениц. У меня начался невероятный зуд, но у окружающих мои мучения вызывали лишь отвращение, саркастические улыбки, поэтому я не попросил кого-нибудь из сослуживцев стряхнуть со спины волоски. Именно с того дня и начались мои злоключения: несмотря на стажировку в Америке, начальство атомной электростанции игнорировало меня, и в конце концов, назначенный ответственным за перевозку ядерного сырья, я облучился. Значит, насыпавшиеся в тот день волоски гусениц продолжают существовать. Наверно, и в самом деле в жизни человека есть злосчастные дни, ха-ха.

Нестерпимый зуд на груди и животе я пытался унять, поглаживая кончиками пальцев выступившую сыпь. У меня совершенно вылетело из головы, что я вместе с Мори пришел на митинг,— какое-то огненное чудовище пожирало меня.

А в это время в зале произошла странная перемена, и это вернуло меня к действительности. Не то чтобы я почувствовал, что сюда проникла вражеская группировка. Просто все вокруг — старуха в круглых очках на огромном толстом лице со свисавшими вдоль щек редкими неопрятными волосами, юноша в переднике от шеи до колен, как европейский мастеровой, мужчина лет сорока с козлиной бородкой и в бейсбольной кепке,— все они, ну и, конечно, студенты-активисты, выглядели как-то странно. Чувствуя, что должно что-то произойти, я напряженно ждал этого. Я внимательно посмотрел на студентку, сидевшую рядом с Мори,— она, безусловно, тоже ждала Круглая голова, причесанная волосок к волоску, на лице резко выдаются нос и губы, под глазами темные круги — девушка неотрывно смотрела на Мори, и ни на кого другого.

Если вы спросите, продумал ли я заранее свои действия в свете этой странной атмосферы, то отвечу — нет. Я, восемнадцатилетний, увидев, как на сцену поднимаются актеры, играющие на митинге роль положительных героев, был ослеплен любовью к Ооно — вот в чем дело, ха-ха. Под многозначительный лозунг *«ЯДЕРНУЮ ЭНЕРГИЮ — В РУКИ ТЕХ, КТО НЕ СТОИТ У ВЛАСТИ!»* к самому краю сцены вышел руководитель борьбы против строительства атомной электростанции, прибывший вчера с Сикоку; на его маленьком напряженном лице выделялись огромные глаза и нос. Еще больше вытаращив глаза, он оглядывал сидящих в зале. Вслед за ним вышло человек пять молодых людей, которых я знал а потом и Ооно. Будущая киносценаристка тоже осматривала зал, глядя из-за пугающе огромных стрекозиных очков такими вытаращенными

глазами, что приходила на ум мысль, не базедова ли у нее болезнь. Я сразу сообразил, они оба ищут кого-то. Кого? Меня! Навеки исчезнувшего б ы в ш е г о служащего атомной электростанции, меня до *превращения!* Они были так поглощены осмотром зала, что Ооно, не заметив стула, зацепилась за него подолом юбки и чуть не упала. Находившийся рядом с ней юноша бросился, чтобы поддержать своего идола. Однако киносценаристка холодно поблагодарила его и отвела руку. Сидевший в зале *превратившийся* восемнадцатилетний вдруг пришел в восторг и бешено зааплодировал. Мало того, я закричал — на таких высоких нотах, что их способна была уловить лишь собака. *Сестрица, чудесно, чудесно, иди сюда, иди сюда!* Жаль, что в зале не было собаки, понимающей человеческую речь, ха-ха.

Гремела музыка. Музыка, да к тому же Бетховен! Это была соната для струнного квартета, которую Мори слушал целый год, прежде чем перейти к фортепианным сонатам Моцарта,— она навязла у меня в ушах. Первые мощные такты сонаты потрясли зал! А потом тонкие струны повели тему, и я подумал, что это тоже в духе будущей киносценаристки, что и это—спектакль, поставленный Ооно. Где-то у потолка началась густая бумажная метель. Я посмотрел вверх, где бушевала эта метель, и увидел, что лозунг, висевший над помостом, подменен: *«ЯДЕРНУЮ ЭНЕРГИЮ — В РУКИ ТЕХ, КТО НЕ СТОИТ У ВЛАСТИ, НО НЕ В ВАШИ РУКИ, КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЕ ХУЛИГАНЬЕ!»*

Вслед за мягкой струнной музыкой — угрожающе громкие аккорды. Стоявшие на сцене, засыпанные бумажным снегопадом, дрожали, не зная, что предпринять. Даже Ооно — куда подевалась ее величественность — в замешательстве закричала:

— *Антиполиция, антиполиция!*

Я взглянул на ее дрожащие губы и почувствовал, как грудь моя сжимается от жалости и любви.

Но молодые люди на сцене продолжали стоять не шелохнувшись, а *антиполиция* даже не думала наводить порядок. Один лишь руководитель движения против строительства атомной электростанции громко кричал, что это безобразие. Неожиданно я увидел, что Мори, как и я вставший со своего места, обнимает за плечи свою соседку и девушка прильнула к его сильному телу!

Свет в зале внезапно погас — перегорели пробки. Это тоже был спектакль, но поставленный нападающими — мгновение, и взрывом сверкнула вспышка, свет гас и зажигался вновь с интервалом в секунду. Вспышка была такой силы, что, казалось, зал пронзает молния.

При каждой вспышке я видел, как толпа в зале приходит в движение. Картина двигающихся при свете людей застывала в моих глазах, когда наступала тьма. Толпа, освещенная каждой новой вспышкой, уже не была той же, что секунду назад застыла в моих глазах. Точно в немом кинематографе — голосов толпы, подавленных мощной музыкой, не было слышно. События в немом кино развивались — в зале уже кое-где вспыхнула драка.

Дрались, разумеется, юнцы, принадлежащие к разным революционным группам, и молодые функционеры. Остальные, а их было большинство, бежали, стараясь вырваться из пекла, где орудовали нападающие и обороняющиеся. Можно ли было в этом побоище гарантировать чью-либо безопасность, даже людей совершенно посторонних? Свет и тьма беспрерывно сменяли друг друга. Как и следовало ожидать, мне тоже разок досталось по шее, разозлившись, я развернулся и угодил кому-то по носу. На секунду вновь воцарилась тьма, и я опасался, что получу сдачу. но вспыхнул свет, и я увидел, что в том месте, где мог находиться человек, которого я ударил, было пусто.

—Мори! — закричал я во тьму, повернувшись в ту сторону, где только что видел его, и, сам не знаю почему, присовокупил фразу, которую обычно употребляют мальчишки: «Смоемся, пока нам не всыпали, а, Мори!»

Но вот новая вспышка — она не высветила Мори, который должен был стоять рядом со мной! В наступившей вслед за этим тьме, пытаясь разглядеть толпу, в которой не было видно Мори, дерущуюся толпу, сдержать которую уже было невозможно, я так усиленно моргал глазами, что слышал шорох собственных ресниц. Следующая вспышка осветила Мори и студентку, которые спокойно шли по проходу через восемь-девять рядов от того места, где я стоял. Они отличались и от большинства находившихся в зале, скованных мыслью, что они жертвы, и готовых бежать без оглядки, и от юнцов, которые носились по залу, продолжая драку. Точно отметая дурной сон, Мори медленно вытягивал перед собой руки и, легко раздвигая толпу, шел вперед. Руки

превратившегося Мори, видимо, обладали необыкновенной силой — он без труда отбрасывал стоявших у него на дороге людей, причем те, кого он отбрасывал, даже не пытались кинуться на него.

— Мори! — завопил я что было сил, стараясь перекричать Бетховена.— Мори! Мори! Куда ты?

Вспыхнул свет — Мори не обратил никакого внимания на мои крики, на знаки, которые я ему подавал, он шел, охраняя вцепившуюся в рукав его кожаного пиджака студентку в джинсовом расклешенном платье и в длинном теплом жакете, застегнутом на все пуговицы и плотно облегавшем ее. Когда вновь стало темно, я с криками «Мори, Мори!» начал поспешно пробираться по узкому проходу между стульями, но продвинуться вперед мне не удалось. Те, кого я отталкивал, давали мне сдачу, и я, вытянув шею, как черепаха, и корчась, вопил «Мори, Мори!»— вот и все, что я мог сделать. Наконец он посмотрел в мою сторону — в его взгляде я сразу же прочел отказ,— мелькнул на прощание небритый профиль, и Мори исчез в толпе. Я остался стоять весь в поту, испытывая нестерпимый зуд. Я был сражен отказом Мори, вот так-то. До сих пор его многочисленные отказы я не воспринимал как отказы, но теперь понял — пришло время платить по счетам. Мори с детских лет, до *превращения*, отказывался слушаться меня, своего отца, подчиняясь туманным, неосознанным желаниям; я решительно не признавал отказов и вынуждал к послушанию...

— *Корпус лососей!* — раздался вопль, заглушивший мощно звучавшую сонату для струнного квартета.— *Корпус лососей! Корпус лососей!!!*

Моим чувствам вновь был нанесен решительный удар. В открытую рану, оставленную в моей душе отказом Мори, упали слова *Корпус лососей* и закупорили ее! Во вспышке яркого света, которой я едва дождался после темноты, наступившей, когда вышлеснулся крик *Корпус лососей*, все повернулись к сцене.

Там началась невообразимая потасовка! Разумеется, эти люди не собирались устраивать под шумок поножовщину, ха-ха. Но дрались они как звери, на сцене было полно дерущихся и была такая давка, что даже упасть невозможно. Кто из них принадлежал к *Корпусу лососей* — не разберешь. А тут еще над головами устроивших эту потасовку юнцов пронесли на плечах будущую киносценаристку. Она болтала толстыми ногами из-под задравшейся юбки — будто разверзся бездонный зев духовой трубы!

— *СВОЛОЧЬЕ! ЧЕРТОВО СВОЛОЧЬЕ! НИ СТЫДА, НИ СОВЕСТИ! КОНЧАЙТЕ!* — кричал я громовым голосом, но крик мой замер в только что закупоренной ране моей души. Обратившись к разверзшей зев трубе, я, восемнадцатилетний, ринулся вперед, горя неосознанным еще желанием и злобой. Ринулся вперед, оскалив не искусственные, а собственные молодые зубы!

6

Ринувшись вперед, я добрался до сцены и вклинился в самую гущу дерущихся, но меня сразу сбросили вниз. Я попытался снова взобраться на сцену, но мне топтали руки, били ногами по голове и плечам и каждый раз скидывали со сцены — да, захватить их позиции трудно. Я опять осторожно оперся руками о край сцены, причем руки сжал в кулаки и, избегая нацеленного на них старого ботинка, прыгал из стороны в сторону, пытаясь найти щелку, чтобы взобраться на сцену, и тут головой вниз полетел худой человек лет под сорок, видимо ветеран *Корпуса лососей*. Полетел прямо передо мной. На его побледневшем лице выделялись янтарного, как у кошки, цвета глаза, он смотрел прямо перед собой. Наверно потому, что перед ним вдруг оказалось мое лицо, в глазах его на миг отразилось изумление, но тут он, ударившись теменем об пол, завопил от боли.

Упал еще один человек — со всех сторон его пинали стоптанными ботинками, а он, продолжая лежать на полу, пытался увернуться. Не руководитель ли это движения против строительства атомной электростанции на Сикоку?! Но у него на маленьком лице огромный запавший рот и вокруг множество морщин — может быть, это не он, а его отец? Но глаза горели злобой, ноздри раздувались, от него даже пар шел — так силен был боевой дух. Действительно, руководитель движения против строительства атомной электростанции хотя и лежал на полу, оружием, зажатым в правой руке, бил по ногам пинавших его противников. Когда он промахивался, оружие не

впивалось в ногу противника, а издавало щелчок, точно кастаньеты. Вот оно что! Я ведь тоже всегда стараюсь укусить — стоило мне подумать об этом, и я сразу же догадался, что это за оружие. Раздосадованный маленький человек, которого повалили на пол, пинали ногами, вытащил изо рта вставные челюсти, зажал их в руке и кусал ими ноги противников. Ха-ха, я был потрясен — кусательная атака с дистанционным управлением. Вы когда-нибудь слышали о таком?

— *ПРИБЫЛА МОТОРИЗОВАННАЯ ПОЛИЦИЯ! НЕ ПОДДАВАЙТЕСЬ НА ПРОВОКАЦИЮ!* — раздались у меня за спиной крики множества людей. Эти крики несметной толпы заглушили лившуюся из мощных динамиков музыку и произвели нужный эффект. Побоище прекратилось. Руководитель нападавших, несомненно, отдал команду отступать. Умолкли динамики.

Погасла лампа-вспышка, освещавшая тьму, начались вопли смятения и негодования, что не было свойственно обученным активистам обеих групп, и длилось это довольно долго. Со сцены, где утихла потасовка, беспорядочно прыгали убегавшие. Это могло оказаться опасным для тех, кто стоял внизу,— ведь было совсем темно, и я, обхватив руками голову, наугад бросился вперед, пытаясь вклиниться в свободное пространство на сцене. И упал со страшным грохотом.

— *СВОЛОЧЬ, ФАШИСТ!* — раздалась ругань — кого бы вы думали? — взбешенной киносценаристки.— *ТУПИЦА! ИДИОТ!*

Встав на четвереньки, я пополз, лавируя между топающими ногами, в направлении этого голоса. Вдруг я почувствовал страшную боль — что-то впилось мне в зад, наверно, укусила вставная челюсть руководителя движения против строительства атомной электростанции. Если бы я не двигался вперед так стремительно, широко раскрыв во тьму глаза, то одной десятой секунды опоздания было бы достаточно, чтобы челюсть отгрызла важный орган, представляете, у восемнадцатилетнего-то, ха-ха. К счастью, все утихло, и продолжал сражаться один лишь руководитель движения против строительства атомной электростанции, поэтому я продвигался вперед, беспрерывно натыкаясь на чьи-то колени и голени, и никто не пинал меня ногами, не топтал. Чтобы не отдавили пальцы, я сжал руки в кулаки и передвигался ползком по полу. Неожиданно я наскочил плечом на перевернутый стул, и он отлетел далеко вперед, и оттуда раздался вопль: «Ой!»

— *СВОЛОЧЬ, ФАШИСТ!* — послышалась ругань.

Подходить с той стороны, откуда только что полетел стул, было неразумно, и я, чтобы выйти из положения, схитрил — перекатился несколько раз по полу и пополз дальше. Сердце бешено колотилось. Я протянул руку и погладил по спине сидевшую неподвижно, как изваяние, Ооно.

— Это я! Надо выбираться отсюда! — сказал я. Вспомнив, какой у меня был голос до *превращения*, я изменил свой теперешний на басовитый.

Обняв за талию дородную киносценаристку, я помог ей подняться, и мы во тьме направились за сцену; все участники потасовки уже были в зале, и на сцене не осталось ни одного дерущегося. Будущая киносценаристка будто ждала моего появления, она крепко вцепилась в меня и, стуча высокими каблуками, бежала рядом вприпрыжку — решительная женщина, но в то же время и немного жалкая, подумал я. Моя грудь болела от нестерпимого зуда и изнывала от сладкого волнения. Ха-ха.

Когда мы оказались у задника сцены и я стал соображать, куда идти дальше, в зале прогромыхал гром! Через все двери ворвались полицейские моторизованного отряда.

— Древние, если раскаты грома доносились слева, считали это добрым предзнаменованием. Бежим направо и сами устроим себе доброе предзнаменование!

Вскоре я неожиданно наткнулся на металлические перила винтовой лестницы. Над ней виднелся красноватый светлый прямоугольник. Внимательно всмотревшись, я увидел проступающие на нем светящиеся иероглифы: «ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ, ЩИТОВАЯ». Мы с Ооно, как овцы, бегущие бок о бок, помчались вверх по винтовой лестнице. Красноватый светлый прямоугольник был приделан к распределительному щиту, чуть в стороне от него поблескивала дверная ручка. Мы вошли в крохотную каморку и заперли дверь. Во тьме под нами топало множество ног — впечатление, будто начинается первый акт «Макбета». Заставив Ооно сесть на расстеленную на полу циновку, а потом и лечь на нее, я, хотя не имел на то никаких оснований — безответственный восемнадцатилетний мальчишка, что с меня взять, ха-ха,— авторитетно заявил:

— Полицейские моторизованного отряда в тяжелых металлических доспехах побоятся подняться сюда, к распределительному щиту!

Что произошло между нами? Мы переспали, ха-ха. Будущая киносценаристка вдруг раскашлялась, и я, боясь, что кашель могут услышать полицейские, зажал ей рот поцелуем, хотя с тех пор, как начались наши отношения, мы избегали поцелуев, считая их чем-то грязным. Я сделал собственное открытие — *ах, вот как это происходит у людей.* Близость с Ооно раскрыла мне глаза. Неужели это тело — тело простого земного человека? Разве человек, обладающий таким телом, не живет космической жизнью? Моя душа влилась в тело Ооно, и я познал смысл бытия. Обращаясь к космической воле, я отвечаю: *Теперь все.* Так я испытал блаженство, которого не изведал еще ни разу в жизни!

Мы оделись и, обнявшись, сидели на циновке, а в это время внизу, в полной тьме, господствовал моторизованный отряд полиции. К распределительному щиту кто-то поднимался, потом снова спускался вниз. Видимо, вернулся на свое рабочее место электрик, которого нападавшие либо заставили спрятаться, либо заперли где-нибудь. В зале загорелся свет, моторизованный отряд построился, участников митинга, не успевших бежать, собрали в одном месте. Одна за другой слышались команды, совсем тихие по сравнению с доносившимися ранее воплями. В маленькое матовое окошко у самого пола комнаты, в которой мы укрылись, проник свет. Теперь, на свету, будущая киносценаристка увидела все признаки *превращения,* происшедшего с моим телом. Она неожиданно протянула руку и, погладив меня по затылку, сказала:

— *О БЕДНЯЖКА! ЧТО С ТОБОЙ ПРОИЗОШЛО?*

Она безоговорочно разрешила мне быть мной, причем мной *превратившимся,* то есть мной с телом (а возможно, и душой) восемнадцатилетнего.

Я был не в состоянии ответить на ее вопрос, да, собственно говоря, и необходимости отвечать не было, и, снова обняв Ооно за талию, ставшую теперь мягкой и податливой, наслаждался нежностью ее руки, гладившей меня по затылку и шее. Точно пытаясь сказать, как мучительно и печально *превращение,* слезинка коснулась горячей щеки Ооно, и в ответ ее глаза наполнились слезами, и они поползли к припухлостям в уголках губ. Я слизывал их красным языком восемнадцатилетнего. Ноздри щекотали лившиеся по ним слезы, но я заметил, что зуд на груди и животе прекратился. Чудесная близость с женщиной уничтожила яд гусениц.

Глава V

Чувствую, что заговорщики чуждаются меня

1

Будущая киносценаристка проявила истинную доброту к телу и душе *превратившегося* но эта доброта была чересчур демократичной и проявлялась не только по отношению ко мне.

— Если ребят арестовали, нужно немедленно организовать их спасение,— скомандовала она себе.

Я хочу чтобы спасали только меня. Продолжай спасать меня, превратившегося! И никакой организации не нужно делай это одна! — готов был я крикнуть ей в ответ. Полиция сюда даже не поднялась, разве это не означает, что происшедшей здесь потасовке не придается большого значения? Наверно, построились, вышли и уехали. Полицейские не стали здесь искать, потому что у них металлические доспехи и они боялись, как бы их не ударило током.

— .. Разве опасность может помешать им? Конечно, если бы они действительно хотели арестовать зачинщиков...

— Значит, по-твоему, они должны были, чтобы их не ударило током, раздеться догола? Хотя, следуя твоей логике, и такое предположение вполне возможно. Нет, заняв зал, они сразу же арестовали тех, кого наметили заранее. Нужно не мешкая начать их спасение!

— Но кого власти взяли на заметку? И потом, к какой группе принадлежат арестованные — к вашей или же к нападающим?

— Если руководители контрреволюционной группировки, совершившей нападение, и арестованы по сговору с властями, почему мы должны заниматься их спасением?

— ...В таком случае кто же из устроителей сегодняшнего митинга интересовал полицию, если сама руководительница группы Ооно спокойно прячется здесь?

— С точки зрения политических группировок я ничего не значу. Ни наши друзья, ни наши враги, ни служба безопасности не считают меня важной персоной.

— Не могу в это поверить, я всегда был убежден, что не только твоя группа, но даже *Корпус лососей* и тот находится под твоим руководством.

— Ну к чему провоцировать меня? Зачем говорить чушь, не понимая сути нашего движения?

— ...В таком случае тебе придется самой организовывать спасение, ведь схватили-то твоих ребят. Я давно наблюдаю за твоей группой и до сих пор не считал тебя марионеточным руководителем. Но когда на митинге произошла потасовка, я слышал выкрики *Корпус лососей*. А ведь *Корпус лососей* является боевым формированием революционной группы, в которую входите и вы? О *Корпусе лососей* я впервые услышал лет десять назад...

— Ну и что из того? Даже если моя группа и имеет отношение к *Корпусу лососей*... Сколько можно повторять эту чепуху? Я немедленно приступаю к спасению ребят. И потом, с меня довольно.

Действительно, в глубине души я взывал: *о-о, не разрушай своими словами прекрасное воспоминание о том, что было между нами, даже если и не хочешь спасти бедного мальчишку, который сейчас перед тобой.* Хоть и с запозданием, я неожиданно перешел в контрнаступление. Для чего я это сделал? Наверно, таков уж характер впечатлительного юнца.

— С меня тоже довольно. Просто я постеснялся сказать тебе это, ха-ха!

— Ну ладно, пошли. Что бы там ни было, мне сейчас не до шуток.

Втайне я надеялся, что электрик запер нас снаружи, но стоило мне повернуть ручку, как дверь открылась. *А как мне хотелось побыть здесь вдвоем с Ооно до завтра!* — с сожалением прокричал во мне голос восемнадцатилетнего, ха-ха.

— Рядом с распределительным щитом, по-моему, должен быть фонарь на случай аварии.— И точно в подтверждение профессионального опыта киносценаристки, рядом с рамкой из красных лампочек висел фонарь, длинный, как палка. Когда я включил его, свет попал на дверь, из которой мы только что вышли,— там был изображен череп и кости и написано: *«ВХОД ВОСПРЕЩЕН, ТОК ВЫСОКОГО НАПРЯЖЕНИЯ!»* Неудивительно, что ни полицейские, ни электрик не вошли в эту комнату. А мы, ничего не ведая, проникли сюда и занимались любовью, касаясь голыми телами проводов, по которым шел ток в десятки тысяч вольт. Может быть, благодаря току высокого напряжения все было чудесно, как никогда? Ха-ха.

Глянув на предостерегающую надпись, киносценаристка воскликнула: «Ой!» — и прижалась ко мне обессилевшим телом. И я, нежно обняв не раздражавшую меня женщину, которая, поднаторев в телевизионных дискуссиях, разбила меня в нашем споре, а очаровательную партнершу любовных утех, стал спускаться с ней по винтовой лестнице, ха-ха. И пока она не пришла еще в себя от потрясения, я, делая оборот за оборотом, точно шурупом, накрепко привинчивал ее к себе. Я шагал уверенно, как юноша, которому впервые в жизни исполнилось восемнадцать лет, чувствуя, что теперь каждый, наверно, признает мои права восемнадцатилетнего, ха-ха!

Вы сомневаетесь в моих словах? В изящной словесности я действительно не специалист, но, даже если вы и сомневаетесь, пишите так, чтобы ваш собственный голос сомнений был заглушен моим голосом самоутверждения, каким я в е д у р а с с к а з. Разумеется, в примечаниях писателя-невидимки совсем не обязательно писать: «Но я в этом сомневаюсь».

Вы послушно записываете слова, которыми я в е д у р а с с к а з. Я хочу, чтобы бесконечному числу третьих лиц, которые будут читать их, передались динамические отношения между двумя лицами — мною, в е д у щ и м р а с с к а з, и вами, записывающим мое повествование. Для третьих лиц я живу только в этих отношениях противостояния — меня, в е д у щ е г о р а с с к а з, и вас (сомневающегося, но тем не менее послушно записывающего мои слова)— вот в чем дело. Если я внезапно исчезну из этого мира, то лишь записанные вами слова — единственный шанс воскресить меня, вновь заставить существовать в реальном времени. Третьим лицам, которые будут читать записки, я не собираюсь рассказывать небылицы о *превращении*. Я хочу, чтобы мое

существование, существование такого человека, как я, всколыхнуло силу их воображения. Я начинаю использовать вашу специальную лексику, ха-ха. Только тогда я буду существовать как реальный дух. Для этого необходимо, чтобы слова, которыми я в е д у р а с с к а з, и ваше молчаливое сомнение, напряженно противоборствуя друг другу, отражались в ваших записках. Потому что тогда у третьих лиц, читателей, возникнет интерес — и с этой секунды, как бы борясь с вашим сомнением, они перейдут на мою сторону. Ваши сомнения будут тем толчком, который положит начало динамичным отношениям между мною, в е д у щ и м р а с с к а з, и третьими лицами, читающими записки.

Вот первые шаги в той области, где я специалист, ха-ха. Вы, писатели, видимо, тоже используете механизм слова, чтобы пробудить у третьих лиц силу воображения? А разве механизм не работает в соответствии с законами механики? Раньше для меня, исследователя и специалиста атомной электростанции, слова в конце концов превращались в бесполезный мусор. Например, слова о возможности коррозии атомного реактора и выхода его из строя ничего не будут стоить, если соответствующие специалисты не предпримут меры, сводящие такую опасность к нулю. Необходимость в моих словах просто-напросто отпадет.

Что же касается вас, писателей, написанные вами слова всегда должны быть тем м е х а н и з м о м, который пробуждает силу воображения, верно? Видимо, нет на свете такого специалиста, который мог бы превратить ваши слова в ненужный мусор. Вот почему предложенный мной м е х а н и з м окажется, как я думаю, эффективным, он поможет превратить слова, которыми пользуется, в е д я р а с с к а з, б ы в ш и й исследователь и специалист, в некий детонатор, могущий взорвать воображения третьих лиц. Однако я снова повторяю: если вы не верите тому, что я говорю, то не делайте вид, будто верите.

2

Стараясь не поскользнуться на льду, замерзшем грязным месивом, словно всклокоченная шерсть бездомной собаки, мы вышли из боковых ворот и направились к входу в здание, стоявшее в конце тупика. Без всяких на то оснований я был твердо убежден, что Мори, *превратившийся* во взрослого человека, со студенткой ли, без нее ли, но сейчас, глубокой ночью, ждет меня на этой улице. Поскольку моторизованный отряд полиции оцепил весь район, ждать меня рядом со зданием, в котором проходил митинг, опасно, и он, найдя такое же укромное место, как тогда, на платформе экспресса «Кодама», несомненно, ждет меня на этой улице, раскаиваясь, что отверг мои призывы.

Я думал о Мори, но, ощущая себя защитником будущей киносценаристки, которая совсем ослабела, потрясенная тем, как близко она находилась от тока высокого напряжения, внимал ее жалобному голосу, такому тихому, что, казалось, ей было больно говорить:

— ...Гражданские организации, которые до сих пор вели совместную с нами борьбу, не понимают того, что их отвергает определенная часть революционной группы. Но если бы сегодня мы не подверглись нападению контрреволюционного хулиганья,— сволочи, фашисты! — митинг прошел бы успешно и моей группе удалось бы повлиять на общественное мнение. Это объективный факт. Тем не менее мои теперешние ребята совсем не похожи на тех, которые были у меня семь-восемь лет назад, и даже на тех, кто входил в группу года три-четыре назад. Они всегда с энтузиазмом носятся по городу, распространяя листовки, а когда я, бывает, простужаюсь, до утра, не сомкнув глаз, дежурят у моей постели и, не выспавшись, отправляются на работу. Но при этом я не удивлюсь, если узнаю, что они втайне от меня изготовляют бомбу. Может быть, они и некоторые другие, которые к нам приходят, изготовляют не простую бомбу с часовым механизмом, а атомную. Вырыв где-нибудь подземное укрытие...

— Что значит «вырыв подземное укрытие»? Если они всерьез собираются изготовлять атомную бомбу, нужно подземное укрытие по меньшей мере величиной с теннисный корт, а разве без специальной техники его выроешь?

— ...Послушные, очаровательные ребята. Если считать эти их достоинства чем-то обыкновенным, то действительно самые обыкновенные ребята. И в своей борьбе, и в своей обычной повседневной жизни они не выходят за рамки дозволенного, но — как знать, — собираясь в своем кругу, они вполне могут тайком изготовлять атомную бомбу. Эти ребята держат меня в неведении, я чувствую это, а потому не могу сказать

им: а вдруг в один прекрасный день вы изготовите атомную бомбу да еще меня в это дело впутаете!

Мы подошли к входу в здание — Мори нигде не было видно! У меня возникло ощущение, будто во мне разорвался снаряд! Вы подумаете, что я был во власти отчаяния, как и день назад, когда Мори, еще до *превращения*, потерялся на Токийском вокзале? Ничего подобного! Мне показалось, что внутри у меня образовалась пустота и заполнилась чем-то горячим. Ревность — вот что это было! Ревность к студентке, которая увела Мори неизвестно куда, к Мори, который отверг меня и предпочел постороннего человека!

— Что с тобой? Тебе как-то не по себе?

Под уличным фонарем будущая киносценаристка внимательно посмотрела на меня, *превратившегося*, и, поняв мое состояние, стала трогательно утешать, хотя сама еще не оправилась от пережитого потрясения.

— Куда подевался Мори, не знаю; я думал, он где-то здесь ждет меня! Это уже не тот Мори, который потерялся вчера, а Мори *превратившийся*, Мори, который в противоположность мне повзрослел, став двадцативосьмилетним... Когда я в последний раз видел его в зале, он шел к выходу, поддерживая студентку...

— Я не совсем понимаю, что все это означает, но если Мори, как ты говоришь, двадцать восемь лет и если он ушел со студенткой, может быть, их забрала полиция? Если мы начнем спасать остальных ребят, несомненно, узнаем и о том, что случилось с Мори.

— Нет, мне с тобой не по пути! Для тебя Мори — один из многих, а для меня Мори — единственный. Я сам займусь его поисками!

— Для меня каждый из этих ребят единственный, — печально сказала Ооно, к ней вернулись практичность и находчивость общественной деятельницы. — Садись вон в то такси и поезжай. Нужно объехать все места, где может быть Мори. А я приступлю к спасению ребят и, если получу сведения о Мори, позвоню тебе домой в любое время, даже ночью.

Эмоционально я регрессировал, *превратился* почти в младенца. Хотя, бессмысленно отказавшись от предложения Ооно, я заявил, что буду искать Мори в одиночку, шоферу такси, повернувшемуся ко мне с бесстрастным видом, я назвал адрес своего дома.

— Вы газом не будете пользоваться? Слезоточивым. А то студенты-террористы, спасаясь от преследования, пользуются слезоточивым газом. У пассажиров потом щиплет глаза, и они ругаются.

Мне было неприятно слушать это, но я молчал. По возрасту я действительно *превратился* в студента, способного на самые безрассудные поступки, после потасовки на митинге вид у меня был плачевный. Но проучить водителя я не мог, так как под пиджаком железного ломика у меня не было, и мне не оставалось ничего другого, как сидеть тихо и помалкивать.

— Уж не больны ли вы? Не сопите так возмущенно, а то мне страшно, — поддразнивал меня шофер. Может быть, это он так шутил?

А мне сейчас, как тогда Ооно, было не до шуток. Мной овладели печальные мысли. *Превращение произошло не по моей собственной воле. Меня, ставшего после превращения восемнадцатилетним, отверг превратившийся Мори и убежал с неизвестной студенткой. Я хочу вернуться к тому, что было до превращения! Превращение — сон. Я хочу снова стать средних лет мужчиной, которому жена порезала щеку, а потом бросила!*

...Я был погружен в эти мысли, когда вылезал из машины и у дверей доставал из кармана ключ. Я было стал вставлять ключ в замочную скважину, но на ее месте зияла дыра с неровными краями, такая огромная, что в нее мог бы войти чуть ли не кулак!

— Ого! — проворчал я, в страхе отступив от двери.

Некая революционная группа с помощью дрели и механического резца взломала дверь тайного укрытия вражеской группировки. Подобные сообщения можно встретить в газетах почти ежедневно. Где бы я мог спастись от неминуемой опасности в этом огромном ночном городе — совершенно не представляю себе. А ведь к тому же я должен был отыскать пропавшего Мори. Я стоял, не находя в себе силы переступить порог дома, застыв в нерешительности на дорожке, выложенной кирпичом; и вдруг в дыре, зиявшей вместо выломанного замка, мелькнул свет лампы, дверь открылась изнутри! Открылась передо мной, восемнадцатилетним, у которого от страха сердце подскочило

к горлу. Представляете, в прихожей стоял Мори, страшно усталый Мори, у которого щеки и подбородок были покрыты щетиной, отросшей после *превращения!* Подобно тому как у меня все явственнее проступали черты восемнадцатилетнего мальчишки, так и Мори все больше становился похожим на зрелого мужчину.

Не говоря ни слова стоявшему передо мной спокойному, рассудительному Мори, я вошел в дом и закрыл за собой дверь, но не знал, как ее запереть, и растерялся. Ведь фанерная доска вокруг замочной скважины была вырезана вместе с замком. Но тут рядом с Мори, взиравшим на мою растерянную физиономию, появилась та самая студентка и стала ловко закреплять дверь. Она присела на корточки — ноги босые, несмотря на холод, ну точно собачонка, ха-ха, — протянула в дырку от замка веревку, намотанную на рукоятку ледоруба, конец ее привязала к дверной ручке, раз-другой — дверь была закреплена как следует. Будто мне впервые в жизни исполнилось восемнадцать лет, я, весь трепеща перед студенткой, которая игнорировала меня как юнца, хотя я теперь всего года на два — на три моложе ее, был потрясен тем, как ловко управлялась девчонка со всеми этими предметами, какую сноровку проявляла. Но откуда взялись в моем доме ледоруб и веревка? Наверно, принесла с собой девчонка, так наглядно продемонстрировавшая, что привыкла обращаться с ними. Хоть и с опозданием. но мой неопытный мозг восемнадцатилетнего разобрался в обстановке.

— Сколько нужно храбрости, чтобы сломать ледорубом дверь! Ворваться в дом с помощью ледоруба, перебить сопротивляющихся, связать веревкой — такова, наверно, тактика группы, в которую входит эта девица? Значит, мой дом захвачен хорошо обученной профессиональной активисткой?

— Не было другого выхода — дверь пришлось ломать. Ключ-то у вас, вы и теперь держите его в руке!

Мори молчал, доверив студентке ответить за него. Взрослый Мори полностью освободился от некоторых прежних странностей, вызванных необходимостью ни на минуту не забывать о том, что он должен как-то предохранять поврежденный череп, и теперь его облик наконец соответствовал тому, что было заложено генами. Моя жена, б ы в ш а я жена, была угрюмой женщиной, небольшого роста, а ее брат — крупного телосложения, с большим открытым лицом, настоящий великан среди своих низкорослых соотечественников. Гены, казалось перескочив через жену, б ы в ш у ю жену, передались Мори. Кровь *превратившегося* Мори четко проявила это.

— Надеюсь, эта уважаемая девушка не будет возражать, если я войду, а, Мори? Все-таки этот дом принадлежит вашему покорному слуге, — сказал я церемонно, но в моем голосе слышались визгливые нотки возмущения тем, как вел себя теперь уже взрослый человек, которого мое возвращение и не обрадовало, и не смутило.

Сдержанно улыбаясь, Мори посмотрел на меня с любопытством и, кажется, немного растерялся. Девушка, высунувшая из-за его спины голову, опять заговорила со мной. Буравя меня острым взглядом, оскалив передние зубы — не то чтобы некрасивые, но слишком большие, — она заявила:

— Что вы заладили, как мелкобуржуазный собственник: мой дом, мой дом. Оставьте эти ваши разговоры, лучше входите и поешьте. Мы признаем право детей на равных разговаривать с отцом, но все же...

Что все это значит? Ведь отец — я, а Мори — сын?! Правда, после превращения старший и младший поменялись местами. Но неужели сын занял место отца, и наоборот? Это нелогично, наконец, просто нелепо! — хотел я крикнуть в ответ, но, не зная, поймет ли девушка наше *превращение*, решил не делать необдуманных заявлений. Ощущая боль во всем теле, я медленно наклонился, снял ботинки и вслед за Мори вошел в гостиную. Нападавшая на меня девушка, видимо, была не из тех, которые, не удовлетворившись победой, продолжают преследовать противника — она уже трудилась на кухне. Разумеется, это была та самая студентка, которая во время потасовки в зале вверила себя Мори. Сейчас на ней не было, как тогда, длинного джинсового платья. Она была в свитере и в скромной, но в то же время яркой, напоминавшей испанскую, юбке. Но когда она повернулась ко мне спиной, стыд заставил меня отвести глаза. Нижняя часть тела была совершенно голой, и лишь как передник прикрывало ее мое купальное полотенце — его-то я и принял за юбку. Каждое ее резкое движение, когда она, наклонившись, вынимала посуду из мойки, с того места, где я сидел, позволяло увидеть ее оголенный зад. Эмоции, теперь уже не имевшие ничего общего с возмущением, которое мгновенно улетучилось, кружили голову, заставляли колотиться сердце, я не мог заставить себя снова взглянуть в ее сторону. Мори сидел на своем обычном

месте, где ребенком слушал музыку — там, где она звучала лучше, чем во всех остальных местах комнаты, — стараясь преодолеть скованность своего выросшего тела, но весь его вид говорил о том, что душа его никакой скованности не испытывает. Желая как-то вернуть утраченный отцовский авторитет, я посмотрел на него: мол, *что это за развлечение такое?* Холодная вода моего взгляда вернулась ко мне горячим паром — Мори проявлял независимость. До *превращения* Мори был чрезвычайно чуток к малейшим сигналам, не содержавшимся непосредственно в словах, — к тому, как я себя вел по отношению к нему, к моим интонациям.

— Жаль, что я не смогла оставить эту свинину на ночь вымачиваться, — оправдывалась студентка, внося поджаренную гречневую лапшу с кусками свинины, приготовленной, похоже, в духовке.— Мори сказал, что вкуснее этой свинины он в своей жизни не ел.

Говорил ли он когда-нибудь такое, даже после превращения? Неужели она вкуснее подрумяненной жареной свинины, которую я покупал, когда под Новый год ездил с ним в Иокогаму? — хотел я спросить его ехидно, но в эту минуту пустой желудок, пустой желудок, неподвластный контролю восемнадцатилетнего тела, заставил меня вперить взор в поставленную передо мной миску свинины с луком и овощами и желтоватой лапшой.

— Я вас прошу впредь не называть меня уважаемой девушкой, мне противен мужской шовинизм. Меня зовут Саёко. Договорились?.. Ну ладно, что вы будете пить, воду? Пиво? Маленькие бутылки пива в холодильнике — ваши, так что не стесняйтесь,— вот и разрешен вопрос собственности, который так вас волнует.

— Дайте пива, Саёко-сан, — попросил я, радуясь, что подобная услуга не будет рассматриваться ею как поощрение мужского шовинизма.

Саёко отнеслась к моей просьбе вполне нейтрально и, вставая, чтобы принести пива, завела левую руку за спину и придержала расходящиеся концы купального полотенца. Увидев это, я пришел в замешательство — неужели она почувствовала мой взгляд? Ха-ха.

Жареная лапша? О, это было вкусно! Нужно, конечно, сделать оговорку: оценивал ее голодный юноша. Я ел так, как любой восемнадцатилетний,— быстро выбрал все мясо, и тут чувствительная защитница прав женщин проявила на практике свою сноровку и добросердечие. Она принесла на кухонной доске всю оставшуюся свинину, зажаренную до янтарного блеска, и нарезала. Глядя на нее, я сделал еще одно открытие. До *превращения,* даже достигнув среднего возраста, я считал, что тонкие длинные куски жареной свинины — это мышечные волокна, но оказалось, что это плечевая часть, нарезанная в форме гадальных палочек. Человек учится в самое неожиданное время, правда? Ха-ха. Желая похвалить жареную лапшу, я, немного преувеличивая, как это свойственно восемнадцатилетним, ну и, конечно, слегка захмелев от выпитого пива, произнес, если вдуматься, полную бессмыслицу!

— Саёко-сан, наверно, вы и ваши товарищи, изучая идеи Мао Цзэдуна, одновременно проходите курс поджаривания свинины?

Словно собрав в своих глазах весь разлитый в комнате свет, она пронзила меня этим острым лучом. Но не раскрыла рта до тех пор, пока не собрала все силы, сконцентрировав владевший ею гнев. Она сдерживала себя, не давая пересохшим губам, прикрывающим поблескивающие крупные зубы, сразу же излить на меня переполнявшую ее злость. Почему свою злость она преодолевала внутренне? Может быть, откровенно презирала примитивного юнца, к тому же еще и моложе ее?

— Я бы не стала на вашем месте дискриминировать тех, для кого приготовление жареной свинины — профессия. И нельзя проводить параллели между изучением идей Мао Цзэдуна и китайской кухней. Кстати, какие вообще идеи Мао Цзэдуна вам известны?

— Хм, хм. То, что мне известно,— это научные идеи Мао Цзэдуна. Опираясь на них, китайский народ создал атомную бомбу. Я тщательно изучал их документальный фильм о ядерных испытаниях, и у меня не создалось впечатления, что участники испытаний хоть сколько-нибудь заботились о мерах по предотвращению опасности радиоактивного облучения.

— Вы уклоняетесь от предмета нашего спора. Хорошо, давайте поговорим о документальном фильме о ядерных испытаниях в Китае. Вы сопоставляли увиденное в кинофильме с медицинскими данными? Скорее всего, вы очень невнимательно смотрели кинофильм, демонстрировавшийся для иностранных журналистов, и не сравнивали его

с тем, что происходило во время испытаний, проводившихся американскими исследователями в Неваде? Китайцы опираются на собственные силы, и они опередили всех настолько, что для них нет необходимости сравнивать себя с кем-либо. Слышали вы о китайцах, страдающих лучевой болезнью, видели вы их?

— Но ведь в Китае существует контроль над средствами информации, Саёко-сан.

— Только потому, что Китай не может не считать себя в состоянии войны с контрреволюцией, от кого бы она ни исходила — от стран Юга или Севера. Однако контроль над средствами информации не имеет никакого отношения к тому, есть в Китае пострадавшие от ядерных испытаний или нет их. Разве нельзя утверждать, что контроль существует, а пострадавших нет?

— Хм, хм. Я молюсь о том, чтобы наш народ не пострадал от радиации в случае, если вашей группе или группировке ваших противников, которые, кажется, следуют маоцзэдуновскому курсу опоры на собственные силы, удастся, разумеется собственными руками, создать атомную бомбу и провести ее испытание.

— А нужно ли вообще испытание? Если истинно революционная группа получит ядерное оружие и объявит в Токио о том, что она располагает атомной бомбой, присовокупив научные данные и фотографии, одного этого будет достаточно, чтобы создалась революционная ситуация. И поскольку такова основная задача революции, контрреволюционные бандитские организации стараются не допустить, чтобы мы первыми создали атомную бомбу. Исходя из того же принципа, революционная группа, придерживающаяся верного курса, должна получить в свои руки ядерное оружие до того, как власти создадут свое, верно?

— Если речь идет просто о создании ядерного оружия, то действительно, изготовить одну атомную бомбу вполне возможно при наличии достаточно крупной организации, в которую войдут ученые и специалисты. Но это будет лишь первым шагом в создании системы ядерного вооружения. Взять хотя бы проблему средств доставки атомной бомбы — как она будет решаться? Той же революционной группой, придерживающейся верного курса?

— Никакие средства доставки и не потребуются. Вполне достаточно в освобожденном районе Токио поместить атомную бомбу или хотя бы атомное устройство.

— И, грозя взорвать ее, добиться нестабильной ситуации в Токио и его окрестностях, да? Народные массы Токио склоняют голову, и революционная группа без боя овладевает городом. Такой вариант устроил бы и нападающих: им тоже выгодней, чтобы освободительная армия, не придпринимая боевых действий, просто охраняла атомную бомбу. Хм, хм.

— Для чего эти ваши «хм, хм»? Чтобы представить нас в невыгодном свете?.. Мол, смотрите сами, а мое дело сторона. Это отвратительно...

— Не утверждайте, будто мне все равно! Просто я предсказываю: план осуществления революции с помощью ядерного оружия, какая бы группа ни вынашивала его, в конце концов приведет в тупик. Давным-давно я читал о том, какой была реакция на выступление по Би-би-си вдовы Рузвельта, в котором она говорила, что, по мнению большинства американских граждан, лучше уничтожить весь мир, чем позволить Америке стать красной. Я думаю, атомная бомба действительно создаст в Токио нестабильную ситуацию. Но не будет ли это вашим поражением, если массы домохозяек из новой группы «Голос лишенных голоса» во всеуслышание заявят: чем революция, лучше погибнуть от атомной бомбы. В таком случае вы не сможете использовать свое атомное устройство! Знайте, ядерная война не способна подавить войну народную!

— При чем тут массы домохозяек? Вы до мозга костей заражены мужским шовинизмом — все желторотые юнцы таковы!

Что из этого вышло, если взглянуть объективно? Моя логика в конце концов заставила, наверно, студентку сдаться. Если вспомнить сражение с будущей киносценаристкой, получилось, что я одержал одну победу и потерпел одно поражение, так что в нынешней моей дискуссии с женщинами — ничья. Только вот третий — Мори, не становясь явно ни на чью сторону в моем споре с Саёко, иронически сведя брови и улыбаясь, наблюдал со стороны за словопрениями «молодежи». Неожиданно я повернулся к Мори, решив наконец излить на него переполнявшую меня агрессивность...

— Ну, как настроение, Мори? Хорошо позабавился с Саёко? Ты умиротворен и смотришь теперь на меня как на мальчишку? Еще в то время, когда я не мог выгнать жену, — естественно, это было до *превращения* — я думал о том дне, когда у тебя

наступит половая зрелость, и предлагал жене все тебе объяснить. Но жена посмотрела на меня как на сумасшедшего. Ну что ж, теперь, после *превращения*, когда перед тобой встали половые проблемы, хорошо, что все уладилось само собой.

— Даже ненормальный не ведет себя так, омерзительный мальчишка,— сказала девушка тоном, оскорбившим мои чувства восемнадцатилетнего.— Мори, скажи этому пьяному мальчишке, чтобы шел спать. Голодные, мы ждали его возвращения, и в благодарность за это он напился как свинья.

Я не мог забыть, как во время потасовки в зале взгляд Мори оттолкнул меня, и поэтому, нападая на него, не осмеливался посмотреть ему прямо в глаза, а, опустив голову, разглядывал свою чуть покрасневшую ладонь. И, будто на ней проступили огненные иероглифы, я прочел поступившее от Мори телепатическое сообщение: *Если немедленно не отправишься спать и будешь продолжать напиваться, разрушишь свой организм и не сможешь выполнить миссию превратившегося, ясно?* Это сообщение точно ударило меня по лбу, я вскочил, но пошатнулся и стукнулся головой о стену. Мори и студентка даже не засмеялись. Я вспомнил, что в то время, когда мне первый раз исполнилось восемнадцать лет, я и полстакана пива не мог выпить. Добравшись до кровати, я, не зажигая света, повалился на нее — простыня в том месте, где лежала моя щека, затвердела от крови, пролитой мной до *превращения*, а сквозь штаны я ощутил влагу, сохранившуюся еще с тех пор, как Мори, до *превращения*, обмочил простыню. К этому времени я уже наполовину спал. Реальный мир, простиравшийся за стенами нашего дома, до самых мельчайших своих частей взаимосвязан, и лишь я и Мори, претерпев *превращение*, как физическое, так и духовное, оказались абсолютно не связанными между собой.

3

До сих пор я вел подробный рассказ, но неожиданно обнаружил, что сила моих слов весьма проблематична... Я говорю так потому, что почувствовал: мои слова, которыми я описывал Мори после *превращения*, бедны и плоски. Рассказывая, я испытывал грусть, желание плакать. Когда я говорил о Мори до *превращения*, со мной такого не случалось. Я с самого начала был твердо убежден, что дети, подобные н а ш и м д е т я м, достойны сочувствия хотя бы потому, что они умственно отсталые. Когда моя старушка мать засветила лампадку перед божеством Сукунахикона-но-микото, чтобы поведать о ненормальности Мори от рождения и его печальном будущем, ответ в предсказании был обнадеживающим.

Однако если мои слова о *превращении* Мори не смогут описать обыкновенного взрослого человека, то, как мне кажется, третьи лица, проявившие интерес к *превращению*, будут разочарованы. Неужели мне все еще не удалось понять подлинный характер Мори после *превращения*? До сих пор я много раз непринужденно говорил о себе, неопытном восемнадцатилетнем, после *превращения*. Но на самом деле некоторые вещи не укладывались в моем сознании, потому что я действительно стал неопытным восемнадцатилетним мальчишкой и оказался неспособным понять всю притягательность Мори после *превращения*. Может быть, это была проблема способности одного человека коснуться души другого?

И тем не менее я буду продолжать р а с с к а з. Потому что сам субъект моих р а с с к а з о в после *превращения* живет, полный сил, в реальном мире. На следующее утро, а говоря точнее, после полудня, я проснулся на простыне, затвердевшей от моей крови и вонявшей высохшей мочой Мори, но, несмотря на то, что накануне, во время потасовки, меня били, пинали ногами, валили на пол, а к тому же была еще и изнурительная забава с Ооно, я проснулся полный бодрости. Хотя мышцы у меня и болели, меня воодушевляла мысль, что все это скоро пройдет. Прекрасно, решил я, приоткрыв один глаз, нужно взорвать мой молодой организм. Подумайте только, сейчас из всех восемнадцатилетних на Земле мой восемнадцатилетний организм самый молодой. Ведь фактически я родился на двадцать лет раньше, чем обычный восемнадцатилетний, и следовательно, я восемнадцатилетний, родившийся, когда человечество не было таким постаревшим, как сейчас, ха-ха!

Вновь возродившимся указателем того, что мой проснувшийся организм полон бодрости, было утреннее возбуждение — не стоит подробно говорить об этом, чтобы не повторяться, ха-ха. Но не хотелось бы проходить и мимо биологически связанного

с этим напряжения мочевого пузыря. Передо мной встала новая проблема. Что делать, если по дороге в уборную я вдруг наткнусь на девчонку? Вчера вечером я напился и злословил по поводу того, что она спала с Мори. Вдруг она неверно истолкует мое состояние? Неужели вы, отец, испытываете влечение к возлюбленной своего сына? Противный мальчишка?! Вот что она, наверно, скажет мне. Или наоборот: неужели вы, сын, испытываете влечение к возлюбленной своего отца. Так тоже она может сказать. Но вывод будет один — противный мальчишка! Скорее всего. Но пузырь все раздувается, и уже нет времени страдать от возникшей проблемы. Я сполз с кровати и стал носиться по комнате. И тут я увидел лежащую на спине мексиканскую фарфоровую лягушку с открытым ртом. Я даже вскрикнул от удивления — она оказалась очень вместительной! Возможно, это был ночной горшок инков? Ха-ха.

Почувствовав облегчение, я стал размышлять о душевных силах, которые позволили бы мне держать Мори после *превращения* в своих руках — я уже говорил об этом. Исчезли ли у меня, *превратившегося* в восемнадцатилетнего мальчишку, силы воздействия на чужую душу, которыми я обладал до *превращения* благодаря своему жизненному опыту? Терзаемый сомнениями, я свернулся калачиком на кровати. Если в результате *превращения* я утратил способность воздействовать на душу Мори, какой смысл будет тогда иметь для меня *превращение*? Разумеется, *превращение* нелогично, но именно благодаря своей нелогичности оно, видимо, и таит в себе возможность способствовать справедливому решению конфликтов между людьми.

...Брошенный всеми, я лежал одинокий и беспомощный, как вдруг мне явилось знамение. Пусть я чувствую себя ни на что не годным мальчишкой, но все равно не следует сомневаться в том, что *превращение* Мори во взрослого мужчину имеет смысл — таким было знамение. Не это ли телепатически передал мне Мори вчера ночью? И мое *превращение* нужно лишь для того, чтобы я присутствовал при выполнении им своей миссии. Тела и души всех людей на Земле не более чем отражения, проецируемые с НЛО, и тем не менее из трех миллиардов пятисот миллионов этих отражений выбрано отражение одного Мори, на которого и возложена миссия, и, поскольку он стремится выполнить ее, я, тоже *превратившийся*, должен во имя этого, не ленясь, наблюдать происходящее, засвидетельствовать все, что увижу...

Думая обо всем этом, я неожиданно расплакался и, широко открыв рот, часто задышал, чтобы слезы перешли в громкие рыдания... Вот что произошло — ничтожный восемнадцатилетний, лишенный опыта, необходимого, чтобы обладать силой, которая позволила бы ощущать душу другого человека, с помощью обильно лившихся слез пытался проникнуть в суть явлений. Продолжая лить слезы, я мечтал о том, чтобы спуститься вниз и поплакаться Мори. *Мори, Мори (а поскольку произошло наше превращение — папочка Мори!), открой мне, в чем состоит твоя миссия! Ради чего ты превратился? Не хочешь поведать мне тайну возложенной на тебя миссии — не надо. Я лягу костьми, чтобы выполнить любой твой приказ. Мори, Мори, папочка Мори! Ты меня слышишь?*

Стараясь унять припадок фанатизма и сентиментальности, я не мог усидеть на кровати. Подобное стремление к движению — по-французски это звучит: une force qui va, толкало меня на необдуманные действия, я просто места себе не находил. Неужели, достигнув впервые в жизни половой зрелости, я точно так же перебарывал себя? Я думаю, это была подготовка к предстоящим жизненным экзаменам. Может быть, в свои первые восемнадцать лет я как человек был совершеннее, чем во вторые? Значит, нынешний я ниже качеством? Ха-ха.

Кончилось все это тем, что я по привычке, оставшейся с тех пор, когда *превращение* еще не произошло, стремительно сбежал вниз — в гостиной Мори и студентка с грустными лицами просматривали разложенные на полу газеты.

— Читаете утренние выпуски? Думаю, в них еще не успели поместить сообщения о вчерашних событиях, — сказал я с видом знатока, нарушая их уединение.

— Вечерние! — отрезала девушка.

Мори, чисто выбритый, отчего он выглядел уверенно и в то же время привлекательно — его лицо было совсем не похоже, как мне вспоминается, на мое, и в зрелом возрасте напоминавшее детское, — без улыбки, даже скорее печально, протянул мне одну из газет. Следовало признать, что, в отличие от студентки, Мори проявил объективное беспристрастие. Чуть не закричав: «Покажи, покажи!» — я подбежал к Мори и Саёко.

Я увидел четыре разные газеты — хотя было уже далеко за полдень, для вечернего выпуска еще рано. Кроме того, мы получали всего лишь одну газету. Значит, не дожидаясь, пока ее принесут, они сходили в газетный киоск к железнодорожной станции. Мори и Саёко в соответствии со своим восприятием происходящего, переоценив происшедший вчера вечером инцидент, наверно, были убеждены, что все газеты будут полны им. Ха-ха, смешно!

Я предполагал, что можно рассчитывать лишь на небольшую заметку. Но не стал высмеивать серьезность, с какой они анализировали все сообщения — зачем им знать мое мнение? Сообщения были трех видов, и напечатаны они были очень убористо. Чтобы продемонстрировать характер этих статей, достаточно привести один из заголовков: «МЕЖДОУСОБИЦА НА МИТИНГЕ ПРОТИВ СТРОИТЕЛЬСТВА АТОМНЫХ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ. ВВОД ОТРЯДА МОТОРИЗОВАННОЙ ПОЛИЦИИ». Лишь в одной газете текст был взят в рамку, как специальное сообщение: «МЕЖДОУСОБНАЯ БОРЬБА ВРАЖДУЮЩИХ ГРУПП; РУКОВОДСТВО ОБЕИХ СЕКТ ХРАНИТ МОЛЧАНИЕ; СПАСЕНИЕ АРЕСТОВАННЫХ. В чем причина вражды? Хотя в потасовке участвовало человек триста, в отличие от наблюдавшихся в последнее время междоусобиц между сектами не было убитых и тяжелораненых. Легкораненые и те появились только, когда моторизованный отряд полиции стал наводить порядок». Это утверждала в беседе с корреспондентом Ооно Сакурао, которая высмеивалась в статье как одна из тех, кто занялся спасением арестованных. *Значит, она сразу же приступила к спасению ребят, неужели нисколько не отдохнула?* — закричал я про себя срывающимся голосом влюбленного восемнадцатилетнего.

Тридцать пять человек, участвовавших в потасовке, были арестованы, но среди всех этих юношей и девушек, хранивших упорное молчание, не оказалось ни одного из тех, кто был внесен полицией в список активистов. Когда в прошлом случались междоусобицы, руководители и нападавших и оборонявшихся немедленно выступали с заявлениями, на этот же раз они словно воды в рот набрали. Неужели это действительно была междоусобица враждующих революционных групп? Чем объяснить то, что в этой междоусобице ни те, ни другие не использовали своего обычного оружия — металлических ломиков и труб? Может быть, это была междоусобица, призванная, как это ни парадоксально, найти пути к объединению обеих группировок?.. А вот о *Корпусе лососей* ни в одной статье не было сказано ни слова.

В качестве представителей группы спасения на вопросы корреспондентов ответили лишь двое. Первая из них — Ооно — начала с критики мер по наведению порядка, принятых моторизованным отрядом полиции: мы, сказала она, проводили гражданский митинг, на который не оказывала непосредственного влияния какая-либо революционная группа, и целью его было отобрать ядерную энергию у властей и передать ее в руки народа. А те, кто пришел сорвать гражданский митинг, не только фашисты и хулиганы, но и прихвостни властей, обладающих ядерной мощью, со свойственной ей определенностью подвела она итог. Вторая беседа привлекла мое внимание в первую очередь благодаря тому, что собеседник корреспондента назвал себя *ДОБРОВОЛЬНЫМ АРБИТРОМ*. Это, конечно, смахивало на оригинальничанье, но звучало выразительно: *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*. Корреспондент, чтобы у читателей тоже сложилось аналогичное впечатление, описал все его действия во время инцидента. Находясь снаружи, *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*, учуяв, что вспыхнула потасовка, сразу же попытался проникнуть в зал, но был отброшен полицией. *Антиполиция*, силы которой были рассеяны, тоже ничего не могла поделать, ха-ха. Тогда он стал ждать на улице развития событий и, когда вывели арестованных, протестовал против действий полиции настойчиво, но в то же время осторожно, опасаясь, что его самого схватят за попытку препятствовать официальным лицам исполнять свои обязанности. После того, как большая полицейская машина с полицейскими и арестованными уехала, *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* сделал корреспонденту заявление. *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* говорил следующее: «На разогнанном только что митинге — и среди устроителей, и среди тех, кто проник на него и учинил потасовку,— есть молодые люди, так сказать, сегодняшнее издание молодых крестоносцев, которые голыми руками, не располагая реальной силой, пытаются оказывать противодействие возрастанию ядерной угрозы в мире. А вот их стремление уничтожить друг друга наносит страшный ущерб общему делу. Я хочу выступить арбитром в их споре».

— Молодые крестоносцы? В таком случае по исторической аналогии их уничтожение предрешено, верно? — Я не мог удержаться, чтобы не пуститься в объяснения, по старой привычке учить Мори, которая сохранилась у меня с прежних времен, когда еще не произошло нашего *превращения*.

— Как можно утверждать, что существование молодых крестоносцев лишено всякого смысла? Ведь эти крестоносцы из сегодняшнего дня шагнут в завтрашний. Я, разумеется, против того, чтобы ставить в один ряд революционную группу и контрреволюционные бандитские организации. Но критиковать революционную группу — ее оценка, данная *ДОБРОВОЛЬНЫМ АРБИТРОМ*, верна! — я считаю необходимым.

— Ах, значит, вот это кто... тот самый мужчина, которому ты пожал руку, да, Мори? Чудак, который вчера выступал у зала, где проводился митинг, и не замолчал даже после того, как его несколько раз ткнули в сугроб!

— Никакой он не чудак, этот *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*. Выводы, к которым он приходит, я отвергаю, но, думаю, с некоторыми его оценками нашей деятельности следует согласиться; выступления *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА* я слышала уже раз десять. Я сделалась активным членом группы немногим более года назад, а слушать его выступления начала уже давно — еще когда просто так ходила на митинги, не будучи членом группы.

— Где же тут логика, если ты выступаешь против выводов, как можно соглашаться с его оценкой вашей деятельности? Как мне представляется, точка зрения *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА* состоит в следующем: обе ваши группы в своей деятельности выполняют роль молодых крестоносцев — осознав это, вы должны прекратить междоусобицу. Может быть, полная путаница в твоей голове и привела тебя в группу? Ха-ха.

— Как вы можете говорить о моей группе, если ничего о ней не знаете? Вчера вы впервые несколько минут слышали выступление *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА* — вот и все. Хотя Мори и пожал ему руку. Вы должны сейчас заняться самокритикой: «Не делай заявлений без проверки».

— Мао Цзэдун!

— Это каждому известно. Правда, Мори? Говоря, что с некоторыми положениями *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА* в оценке нашей деятельности, можно согласиться, я исхожу из опыта. Хотя в теории Мао Цзэдуна мне не все понятно, его мысли воодушевили меня на то, чтобы стать членом революционной группы.

— Молодые крестоносцы, и ты — одна из них!

— ...Если человек на что-то решился, внешнее воздействие существенно поколебать его решение не может. Человек — система закрытая.

— Это структурализм, вернее, лже-структурализм!

— ...Я уверена, что неверные выводы того человека проистекают из убеждения, что нападки одной группировки на другую лишены всякого смысла. Однако для тех, кто активно работает в истинно революционной группе, весьма важны их собственные решения, поскольку человек — система закрытая. Любому человеку вначале трудно разобраться в теории и анализе существующего положения, и поэтому он не сразу начинает активную деятельность. *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* неверно толкует сущность борьбы с контрреволюцией во времена междоусобиц, но говорит: преодолевайте расхождения, ибо их причина — заблуждения. В своих выступлениях он приводит цитаты из классики: «Даже Хонэн не все проясняет».

— Это Синран![1]

— ...Мори, почему этот мальчишка все время суетится? *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* еще говорил: «Если, не веруя, окропиться святой водой и прослушать мессу, превратишься не в верующего, а в глупца». Правда, эта мысль отдает законченной реакционностью.

— Паскаль!

— Этот мальчишка суетится как одержимый. Что он хочет сказать, в конце концов? А, Мори? *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* привел эту цитату, чтобы показать смысл нашей деятельности, устремленной вперед. Если это помогает достичь истины, то можно слепо верить вождю. Пусть красные охранники ничего и не понимали, но ве-

---

[1] Хонэн (1133—1212) и Синран (1173—1262) — основатели буддийской секты дзёдо.

рили и шли правильным курсом Мао,— значит, все было в порядке, правильно? Для истории лучше действовать с верой, чем быть аполитичным.

— Это уже какой-то диалектический Паскаль!

— Вздор! — не сдержавшись, закричала студентка, а потом, снова став по-девичьи кроткой, заявила: — Послушай, Мори, я думаю, ты действительно веришь в свои слова, в слова о *превращении*, и я тоже действительно в это верю. Ты же с самого начала говорил: *Если космической воли — не важно, в каком виде она проявляется,— не существует, зачем бы мы тогда превратились?*

Ее слова прозвучали как гром среди ясного неба. Слова Мори, произнесенные устами студентки, потрясли тело и душу злившегося и дерзившего восемнадцатилетнего мальчишки. Они были созвучны оставшимся в его памяти словам Ооно. *О, какая жалость! Почему это случилось? О, какая жалость! Почему это случилось?* Оказывается, пока я тратил время на грустные размышления о нашем с Мори *превращении*, лил печальные слезы, предавался унынию, полагая, что мне явилось знамение, злился и дерзил, Мори, *превратившийся*, так же как и я, попусту растрачивал свои физические и духовные силы лишь на то, чтобы развлекаться со студенткой. Он тоже все время пребывал в глубокой задумчивости, испытывал душевные муки — впервые познавая женщину, он рассказал ей о *превращении*. Может быть, то, что он неожиданно утратил ощущение прочности и незыблемости, свойственное больному сознанию неполноценного ребенка, и приобрел вдруг способность мыслить и высказывать свои мысли, и ввергло его в пучину горькой задумчивости и душевных мук?

Выходит, что эти слова, пронзившие, точно электрический разряд, мозг двадцатиосьмилетнего Мори, погруженного в свои мысли, испытавшего душевные муки, *превратившегося* Мори, и слова Ооно, вызывающие ответную нежность, эмоциональный подъем, гармонически сочетаются. Выходит, что я, оказавшийся способным услышать обоих, как человек, который, повинуясь *превратившемуся* Мори, выполняет возложенную на него миссию, именно сейчас получил сигнал от космической воли?

Если космической воли — не важно, в каком виде она проявляется,— не существует, зачем бы мы тогда превратились? О, какая жалость! Почему это случилось? О, какая жалость! Почему это случилось?

— Все, кончаем бесплодную дискуссию и переходим к делу! Но сначала поедим. Ты же сам говорил, Мори, что *если превращение было призвано сделать из тебя пинчраннера для тех, кто не способен бежать, не знает, что необходимо бежать, то нужно немедленно начать бег. Так давай же начнем бег.* Я хочу, чтобы ты взял меня с собой и мы включились в спасение ребят. Мы обязаны восполнить то, что упустили вчера и сегодня!

Я отчетливо услыхал подбадривающие меня крики ЛИ.... ЛИ... ЛИ... Эти раздававшиеся во мне крики пробуждали в моем теле и душе страстное желание бежать вперед, но вместе с тем пробуждали страх, и это в свою очередь вновь вызывало жажду бежать вперед, преодолевая страх, неразрывно связывая меня с движением, начавшимся в теле и душе *превратившегося* Мори. Сколько раз до *превращения* я рассказывал Мори об испытаниях, выпадающих на долю пинчраннера! Наверно, мои рассказы подсознательно сделались основой его существования. Это проявилось у Мори после *превращения!*

Студентка, точно приступая к первому этапу спасения, стремительно направилась на кухню, а Мори и я молча ждали еду, прислушиваясь к раздирающимся крикам в наших телах и душах, криках воодушевления и угрозы:

ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ...

5

Возникла проблема денег. Нашу с Мори жизнь после *превращения* мы направили, как нам казалось, по верному пути, но сколь бы странной, сколь бы переменчивой ни была наша жизнь, она неизбежно влекла за собой проблему денег... Говоря так, я хочу предварить слова, с которыми вы собираетесь обратиться ко мне. *Превращение?* Прекрасно, какой бы странной выдумкой, какой бы сумасшедшей мечтой это ни было, но, поскольку я утверждаю, что именно оно есть единственная реальность, которую я пережил, переживаю и, видимо, буду переживать, пусть это слово будет записано. Но все же как быть с деньгами? *Превращение* произошло, однако жить, пи-

таясь туманом, невозможно. Как быть с деньгами? — не понимая существа этого вопроса, невозможно правдиво рассказать о том, что представляла собой наша жизнь.

Поэтому главное место в моем рассказе будет занимать проблема денег. Случай, поставивший меня перед этой проблемой, как это ни прискорбно, произошел не по моей вине, виновником был высокий мужчина в полевой форме американской армии! Мори и Саёко отправились спасать своих товарищей, и, когда они уходили, я спросил у студентки, нападала или оборонялась вчера их группа, но та пропустила мой вопрос мимо ушей. Может быть, она почувствовала, что с помощью такого вопроса я пытаюсь доказать сходство ее группы с другими? И я, восемнадцатилетний слабак, не осмелившийся больше преследовать девушку своими вопросами, остался дома, сознавая унизительность своего положения и надеясь на звонок от будущей киносценаристки. Студентка, видимо, направлялась в штаб-квартиру своей революционной группы или в какое-то другое место, связанное с ней, и я не мог надеяться на то, что она возьмет меня с собой.

Оставшись один, я стал прикидывать, не удастся ли мне починить входную дверь, которую студентка сломала ледорубом. Когда Мори со студенткой ушли, мной, как всяким восемнадцатилетним мальчишкой, овладел страх — что теперь со мной будет; я боялся, что стану жертвой «ошибочной бомбардировки» и молодчики из группировки, враждебной революционной группе Саёко, смогут беспрепятственно проникнуть в дом через незапертую дверь. Еще в те времена, когда я работал на атомной электростанции, я был мастер на все руки. Вынув из книжного шкафа несколько пустых полок, я сколотил их вместе, так как они были слишком тонкими, и отпилил кусок по размеру дыры, проделанной в двери. Потом стал приделывать к доске висячий замок, который был у нас в доме,— не знаю, для какой надобности я его когда-то купил.

Вдруг у меня за спиной раздался мужской голос:

— Эй!

«Ошибочная бомбардировка!» — подумал я с ужасом. Стоя на коленях спиной к улице и прижав к полу доску, мог ли я в таком положении помышлять об обороне? Посетитель тоже, поскольку у меня под рукой была пила и долото, окликнул меня опасливо, не переступая порога. И все-таки что это еще за «эй»! Я взял себя в руки, поднялся, прихватив долото, и повернулся к высокому мужчине в военной форме, испещренной маскировочными зелеными пятнами. Он был коротко стрижен, с унылым выражением лица. Видимо, это он и кричал «эй!». Буравившие меня узкие, налитые кровью глаза были точь-в-точь как у моей жены, б ы в ш е й жены,— ко мне явился один из ее многочисленных братьев. Поняв это, я испытал новый прилив растерянности и замешательства, даже мурашки по спине побежали. Но и у посетителя секундой позже в узких слезящихся глазах тоже появились растерянность и замешательство.

— Ты кто такой? Тот...

Все в порядке, я *превратился* — эта мысль сразу же освободила меня от растерянности и замешательства. Я успокоился — неплохо он получил за свое «эй!».

— Все нормально, я племянник того сумасшедшего, отравленного плутонием.

— ...Ну что ж, дядя дома?

— Он действительно ненормальный, и жена ему порезала щеку, вот он и спрятался где-то. Я сторожу дом.

— Что же делать?! Когда он обещал вернуться?.. Неужели и больного ребенка с собой взял?

— На первый вопрос отвечу: не знаю! На второй — да!

— Что же мне делать, что же мне делать?! — задумчиво повторял высокий мужчина в военной форме, с мрачным выражением лица, на котором печаль была смешана с жестокостью,— да, с таким встретиться один на один не особенно приятно. Несколько смущенно, что совсем не вязалось с его тяжелым дыханием, он заговорил просительным тоном:

— Послушай. Ты не знаешь, где лежит дядина личная печатка? Я пришел взять ее по поручению твоей тети. Я ее родной брат. Если бы дядя был дома, он бы, конечно, отдал ее мне. Уходя, тетя взяла с собой чековую книжку. А печатки перепутала. Может, поищешь?

— Выходит, вы надели военную форму и пришли сюда, чтобы вырвать печатку из рук отравленного плутонием ненормального, если бы он оказался дома?

— Что? — взорвался шурин, б ы в ш и й шурин. Однако этот крупного телосложения человек сравнительно легко справился со вспышкой гнева. Кроме того, он был преисполнен желания выполнить поручение старшей сестры, к которой питал большое уважение. Этот тип служил в рекламной фирме, занимался торговой рекламой и был в приятельских отношениях с тем самым режиссером. Видимо, посовещавшись втроем, они направили сюда его, потому-то он и чувствовал ответственность за порученное дело.— Затевать ссору я не собираюсь. Коль скоро тебе поручено охранять дом, значит, ты, наверно, знаешь, что дядя и тетя разъехались. И, следовательно, дядя обязан обеспечить тетю средствами к существованию — таков закон.

— У дяди разрезана щека, впредь он будет сам воспитывать своего больного сына, так что нужно еще подождать, что скажет суд во время бракоразводного процесса. К тому же, насколько мне известно, тетя уехала из дому вместе с режиссером в темных очках. Наверно, и вы об этом слышали? Одну щеку дяде разрезала тетя, по другой щеке его съездил режиссер. Может быть, он — чуждый непротивлению *христианин атакующего плана?*

— *Что?..* Интересные вещи ты говоришь, однако. Ну ладно, закончим на этом разговор, найди и принеси печатку. Между дядей и тетей на этот счет существует полная договоренность. И дяде будет гораздо приятнее передать печатку через меня, нежели вынуждать приехать за ней тетю.

— Конечно приятнее, чем дрожать от страха, что она и другую щеку ему раскроит!.. Но если у нее в руках окажется чековая книжка и печатка, на какие деньги он будет содержать больного сына? Ведь пособие от атомной электростанции выплачивается через банк.

— Тебе известны даже такие подробности? Значит, ты наверняка знаешь, где печатка? Принеси сейчас же. Сам подумай, на что будет жить тетя, если ты не принесешь ее.

— Конечно, я же не ребенок,— рассмеялся я.

— Меня тоже не ребенок прислал!.. Если я расскажу обо всем его товарищам по движению или корреспонденту какой-нибудь газеты, он не только печатку — что угодно отдаст. Тем более что о вчерашней междоусобной стычке уже написано в газетах. И по телевизору передавали со ссылкой на *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* Ну как?

— Ого?! — растерялся я на секунду.

Пятясь шаг за шагом, я отступил в дом, потом вернулся назад — в моей правой руке все еще было зажато долото, левой протянул мужчине личную печатку. Люди, находящиеся под влиянием моей жены, б ы в ш е й жены, имеют, кажется, дурную привычку: нападать на любого, кто стоит у них на пути,— необходимо быть внимательным, предостерег я себя.

— Я скажу дяде, что вы силой отняли у меня его печатку.

— Твое дело, говори что хочешь. Эй! Мальчишка насмехается над взрослым человеком, где это видано. Ты это брось!

...Не прошло и двадцати минут, как раздался телефонный звонок, я снял трубку — не поздоровавшись, будущая киносценаристка вылила мне на голову ушат холодной воды.

— В штаб спасения арестованных поступил анонимный телефонный звонок о том, что вы передали *МОГУЩЕСТВЕННОМУ ГОСПОДИНУ А.* информацию, связанную с ядерными делами. И вчера, переодевшись, проникли в зал, отчего, возможно, и произошла потасовка. Уже давно ходили слухи, что контрреволюционное хулиганье, совершившее вчерашнее нападение, получает деньги от *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* ...Вы хотите, чтобы вас считали человеком, передавшим информацию *МОГУЩЕСТВЕННОМУ ГОСПОДИНУ А.?*

— Только что я имел дело с братом жены, или, может быть, лучше сказать б ы в ш е й жены, в общем, с братом этой женщины, который пришел, чтобы взять у меня печатку. Он намекал на то же самое, и, когда печатка оказалась в его руках, он решил оклеветать меня — это я вполне допускаю.

— Значит, вы хотите сказать, что не связаны с *МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А.?* Или, может быть, все же связаны?.. Через три часа я буду в том отеле. Прежде всего нам нужно обсудить этот вопрос вдвоем! Сидеть дома, ничего не предпринимая, для вас сейчас небезопасно.

Я тут же решил принять ее предложение. Она сказала «в том отеле» — это был тот самый отель, в котором я до *превращения* так неудачно переспал с будущей киносценаристкой. Размышляя об угрозе шурина, б ы в ш е г о шурина, и сопоставляя ее с информацией Ооно, я вновь приступил к починке замка на входной двери, но шурупы выпадали из моих взмокших пальцев. Обобранному до нитки восемнадцатилетнему мальчишке, которого на каждом шагу подстерегают опасности,— мне ничего не оставалось, как, пошатываясь, выйти на улицу, уже не рассчитывая на помощь взрослого, здорового Мори! «Ошибочная бомбардировка» теперь мне не угрожает — я стал мишенью настоящей бомбардировки!

Глава VI

Так я встретился с МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А., то есть с ПАТРОНОМ

1

В сумеречной дымке от висевших в воздухе мелких капелек дождя и тумана я сел в электричку, все время опасаясь засады *антиполиции или Корпуса лососей* — даже кондуктор показался мне членом революционной организации служащих частной железной дороги. Он пробил протянутый билет с таким остервенением, будто проделывал дыры в моей коже! Кондуктор, несоменнно, догадывался, что я и есть тот самый человек, только вырядившийся мальчишкой. Разумеется, его предположения ошибочны. Но даже если юнцы, сбив меня с ног железными ломиками и трубами, обнаружат, что я вовсе не переряжался, а действительно стал молодым, все равно мой обновленный череп уже будет проломлен. Что же даст мне подобное запоздалое опознание? Даже такой необычный хомо сапиенс, как я, переживший *превращение*, не имеет запасной черепной коробки. Вспомнив прошлую стычку, которая могла повториться в этот весенний вечер, я, еще не представляя себе, во что она выльется, боялся, как бы эта стычка не обернулась против меня — тогда не удастся выполнить миссию, возложенную на меня космической волей, выразившейся в *превращении*. А если меня не станет, Мори придется в одиночку выполнять миссию, не знающему людей Мори — в одиночку!

Неужели на моем лице, на котором было написано одно страдание, она уловила намек на чувственность? Хорошо еще, что мы встретились у живой изгороди, скрывающей вход в отель, — на грустном лице будущей киносценаристки молнией сверкнуло отвращение: не желая входить со мной в отель, она оттеснила меня назад, на дорожку. И, еле шевеля губами, сказала, надрывая душу восемнадцатилетнему мальчишке:

— Я с трудом выбралась к тебе, отсрочив расследование, которое ребята уже собирались начать. А ты еще смотришь на меня голодными глазами?

Мы одновременно стали раскрывать только что закрытые зонты, спицы их сцепились, и Ооно, разозлившись, с силой тряхнула свой зонт; я отступил, и спица больно ткнула меня в пах.

— Ой, больно! — застонал я.

— Больно? — разозлилась она, и даже в темноте было видно, как покраснели ее щеки, значит, своей болью я нанес ей новое оскорбление! — Нечего мешкать, пошли. Я одна должна провести предварительное расследование, вызванное некоторыми касающимися тебя подозрениями.

— Куда мы идем?

— Куда? Естественно, в такое место, где мы можем спокойно побеседовать.

— Но ведь отель был бы вполне подходящим местом?

— ...Вот то, что нам нужно! Видишь, где горит неоновая реклама? С а у н а — в с е н о м е р а о т д е л ь н ы е.

— С а у н а? — спросил я, но создавшаяся обстановка не позволяла рассчитывать на обстоятельный ответ, и я поспешно последовал за гордо выступавшей будущей киносценаристкой. Как только мы вошли в отель для парочек, при котором и была с а у н а — в с е н о м е р а о т д е л ь н ы е, Ооно с поспешностью, будто во что бы то ни

стало хотела успеть обнажиться перед служителем, принесшим зеленый чай, мигом разделась, обмотала бедра купальным полотенцем и вошла в помещение, напоминающее поставленный на попа гроб из некрашеных досок, а я еще и брюк скинуть не успел. Когда вслед за ней я вошел туда, она уже устроила свое плотное тело на полке такой высоты, что голова ее касалась потолка, и зло смотрела на меня, ха-ха. Вообще говоря, она привела меня в этот отель, чтобы без помех как следует расспросить, и наличие сауны, наверно, было лишь побочной причиной выбора. Но как только мы попали в сауну с отдельными номерами, она, по своей привычке все делать обстоятельно, не могла не воспользоваться этим. На моей коже, пошедшей красными пятнами, с яркостью татуировки проступали следы вчерашнего сражения. Я сидел, поджав ноги, весь в ссадинах и кровоподтеках.

В этой самой сауне и началась наша беседа, или, лучше сказать, допрос. Стоило открыть рот, как пахнущий гарью воздух, нагретый до восьмидесяти градусов по Цельсию, врывался через горло и легкие, и мы с Ооно, кашляя, выдыхали огненные струи. Нагретый до восьмидесяти градусов по Цельсию воздух не располагает к тому, чтобы выбирать выражения, и я продемонстрирую сейчас в самых общих чертах, что представляло собой устроенное мне личное дознание, сопровождавшееся поджариванием. Но как станет ясно из дальнейшего, ни вопросы, ни ответы не были необдуманными.

В. По имеющимся сведениям, в течение нескольких лет вы передавали *МОГУЩЕСТВЕННОМУ ГОСПОДИНУ А.* информацию, связанную с ядерной ситуацией, и получали за это денежные вознаграждения, значительно превышающие пособие, выплачиваемое вам атомной электростанцией. Аноним, сообщивший нам об этом факте, предложил в случае необходимости ознакомить нас с деталями. Чтобы соблюсти беспристрастность, я спрашиваю: настаиваете ли вы на том, что человек, сообщивший нам об этом, питает к вам личную неприязнь?

О. Безусловно. Я уверен, что ваш осведомитель — брат жены, бывшей жены, которая позавчера вечером, поранив мне щеку (обнаружить сейчас рану на щеке невозможно в связи с происшедшим со мной *превращением),* покинула дом.

В. Я допускаю, что в сведениях, сообщенных осведомителем, могли содержаться злонамеренные искажения, но как обстоит дело с главным фактом? Верно ли, что вы передавали информацию о ядерной ситуации *МОГУЩЕСТВЕННОМУ ГОСПОДИНУ А.* и регулярно получали за это денежные вознаграждения?

О. Это нельзя даже назвать информацией — я делал сокращенные переводы статей, главным образом из периодических изданий, выходящих в Европе и Америке, касающихся ядерного оружия и ядерных исследований во всех странах мира, и в виде кратких резюме ежемесячно передавал их *МОГУЩЕСТВЕННОМУ ГОСПОДИНУ А.,* только и всего.

В. Согласно сообщению осведомителя, каждая передача резюме сопровождалась часовой, а иногда и двухчасовой беседой с *МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А.* В таком случае, вы не можете отрицать возможность и вероятность того, что вольно или невольно кроме резюме вы предоставляли информацию и иного характера также. Далее, согласно сообщению осведомителя, у вас вошло в привычку называть *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А. ПАТРОНОМ.* Так называют лишь человека, с которым находятся в деловых отношениях.

О. ПАТРОН (по-японски — ояката) — глава, старший человек, заменяющий отца. Следовательно, это слово можно трактовать как «опекун», «дух-хранитель». Потому я и называл его *ПАТРОНОМ,* мысленно делая перевод с японского «ояката». Кроме того, это слово не мое изобретение. Я перенял его у покойного товарища. Мой университетский товарищ был молодым многообещающим международником, в течение длительного времени обучавшимся в Принстоне. Он полюбил француженку, приехавшую туда на стажировку. Они отправились в Париж и поженились. После этого он стал продолжать свои изыскания в парижском университете, но средства к существованию мог добывать лишь временными заработками в парижских отделениях наших газет или работая переводчиком с делегациями. Бросив на полпути свои исследования в Соединенных Штатах, он лишился возможности, приехав на родину, вернуться в свой университет. Тем более не мог рассчитывать на получение должности в Токио, которая приносила бы достаточно средств для семейной жизни с француженкой. Оказавшись в таком тяжелом положении и уже совсем отчаявшись, он, работая переводчиком, случайно познакомился с *ПАТРОНОМ.* И получил поручение поставлять информацию о Восточной Европе и Ближнем Востоке. Разумеется, и от него тоже потребовали отби-

рать политические и экономические статьи во французских газетах и журналах, делать их краткий перевод и передавать в виде резюме. Подготавливая резюме о ядерной ситуации на Ближнем Востоке, он иногда прибегал к моей помощи, поскольку я вел специальные исследования в Калифорнии. В дальнейшем *ПАТРОН* предложил мне лично снабжать его резюме по вопросам, относящимся к той специальной области, в которой я работал. Вот и вышло так, что я стал называть его *ПАТРОНОМ*.

В. Осведомитель сообщил, что ваш товарищ, обвиненный в срыве передачи информации, был наказан людьми, подчиненными *МОГУЩЕСТВЕННОМУ ГОСПОДИНУ А.* Верно ли это?

О. Наказан — глупая выдумка. Когда начался кубинский кризис, в Париже, являющемся европейским информационным центром, пристально следили за ходом событий — не вспыхнет ли мировая ядерная война, — и мой товарищ оказался в гуще событий, а через неделю после того, как кризис был ликвидирован, он повесился. Когда его жена, работавшая секретаршей на заводе Рено, пришла домой обедать, он висел на спинке кровати.

В. За день до смерти, встретившись с *МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А.* в аэропорту Орли, он получил выговор за халатное отношение к сбору и передаче информации — известно ли вам это? А если известно, то почему скрываете? — уколола меня будущая киносценаристка и, будто неожиданно вспомнив, что ей нужно срочно позвонить, обливаясь потом, быстро спустилась с полки. Вид этой женщины, которая, согнувшись, шла между опаленными столбами из некрашеного дерева, зажав одной рукой концы тяжело свисавшего ниже пояса, пропитанного потом полотенца, олицетворял саму решительность. Дверь, плотно захлопнутую пружиной, нужно было открывать сильным толчком, из-за нестерпимого жара ей пришлось снять полотенце, обмотать им руку и, напрягшись, изо всех сил толкнуть ею дверь. Я подумал было, что она собирается пойти в номер, но будущая киносценаристка тут же вернулась с бадьей и черпаком. Я пил, точно глотал золотых рыбок, хлынувший в открытую дверь свежий воздух и вдруг почувствовал надвигающуюся опасность, но было уже поздно. Ооно вылила полный черпак на раскаленную печь! Мгновенно вода превратилась в пар, и меня обдало огненной струей!

Изнемогая от жара, я вытащил ее наружу. В общем, для женщины средних лет она вела себя решительно, хотя и безрассудно.

Опустившись на колени, я посадил ее и прислонил к ванне, она низко опустила голову и тяжело дышала. С благоговением молодого поклонника я проверил на себе температуру воды и душем на гибком шланге стал поливать ее вспыхнувшую багровую шею и плечи. Совсем обессилев, она лишь скорбно, другого слова не подберешь, вскрикнула «ой», но даже не пошевельнулась. Еще не оправившись как следует и лишь придя в себя от шока, вызванного раскаленной струей пара, она выразила решимость продолжать дознание.

— Долго еще будешь обливать меня холодной водой? Движения должны быть плавными, — сказала она раздраженно. — Для такого массажа кожи и существует сауна.

— Да, совершенно верно! — ответил я и направил струю воды себе на живот, а она чуть обернулась и притянула меня к себе, ха-ха.

2

В. Значит, вы передавали *МОГУЩЕСТВЕННОМУ ГОСПОДИНУ А.* краткую информацию об иностранных материалах или их резюме?

О. Как я уже говорил, это были статьи о ядерном вооружении, а также о мирном использовании ядерной энергии, публиковавшиеся в общих и специальных журналах Европы и Соединенных Штатов. О возможностях отсталых в ядерном отношении стран тайно разработать ядерное оружие. Недавно и в нашей стране появились специальные журналы по вопросам ядерной энергии. Бегло просматривая их, я концентрировал внимание на таких проблемах, как аварии на атомных электростанциях, загрязнение ими окружающей среды, похищение ядерного горючего. Все эти проблемы касались того, что мне было хорошо известно.

В. Направления изысканий и исследований были указаны *МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А.*? Или вы выбирали их, исходя из своих личных интересов?

О. Последнее. Вместе с тем я убежден, что мои интересы, базирующиеся на моем личном опыте, в конечном итоге находятся в основном русле развития ядерной ситуации в мире.

В. Какого рода беседы происходили между вами и *МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А.*, когда вы передавали ему резюме? Желателен конкретный ответ.

О. В последние годы я собирал невероятные истории — они-то и служили темой наших бесед. Мне казалось, что *ПАТРОН* слушает мои рассказы с удовольствием, хотя на его лице всегда была натянутая улыбка. Сколь бы невероятной ни была рассказанная мной история, *ПАТРОН* всегда связывал ее с действительностью. Выказав интерес к удивительному рассказу, он требовал от меня дополнительных разъяснений и, если в моих расследованиях оставались неясные места, выражал неудовольствие. Приведу пример. Летом 1966 года американский бомбардировщик Б-52 с четырьмя водородными бомбами на борту во время заправки горючим в воздухе рухнул на землю. Хозяин продовольственной лавки в городке Паломарес, на берегу Средиземного моря, пнул ногой дымящуюся водородную бомбу, упавшую на томатном поле. *ПАТРОН* выразил пожелание выяснить, каково состояние здоровья этого человека в настоящее время. Однако в литературе, посвященной этому вопросу, говорилось, что сообщение, будто этот человек пнул ногой водородную бомбу, является недостоверным. Чтобы мой рассказ был интереснее, я игнорировал это. *ПАТРОН* выразил явное неудовольствие.

В. Если вы собирали необыкновенные истории, основывающиеся на фактах, то, видимо, должны были, не ограничиваясь сообщениями зарубежной печати, рассказывать о работе атомной электростанции, к которой вы имели отношение, о движении против строительства атомных электростанций?.. Я особо отмечу, что на этот вопрос вы не ответили.

Мое минутное молчание объяснялось лишь тем, что я хотел всерьез вспомнить, как все было. Но будущая киносценаристка сразу же вынула блокнот для режиссерских заметок, с которым не расставалась, и начала писать. Ведь теперь мы находились в таком месте, где писать было уже возможно. От груди до бедер обернув себя купальным полотенцем и подложив под спину две подушки, она полулежала, вытянув ноги; мне все сильнее хотелось нового «дознания», и я, тоже обмотав бедра полотенцем, сел рядом с ней.

Но, вынув свой блокнот, Ооно стала подробно записывать прежние вопросы и ответы тоже. От этого мне стало не по себе. Я вспомнил, что действительно рассказывал *ПАТРОНУ* о подоплеке несчастных случаев на атомной электростанции, где я работал, о подоплеке странных явлений в движении против строительства атомных электростанций. Я рассказывал ему невероятные истории, достойные осмеяния, но все они основывались на фактах. Когда я рассказал о нападении *жестяных людей*, в результате которого получил облучение, *ПАТРОН* в самом деле был потрясен комизмом происшедшего и в то же время проявил неподдельное сострадание; удалось заинтересовать его и рассказом о *Корпусе лососей*, но все это было уже очень давно.

— Вполне возможно, что *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.*, пользуясь хотя бы тем, что вы иногда проговаривались, поручал другим своим поставщикам информации выяснить суть событий, чтобы определить, в каком направлении они развиваются. Предположим, вы проговорились о чем-то секретном, и он, как следует сопоставив и перепроверив полученные сведения, пригрозил сообщить об этом руководству атомной электростанции или штабу движения против строительства атомных электростанций, и вы вынуждены были покориться ему и давать все новую и новую информацию?

— Ну, если ты уж такие предположения будешь строить... — напал я на нее, подстегиваемый страхом. — Ладно, сведения об атомной электростанции я давал, но какая мне была необходимость поставлять информацию о движении против строительства атомных электростанций! Гражданское движение против строительства атомных электростанций связано с подпольным движением, и всю информацию *ПАТРОН* получает непосредственно уж не знаю от кого — от руководства ли вашей революционной группы или враждебной группировки. Что же, выходит, обе они или по крайней мере одна из них — контрреволюционная бандитская организация? Vice versa[1], ха-ха, но ведь хорошо известно, что обе группы получают деньги от *ПАТРОНА.*

[1] И наоборот *(лат.).*

— Разве такое мыслимо?

— *Мыслимо!* Найдя пути к членам революционной группы, ответственным за ее бюджет, и предоставляя денежную помощь, он регулярно получает нужную ему информацию — это джентльменское соглашение.

— *Это твоя фантазия!*

— *Фантазия, опирающаяся на факты!*

— *Это клевета.*

— Разве ты не сетовала, что даже твои ребята относятся к тебе отчужденно? А отчужденность вышестоящей организации, наверно, еще большая? И разве нельзя допустить, что ваш мозговой центр действительно делает то, что ты считаешь мыслимым?

Ооно Сакурао внимательно наблюдала за мной, ее лицо утратило всякую округлость и сделалось каким-то угловатым, как морда черепахи. Такая разительная перемена, происшедшая в ее внешности, объяснялась, возможно, воздействием сауны или слабым освещением номера. Возникшую напряженность я попытался обратить в шутку, но мне это не удалось.

— *Позвоню и проверю,* — мрачно заявила Ооно, и я, не собираясь мешать ей, нажал несколько выключателей, вмонтированных в кровать.

Благодаря моей любезности комната ярко осветилась, в то время как соседняя оставалась темной! Кровать вспыхнула всеми цветами радуги, матовое стекло на потолке ярко переливалось, сама кровать вдруг начала двигаться!

Ооно упала на циновку, но фашистом меня, как при вчерашнем падении, не стала называть. Лишь застонала, пригвоздив меня злым, осуждающим взглядом. ...В отеле был коммутатор, в конце концов Ооно, кажется, соединили с кем-то, но между абонентом, телефонисткой и Ооно вспыхнула перебранка. Человек, которому она звонила, входил в штаб революционной группы, и этот руководящий деятель не собирался беседовать по телефону, не уточнив имени человека, который его вызывает. Однако широко известная на телевидении Ооно Сакурао, видимо, стеснялась сказать, как ее зовут, телефонистке отеля для парочек. Но потом решилась и назвала свое полное имя. Тем не менее ей удалось сказать собеседнику лишь несколько слов. Пытаясь сохранить достоинство, она прекратила разговор и вернулась ко мне: куда только подевались ее былые злость и осуждение — у нее был вид растерянного ребенка, правда довольно великовозрастного.

— Эти ребята разговаривают со мной так, будто я ничто. Значит, у них есть основание смотреть на меня свысока.

— Телефонистки, как известно, официально занимаются подслушиванием. Серьезные разговоры через них вести нельзя.

— Тогда возмущение этих ребят вполне естественно. Группа специального назначения контрреволюционной бандитской организации совершила покушение на *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.*, и, кажется, небезуспешно. Но убить его так и не удалось — в общем, действия этой группы выглядят какими-то необдуманными...

Теперь уже я попытался прыжком вскочить со специально оборудованной кровати, на которой мы лежали,— поясницу пронзила боль! Если бы не мое *превращение*, я бы уж никогда не разогнулся. Время новостей заканчивалось, я подполз к телевизору и включил его.

— Похоже, какой-то порнофильм. Покушение было совершено с полчаса назад, так что по телевизору еще не могут показать.

Оставалось одно — узнать на месте.

Когда мы спустились в холл, человек шесть горничных и служащих гостиницы, подозрительно глядя на нас, стояли кто у лифта, кто в бельевой с раскрытой настежь дверью, кто у конторки, скрытой пальмой, — таков был эффект недавнего телефонного разговора. Однако будущая киносценаристка, не отводя глаз, смело встречала взгляды окружающих. Ответом на ее вызов была реплика:

— И еще с молодым любовником! — Произнесенные тихим голосом, слова эти наглядно демонстрировали высокие нравственные принципы горничных.

— Нас позорите, а ведь вам бы самим следовало стыдиться своей профессии,— с ходу парировала Ооно Сакурао, ха-ха!

Расставшись с активной деятельницей гражданского движения, я ничуть не был напуган, хотя, поскольку на *ПАТРОНА* совершено покушение, я, как человек, которого обвиняют в связях с ним, тоже подвергаюсь опасности. Я был убежден: теперь ни *антиполиции*, ни *Корпусу лососей* нет никакого смысла нападать на меня. Вряд ли они станут покушаться на меня, мелкую сошку, сразу же после того, как кому-то из них удалось ранить *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* Я сокрушался лишь потому, что не представлял себе, на что буду жить, если *ПАТРОН* умрет от полученной раны,— ведь тогда я не смогу рассчитывать на ежемесячное вознаграждение за свои резюме. Пособием, которое я получал от атомной электростанции, единолично завладела жена, б ы в ш а я жена, но дело даже не в том: я все равно должен прокормить себя, достаточно ненасытного, кроме того, я обязан материально поддерживать средних лет человека, являющегося моим сыном, а возможно, и его возлюбленную. Остроту эта проблема приобретет недельки через две, что я тогда буду делать? Мори и студентка, конечно, торопятся домой, но, опасаясь, что им не хватит денег, не стали нанимать такси и добираются на электричке. Вот почему они до сих пор не вернулись.

В последних новостях по телевизору, я как раз успел к ним, сообщалось о покушении на *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* Покушавшиеся, минуя секретаря, договорились с *МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А.* по телефону, предназначенному исключительно для личных разговоров, и появились в то время, когда секретарь ушел обедать. Вернувшись через полчаса, он обнаружил, что *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.* лежит в своем кабинете с проломленным черепом. На месте преступления оставлен ледоруб, который, как полагают, был орудием нападения, обнаружены также следы крови, не принадлежащие пострадавшему.

Ледоруб? — подумал я с замиранием сердца. Как-то, отправляясь к *ПАТРОНУ*, чтобы передать резюме, я взял с собой еще не *превратившегося* Мори — н а ш и д е т и никогда не мешают разговору взрослых. Телефон, по которому я договаривался о дне и часе, был тем самым внутренним телефоном, предназначенным исключительно для личных разговоров, о котором говорилось в телевизионных новостях. Но тем не менее я решительно отверг сразу же возникшее у меня подозрение, что покушавшимися были Мори и студентка. *Если наше с Мори превращение произошло ради выполнения миссии, возложенной на нас космической волей, может ли Мори предпринимать какие-либо действия, направленные на осуществление этой миссии, без меня? Даже если моя роль лишь быть рядом с ним. Скорее, именно поэтому! Я видел сон — я тогда был охвачен предчувствием, что вот-вот должно произойти превращение,— мне снилось, будто все вокруг поздравляют ПАТРОНА с захватом власти, а мы с Мори в тот самый день убиваем его и сами занимаем его место. Да, сон может служить доказательством — во сне мы с Мори были вместе! Мог ли Мори, выполняя миссию, возложенную на него космической волей, потерпеть неудачу? Да случись такое, наше превращение было бы не более чем насмешкой над нами. ПАТРОН остался жив, отделавшись ранением, на месте преступления остались следы крови покушавшихся. Допустим, Мори убили в момент покушения и он не выполнил возложенную на него миссию. Тогда именно мне в одиночку пришлось бы завершить эту миссию, но могу ли я это сделать? Я не считаю ПАТРОНА врагом. Я бы хотел, чтобы та же космическая воля указала мне, почему его необходимо убивать. Но все равно я обязан выполнить миссию, ради которой произошло превращение. Во всяком случае, если в нашем с Мори превращении действительно участвовала космическая воля, то покушение все-таки совершено не Мори и студенткой. Мной овладел страх оттого, что Мори так долго не возвращается домой. Почему нужно убивать ПАТРОНА, выдающегося человека, к которому я испытываю почтение и страх?*

Однако, в то время как мой внутренний голос с такой силой выражал исходивший из самого моего нутра отказ убивать *ПАТРОНА*, я не мог понять самого себя. Я в самом деле долгое время получал от него денежную помощь, но наши отношения сводились к тому, что я передавал ему резюме и получал за это вознаграждение, и никогда не осознавал, что питаю к нему почтение и страх... Но, прислушавшись к тому, что делается у меня внутри, я не мог отмести прочь этот звучащий во мне отчаянный решительный протест. Потрясающе, а? Наверно, и вы, в е д у щ и й з а п и с и, неожиданно услышав от меня такое, тоже поразились. Начну рассказ с того, что за человек *ПАТРОН*, с которым я связан не один год. Возможно, и вы подметите мой страх и почтение

к *ПАТРОНУ*, которых до сегодняшего дня я не замечал? Или хотя бы запишите мой рассказ так, чтобы третьи лица смогли понять это из прочитанного. Надеюсь, вы не сочтете обременительным эту нелегкую миссию? Ха-ха.

Я сейчас снова вспоминаю, что *ПАТРОН* с завидной легкостью очаровывал всех, кто имел с ним дело, обаяние же его крылось в тембре голоса и интонациях. У него, старика, был уверенный, звучный голос. Знаете, как некоторые преподаватели для более точной передачи студентам правильного произношения и акцентирования иностранных слов произносят их с утрированной четкостью? Он действительно обладал чертами, благодаря которым студенты могли бы дать ему прозвище Патрон, но *ПАТРОН*, по его собственным словам, лишь однажды и очень недолго преподавал язык. Это было в Шанхае перед самым поражением Японии, где он, обучая китайскую молодежь, одновременно занимался сбором информации. *ПАТРОН*, тогда еще не старый человек, служил в специальном подразделении, приданном японской армии в Китае, его обязанностью была работа среди интеллигенции, и молодые китайцы это прекрасно понимали, однако они, казалось, не придавали этому особого значения. Видимо, надеялись: если каждый из них не только не будет утаивать, но, наоборот, раскроет перед *ПАТРОНОМ* свой сложный внутренний мир, тогда и он сделает вид, будто ничего не знает. Таким образом, между ними, скорее всего, сложились своеобразные отношения, и *ПАТРОН* все сведения о подлинной сущности каждого из них плотно прикрывал крышкой, не давая им просочиться наружу. Ведь если бы кто-либо из молодых китайцев вызывающе заявил: «Я из яньаньцев [1]», начались бы расспросы и неприятностей ему не избежать. То же самое касалось чунцинцев[2]. К тому времени у японской военной администрации в Китае уже была разработана подробная программа действий на случай поражения Японии. Китайские журналисты, преподаватели, поэты, писатели, зная, что у них выуживают информацию, все же посещали частную школу, открытую *ПАТРОНОМ*, и таким способом добывали себе плащ-невидимку. Кроме того, в школу поступала пресса всех стран мира, и ученики тоже могли получать интересующую их информацию. Личная цель *ПАТРОНА* состояла не в том, чтобы связать по рукам и ногам людей из противного лагеря, а в том, чтобы по их непринужденному поведению выявить путь, которым они пойдут после поражения, и действительно преуспел, это и послужило основой для его превращения после войны в *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* В том же русле развивались и нынешние действия *ПАТРОНА* — оказывать материальную помощь противоборствующим революционным организациям.

Если говорить о внешнем облике Патрона, то в первую очередь следует отметить одну особенность: у него была огромная голова. Фотографии, на которых было запечатлено одно его лицо, не могли передать его обаяния. Я сам вспоминаю, каким отвратительным показалось мне оно на фотографии, помещенной рядом со статьей, связанной с одним скандальным делом. В то время я еще не был знаком с ним. Выражение лица было зловещим и в то же время казалось, что запечатленный на фотографии человек еще полон детского озорства, но это создавало обратный эффект, еще больше подчеркивая зловещие его черты. На голове *ПАТРОНА* было нечто напоминающее клобук или шляпу без полей,— таким способом он прикрывал шрам от раны, полученной при нападении на него члена одной террористической организации. Ходили слухи, что, стреляя в *ПАТРОНА*, террористическая организация мстила ему за то, что он передал монопольное право на торговлю в Южной Корее и на Тайване компаниям группы В, отобрав его у компаний группы А, с которыми были связаны террористы. Фотография казалась карикатурой, иллюстрировавшей эти темные слухи.

В жизни же все части лица *ПАТРОНА*, начиная со лба и кончая подбородком, были хоть и велики, но пропорциональны, что начисто снимало зловещее впечатление,— таким было его лицо, и оно прекрасно гармонировало с огромным телом. На фотографии даже глаза — левый и правый — блестели по-разному; они казались глазами преступника, а в жизни его глаза были совсем иными. Левый глаз, прятавшийся в глубоких складках, как у ящерицы, почти ничего не видел и, укрытый веками, казался черной впадиной, а другой, хотя и горел подозрительностью и гневом, в любую минуту мог спрятаться в тень. Глаза эти легко определяли физическую и духовную ценность собеседника, но не подсказывали ему ответов.

Мог ли я, беседуя с таким незаурядным человеком, и в самом деле не проник-

---

[1] Яньаньцы — имеются в виду коммунисты.

[2] Чунцинцы — имеются в виду гоминьдановцы.

нуться страхом и почтением? Если вы дословно записываете то, что я говорю, то теперь уже ваши слова полностью доказывают это!

Была глубокая ночь, и я, дожидаясь Мори и его спутницу, сварил рис в электрической рисоварке, поджарил мясные консервы и, начав свою одинокую трапезу, вдруг сообразил, что этими мясными консервами — новогодним подарком от *ПАТРОНА* — снабдил меня, как и всех остальных поставщиков информации, тот самый разиня секретарь, который преспокойно обедал во время сегодняшнего покушения, ха-ха. Вот сколь разнообразно вмешательство *ПАТРОНА* в мою повседневную жизнь. Что же удивительного в том, что в ту ночь, когда на *ПАТРОНА* было совершено покушение, он не выходил у меня из головы? А что, если его влияние распространяется на всю мою внутреннюю жизнь, претерпевшую *превращение*, и я просто не осознаю этого? Под ложечкой у меня что-то противно ёкнуло; к этому времени я съел лишь треть своего ужина. Думая о еще не осознанном влиянии *ПАТРОНА* и основанном на этом его господстве надо мной, я по ассоциации вдруг увидел призрак своего товарища, повесившегося на спинке кровати в своей комнатушке под самой крышей многоэтажного дома в Париже. *Он тоже сначала не мог полностью проникнуть в замыслы ПАТРОНА, презирал его, считая несведущим в вопросах международных отношений, но и здесь не было противоречия — в то же время боялся и почитал его, а к тому же, опасаясь за свое материальное благополучие и стараясь заручиться расположением ПАТРОНА, собирал информацию, делал резюме и передавал ему. Все это постепенно увлекало его в пропасть. В пропасть еще непонятных ему замыслов ПАТРОНА. Лишь во время кубинского кризиса он впервые задумался над истинными планами ПАТРОНА, понял, с каким человеком сотрудничает, в какую трясину тот его увлек. Открыться в этом он не мог даже жене-француженке, вместе с которой еще в Принстонском университете специализировался по международной политике. Тогда у него возникает намерение собственными силами порвать с ПАТРОНОМ. Он начинает саботировать не столько сбор информации, сколько составление резюме и их передачу. Патрон приезжает в Париж. Они беседуют с глазу на глаз. По-видимому, беседа кончилась суровым выговором ПАТРОНА. Опустошенный, он даже не находит в себе силы взглянуть на любимые места в Париже и вешается на спинке кровати. Поскольку квартира — их единственное достояние, жена вынуждена спать в той же комнате, на той же кровати!*

В два часа ночи раздается телефонный звонок. Это та самая студентка — куда только подевалась ее выразительная лаконичность, это оружие активистки. Теперь она превратилась в паиньку студентку, туманно сообщившую мне следующее. Подозревая, что телефон в моем доме прослушивается, она была предельно осторожна, и это она-то, не позаботившаяся прикрыть свой зад.

— Алло! За папой и его компанией наблюдают, даже к гаражу приблизиться невозможно. Поэтому в ближайшее время встретиться у вас не удастся. *ВАС НАПУГАЛО ТО, ЧТО МЫ СОВЕРШИЛИ ВДВОЕМ?* Это естественно. Что произошло? *ЧТО-ТО ВРОДЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ. ГЛАВНОЕ МЫ СДЕЛАЕМ ВМЕСТЕ С ВАМИ.* Так определено судьбой, верно? И тут уж я ничего не могу поделать. Идет мама, до свидания. Вам привет. *И ПОЖЕЛАНИЕ ЗДОРОВЬЯ!*

Выходит, покушение на *ПАТРОНА* совершили Мори и студентка вдвоем! Сначала я не мог понять, ради чего это было сделано, но выразительные слова Саёко помогли мне понять. *Как же она это назвала? ЧТО-ТО ВРОДЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ. ГЛАВНОЕ МЫ СДЕЛАЕМ ВМЕСТЕ С ВАМИ. Так определено судьбой?* Значит, сегодня Мори и студентка пришли к *ПАТРОНУ*, чтобы предостеречь его. А при выполнении своей миссии мы будем действовать вдвоем как содружество *превращенных* судьбой. Следовательно, ради чего совершено сегодняшнее нападение — ясно, здесь вопроса нет. Почему космическая воля приказала совершить нападение на *ПАТРОНА?* Поскольку настоящее выполнение миссии будет осуществляться под руководством Мори — для меня и здесь вопроса нет!

Судя по телефонному звонку, полиция сейчас наблюдает за моим домом. Слова студентки убедительно подтверждали, что люди, безучастно прохаживающиеся перед домом, вели наблюдение. Как только она положила трубку, я тотчас бросился гасить свет в гостиной, но сразу отказался от этой мысли. Я с трудом удержался, чтобы не поглядеть в щель между занавесями. Не следовало давать наблюдавшим за домом почувствовать, что телефонный звонок был призван скрыть планы покушавшихся.

Разумеется, я не думал, что наблюдение установлено потому, что Мори и студентка находятся под подозрением. В противном случае сюда явилась бы полиция с

ордером на арест и произвела бы обыск. Не на Мори со студенткой, а скорее всего на меня поступил тайный донос в полицию. Наполовину веря доносу, наполовину сомневаясь в его достоверности, полиция решила установить за домом наблюдение. Действия полиции ловко разгадали Мори и студентка или, возможно, те, кто провожал их домой, что позволило избежать ареста.

Кто донес на меня? Разумеется, жена, б ы в ш а я жена! Она услышала по телевизору сообщение о покушении на *ПАТРОНА* и сразу связала это покушение со мной. Что здесь неестественного? Но меня радовало то, что Мори со студенткой или те, кто их охранял, ловко избежали ловушки, подстроенной женой, б ы в ш е й женой, а теперь тайный донос жены, б ы в ш е й жены, позволит Мори и его приятельнице спастись от преследования полиции. Но даже если будет установлено, что покушение на *ПАТРОНА* совершил Мори со студенткой, у меня остается выход, который позволит разрешить все, выход, к которому десять лет назад прибег приятель, повесившийся в своей квартире, высоко над парижской улицей. Передо мной всплыло даже видение — *ПАТРОН*, до сих пор воспринимавшийся мной как объект страха и почтения, валяется в крови, и выражение его лица такое же зловещее, как на фотографии. Поразительна быстрота, с какой меняется восемнадцатилетний, ха-ха. Меня беспокоило лишь ранение Мори, но ведь студентка пропела: *ВАМ ПРИВЕТ! И ПОЖЕЛАНИЕ ЗДОРОВЬЯ!*

Подождав минут двадцать, я погасил свет в гостиной и лег спать — не на своей кровати, а на кровати Мори, уперев ноги в спинку. До утра я несколько раз просыпался, чувствуя, что под окнами кто-то ходит, наверно, и в самом деле полиция наблюдала за домом. Руководство организации, в которую входила группа Ооно, считает меня шпионом, ее противники — сторонником вражеской группировки, а жена, б ы в ш а я жена, и ее многочисленные братья люто ненавидят и горят желанием отомстить — в общем, на меня вполне могли совершить покушение во время сна. Жизнь имеет множество разных сторон, и если у вас, писателей, не будет сложных фасеточных глаз насекомых, охватить ее целиком вам не удастся. К примеру, если вы не будете основываться на принципе: я в е д у р а с с к а з — вы записываете, ха-ха!

4

Полиция, преисполненная духом уважения к правам человека, дав мне время для сна, необходимое восемнадцатилетнему *превратившемуся*, наконец появилась, материализовавшись в виде двух джентльменов. Кажется, только тайный доносчик — жена, б ы в ш а я жена,— свирепствует, забыв о существовании такого понятия, как права человека, ха-ха. Проснувшись, я сразу же собрал всю свою волю и стал готовиться к отпору властям. Пусть Мори уже приступил к выполнению миссии, возложенной на него космической волей, его боевой товарищ, который должен вот-вот включиться в борьбу, не имеет права расслабляться! Прежде всего я занялся утренней уборкой. Распахнув все окна, я заметил, что за пять-шесть домов от моего стоит машина, хотя на этой улице стоянка запрещена. Вся крыша соседнего гаража в грязных следах от сапог, а сами «длинноволосые», наверно, промерзли до костей на утреннем холодном ветру — было самое начало весны. Это были длинноволосые, чьи сапоги и вся одежда изобличали тот нелегкий труд, которым они занимались, но все-таки они были приятнее слоняющихся по улицам обычных длинноволосых, ха-ха. Наконец раздался звонок, я вышел в прихожую — передо мной стояли двое полицейских в аккуратной форме, похожей на потрепанную одежду сыщиков. Они напоминали победителей на соревнованиях, устроенных полицейским участком по фехтованию, или на двух болтающихся без дела полицейских, заболевших туберкулезом и получивших отпуск с весны до конца года. Хотя они пока молчали, каждый из них своим видом явственно демонстрировал одну из сторон принятой ими тактики: насилия и умиротворения. *НАСИЛЬНИК* назвал мое имя и спросил, дома ли хозяин, и это придало мне, *превратившемуся*, уверенность.

— Дядя и тетя не возвращались со вчерашнего вечера. Да, а тетя, кажется, еще с позавчерашнего. У них есть и ребенок, но дядя ушел вместе с ним. Позавчера, кажется, была сделана попытка обокрасть дом, и меня позвали охранять его. Что-нибудь случилось? Объясните, пожалуйста, я ведь имею к этому дому прямое отношение. Может быть, тетя или ее братья опять порезали дядю?

— Вы племянник?.. Сторожите дом? Почему вы говорите, что дядю порезали, да еще опять?

— Хм. Допрашиваете с помощью наводящих вопросов!

— Вы рассказываете занятные вещи,— вмешался *НАСИЛЬНИК.*— Ваш дядя вчера не вернулся домой! И сейчас его нет. Звонил?

— Нет, не звонил. Объясните, наконец, что произошло! Я ведь в самом деле имею к нему отношение.

— Вы что, не смотрели телевизор? — сказал *УМИРОТВОРИТЕЛЬ* и посмотрел на меня так, будто дал мне ключ к отгадке. Я струсил, но слова полицейского, кажется, выражали лишь только то, что он понял: мальчишка слабо соображает.— Нет-нет, мы пришли к вашему дядюшке лишь потому, что кое у кого возникли некоторые вопросы. А вы поскорее сообщите нам, кто там кого порезал — дядя ли тетю, тетя ли дядю.

Ха-ха-ха. И это называется не допросом с помощью наводящих вопросов?! Требуют сотрудничества добропорядочного, здравомыслящего гражданина, ха-ха-ха.

Затем последовала сцена, словно в старой кинокомедии: не успевает открыться дверь, как влетает пожарный,— так же стремительно возник между отступившими на шаг полицейскими *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР.*

Вблизи лицо у него выглядело таким землистым, что впору было спросить: вы живы? Правда, выражение его не было неприятным, как у мертвеца. Наоборот, с той минуты, как мы встретились с ним глазами, все в его лице вызывало симпатию — и широкий лоб, и выдающийся вперед нос, обтянутый сероватой кожей, и усы. Когда он поднял на лоб очки в черной прямоугольной оправе, в его широко открытых глазах мелькнуло изумление, да-да, именно изумление. Из этого я понял: *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* пришел вместо Мори и студентки, чтобы связаться со мной, и не исключено, что Мори рассказал ему о *превращении,* и он, увидев воочию еще одного человека, пережившего *превращение,* был изумлен и восхищен.

— У вас вокруг дома прямо заросли азалии,— начал *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР,* не поздоровавшись.— Кошка окотилась, хорошо хоть, что сегодня тепло...

Полицейские, конечно, заподозрили, что его слова — зашифрованное сообщение. *НАСИЛЬНИК* сразу же подошел к *ДОБРОВОЛЬНОМУ АРБИТРУ,* чем пресек продолжение шифровки. Более опытный *УМИРОТВОРИТЕЛЬ* пошел посмотреть, что делается в зарослях азалии. И тут, как назло, раздалось «фыр», и полицейский отскочил от атаковавшей его рыжей пятнистой лапы.

— Не нужно ее пугать. А то она почувствует опасность и сожрет котят. Смотрите, она уже со страха начала их жрать. Один остался. Наверно, вчера вечером здесь все время крутился кто-нибудь и кошку без конца пугали?

— Напугали-то, скорее, меня!

Говоря это с недовольным видом, *УМИРОТВОРИТЕЛЬ* тяжело дышал. Я оказался как бы между двух огней... Нить разговора была утеряна, полицейские упустили случай возобновить разговор — это не ускользнуло от внимания *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА.* Повернув к полицейским лицо, на котором, если смотреть на него под определенным углом, симметрично выделялись, как трехлопастный пропеллер, нос и две половинки усов, он, не дав им раскрыть рта, стал прощаться.

— *Благодарю вас,* простите, что доставили вам столько хлопот! *Благодарю вас,* господа полицейские! Вы нам очень помогли!

Озадаченные этой словесной эквилибристикой, полицейские попрощались и ретировались, полуразвалившаяся калитка со скрипом захлопнулась, и кошка, окотившаяся в зарослях азалии, снова издала злобное «фыр», или, может быть, это прорычал *НАСИЛЬНИК?* Ха-ха.

— Хорошо не поить и не кормить кошку, а? Раньше я этого не знал. Полицейские, наверно, тоже не знали...

— Дело в том, что полицейских не учат ловить кошек,— грустно, будто демонстрируя беспристрастность, сказал *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР.*— Если это не ваша кошка, лучше ее, пожалуй, прогнать. Мамаша, во всяком случае, набила живот.

— Вы специалист по кошкам?

— По кошкам? Нет, я пока для этого возрастом не вышел. Разрешите войти?

Причин для отказа, разумеется, не было. Войдя в гостиную и усевшись, *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* снова стал внимательно меня разглядывать. В глазах его за тол-

стыми стеклами очков мелькали искорки, в них светились радостное изумление и смех, наконец он воскликнул удивительно по-детски:

— Ух ты, и правда! Здорово это у вас получилось, *ну и ловкачи!*

Я почувствовал, как мое молодое лицо восемнадцатилетнего заливает краска до самой шеи.

— ...Мне обо всем рассказал Мори... Да, вы и вправду здорово *изменились!*

— *Превратились.*

— Да, *превратились.* Наверно, трудно было все так пригнать друг к другу и сделать так ловко! Вчера я ничего не заметил. Хотя раньше, до *превращения,* и встречал вас на митингах, все равно ничего не заметил. *Ловко! Здорово это у вас получилось!*

— Мори сейчас у вас? — решил я охладить его восторги, боясь, что им конца не будет.— Я слышал, он ранен?

— Он в моем фехтовальном зале «Реабилитация». Ранение несерьезное! Студентка вообще не пострадала, она сейчас ведет диспут с членами нашего клуба, а Мори сидит спокойно и слушает. Да-а, совершить такое — это достойно всяческого уважения... Так вот, я, понимаете, пришел установить с вами контакт. Пришел потому, что питаю интерес и к вашему *превращению,* и к вашим прошлым исследованиям до этого. Я занимался молекулярной биологией, но потом бросил; в общем, ни исследователя, ни вообще чего-либо путного из меня не вышло!

Говоря это, *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* нахмурил брови, и на его землистом лице пролегли две горестные морщины. Мне вдруг показалось, что эти морщины рассекли мою душу — ведь я тоже забросил свои исследования на полпути, и, наверно, наши горькие мысли должны совпадать...

— О нашем *превращении...* Мори сам вам рассказывал или сделал это каким-то иным способом? В общем, когда вам сообщили об этом, вы поверили? И продолжаете верить теперь?

— *Разумеется! Сейчас верю вдвойне, разумеется!*

ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР дал наконец волю распиравшему его смеху и громко рассмеялся, перемежая смех горестными вздохами.

— *Не верить... этому... никак... хха-хха-хха... невозможно!*

С удивлением наблюдал я за тем, как *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР,* отсмеявшись, наконец вытирает платком слезы и слюну.

— Куда ранен Мори?

— В голову...

— В голову?!

— Ой... он же мне сказал, чтобы я вам не говорил. Нечаянно подвел его.

— Ранение, видно, серьезное? Раз он сказал, чтобы вы молчали...

— Нет, рана пустяковая, его обеспокоило только, что ранен он в голову... И главное, просил ведь меня не говорить, а я подвел его.

— Рана на затылке? Или где-то еще?

— Я, правда, не специалист, но продезинфицировал рану, забинтовал, она, как вы и предполагали, на затылке. Когда я увидел рану, она уже не кровоточила и я касался пальцами запекшейся крови, мне показалось, что старая рана на голове снова открылась. То же сказал и сам Мори, но его это особенно не обеспокоило. Получить удар ледорубом по голове — я как услышал, меня всего передернуло.

— Ледорубом? Но ведь им был вооружен именно Мори?

— Совершенно верно! Сначала Мори ударил ледорубом *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.,* и студентка подумала было, что они спокойно ретируются, но вместо этого Мори протянул ледоруб *МОГУЩЕСТВЕННОМУ ГОСПОДИНУ А.;* тот, хотя все лицо у него было в крови и он почти ничего не видел, взял ледоруб, а Мори спокойно ждал, пока ему нанесут удар. *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.* замахнулся ледорубом, но не устоял на ногах и, падая, рассек Мори кожу на голове. Мори замечательный человек! Коль уж судьба столкнула меня с таким человеком, я ни за что на свете не оставлю его, буду служить ему верой и правдой! Мой фехтовальный зал «Реабилитация» призван наставлять на путь примирения бывших членов враждующих группировок, которые до этого готовы были убить друг друга, но... ведь истинные боевые ненасильственные действия, ведущие к примирению, воплотились именно в том, что совершил Мори!

— Как, по-вашему, Мори сделал все, что задумал? Или же это предупреждение

о следующих, более решительных действиях? Студентка говорит — второе. И меня это сильно тревожит.

— Как вы можете? Как вы можете говорить, что замысел Мори ограничивается покушением? Неужели вас пугает участие в дальнейших его планах? В таком случае лучше сразу откажитесь! Сидите себе тихо и помалкивайте! Вы задались целью оскорблять Мори?

— Что? С чего вы это взяли? Я — и вдруг оскорблю Мори?

Мы, точно боевые петухи, напружинили ноги и, привстав, уставились друг на друга, еще немного, и мы бы бросились друг на друга. Я оказался, разумеется, первым петухом, утратившим боевой дух,— вспомнил о происшедшем несчастье и, снова усевшись как следует, стал оправдываться перед *ДОБРОВОЛЬНЫМ АРБИТРОМ*, который тоже уже сидел спокойно.

— Теперь я понимаю это совершенно отчетливо — мое потрясение, смятение из-за ненормальности, обнаруженной у Мори при рождении. *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.* пытался использовать, чтобы тиранить меня. Он хотел умертвить Мори и сделать меня своим рабом до конца дней — вот в чем состояла бы его тирания... Если вспомнить, что я тогда испытал, то покушение Мори можно считать возмездием. Но, с другой стороны, мне удалось избежать капитуляции, и намерение *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* тиранить меня так и осталось пустым намерением, следовательно, по таблице взаимных расчетов, существующей в нынешнем мире, нападение на *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* было несправедливым. Поэтому, я думаю, Мори и отдал ему ледоруб. Хотя действия Мори, нарушившие систему расчетов, существующую в нынешнем мире, должно быть, имели определенную причину... Да, я полагаю, если проследить за ходом рассуждений Мори, то удар ледорубом по наиболее уязвимому месту на его черепе весьма символичен. Я говорю о тирании, задуманной *МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А.* в момент рождения Мори,— именно теперь я понял истинный смысл всего этого. Хотя и продолжаю называть его *ПАТРОНОМ*... Но неужели вы серьезно думаете, что я могу презирать Мори? Несмотря на то, что после *превращения* я всего лишь неопытный, неосторожный, эгоцентричный юнец?

— Нет, что вы! — извиняющимся тоном возразил *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*,— и на его землистом лице проступил ржавый румянец. И тут же продолжал заносчиво, показывая всем своим видом, что я не отношусь к людям, которые неодолимо влекут его к себе.— Мы иногда совершаем ошибку, сами того не желая, выказывая презрение к уважаемому человеку, верно? И всей своей жизнью нам не искупить этой ошибки, проживи мы не одну жизнь, а две или три. Даже вам — хоть вы и вступаете в борьбу после *превращения*.

Глава VII

Всестороннее изучение ПАТРОНА

1

В день, когда родился Мори с недостающей костью в черепе, я отвез его в университетскую клинику и в течение девяти часов ждал в приемной, рассказывал я *ДОБРОВОЛЬНОМУ АРБИТРУ*. Чего я ждал, говорите? Сообщения: порожденное вами маленькое чудовище благополучно испустило дух, ха-ха. На следующее утро я позвонил из приемной по телефону-автомату. Кому, говорите? Не жене и не приятелю — *ПАТРОНУ*, вот кому. И рассказал ему об этом необычном событии, случившемся со мной,— рассказал в том же стиле, в каком сообщал ему основное содержание удивительных историй, которые я извлекал из зарубежной прессы и переводил. *ПАТРОН* проявил невероятный интерес. После двух-трех его вопросов мне стало ясно, что ненормальность новорожденного он считает результатом моего облучения плутонием. Честно говоря, я был потрясен. Возможность связать такой ниточкой взаимозависимости ненормального ребенка со мной заставила меня взглянуть на все по-новому. Впоследствии это привело к характерному для ядерного века лжесвидетельству, данному мной жене, б ы в ш е й жене. Вот так-то *ПАТРОН* бросил тень на мою жизнь. Разу-

меется, главный нейрохирург клиники объяснил случай с ребенком физиологическими причинами. Я сказал об этом *ПАТРОНУ*, и у него тут же пропал интерес к ребенку.

Однако он заставил меня записать номер телефона специальной клиники и приказал в течение дня перевезти туда ребенка — там сделают все необходимое. Я не выразил никакого протеста, только заволновался. И в глубине души подумал: отдать собственного ребенка на растерзание чужим людям, и к тому же сделать это по наущению *ПАТРОНА!* Это приведет к тому, что в дальнейшем и мое тело, и моя душа окажутся целиком в его власти. Черные мысли не выходили у меня из головы, но в то же время я испытывал и покой — меня согревает на своей груди могущественный человек, на которого можно положиться! Весь тот день меня снедала тоска, я ничего не предпринимал и, когда прошло уже больше половины назначенного *ПАТРОНОМ* времени, заставил себя пойти за такси — ничего другого мне не оставалось, но, дойдя до стоянки, сел в него один и поехал в турецкую баню неподалеку от клиники.

Почему люди моего поколения, будь то мужчины или женщины, попав в трудное положение, сразу же ныряют в сауну или турецкую баню? Ха-ха. Разумеется, в тот момент я еще думал о том, что должен вовремя вернуться в клинику. Пока я лежал на скамье для массажа и девица-банщица сосредоточилась на моей спине, я рассеянно смотрел себе под нос. Тут девица оторвала зад от скамьи и, вильнув бедрами раз-другой, скинула туфли. Потом поставила на скамью ногу у самой моей головы и сильно согнула ее в колене. Я нахально скосил глаза в сторону и увидел лучшее, с чем мне доводилось сталкиваться в жизни! Худой, трогательный живот... Тут я даже забыл, что банщица из соседнего номера наблюдает за мной сквозь бамбуковую штору.

Потом... больше ничего не было. Я лежал, вытянувшись во весь рост, рядом с девушкой, и вернулся в клинику, когда уже было поздно выполнять указание *ПАТРОНА;* от старшей сестры я узнал, что ребенок активно сосет молоко. Тогда я попросил главного нейрохирурга сделать операцию, и если бы меня спросили, откуда у меня взялось такое мужество, то, должно быть, ответил бы так: *Я сделал то, чего мне до сих пор решительно делать не следовало! У меня болезнь, источником которой является Америка двадцатого века,— я облучен плутонием, а теперь у меня еще и болезнь, источником которой была Америка шестнадцатого века,— сифилис. Наука, почерпнутая мной благодаря всей моей деятельности, состоит в следующем. Действовать лучше, чем бездействовать! ПАТРОН дал мне испить полную чашу соблазна убить младенца, и я сам заставлю себя, бежавшего куда глаза глядят, испить эту чашу до дна и буду всю жизнь прижимать к своей груди неполноценного ребенка! Я сделаю это потому, что до сих пор даже не предполагал, что способен на такое!*

Если вспомнить об этих осложнениях, возникших между мной и *ПАТРОНОМ* при рождении Мори, то можно легко понять Мори, который, обретя благодаря *превращению* свободу и физическую силу, необходимые для активных действий, «отблагодарил» за угрожавшее ему убийство в те дни, когда из-за опухоли, вылезавшей из дырки в черепе, он не мог даже повернуться в постели. На этом я закончил свой рассказ, и *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* ответил мне вполне разумно:

— Объясняя свое нападение, Мори приводил аргументы, выходящие за рамки житейской логики,— вот почему, нанеся удар, он спокойно, не помышляя о сопротивлении, ждал ответного удара *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* Достойна восхищения сила духа и отвага человека, который отдал ледоруб теряющему сознание, окровавленному старику и ждал, пока удар обрушится на его голову. Нужно еще помнить, что это был Мори, у которого недостающая кость черепа заменена кусочком пластика. Услыхав ваш рассказ, я теперь абсолютно ясно понимаю, почему Мори, совершая именно это покушение, не взял вас с собой. Разумеется, оно лишь первое, но...

2

— Почему вы с таким уважением относитесь к *превратившемуся* Мори, безоговорочно верите не только в его *превращение,* но и в мое? — спросил я *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА,* чтобы как-то выразить ему свою симпатию.

— Как же я могу усомниться в Мори? Разве вы сами сомневаетесь в его *превращении?*... Я даже думаю, что *превращения* сродни тому, что случилось с вами, постоянно происходят в мире. Совершенно случайно мне удалось встретиться с двумя такими людьми, я счастливец...

Я недоверчиво прислушивался к необычной аргументации, к которой прибегал *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* в своей речи; он пытался обосновать свою теорию, что в мире существуют коренные аномалии, одним из примеров которых является *превращение.*

По словам *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА,* нынешняя цивилизация на земном шаре приближается к космическому концу, и поэтому космические силы, которые получают все большее ускорение по мере движения к этому концу, естественно, вызывают искривления, деформацию всех сторон жизни на Земле. В результате возникают явления, которые в обычном представлении выглядят фантастическими. Вот как вкратце можно изложить построения *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА.*

— История нашей Земли, вся история человечества как конечного ее этапа во времени есть не более чем средство выполнения причудливой программы космической воли. Такого рода ироничная фантастика (лучший ее представитель — Курт Воннегут) появляется нередко. По-моему, в фантазиях каждого человека лежит общечеловеческая основа. Поэтому я думаю, что в таких выдумках, возникающих у писателей-фантастов, есть определенный смысл. Я тоже в конспективной форме изложил свои мысли по этому вопросу. Пока я писал свой конспект, я вновь уверовал в то, что судьба человечества предопределена, ха-ха-ха. По моим предположениям, земной шар — крохотная деталь огромной космической конструкции, и она по ленточному транспортеру направляется в предназначенное ей место космоса! Галактика и есть тот самый ленточный транспортер, который посылает Землю в предначертанное планом место, и на конечном этапе она превращается в стартовую площадку, откуда Земля запускается в заданном направлении с заданной скоростью. Затем эта деталь в виде почти идеального шара, на котором зародилось человечество, занимает свободное место в космосе — конструкция завершена! Однако на подготовительном этапе эта деталь, именуемая Землей, чуть деформирована. Для ее исправления требуются сверхкрохотные мастеровые, немыслимые в космических масштабах, и не только люди, но и звери, птицы, рыбы и даже насекомые... Не знаю, как лучше назвать это — исправлением или подгонкой, во всяком случае, последней шлифовкой явились, я думаю, проводившиеся повсеместно на земном шаре ядерные взрывы. К настоящему времени взрывы в пустынях и на атоллах в океанах завершились. Теперь очередь за ядерными взрывами в крупных городах, то есть в таких местах, где, за исключением двух случаев, ядерных взрывов еще не было. Вот тогда-то Земля — деталь, доведенная до необходимых стандартов,— будет запущена с галактической стартовой площадки и плотно войдет в завершенную конструкцию! Если говорить о форме этой огромной конструкции, то ее прекрасно отражают система мира Птолемея и карта звездного неба Данте. Разумеется, я не обладаю нужными способностями, чтобы объяснить все возникшие проблемы, ха-ха. Когда дойдет до осуществления этого космического проекта, придется дать новую оценку Галилео Галилею, если, конечно, у человечества останется время, чтобы это сделать, ха-ха-ха. Галилей был не только пионером, путем опытов выработавшим новый взгляд на Вселенную, но, как стало ясно из его показаний на процессе по обвинению в ереси, он, как католик, не выступал против абсолютной конструкции, основывающейся на карте звездного неба Данте. Знаменательно, что в его словах и делах не было противоречий! *И все-таки она вертится.* Галактика вращается с неимоверной скоростью. Это движение и вовлекло в свою орбиту крохотную деталь огромной конструкции, начиная от неподвижного неба наверху и кончая адом в преисподней. Если вдуматься в это, то удастся гармонично соединить Галилея, кающегося в ереси, и Галилея, являющегося реформатором представлений о Вселенной; его душевный покой был глубок и всеобъемлющ. Галилей сам пишет об этом: *Если подвергнуть испытанию хотя бы одну из аксиом, с которой соглашаются все, и реально оценить знания, которые удалось получить, то выяснится, что не понимаешь ни одного из бесконечного количества выводов, к которым приходишь.* Ха-ха-ха.

Я молчал. Разве мог такой человек, как я, изучавший физику в школе и университете, высмеивать человека, точно цитирующего Галилея, хотя рассуждения его и были безумными? А *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* с несколько смущенным видом продолжал:

— ...Разумеется, я принадлежу к людям, которых не может не привести в негодование проект завершения сверхогромной космической конструкции выстрелом отшлифованной деталью-Землей, согласно предначертанию космической воли. Что касается меня, я против процесса шлифовки детали-Земли. Я думаю, что ваше с Мори

превращение является существенным элементом сопротивления шлифовке детали-Земли, а это и моя цель также. Именно *превратившиеся* люди станут ядром такого сопротивления! Да и само *превращение*, благодаря искривлению, деформации, которые несет с собой все возрастающая скорость по мере приближения к завершающей стадии, возможно, является еще одним выражением космической воли. Подобно тому как действию неизбежно сопутствует противодействие. Вы согласны с этим, отец Мори?

«Вы согласны с этим?»— спросил он меня, но это не был вопрос, на который можно было ответить немедленно. Однако я, восемнадцатилетний *превратившийся*, дал четкий и определенный ответ, будто только и ждал его вопроса.

— Я все выясню. Более того, может быть, я и *превратился* ради того, чтобы выяснить это? *Я все выясню!*

— Мужество, обретенное вами после *превращения*,— огромное подспорье! И в первую очередь для Мори! — сказал *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*. Его туманная речь, речь грезящего наяву человека сразу же зазвучала по-иному, став конкретной речью практического деятеля. Сильный человек.— Итак, на этот раз полицейские мирно удалились, но, я думаю, сопоставив донос вашей жены и случившееся с *МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А.*, они будут обязаны установить за вами наблюдение. Телефон, несомненно, прослушивается. Стоит нам выйти, и следом за нами увяжется хвост. А уж когда наша полиция за кем установит слежку, ни за что не упустит своей жертвы, если, конечно, на полпути ее планы не изменятся...

Я стал анализировать свое положение после *превращения*. Поскольку моя жена, б ы в ш а я жена, донесла на меня, человека средних лет до *превращения*, обвинив в покушении на *ПАТРОНА*, мне, теперь восемнадцатилетнему *превратившемуся* юнцу, останусь ли я дома или выйду на улицу, опасаться ареста нечего. Ведь н а ш а п о л и ц и я, как ее называет *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*, не располагает людьми с богатым воображением, которые бы оказались способны заподозрить, что восемнадцатилетний мальчишка и есть тот самый тридцативосьмилетний мужчина, и арестовать его, ха-ха.

Однако не исключено, что, когда я отправлюсь туда, где скрывается раненный в голову зрелый мужчина, следующая за мной по пятам полиция препроводит его в участок. И хотя именно я тот, кто способен засвидетельствовать, что этот человек — мой сын и никак не может быть тем, о ком идет речь, убедить полицию мне не удастся, если только я не заставлю ее поверить в наше с Мори *превращение*.

— Навещать сейчас раненого Мори — чистая авантюра. Что же мне предпринять?

— Самым естественным для вас было бы связаться с секретарем *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* Вы должны выразить соболезнование... ну и, кроме того, из тактических соображений ваш звонок тоже будет весьма полезен. Для той борьбы, которую мы будем вести в дальнейшем, помогая Мори, необходимо всесторонне изучить *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* ...Из вашего дома звонить не следует — телефон прослушивается. По-моему, лучше дойти до телефона-автомата.

Предложив мне это, *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*, не допуская и мысли, что я могу возразить, быстро вскочил на ноги и глазами сделал мне знак следовать за ним.

3

Мы вышли на улицу. В такой не холодный и не жаркий день, когда почки на деревьях начинают просыпаться от зимней спячки, а воздух прозрачен, работа сыщика не столь уж удручающа. На первом же перекрестке *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*, шепнув: «Идите прямо», повернул направо, махнув мне рукой,— то ли он расставался со мной, то ли пошел купить сигарет. Там, где я жил, раньше были крестьянские поля, и улицы еще не проложили как следует, поэтому, свернув в переулок, выбраться обратно на главную дорогу было не так-то просто. Но объяснить ему это времени не было — не мог же я кричать бодро удаляющемуся с поднятой рукой человеку: «Если повернете налево, там тупик!» Ха-ха.

Через некоторое время, когда, по моим предположениям, он уже должен был столкнулся с н а ш е й п о л и ц и е й, я услышал за своей спиной топот тяжелых башмаков, какие носят при плоскостопии. Я тоже припустил было вперед, ха-ха. *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*, догнавший меня, когда я уже совсем запыхался, тоже тяжело дышал, лицо его посерело, глаза за казавшимися бездонными стеклами очков торжествующе и в то же время умиротворенно улыбались.

— За мной увязались сразу двое, ха-ха-ха! А когда упустили, стали громко об-

суждать ситуацию: может, бросить все и отправиться выяснять его личность? И при этом очень волновались, потому что я убежал у них из-под самого носа. В общем, взял инициативу в свои руки, ха-ха-ха!

Беззаботный человек. А я, вытаскивая около телефона-автомата из кармана мелочь, заколебался. *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*, с которого ребячество как ветром сдуло, сказал:

— ...Ваш звонок *МОГУЩЕСТВЕННОМУ ГОСПОДИНУ А.* совершенно необходим. Будет странно, если вы сделаете вид, что не знаете о случившемся! Там неизвестно, насколько вы связаны с Мори и студенткой, и вам придется вести разговор невинным тоном — это малоприятно, прекрасно понимаю, но ничего не поделаешь. Если, конечно, вы действительно хотите помочь Мори, который ранил *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* ...

Я набрал тот самый номер, по которому Мори с приятельницей договаривались с *ПАТРОНОМ* о встрече. Секретарь тут же снял трубку, будто ждал моего звонка. Он сразу же понял, что звоню я, поэтому говорить голосом, каким он был у меня до *превращения*, необходимости не было. Доказательством того, что он ждал моего звонка, было переданное мне заранее подготовленное сообщение.

— ...А, это вы? *ПАТРОН* хотел в ближайшие два-три дня встретиться с вами. Да, он ранен, но не серьезно, покушавшиеся — желторотые юнцы. Если вы так тревожитесь за *ПАТРОНА*, можете навестить его в любое время. В какой день вы сможете встретиться с *ПАТРОНОМ*?

— Я обязательно проведаю *ПАТРОНА*, а вот день и час...

— Хорошо, может быть, решим так: как только у вас будет свободная минутка, сразу же приходите прямо в палату *ПАТРОНА*. Я буду находиться там постоянно, и, когда вы вызовете меня в приемную, с пропуском вопрос будет тут же улажен...

— Большое спасибо.

— Секретарь понял, что последней частью вашего разговора заинтересовалась полиция, и вынужден был поспешно положить трубку,— сказал *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* с печальным видом стратега и тактика, анализирующего неблагоприятное сообщение.

— Вы хотите сказать, что *ПАТРОН* и выполняющий его волю секретарь защищают меня от полиции?

— Именно так, принимая во внимание текст информации, переданной полицией прессе. Если, конечно, полиция и секретарь, находясь в сговоре, не пытаются поймать вас в ловушку... Но *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.*, поскольку он и в самом деле могущественный, вряд ли опустится до того, чтобы устраивать вам ловушку, прибегнув к услугам самого неавторитетного института власти! Скорее всего *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.* действительно хочет увидеться с вами. Он, безусловно, догадывается, что вы как-то связаны с покушавшимися на него Мори и его подругой.

— Вы думаете?.. Но в таком случае мне тем более необходимо поговорить с Мори прежде, чем я встречусь с *ПАТРОНОМ!* Если мне не будет известен истинный смысл нападения, я не смогу избрать верную тактику, чтобы помочь Мори!

Так, откровенно беседуя, я шел беззаботно с *ДОБРОВОЛЬНЫМ АРБИТРОМ* по улице, ведущей к станции частной железной дороги, как давным-давно, когда мне первый раз в жизни было восемнадцать лет, брел, не зная куда, со своим школьным товарищем. *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* был мрачно-задумчив, словно его заботила новая проблема, и вдруг резко вскинул свою крупную голову и посмотрел назад. И не столько для того, чтобы узнать, не идут ли за нами сыщики, а чтобы отпугнуть их. Отпугнуть таким способом — разве могло это хоть как-то подействовать на нашу полицию? Я сначала даже растерялся, не поняв назначения преувеличенно серьезных действий *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА*. Действий этого неудавшегося биолога, который был моложе меня до *превращения*, и намного старше, чем я после *превращения*. Человека, которого невозможно было сравнить с обычным биологом по характеру его деятельности во имя спасения человечества. Это был человек, в котором сосуществовали способное на самые неожиданные поступки тело и погруженная в мысли душа... Фраза, которую наконец произнес *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* показала, что, пока мы шли, он все время обдумывал взаимоотношения между мной, Мори и *ПАТРОНОМ*.

— Если вы спросите Мори, что побудило его совершить нападение на *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.*, то узнаете, что он совершил покушение не только в отместку за то, что *ПАТРОН* хотел умертвить его при рождении. Я могу лишь предполагать, но, по-моему, это предупреждение о том, что последует дальше. Вы должны пойти к *МОГУЩЕСТВЕННОМУ ГОСПОДИНУ А.* лишь после того, как Мори раскроет вам суть дальнейших действий, тогда это будет иметь совсем другой смысл. Мешать Мори, препятствовать ему ни в коем случае не следует, да фактически это и невозможно.

— Вы совершенно правы,— сказал я и услыхал в своем голосе интонации мальчишки, не воспользовавшегося неожиданно быстрым и точным ударом партнера по мячу!

Мы подошли к железнодорожной станции и зашагали, теснимые толпой нерадивых студентов, опаздывавших на занятия. Мы опасались, что в таком месте сыщики вот-вот положат нам руку на плечо. Я открыл было рот — спросить, *куда же нам теперь идти, если мы не можем немедленно встретиться с Мори?* Но *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*, словно закончив обсуждение плана дальнейших действий, сказал шепотом, чтобы окружающие не подслушали:

— Поскольку обе враждующие революционные группы материально зависят от *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.*, давайте выясним, что думает о нем рядовой член, любой из них. Ребята, находящиеся сейчас в фехтовальном зале «Реабилитация», принадлежали прежде и к той и к другой группе, но их подозревали в намерении дезертировать и поэтому не посвящали в подробности. Вы не знаете подходящего человека?

— Может быть, Ооно Сакурао? Я с ней знаком по движению против строительства атомных электростанций... Если она что-либо знает, думаю, расскажет.

— Ооно Сакурао! Прекрасно! — с горячностью, какой я от него и не ожидал, согласился *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР.*— Она человек железный!

— Железный?.. Что-то я этого не заметил, да и нельзя сказать, что она оказывает влияние на революционную группу, стоящую во главе движения.

— Нет, она человек железный, давний участник движения! — сказал *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*, подбирая наиболее сильные выражения. В голосе его звучало восхищение.— Она была единственным членом группы среди учащихся известной женской гимназии. Решив, что она любовница руководителя, враждующая группировка схватила ее. Устроили ей допрос. Требовали, чтобы она открыла тайник, где скрывается руководитель. В то время даже желторотые члены революционной группы соблюдали нормы этики — ее не изнасиловали, хи-хи-хи. Просто немного покалечили. Во всяком случае, это было время, когда существовала этика, заставлявшая блюсти чистоту. Ее увезли лечиться в Европу, но как только она вернулась, сразу же приступила к организации гражданского движения — сильный у нее характер... В любой группировке можно найти людей, которые относятся к ней с большим уважением.— *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* весь дрожал, глубоко задумавшись, словно забыв о своих странных умозаключениях.

Мною тоже почему-то овладело мрачное настроение, а когда я позвонил будущей киносценаристке, она, точно была где-то рядом и слушала наш разговор, ответила мне грустным голосом. Она как раз отправляла на отдых в горы — там дача ее богатых родителей — *тех ребят*, которых до сегодняшнего утра держали под арестом, и организаторов движения за их спасение. Я объяснил ей, что не один, а с *ДОБРОВОЛЬНЫМ АРБИТРОМ* и что за нами увязались два сыщика, и она согласилась выйти к нам. Местом встречи Ооно назвала корейский ресторанчик в Синдзюку. Соглашаясь на предложенное ею место встречи, я исходил из того, что мне, хоть и придется все это время смотреть ей прямо в лицо, лицо ее будет скрывать чад жарящегося мяса. Жалкая попытка восемнадцатилетнего избежать новых унижений. Вряд ли она, ветеран гражданского движения, не предусмотрела всех деталей. Кроме того, она хотела побыстрее накормить *СПРАВЕДЛИВЦА* — так сказала Ооно. *СПРАВЕДЛИВЦЕМ* она называла руководителя движения против строительства атомной электростанции на Сикоку. Я удивился, но она объяснила мне, что, прочтя сообщение в сегодняшних газетах, поняла: будет полезно приютить у себя *СПРАВЕДЛИВЦА*, такого праведного человека, и даже привести его на встречу с нами. Мы с *ДОБРОВОЛЬНЫМ АРБИТРОМ*, не читавшие сегодняшних утренних выпусков, вдруг болезненно ощутили свою неин-

формированность и, перед тем как сесть в электричку, накупили оставшихся в киоске газет.

Просмотрев их, мы убедились, что там нет ни одной статьи, в которой сообщалось бы что-то новое о покушении на *ПАТРОНА*, по сравнению с новостями, которые передавали вчера вечером по телевидению. Видимо, особо контролировались сообщения о характере ранения *ПАТРОНА* и его теперешнем самочувствии. От репортеров держали в тайне даже то, о чем сказал мне по телефону секретарь. Однако в одной статье в экономической газете я обнаружил сообщение, что именно *ПАТРОН* является закулисным руководителем концерна, контролирующего треть атомных электростанций в Японии и обладающего монопольным правом на строительство атомных электростанций в Южной Корее. Я почувствовал себя обманутым, и это было очень неприятно. *Зачем же тогда я так старался? Ведь если ПАТРОН в самом деле крепко держит в своих руках атомные электростанции в Японии и за ее пределами, то моя роль сводилась к тому, чтобы быть мальчиком на побегушках, помогающим ему удерживать власть в своих руках. Когда ПАТРОН начал переговоры, имеющие целью убедить Канаду при посредничестве японского концерна продать Южной Корее атомный реактор, я отбирал критические статьи, появившиеся в европейской прессе. Причем собирал эту нужную ПАТРОНУ информацию за смехотворно малую плату... Получая свое мизерное вознаграждение, преисполненный благодарности, я полагал, что ПАТРОН совершенно бескорыстно, лишь из добрых побуждений ежемесячно платит мне деньги, и безропотно снабжал его информацией. Но оказалось, я был не более чем дешевой рабочей силой и за нищенское вознаграждение выполнял действительно чрезвычайно важную работу.*

Чем больше я размышлял, тем острее чувствовал, что все это задевает и мои интересы, наносит ущерб мне, и в голове вертелась отчаянная мысль, что вот-вот во мне вспыхнет злость и эта злость, которую невозможно сдержать, может оказаться сродни той, которую испытал мой товарищ, повесившийся в Париже. Отчаянная и в то же время всепожирающая ненависть — она вспыхнула лишь на мгновение, но жизнь товарища была кончена.

— Ооно знает об интересе *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* к строительству атомных электростанций — это приносит ему огромные выгоды, потому-то она и решила привести на встречу с вами руководителя движения против строительства атомной электростанции на Сикоку.— *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА* решение Ооно привело в восхищение.

— Руководитель движения против строительства атомной электростанции на Сикоку приехал на тот самый митинг, где вы выступали у входа в зал. Потом он вместе с Ооно занимался спасением арестованных ребят... Но все же этого недостаточно, чтобы судить о ее жизненной позиции.

— Покушение на *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* для нас явилось полной неожиданностью, хотя все знали, что он имеет самое непосредственное отношение к секретам атомных электростанций. В этой ситуации нам ничего другого не остается — примем случившееся как должное, правильно? А Ооно стремится, приведя сюда руководителя движения против строительства атомной электростанции, вовлечь нас в активную деятельность, понятно? Ооно видит смысл жизни в том, чтобы своими действиями повседневно создавать нестабильную обстановку. Ее жизненная позиция определяется сложившейся ситуацией. Это все не так просто!

— Вы столько сил отдаете вашей деятельности *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА*, а сколько забот, связанных с фехтовальным залом «Реабилитация»... Теперь же вы укрываете человека, совершившего покушение на *ПАТРОНА*. Значит, и ваша жизненная позиция определяется сложившейся ситуацией... Выходит, в этом смысле ваши жизненные принципы совпадают с жизненными принципами Ооно.

Серое лицо *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА* неожиданно порозовело. Мысленно он уже вырабатывал свое отношение к Ооно Сакурао, с которой мечтал встретиться.

И вот в топорщившемся, точно доспехи, желтом, как гиацинт, пальто, вздернув плечи и пиная длинные полы пальто, вошла Ооно Сакурао. А на руководителе движения против строительства атомной электростанции были светло-коричневые хлопчатобумажные брюки и куртка со стоячим воротником. Кто бы мог сказать, что это тот самый человек, который сражался вынутыми изо рта вставными челюстями, ха-ха.

— Собирались обсуждать план неотложных действий, а сами преспокойно попиваете пиво? — вместо приветствия сердито окликнула нас будущая киносценаристка.—

Вы с таким удовольствием хрустите маринованной редькой, будто единственная ваша цель — пить пиво!

Но мы были вынуждены, дожидаясь их, пить пиво — несмотря на то, что я после *превращения* стал быстро пьянеть, да и *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* плохо переносил алкоголь. Не закажи мы хотя бы пива, как бы нам удалось сидеть здесь и читать газеты, которые мы принесли с собой? Мужчина, обличьем напоминавший лесного клопа, стоял у перегородки, отделяющей кухню от зала, раздраженно обозревая помещение, где сейчас, кроме нас, никого не было.

— И отец Мори здесь? Вы ведь превратились в молодого, отчего же такой жалкий вид? Не мешало бы хоть побриться.

— Могу одолжить вам бритву,— подал голос *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР.*

— Хм, у вас что, привычка такая — таскать с собой бритвенные принадлежности?

— Когда ко мне в фехтовальный зал «Реабилитация» пришел Мори и я отправился на встречу с вами, то понял, домой я вернусь не скоро, вот и прихватил с собой бритву,— сказал *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР,* явно адресуясь к Ооно, а *СПРАВЕДЛИВЕЦ* потрогал свой гладко выбритый подбородок. В общем, присутствие телезвезды Ооно подействовало на всех нас.

Я побрился на ощупь в уборной, в крохотном закутке между умывальником и писсуаром. Направо от входа было зеркало, к которому был прикреплен ароматизатор воздуха, но мне было противно смотреть на свое жалкое лицо.

Когда, побрившись, я вернулся к столику, трое, усевшись тесным кружком, что-то горячо обсуждали. Над газовой жаровней, вделанной в стол, поднимался огонь и чад от горящего жира. Официант, пребывавший до этого в состоянии крайнего раздражения, стряхнул оцепенение и услужливо подал бутылки пива, выражая готовность услужить известной телевизионной звезде.

4

Руководитель движения против строительства атомной электростанции на Сикоку — лицо его с чересчур крупными чертами выражало воодушевление — говорил с какими-то извиняющимися интонациями на характерном для Сикоку искаженном кансайском диалекте.

— ...Это, я думаю, означает, что к императорской семье тянется множество нитей,— таков мой вывод! А что до этих могущественных людей или закулисных деятелей, то их и здесь, в столице, и у нас, в провинции, не перечесть. И все они чем-то заняты. Нам, людям здравомыслящим, понять их дела ох как трудно! А вот то, что они действуют своекорыстно,— это нам ясно. Подобное своекорыстие недопустимо. С этим надо бороться. И нет ничего важнее этого! На вершине огромной горы непомерно разросшегося своекорыстия вырисовываются неясные миражи. Посмотришь на них какое-то время — и увидишь, как они колышутся, извиваются, протягивая нити к императорской семье! Между ними и императорской семьей нерасторжимая связь — это уж точно. Критиковать бессмысленно! Будет такая критика, не будет ее, все равно протягиваются нити к императорской семье — это факт, и от него никуда не денешься. Если ты выступаешь против могущественных людей, закулисных деятелей или чудовищ и их колдовство тебя не обмануло, то всегда видно, как над их головами тянутся нити, множество нитей! Вот как протягиваются нити к императорской семье!

Говоря это, *СПРАВЕДЛИВЕЦ* устремил свой взор в пространство, будто в густом чаду от жарящегося мяса он видел, как тянутся эти нити.

— ...Взять хотя бы *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.,* тайного властелина атомных электростанций. Стоит присмотреться внимательнее к этому деятелю — чем он занимается, никому не ведомо,— сразу же увидишь эти нити! Преследовать тех, кто стремится к получению монопольных прибылей, невероятно трудно, тотчас возникают бесчисленные препятствия, даже если удается привлечь на свою сторону члена парламента от оппозиционной партии. Зная, что закулисный деятель, о котором мы говорили, связан со строительством атомных электростанций, понимаешь, что наше движение может быть разгромлено и начнется строительство на Сикоку самой крупной атомной электростанции; это вполне вероятно, если вспомнить о связях этого деятеля с императорской семьей. Когда построенная электростанция начнет функционировать, заражая окружающую среду отработанной водой, для осмотра ее прибудет императорская семья! Что произойдет в тот день и в тот час? Тогда все японцы, обра-

тившись к югу Сикоку, где она будет построена, преклонят колени! Это выльется в грандиозную демонстрацию силы духа императорской семьи, помноженной на силу атомной электростанции,— сто с лишним миллионов коленопреклоненных перед телевизорами!

— Как можете вы, практик, рассуждать столь пессимистически? — вставил слово *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*, явно пытаясь прощупать позицию Ооно.

— Вы считаете *СПРАВЕДЛИВЦА* пессимистом? Но ведь он прекрасно понимает масштабы трудностей и, не предаваясь ни сверхнадежде, ни сверхотчаянию, ведет борьбу... Разве это не равносильно тому, что делаете вы как арбитр, сознавая существование расхождений между группировками?

Один лишь я вышадал из их тесного кружка и, раздражаясь от того, что на покрытой жиром решетке газовой жаровни подгорают, сворачиваясь, кусочки мяса, печенки, сердца, не отрывал от них глаз, что так не вязалось с важностью происходившей рядом со мной дискуссии.

— Еда — дело второстепенное, во всяком случае сейчас! — досадливо поморщившись, сказала будущая киносценаристка и величественно и щедро, в свойственной ей манере, ухватила палочками кусков шесть дымящегося мяса и положила их *СПРАВЕДЛИВЦУ*.

Вслед за ней и остальные протянули палочки, я тоже взял кусочек жареного мяса и печенки, а Ооно, подцепив с тарелки сырое мясо, приготовленное для жарки, бросила его на решетку. Если жарить столько мяса в один прием, оно обязательно подгорит. Мясо должно быть слегка подрумянено, и, съев его, нужно положить на решетку новую порцию — ровно столько, сколько съедено, тогда получится вкусное мясо. А она совершенно не соблюдает законов корейской кухни, хотя раз десять ходила со мной сюда. Укоризненно думая об этом, я жевал сухое, как подметка, мясо и жесткую печенку и при этом старался не смотреть на решетку, над которой снова начал подниматься чад. Но тут Ооно надменно приказала:

— Будьте любезны, нельзя ли включить вентилятор на полную мощность. А то от чада просто дышать невозможно!

Официант покорно выполнил ее приказ.

СПРАВЕДЛИВЕЦ ел жареное мясо, не только не соблюдая порядок, принятый в корейском ресторане, но и вообще забыв о хороших манерах, и тем не менее мне было приятно на него смотреть. Перед нами стояли маленькие тарелочки с тарэ, густым соевым соусом к жареному мясу, и с карамисо — пастой из соленых соевых бобов к свиным ножкам, и этот пожилой маленький человечек, подхватив палочками сразу несколько кусков мяса и обмакнув их в тарэ и карамисо, отправлял все это в рот. Потом старательно жевал, глядя прямо на говорившего, жевал своими искусственными зубами, пока не прожевывал как следует. Остальные, видя, как он злоупотребляет острой приправой, хотели было остановить его, но он ел с таким достоинством, что они не решились ничего сказать. При этом у него был такой вид, будто еда для него — дело второстепенное...

— Вы назвали меня пессимистом? — говорил *СПРАВЕДЛИВЕЦ* с набитым ртом.— Но проанализируйте положение с ядерным оружием, положение со строительством атомных электростанций во всем мире. Я думаю, в такой ситуации самое верное — быть пессимистом! Хотя люди, как правило, оптимисты. Вон официант, который регулирует вентилятор. Посмотрите, какой у него торжествующий вид. Лет через двадцать — тридцать он умрет, а сейчас стоит с заносчивым видом, даже не представляя себе, сколь он заурядeн. Так кого же обеспокоит собственная смерть, невозможность иметь детей и внуков из-за радиоактивного заражения, вызванного ядерной бомбой и атомными электростанциями? Портит ли это аппетит даже нам, людям, которых особенно беспокоят эти проблемы? Нет, мы продолжаем есть с неукротимой жадностью!

Он прав. Лишь одна Ооно, слушая *СПРАВЕДЛИВЦА*, задумалась над его словами и рассеянно обкусывала передними зубами свиную ножку, где и мяса-то почти не было. А для остальных она положила на решетку целую гору мяса. Но тут разговор вдруг переключился на меня. По всему было видно: говоривший без умолку *СПРАВЕДЛИВЕЦ* знает от Ооно подробности моего *превращения*.

— Однако такой человек, как отец Мори, наверно, не может не учитывать положение, в котором он сам оказался, да и проблему в целом? Может быть, ваш взгляд на мир отличается от моего. Во всяком случае, вы не отдаете себе отчета в существовании нитей, которые тянутся к императорской семье! Эти нити нужны тем,

кто исповедует идею гармонии традиционной японской культуры. Вы, естественно, стоите на противоположных позициях. Императорская семья вам ни к чему!

— Действительно, *превратившиеся* Мори и отец Мори отвергают так называемый естественный порядок, господствующий в нашей стране,— подтвердил *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР.*— Правда, я еще не могу понять смысла слов *СПРАВЕДЛИВЦА* об отношениях между императорской семьей и отцом Мори.

— Представьте себе, что в существующей вечно императорской семье произойдет *превращение!* Отец Мори и императорская семья — вы представляете разницу в масштабах, в самом смысле, который заложен в вашем существовании и существовании императорской семьи?

— То есть если говорить о борьбе, мы с Мори должны навязать императорской семье происшедшее с нами *превращение*, это вы хотите сказать, папаша? Ха-ха. И, чтобы заразить их *превращением,* отправиться в Оутияма? [1]

— Я не хотел дразнить вас, отец Мори. Я думаю, одной горячей воды, сбрасываемой атомными электростанциями, достаточно для того, чтобы нарушить естественный порядок. Ведь эта горячая вода будет сбрасываться в астрономических количествах, верно? И если естественный порядок будет таким образом нарушен, это неизбежно приведет к *превращениям.* Я действительно так считаю... Однако те, кто форсирует строительство атомных электростанций, утверждают, что вечно существующий естественный порядок не будет нарушен. В довершение осмотр этих электростанций императорской семьей — и атомная электростанция будет воспринята всеми как чудо. Так будут думать сто с лишним миллионов японцев, прильнувших к телевизорам. Вот для чего существуют нити, ведущие к императорской семье!

— Значит, папаша, вы призываете двух *превратившихся,* меня и Мори, устроить демонстрацию против торжественного открытия атомной электростанции? Ха-ха.

— Эти ваши «папаша», да и вся ваша манера говорить объясняются не чем иным, как желанием доказать, что *превращению* подверглись не только ваше тело, но и ваш дух. К чему это представление?... Мы ведь намерены действовать сообща, правильно? Никаким «папашей» называть его не нужно — *СПРАВЕДЛИВЦА* так и следует называть: *СПРАВЕДЛИВЕЦ.* Все должно быть функционально.

— Стоит мне выпить пива, и я сразу становлюсь ужасно болтливым. А в сущности, я могу сказать одно: я — это я, и я сижу здесь. Вот это я и хочу сказать, а все ненужные разговоры прекращаю, потому что они ни к чему. В самом деле ни к чему. Я не хочу снова услышать от своих товарищей по борьбе, когда вернусь к себе на Сикоку: *пустая болтовня!* — сказал *СПРАВЕДЛИВЕЦ.*

— Нет, надо лучше узнать друг друга — это непременное условие для ведения совместных действий,— сказал *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР;* слова его были совершенно не к месту, он лишь хотел подыграть Ооно, но она его игнорировала.

Я понял, что она собирается посвятить нас в свой план. Таков жизненный принцип активистов гражданского движения — если вступить с ними в разговор, то они до тех пор не прекратят его, пока не договорятся с тобой о каких-то конкретных действиях (даже если они сводятся к пусканию мыльных пузырей, ха-ха). План действий, который собиралась предложить мне и *ДОБРОВОЛЬНОМУ АРБИТРУ* Ооно Сакурао, пришедшая к нам вместе со *СПРАВЕДЛИВЦЕМ*, в конечном итоге сводился к следующему. Она решила потребовать от руководства разъяснений по поводу финансирования вышестоящей революционной организации *МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А.*, что, кстати, давно уже было для всех секретом полишинеля. Она, как глава своей группы, имеет право потребовать таких разъяснений. Вот почему она все время настаивала на том, чтобы ее связали с руководством, хотя и безрезультатно!

Теперь ей и ее союзникам не остается ничего другого, как самим направиться прямо в штаб революционной группы (хоть и не на броневике, а на «фольксвагене», его одолжил приятель, поклонник будущей киносценаристки) и спросить у руководства, что оно думает насчет *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А. СПРАВЕДЛИВЕЦ,* как представитель того района, где идет борьба против строительства атомной электростанции, пойдет вместе с ней. Кроме того, в этом деле будем участвовать и мы с *ДОБРОВОЛЬНЫМ АРБИТРОМ*, а следовательно, за нами увяжутся и два сыщика, приставленные к нам властями.

Это, видимо, послужит немаловажной гарантией успеха всей операции и нашей

[1] Оутияма — императорский дворец.

безопасности, поскольку за нами будут наблюдать сыщики, руководители революционной группы не смогут схватить нас и подвергнуть допросу.

Эмоциональность этой женщины, одно время работавшей у Луиса Бунюэля, приводила порой к совершенно невероятным, с точки зрения логики, даже сюрреалистическим поступкам — она вдруг заявила, что было бы нечестным не спросить также и у контрреволюционной бандитской группировки, что там думают относительно проблемы *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* Человек, покушавшийся на *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.*, то есть совершивший то, что логично было бы ожидать от этой группировки, скрывается в фехтовальном зале «Реабилитация», принадлежащем *ДОБРОВОЛЬНОМУ АРБИТРУ*. Поэтому, если *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* и отец покушавшегося (хотя, *превратившись*, отец стал моложе сына, ха-ха) будут в числе тех, кто требует встречи с руководством этой организации, оно не посмеет игнорировать их требования, утверждала Ооно. Далее, если их беседа примет нежелательный оборот, Ооно призовет на помощь сыщиков, заявив, что подвергается насилию со стороны контрреволюционной бандитской группировки, и те придут на защиту ее естественных гражданских прав. Не допустить такого оборота событий — в интересах любой организации.

— Прежде всего необходимо, по-моему, водрузить на автомобиле флаг или хотя бы лозунг, наглядно отражающий характер наших действий, но, к сожалению, у нас нет времени подготовить их... — сказала Ооно, и тут *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*, сидевший до того с безучастным видом, вдруг воодушевился, ха-ха.

Из рюкзака, где лежали те самые бритвенные принадлежности, он вытащил белое полотнище. Разложив его на газете, расстеленной на столе, он написал на нем: «*ВСТРЕЧА ПО УСТРАНЕНИЮ ПРЕПЯТСТВИЙ К ПРИМИРЕНИЮ*» и пошел прикреплять лозунг к машине. Увидев это, официант принес известной телевизионной звезде Ооно цветную бумагу. Фломастером *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА* она каллиграфически вывела черные иероглифы: «*ДОЛОЙ ЛЮБОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ЯДЕРНОГО МОГУЩЕСТВА, ЗАПРЕТИТЬ АТОМНЫЕ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ*». Ха-ха, похоже, жизненные принципы этой женщины действительно отличаются последовательностью. Счет она протянула мне.

— Поскольку вы получали помощь от *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.*, то будет вполне естественно, если вы уплатите этими грязными деньгами.

Заплатив по счету и догоняя Ооно, которая отправилась на бой, решительно пиная полы своего длинного пальто, я в свойственной восемнадцатилетнему юнцу манере принялся иронизировать над *СПРАВЕДЛИВЦЕМ.*

— Ну, папаша, вы даете! Нет, одеты вы неподходяще. Наверно, это Сакурао приискала вам одежонку на молодежной распродаже?

— Я купил эту одежду, когда меня послали за границу из Осаки по программе обмена профессорами. И у меня нет оснований стыдиться того времени, когда я вместе с товарищами рассчитывал траектории ракет...

Я, желторотый восемнадцатилетний, получил по заслугам от руководителя движения против строительства атомной электростанции, провинциального *СПРАВЕДЛИВЦА*, ха-ха.

5

Из садика, в глубине которого располагался корейский ресторан, мы вышли на угол широкой улицы, там стоял зеленый «фольксваген». К кузову машины было ловко прикреплено полотнище — и машина, и полотнище удивительно сочетались с воинственным видом Ооно Сакурао, стоявшей рядом наподобие Нио — Стража ворот[1]. *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* подвесил на тесемках небольшой плакат, точную копию лозунга, ха-ха. Не для того ли затеял он всю эту жалкую демонстрацию, чтобы сесть рядом с Ооно, управлявшей машиной? Пока *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* не удостоверился, что мы со *СПРАВЕДЛИВЦЕМ* устроились сзади, он стоял с отрешенным видом, но едва машина тронулась, превратился в рьяного помощника водителя.

— У сыщиков было вполне достаточно времени, чтобы раздобыть автомобиль. Я решил сразу прикрепить полотнище, чтобы они поняли, что мы поедем на машине! Так что теперь продолжать слежку за нами они тоже будут из машины — это ведь наша полиция!

---

[1] Нио, Страж ворот — одно из божеств буддийского пантеона.

— Куда мы сначала? К моим знакомым? Правда, они сторонятся меня... Насколько мне удалось выяснить у моих ребят, помощь *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* предназначалась для того, чтобы революционная группа собственными силами изготовила атомную бомбу! Они говорят, что, когда работа достигнет заключительной стадии, он начнет переговоры о предоставлении суммы, не идущей ни в какое сравнение с пожертвованиями, сделанными до этого. То же самое, видимо, предусматривалось в отношении контрреволюционной бандитской организации. Так в чем же заключались планы *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА, А.*, на что рассчитывали получившие эти деньги руководители обеих групп — и революционной и контрреволюционной?.. Мой собственный опыт не позволяет мне поверить в такое сумасбродство, и поэтому я хочу по крайней мере выяснить, каковы их логические построения.

— Чтобы определить значение употребленного вами слова «сумасбродство», нужно уяснить, к чему вы его относите, к тому, что: а) революционная организация создает собственную атомную бомбу или б) расходы по ее изготовлению оплачивает *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.*

— Что? Ваши неожиданные «а», «б» — для меня это слишком сложно. Я машину вести не могу... Да, конечно, «б».

— Подобных случаев можно привести сколько угодно! Для людей, которых называют могущественными, ничего невозможного не существует! *ПАТРОН* дает деньги двум враждующим, готовым задушить друг друга группам, но ведь это же классический прием, хоть и совершенно идиотский!.. Слушая вас, я думал, что вы имеете в виду «а». Вы пригласили меня в Токио на митинг протеста против строительства атомных электростанций и отнеслись ко мне очень тепло. Но сумасбродство вашей молодежи как раз и состоит в том, что, выступая против строительства атомных электростанций, она в то же время собирается изготовить собственную атомную бомбу. Молодежь убеждена: создание атомной бомбы — дело правое — и всячески стремится к этому, но вместе с тем она ведет борьбу против строительства атомных электростанций. Разве это не сумасбродство?!

— Ваше возмущение вполне естественно, *СПРАВЕДЛИВЕЦ*... Действительно, есть и такая молодежь, но ведь она идет за своими лидерами. Значит, все-таки возможно создание атомной бомбы силами небольшой группы. А, отец Мори?

— Я уже говорил, что небольшой группе по силам создание атомной бомбы, если не учитывать проблему доставки.

— Но неужели кто-то из молодежи и впрямь работает над созданием атомной бомбы? Какие тут могут быть оправдывающие обстоятельства? Это же просто аморально?!

— Почему аморально? — спросил *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР.* — Если действительность такова, что сверхдержавы монополизировали ядерное оружие, то и слаборазвитые страны имеют право завладеть ядерным оружием, создать нестабильную обстановку. Далее, раз уж государство монополизировало ядерное оружие, превратив свой собственный народ в заложника, то приходится ли удивляться, что группы или отдельные люди сопротивляются этому и даже создают собственное ядерное оружие?.. Будем говорить конкретно: представьте себе, что люди, принадлежащие ко второму или третьему поколению жертв атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, от имени своих погибших родных создадут ядерное оружие — найдется ли хоть кто-нибудь в нашем современном мире, кто осудит их?

— Вот вы о чем! Если такого рода релятивистская точка зрения бытует даже среди участников движения против строительства атомных электростанций, то тогда, пожалуй, все, о чем я недавно говорил, чистое безумие! Возмущаться можно сколько угодно, но атомная бомба-то создается?! Кто же из молодежи занимается этим, на каком подземном заводе?!

ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР молчал. Но спина молчащего человека лучше всего выдает его мысли. Я почувствовал, что *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* по роду своей деятельности имеет доступ к определенной информации. Но он считал, что, сообщив нам эту информацию, потеряет свое лицо как *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР.*

— Что касается молодых ребят, создающих или во всяком случае пытающихся создать атомную бомбу, то о них, *СПРАВЕДЛИВЕЦ*, лучше всего спросить у отца Мори. Ведь он жертва нападения юнцов, стремившихся побыстрее заполучить атомную бомбу.

— Жертва?

— Жертва — это, пожалуй, слишком сильно сказано... Кроме того, не установ-

лено, к какой группе они принадлежали. Но факт остается фактом — люди в жестяных доспехах пытались украсть ядерное сырье, когда его везли с обогатительной фабрики.

Так это вы тот самый специалист, который оказал решительное сопротивление ядерному ограблению? В то время я находился в Соединенных Штатах, но об этом сообщалось и в Бостоне, в газете «Крисчен сайенс монитор». Я был потрясен. Ваш поступок послужил моральным основанием для развертывания движения против строительства атомной электростанции на Сикоку... Так это были вы?

— Да, это была душераздирающая история,— весьма холодно сказала будущая киносценаристка, что меня даже возмутило.

— Хотите поссориться?

— Причем тут ссора — просто любые действия могут критиковаться, разве не так? — вмешался в разговор *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*, чтобы защитить Ооно.— Молодежь революционной группы пыталась экспроприировать ядерное сырье у монопольно владеющих им властей. Логически — я об этом уже говорил — их действия вполне можно оправдать, верно? Представляете — исследователь-специалист, которого нельзя даже назвать сторожевым псом властей, пренебрегая опасностью облучения, с риском для жизни охраняет ядерное сырье. Разве это не означает, что весь персонал атомной электростанции, включая самых мелких служащих, входит в ядерную систему, предусматривающую монополию властей? Если, разумеется, посмотреть на происшедшее глазами молодых ребят, совершивших нападение. К тому же этот исследователь-специалист отнюдь не был представителем властей. Нападавшим и в голову не приходило, что при похищении ядерного сырья им будет оказано сопротивление. Нападение окончилось неудачей, а исследователь-специалист подвергся облучению. Да, неутешительный итог. Если посмотреть на случившееся глазами революционной группы...

— Вы тоже участвовали в ядерном ограблении? — спросил я у *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА* уже не в шутку.

— Ну что вы?! — с ходу отверг мое предположение *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*, но именно эта поспешность и зародила во мне подозрение. что он-то и был одним из тех *жестяных людей*, а его землистая кожа — результат облучения.

— В Токио есть одно местечко, где укрылась группа, обладающая изрядной политической фантазией, достаточной логикой и настоящей любовью к человечеству.— Так начала Ооно Сакурао — кто знает, не было ли это темой некоего иллюзорного фильма, которому так и не суждено быть завершенным, ха-ха.— Если в один прекрасный день она объявит, что создала атомную бомбу, то мгновенно изменится вся наша страна. Во всяком случае, городские жители, которые спокойно ходят по улицам, поглощают пищу, даже не помышляя о смерти, испытают колоссальный страх — это уж несомненно. Может быть, тогда даже *СПРАВЕДЛИВЕЦ* перестанет быть пессимистом...

— Полнейшая чепуха! Выискивать позитивные моменты в создании атомной бомбы, какой бы смысл в это ни вкладывался,— это полная моральная деградация, и ничего более!

— Подобные обобщения наивны, вам это не кажется?.. Моя позиция во время встречи и беседы с руководителями группы будет такова: если революционная группа, руководствуясь четкими принципами, собственными силами создает атомную бомбу, у меня нет причин выступать против. Это одно. А другое — я буду выступать против субсидирования программы создания ядерного оружия *МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А.* И хочу, чтобы они считались с моей позицией как с данной мне свободой вероисповедания.

Краем глаза я заметил, что *СПРАВЕДЛИВЕЦ* сжал губы, напоминавшие листья хурмы, и широко раскрыл невидящие глаза, источавшие, однако, жгучую ненависть к окружающему миру. Я не мог не заговорить с ним.

— Папаша, вы утверждали, что от *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* протянулись нити к императорской семье. Но если некая группа в Токио, создав атомную бомбу, примется угрожать правительству и финансовым кругам, то разве не может она вплотную подобраться к императорской семье? Нельзя же предположить, что обе группы, субсидируемые *ПАТРОНОМ*, будут применять с таким трудом созданную ими атомную бомбу в интересах императорской семьи? Я этого понять не могу, папаша!

Тут *СПРАВЕДЛИВЕЦ*, отбросив ненависть к реальности, посмотрел на меня своими большими чистыми глазами, снова превратившись в несгибаемого борца, горящего желанием до конца выполнить свою миссию.

— От таких людей, как *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.*, всегда тянутся нити к императорской семье! Это необычайно важная деталь! Держа в руках эти нити, *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.* старается внушить молодым революционерам идею самостоятельного создания атомной бомбы! Причем одновременно каждой из враждующих, сражающихся между собой групп! *Добрая душа, добрая душа!* Единственное, что необходимо *МОГУЩЕСТВЕННОМУ ГОСПОДИНУ А.*,— это заполучить в свои руки сверхмощную энергию, каковой и является атомная бомба, и делать с ней все, что он захочет, чтобы утвердить свою власть. Одна бомба — хорошо, две — еще лучше. Сверхнапряженность, которую создает существование этих бомб, повлияет на положение в стране. Поднимется невообразимый смерч, который вознесет императорскую семью в абсолютную высь! А молодые революционеры прямо из себя выходят, чтобы опередить *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* Но это никуда не годится. Даже если обратиться к истории культуры...

— *СПРАВЕДЛИВЕЦ* такой опытный боец, почему же выводы его столь пессимистичны? — снова раскритиковал его *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*, но тот не стал с ним спорить.

— Такие-то дела,— подытожил *СПРАВЕДЛИВЕЦ*, вертя морщинистой шеей.— Сверхнапряженность — вот его цель. Но его противники не задумываясь поддержат любую сверхмощную энергию и сверхнапряженность, лишь бы они были направлены в противоположную сторону. И нужно искать таких людей!.. Может быть, ваше с Мори *превращение* и есть *необходимый для этого импульс?*

— Если это так, то Мори, совершив покушение на *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.*, должен теперь быть предельно осторожен,— сказал *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР.*— Я чувствую, что Мори — это человек, чьи действия управляются неким мощным источником излучения.

Тут мое молодое тело и молодой дух уловили тот самый крик: *ЛИ... ЛИ... ЛИ...*

Глава VIII

Всестороннее изучение ПАТРОНА

Продолжение

1

Когда наша машина на торговой улице Одзи попала в пробку и почти перестала двигаться, я от нечего делать придумал такую шутку: *а что, если ребята из революционной группы, устроившие где-то здесь неподалеку свою базу, захотят провести под Токио, в горах Асукаяма, испытания сверхминиатюрной атомной бомбы?* Но вслух ничего не произнес — атмосфера в машине становилась все более напряженной. А *СПРАВЕДЛИВЕЦ*, который, несомненно, дал бы отпор любой шутке, касающейся атомной бомбы, заснул. Лицо *СПРАВЕДЛИВЦА*, спавшего склонив голову на грудь, было лицом утомленного, стоящего на пороге смерти пожилого человека. Ссохшаяся головка южноамериканского колдуна. Маленькая головка, маленькое личико, торчат только огромные уши и нос. Пока я не сообразил, что лицо его словно ссохлось из-за вынутой изо рта вставной челюсти, смотреть на него мне было неприятно, ха-ха.

Наш «фольксваген» въехал в узкую, запруженную машинами улочку и стал с трудом пробираться вперед, но тут нам сделали знак двое полицейских, и мы остановились на более широкой части улицы, у отделения страховой компании. Один из полицейских всунул морду в маленькое окошко «фольксвагена». На мгновение я сжался от страха, не имея возможности удостоверить свою личность так, чтобы это удовлетворило полицейского. Проснувшийся *СПРАВЕДЛИВЕЦ* тоже заволновался, но, вместо того чтобы сжаться, широко открыл глаза в кровавых прожилках и вставил в рот искусственную челюсть, отчего лицо его сразу перестало казаться ссохшимся. Он все еще пребывал в полусне — как-никак пожилой человек.

Но *СПРАВЕДЛИВЦУ* не пришлось выражать протест. Полицейский не успел и слова вымолвить, как Ооно протянула ему водительские права, а с ними и удостоверение телевизионной компании. И сделала это с особым выражением лица и поворотом тела, выставляя себя напоказ, как и подобает телезвезде.

— За нами следует полицейская машина, вот у них вы сможете все узнать,— начал переговоры *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*, намекая на то, что мы действуем под надзором полиции.— С представителем средств массовой информации мы направляемся в одну из групп студенческого движения, чтобы кое-что предложить,— только и всего. Ни с какой партийной группировкой мы не связаны. Разумеется, никакого оружия мы с собой не везем!

Наверно, из следовавшей за нами машины и в самом деле поступил сигнал. Над низкой крышей «фольксвагена» полицейские обменялись несколькими словами; тем двоим, что остановили нас, что-то приказали, и на колени Ооно полетели документы. В этой сцене проявился артистический дар Ооно, подумал я. Действительно, она проявила талант постановщицы, ха-ха,— наш «фольксваген» снова двинулся вперед.

— Охраняющая штаб *антиполиция*, должно быть, засекла нашу машину. Я думаю, она уже донесла о необычном обхождении с нами полицейских. Они, наверно, уже поняли, что мы не контрреволюционная банда, вооруженная гранатами, которая собирается напасть на них.

— Было бы хорошо, если бы молодые активисты, охраняющие штаб, не поверили своей газете, будто враждебная им группировка блокируется с полицией. Ведь если они в это верят, то наше положение может стать просто угрожающим!

— Нет, их наблюдатели, увидев плакат, сразу поймут: это работа *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА* — и не станут бросать бомбы в нашу машину,— сказал *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* со спокойной уверенностью.

— Значит, вы и раньше не раз появлялись здесь, прикрепив к машине плакат, чтобы произносить свои увещевательные речи?.. Смелый вы человек.

— Я уже давно этим занимаюсь — привык,— засмущался *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР.*

Наша машина медленно двигалась вперед, провожаемая враждебными взглядами прохожих, толпившихся перед лавками галантерейщиков и рыбных торговцев, лотки которых занимали полтротуара, и, сделав на перекрестке — чрезвычайно опасном, только и жди аварии — поворот, а затем, проехав еще метров пятьдесят, оказались на незаасфальтированном участке, похожем на пустырь, где не было ни души. Ряд деревянных оштукатуренных домов, не разрушенных ни войной, ни послевоенными стихийными бедствиями, но все равно не пригодных для жилья, и посередине — трехэтажное здание, похожее на клинику; по торцу его поднималась металлическая лестница, но все входы на этажах были заколочены. На крыше виднелась надстройка, похожая на голубятню, откуда за нами обеспокоенно наблюдали юнцы в касках, лица у них были замотаны полотенцами.

— Немного вперед и останавливайтесь. Надо полагать, вы и бомбы с собой прихватили? Проедете дом — сразу останавливайтесь,— приказали нам.

— Я сойду здесь одна, а машина пусть остановится в конце пустыря. Оттуда будут наблюдать за мной, и, если заметят что-нибудь подозрительное, тогда уж не взыщите, придется связаться с полицейскими, которые следят за нами! — отозвалась Ооно.

С трудом извлекши свое чересчур крупное тело из маленького «фольксвагена», будущая киносценаристка, пиная носками туфель полы пальто и щеголяя столь неуместными здесь темными очками и лиловой сумочкой, направилась к зданию, где находился штаб. *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* тронулся с места. Причем на довольно большой скорости, будто за ним гнались. *СПРАВЕДЛИВЕЦ* сразу прильнул к заднему окошку и стал наблюдать, а я, глядя прямо перед собой, старался не вспоминать рассказ о страданиях, которые причинила Ооно одна из группировок в те времена, когда она была еще ученицей колледжа.

Однако Ооно с тех пор прошла огонь и воду и научилась прекрасно сражаться, ха-ха. Через некоторое время она, вызвав из дома похожего на потрепанный военный корабль, подлатанный желтовато-серыми досками, одного из руководителей революционной группы, уже направлялась с ним к машине. Когда *СПРАВЕДЛИВЕЦ*, даже засопев от радостного возбуждения, объявил об этом, я тоже обернулся и посмотрел назад — рядом с бодро вышагивающей Ооно семенил невысокий человек. Если бы не темные очки, его можно было бы принять за мелкого чиновника районной управы. Этот ничем не примечательный человек и шедшие сзади него на расстоянии пяти-шести шагов молодые парни в рабочей одежде, с касками на головах удивительно гармонировали друг с другом. С первого взгляда было ясно, что юнцы прячут под топорщившимися куртками железные трубы.

— Решили поговорить в закусочной, где питается эта группа. Условие такое: с нашей стороны — я и еще один человек. Нужно, чтобы пошли вы, отец Мори. *СПРАВЕДЛИВЕЦ*, когда речь зайдет о ядерных делах, сделает разговор невозможным, а *ДОБРОВОЛЬНОМУ АРБИТРУ* я хочу поручить машину... Поезжайте и возвращайтесь через час.

— Что вы, что вы?! Через полчаса! — вскричал измененным голосом, хотя и удивительно дружелюбно, человек в темных очках. А я вдруг подумал, что мне и полчаса провести с обладателем такого голоса неприятно...

— Отец Мори, поторапливайтесь, — приказала Ооно, и нам с *ДОБРОВОЛЬНЫМ АРБИТРОМ* и *СПРАВЕДЛИВЦЕМ* не оставалось ничего другого, как подчиниться.

Разговор между членом руководства и Ооно я записал в ее блокноте для режиссерских заметок и, ничего не изменив, передаю вам в виде вопросов и ответов. Поскольку член руководства является одним из лидеров революционной группы, обозначим его Ли — первыми буквами слова «лидер». Ли не снял свои темные очки и в закусочной, может быть для того, чтобы скрыть до смешного беспокойно бегающие глаза? Вытягивая верхнюю губу, он говорил быстро и невнятно. Ему было около тридцати; говорят, он жил на средства жены-фармацевта. На нем был хороший галстук и даже золотые запонки. Неужели одежда тоже одно из звеньев тактики саморекламы лидера революционной группы, необходимое для привлечения широких масс?

В закусочной, расположенной так, что вход в нее просматривался с похожей на голубятню наблюдательной вышки, не было ни одного посетителя, даже официантки куда-то исчезли. Ли и будущая киносценаристка взяли себе кофе, а молодые парни, расположившиеся по обеим сторонам двери, — молоко, они принялись не спеша запивать им сладкие булочки, которые достали из карманов топорщащихся курток. И я решил взять молоко. Я ведь в таком возрасте, когда легко поддаются влиянию столь внушительно выглядящих людей, ха-ха.

О. Поступили сведения, что революционная группа получала денежную помощь от МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А. Об этом сообщалось даже в телевизионных новостях. Утверждают, что аналогичную денежную помощь от МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А. получала и контрреволюционная бандитская организация. Я не вхожу непосредственно в революционную группу, но действую в ее системе. Участники движения, которое я возглавляю: ученики колледжей, абитуриенты, студенты, простые горожане — все потрясены. Если бы революционная группа действительно не получала денежной помощи, она бы сразу же опровергла клевету, вы согласны? Я прошу сообщить мне официальную точку зрения руководства, которую я могла бы передать членам моей группы. Я уже несколько раз звонила по этому поводу руководству, но со мной не пожелали разговаривать. Я считаю подобные методы фашистскими.

ЛИ. Называть нас фашистами — это уж чересчур. Что касается вас лично, то анализ нынешнего положения в вашем гражданском движении показывает, что вы всецело находитесь под влиянием именно нашей группы. Но содержание ваших личных выступлений по телевидению, как нам кажется, значительно расходится с нашим основным курсом. Хотя я сам телевизор вообще не смотрю. Не стоит ли вам при нашем содействии выступить разок с самокритикой?

Итак, сообщения средств массовой информации по своей сути безответственны и бессмысленны — вот почему выступать с протестом мы не считаем нужным. Мы действительно иногда используем средства массовой информации, но лишь в тактических целях.

Поскольку же мы не собираемся высказывать официальную точку зрения, касающуюся отношений с МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А., то и разговор об этом может носить лишь гипотетический характер. Да, действительно, МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А. всегда с готовностью поддерживает нашу деятельность. Что плохого в том, что мы используем эти деньги для революционной политической борьбы, основанной на научном анализе современного положения? Разумеется, МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А. — подонок из правой международной террористической организации. Вообще-то говоря, он мелкая сошка (смех). Но деньги есть деньги. Каков бы ни был их источник, если они идут на поддержку политической деятельности революционной группы, которая основывается на революционных принципах и опирается на правильный анализ современной обстановки, значит, средства использованы правильно, и это как бы очищает их. Нападать на нас только потому, что наша прогнившая политическая система, основанная на власти капитала, осуждает предоставление нам средств

МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А., — значит ставить все с ног на голову и с фактической и с логической точек зрения.

Даже если МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А. одновременно снабжает средствами контрреволюционную бандитскую группировку, нас это совершенно не интересует. Было бы too much[1] *требовать от МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А., чтобы он не субсидировал ни одну партию или группу помимо нашей. Действительно, разве МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А. не главная фигура в этой прогнившей, основанной на власти капитала системе? Как я уже отмечал, он подонок из правой международной террористической организации. А можно ли ждать от такого человека революционной логики?*

О. Я хотела бы знать, что думает руководство революционной группы о революционной логике.

ЛИ. Применять эту логику произвольно, по собственному желанию, нельзя. Но подобные разговоры, носящие гипотетический характер, представляют собой бесконечное повторение одного и того же, они нерациональны, поэтому оставим их и подведем итог: будь то МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А., будь то любой другой, если мы получаем от них средства, то используем их, основываясь на революционных принципах в полном соответствии с научным анализом современной обстановки.

О. После того как в печать просочились слухи о том, что контрреволюционная бандитская группировка получает денежную помощь от МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А., ее члены или просто сторонники совершили на него покушение. Что вы об этом думаете? Если бы действительно возникла необходимость расправиться с МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А., то революционная группа непременно должна была опередить их — вот почему средства массовой информации и стали утверждать, что именно вы запятнали себя получением материальной помощи от МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.

ЛИ. По-моему, я вам уже доказал, что нам не было никакого резона совершать покушение на МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А. Какой смысл вопреки логике без конца задавать одни и те же вопросы? Подонок из контрреволюционной террористической организации нашей страны совершил покушение на подонка из правой международной террористической организации, причем убить его не удалось и покушавшемуся пришлось бежать, бросив оружие. Оставим этот печальный фарс на совести террористов. Стоит подумать лишь о мотивах покушения. Контрреволюционная бандитская группировка перестала получать денежную помощь от МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А., разочаровавшегося в ней, и от отчаяния решилась на покушение. Наша революционная разведка подтвердила это. В печатном органе нашей группы мы поместили подробный комментарий.

Во время беседы будущую киносценаристку переполняли стыд за этого деятеля из руководства и злость на себя оттого, что она не могла побороть этот раздражавший ее стыд, поэтому злость ее все росла. Ее тридцатилетний собеседник наслаждался собственным красноречием, что вполне характеризовало его умственные способности, не замечая при этом, как изменилось отношение к нему Ооно. А усердие, с которым я вел запись, только распаляло его красноречие. Смех! Но было видно, что его несколько стесняет присутствие двух молодых ребят, которые, аккуратно доев свои сладкие булочки, внимательно прислушивались, опустив головы, к рассуждениям одного из своих лидеров.

О. Поскольку я участвую в движении за возвращение ядерной энергии в руки народа, то отнюдь не выступаю против того, чтобы революционная группа создала атомную бомбу. Но то, что деньги на производство бомбы поступают от МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А., а в обмен на это его информируют о ходе производства бомбы, беспокоит меня. Не получится ли, что в последний момент революционная группа, обладающая атомной бомбой, будет использована МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А. в своих целях?

ЛИ. Я не уполномочен высказываться о нашей стратегии и тактике в вопросе о ядерном оружии. Могу лишь сказать, что на любом этапе нашей деятельности нас не сможет использовать подонок из правой международной террористической организации. Кто из нас — мы или он — исходит из революционных принципов и действует в соответствии с научным анализом современной обстановки? Разве это сразу не ясно?

[1] Too much — чересчур (*англ.*).

О. Я хочу задать еще один вопрос. Что произойдет, если контрреволюционная бандитская группировка завершит создание атомной бомбы раньше, чем революционная группа?

ЛИ. Мы не фашисты и никогда никому не угрожаем, но должен вам заметить, что ваши сомнения оскорбительны. Я хочу рассказать вам правдивую историю, хотя она и может показаться выдумкой. Контрреволюционная бандитская группировка обычно не вырабатывает стратегии и тактики. Поэтому довести начатое дело до конца она не в состоянии. Лет десять назад эта группировка сколотила и вооружила ружьями так называемый Корпус лососей — довольно странное, я бы даже сказал смешное формирование. В то время она уже получала материальную помощь от МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А. Корпус лососей бродил по горам в районе Тохоку, именуя это Великим походом. Не дурацкая ли затея? Члены его начали погибать от случайных взрывов, дезертировать, тогда стали казнить тех, кто пытался бежать, а оставшиеся со временем постарели и уже непригодны как бойцы. Из-за большой влажности ружья тоже вышли из строя, и Корпус лососей распался, так ни разу и не завязав бой с властями. Такой бессмысленный окольный путь, избранный контрреволюционной группировкой, не для нас. Мы, исходя из принципов, основывающихся на научном анализе обстановки, ни в коем случае не допустим промаха ни в стратегии, ни в тактике. Почему же мы уступим первенство?

Соблюдая договоренность будущей киносценаристки с противной стороной, я ни разу не вмешался в беседу, но, когда был упомянут *Корпус лососей*, так разозлился, что у меня даже в глазах потемнело (не различая букв, я все равно продолжал делать заметки, ха-ха).

— *Корпус лососей* долгое время не могли захватить ни полиция, ни силы самообороны, — сказал я, — поэтому я не верю, что он распался. Члены его, конечно, постарели, но они регулярно тренируются, преисполненные надежды, что когда-нибудь они перейдут к активным действиям. Да и постарели они самое большее на десять лет.

— Наше соглашение нарушено, и я прекращаю беседу. *А ТЫ, СОПЛЯК, ЧЕГО РАЗОРАЛСЯ?* — угрожающе повернулся ко мне *ЛИДЕР*, но его вытаращенные глаза за темными стеклами очков не испугали меня.

Двое молодых ребят в рабочей одежде тут же встали справа и слева от своего *ЛИДЕРА* и, запустив руку за борт пиджака, в упор уставились на меня горящими злобой, но в то же время совершенно ледяными глазами. Сердце у меня сжалось, и я уже собрался было последовать за Ооно, которая, широко шагая, удалялась из закусочной.

Но тут *ЛИДЕР* в темных очках откинулся назад и, заложив ногу на ногу, сказал:

— Заплати-ка за всех! Гонорар за интервью — три тысячи иен!

Я не понял, серьезно ли он говорит или издевается, но положил на стол сдачу, полученную в корейском ресторане. После этого вышел на улицу, где уже сгущались сумерки. Открывшийся моим глазам пейзаж показался мне странным. Я заметил, что на улице, вдоль которой выстроились жилые дома, мастерские и та самая *база*, на улице, где не видно ни одной собаки, хотя вся она была загажена, сверкало множество глаз. Даже мостовая приняла совсем иной вид, казалось, мышцы вот-вот вздыбят кожу огромного осьминога и по ней пробежит цветная волна. Это могло произойти в любую минуту. Меня охватило чувство, будто мое внутреннее *превращение* стремительно прогрессирует; страх, что прямо сейчас, на этой улице я превращусь в ребенка, был осязаемым — ведь, случись такое, это было бы моим концом. По мягкой, вздыбившейся мостовой, чуть наклонившись вперед, шла Ооно. И не широким шагом, с обычным для нее гордым видом, а понуро, точно девушка с разбитым сердцем. Я наблюдал за этой женщиной, физически и духовно вернувшейся к тем временам, когда ее, ученицу колледжа, подвергли унизительной пытке.

2

ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР доложил, что они со *СПРАВЕДЛИВЦЕМ* обнаружили следовавшую за нами н а ш у п о л и ц и ю, но будущая киносценаристка пропустила его слова мимо ушей. Она настолько была похожа на девушку с разбитым сердцем, что даже *СПРАВЕДЛИВЕЦ*, крайне интересовавшийся позицией руководства в отношении ядерных дел, сморщив свои толстые губы, лишь молча смотрел на профиль Ооно, ни о чем не расспрашивая ее. Наблюдая за выражением их лиц, я задавал себе вопрос,

через какие же испытания должен был пройти этот начинающий стареть математик, чтобы проникнуться таким состраданием?

Однако Ооно потребовалась совсем недолгая передышка, вскоре она пришла в себя. Первым делом она вывела машину на скоростную автостраду, чтобы перейти к следующему этапу намеченного ею плана, и только после этого заговорила о состоявшейся беседе. Через какое множество испытаний пришлось пройти и этой женщине, чтобы проникнуться духом беззаветного гражданского служения?

— ...Неужели этот тип принадлежит к высшему руководству революционной группы? А может, и нет? Я был лучшего мнения о студентах и лидерах, вышедших из студенческой среды. Мне приходилось встречаться с молодыми руководителями, людьми действительно достойными.

— Разумеется, он не принадлежит к высшему руководству. Хотя и входит в секретариат. Я его видела лишь однажды, когда он принимал участие в съезде профсоюза киноработников и выступал там от имени деятелей культуры. Насколько мне известно, настоящие руководители совсем не такие, как он. Они деятели с размахом, надежные, с острым умом. Они естественно влились в революционное движение и так же естественно ведут его — вот что их отличает, вот чем они замечательны. И эти молодые люди, сражаясь с контрреволюционными бандитскими группировками и властями, погибают, превращаются в калек.

Ооно замолчала, будто испытывая невыразимую горечь и печаль. У нее был такой вид, точно она, вспоминая недавнюю, столь безуспешную беседу, обдумывает новый план действий. «Фольксваген», казалось, непосредственно связанный зубчатой передачей с движением ее мысли, то стремительно рвался вперед, то резко тормозил — внутри у нас все холодело. Следовавшей за нами машине тоже приходилось нелегко. Но все-таки ей удавалось не отставать от нас, что говорило о высоком водительском мастерстве наших полицейских, ха-ха.

Мы молчали, машина мчалась вперед, и вдруг *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* прыснул:

— Пс-с... — При этом даже шея у него побагровела.

Мы со *СПРАВЕДЛИВЦЕМ* удивленно уставились на него. Ооно с невозмутимым видом смотрела прямо перед собой. Вращая глазами, спрятанными за толстыми стеклами, на которых проступали расходящиеся, как в водовороте, круги, *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* пытался унять приступ смеха, и это, видимо, доставляло ему невыносимые страдания — опустив голову, он тыльной стороной ладони утирал слезы, бежавшие по обеим сторонам его крупного носа, и слюну.

— Устал, наверно! — заступился за него *СПРАВЕДЛИВЕЦ*, обращаясь к Ооно, сидевшей с ледяным выражением лица.

Когда мы, приближаясь к месту назначения, съехали со скоростной автострады, Ооно, что-то молча обдумывавшая, предложила изменить тактику:

— Я вынуждена была слушать софистику этого бюрократишки, лишенную элементарной логики... Но все-таки я хочу еще кое-что разузнать — может быть, стоит поехать на одно из собраний руководства враждебной группы? Собрания, на которых будет сообщено о покушении на *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.*, должны состояться и в университетах, где влияние этой группы велико, — даже афиши уже расклеены. Поехали туда. Если мы им скажем, что *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* прячет храбреца, совершившего покушение на *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.*, от разговора с нами им не отвертеться.

— Я согласен, у нас появится шанс взять реванш за то безобразие на митинге,— с воодушевлением сказал *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*. Но поскольку и он тоже был практиком, то, разумеется, призвал удвоить внимание. — Я хочу напомнить, что надеяться на следующую за нами нашу полицию, когда мы проникнем на территорию университета, не приходится... Не исключено, что участники недавнего побоища, увидев Ооно-сан и *СПРАВЕДЛИВЦА*, обойдутся с нами как со шпионами.

— Они вполне могут нас избить — в отместку за то, что тогда получили. — Говоря это, *СПРАВЕДЛИВЕЦ* взглянул на меня и Ооно — может быть, он опасался, что его необычный способ ведения боевых действий не остался незамеченным, ха-ха.

— Я войду первым на территорию университета и установлю контакт с комитетом по проведению собрания. На митингах и собраниях, проводимых любой из групп, я всегда появляюсь в качестве *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА*, поэтому меня они не выгонят. В худшем случае обойдутся со мной как в прошлый раз. А если ко мне

выйдут те, кто знает, что Мори действительно находится в фехтовальном зале «Реабилитация», вы сможете беспрепятственно въехать на территорию университета, и все будет в порядке.

— В таком случае поехали в университет Отя-но-мидзу.

— Нужно как можно быстрее въехать на территорию университета, чтобы преследователи не успели нас задержать. Если мы проникнем туда на машине, наша полиция последовать за нами не сможет. Но если она догадается, что мы хотим оторваться от нее, она, возможно, перейдет к насильственным действиям.

На перекрестке Суругадай наша машина замигала сигналом поворота, собираясь направиться к станции Отя-но-мидзу, и в ту же секунду нас вдруг стала обгонять, откровенно игнорируя правила уличного движения, грязная малолитражка! Это на ней утром приезжали ко мне домой двое полицейских, демонстрировавших две тактики — мягкость и твердость, — машину ловко вел *УМИРОТВОРИТЕЛЬ*. На заднем сиденье устроилась моя жена, бывшая жена, которая смотрела на меня во все глаза!

Что я увидел? Лишь то, что моя жена, бывшая жена, с таким видом, будто сомневается, действительно ли это ее муж, что-то упорно втолковывает своим спутникам. Когда Ооно резко свернула в сторону, чтобы избежать столкновения с обгонявшей нас машиной, и нажала на тормоз, нас стукнуло сразу несколько машин.

— Не нужно поворачивать, едем прямо, может, удастся ускользнуть?! — закричал я, но на забитом машинами перекрестке под трель полицейского свистка изменить направление было уже невозможно.

— Тут повсюду моторизованная полиция, вон стоят три полицейские машины. Разве у них под носом нарушишь правила? — крикнула в ответ Ооно. Неужели она думает, что моторизованная полиция обратит внимание на нарушение правил уличного движения, если нашу машину занесло?

— Собрания, на которых предполагается сообщить о покушении на *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.*, видимо, будут проводиться очень широко,— сказал *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*, а я тут же сообщил:

— В той машине ехала моя жена вместе с преследующими нас полицейскими.

Через некоторое время Ооно, слушавшая меня с рассеянным видом, вдруг усмотрела в моих словах особый смысл. По ее мнению, после тех угроз жены, бывшей жены, которые последовали несколько дней назад, события приняли неблагоприятный оборот.

— Что же она теперь собирается делать?

— Жена вне себя от нашего *превращения* и будет как безумная убеждать всех, что я есть я; тогда меня заберет полиция. А в присутствии жены говорить то, что я сказал полицейским у себя дома — будто я студент, ее родственник,— бессмысленно. Сейчас я действительно выгляжу восемнадцатилетним юнцом, но жена, мне кажется, все равно будет истошно вопить, мол, это я, и никто другой. Она решит, что я просто загримировался, и попытается содрать грим с моего лица!..

Не успел я договорить, как мы увидели слева от себя цепь полицейских, полукругом растянувшихся на некотором отдалении от университетских ворот. Прижавшись к самому тротуару, наша машина медленно двигалась вперед, полицейские были уже совсем близко.

— Даже если мы прорвем цепь у моста, нас все равно задержат.— Будущая киносценаристка отказалась от мысли проникнуть в университет на машине.

Тогда *СПРАВЕДЛИВЕЦ*, который сидел затаив дыхание, вдруг предложил:

— Остановим машину у самых ворот, и я выступлю с протестом перед студентами, распространяющими листовки! Они сорвали митинг против строительства атомных электростанций, и мой протест сочтут противозаконным! Начнется свалка, и тут подоспеет моторизованная полиция. А вы воспользуетесь этим и проникните в университет...

— Мы сделаем это вместе! Одному *СПРАВЕДЛИВЦУ* устроить потасовку не под силу.

— Нет, нет, я пойду один. У меня есть основания заявить протест в связи со срывом митинга. Что же получится, если такой человек, как вы, выступающий в качестве арбитра, ратующего за ненасильственные действия, без всяких оснований применит насилие? Как можете вы, *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*, всерьез предлагать такое?!

Я безмолвно наблюдал за *СПРАВЕДЛИВЦЕМ* — он вынул изо рта вставную челюсть и спрятал в карман куртки; машина остановилась, и, пока *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* выходил из нее и опускал спинку сиденья, *СПРАВЕДЛИВЕЦ*, шамкая морщинистым

ртом, смотрел на меня каким-то далеким взглядом, идущим, казалось, из глубины черепной коробки. Потом повернулся к Ооно и улыбнулся ей — не то наивно, не то смущенно. Затем *СПРАВЕДЛИВЕЦ* присел, нагнув голову, и выскочил из машины. Я, не двигаясь, смотрел ему вслед, и *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* поторопил меня:

— Хотите, чтобы супруга схватила вас?

Я понял, что мешкать нельзя, и, весь напрягшись, тоже выскочил из машины. За воротами шириной метров десять, в глубине двора, наискосок направо находилось здание. Двери были широко распахнуты. Там расположились юнцы в касках, нижняя часть лица у них была замотана полотенцем. Они разом обернулись в нашу сторону — видимо, *СПРАВЕДЛИВЕЦ* уже что-то крикнул и, продолжая кричать, остановился напротив них, а потом стал прыгать, размахивая руками. Первым побежал *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*. Я — за ним. Подбежав к воротам, мы ухватились за столб и, развернувшись, понеслись к левой арке. Следившие за нами двое полицейских и жена, б ы в ш а я жена, привлеченные криками *СПРАВЕДЛИВЦА*, направились в его сторону и подошли вплотную к нему. А мы влетели на территорию университета. При этом у нас было такое чувство, будто, убегая и бросив на произвол судьбы *СПРАВЕДЛИВЦА*, мы совершаем непростительное предательство. Ведь он подпрыгивал потому, что разгадавшие его замысел студенты, которые охраняли вход в университет, тут же подлетели к нему и стали тыкать ему в бока железными трубами! Но я бежал изо всех сил, не отставая от *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА*. Меня гнало вперед выражение глаз жены, б ы в ш е й жены, которые будто говорили, что во мне она видит нечто удивительное, отвратительное и вместе с тем комичное; жены, которая вместе с «твердым» и «мягким» полицейскими пыталась преградить мне путь. Весь ее облик был каким-то диковатым: на ней была черная кофта и яркая юбка; она недвусмысленно давала понять, что решила начать новую жизнь, ха-ха.

Я вбежал во внутренний двор и намеревался миновать безучастно, казалось, наблюдавших за мной студентов, но тут меня схватили, я упал и завопил от боли. Мой вопль был вызван ударом, в котором материализовался взгляд моей жены, б ы в ш е й жены, ха-ха. *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* тоже получил жестокий удар и рухнул рядом со мной на выложенную камнем дорожку — его лицо, которое он, лежа, повернул ко мне, выражало лишь удивление — почему я кричу? Но я мог наблюдать за ним только мгновение — верзила, поваливший меня, начал бить меня ногами по голове, животу, даже в пах попытался пнуть. К нему присоединились его приятели, студенты в шлемах с замотанными полотенцами лицами, они стали методично истязать меня, а я вопил изо всех сил, призывая на помощь жену, б ы в ш у ю жену,— единственного человека, кто мог спасти меня, ха-ха.

3

Попав в плен, мы с *ДОБРОВОЛЬНЫМ АРБИТРОМ* были препровождены в комнату, которую законно или незаконно занимал факультетский комитет самоуправления. Мои глаза, кажется, не пострадали, и, хотя в них все еще мелькали темные и светлые пятна, мне открылась удивительная картина: не только все четыре стены, но даже пол и потолок комнаты были исписаны иероглифами. Прежде чем продолжать свой рассказ, я хочу по порядку изложить, что я испытал, когда меня брали в плен.

1. Я лежал, скрючившись на вымощенной камнем дорожке во внутреннем дворе, и меня пинали ногами, причем спортивные ботинки с твердыми носками целились мне в висок, подложечку, в пах — то есть именно в такие места, куда старались не попасть в драках даже самые отъявленные хулиганы в пору моей первой молодости. Я вынужден был отчаянно защищаться, но все равно отчетливо помню, как жестоко они меня избивали. Когда я вновь вспоминаю об этом, мне кажется, что это было повторение кадров документального фильма о войне во Вьетнаме. Есть ученые, которые бесстрастно оценивали физическое насилие как средство передачи информации, но, даже если серьезно утверждать такую чепуху, все равно, естественно ли — пусть и в наш век массовой информации — появление таких модных видов насилия? Это были кадры о том, как солдаты войск южновьетнамского правительства пинали тяжелыми военными башмаками схваченных солдат Фронта освобождения, и сидевшие на полу пленные, со связанными за спиной руками, скрестив ноги, пытались коленями защитить живот и бока, но их колени старательно отводили в сторону и били ногами именно в эти места. Крупным планом показывались лица истязуемых, понимающих, что негодовать и ругаться бессмысленно, не имеющих сил молить о пощаде, единственное, что было

написано на этих лицах,— отвращение к страданиям, которым их подвергают. Я думаю, у меня было такое же выражение лица, когда, валяясь на вымощенной камнем дорожке, я пытался защититься от ударов. Если тот, кто совершает насилие, оказался жертвой моды нашего века — моды на жестокость, то, наверно, и тот, кто подвергается этому насилию, тоже жертва моды? Я подумал об этом, потому что, когда лежал лицом в пыли на вымощенной камнем дорожке, в мое поле зрения попал *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*, которого окружили несколько человек и пинали ногами,— у него было точно такое же выражение, хотя ему бы уже следовало более или менее привыкнуть к подобным передрягам.

2. Пока нас с *ДОБРОВОЛЬНЫМ АРБИТРОМ* вели после того, как, повалив на вымощенную камнем дорожку, основательно избили, я постепенно успокоился, словно происходящее было всего лишь дурным сном,— такое ощущение возникло у меня при виде студентов, безучастно наблюдавших за нами. Они сновали у входа в здание, окружавшее внутренний двор, останавливались порой, чтобы перебросится несколькими словами, и не проявляли ни малейшего интереса к тому, что делали со мной и *ДОБРОВОЛЬНЫМ АРБИТРОМ*. Все это зафиксировалось в моей зрительной памяти. Может быть, потому, что, когда я валялся на вымощенной камнем дорожке, активно владеть я мог только зрением и мое сознание следовало за ним. Все это вспоминается сейчас как кадр из фильма Кокто. Или, возможно, из другого фильма, сценарий к которому написал Сартр? Во всяком случае, фильма того времени. Точно умершего мчат на адском мотоцикле. И во всем этом не было даже намека на нравственность. Если уж говорить о нравственности, то эта раскрашенная во все цвета радуги нравственность студентов, безучастно наблюдавших за происходящим, должна восприниматься как нечто прекрасное. Потому что в сравнении с этим многоцветным миром мой мир и мир нападавших на меня монохромен. Мне стало страшно: ведь, с точки зрения тех, кто обитает в этом многоцветном мире, мы *люди-невидимки*, и, уверенные в том, что нас увидеть все равно невозможно, они сохраняли спокойствие, даже когда буквально на их глазах зверствовали негодяи, пинавшие беззащитных людей ногами в пах.

Итак, нас с *ДОБРОВОЛЬНЫМ АРБИТРОМ* привели в комнату, сплошь исписанную иероглифами. Хорошо еще, что мне, восемнадцатилетнему, не отбили внутренности, ха-ха. В комнате, где шпингалеты на окнах были закручены проволокой, стекла прикрыты досками и щели заделаны клейкой упаковочной лентой, в глубине, напротив двери, стояло два деревянных стула, на которые нас и усадили. Когда им удалось устроить такую почти что тюремную камеру? Если эта комната предназначена для повседневных допросов, то есть от чего прийти в уныние. Сопя распухшими носами, мы уселись рядом, а студенты, пришедшие поглазеть на пленных, расположились у нас за спиной. Неожиданно штук двадцать — тридцать железных труб, прислоненных к стене, упало на пол. Я услышал, как мы с *ДОБРОВОЛЬНЫМ АРБИТРОМ* одновременно вскрикнули: «Ой!» Я услышал это собственными ушами, из которых сочилась кровь. В Италии эпохи Возрождения существовала *пытка, когда жертву мучили тем, что демонстрировали ей орудия экзекуции*. Неужели металлические трубы служили той же цели? Я пытался сдержать возглас «ой!», но у меня не хватило на это душевных сил.

Фактически, после того как нас взяли в плен, с нами обращались не так уж грубо. Во всяком случае, к нам не применили излюбленной пытки, когда железными трубами наносят множество коротких ударов, отбивая внутренности, но не повреждая при этом кожу. Дело в том, что мы превратились из обычных пленных в весьма необычные личности. Это произошло благодаря словам *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА*, который, сохраняя железное самообладание, произнес их в тот момент, когда его, повалив на землю, начали избивать ногами. Все-таки он молодец — его бьют ногами в живот, в пах, а может быть, и в висок, а он улучил момент и сообщил, что я родственник того, кто совершил покушение на *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.*, а самого героя прячет он, *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*. Вот почему, хотя студенты, ждавшие, что произойдет дальше, и рассматривали нас с *ДОБРОВОЛЬНЫМ АРБИТРОМ* как пленных, мы в то же время были для них и потенциальными гостями на торжественном собрании, посвященном полугибели *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.*

Молча наблюдавшие за нами студенты были похожи не на активистов революционной группы, а на обыкновенных детей, пассивно ожидающих развития событий. Когда перед тобой тридцать детишек, разве отличишь одного от другого? Если эти

детишки не наши дети, ха-ха. Вот так было и теперь. Тем более что все они в одинаковых касках, а лица замотаны полотенцами, так что видны лишь глаза и нос,— как я мог узнать тех, кто бил меня ногами? Хотя все то время, пока меня швыряли и избивали, пока я увертывался от ударов, я все время думал о мести. Я испытывал жгучую ненависть — пусть то, что делал каждый из них, он делал как член организации, но насилие-то реализовалось именно индивидом, и этому индивиду я должен был вернуть насилие, но не представлял себе, когда и как мне удастся это сделать. К тупой боли, которая пронизывала все мое тело, теперь примешалась и ненависть.

Сообщив то, что он хотел сообщить, *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* умолк, всем своим видом показывая, что от него не добьются ни слова до тех пор, пока сказанное им не будет передано руководству и оно даст ответ. Словом, как ни били его ногами, то, что он должен был сказать, он сказал, и все. Я взглянул на *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА* новыми глазами. Губы у меня были разбиты и опухли, и мне тоже не хотелось говорить. Молчали и наблюдавшие за нами студенты, но все они, начиная с тех, которые считали нас шпионами и стояли за продолжение самосуда, и кончая теми, которые хотели приветствовать нас как людей, имеющих отношение к храбрецу,— все ждали грандиозного шоу. Они молчали, по-детски разглядывая нас, но внутренне были удовлетворены.

Разумеется, я не могу сказать, что они вовсе не направляли нам своих посланий. Направляли непроизвольно, своей вонью, ха-ха. Страшной вонью, которая плыла поздним вечером в холодном предвесеннем воздухе огромного здания. Беспрерывно и горячо к чему-то стремясь, они постоянно спешат и даже не имеют времени помыть свое дурно пахнущее тело, восхищался я ими.

Член руководства, который вошел в комнату, растолкав своих товарищей, явно спасовал перед повисшей в воздухе вонью, что он и продемонстрировал с завидной прямотой. Это был толстоватый, среднего роста человек в скромном пиджаке, конечно без шлема и без повязки на лице — точная копия того партийного бюрократишки. Расположившись передо мной и *ДОБРОВОЛЬНЫМ АРБИТРОМ*, он снял очки и стал протирать их, с задумчивым видом насупив брови. Потом медленно повернулся к *ДОБРОВОЛЬНОМУ АРБИТРУ* и сказал ему низким хриплым голосом:

— Я вас знаю. А вот этот молодой человек, кто он вам, ученик?.. Может, прямо у него и спросить?.. Что ты за человек? Ты кто? Кем ты приходишься нашему бойцу?

Юнцы, до сих пор молча стоявшие у нас за спиной (даже когда они пинали нас ногами, ни один из них не издал ни звука), завопили: «НУ?» — в голосе был затаен замысловатый юмор. Воспользовавшись их дурацким, неуместным смехом, я определил линию поведения. Я решил убедить их, что являюсь отцом Мори, *превратившийся* Мори — мой единомышленник, а я, как человек, тоже переживший *превращение*, сотрудничаю с ним в начатом им деле. Я опасался, что если не смогу доказать даже этому бюрократишке, что наше *превращение* — факт, и попытаюсь спасти свою репутацию, назвавшись двоюродным братом Мори, то мы не сможем выполнить миссию, возложенную на нас, двоих *превратившихся*. Мне было невыгодно, чтобы *превратившегося* Мори они называли своим бойцом.

— Я считаю несправедливым, что вы называете его наш боец. Неужели вы не знаете даже имени того, кто совершил нападение на *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.*? Его зовут Мори. Теперь я могу назвать и себя — отец Мори. Я полностью полагаюсь на него, и я действительно отец Мори.

— То, что он назвал себя отцом, понимайте в переносном смысле,— вмешался сидевший рядом со мной *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*; он говорил, неловко шлепая вспухшими губами. Ну что за человек — действительно прирожденный посредник.

— Никакого переносного смысла в моих словах не содержится,— нелюбезно оборвал я его.— На нынешнем этапе нашей с Мори жизни мы не можем позволить себе употреблять слова, имеющие переносный смысл. Мы находимся на этапе после *превращения!* Это новое слово *превращение* понимайте как слово, пророчащее будущее человечества, оно вскоре обойдет весь земной шар! Если вы люди, способные думать о революции, то обратите внимание на это слово... Известно ли вам, что человеку, совершившему покушение на *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.*, двадцать восемь лет?

— Что за чушь он несет,— растерялся допрашивавший меня бюрократишка и, позволив юнцам, стоявшим за моей спиной, снова прокричать издевательское *«НУ!»*,

продолжал: — ...Сразу же после удачного покушения на *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* мы получили донесение об успехе операции.

— В таком случае вам, наверно, должно быть также известно, что ему двадцать восемь лет? Это Мори. А я, восемнадцатилетний, отец Мори! Конструктивная беседа между нами возможна только после того, как вы осознаете факт *превращения!*

— Конструктивная беседа — это ладно. Я спрашиваю о другом — кто ты?! Кто ты? Я могу спросить и иным способом, но, по-моему, тебя уже достаточно били ногами, а? Поступай ризонабли [1]. Кто ты?

Этот чертов бюрократишка не столько спрашивал меня, сколько подстрекал солдат у меня за спиной. Послушных солдат, насмешливо кричавших *«НУ!»* каждый раз, когда он замолкал.

— Я вам уже сказал — отец Мори. А тот, кто вместе со студенткой — кажется, она из вашей группы — совершил покушение на *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.*,— мой сын Мори. Мне кажется, я с самого начала пытался поступать ризонабли.

— Я туповат и поэтому хочу уточнить основные цифры. Вам восемнадцать лет, а вашему сыну двадцать восемь? Следовательно, вы родились, когда ему было десять лет, каким же образом вам удалось родиться? Из грыжи, которую вырезали сыну?

В этой мысли я неожиданно уловил нечто, позволяющее мне счастливо использовать его непонимание. Поняв, что допрашивающий меня толстоватый, среднего роста бюрократишка не так заурядеи и туп, каким пытался казаться, я ждал, пока утихомирятся его солдаты, неистово вопившие *«НУ!»*.

— Раньше мне было тридцать восемь лет, и я был отцом восьмилетнего Мори. Если вы хотите уточнить основные цифры, исходите из этого. Потом произошло мое и Мори *превращение*, я помолодел на двадцать лет, а Мори на двадцать лет повзрослел. Простая арифметика.

— Революционеры выступают против любой дискриминации, потому и только что употребленное вами слово я не стану использовать против вас. Вы сказали «эпилепсия»? [2]. Это из-за нее у вас с головой не все в порядке? Мы, революционеры, не дискриминируем даже душевнобольных...

— Ты спутал эти слова вполне сознательно, так что твои действия и есть дискриминация. У меня тоже достаточно опыта по этой части. То, что я объясняю, предельно просто. Если есть желание меня понять! Мори пошел выполнять задуманное дело вместе со студенткой из вашей группы. Но дело это совершалось лишь во имя осуществления миссии, возложенной на него *превращением*, а вовсе не для того, чтобы показать разницу между вашей группой и враждебной вам группировкой. Мори не ваш боец!.. Вы, кажется, уже пытались разобраться, что представляет собой *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.*? Вы даже устраиваете собрание в честь человека, совершившего на него покушение, но и это ничего не изменило — ваши представления о *МОГУЩЕСТВЕННОМ ГОСПОДИНЕ А.* остались весьма туманными, верно? Кем является для вас *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.*? Почему на него нужно было совершать покушение? Если такая необходимость существовала, почему вы *не сделали этого до Мори?*

Говоря это, я смотрел в глаза допрашивающего меня бюрократишки — не зря говорят, если хочешь силой духа удержать собаку от нападения, не отводи от нее глаз, ха-ха. Вокруг его толстого носика появились красные пятна, темные очки как бы зеркально отражали мой взгляд, на лице разлилось холодное безразличие. Безразличие к тем мукам, которые я вскоре должен был испытать. А тут стоявшие у него за спиной юнцы, обессилевшие уже от смеха, теперь проникпись ко мне еще большей враждебностью, беззастенчиво источая ужасную вонь. В любую минуту они могли подскочить к своим металлическим трубам и устроить мне сотню внутренних кровоизлияний. И тут *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* ловко взялся за свое ремесло.

— Не провоцируйте отца Мори, перестаньте подстрекать молодых ребят. Отец Мори действительно родственник покушавшегося на *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* Если он вбил себе что-то в голову — пускай себе. Раз он с такой начинкой в голове полезен для движения... Отец Мори полезен. Предположим, вам удастся, обманув бдительность властей, доставить в университет Мори, тогда заявление, которое

---

[1] Reasonably — благоразумно (*англ.*).

[2] По-японски «превращение» и «эпилепсия» звучат одинаково, но пишутся разными иероглифами.

он сделает на собрании, будет переводить отец Мори. Он единственный человек, который может это сделать!

— Боец Мори уже прибыл в университет,— как о чем-то ничего не значащем сказал допрашивающий меня бюрократишка.— Из-за раны на голове говорить ему действительно трудно, и во время выступления он нуждается в помощнике... Боец Мори, преодолев все трудности, выполнил свой долг, но он и в самом деле неразговорчив.

— *СОГЛАСНЫ!* — завопил безумный хор, и доски, которыми были забиты окна, задребезжали! Юнцы, которые орали все это время грубыми, хриплыми голосами и, утомившись, стояли теперь с растерянными лицами, показались мне отвратительными подонками! Потом... безрассудство восемнадцатилетнего... Не сдерживая яростного возмущения бюрократишкой, который пытался, используя Мори, привлечь на свою сторону молодежь, я очертя голову бросился на него с кулаками! И при этом кричал пронзительным голосом:

— *ВЕРНИТЕ МОЕГО МОРИ! Не смейте называть Мори НАШ БОЕЦ! ВЕРНИТЕ МОРИ!*

Но успел ли я все это прокричать? Голова, в которую целились мои кулаки, неожиданно нырнула вниз, вместо нее возникли две совершенно одинаковые заводные куклы, которые отбросили меня назад! Я стукнулся затылком о доски, которыми были забиты окна, и упал на пол, подтвердив этим эффективность удара. Сознания я не потерял, но боль ощутил сполна и сделал вид, что лишился чувств. Источником энергии, питавшим насилие этих солдат, было нечто огромное, не поддающееся измерению, как в том фильме о боях в дельте Меконга, оно выплескивалось наружу в отвратительном выражении их искаженных ненавистью лиц, и это нечто полностью исключало всякое сопротивление.

4

Некоторое время я притворялся, что нахожусь без памяти... Для других это выглядело так, как если бы я действительно лишился чувств, ха-ха. Меня постарались привести в себя, но такими методами, перед которыми бледнеют слова «жестокий» или «принудительный», и заставили снова, уже по-настоящему, лишиться чувств. В конце концов мне удалось избежать смерти от побоев только благодаря изворотливости *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА*. Он оценил обстановку и начал действовать. Прежде всего он добился того, что меня оставили лежать на полу. Далее, как человек, прятавший бойца Мори, он настоял на своем праве увидеться с героем. Наконец все покинули камеру, оставив одного охранника.

Я лежал на полу, налипшая на нем давнишняя и свежая грязь пропиталась кровью, которая струилась из носа и ушей. Я лежал на мятых, перепачканных листовках, пахнувших типографской краской. Усугубляя жестокую физическую боль, меня мучило и нечто иное — страшное предчувствие. В ушах звучала строка из Библии, правда несколько измененная: «Прежде чем пропоет петух, ты трижды отречешься от себя *превратившегося*». Причем «ты» относилось не ко мне, а к Мори. Мной овладел ужас — а вдруг Мори забыл о миссии, ради которой произошло наше *превращение*, переметнувшись в лагерь тех, кто называет его н а ш б о е ц?!

Я полагал, что покушение на *ПАТРОНА*, совершенное Мори, было первым шагом в выполнении возложенной на нас миссии, и решил действовать, чтобы выполнить ее до конца, и вот, избитый до полусмерти, валяюсь теперь здесь. А вдруг это просто театр одного актера и этот актер — я? Может быть, все гораздо проще: в студентке Мори нашел прекрасного партнера для чувственных наслаждений и в благодарность за это, выполняя ее приказ, совершил покушение на *ПАТРОНА*? Это прекрасно сочетается с тем фактом, что после покушения именно студентка доложила о случившемся.

Но тогда его действия противоречат задачам нашего *превращения*, вот и вышло так, что Мори ранен, по его следу гонится полиция, а я мечусь как слепой кутенок. Как знать, не погибнут ли двое *превратившихся*, так и не выполнив миссию, возложенную на них космической волей?

От чудовищной безысходности меня охватил леденящий страх, и я стал медленно терять сознание... Однажды такое уже случилось со мной, на следующий год после рождения Мори. Был нестерпимо жаркий летний день. Помню, я лежал ничком на застеленной кровати, когда жена, б ы в ш а я жена, сообщила мне, что сказал ей

врач о будущем нашего ребенка. Выслушав, я так же, как и сейчас, начал медленно терять сознание. Заметив неладное, жена, б ы в ш а я жена, принялась тормошить меня, но я, весь в поту, не мог пошевелить ни рукой, ни ногой и уж, конечно, не мог повернуться к жене, б ы в ш е й жене, лицом. Я погружался тогда в состояние, подобное смерти, превращаясь в нечто еще более безжизненное, чем труп. И на этот раз нависший во тьме над моей головой страх, рожденный всепоглощающей безысходностью, умертвил меня, и я снова превратился в нечто еще более безжизненное, чем труп.

. . . . . .

Когда я, лежавший как мертвый, собрался с силами и открыл наконец глаза, то увидел склонившуюся над моим лицом — теперь я лежал на спине — забинтованную голову Мори, заплаканного Мори... Из перегревшегося компьютера моего мозга, делавшего отчаянные усилия, чтобы прояснить сознание, поползла сверкающая фиолетовая лента, на которой проступали иероглифы — «Когда я воспринял твою мысль: «Прежде чем пропоет петух, ты трижды отречешься от себя *превратившегося»*, я вышел на улицу и горько заплакал». Неужели этот горький плач Мори означает, что он действительно трижды отрекся от себя *превратившегося?* Прежде чем пропел петух?!

Но вот мое тело и дух сбросили с себя оцепенение смерти: заблокированные нервные каналы, подобно телефонным проводам, снова начали функционировать, и тогда я увидел, как на моем залитом слезами, измученном лице стало появляться нечто очень важное, главное. Оно рассеяло владевшие мною подозрения, растворило неприятный осадок, оставшийся после них в душе. Тело и дух *превратившегося* Мори, привыкнув к новым условиям, обрели покой. Я ощутил всепоглощающее умиротворение, печаль и милосердие — все это воспринималось как призыв к успокоению. Мной овладело такое чувство, будто я еще совсем ребенок, который долго шел по страшной ночной дороге, добрался наконец до дому, и теперь ему хочется прижаться к коленям отца и выплакаться. Я глубоко вздохнул, и первое рыдание вырвалось у меня из груди.

Когда я пришел в себя настолько, что мог наблюдать за происходящим, то осознал, что лежу на столе, а студентка, печально глядя на меня, стирает с моего тела кровь и грязь. Из-за плеча внимательно смотревшего на меня Мори высунул голову *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*, всем своим поведением давая понять, что мы у ж е н е п л е н н ы е.

— *СПРАВЕДЛИВЕЦ* мертв! Убит или погиб в результате несчастного случая, но так или иначе *СПРАВЕДЛИВЕЦ* мертв! — хриплым голосом сообщил он мне...

— *Убит или погиб в результате несчастного случая!* Это же совсем разные вещи! — закричал я в ответ, но горло мое еще не слушалось меня, ибо недавно я был мертв, превратившись в нечто еще более безжизненное, чем труп, и потому я смог издать лишь писк шестилетнего ребенка.

— Но... Как сказать иначе?.. Он сказал, что хочет в туалет, и его вывели в коридор, а он вдруг побежал. *СПРАВЕДЛИВЕЦ* был настоящим смельчаком; хотя годы, проведенные в тюрьме, и подорвали его здоровье, ежегодно он сотни раз организовывал демонстрации против строительства атомных электростанций, и студенты, которые преследовали *СПРАВЕДЛИВЦА*, никак не могли нагнать его. Тут *СПРАВЕДЛИВЦУ* удалось взобраться на бетонную ограду в дальнем конце университетского двора. Яркий луч прожектора высветил его фигуру, и преследователи, которых к этому времени собралось человек пятьдесят, в один голос закричали «*АХ*». Ведь за оградой был обрыв высотой метров в восемьдесят, и внизу проходила электричка. Однако *СПРАВЕДЛИВЕЦ*, которого это «*АХ*» только подстегнуло, оглянувшись назад, перешагнул через колючую проволоку, натянутую над оградой, и, теперь уже сам вскрикнув «*АХ*», исчез...

ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР замолчал и сощурил глаза, скрытые за толстыми стеклами очков, и, сморщив свой торчащий нос, рыдал, издавая похожие на кашель звуки. Тут я понял, что и слезы Мори вызваны смертью *СПРАВЕДЛИВЦА*.

— *Все рухнуло!* — отчаянно завопил я.— *Как воспримут земляки, что их руководитель движения против строительства атомной электростанции на Сикоку упал с ограды в дальнем конце университетского двора и погиб! И все, к чему он стремился, рухнуло! Все рухнуло, все рухнуло!* — Я всхлипнул еще раз-другой, а потом зарыдал уже по-настоящему, издавая какое-то странное кваканье из-за того, что у меня перехватило горло.

— Хватит рыдать! Мы, живые, должны продолжить то, что оставил нам покойный, мы должны собрать воедино все осколки,— с показной бодростью заявила студентка, пытаясь скрыть, что она и сама потрясена смертью *СПРАВЕДЛИВЦА*.

В ответ в моей душе прозвучали невысказанные слова Мори, переданные мне с помощью пальцев правой руки, которыми он дотрагивался до моего бока, когда я лежал с закрытыми глазами. И раньше, до *превращения*, когда Мори мычал что-то нечленораздельное, его пухлые пальчики всегда бегали по моему телу, и исходившие от них магнитные волны позволяли мне понимать его мычание. *Совершенно верно, если все рухнуло — это плохо. Почему плохо? Потому что мы, оставшиеся в живых, охвачены леденящими душу печалью и страхом. А эти леденящие душу печаль и страх несет ветер, который вырывается из преисподней. В одной синтоистской молитве говорится: «Тот, кто пришел к границам Страны мрака, оставив жить в Стране высокого неба ребенка со злым сердцем, тот вернется к леденящим душу печали и страху».*

Думая о людях далеких времен, придумавших эту молитву, понимаешь, что и в ту эпоху, и в том мире были леденящие душу печаль и страх. А ведь мы уже не в той эпохе и не в том мире, когда еще существовало единство нации. Мы ведь живем в такую эпоху и в таком мире, где все аморфно, все рушится. И самое главное сейчас — осознать, что это плохо, когда все рушится. Мы должны стать теми, кто восстановит рухнувшее, воскресит его.

— Отец Мори, вы долго еще будете притворяться мертвым? — сказала студентка, положив на меня вычищенный пиджак.— Контакт с мертвецом невозможен, даже если Мори и дотрагивается до вас.

Она утверждала это, хотя между мной и Мори, прикасавшимся рукой к моему живому телу, только что установилась связь. Приподнявшись и слезая с рабочего стола, я почувствовал тупую боль в затылке, но боль в суставах почти сразу же прошла — вот что значит тело восемнадцатилетнего, ха-ха. Я надел пиджак и вышел в открытую дверь — у стены полутемного коридора, освещенного слабой лампочкой без абажура, жались солдаты. Они казались приклеенными к ней бумажными фигурками. Я удивленно заморгал глазами и только тогда понял, в чем дело. Левое веко вспухло, и я мог видеть только правым глазом, отчего объемность исчезла.

— Ну так что же нам делать? Чего вы от меня хотите?.. Или, может быть, я просто пленный и ничего делать не должен?

— Мори собирается доложить о покушении на *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* и хочет, чтобы вы передавали его мысли!

— Чтобы я взобрался на трибуну и ради этих подонков, которые били и пинали меня, стал выполнять роль посредника, передающего слова Мори? Ничего себе работенка, а?! Ну что ж, я соглашусь на нее, но только при двух условиях. Во-первых, если вы проследите за тем, чтобы моя жена, б ы в ш а я жена, не проникла в зал. Если ее не выставят за дверь, в зале начнется невообразимая свалка. Эта женщина будет выделяться среди вашей аудитории, так что заметить ее нетрудно.

— Это та самая, которая под охраной полиции черт знает что вытворяла у ворот университета? Немедленно свяжусь с организаторами собрания,— сказала студентка и вышла в коридор, давая тем самым понять, что она единственная среди нас, кому разрешено свободно покидать комнату.

— Второе условие? — напомнил *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*.

— Оно касается не передачи мыслей Мори, а моих собственных мыслей. Прежде всего я хочу рассказать о том, каким человеком был убитый вашими молодчиками *СПРАВЕДЛИВЕЦ* — ученый и общественный деятель.

Мои слова вызвали протест *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА*, хотя смерть *СПРАВЕДЛИВЦА* глубоко опечалила его.

— Если начать с этого, то рассказа Мори уже никто слушать не будет. Вместо этого над нами, как я думаю, учинят самосуд... Да и вообще, есть ли необходимость в том, чтобы рассказывать здесь о *СПРАВЕДЛИВЦЕ*? Сможете ли вы убедить этих людей, что он был прекрасным человеком и его не следовало убивать? Да еще на собрании группы, члены которой убили его?.. До сих пор я изо всех сил пытался доказать, что гибель любого общественного деятеля непоправима, и сейчас признаю, что потерпел в этом полное фиаско...

Мог ли неопытный восемнадцатилетний мальчишка сопротивляться? И я поклялся, что последую совету *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА*. Но рыдания, вызванные моими

чувствами к *СПРАВЕДЛИВЦУ*, не прекращались. Погибнув, разбившись насмерть, *СПРАВЕДЛИВЕЦ* взмыл ввысь огромным призрачным змеем! Его идея о нитях — где они находятся, он точно не знал,— тянущихся к императорской семье, идея, на которой он настаивал при жизни, после его превращения в призрачного змея стала предельно ясной. Во имя своей удивительной идеи он отдал жизнь. От этого призрачного змея мне уж никогда не освободиться — я усмотрел в этом еще один знак, наполняющий особым смыслом мое *превращение*, и меня охватила жажда борьбы. Может быть, потому, что гибель *СПРАВЕДЛИВЦА* означала, что все рухнуло, все разбито вдребезги.

Глава IX

Двое ПРЕВРАТИВШИХСЯ анализируют будущее

1

Мое тело, использованное как динамик, усиливало и воспроизводило электромагнитные волны, излучаемые мозгом Мори,— так проходило его выступление в тот вечер. На нас с Мори обрушивался, тяжело надвигаясь, как подземный гул, могучий хор голосов: *СОГЛАСНЫ, ВЗДОР*. Всеми силами противясь ему, Мори беззвучно посылал мне еле ощутимые электромагнитные волны, но все равно настоящим докладчиком, выступление которого следовало зафиксировать, был Мори, а записали его вы, оставшийся в тени писатель-невидимка. Один я, снова терзаясь мучительной болью в суставах, до хрипоты кричал весь тот вечер, совершенно надорвав свои голосовые связки.

Ну ладно, хватит об этом, ведь функции писателя-невидимки изобрел я. Что же касается выступления в тот вечер, то мне захотелось вновь заставить звучать свой голос из жажды самовыражения, свойственной восемнадцатилетнему. Тогда я записал на магнитофоне выступление Мори и теперь посылаю вам кассету. Вы должны воспроизвести ее так же, как делали это раньше.

Писатель-невидимка без всяких изменений записывает прослушанную кассету, которую прислал ему отец Мори. Он лишь выбрасывает неясные по смыслу междометия, повторы, вызванные смущением человека, говорящего в микрофон, исправляет ошибки и оговорки. Во всем этом, возможно, сказалось влияние стилистики писателя-невидимки. И если отцу Мори, стремящемуся до малейших нюансов передать характер выступления, сказать, что требовать идентичности общего стиля записок и стиля выступления, записанного на магнитофон, нельзя, то ответ будет таким: отец Мори до сих пор получал копии записок каждой главы, сделанных писателем-невидимкой, читал их, обсуждал их и, естественно, оказался под влиянием стиля писателя-невидимки. И коль скоро это влияние существовало, оно должно было проявиться и в его собственном выступлении. И обратное: я сам, записывая слова отца Мори, испытал на себе его духовное и физическое влияние.

Воспроизведенный магнитофоном голос действительно принадлежит отцу Мори после *превращения*, это почти что по-детски писклявый голос юнца. Кажется даже, будто голос помолодел гораздо заметнее, чем само тело. Но, возможно, это объясняется неисправностями магнитофона. Однако мог ли такой специалист, как отец Мори, допустить небрежность? А может быть, в его планы входило поразить писателя-невидимку своим писклявым голосом? К тому же этот писклявый голос в записанном на пленку выступлении в разных местах звучит совершенно по-разному.

Мы приветствуем всех самоотверженно сражающихся членов революционной группы. За исключением тех, кто самоотверженно сражается, все человечество, по космическим меркам, не более чем пустая оболочка цикады. Можно ли приветствовать эту мертвую, пустую оболочку? У нас нет желания приветствовать ничто. Мы можем по-настоящему приветствовать только живые существа. Вполне естественно, что воля, обитающая в самых далеких уголках космоса, пожелав послать приветствие, сосредоточилась на вашей планете. Потому что здесь обитают сражающиеся живые существа. Salute! Но мы не можем послать свое приветствие в космос. Потому что мы не можем осознать, что приветствия из космоса исходят от сражающихся живых существ. Как

грустно, когда на истинное приветствие не можешь ответить таким же истинным приветствием!

Мы приветствуем также и всех самоотверженно сражающихся членов враждебной вам группы. Salute! Основания для этого приветствия те же самые.

ВЗДОР? Почему? Если приветствие в адрес вашей группы не вздор, то почему же вы считаете *ВЗДОРОМ* приветствие противостоящей вам группе? Логика, лежащая в основе этого, тождественна. Если приветствие в ваш адрес — вздор, зачем же тогда так болезненно относиться к приветствию в адрес противостоящей вам группировки, ведь оно тоже тогда явилось бы вздором? Тем самым *ВЗДОРОМ*, который вы столь бессмысленно сейчас скандируете! *МИРОТВОРЧЕСКИЙ ВЗДОР ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА?* С критикой политики умиротворения мы согласны. Единственный путь развертывания борьбы — ее обострение! Но в стремлении *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА* к умиротворению есть и ценные моменты. И эти моменты вы должны изучать.

Боритесь! Убивайте друг друга! С помощью самого гуманного с космической точки зрения оружия — дубинками, железными трубами, ломиками! Междоусобная борьба между вами и противостоящей вам группировкой — вот действия, символизирующие истинную революцию. По мере приближения к истинной революции вы будете все решительнее убивать друг друга! Когда будут уничтожены родители, принимайтесь за братьев! Но, может, эффективнее было бы изменить порядок и, прежде чем убивать родителей, уничтожить братьев? С космической точки зрения эффективность такого порядка очевидна. После того как братья истребят братьев, у тех, кто останется в живых, должно хватить сил на то, чтобы пойти и перебить родителей. Какая же это будет революция, если не вы убьете родителей, а родители убьют вас? Если же братья примутся убивать братьев, убитые передадут оставшимся в живых свою революционную волю! Революция — это долг оставшихся в живых перед убитыми!

Чем отличается братоубийство от истребления контрреволюционных бандитов? Чем братоубийство отличается от убийства врагов?

Чем отличается? Я не имею в виду жалкое бюрократическое насилие и убийства, которые еще принято называть *ДОПРОСАМИ* или *ЛИНЧЕВАНИЯМИ*, нередкие и сейчас в ваших группах. Мори говорит об анализе символической модели, определившей из космоса жизнь человечества. Братья, казалось бы, должны, направляясь в будущее человечества, всегда идти почти одним и тем же путем. Но поскольку два брата — это два различных человека, для них бессмысленно избирать абсолютно одинаковый жизненный путь. И если может существовать их единство во имя улучшения модели, оно достижимо только путем разделения на две половины их тела и души и последующего их комбинирования. Пусть врачи и биологи, преодолев реакцию отторжения, успешно проведут такую операцию. Тогда будут жить — каждый сам по себе — брат, состоящий из левой половины первого и правой — второго, и брат, состоящий из правой половины первого и левой — второго. А вдруг они опять захотят вести самостоятельную жизнь, тогда снова начнется братоубийство новообразованных братьев? Иного выхода, видимо, нет. Если они вообще способны выдержать подобную операцию во имя последней революции человечества. Подобные символические действия, прокладывающие человечеству путь в будущее, даже столь наглядные, как братоубийство, увидеть из космоса в большинстве случаев невозможно. Разумеется, если это действия символические, то аналогичные модели должны были существовать и в древности. И действительно, вспомните о двух братьях, сражавшихся как настоящие революционеры: божестве рыбного промысла — Умисатибико и божестве охоты — Ямасатибико. Почему они ненавидели умиротворение, почему портили снасти друг друга? Почему один из них, потеряв в море крючок, был вынужден отправиться во дворец морского царя? Почему морской царь даровал младшему брату силу космического масштаба? Почему старший брат, побежденный силой младшего, обеднев и ожесточившись, попытался напасть на него, но утонул? И потомки этого брата, живущие на юге Кюсю, по сей день исполняют ритуальные танцы, изображая его гибель,— это символические действия, связывающие древность с современностью и будущим!

Для того, чтобы революция, справедливо определенная как братоубийство, стала последней революцией человечества, то есть для того, чтобы революционеры, убившие своих братьев и сумевшие убить в конце концов своих отцов, не оказались в положении убитых, необходимо проанализировать положение во всем космосе. Для нас, землян, время, отведенное на осуществление революции, как и вечное движение, не является бесконечным! У нас не будет времени на новую революцию, которая бы испра-

вила старые ошибки! Прежде развитие шло столь медленно, что можно было ждать, пока ошибки будут исправлены, и уже тогда поднимать революцию на новый этап. Но у вас после вашей революции не будет времени даже на культурную революцию. Для победы революции, которая бы в кратчайший срок могла решить все задачи, ваши идеи должны перерасти в идею всемирной революции. Вы должны обратить взор к идее всекосмической революции! Благодаря космической воле мы совершили превращение и поэтому убеждены: наш долг — говорить об идее всекосмической революции!

Вдумайтесь, вам никогда не приходилось сталкиваться с явлением, способным подтолкнуть ваше тело и душу в сторону космоса? Например, когда американцы с космического корабля ступили на поверхность Луны? Не посетило ли вас безумное предчувствие, когда Никсон, столь бесславно и комично покинувший впоследствии пост президента, разглагольствуя о мире и покое на Земле, заявил, что со дня сотворения мира это были грандиознейшие в истории человечества дни? Если бы космонавты поставили на поверхности Луны пластиковый купол, наполнили его кислородом и разожгли костер... то, когда бы он разгорелся, там и сям в кратерах появились бы, наверно, маленькие огоньки. Крохотные огоньки — «ответный подарок». Чтобы зажечь их, лунные живые существа величиной с вирус использовали бы все свои технологические возможности. Благодаря этому обмену приветствиями между огромным и крохотными кострами человечество могло бы, видимо, познать все, что происходит в космосе. Разве земляне не послали космический корабль к Луне, стремясь изыскать благоприятную возможность для окончательной революции, которая бы распространилась и на порядок в космосе? Не испытали ли вы этого предчувствия в тот день, когда произошло прилунение, оказавшееся в конце концов совершенно бескорыстным? Ведь вы так чутки к истинной революции! Лунный...

ХВАТИТ О ЛУНЕ? Эти ваши *ВЗДОР, СОГЛАСНЫ,* от которых земля дрожит, пусть и привычный для вас способ обмена мнениями, нам он ничего не говорит. Только последний писклявый выкрик кого-то из вас был первой серьезной реакцией с того момента, как началось выступление. *ХВАТИТ О ЛУНЕ!* В этом выкрике было заложено содержание, заложена мысль! Ведь Мори и завел разговор о Луне, чтобы спровоцировать такой выкрик. Пока ваши тела и души ползают по поверхности Земли и вы вопите свое *ВЗДОР, СОГЛАСНЫ,* слова Мори не проникнут в ваше сознание — вот в чем дело! Но если ваши тела и души, пусть от страха, откроются космосу, то нечто космическое, присутствующее в каждом из вас — космических живых существах,— всплывет на поверхность, как вырастают из влажной земли ледяные иглы. Ведь планета по имени Земля — тоже частица космоса, вы забыли об этом? Взгляните вверх! Обратите взоры к небу! *ХВАТИТ О ЛУНЕ!* — не было ли это выкриком человека, который наконец посмотрел вверх, снедаемый беспокойством? Пусть хотя бы один или двое еще раз крикнут: *ХВАТИТ О ЛУНЕ!* Без заключенных в этом крике ростков космического взаимопонимания не удастся перебросить мостик к пониманию смысла слов Мори. Сколько бы я ни бился как посредник — все равно ничего не получится. *ХВАТИТ О ЛУНЕ!* Ты крикнул это веселым голосом, не отдавая себе отчета, что в твоих беззаботно смеющихся глазах в то же время был и страх перед космосом.

Что означало покушение на МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.? Это покушение было первым этапом наших ДЕЙСТВИЙ и лишь указало на существование проблемы МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А. Действия первого этапа заключались в том, чтобы поставить эту проблему, нанеся МОГУЩЕСТВЕННОМУ ГОСПОДИНУ А. удар, который заставил бы его осознать надвигающуюся смерть. Избежав смерти, он, видимо, захочет побыстрее разрешить свою проблему МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А., которой он отдал всю жизнь. Тогда мы перейдем ко второму этапу, и, если сумеем сражаться как следует, эта проблема будет ликвидирована. Что она представляет собой? Это проблема, поставленная перед всем человечеством теми, кто стремится господствовать над миром. Проблема МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А. в любом ее проявлении должна быть ликвидирована!

КАКОЙ СМЫСЛ РАСПРОСТРАНЯТЬСЯ О ТАКИХ ПРОСТЫХ ВЕЩАХ, говорите? Значит, вы считаете, что заумные слова лучше, чем простые, лишь потому, что они заумные? Даже вы, революционеры, так считаете?! Сила простых слов именно в их простоте. Есть ли в мире, населенном людьми, более важная проблема, чем проблема господства одних людей над другими? Разве революция не призвана уничтожить строй, при котором один человек господствует над другим человеком? Разве

можно преодолеть неуверенность, вкладывая заумный смысл в слово «революция»? Может быть, слово «революция», слово совершенно простое, вселяет в вас страх? Мори изъясняется по-настоящему простыми словами, лишенными всякой зауми. Откровенный смысл его простых слов есть одно из проявлений воздействия космической воли!

Каковы конкретные методы, при помощи которых МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А. стремится установить господство над людьми? Атомная бомба. Две атомные бомбы, созданные двумя небольшими группами для МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А. Обязанность, возложенная на вашу группу МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А., состояла в том, чтобы изготовить одну из бомб. И междоусобная борьба, в которой погрязли обе ваши группы на этапе изготовления атомной бомбы, тоже запланирована МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А.

ЭТО НЕ МЕЖДОУСОБНАЯ БОРЬБА? Действительно, роль, которую вы выполняли согласно программе *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* и в изготовлении атомной бомбы, и в уничтожении противной группировки, выходила за рамки обычной междоусобной борьбы. Тайные отряды ваших групп, придумавшие себе устрашающие названия, сами определяют цели своей деятельности и, используя собственную разведывательную сеть, разыскивают, преследуют и в конце концов, настигнув, убивают того, кого намечено уничтожить. Уже убито несколько десятков человек. Искалечены сотни. Поскольку эти действия соответствуют революционным принципам братоубийства, я не собираюсь критиковать их как таковые, так что оттачивайте технику убийства! К тому же вы да и враждебная вам группировка, совершая многочисленные убийства, не только не скрываете этого, но, наоборот, всячески афишируете свои действия. А средства массовой информации тут же подхватывают и распространяют ваши сообщения. Вы трубите о справедливом возмездии и решительных действиях, а враждебная вам группировка называет это «трагическими и бесчеловечными убийствами». Vice versa! Какая бы группа ни совершила нападение, сообщается об этом всегда одинаково. Причем простые люди видят в нем только одну сторону — ужас и бесчеловечность! В нашем обществе такое восприятие почти достигло стадии массовой истерии. Я не знаю, как далеко вы продвинулись в изготовлении атомной бомбы, но, во всяком случае, и вашей и враждебной вам группе удалось обучить общество страху.

Лучше всего оценил достигнутое вами *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.!* Предположим, где-то в Токио группа людей в ближайшем будущем изготовит одну, а может быть, и две атомные бомбы. Вокруг этого мгновенно поднимется пропагандистская шумиха. Начнется запугивание простых людей атомной бомбой. Стратегия и тактика группы, первой завладевшей ядерным оружием, будь то ваша группа, будь то враждебная, будь то обе группы одновременно, будут одинаковыми: та группа, которая объявит, что обладает ядерным оружием, прежде всего потребует от населения покинуть Токио и его окрестности. Это требование будет подкреплено страхом, в котором вы уже успели воспитать людей благодаря преподанным вами урокам зла и бесчеловечности, то есть благодаря уже существующему мнению, что ваша группа способна на любые жестокости. Жители указанного вами района сразу же начнут массовую эвакуацию, точно подхваченные катящимся снежным комом заранее подготовленной массовой истерии. Это произойдет благодаря тщательно продуманной предварительной пропаганде. Разумеется, нельзя допустить, чтобы к тому моменту, как наступит последний этап, когда ядерный взрыв станет неизбежным, город покинули все жители поголовно. В первую очередь необходимо оставить пожарных. Дело в том, что, поскольку в городе останутся нетранспортабельные тяжелобольные, полностью прекратить подачу электроэнергии невозможно и любое короткое замыкание в опустевших жилых домах может вызвать пожар. Нужно, конечно, оставить полицию. Ведь когда начнется массовая эвакуация, пустые дома, естественно, подвергнутся грабежу. Полицейские должны будут патрулировать улицы столицы после эвакуации. Какого рода полицию и в каком количестве следует оставить? Этот вопрос должны будут обсудить между собой оперативный штаб группы, захватившей город под угрозой ядерного взрыва, и правительственный штаб контрмер. Я думаю, для этого вполне подойдет моторизованная полиция, которая до сих пор не допускала того, чтобы ваши демонстрации выходили за определенные рамки. Однако если среди полицейских моторизованного отряда найдутся люди, которые откажутся выполнять свой долг лишь на том основании, что им неприятно оставаться в городе, где находится кустарно изготовленная неопытными людьми бомба, которая может взорваться в любую минуту, и не захотят поддерживать порядок, подчинившись захватчикам, прибегшим к ядерной угрозе, то создастся

весьма серьезное положение. Правительственный штаб контрмер, воспользовавшись этим, предложит, возможно, ввести в действие силы самообороны. Переговоры, призванные не допустить этого, окажутся первым серьезным испытанием для штаба ядерной стратегии и тактики. И ради этого также я предлагаю вам оттачивать словесное мастерство.

Итак, будем исходить из того, что тем, кто прибег к ядерной угрозе, удалось убедить правительственный штаб контрмер и в столице все-таки останется небольшое количество людей: пожарные, предельно ограниченное число полицейских, санитары и водители транспортных средств, приданных больницам. Однако в этом случае в столицу могут просочиться уголовные элементы, прежде всего из правых организаций, да и просто многочисленные банды головорезов и хулиганов, которыми движут самые различные цели. Вплоть до «адских водителей» — совершенно не связанных с политикой. Проникнут туда, наверно, и ударные отряды сил самообороны, чьей задачей будет спровоцировать нарушение соглашения между теми, кто прибег к ядерной угрозе, и правительством. Даже если официальная полиция в конце концов и примет меры по отношению к этим нарушителям соглашения, все равно прежде всего решить, как реагировать на это, должны вы. Тогда-то и пригодится та широкая известность, которую приобрели ваши боевые отряды в процессе своей кровавой практической деятельности!

Хладнокровные, знаменитые боевые отряды революционной группы, применившей ядерную угрозу, будут патрулировать столицу на реквизированных автомобилях, водрузив на них знамя революционной группы и привинтив номерные знаки, изготовленные штабом стратегии и тактики. Если они натолкнутся на пожарные, полицейские машины или машины с красным крестом, предусмотренные условиями соглашения, ничего не произойдет. Но, встретившись с нарушающими соглашение нелегальными бандами головорезов, они сразу же завяжут уличный бой. Мрачная известность, приобретенная вашими боевыми отрядами, подорвет во время сражения боевой дух противника. Среди всех народных боевых отрядов, существовавших со времен Мэйдзи [1], пожалуй, только ваши боевые отряды и боевые отряды враждебной вам группы внушают такой почтительный страх! Террористические банды, гангстерские организации — смешно даже говорить о них.

Через три недели после фактического захвата столицы главной проблемой будут выброшенные на улицу при эвакуации собаки и обезьяны, а также мыши, оставшиеся без отбросов. Страшный голод и инстинктивная агрессивность этих животных заставят их атаковать любого, кто не успел покинуть столицу. Ваши боевые отряды или боевые отряды враждебной группы должны будут контратаковать этих мелких животных. Ваши боевые отряды и боевые отряды враждебной группы издавна не только дают клички своим противникам, с которыми они беспощадно расправляются, по названиям таких мелких животных, но и мучают и убивают их, словно этих бессловесных тварей. Этот опыт, видимо, окажется весьма эффективным в операциях по истреблению настоящих мелких животных! Все это четко зафиксировано в программе *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.*

2

Почему мы боремся с выработанной МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А. программой господства над людьми? Поскольку тела и души двух превратившихся нацелены на свержение МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А., наше превращение неизбежно должно прийти в столкновение с его программой. Он хочет господствовать над всеми людьми, включая и нас, так чего же нам избегать этого столкновения? Если в результате столкновения нам суждено погибнуть, то, как люди, превратившиеся согласно космической воле, мы все равно должны быть первыми, кто возьмет на себя уничтожение программы господства над людьми МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А. Да мы и уничтожим ее!

ЁРОСИИ? (хорошо?), а мне показалось, что вы закричали *ЮРОДИВЫЙ*. Значит, в сегодняшнем вашем хоре я уже дважды услыхал имеющее смысл сообщение! Слово «юродивый», снабженное пояснением «святой безумец», можно встретить в переводных русских романах. Мне почудилось, что вы назвали меня и Мори юродивыми, и я полностью прозрел. Хотя и не могу сказать, что до сих пор был в полусне. Просто

[1] Эпоха Мэйдзи — 1867—1912 гг.

сегодня меня слишком много били, пинали ногами, и поэтому сейчас, когда я передаю слова Мори, в моем теле и душе словно еще зияют дыры сна!

Сейчас мне послышалось слово «юродивый» и я полностью прозрел, правда, я тут же понял, что ошибся. Но в тот самый миг, когда я ослышался, до меня дошел сигнал космической воли. Психологи и тяжелобольные стараются в оговорках собеседника выискать истинный смысл высказывания. Для меня тоже отношения между нами, двумя *превратившимися*, и остальными людьми озарились космическим светом. Наша жизнь с Мори после *превращения*, воплощающая активную, полную энтузиазма деятельность, сливается с вашей революционной волей, подобно тому как сливаются в одну две дороги. Вы не верите в нашу чистосердечность. Хорошо, но если вы будете отвергать и наш пыл, ваше революционное будущее окажется весьма проблематичным! Нынешняя роль двух *превратившихся* сродни роли не ищущих легкой жизни юродивых, которых жители описанных Достоевским провинциальных городов России безжалостно мучили. Когда вам придет в голову мысль стащить нас с Мори с трибуны и избить железными трубами, вспомните о юродивых и попытайтесь сдержать себя, ха-ха! Передавая мысли Мори, я, разумеется, не сомневаюсь в вашем чистосердечии. Я говорю о нас двоих, неизменно прислушиваясь к вам!

МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А. в свою программу господства над людьми ввел атомную бомбу в качестве оружия, которое, будучи спрятано в одном из районов Токио, должно служить угрозой для правительства; совершенно естественно, что его самые честолюбивые в истории человечества замыслы потребовали и самого мощного оружия. Почему МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А. избрал вашу и враждебную вам группу? Думали ли вы об этом, обсуждали ли это в своей группе, изготовляющей атомную бомбу? Почему МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А., всегда с предельной целенаправленностью использующий денежные средства, выделил вашей и враждебной вам группам ассигнования для производства атомной бомбы и обещал предоставить вам еще большие суммы? Прежде всего нужно сказать о том, что им были соответствующим образом оценены ваши научные возможности. Но эта сторона дела имеет второстепенное значение. Ведь речь идет не о разработке первой в мире атомной бомбы, и к тому же в качестве ядерного материала вы используете уже обогащенное сырье. Кроме того, вам не нужно, чтобы атомная бомба была компактной. Так что ваш подземный завод изготовит всего-навсего одну атомную бомбу, и этого вполне достаточно. Бывшим студентам физического факультета, которым после беспорядков пришлось, недоучившись, оставить университет, я думаю, хватит и научных, и технических знаний. Далее, таких студентов можно найти не только среди членов вашей революционной группы, причем сделать это нетрудно, если учесть финансовые возможности МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А. Следовательно, причина того, что выбор пал на вашу и враждебную вам группировку, как уже говорил отец Мори, заключалась в том, чтобы с помощью средств массовой информации создать у населения мнение, будто обе ваши группы готовы на все, вплоть до взрыва атомной бомбы в Токио. Убедить людей в этом помогут бесчисленные акты насилия, приводящие к многочисленным жертвам. Теперь давайте еще раз поговорим об угрозе правительству и жителям крупнейшего города. Итак, первое затруднение, которое может возникнуть при реализации угрозы. Население, которому угрожают, сомневается в том, действительно ли те, кто им угрожает, решатся взорвать атомную бомбу и вместе с огромным городом взорвать самих себя. Второе — население игнорирует ядерную угрозу, поскольку окажется неспособным представить себе, что произойдет, если атомная бомба действительно будет взорвана. И отсюда — противодействие правительственному штабу контрмер, уступившему угрозе. Если два этих фактора способствуют сопротивлению, организовать массовую эвакуацию населения огромного города не удастся. Массовая эвакуация возможна только при условии, если внутренняя сила, существующая в народе, поддавшемся общей истерии, вызовет эффект снежной лавины. В противном случае создать неустойчивое положение, воспользовавшись ядерной угрозой, будет невозможно. В подобных условиях правительство, справившись с замешательством, использует это как рычаг в переговорах.

Однако обе группы, избранные МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А. для реализации ядерной угрозы, уже многие годы ведут борьбу не на жизнь, а на смерть. Это и поможет разрешить проблему. Ваша и противоборствующая группы способны на любое кровавое дело, даже на то, чтобы взорвать самих себя ядерной бомбой! Такое сообщение вернее всего проникает в сознание инертных обывателей, чье воображение

трудно чем-либо потрясти! С точки зрения МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А., для того, чтобы подготовительный этап программы его господства над людьми прошел успешно, вы и враждебная вам группа должны денно и нощно пылать отвагой и страхом, ревностно калечить и убивать людей и самим терять своих товарищей — убитыми и ранеными.

РАЗВЕ МОЖНО ГОВОРИТЬ ТАКОЕ? Совершенно естественно — молодые, мужественно отдавшие свои жизни члены вашей и враждебной вам групп! Можем ли мы, двое *превратившихся*, шутить над тем, что вы убиваете своих товарищей? Мы и не возлагаем на вас ответственность за убийство товарищей, с глубокой скорбью признавая, что в конечном итоге их убийство составляет одно из звеньев программы *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.*

Как будет выполняться разработанная МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А. программа господства над людьми после того, как одной или двум группам удастся создать атомную бомбу? Допустим, первый этап реализации ядерной угрозы пройдет успешно, и столица окажется под властью одной или двух групп. Первый сценарий МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А. Предположим, в столице удалось создать одну или две атомные бомбы, но представим себе, что в результате катастрофы они взорвутся или неудача политических переговоров приведет к ядерному взрыву, при котором погибнут и сами угрожающие,— можно ли в подобном случае считать, что деньги в свою программу МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А. вкладывал напрасно? Нет. Нестабильная социальная обстановка, которую вызовет огромная энергия ядерного взрыва, окажется небезвыгодной для МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А. Он не забыл, что поражение нашей страны в прошлой мировой войне создало для него благоприятные условия! С того времени как будет объявлено, что группа завладела атомной бомбой, и до момента взрыва возникнет пауза, разумеется, если взрыв не произойдет слишком рано. Смогут ли оказавшиеся в полной растерянности жители столицы и руководители правительства, неожиданно столкнувшись с таким экстремальным положением, эффективно использовать время до взрыва? Вряд ли.

А вот МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А., располагая необходимой информацией, окажется способным быстро и правильно реагировать на события. Прежде всего он лично сообщит высшим правительственным чиновникам о том, что заявление об обладании ядерным оружием соответствует действительности, а также о мощности бомбы. Потом предложит осуществление неотложных мер по предотвращению бедствия. Обеспечение функционирования правительства после эвакуации, место временного размещения жителей столицы — как решить все эти проблемы? Поскольку к этому времени предложенная им программа стараниями репортеров станет всеобщим достоянием, МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А. превратится во влиятельного советника правительства. Далее, отъезд императорской семьи. Императорская семья эвакуируется, что сопровождается грандиозным пропагандистским спектаклем — императорская семья ищет спасения от бедствия вместе с жителями столицы. Тут происходит ядерный взрыв. Смута, которая начнется после третьего атомного взрыва, переживаемого японцами, будет подобна смуте после поражения во второй мировой войне, а на новых визитных карточках МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А. появится строчка: истинный защитник императорской семьи.

Если я скажу про себя: «В течение многих лет», вам, возможно, это покажется странным, ведь это говорит мальчишка моложе вас, но я, будучи до *превращения* человеком средних лет, действительно в течение многих лет поддерживал отношения с *МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А.* Однако на существование связей между *МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А.* и императорской семьей открыл мне глаза убитый вами математик, руководитель движения против строительства атомной электростанции на Сикоку. Видимо, когда перед вами находится человек, которого вы жаждете убить, вы рисуете в своем воображении то, что должно, по вашему мнению, рисоваться ему, и его глазами пытаетесь взглянуть на реальный мир и на себя, нападающих. *ВЗДОР?* Вот как?! *НЕ КАНЮЧЬ?* Ладно, но именно мои слова выражают то, что вы действительно хотели бы выразить. *ЗАТКНИСЬ?* Нет, так не пойдет! Я ведь передаю послание Мори. Разве вы собрались здесь не для того, чтобы выслушать выступление Мори? *НАМ НЕ НУЖНЫ ТВОИ* слова? Это действительно верно, вам необходимы слова Мори - потому-то я и нахожусь здесь в качестве посредника!

ВТОРОЙ СЦЕНАРИЙ Какова будет программа МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А. в случае, если обстановка сложится иначе и начнутся политические переговоры

между теми, кто применил ядерную угрозу, и правительством? Давайте рассмотрим два возможных варианта: изготовлена одна атомная бомба и изготовлены одновременно две атомные бомбы — по одной у каждой из групп. Однако в реальной обстановке различие между этими двумя вариантами проявится лишь на начальном этапе, в дальнейшем же ситуация будет развиваться идентично. Две враждующие группы, одновременно объявив об обладании ядерным оружием, начнут операцию угрозы. Затем обе группы, захватившие город, не используя пока атомные бомбы, начнут уничтожать друг друга с помощью всех видов обычного оружия. Последний бой революции и контрреволюции — как ни взгляни на это — выльется в невиданное до сих пор сражение, оно закончится лишь после того, как одна из групп будет полностью уничтожена!

Если же атомную бомбу удалось создать лишь одной группе, то, как только она сообщит о том, что обладает ядерным оружием, остальные группировки немедленно заявят, что и они тоже владеют ядерным оружием, значит, и в этом случае дело кончится уличными сражениями между силами революции и контрреволюции. Далее, какая бы группа ни победила в уличных сражениях, она, используя собственную, или захваченную атомную бомбу, или, может быть, сразу обе бомбы — собственную и захваченную,— перейдет к реализации ядерной угрозы. Ситуацию, которая может возникнуть в том случае, если одна из групп, оказавшись в безвыходном положении в ходе уличных сражений, решит, что, чем капитулировать и отдавать будущее контрреволюционной группировке, лучше погибнуть всем вместе, можно включить в уже рассмотренный нами ПЕРВЫЙ СЦЕНАРИЙ. Конкретное вмешательство МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А. в происходящие события начнется лишь после того, как, согласно ВТОРОМУ СЦЕНАРИЮ, атомная бомба будет контролироваться одной группой, уничтожившей другую группу, и ядерная угроза вступит в следующую фазу.

Революционная война с применением ядерного оружия, которую начнете вы или враждебная вам группировка, будет не просто войной с губернатором столичной префектуры или даже с японским правительством. Это будет сражение, в котором вашими противниками будут также Соединенные Штаты и Южная Корея, заключившие военный союз с Японией. Вполне естественно, что партнером в переговорах вы избрали японское правительство, но для тех, кто прибег к тактике ядерной угрозы, несомненно, чрезвычайно выгодно разрешить МОГУЩЕСТВЕННОМУ ГОСПОДИНУ А., как закулисному политическому деятелю, имеющему большой вес в Соединенных Штатах и Южной Корее, выступить в качестве посредника. Во всяком случае, все будут с нетерпением ждать появления на сцене МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А. Так будет разворачиваться революционная война, основывающаяся на ядерной угрозе; нужно только ясно сознавать опасность, что в любую секунду, благодаря стараниям МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А., наступающие и обороняющиеся могут поменяться местами, а также что не только энергия ядерного взрыва, но и энергия всего вашего движения сконцентрируется в руках МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А. И, воспользовавшись этим, в момент наивысшего подъема революционных сил МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А. свяжется с императорской семьей! Вы даже не представляете себе, насколько легче во всеяпонском масштабе выстроить сюжет, где развязкой окажется не революционное, а контрреволюционное сражение, основой которого будет все то же ядерное оружие, война за возрождение абсолютной, реакционной монархии! Вы можете начать революционную войну только после того, как осознаете связь, существующую между нашим народом и императорской семьей!

МЯТЕЖ, НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ? Вы взываете к этому в простодушной надежде, но на этапе политики террора в отношении враждебной группировки не только поредели ваши ряды, вы еще и отвратили от себя все другие организации, стремившиеся к совместной борьбе. Не говоря уже о прочих левых группировках, с вами не станут вести совместную борьбу даже профсоюзы: они не смогут достичь с вами взаимопонимания. Хотя некоторые из профсоюзных организаций и находятся под вашим влиянием и, случается, даже организуют самочинные забастовки вопреки решениям вышестоящей организации, после того как вспыхнет революционная ядерная война, продажная верхушка профсоюзов будет изо всех сил отбиваться от посторонних, в результате чего мелкие самостоятельные группировки не смогут примкнуть к общей борьбе. Можно ли в таком случае говорить о стихийном мятеже неорганизованных народных масс? Более пятнадцати миллионов человек будут жить в постоянном страхе, что в любой момент их уничтожит атомная бомба, они люто ее ненавидят, эту бомбу. Все свое имущество они бросили, и оно вот-вот превратится в радио-

активный пепел. Принять необходимые меры для обеспечения жильем и едой пятнадцати миллионов человек, сделавшихся бродягами, не удастся, какими бы действенными ни были советы *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* Да и мыслим ли такой огромный лагерь беженцев? *МЯТЕЖ, НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ?* Вы, разумеется, питаете надежды именно на это.

Но сможет ли мятеж принять тот же революционный характер, что и ваша война?

Пусть народный мятеж — стихийное восстание — распространится за пределы столицы, создав и там нестабильную обстановку. И когда восстание обретет мощь, оно сформирует внутри себя руководящее ядро. Не исключено, что это руководящее ядро сможет взять под свое командование большую часть сил самообороны. Руководители народного мятежа и лидеры мятежных соединений сил самообороны, объединившись, станут той силой, которая, минуя правительство, сможет вынудить оперативный штаб ядерной угрозы сесть за стол переговоров. Но как только они начнут переговоры, руководству тех, кто использовал ядерную угрозу, сразу же станет ясна одна деталь: все партнеры в переговорах — это марионетки МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.! Программа его господства получила конкретное воплощение.

3

Однако до самого последнего момента МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А., видимо, не появится на переговорах, они так и будут вестись на уровне марионеток, заседание будет следовать за заседанием. Когда удастся достигнуть соглашения (поскольку МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А. почва была тщательно подготовлена, рано или поздно соглашение подпишут), в столице будет образовано временное революционное правительство. В соответствии с требованием оперативного штаба ядерной угрозы представители народа, поднявшего мятеж, дадут указание жителям столицы немедленно возвращаться в город. На этом этапе, разумеется, атомную бомбу не станут вывозить из города. Однако будет достигнута договоренность, что, пока жители столицы не получат приказа вторично эвакуироваться, атомная бомба не будет взорвана и обращаться с ней будут предельно осторожно!

Добровольное возвращение в столицу ее жителей после демонстрации мощи ядерного оружия действительно явится огромной победой тех, кто применил ядерную угрозу. Они смогут доказать всем в стране и за рубежом, что в их руках находятся пятнадцать миллионов заложников. Благодаря такому развитию событий происходящая революция получит права гражданства не только в рамках страны, но и в международном масштабе.

ПРАВА ГРАЖДАНСТВА РЕВОЛЮЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ МАСШТАБЕ? РАЗВЕ ЭТО НЕ САМО СОБОЙ РАЗУМЕЕТСЯ? — говорите вы. Однако право гражданства революции в международном масштабе, о котором сказал Мори, совершенно необходимо. Что будет представлять собой Токио с точки зрения международной политической географии на том этапе, когда столица, покинутая жителями, окажется в руках группы, обладающей ядерным оружием? На чем будет настаивать представитель Южной Кореи на конференции, созванной оборонительным союзом Японии, Соединенных Штатов и Южной Кореи, где будет обсуждаться создавшаяся обстановка? Если те, кто применил ядерную угрозу, совершат революцию в Токио, Южной Корее тогда будет угрожать нападение и с Севера и с Юга. Почему же представителю Южной Кореи, стоящей перед такой угрозой, не настаивать на том, чтобы применить в Токио тактическое ядерное оружие? Ведь к тому времени плотность населения там будет меньше, чем в пустыне, это будет огромный призрачный город, а на Корейский же полуостров ядерный пожар не распространится, если атомную бомбу тех, кто применил ядерную угрозу, уничтожат другой ядерной бомбой.

Если вдуматься, именно в этом кроется самая большая опасность для дела, задуманного теми, кто применит ядерную угрозу. Однако в случае, если оборонительный союз Японии, Соединенных Штатов и Южной Кореи изберет такой путь действий, возможен *ТРЕТИЙ СЦЕНАРИЙ. МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.* сообщает войскам самообороны, оставшимся на стороне правительства, место, где спрятана атомная бомба — ведь оно ему хорошо известно,— и необходимость использования тактического ядерного оружия отпадет. Тогда и одной обычной ракеты будет достаточно, чтобы

уничтожить атомный завод. Таким образом, *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.* станет спасителем Токио!

Итак, как будет действовать МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А. в случае, если переговоры, в которых примут участие те, кто применил ядерную угрозу, и руководящее ядро народного мятежа, в том числе мятежные соединения войск сил самообороны, помогут вернуть в столицу пятнадцать миллионов ее жителей? Именно тогда МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А. сможет протянуть нить к императорской семье. Он и тут останется в тени, лишь тщательно подготовив благоприятную почву для сложных политических интриг. Чего достигнет этим МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.? Разумеется, даже самая тщательная подготовка не позволит точно определить последующее развитие событий; главное, чего достигнет МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.— это то, что само развитие событий будет выглядеть со стороны совершенно стихийным. Когда все это произойдет, нестабильность, порожденная атомной бомбой, будет служить уже не делу революции, а осуществлению программы господства над людьми, разработанной МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А.

ВЗДОР? Вы собираетесь единодушно отвергнуть сказанное Мори до того, как он расскажет о конкретной причине, заставившей его сделать такой вывод?! Я не могу безропотно согласиться с этим. Вы серьезно проанализировали программу революции, программу, которая получит новый импульс после того, как вам удастся изготовить атомную бомбу? Неужели вы решились, не обдумав все как следует, не осознав, какой станет революция после того, как вы завладеете ядерным оружием, положиться во всем на своих руководителей, а самим остаться бессловесными послушными бойцами? А бывают ли вообще такие руководители, которые имели бы конкретный план действий и на которых можно было бы переложить всю ответственность? В настоящую минуту работа над атомной бомбой в вашей группе, видимо, близка к завершению? Может быть, мой вопрос наивен, но неужели вы так и не собираетесь выяснить у своих руководителей, каким курсом они поведут вас завтра, завладев атомной бомбой? Мне хочется теперь крикнуть вам то же, что вы только что кричали мне. Однако *ВЗДОР*, эту вашу реплику, над которой даже не посмеешься — мол, хоть и горькое, но лекарство,— я тоже не приемлю.

И последнее, что сделает МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А. На этапе, когда те, кто применит ядерную угрозу, и руководящее ядро народного восстания сформируют временное правительство, императорская семья будет немедленно возвращена из эвакуации. Независимо от того, будет после этого использоваться атомное убежище в Оутияма или нет, решение вернуть императорскую семью в ее резиденцию вместе с возвращающимися в Токио беженцами окажется самой крупной ставкой в игре МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А. Сколько сражений пришлось ему выиграть, чтобы как следует подготовить почву! Тем более что такую подготовку нужно было вести во всемирном масштабе. Ведь правительство и различные консервативные силы планировали отправить императорскую семью на Кюсю, Сикоку, а может быть, даже в Соединенные Штаты. Добившись реализации своего замысла — поселить пятнадцать миллионов беженцев и императорскую семью в городе, где находится атомная бомба,— МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А. воспользуется ЧЕТВЕРТЫМ СЦЕНАРИЕМ!

Нестабильность, в которой оказались пятнадцать миллионов человек, начиная с того момента, как было сообщено об атомной бомбе, и вплоть до массовой эвакуации и последующего возвращения в столицу, будет ликвидирована. Однако это не будет осуществлением лелеемой вами мечты о революции, а сведется к еще большему укреплению связей с императорской семьей! Тогда впервые МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А. открыто появится на сцене как человек, который спланировал и осуществил все, начиная от ядерной угрозы и кончая массовой эвакуацией и массовым возвращением и последующим переворотом, произведенным восставшими войсками сил самообороны. Стоя на руинах мечты о революционном движении и ее практического воплощения, он, использовавший юнцов, поднявших народный мятеж и восстание, и сумевший взять под свой контроль даже собственноручно изготовленную ими атомную бомбу, устроит смотр войск самообороны — тех, что совершили переворот. И вот тогда он отдаст команду: «На караул перед императорской семьей!» — и зазвучат десятки тысяч фанфар...

ИДИОТСТВО? Таков единодушно подведенный вами итог откровениям Мори? *ИДИОТСТВО?!*

Записанные на магнитофонную ленту выступления двух *превратившихся* окончились этим выкриком отца Мори, который как эхо прозвучал в ответ на прокатившийся по залу крик сотни человек, отозвавшихся на слова Мори. Сказанное Мори и отцом Мори и так нельзя было назвать точно сформулированным, реакция же зала, выразившаяся в слове «идиотство», и вовсе привела к тому, что двое *превратившихся* совсем потеряли охоту продолжать выступление. Или, может быть, существовала какая-то иная причина?

Началась свалка: Мори и меня больно кольнул выкрик «идиотство!», вынудивший нас замолчать, мы чуть не заплакали, ха-ха, но я не утверждаю, что побоище вспыхнуло именно из-за этого. Если уж говорить о потасовке, то она началась с той минуты, как двое *превратившихся* начали говорить. Более того, наше выступление все время шло под аккомпанемент потасовки, но мы не поддавались. Мы даже не имели возможности выступать, оставаясь все время на трибуне. Нас то и дело стаскивали вниз, в гущу слушателей. Толкали, тянули из стороны в сторону, давали подзатыльники, а мы упорно продолжали говорить.

Однако фарс — выступление в кольце жарко дышащей толпы в сопровождении выкриков хором — превратился в жестокое побоище именно в тот момент, когда в ответ я бросил им их же *«ИДИОТСТВО!»*. И даже те, кто, единодушно вопя вместе со всеми, все же прислушивались к нам, тут же замкнулись в скорлупе. Все собравшиеся в зале члены группы словно превратились в неприступную стену вражды — пожалуй, это можно было бы назвать материализовавшейся жестокостью. *ДЗА-ДЗА, ДЗА, ДЗА, ДЗА, ДЗА, ГАН!* — мне показалось, что я слышу овеществленный звук, хотя окружающая нас стена безмолвствовала.

...В следующее мгновение среди юнцов, превратившихся в орудие убийства, неожиданно появилось шесть человек средних лет. Одинакового телосложения, они, заслонив нас спинами и образовав оборонительное кольцо, напустились на пыщущих злобой мальчишек.

— Вы уже убили одного сегодня! У вас на уме что — только убивать?!

Заметив, как конвульсивно дергается рот у одного из этих шестерых мужчин с загорелой, но дряблой кожей, я поймал его мысль: а ведь это я сегодня убил человека. И я понял, что та же мысль владеет всеми ими. Они, из последних сил сдерживая возбужденно вопивших студентов, с огромным трудом вывели нас из зала. В какой-то момент к ним присоединился и *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* и, защищая нас с Мори, стал пробиваться с нами сквозь толпу. Вместо того чтобы поблагодарить наших спасителей, я сказал, обращаясь к Мори:

— То, что нам чудом удалось спастись от верной смерти, доказывает, что *превратившая* нас космическая воля внимательно наблюдает за нашими действиями.

Продолжая бежать с задумчивым лицом, Мори лишь покосился на меня, но по движению его губ я, как и во время выступления, воспринял еле уловимые электромагнитные волны.

— Разумеется, за нами постоянно наблюдают! Именно поэтому, чтобы спасти нас, и прислали *Корпус лососей!*

Глава X

Одиссея КОРПУСА ЛОСОСЕЙ

1

Я не хочу сказать, что он постоянно волновал меня, но стоило мне вспомнить о нем, и, подобно мыслям о смерти, он мгновенно всплывал из глубин подсознания — призрачный *Корпус лососей.*

По мере того как развивалась предпринятая *Корпусом лососей* операция по спасению нас с Мори, меня все сильнее обжигал страх перед оставшимися теперь у нас за спиной членами группы. Я думаю, те же чувства испытывали Мори и *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР.* Да и сами шестеро из *Корпуса лососей!* Они дышали тяжело, как могут дышать скованные страхом, начинающие уже стареть люди,— видимо, их страх и передался нам. Я говорю «начинающие стареть», хотя с виду им было всего лет по сорок пять, но стоило их тяжелому, прерывистому дыханию пахнуть нам в лицо, как

мы ощущали запах смерти. Может быть, они страшно одряхлели от тягот *Великого похода?*

Судорожно глотая воздух, мы, пробежав между зданиями, через низкую арку проникли в одну из дверей и прошли по узкому коридору, который оказался подземным переходом, заканчивавшимся ступеньками; мы поднялись по ним и вышли наружу, в ночь. Это был дальний конец университетской территории, через железные ворота виднелась городская улица. Обессилевшие бойцы *Корпуса лососей* присели на корточки, чтобы отдохнуть, то же самое сделали мы с Мори и *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР.*

Я, превратившийся восемнадцатилетний, раньше остальных справился с одышкой, и беспокойный дух восемнадцатилетнего погнал меня к запертым воротам. Сквозь металлические прутья, увитые диким виноградом, я взглянул на дорогу. Может быть, за нами наблюдают полицейские, заранее прибывшие сюда, чтобы арестовать нас, или участники собрания, а может быть, и члены враждебной группировки?

Неожиданно по пустой улице у самого моего носа пронесся «ситроен» на такой скорости, что, казалось, он вот-вот развалится, превратившись в груду железа, которая рассыплется по мостовой. В машине, глядя прямо перед собой, сидела жена, б ы в ш а я жена, в черной каске! За рулем был великан — агент рекламного бюро. Выслеживающие нас полицейские, члены революционной группы и контрреволюционной группировки давно вернулись домой, и только моя жена, б ы в ш а я жена, командуя братом, понукая его, бдительно патрулирует университет, беспрерывно кружась вокруг него. В это мгновение я почувствовал жалость к жене, б ы в ш е й жене, которая из пустой вражды ко мне, в страшной ярости от того, что я существую на свете, носится весь вечер в машине, и мне впервые удалось до конца постичь истинный характер запутанных отношений, существовавших между мной, женой и Мори, хотя теперь, после *превращения,* это уже мне было ни к чему. Последние несколько лет, когда в темноте я пытался приласкать жену, она вдруг спрашивала, словно ее это странно заботило: *а как там он? Как чувствует себя наш ребеночек?* А я, злясь, точно маленький, отвечал: *с ребеночком все в порядке, если хочешь, пойдем посмотрим,* ха-ха. Вот тут-то и выявляется смысл запутанности наших отношений — жена, б ы в ш а я жена, хотела, чтобы вместо меня около нее был Мори, а я хотел превратить Мори в себя, чтобы с женой был близок Мори-я!

Прежде чем «ситроен» жены, б ы в ш е й жены, развернувшись на противоположной стороне университетской территории, промчался назад, мы, убедившись, что улица пуста, быстро перелезли через ворота. Распростившись с четырьмя бойцами из *Корпуса лососей,* мы пересекли дорогу и торопливо направились в спускавшуюся вниз боковую улочку. Оставшиеся с нами двое из *Корпуса лососей* были ужасно худыми, даже изможденными, но после короткой передышки ворота одолели ловко и сейчас шли проворно — чувствовалась многолетняя тренировка.

Тот, что повыше, круглоголовый, с большими залысинами, смотрелся щеголем — на нем была поразительно чистая альпинистская куртка. Он прямо и высоко держал голову — ни дать ни взять чиновник, совершающий инспекционную поездку, в общем — *СПОСОБНЫЙ ЧИНОВНИК.* Другой был в старом плаще, из-под которого выглядывала рубаха без галстука,— он знал, что такой вид ему больше всего подходит. Сухие волосы, сухая бледная кожа, большой рот, что-то собачье в чертах лица — *СОБАЧЬЯ МОРДА.*

— Чего мы так суетимся, ищем кого-нибудь, что ли? — обратился я к ним.

— Что? — повернулся *СОБАЧЬЯ МОРДА,* но ответил мне *СПОСОБНЫЙ ЧИНОВНИК,* тревожно хмуря брови, резко выделявшиеся на выпуклом лбу, и в то же время равнодушно глядя поверх моей головы.

— Мы никого не ищем. Суетимся, чтобы нас нашли!

Услышав такой ответ, *СОБАЧЬЯ МОРДА* улыбнулся, словно испытывая гордость за своего товарища, лишний раз продемонстрировавшего свои способности.

— Они надеются, что так легче будет нас найти их приятелям, которые накормят и приютят нас,— объяснил *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР.*

— А не найдут ли нас приспешники *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* раньше, чем их приятели?

— Похоже, вы боитесь этого *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* как черта из дурного сна,— сказал *СОБАЧЬЯ МОРДА.*

— Из сна?! — закричал я.— Черта из дурного сна?..

Тут я подумал: *мы, двое превратившихся, только что обратили их внимание на угрозу, исходящую от МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А., а они говорят о каком-то черте из дурного сна. Меня колотила дрожь, я даже растерялся: если так несерьезно относятся к нему даже люди из Корпуса лососей, то кто же в состоянии оказать сверхнасилию ПАТРОНА настоящее сопротивление?*

В это время Мори, в свете уличных фонарей казавшийся бронзовым, повернул ко мне лицо с блестящими скулами и послал мне сообщение. *Именно поэтому было необходимо наше превращение. Если двое превратившихся не расскажут, что представляет собой МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А., всем людям на Земле он будет представляться всего лишь чертом из сна, а когда они увидят его истинный облик, окажется, что уже слишком поздно и этот черт из сна сожрет их. Именно поэтому мы и превратились. И, превратившись, обязаны отдать все силы борьбе!*

— О, машина подошла! — закричал *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* радостным голосом.

Мы вскочили на ходу в подъехавший сзади и продолжавший медленно двигаться за нами микроавтобус. Он тут же набрал скорость и помчался вниз, к широкой улице,— им искусно, но несколько театрально управляла будущая киносценаристка! А рядом с ней на круглом сиденье для гида примостилась Саёко.

— Держитесь крепче! Нам нужно оторваться от машины матери Мори!

Времени усесться как следует у нас уже не было, мы кое-как втиснулись в проход и, толкая друг друга, ухватились за поручни и спинки сидений.

— Наверно, догоняя нас, они поехали по противоположной стороне? Машина у них мощная! Посмотри-ка, они не поворачивают обратно?

— ...Едут впереди. «Ситроен» может хорошую скорость развивать, прямо летит! — доложила студентка, сохраняющая хладнокровие в самых критических ситуациях.

Ооно снизила скорость, и мы, до сих пор падавшие друг на друга в проходе, смогли ползком добраться до сидений, ха-ха.

— Куда теперь?

— Куда угодно!

— О'кей,— согласилась будущая киносценаристка.

2

Наш микроавтобус проехал приморский промышленный район и поднялся на скоростную автостраду. И, уже мчась по ней в потоке грузовиков, совершающих междугородные рейсы, всякий раз, когда мы догоняли, а потом и обгоняли идущую впереди машину, я втягивал голову в плечи, вспоминая черную каску жены, бывшей жены. О возможностях нашего микроавтобуса *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* говорил с неподдельным восхищением. Принимая это как должное, Ооно пояснила: автобус использовался для натурных съемок в Африке, у него форсированный двигатель, так что, сказала она, ни одна легковая машина с нами тягаться не сможет. Я снова удостоверился в тесных связях Ооно с кинематографистами — да, она мастер доставать все необходимое.

Может быть, и не стоило бы об этом говорить, но бесконечный, немыслимо тяжелый день, выпавший на мою долю, не способствовал возбуждению аппетита, хотя у меня с утра крошки во рту не было. Лишь тряска автобуса успокаивала мои измученные тело и душу. Так же чувствовал себя, я думаю, и Мори. Не менее обессилевшим казался и *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*, не отрывавший от Ооно глаз. Двое из *Корпуса лососей* устроились на заднем сиденье и настороженно молчали, подавленные сознанием того, что едут вместе со столь выдающейся деятельницей, принадлежащей к враждебной группе.

Я тоже молча разглядывал темное небо, куда пристально смотрела управлявшая машиной будущая киносценаристка, и увидел, как прямо передо мной черные как деготь тучи вдруг разорвались и оттуда выглянула луна, осветившая причудливые, похожие на пагоду облака. Разрыв в тучах тут же сомкнулся... но я подумал: одно то, что я на мгновение увидел разрыв между тучами, есть знак — за нами постоянно наблюдает, как говорил Мори, *превратившая* нас космическая воля. Я повернулся, чтобы удостовериться, что и Мори это увидел, но тут заговорила смотревшая прямо перед собой Ооно:

— Если вы не спите, отец Мори, то послушайте, что я вам скажу... О-о, вы уже, наверно, знаете, что *СПРАВЕДЛИВЕЦ* убит?.. Зачем нужно было убивать такого чудес-

ного, прямодушного, такого старательного человека? *Фашистская сволочь!* Им никогда не смыть с себя позора убийства *СПРАВЕДЛИВЦА.* Даже если им удастся смыть с себя позор убийства сотен тысяч!

— То, что убит человек, конечно, печально, но правильно ли будет так упрощать создавшуюся политическую обстановку? Стоит ли, превознося одного человека, противоборствующую группировку называть фашистской?

— *Замолчи, девчонка! Хватит трепаться!*

— Вам не кажется, что кричать как раз и означает вести себя *по-фашистски?* Если вы не измените своего поведения, я начну с вами борьбу! Посмотрите, кто в машине,— Мори, мой друг. *Корпус лососей* — боевой отряд моей группы. *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР,* как обычно, должен сохранять нейтралитет... Вам придется сражаться вдвоем с этим чокнутым мальчишкой! — парировала Саёко.

— *Заткнись, дрянь! Хватит трепаться!* Если вы все друзья фашистов, я выведу машину на ту сторону, где идет встречный поток, и мы погибнем смертью героев. На чьей стороне будут большие потери? Подсчитай в своей дурацкой башке! *Ну как, хочешь разбиться? Тварь!*

Студентка, которая до этого кричала, вцепившись в спинку водительского сиденья, притихла. Потом заговорила как ни в чем не бывало:

— Только и можете ругаться: *фашисты.* Конечно, на вас все это плохо подействовало — и машину вон как ведете, и кричите. Убили *СПРАВЕДЛИВЦА,* вот вы и обезумели от горя.

— ...Я-то знаю о *СПРАВЕДЛИВЦЕ...* Но откуда ты могла узнать, что он умер? Ведь тебя задержала полиция, и ты была отрезана от всех источников информации,— сказал я.

Будущая киносценаристка, не отвечая прямо на мой вопрос, на миг обернулась к сидевшим в микроавтобусе и стала рассказывать о том, что произошло. Словно ошьянев от глубокой тоски и печали, она говорила уже совсем другим голосом, не имевшим ничего общего с недавним бешеным криком,— так она обычно говорила на митингах и по телевидению.

— Сразу же после того, как отец Мори и *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* вбежали на территорию университета, я подала машину вперед, но мотора не заглушила! Я решила подъехать поближе к цепи полицейских, топавших в бешенстве ногами оттого, что упустили *СПРАВЕДЛИВЦА* и его товарищей; поближе к полицейскому, вышедшему вперед, чтобы остановить мою машину, будто послушавшись его знака остановиться! Мое поведение произвело на них благоприятное впечатление. Бежать уже было невозможно, и мне пришлось заглушить мотор и, не говоря ни слова, открыть дверцу. Вдруг из-за спины полицейских с криком: *«Поймала наконец эту гадину!»* — подлетает ко мне мать Мори — кожа на лице задубела, и оно стало похоже на маску. С целью самозащиты я захлопнула дверцу. Но она ударилась головой об ее острый угол и потеряла сознание. Мать Мори, которую подхватил полицейский, чтобы она не упала,— все это было ужасно,— взял на руки какой-то верзила, злобно смотревший на меня точно такими же, как у матери Мори, глазами, и отнес к полицейской машине. Этим окончилась моя очная ставка с матерью Мори. Не понимаю, почему тогда на ней не было черной каски? Молодые полицейские стояли в растерянности, не зная, смеяться ли им над этим представлением, а я, вылезая из машины, рассмеялась! Полицейские вздохнули с облегчением. Затем я притворилась, что ничего не понимаю, и спросила, что произошло, а когда мне задали встречный вопрос, кто эти люди, что вбежали на территорию университета, сказала все как есть. *СПРАВЕДЛИВЕЦ* хочет с помощью ненасильственных действий выразить протест по поводу того, что его избили во время митинга против строительства атомных электростанций, а *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* и восемнадцатилетний мальчишка помогают ему в этом. Только, мол, я не знаю, откуда взялся этот мальчишка. У меня собираются самые разные молодые ребята, и я им поручаю ту или иную работу, не уточняя даже имени и университета, где они учатся. После этого я достала свою визитную карточку и протянула полицейскому. Самому на вид простодушному из всех, что меня окружали. У вас, разумеется, знают, кто такие *СПРАВЕДЛИВЕЦ* и *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР,* сказала я. Неопознанным остается лишь мальчишка, симпатизирующий левым,— на том мы и поладили. Почему? Потому, видимо, что они гонялись за третьим — человеком среднего возраста, отцом Мори. А мальчишка им был ни к чему. И в самом деле, увидев бегущего мальчишку, они и представить себе не могли, что это человек среднего воз-

раста, а мать Мори, утверждавшая: он-то как раз и есть отец Мори, вырядившийся юнцом, была без чувств и возразить мне не могла. В это время из университета прибыл шпион и сообщил, что *СПРАВЕДЛИВЕЦ* и двое других схвачены студентами и им здорово достается. Таким образом, уже полностью отпали все еще существовавшие у полиции подозрения, что *СПРАВЕДЛИВЕЦ* и его товарищи намерены выступить перед собранием актива с докладом о покушении на *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* Атмосфера стала доброжелательной, и, возможно решив выудить у меня какие-то дополнительные сведения, они даже предложили мне пойти выпить чаю. С вашими товарищами такое стряслось, вы, наверно, обеспокоены? — сочувствовали они. Полицейские сопровождали меня, но никакого серьезного разговора не заводили. Лишь молодой полицейский, получивший от меня визитную карточку, сказал, что ему нравятся мои выступления по телевидению. Когда мы пили чай, мне показали фотографию, незадолго до этого сделанную с помощью телеобъектива,— на ней был бегущий мальчишка, а вовсе не мужчина среднего возраста. Полицейские были настолько любезны, что постарались предотвратить мою встречу с матерью Мори, подогнав мою машину к кафе, и отпустили на все четыре стороны.

— Члены нашей группы не вступают с властями ни в какие переговоры, и поэтому их так легко не освобождают.

— *Прекрати! Девчонка, хватит трепаться!*

Мчась рядом с неотесанными водителями тяжелых грузовиков, Ооно время от времени вспыхивала, вскидывала голову и начинала ругаться с выразительностью, которую она усвоила, изучая режиссуру в Европе. *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* придумывал способ избежать смертельной опасности, которая грозила нам при малейшей ее оплошности. Он заговорил, вежливо обращаясь к студентке:

— Пойди, пожалуйста, сядь с Мори и позаботься о нем. Он ведь ранен в голову, а ему пришлось преодолеть столько непосильных трудностей.

— Я отказалась от личных чувств и действую как член коллектива, а теперь вдруг одна должна идти к Мори — разве это справедливо?

— *Прекрати, дрянь! Опять начала трепаться?!*

Ооно так гаркнула на студентку, что та послушно поднялась со своего места и пошла к Мори. Вид напряженных ляжек девушки, выглядывавших из-под джинсовых шортов, когда она проходила мимо меня, приседая, чтобы удержаться на ногах при резких поворотах машины, запах ее тела привели меня в трепет... но дело здесь не в эротике, это был тот самый ужасный запах, который я вдыхал, пока был пленником.

— Ну, так каким же образом дошло до тебя сообщение, что *СПРАВЕДЛИВЕЦ* убит? Неужели, схватив нас, члены группы устроили пресс-конференцию по случаю зверского убийства?

— Никакой пресс-конференции мы не проводили! — громко заявил сидевший сзади *СПОСОБНЫЙ ЧИНОВНИК* из *Корпуса лососей.* В отличие от меня и *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА* он совсем не выглядел усталым и мог говорить громким голосом.— Это был несчастный случай, достойный сожаления, несчастный случай, и никто не рассматривает его как военную победу. Кроме того, виновные в этом несчастном случае должны быть привлечены к ответственности в рамках студенческой организации группы. Это произошло в результате тактического промаха. Когда виновных привлекут к ответственности, можно будет провести и пресс-конференцию.

— Даже если кого-то и привлекут к ответственности, покойного к жизни, разумеется, не вернешь! А потом, разве вы когда-нибудь признаете, что в вашем движении могут быть несчастные случаи, вызванные тактическим промахом?

— *Что?!* — Оба из *Корпуса лососей* на мгновение умолкли, а потом *СПОСОБНЫЙ ЧИНОВНИК,* выражая точку зрения своего товарища, продолжил:— Наоборот, мы всегда признаем факты несчастных случаев, возникших в результате тактических промахов, и выступаем с самокритикой. Привлечение к ответственности за несчастные случаи, вызванные тактическими промахами, было необходимым и неизбежным особенно в то время, когда наша боевая группа делала свои первые шаги и немало ее организаторов погибло из-за несчастных случаев, вызванных глупейшими оплошностями...

— Говоря «наша группа», вы, наверно, имеете в виду *Корпус лососей?* И поскольку речь идет о *Корпусе лососей,* я вам верю. Но я не убежден, что революционная группа студентов тоже признает свои промахи.

Говоря это, я повернулся к ним, чтобы посмотреть, какое впечатление произведут

на них мои слова: *Корпус лососей.* Но я увидел лишь, как студентка любовно и серьезно дотрагивалась пальцами до головы Мори, который смотрел прямо перед собой, глубоко утопая в сиденье, и я поспешно отвернулся.

— ...Совершенно верно, речь идет о *Корпусе лососей,*— честно подтвердил *СПОСОБНЫЙ ЧИНОВНИК* после минутного колебания.— При несчастных случаях, нередких в начале нашей деятельности, виновные всегда привлекались к ответственности... Конечно, разбирательство проводится внутри нашей революционной группы, объединенной общим курсом и целями, и полностью распространить наш «стиль» и на студенческие организации весьма нелегко... Исходя из существующего опыта, я могу сказать, что это практически невозможно.

— Вы говорите о случившемся так невозмутимо, словно о чем-то абстрактном. И это когда речь идет о только что убитом *СПРАВЕДЛИВЦЕ?!* Все, о чем вы говорили, невозможно не только практически, это совершенно невозможно даже теоретически! Почему серьезные, думающие ребята *абсолютно все становятся фашистами?* — раздраженно заговорила Ооно. И я снова понял, что необычная для нее грубость, с какой она кричала на Саёко, вызвана терзающей ее душу безысходной печалью.— ...Вечером мне позвонил полицейский — тот, которому я вручила свою визитную карточку. Он сказал мне, что *СПРАВЕДЛИВЕЦ* упал с ограды в дальнем конце университетской территории, попал под электричку и умер страшной смертью. Нужно пойти опознать его, сказал полицейский. У меня сердце обливалось кровью — я тут же позвонила своим ребятам, поехавшим на мою дачу в горах, и рассказала, что фашисты убили *СПРАВЕДЛИВЦА.* И вот какой была их первая реакция: ни в коем случае не ходить в полицию, во всяком случае одной, сказали они мне. Пока руководство не проанализирует нынешнее положение в группе и не даст оценки случившемуся, такой эмоциональный и импульсивный человек, как я, пойдя в полицию, выскажет там недостаточно продуманную мысль, и это может привести к серьезным осложнениям. Особенно остерегайся буржуазной прессы, сказали они. Они даже ничего не сказали толком о случившемся. ...Почему *абсолютно все становятся фашистами?* Абсолютно все молодые ребята нашей страны?! Они по очереди подходили к телефону, стараясь уговорить меня, но я, не послушав их уговоров, все же пошла опознавать труп. Однако увидела только руки — единственное, что осталось от превратившегося в кровавое месиво *СПРАВЕДЛИВЦА.* Они были отрезаны чуть выше локтя, и пальцы крепко сцеплены. Так, сцепив руки над головой, отвечает на приветственные крики зрителей победивший атлет. Именно так. Увидев эти крепко переплетенные пальцы, я убедилась: это *СПРАВЕДЛИВЕЦ,* и никто иной. Незадолго до этого, перед началом митинга, *СПРАВЕДЛИВЕЦ* нашел в своем блокноте, заполненном расписанием демонстраций и митингов, чистый листок и подсчитал для меня, сколько горячей воды будет выбрасывать в день атомная электростанция мощностью в десять миллионов киловатт. Я хорошо запомнила форму его напряженных пальцев, крепко зажавших короткий карандаш...

Рассказывая об этом плачущим голосом, Ооно резко вскидывала голову, чтобы смахнуть слезы. Но это ей никак не удавалось, и пришлось подъехать к обочине. Остановив машину, будущая киносценаристка, не в силах сдержать скорбь, охватившую ее, когда она своим рассказом о смерти *СПРАВЕДЛИВЦА* воскресила пережитое, оперлась о руль и разрыдалась. Мы не знали, что делать. Нас спас отличающийся практичностью *СПОСОБНЫЙ ЧИНОВНИК* — обняв плачущую женщину за плечи, он отвел ее на заднее сиденье, а сам сел за руль и направил машину к круглосуточно работающей закусочной для водителей грузовиков, где светилась неоновая вывеска. Ооно осталась в микроавтобусе, поставленном на огражденной стоянке, а мы, чтобы не умереть с голода, пошли перекусить.

Вид у нас был весьма странный, особенно странно выглядели мы с *ДОБРОВОЛЬНЫМ АРБИТРОМ* и Мори, голова которого была забинтована, но тем не менее мы пошли в закусочную. Ничего другого нам просто не оставалось. Опасение, что, увидев такую странную компанию, хозяин тут же сообщит в полицию, отмечалось не признающим логики голосом пустого желудка; сейчас главное — поесть, а там будь что будет! Когда мы открыли дверь, нас буквально отбросил назад слепящий свет и оглушительный шум — мы замерли у порога под устремленными на нас взглядами посетителей. Однако девушка у кассы и глазом не моргнула, будто в нашем необычном виде не находила ничего особенного.

— Потерпели аварию? В туалете есть аптечка! Как это ужасно!

— Аварию? Да, аварию! Действительно ужасно! — *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* мгновенно оценил обстановку; говорил он глухим голосом, насупившись, показывая этим, какие ужасные страдания мы испытываем.— В ночных новостях о дорожных катастрофах нас здорово ругали, стыдно людям в глаза смотреть. В машине, которая столкнулась с нами, один человек погиб!

ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР проявил себя как человек находчивый и решительный! Люди, занятые, как он, практической деятельностью, даже если практическая деятельность сводится к тому, что во время бесполезного выступления их бьют и валят с ног, ха-ха, прошли в своей жизни огонь, воду и медные трубы. Благодаря разглагольствованиям *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА*, наша компания именно из-за своего необычного вида превратилась в самых дорогих гостей закусочной у скоростной автострады. Сидевшие там водители грузовиков ни словом не обмолвились в наш адрес, когда мы уселись в дальнем конце. Взглянув на наши раны, они почтительно и в то же время удивленно уставились на слабаков, ставших жертвой насилия. Все они были молодыми ребятами, и щеки их пылали, хотя они не выпили ни капли вина, а часы, висевшие рядом с кошкой, приносящей счастье, и талисманом бога огня из храма в Нарита, показывали уже десять минут четвертого...

Итак, наконец мы в таком месте, где вдоволь еды. Я раскрыл меню с ощущением, будто ничего не ел целую тысячу лет, но разбитые пальцы заледенели, точно шершавый листок меню был холодным снежным комом.

— Давайте возьмем комплексный обед из китайских блюд! В таком месте это, пожалуй, самое безопасное,— энергично предложил *СПОСОБНЫЙ ЧИНОВНИК*.

— Я бы съел еще и колобков из крабов,— с не меньшей горячностью сказал *СОБАЧЬЯ МОРДА*, и студентка, соблазнившись, с готовностью поддержала его:

— Я тоже хочу колобков!

Заказав еду, мы, сидя за круглым столиком, ждали, пока нам ее принесут; *СПОСОБНЫЙ ЧИНОВНИК* спохватился и налил всем чаю; после нервной вспышки Ооно разговор у нас не клеился. По радио прозвучали слова песни: Свет Луны коснулся твоего затылка! — и *СПОСОБНЫЙ ЧИНОВНИК*, моргая, подняв к потолку глаза, заявил:

— Стремление к двусмысленности.

— Да, обскурантизм,— с завидной серьезностью поддержал его *СОБАЧЬЯ МОРДА*.— Неужели они готовы были без конца критиковать песню и манеру исполнителя? Ха-ха.

Тут *СПОСОБНЫЙ ЧИНОВНИК* перевел на меня свои мигающие глаза.

— Откуда ты узнал о существовании *Корпуса лососей*? — задал он, видимо, давно мучивший его вопрос.

— Когда *Корпус лососей* на реке Кумагава в префектуре Гумма реквизировал охотничьи ружья, я как раз был поблизости — ловил лососей. Я тогда чисто случайно не встретился с *Корпусом лососей*.

— Мы их реквизировали у директоров охотничьих союзов,— *СПОСОБНЫЙ ЧИНОВНИК* собрал в мелкие морщинки лоб с большими залысинами и обменялся взглядами с *СОБАЧЬЕЙ МОРДОЙ* — они понимающе ухмыльнулись друг другу.

Издав простодушный смешок, совсем не свойственный людям, которым уже за сорок, они снова посерьезнели.

— Ружья, которые мы тогда реквизировали, были хорошего качества, но разных образцов — и старых, и самых новейших. Из-за этого и возникли проблемы. Только освоишь ружье одной марки, как тебе дают другое — опять все начинай сначала. Это все время приводило к многочисленным жертвам. Жертвам несчастных случаев в результате тактических ошибок. Это был для нас самый тяжелый период.

— Лучше бы мы добыли одни старые ружья — тогда все были бы вооружены одинаково. Для дела это гораздо лучше, а то, как получаешь оружие поновее, сохранить хладнокровие бывает трудно.

— Я иногда размышляла о том, какой смысл заключен в названии *Корпус лососей*; наверно, речь идет совсем не о тех лососях, которых ловил отец Мори? — осторожно спросила студентка.— Если это самое обычное слово, известное каждому революционеру и бойцу вашего корпуса, то так и скажите, только не смейтесь надо мной.

— Лосось — пресноводная рыба, принадлежащая к семейству кетовых. Рыбаки ловят лососей, все время двигаясь вдоль горной реки, мы тоже все время передвигаемся, за это одна из газет префектуры Иватэ прозвала нас *Корпусом лососей*... Однако,

поскольку это прозвище звучало как-то легкомысленно, власти не придали нам никакого значения. Если бы они всерьез восприняли сообщение газеты и устроили облаву на горных реках, нам бы пришлось туго...

— Ведь карта районов деятельности *Корпуса лососей* взята из книги «Места лова на горных реках», которая продается где угодно. Попади она в руки властей, они бы своего шанса не упустили. Вот тогда нам было бы худо, это уж наверняка.

СОБАЧЬЯ МОРДА, быстро прикончив принесенный комплексный обед, пододвинул к себе тарелку с колобками из крабов, и я подумал, что вот таким по-студенчески жадным заглатыванием еды он и испортил себе желудок — отсюда и серый цвет лица, и болезненный взгляд.

— Кое-кто действительно обнаружил взаимосвязь между маршрутом нашего похода и названием *Корпус лососей*, например *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.* Через продуктовую лавку в городке, известном как центр ловли рыбы в горных реках, он уже давным-давно установил с нами связь.

Опять этот *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.!*

— Я уж думаю, не я ли первый рассказал ему о *Корпусе лососей*... Но с какой целью решил он установить с вами связь?

— *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.* использует все! Хочет господствовать над всеми! — сказал *СОБАЧЬЯ МОРДА*, подняв лицо с налипшими на губах кусочками колобков.

— Но если *Корпус лососей* совершал свой поход в глухих районах на северо-востоке, для чего он мог использовать вас, даже установив с вами связь?

— Местом действий *Корпуса лососей* действительно были горные реки, но, поскольку это — современное партизанское формирование, он мог растворяться и среди жителей городов,— разоткровенничался *СОБАЧЬЯ МОРДА*.— Способность хорошо вооруженного *Корпуса лососей* активно смешаться с населением, оставаясь недосягаемым для властей, доставляла полиции немало хлопот. Однако *Великий поход* китайской революции и наш *Великий поход*, естественно, отличались друг от друга. Наш поход носил, скорее, ритуальный характер. Поскольку он являлся определенным символом, ритуалом, не все солдаты *Корпуса лососей* должны были участвовать в нем. Число участников похода *Корпуса лососей* было сравнительно невелико. Но они беспрерывно выполняли этот ритуал. Вот почему каждый наш солдат отождествлял себя с коллективом. Солдаты в любое время спускались с гор и проникали в города, а потом снова возвращались в отряд, в место сбора, которое сообщалось им совершенно секретно. Избежать любопытных глаз было сравнительно нетрудно — кто удивится, если на рассвете или вечером увидит поднимающегося в горы человека, снаряженного для рыбной ловли в горной реке? Обеспечен был *Корпус лососей* и материально благодаря тому, что солдаты, спускаясь с гор, работали и, добыв необходимые средства, возвращались обратно. В общем, *Корпус лососей* — это, так сказать, открытый партизанский отряд, не имеющий ничего общего с закрытыми формированиями, страдающими болезненным стремлением никуда не выпускать своих членов.

— В таком случае почему революционная группа не использует методов *Корпуса лососей?* — не удержавшись, сказала студентка, но *СОБАЧЬЯ МОРДА* игнорировал ее вопрос, и вместо него ей ответил *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР:*

— Обычно, когда одного из членов партизанского отряда, укрывавшегося в горах, посылают вниз, у всех остальных возникает подозрение, что он может предать их. Такое подозрение, сочетаясь с непреодолимым желанием дезертировать, которое испытывают они сами, разъедает ядом их души. Именно ради освобождения их от этого яда я и веду движение, направленное на то, чтобы между всеми группами было достигнуто взаимопонимание на основе самокритичного анализа деятельности каждой из них. Партизаны должны, растворившись в народе и апеллируя к нему, освободить самих партизан.

— Апеллируя к народу освободить самих партизан — что это еще за партизанские стратегия и тактика? — обратился *СОБАЧЬЯ МОРДА* к *СПОСОБНОМУ ЧИНОВНИКУ*, тем самым нелюбезно выражая *ДОБРОВОЛЬНОМУ АРБИТРУ* полное несогласие с ним.— Плавание партизан в народном море, а не растворение в нем, подобно мылу. В противном случае партизаны вообще исчезнут!.. Другими словами, поскольку центростремительная сила концентрирует партизан вокруг ядра отряда и члены его осознают существование такой силы, нет никакой нужды убеждаться в их преданности, да и предательств не происходит. Именно в этом, мне кажется, и состоит осо-

бенность партизанского движения. Что касается *Корпуса лососей*, то центростремительная сила сохранилась благодаря беспрерывно продолжавшемуся походу, хотя число его участников было не так уж велико.

— Но разве *Корпус лососей* в конце концов не рассеялся подобно туману? — спросил в ответ разозлившийся *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*.

Услышав это, двое из *Корпуса лососей*, вытянув по-гусиному шеи, презрительно посмотрели на вопрошающего и переглянулись — удовлетворенная улыбка появилась на их лицах. Они начали громко хохотать, прерывисто дыша, точно задохнулись от быстрого бега! Их вызывающее поведение привлекло внимание водителей грузовиков, которые, казалось, вовсе забыли о нашем существовании,— атмосфера начала накаляться.

СПОСОБНЫЙ ЧИНОВНИК откашлялся и, точно отметая устремленные на нас взгляды водителей, резко выпрямился на стуле. Не стирая с лица улыбки, он перевел на *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА* свои круглые птичьи глаза и ответил ему так:

— *Корпус лососей* не рассеялся подобно туману. Именно поэтому я не могу подробно рассказать о его нынешнем походе... Однако мы привлекли внимание этих людей, давайте лучше уйдем отсюда. Материальное положение *Корпуса лососей*, я уже сказал, великолепно, так что заплатим мы.

— В этом, по-моему, нет необходимости,— заметил его товарищ.

У кассы стояла Ооно Сакурао и величественно расплачивалась.

Справившись со своим горем, вызванным смертью *СПРАВЕДЛИВЦА*, она вспомнила, что должна заплатить за нас, и, как руководитель нашей группы, покинула машину и пожаловала сюда.

4

Мы поднялись и пошли к выходу, а *СПОСОБНЫЙ ЧИНОВНИК*, самый находчивый из нас, поблагодарил будущую киносценаристку, но она, как и в прошлый раз, игнорировала его и одновременно предложила нам с *ДОБРОВОЛЬНЫМ АРБИТРОМ* зайти в туалет и привести себя в порядок. «У нас здесь не столько едят, сколько пользуются этим заведением»,— зло бросила девушка у кассы. Выражая простодушное восхищение заботливостью Ооно, *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*, глядя на свое отражение в зеркале туалета, сказал, обращаясь к самому себе: Она даже полотенце для нас приготовила. Слова его не имели ко мне никакого отношения. Я в это время сидел на унитазе и услышал его голос за дверью. Правда, его отражавшееся в зеркале лицо, как и мое, выглядело ужасно, и радостного выражения на нем не появилось.

Студентка выбрала место, с которого хорошо было видно всех,— усевшись на подлокотник и опершись руками о сиденье, она принялась провоцировать нас на спор.

— Куда мы поедем теперь? Кто-то знает, куда мы направляемся, а другие должны молча подчиняться — это недемократично! Я до сих пор работала связной, а теперь меня никто не посвящает в наши планы. Это не только недемократично, но еще и проявление мужского шовинизма! Вас двоих, наверно, направило сюда командование *Корпуса лососей* для наблюдения за Мори, этим мальчишкой, и *ДОБРОВОЛЬНЫМ АРБИТРОМ*? Но в таком случае не смейте обращаться со мной как с объектом наблюдения! Я тоже член революционной группы! Если вы решили отстранить меня, будто я не имею никакого отношения к нашему движению, это уже совсем нечестно, бюрократизм какой-то!

Студентке доброжелательно, но с некоторым недоумением ответил *СПОСОБНЫЙ ЧИНОВНИК* — ее обвинения были для него совершенно неожиданными.

— Разве мы относимся к тебе бюрократически? Это не в наших правилах. Если думать о перспективах революции, важно не то, как развивалось движение до сих пор, а то, как оно будет развиваться в дальнейшем. Особенно это важно знать молодым членам группы. Мы относимся к тебе с уважением и ни в коем случае не намерены тебя отстранять... Мы составляем здесь меньшинство и не собираемся вести за вами наблюдение. Мы добровольцы, присоединившиеся к вам для обеспечения дальнейших действий двух *превратившихся* — Мори и отца Мори. Мы обязаны сосредоточить все свое внимание на Мори. Почему же тебе кажется, что ты, участвующая в борьбе вместе с Мори с самого покушения, будешь отстранена?

После этих слов *СПОСОБНОГО ЧИНОВНИКА* студентка, ища поддержку, перевела взгляд на Мори. Следуя за ее взглядом, я тоже взглянул в ту сторону. Мори, свернувшись на сиденье, спал. Руками он старательно прикрывал раненую голову, как и до *превращения*, когда у него там был вставлен кусочек пластика. Глядя на Мори, я подумал: все же ему необходимо объяснить, что я, *превратившись*, стал моложе его, но все равно остаюсь его отцом. И я спросил, обращаясь главным образом к тем двоим из *Корпуса лососей*:

— Почему вы все-таки вызвались охранять Мори? Ведь в вашем возрасте уже трудно поверить рассказу о *превращении*.

— Да ясно почему! На нас произвело огромное впечатление ваше недавнее выступление. Оставим в стороне вопрос о том, верим мы в *превращение* или не верим. Все шестеро из *Корпуса лососей*, находившиеся тогда в зале, были потрясены вашей речью, которую вы буквально прокричали, словно слившись с Мори. Мы согласились с вами и решили сотрудничать.

Веря ему только наполовину, я решил пока воздержаться от окончательных выводов, но тут *СОБАЧЬЯ МОРДА*, стараясь, чтобы я понял истинный смысл сказанного *СПОСОБНЫМ ЧИНОВНИКОМ*, глядя мне прямо в глаза, принялся убеждать меня:

— Что удивительного в том, что именно на нас, находившихся среди этих юнцов, вернее даже, только на нас ваши слова произвели огромное впечатление? Откровенно говоря, больше всего нам понравились ваши мысли о программе господства над людьми *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* У нас ведь есть опыт, который даже не снился этим молокососам. Перед самой капитуляцией Японии *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.* на военном самолете вывез из Шанхая в Хиросиму золото, серебро, бриллианты, а тут атомная бомбардировка. Все его приятели погибли, уцелели лишь сокровища и сам *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.*— он принадлежит к тем людям, кому удалось извлечь выгоду из самого мрачного, самого ужасного, что только может создать человечество. Видимо, поэтому он и решил теперь сам вызвать к жизни сверхмощную силу, которая однажды уже столкнула его лицом к лицу с мраком. Вот почему эта программа господства над людьми ужасна. Мы вовсе не считаем ваши мысли о *МОГУЩЕСТВЕННОМ ГОСПОДИНЕ А.* химерой.

СОБАЧЬЯ МОРДА говорил о пережитой *МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А.* атомной бомбардировке так, будто повторял заученный урок. Такую тактику обычно применяли дружки Саёко — повторяя хорошо известные собеседнику вещи, они старались сблизить позиции, но я, честно говоря, раньше над тем, что сообщил *СОБАЧЬЯ МОРДА*, не задумывался и поэтому пришел в смятение. Воспользовавшись моим молчанием, в разговор вмешалась Саёко, задав весьма существенный вопрос:

— Почему *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.*, бывший в Хиросиме очевидцем колоссального зла, не придумал равносильного этому злу добра?

— По формальной логике так и должно было случиться,— ответил *СПОСОБНЫЙ ЧИНОВНИК.*— Возможно, наступит время, когда совершенное *МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А.* будет оцениваться как величайшее благо. Сценарии *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.*, о которых говорилось в выступлении, если только они будут претворены в жизнь, вполне можно рассматривать как колоссальное добро. Буквально все аспекты сценариев. Они вполне достойны Нобелевской премии мира. Лишь когда это добро воплотится в реальность, господство *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* над людьми вступит в завершающую фазу.

— Однако! — подхватил *СОБАЧЬЯ МОРДА.*— Вот почему нельзя утверждать, что *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.* с самого начала стремился к колоссальному добру. Видимо, возвращаясь к опыту пережитой атомной бомбардировки, *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.* не рассматривает порожденную ею нестабильность обстановки как зло. Разумеется, он не настолько наивен, чтобы считать происшедшее благом. Атомная бомбардировка указала *МОГУЩЕСТВЕННОМУ ГОСПОДИНУ А.* на безграничное расширение масштабов того, что может свершить человек. Если другие способны на столь грандиозные дела, то и он в силах совершить то же — ведь все это сделали такие же, как и он, люди; в общем, у него открылись глаза. Человек, который так реагировал на атомную бомбардировку, способен придумать что угодно. Ядерный взрыв по своей грандиозности равноценен всему, чего достигло на сегодняшний день человечество. А все прочее уже выходило бы за земные рамки. Но *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.* в своих честолюбивых помыслах не стремился к космическим масштабам. Он только хотел господствовать над людьми на Земле.

Слушая *СОБАЧЬЮ МОРДУ*, я заметил, что спящий Мори корчится в мучительных судорогах. Я понял: судорога — признак острой потребности в самовыражении. Это пришли в движение кровь, мышцы, суставы, кости — весь организм Мори, пытающийся передать голос его духа. Я услышал в себе свой собственный голос, резонирующий с его беззвучным криком. *Вот как? Поскольку наше превращение произошло благодаря воле-силе на космическом уровне, мы обладаем мощью колоссального масштаба, превосходящей мощь честолюбивых помыслов МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.*

Осознав этот прозвучавший во мне крик, я понял смысл действий Мори, сразу же после *превращения* напавшего на *ПАТРОНА*,— ну, что ж, в таком случае я снова его преданный товарищ. Поддерживаемый этой уверенностью, я утратил последние сомнения в том, что ветераны славного *Корпуса лососей* по собственной воле решили охранять двух *превратившихся*. И тут я понял, что именно эти двое — наши первые товарищи — откроют всему человечеству суть *превращения*, которое до сих пор было скрыто, ограниченное лишь Мори и мной. Я не колеблясь завел с ними дружеский, откровенный разговор о стратегии и тактике.

— Для *ПАТРОНА* я делал главным образом резюме статей о ядерной ситуации за рубежом, но порой передавал ему и данные, связанные с Хиросимой и Нагасаки. Однако он ни разу и словом не обмолвился, что пережил атомную бомбардировку. В чем тут дело? Может быть, этот факт будет иметь определенное значение для стратегии предстоящей борьбы?

— Со мной *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.* ни разу не заводил разговора об атомной бомбардировке,— ответил *СОБАЧЬЯ МОРДА*.— Я только слышал от людей, что после поражения, в период оккупации, он рассказывал, будто пережил атомную бомбардировку. Во всяком случае американцы, с которыми мне приходилось частенько встречаться, вспоминали об этом. В тот период еще существовал контроль над сообщениями о Хиросиме и Нагасаки, и американец рассказывал мне все это только для того, чтобы показать, как человек, переживший атомную бомбардировку, опередил всех в гонке за прибылями в международном масштабе. Тогда уже было совершенно ясно, что движущей силой замыслов *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* станет именно тот факт, что он пережил атомную бомбардировку. Я узнал об этом от одного американца, когда работал переводчиком на торговых переговорах о монопольных прибылях, которые хотел получить *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.*; в свое время этот американец уже вел с ним подобные переговоры.

— Мой товарищ считается в Японии выдающимся специалистом в области английского языка и поэтому много раз ездил в Америку в качестве переводчика *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.*,— пояснил *СПОСОБНЫЙ ЧИНОВНИК*, переглянувшись с *СОБАЧЬЕЙ МОРДОЙ* они дружески улыбнулись друг другу.— Даже во времена боевого похода по горным рекам он, будучи солдатом *Корпуса лососей*, ездил переводчиком за границу, вот какие у нас есть люди. *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.*, разумеется, знал, что ты принадлежишь к *Корпусу лососей*? Ведь когда ты поехал с ним в Атланту, он установил связь с «Черными пантерами» через тебя, правильно?

— Связь с ними оказалась на поверку бесполезной — пороху у них не хватает... Насколько я понимаю, план *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* в период подписания мирного договора с Америкой состоял в том, чтобы превратить Хиросиму и Нагасаки в открытые города и сконцентрировать в них банки всего мира на манер швейцарских. Он считал, что, поскольку два этих города уже подвергались атомной бомбардировке, вряд ли они станут объектами новой ядерной атаки. Следовательно, вкладывать деньги в банки Хиросимы и Нагасаки безопаснее, чем в швейцарские. Во время предварительных переговоров по этому вопросу он даже предложил вариант демонстрации ядерной угрозы — пусть, мол, самолет без опознавательных знаков совершит ядерное нападение на Швейцарию. Американец задал встречный вопрос — подобает ли говорить о новой атомной бомбардировке человеку, который сам пережил ее, на что *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.* ответил: именно поэтому я ее и предлагаю!

— Сам план провалился, но определенное воздействие он оказал, свидетельством чему может служить колоссальная система противоядерной защиты швейцарских банков,— сказал *СПОСОБНЫЙ ЧИНОВНИК*.— Со стороны может показаться, что все за-

мыслы *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* гибнут на полпути. Но это лишь видимость — за кулисами тайно достигается выгоднейшая сделка.

— Интересно, что за переговоры вел с американцами *ПАТРОН,* при котором вы были переводчиком?

— Переговоры, казалось закончившиеся неудачей, служили лишь камуфляжем для тайной сделки, например, поставки в Японию заводов, производящих индивидуальные атомные убежища, которые можно использовать как жилые дома.

— Возможно, в таком случае это имело прямую связь с той информацией, которую я поставлял *ПАТРОНУ.*

— Совершенно верно. К тому же *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.* делал все для того, чтобы мы не встретились. Трудно теперь оценить, что сделали сообща все люди, которые независимо друг от друга работали на *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.*

— Мой университетский товарищ был агентом-связным *ПАТРОНА* в Европе — сразу же после кубинского кризиса он покончил с собой. Он был моим старинным приятелем, но даже я не знал точно, какую именно работу он делал для *ПАТРОНА...*

— Нам тоже известно о нем! Он подготавливал базы в Европе для *Корпуса лососей.*

Мы вновь почувствовали, как на нас надвигается угрожающая тень *ПАТРОНА.* Все замолчали, обдумывая то новое, что услышали друг от друга.

Будущая киносценаристка, которая, продолжая вести машину, видимо, прислушивалась к нашему разговору, сказала:

— Отец Мори, чтобы сохранить силы для совместных с Мори действий, вам бы тоже следовало вздремнуть, пока он спит... До сих пор вы делали все, чтобы защитить Мори от *Корпуса лососей.* но, поскольку теперь вы поняли. что и они будут бороться вместе с вами, охраняя Мори, можете спокойно поспать.

— Верно. Всем спать! Но где? Может быть, мы могли бы заехать на автобусе в мотель? — сказал *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР,* видимо совсем отупевший от постоянного недосыпания.

— А почему нельзя поспать в самом автобусе? Как сейчас спит Мори? Можно укрыться одеялами, которые лежат на багажных полках. Осторожно опустите спинку, чтобы не разбудить Мори, и накройте его одеялом. Я буду тихонько вести машину, и в ней будет тепло, а уж если начну клевать носом и ехать станет совсем опасно, тогда придется остановиться. Отопление, правда, работать не будет.

Мы начали укладываться спать, студентка укрыла Мори одеялом и вернулась на сиденье рядом с водителем. Она, наверно, решила помогать Ооно вести машину и заменить ее, если ту сморит сон! Меня гронуло это. Девушка обладала всеми качествами, которые так необходимы практическому деятелю. Засыпая под мягкое покачивание машины, я подумал с беспокойством, а был ли я когда-нибудь, подобно ей, солью земли и вообще смогу ли когда-нибудь стать таким же, как она...

5

Я видел сон. Сон? Вы можете даже усомниться, мол, как по заказу, но я действительно видел сон. Мне кажется, в нем метафорически выражались отношения между реальным миром, в котором жили мы с Мори после *превращения* и космической волей. Должен ли я скрывать этот вещий сон? Ведь я все это время в е л р а с с к а з о снах или о том, что весьма походило на сон, ха-ха! Надеюсь, вы не истолкуете мой смех превратно и не подумаете, что я собираюсь говорить о смешных вещах? Я смеюсь над своим нетерпением поскорее поведать о сне. еще более отчаянном, чем самое отчаянное время в моей двойной жизни, порожденной *превращением.* То, что я собираюсь рассказать,— это сон о зловещих призраках, но я надеюсь, что вы воспримете его с полной серьезностью.

Вначале во сне очертания реального мира, в котором пребывали мы с Мори, были совершенно четкими и можно было точно уловить истинную сущность нашей жизни. Мы с Мори были солдатами *Корпуса лососей.* Причем мы как раз совершали *Великий поход* по горным рекам. Все солдаты были в маскировочной военной форме и в серебристых очках для подводного плаванья. Камуфляжная раскраска служила не столько для того, чтобы затеряться среди зелени, сколько для того, чтобы резко выделяться в повседневной жизни. На темно-сером фоне, словно подернутом молочной пе-

леной, расплывчато проступали какие-то розовые разводы; хотя и затуманенные молочной белизной, они явно напоминали узоры вытащенного на мелководье из чистой, хотя и чуть замутненной воды лосося,— такой была наша боевая форма. Осмотревшись, я увидел весь наш огромный корпус в одинаковой одежде и вспомнил лосося, своей окраской напоминавшего только что распустившуюся вишню, однажды я видел такой сделанный под водой снимок.

Одетые в маскировочную форму солдаты совершают поход, широко растянувшись по берегам горной реки — до самого редколесья на склонах холмов. Движутся они проворно, но размеренно. Они идут, напевая высокими голосами, еще более чистыми, чем журчание реки: ЛИ... ЛИ... ЛИ... Эти ЛИ... ЛИ... ЛИ... должны взбодрить товарищей, удовлетворить собственную тайную гордость. Эти ЛИ... ЛИ... ЛИ... отличались от тех криков, которые настигали меня, когда я, помешанный на бейсболе мальчишка, замирал в базе, привлекая к себе всеобщее внимание! Благодаря одному этому новому хору ЛИ... ЛИ... ЛИ... мы с Мори, только что влившиеся в *Корпус лососей,* ясно осознали, каких идеальных людей собрал он в своих рядах. И мы тоже шли, радостно выкрикивая ЛИ... ЛИ... ЛИ... В бойцах, шагавших бок о бок с нами, мы беспрерывно узнавали самых разных людей, с которыми сталкивались в жизни. А, и ты тоже здесь! — неподдельно удивлялись мы и восклицали:

— Значит, ты и в самом деле боец *Корпуса лососей!*

Колонна двигалась, будто проецируясь на стереоэкран, поэтому мы с Мори беспрерывно обнаруживали среди солдат наших старых знакомых.

Образы этих дорогих мне людей переполняли мою погруженную в сон душу, успокаивали ее, символизировали мое полное освобождение. Осколки моего прошлого, нашедшие приют в их существовании, словно говорили мне: *Нет, твоя жизнь до сих пор не была так уж безнадежно плоха.* Разумеется, это чувство разделял со мной Мори. Мы мужественно шли с ним вперед. Мне казалось, что, взглянув на стереоэкран, я увижу в колонне, напоминавшей косяк лососей цвета распустившейся вишни, и нас — себя и Мори,— смело идущих вперед.

Вдруг на стереоэкране показался повесившийся в Париже товарищ с обмотанной бинтом шеей. Он шагал, опустив голову, по мелководью, заросшему водорослями, глаза его метали фиолетовые искры. За ним следовала похожая на сестру милосердия его жена-француженка. Она уже знала о его смерти, но, как ни странно, держалась так, будто ничего не случилось...

Участвовал в походе и *СПРАВЕДЛИВЕЦ.* Из-за неумения врача, собиравшего по кускам его растерзанное тело, он двигался как кукла, скрепленная в суставах гвоздями, руки его были сцеплены на груди. Весь его облик, казалось, говорил о том, что, совершая *Великий поход,* он решает новую математическую проблему. Делая вид, что не замечает фиолетовых искр, сверкавших и в глазах *СПРАВЕДЛИВЦА,* за ним покорно следовала Ооно Сакурао. Без ее помощи двигавшаяся вперед пожилая кукла-солдат упала бы навзничь. Как только объявлялся привал, *СПРАВЕДЛИВЕЦ* прятался с Ооно в зарослях ивы, и они не спеша, как и подобает в их возрасте, предавались любви, ха-ха.

Я заглянул в прошлое с проницательностью ясновидца — потасовка на митинге, выхваченная из мрака яркой вспышкой и выглядевшая фарсом, обернулась огромным беспорядочным сражением *Корпуса лососей,* стремящегося разрушить принимающий все большие масштабы, охватывающий все новые области замысел *ПАТРОНА* господствовать над людьми. Вспомните мужество *СПРАВЕДЛИВЦА,* сражавшегося своими вставными челюстями, которыми он манипулировал точно кастаньетами!

Однако теперь это было уже не то символическое сражение, а подлинная наступательная операция *Корпуса лососей.* И все солдаты воинственно кричали ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... призывая свергнуть самого могущественного и самого отвратительного врага — *ПАТРОНА.*

Тут, вскрикнув, я проснулся. Это было мучительное пробуждение — сон, знаменовавший наше с Мори духовное освобождение, неожиданно наткнувшись на глухую стену, рассыпался. Острые шипы кошмара, проникнув из сна в действительность, оставили в моем пробудившемся теле и душе страшные раны. *Не вселилась ли космическая воля, сотворившая наше с Мори превращение, и в самого ПАТРОНА, по прихоти которого Корпус лососей совершал свой Великий поход? Что же будет с нами, если он в самом деле есть та самая космическая воля, предопределившая наше с Мори превращение?*

От холода и ужаса пронзившей меня мысли я дрожал, плотно закрыв глаза, но тут почувствовал прикосновение к щеке намокшей от стекавших по стеклу капелек воды занавески и понял, что нахожусь не у врат космического ада, а в микроавтобусе, вместе с Мори. Отогнув край занавески, я выглянул наружу — внизу вдалеке виднелся порт Иокогама, а наш автобус стоял у сломанной ограды, окружавшей жилой массив на холме. Предрассветное небо было темно-серым, подернутым молочной пеленой, а высоко над портом пелена эта уже слегка розовела. Из-за холма доносился грохот, напоминавший землетрясение,— там, наверно, проходила автострада. Из моего сознания еще не исчезла машина жены, б ы в ш е й жены, и ее брата-великана, обгонявшая тяжелые грузовики. Плотно прикрыв занавеску, я вернулся в холодную тьму и некоторое время прислушивался к сонному дыханию Мори, к сонному дыханию спящих в микроавтобусе товарищей... Да, забыл сказать, в моем сне в *Великом походе Корпуса лососей* участвовали и вы, писатель-невидимка, и ваш сын, ха-ха.

Глава XI

В Токио прибывают ряженые

1

Наверно, я должен продолжать свой рассказ, стараясь не погрязнуть в мельчайших деталях. Но все эти мелочи представляются мне чрезвычайно важными — ведь в то время, пока я рассказываю о них, а вы записываете, Мори и я, *превратившись*, живем полной жизнью, и, если я вдруг умолкну, вам, мне кажется, тоже станет неуютно.

К тому же я не убежден, что буквально все сказанное мной записывается без малейшего пропуска. Неухоженный лес моих слов вы вырубаете по своему усмотрению и превращаете его в стилистически обработанный, где легко дышится. Я так и предполагал, что в этом и проявится связь моих слов и ваших записок. Именно поэтому я и говорил обо всем так подробно, опасаясь, как бы вы в своих записках не опустили те места, которые позволят понять, что та или иная мелочь имеет глубокий смысл. Однако я надеюсь, вы записали то, о чем я в е д у р а с с к а з, не выбирая, что оставить в нем, а что из него выбросить.

Таким образом, вам, возможно, потребуется еще несколько десятков тысяч иероглифов, пока мы дойдем до действий, которые проявят космический смысл нашего с Мори *превращения*. И не окажется ли так, что, пока я говорю, а вы записываете, завершающие действия, к которым мы должны перейти, окончатся провалом? Ведь реальное существование двоих *превратившихся*, меня и Мори, обеспечивается только вашими записками.

Я уже однажды отмечал, что как писатель-невидимка, записывая слова в е д у щ е г о р а с с к а з отца Мори, я испытываю на себе его влияние. Но, я думаю, и отец Мори все глубже ощущает влияние этих записок. Например, интерес к слову, который он обнаруживает. Его интерес сродни тому, который возникает благодаря опыту лишь у тех, для кого обращение к слову — профессия.

Во всяком случае, повторное упоминание о наших отношениях, состоящих в том, что мы совместно несем бремя написанных слов, несомненно, полезно. Писатель-невидимка не прервет своих записок до тех пор, пока отец Мори н е с к а ж е т, что ему наконец удалось выявить истинный смысл своего и Мори *превращения*. Писатель-невидимка требует, чтобы отец Мори не прекращал рассказа до того момента, пока н е с к а ж е т, что истинный смысл их *превращения* выявлен. Если же, несмотря на это, отец Мори односторонне прекратит связь со мной, новой обязанностью писателя-невидимки будет найти его — хоть из-под земли вытащить — и заставить сказать, какова была миссия, возложенная *превращением* на него и Мори.

Я это обещаю. Но я придумал и другой план, на случай, если окажусь не в состоянии произносить слов. Поскольку мы совместно несем бремя с л о в, н а п и с а н н ы х вами самопроизвольно, то, если я окажусь не в состоянии произносить слова, вы должны будете прислушиваться к словам, продолжающим самопроизвольно возникать в вас, и записывать их. И должны будете выявить в своих записках истинный смысл *превращения* — моего и Мори. Если в ближайшее время я окажусь не в состоянии

произносить слова, будучи арестован или убит, причиной явятся реальные действия, к которым мы с Мори приступим. О наших действиях в самых общих чертах сообщит пресса, поэтому вам будет нетрудно произнести слова вместо меня, а потом записать их. Опыт у вас в этом немалый, ха-ха.

Итак, когда я вновь открыл глаза, снаружи раздавался невообразимый грохот: *БУМ, БУМ, ГР-Р-Р-ГР-Р-Р.* Внезапно проснувшись, я даже растерялся от этого грохота. Рядом с нашим микроавтобусом был установлен компрессор, и рабочие отбойным молотком долбили бетонное полотно дороги.

И все же непосредственной причиной, вызвавшей мое пробуждение, был не грохот. У меня, полусонного, перехватило дыхание от другого звука, возникшего в микроавтобусе. Это был печальный голос самозабвенно молившегося *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА.* Но мое молодое тело *превратившегося* не просыпалось, видимо, дольше других. Все проснулись раньше меня, но старались не шелохнуться, пока *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* молился.

Я тоже, открыв глаза, стал прислушиваться к молитве, пытаясь вникнуть в ее смысл, хотя грохот *БУМ, БУМ, ГР-Р-Р-ГР-Р-Р* мешал мне — мое помолодевшее после *превращения* сердце трепетало при мысли, что своей молитвой *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* пытается скрыть охватившую его тревогу. И это тот самый человек, который не терял присутствия духа, когда его избивали и пинали ногами, не терял присутствия духа, корчась от боли. Пожалуй, то, что я слышал, была не молитва, а, скорее, жалоба. Казалось, он от всего сердца говорит председателю космического трибунала: будь внимателен при выборе свидетелей на суде человечества. И требует: приближается день, когда деталь-Земля будет направлена на свое место в окончательной конструкции, продли же существование человечества хотя бы на четыре-пять тысяч лет! Кажется, уже назначено заседание апелляционного суда, и те, кто прибудет на него из космических далей, выступят в качестве судей и вызовут одного-единственного свидетеля с Земли. Кто бы при таких обстоятельствах не стал молиться, тем более *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР: Не ошибись в выборе!* Не ошибись в выборе представителя хомо сапиенс, который будет выступать в качестве свидетеля на космическом трибунале! *Не ошибись в выборе* — не возьми на эту роль ту, что ведет телепередачи для женщин!

— *ФУ-У!* — выдохнула Ооно, и микроавтобус освободился от молитвенного заклятия...— Я полностью согласна с главным в вашей молитве. Только вот вы говорите, что нельзя ошибиться в выборе, а сами, называя представителя человечества, ошибаетесь. *ФУ-У!* Простите, но я действительно выступаю в телевизионных программах для женщин и в самом деле знаю множество людей, выбор которых в качестве представителей человечества был бы ошибкой! *ФУ-У, ХХА-ХА-ХА-ХА!*

— ...Снаружи такой страшный шум — я думал, меня никто не услышит,— смутился *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР.*

— Во всяком случае, простите мне мой нелепый смех!.. Ну что ж, давайте подниматься! В утренних газетах уже, несомненно, появились самые диковинные статьи о *МОГУЩЕСТВЕННОМ ГОСПОДИНЕ А.*

— Только занавески не отдергивайте! — поспешно восклинула Саёко, сидевшая рядом с водителем.— Пока мы отсюда не уедем...

Не знаю почему, но все мы, потягиваясь после сна, послушно последовали предостережению Саёко, показавшемуся нам уместным. В полной тьме заработал двигатель автобуса, потом предусмотрительная в практической деятельности будущая киносценаристка, прогрев как следует мотор, попросила студентку быстро отдернуть штору на ветровом стекле, и машина сразу же тронулась. Автобус сильно качало, отчего мой сектор обзора все время смешался вверх и в стороны — я увидел светлеющее небо и величественную, точно на открытке, Фудзи. Эта впечатляющая картина и беспрерывный грохот — *БУМ, БУМ, ГР-Р-Р-ГР-Р-Р* — вызвали у меня бессмысленный смешок,— хм! — точно выдохнул воздух. Когда микроавтобус проворно преодолевал ремонтировавшийся участок, чтобы выехать на шоссе с того места, откуда раздавалось *БУМ, БУМ, ГР-Р-Р-ГР-Р-Р,* за ним, перескакивая через развороченные куски бетона, погнались рабочие.

Точно рулевой, ведущий корабль в шторм. Ооно расправила плечи и, когда автобус выбрался на шоссе, сразу же прибавила скорость. Ловко управляя машиной, она через плечо посмотрела на нас с победоносным видом.

— Эти типы сегодня с раннего утра начали ремонтные работы, чтобы выманить из-за ограды наш автобус — в общем, прибегли к маленькой хитрости! — воскликнула она.— Артисточки в автобусе отдыхают, решили они, и удастся заснять сценку, как они

голые скачут по кучам мусора! Им же нужно будет, решили они, воспользоваться находящейся рядом уборной, не будем им мешать, очень любезно с их стороны. Они и грохотали с таким усердием, чтобы поскорее разбудить актрис!

— Вон из бульдозера выскочило двое в касках с кинокамерами! — в тон будущей киносценаристке закричал *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР.*

Однако студентка, до сих пор бывшая на стороне Ооно, поддакивать ей не собиралась — она была девушкой принципиальной.

— Может, они и рассчитывали задержать за оградой наш автобус, но зачем утверждать, что они собирались фотографировать бегущих голых актрис? Высмеивать рабочих — мелкобуржуазный предрассудок, да и выдумать каких-то голых женщин — значит подыгрывать мужскому шовинизму.

— В этом ты права. Просто настроение у меня было плохое, и мне захотелось немного улучшить его.— Ооно была сегодня удивительно миролюбива.

— Ладно, хватит об этом... Вы сегодняшние газеты видели? В них и в самом деле помещены диковинные статьи!

Это заявили двое из *Корпуса лососей,* а студентка прошла по проходу и протянула Мори газету, как бы призывая остальных молчаливо согласиться с тем, что первым ее должен прочесть Мори.

Лицо Мори, уткнувшегося в газету, было небритым, но выглядело так, будто он специально отпустил бакенбарды и бородку, которые только придавали ему мужественность. Оно совсем не походило на лицо только что *превратившегося.* У него было обличье человека, в юношестве пережившего «кризис идентификации» и наконец впервые точно осознавшего, ради чего он рожден на этой земле, мягкое и печальное лицо человека, стремящегося выполнить возложенную на него миссию.

Через некоторое время Мори поднял глаза и посмотрел на меня в упор. Я весь сжался, когда он глянул на мое заспанное лицо восемнадцатилетнего, но в его взгляде я увидел сочувствие. Такие родные мне глаза Мори светились неподдельным азартом. С нами может произойти самое ужасное, говорили его глаза, но все равно, в каком бы критическом положении мы ни оказались, будем радоваться хотя бы тому, что грядущие события обещают нам немало интересного. Точно так же горели глаза Мори до *превращения,* когда он однажды залез в слишком горячую ванну, в другой раз — когда его укусила огромная собака или когда он как-то свалился с дерева. Глядя в его глаза, я сказал себе: *Как и тогда, Мори, смирившись с грядущими невзгодами, надеется на какую-то радость, более того, он бросает вызов, и я на этот раз готов пойти вместе с ним на любое, самое рискованное предприятие!*

Я протянул руку, взял у Мори газету и пересказал остальным содержание статьи.

— *ПАТРОН* находится в клинике. С его родины в Токио прибыло человек пятьдесят крестьян. Приехали, разумеется, навестить *ПАТРОНА.* Они все вырядились кто во что горазд и расположились под окнами клиники. Автор статьи настроен весьма иронично, он насмехается над ними, мол, наряды одних уходят корнями в национальную традицию, другие — в костюмах актеров уличного театра, некоторые даже нарядились Чарли Чаплином и Санэмори [1], причем этих персонажей сразу по двое. Но больше всего ряженые похожи на беженцев. Администрация клиники попыталась прогнать их, но заступился *ПАТРОН* — таков, мол, их местный *обычай,* и им разрешили остаться. Судя по этому маленькому снимку, *обычай* довольно странный, ха-ха! — рассмеялся я, но тут призыв к действию, который я уловил во взгляде Мори, обрел для меня совершенно конкретные черты.

2

Когда газета, обойдя всех, снова вернулась к студентке, она, взглянув на снимок, воскликнула:

— Почему так низка сознательность японских крестьян, почему они так вульгарны? Жизнь у них печальная, нищенская, любой может обмануть их, как это ужасно! Как далеко им до революционного крестьянства.

— Хм?! — все остальные, кто был в автобусе, не решались безоговорочно согласиться с ней.

---

[1] Санэмори — демон Ашура в одной из пьес Дзэами (1363—1443) для театра Но.

— Что? Я не права?! Зачем они устроили этот отвратительный маскарад, ведь случай для этого совсем неподходящий?

— Именно по этому случаю они и устроили маскарад,— принялся объяснять *СПОСОБНЫЙ ЧИНОВНИК* с видом лектора подготовительной школы или женского колледжа. Костюмы крестьян действительно выглядят вульгарно. Судя по снимку, все это и в самом деле весьма прискорбно. Но если ряженые начнут представление, они, я думаю, всех зевак вокруг рассмешат, да и сами будут от души смеяться. Это ведь ряженые из родных мест *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.* В статье написано, что на его родине во время празднеств, молебнов, ритуалов изгнания злых духов принято танцевать, нарядившись именно в такие одежды. Они и сейчас прибыли в Токио, чтобы изгнать злых духов, поскольку их великий заступник попал в беду.

— Но в статье почему-то написано, что они очень напоминают беженцев. А про то, что они, танцуя, изгоняют злых духов, не говорится ни слова. Если бы они действительно приехали для этого, хотя, разумеется, изгнание злых духов совершенно антинаучно, я бы, уж так и быть, согласилась, пусть рядятся на время церемонии. Но ведь они додумались в своих безумных нарядах приехать в Токио на экспрессе, ха-ха, пятьдесят человек сразу, представляете! Какая была в этом необходимость?

— Они его безумно боятся — вот в чем дело. Не вырядившись, они бы не посмели даже приблизиться к такому страшному человеку, как *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.* Да уже одно то, что надо было добираться до Токио, да еще на экспрессе Синкансэн — уже это их пугало. И чтобы хоть как-то подбодрить себя, они вырядились, призвав на помощь силы потустороннего мира.

— Я сама из провинции, но не настолько глухой, чтобы там сохранились подобные обычаи.

— Глухая провинция или не глухая — определить это по одним внешним признакам невозможно,— хмыкнул, побагровев, *СПОСОБНЫЙ ЧИНОВНИК,* повернувшись к *СОБАЧЬЕЙ МОРДЕ.*— Помнишь, мы это называли «образом жизни гольца»?

— Из книги «Места лова на горных реках», которую мы использовали в качестве карты похода *Корпуса лососей,* мы узнали о некоторых особенностях жизни гольца. У рыболова, написавшего эту книгу, был довольно своеобразный, хотя и несколько странный стиль, и мыслил он также своеобразно. Он утверждал, что всем горным рекам сопутствуют подземные. Обе реки соединяются между собой протоками. Гольцы мечут икру в подземных реках, там вырастают и там же умирают. В реке, протекающей на поверхности, обитает лишь ограниченная популяция гольцов, которые поднимаются в нее из подземной реки. Доказательством может служить то, что даже после землетрясения, когда обвалы засыпают горные реки, как только вода снова пробьет себе новое русло, в ней сразу же можно ловить гольца. Значит, жившие в подземной реке гольцы выплыли на поверхность.

— В то время считали *Корпус лососей* партизанским формированием, которое под существующим обществом создает свое собственное, соединенное с ним протоками... Но революция возникает именно в существующем обществе, и партизаны должны выполнять роль детонатора. В этом смысле теория *Корпуса лососей,* действующего подобно гольцу, полностью себя оправдывает.

Если принять такую точку зрения, то и ряженые, думается мне, действуют так же. Разве под существующим в их местах микрообществом не создали они подобное подземным водам некое особое общество? А теперь, воспользовавшись ранением *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.,* вынырнули наружу. Если из каждого «подземного» протока вынырнут по двое — по трое, то наберется необходимое количество ряженых. Достаточно даже по одному человеку от поселка. Ведь и в наш век, когда существующее на поверхности общество, например токийское, погребено под слоем цивилизации и ряженым нет в нем места, в обществе, подобном подземным водам, еще есть такие места, где, словно гольцы, рождаются, растут и умирают ряженые. *МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГОСПОДИН А.,* зная это, может быть, сам вызвал этих людей. И даже денег дал им на дорогу, чтобы они все вместе могли приехать.

— Ради чего?! — раздраженно воскликнула студентка.

— Мы — я и Мори — думаем, что так оно и есть, *Корпус лососей* прав! — перебил я Саёко.— То, что *ПАТРОН* вызвал ряженых, служит тайным призывом к нам с Мори, *превратившимся,*— вот что я думаю. Мори, ставший после *превращения* двадцативосьмилетним, и я — восемнадцатилетним, мы безусловно отличаемся от людей,

естественным образом достигших такого возраста. Более того, двое *превратившихся* — Мори и я — обязаны влиться в эту группу ряженых. И раз уж нас позвали, мы примкнем к ней, и таким образом нам представится возможность проникнуть к *ПАТРОНУ*.

Почти незаметным движением Мори остановил студентку, которая была готова вцепиться в меня. Может быть, он хочет, чтобы я рассказал всем о рождающемся у меня в голове плане действий? Получив поддержку Мори, я начал разъяснять свой план:

— *ПАТРОН*, безусловно, человек могущественный, администрация клиники делает все, что он только пожелает, и для нее не составляет никакого труда скрывать от прессы действительное состояние его здоровья. Об этом, правда, нигде не говорилось, но мне кажется, что после покушения Мори и Саёко он может умереть в любую минуту. Ему и самому это известно, и мне представляется, он решил сделать последнюю ставку — воспользоваться силой, влитой в меня и Мори *превращением*. Я не думаю, что такой испытанный боец, как *ПАТРОН*, не почувствовал в нападавшем на него Мори сверхъестественной силы. А если учесть еще, что моя жена, б ы в ш а я жена, с завидной энергией повсюду распространяет о нас самые невероятные слухи, у *ПАТРОНА* не могла не сработать интуиция. Он сообразил, что происшедшее со мной и Мори способно опрокинуть существующий в мире порядок. Та же интуиция подсказала ему, что наше с Мори фантастическое существование он, возможно, сумеет использовать. Вот почему, мне кажется, *ПАТРОН* с нетерпением ждет нас.

— Возможно, он и в самом деле ждет вас, но ждет, расставив ловушку, чтобы арестовать обоих,— хладнокровно заметила будущая киносценаристка.

— Неужели вся эта комедия с ряжеными всего лишь хитрость, ловушка, и *ПАТРОН* хочет использовать их вместо полиции? Нет, я думаю, он не такой человек. Но даже если это и ловушка, чувствую, что воля, сотворившая наше *превращение*, заставляет нас войти в нее... Если же *ПАТРОН* собирается использовать наше *превращение* для осуществления своей программы, мы обязаны воспользоваться этим в собственных целях и разрушить последний честолюбивый замысел *ПАТРОНА* установить господство над людьми. На нынешнем этапе, когда мы начинаем борьбу, лучше всех о *превращении* знаем именно мы, и это ставит нас в выгодное положение.

— Верно,— сказал *СОБАЧЬЯ МОРДА*, оскалившись, словно был готов вцепиться зубами в любого из нас.— Если противник попытается использовать в своих интересах силу вашего *превращения*, вы всегда сможете, взорвав себя, сами уничтожить свою силу! И легкая победа уплывет из рук *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.!*

— ...Я уже думал обо всем этом, но ребята из революционных групп слишком твердолобы. И, всерьез поверив в *превращение* Мори и отца Мори, изо всех сил будут пытаться перетянуть их на свою сторону. Если же им это не удастся, они скорее уничтожат их, чем отдадут врагам,— сказал *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР*.— Поэтому, я думаю, Мори и отцу Мори следует поскорее приступить к выполнению миссии, возложенной на них *превращением*. Медлить нельзя. Я согласен, что вы должны влиться в группу ряженых и вступить в противоборство с *МОГУЩЕСТВЕННЫМ ГОСПОДИНОМ А.*

Мори, охваченный воодушевлением, молчал и только широко улыбался — его улыбка говорила: *ЗНАЧИТ, НАШИ ДЕЙСТВИЯ ОДОБРЕНЫ!*

— Но тогда прикрыть их мы не сможем,— грустно сказал *СПОСОБНЫЙ ЧИНОВНИК* — не то что *СОБАЧЬЯ МОРДА*, предлагавший нам с Мори взорвать себя.

— Нет, почему же, если моя жена, б ы в ш а я жена, в погоне за нами проберется в клинику, я бы хотел, чтобы ее, пусть даже силой, убрали оттуда; это будет самым существенным прикрытием, в котором мы нуждаемся. В своей черной каске она вполне может сойти за ряженую, и ей будет нетрудно смешаться с ними!

Все кроме Мори рассмеялись. Я же сказал это, потому что испытывал острое беспокойство, а вовсе не для того, чтобы повеселить окружающих.

— Мори и отцу Мори не хватает выразительности, чтобы тоже стать похожими на комедиантов: вам необходимо вырядиться! Я поеду на телевизионную студию и привезу театральные костюмы... А вам, прежде чем проникнуть в клинику, необходимо подготовиться — поесть и отдохнуть как следует. Я уже продумала, как переодеть Мори и отца Мори — костюмы должны соответствовать *превращению* каждого из них, то есть нужно подчеркнуть, что один помолодел, а другой постарел.

Через три часа Мори и я, направляясь к клинике, где расположились ряженые, благодаря фантазии будущей киносценаристки были действительно облачены в великолепные наряды.

Мори был наряжен старцем, достигшим после превращения чуть ли не столетнего возраста. Грязновато-желтые седые космы висели почти до пят, того же цвета были борода и усы, вместо бровей — два заячьих хвоста. От всего прежнего его облика остались только весело сверкавшие темные глаза. На нем была серого цвета длинная шерстяная накидка, в руках — изогнутая и перекрученная, как корень индийской смоковницы, металлическая палка. На ногах — парусиновые туфли, к которым были привязаны дощечки — точная имитация деревянных башмаков!

Что же касается меня, то я напоминал огромного детеныша кенгуру! В своем одеянии я походил на большущую тряпичную куклу, когда-то розовую, а теперь затасканную и ставшую грязно-мышиного цвета. На голове красовался розовый капор с оборочками — жаль только, что из него выглядывало лицо восемнадцатилетнего, ха-ха.

Ряженые, сидевшие рядом со зданием клиники, тоже приложили немало усилий, чтобы вырядиться почуднее, и теперь внимательно наблюдали за мной и Мори, когда мы на противоположной стороне улицы вылезли из автобуса и переходили через дорогу. Наверно, они отдали должное совершенству нашего наряда, ха-ха.

Достаточно было одного взгляда, чтобы заметить, как группа ряженых, подчиняясь какой-то мощной центростремительной силе, сжимается, сплачивается. При нашем появлении двое ряженых — с виду охранники — приготовились выскочить нам навстречу. Они были в черных резиновых костюмах, в противогазах и вооружены чем-то вроде огнеметов. Наверно, стекла в их масках запотели, поэтому, чтобы лучше нас рассмотреть, они изо всех сил вытягивали шеи, ха-ха.

Лавируя между машинами, мы с Мори дошли до середины мостовой и остановились, издали рассматривая ряженых. В псевдодеревянных башмаках старика идти было трудно, да и наряд, который был призван превратить взрослого человека в младенца, почти что исключал саму возможность передвижения — чтобы двигаться вперед, приходилось предпринимать неимоверные усилия, ха-ха. Была еще ранняя весна, на город опустилась вечерняя свежесть, но мы с Мори обливались потом и тяжело дышали, дожидаясь, пока схлынет поток автомобилей. Сидевшие в машинах удивленно смотрели на старца и огромного детеныша кенгуру. Сначала при виде таких странных калек на их лицах появлялись растерянность и негодование, а потом, присмотревшись, они начинали понимающе улыбаться, видимо решив, что это съемки телевизионной программы *Удивительное в камере.*

Когда наконец у нас с Мори появилась возможность перейти дорогу и мы быстрым шагом направились к группе ряженых, вперед вышли те, кто был уполномочен вести дипломатические переговоры, а двое в резиновых костюмах — как я догадался, в защитной одежде для разбрызгивания ядохимикатов — с еще большим рвением занялись охраной. Сначала «дипломаты» показались мне детьми с непропорционально огромными головами, но потом я увидел, что это пожилой мужчина с грустным лицом и толстенная женщина, которая беспрерывно жевала что-то, выуживая еду из пластмассовой посудины. Они не были выряжены, но, наверно, их и так считали ряжеными: мужчина вполне мог играть роль карлика, женщина — страдающей болезненной полнотой. Уже само по себе то, что они, с точки зрения обычных людей, были уродами, превращало их в шутов. Им не было нужды рядиться, не было нужды отпускать шутовские реплики, и, наверно, поэтому они могли, не выходя из образа ряженых, выполнять миссию дипломатов, уполномоченных вести переговоры.

— Эй, эй, приятели! — закричал карлик, с достоинством демонстрируя всем своим видом, что он глава делегации. Попятившись, он все же сохранял полное самообладание.— Эй, эй, приятели! Что это у вас за вид такой?

Я рассмеялся! Неожиданный приступ смеха напал на матерчатую куклу! Мори, тряся длинными волосами, скрывающими все его тело, точно бамбуковая штора, тоже смеялся, широко раскрывая спрятанный, как у вьюна, под усами и бородой рот. До превращения мы с Мори частенько вот так от души хохотали...

Карлик в темно-коричневом пиджаке, поправляя толстыми пальчиками галстук и ничего не говоря, наблюдал, как мы смеемся, а потом вдруг сморщился и издал странный звук, будто чихнул. За этим последовал неудержимый, заливистый хохот! Мы бы-

ли так потрясены, что утратили способность смеяться, а побагровевший от смеха карлик спрятался за спинами сидевших товарищей. Видно, до него и самого дошла комичность собственных слов. Может быть, этот шут вовсе не так прост?!

Толстуха, оставаясь на месте, продолжала рыться пальцами в посудине, крепко прижатой к огромной, точно гора, груди, время от времени что-то вылавливала там и отправляла в рот. Похоже, в банку концентрата она налила холодной воды из-под крана, лапша размякла, и теперь она поедала это месиво. Негодуя на нашу невежливость, своими выпученными, крокодильими глазами толстуха продолжала испепелять нас с Мори даже после того, как мы перестали смеяться. Остальные ряженые, хранившие гробовое молчание, делали вид, будто не замечают нас, хотя не заметить нас было невозможно.

Тут толстуха вытерла перепачканные пальцы о плечо, закрыла банку крышкой и спрятала ее за пазуху. Потом прокричала нам:

— *НУ ЧТО Ж, ПРИСАЖИВАЙТЕСЬ,*— и подбородком, перерезанным тремя или четырьмя складками, надменно указала место, где нам надлежало сесть!

Так без особого труда мы присоединились к ряженым. Мы с Мори пробрались в самую гущу толпы, расталкивая персонажи уличного театра, которым увлекалась демобилизованная молодежь в годы расцвета бейсбола после войны, расталкивая разбойников, злых чиновников и девушек из бара. Псевдодеревянные башмаки Мори прошлись по ногам одного из ряженых, обутого в соломенные сандалии, но он лишь покачал головой с выбритым на ней полумесяцем, раскрашенным краской. Ряженый сидел тоскливо понурившись, но угрюмым выглядел не он один.

Устроившись на куске поролона, расстеленного на асфальте,— наверно, это постарался секретарь *ПАТРОНА,* подумал я,— мы с Мори очутились рядом с мужчиной и женщиной, у которых было забинтовано все тело. Из просветов между бинтами торчали обрывки шерстяных ниток. И тут я вспомнил. Один парень из нашей деревни, отбывавший трудовую повинность на верфях в Курэ, пострадал во время бомбежки и вернулся домой — все тело в ожогах было забинтовано с ног до головы. Мать размотала бинты, и посыпались жирные черви... Может быть, подобно тому парню из нашей деревни, эти мужчина и женщина в День поминовения усопших олицетворяли души всех погибших от атомной бомбардировки — новый лик бога чумы и злотворных микробов. Среди окружавших меня ряженых я узнал солдат, погибших в странах Южных морей, солдат отрядов смертников с повязками вокруг головы, моряков, нашедших смерть на дне океана, которые преспокойно сидели рядом с Чаплинами. Были там и души сгоревших во время воздушных налетов — кожа их была покрыта сажей, на головах, стриженных ежиком, половинки футбольных мячей... Я непроизвольно протянул руку, чтобы вытащить шерстяного червя, но обмотанная бинтами спина слабо оттолкнула мою руку. Движение спины выдавало мрачную злость, охватившую этого человека, и такое чувство испытывал не он один. Сидевшие молча люди были явно усталы, раздражены, отвращение ко всему переполняло их. Но тем не менее дезертировать никто не собирался. Они сидели в напряженных позах, всем своим видом показывая, что не успокоятся до тех пор, пока не устроят праздничного веселья, и лишь после этого скинут свои наряды.

Настроение их мгновенно передалось и мне, один лишь Мори сохранял спокойствие; чтобы развеваемые ветром космы не мешали окружающим, он прижал их к груди, а лицо, выражение которого скрывали борода и усы, обратил к небу. Я чувствовал: на Мори вполне можно положиться — и верил, что, если только смогу научиться его выдержке, мы, двое *превратившихся,* без труда выполним все, что, согласно возложенной на нас миссии, обязаны совершить!

Ряженые, включая теперь и нас, сидели у левой стеклянной стены главного корпуса клиники, а за стеклом, являя собой полный контраст нашей странной и неопрятной внешности, толпились чистенькие дети, ожидавшие приема у врача. Среди них происходило весьма характерное движение. Там крутились какие-то личности, скрываясь за толпой детей, они без конца фотографировали ряженых. Фотографировали огромным «поляроидом», нетерпеливо вытаскивая моментальные снимки! Это, несомненно, были секретари *ПАТРОНА.* Так же несомненно было и то, что их задача сводилась к одному — через определенные промежутки времени фотографировать ряженых и сравнивать последние снимки со сделанными ранее. Вот сейчас-то они и обнаружат разительное отличие новых снимков. И красным карандашом с эмблемой фирмы *ПАТРОНА* обведут аккуратным кружочком нас обоих. Терпение, которое проявлял Мори

ни на минуту не терявший самообладания с того момента, как мы проникли в группу ряженых, было наконец вознаграждено!

4

Тем временем в группе ряженых произошли заметные перемены. Я почувствовал, что их мысли и чувства, до сих пор весьма пестрые, слились вдруг в единое целое и сосредоточились уже не на стеклянной стене клиники, а на чем-то совершенно ином. Туда же обратил свое лицо с желтоватой бородой и бровями и Мори.

Там опять шел допрос очередных пришельцев, допрос, который так комично и быстро завершился при нашем появлении, но на этот раз пришельцы не были, подобно нам, чужаками, а просто, отлучившись куда-то, теперь возвратились обратно. Взгляды всех были прикованы к колеснице, которую с трудом волокли двое ряженых в масках чертей. На велосипедном прицепе — теперь его редко увидишь в Токио — был укреплен огромный, раза в два больше, чем сам прицеп, деревянный помост, а на нем — еще более огромная львиная голова с необыкновенно уродливой мордой — вот что это была за колесница. Оживленный спор с масками чертей, стоявшими по обеим сторонам колесницы, вели двое ряженых — пожарник и чиновник пожарной охраны. Я было подумал: как натурален их наряд, но оказалось, они и в самом деле из управления пожарной охраны, ха-ха. Карлик и толстуха, рядом с которыми стояли те самые охранники в черных резиновых костюмах, с интересом прислушивались к спору.

Снедаемый любопытством, свойственным восемнадцатилетнему, я, расталкивая ряженых, стал пробираться вперед, но покуда уловить смысла спора не мог. Пытаясь проникнуть в его суть, я разглядывал колесницу. Голова льва, во всяком случае по размерам, выглядела вполне внушительно. Уродливой же морда казалась из-за того, что нижняя челюсть была сильно опущена вниз. Пасть льва — киноварь и золото, которыми она была выкрашена, облезли — была набита голыми куклами. Здесь были и Кинтаро [1], и самые разные соломенные куклы, и все они были голыми. Разумеется, пупсы тоже были голыми, ха-ха. И вот этими самыми разными голыми куклами — старинными и самыми современными, вплоть до роботов, хотя уже и достаточно потрепанными и грязными,— была набита пасть льва, а иные просто свисали, зацепившись за клыки нижней челюсти. Вокруг головы льва торчали пятицветные бумажные флаги, точь-в-точь такие висят на храмах Дзидзо, божества — покровителя детей и путников; кукольная одежда и маленькие одеяльца были свалены в кучу.

Спорившие, видно, никак не могли договориться и распалялись все сильнее, наконец двое в вырезанных из дерева масках чертей откинули их назад, обнажив потные крестьянские лица. От этого речь их стала более разборчивой, но смысл по-прежнему оставался весьма туманным.

— Это мошенничество в государственном масштабе, мы должны обратиться к сэнсэю [2]! Почему вы говорите, что по таким пустякам не нужно беспокоить тяжелобольного сэнсэя?!

— Дурачье! Повторяете все время «сэнсэй, сэнсэй», не можете, что ли, назвать больного по имени?

— Разве это пустяки? Почему с нами здесь обращаются как с шантрапой? С нами, законно избранными членами муниципалитета?

— Брось болтать! В таком виде в Токио приехали, какие вы еще там члены муниципалитета? Дурачье! Хватит языком трепать! Не увиливайте от ответа!

— У нас ее сжигали испокон веку со времен наших предков, понятно? Она сама тихонько сгорает, и все в порядке. Нам любезно сказали, чтобы мы приехали за разрешением в пожарную управу, мол, обязательно получите, вот мы и притащили колесницу, а тут на́ тебе — запрет. Это, по-вашему, пустяк? Зачем было обещать, мол, за разрешением дело не станет? Мы приехали, а вы нам запрещаете?

— Вот и видно, дурачье вы и есть! И правильно, что запрещают. Если все разрешать и ничего не запрещать, какой тогда толк ехать за разрешением? Тащились в такую даль, ни стыда, ни совести!

— Ну что, теперь тебе понятно? — подошел к черту, казавшемуся благоразумнее своего товарища, чиновник пожарной охраны.

— Вон оно что! Запрещение запрещением, а мы, значит, можем свободно сжечь колесницу. Вот здорово! — неожиданно воскликнул черт.

[1] Кинтаро — персонаж японских сказок.

[2] Сэнсэй — вежливое обращение к старшему, уважаемому человеку.

— Что ты мелешь? Ты тоже ничего не понял! — снова возмутился чиновник пожарной охраны. Ха-ха.

— Если рассмотреть этот вопрос с нашей точки зрения,— вмешался карлик,— то ничего не поняли как раз вы! Вы понимаете сами, что говорите?

— Мы,— добавила толстуха,— все на том и стоим.

— Но в Токио живет десять миллионов человек, которые придерживаются противоположной точки зрения. Вы должны и это учесть. С точки зрения этих десяти миллионов, вы ведете себя глупо. Шуточное ли дело — в таком непотребном виде скопом приехали в Токио да еще колесницу надумали сжечь. Неужто вам непонятно: это наша работа — охранять десять миллионов граждан города Токио!

— Ведь мы же молимся о благополучии *МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСПОДИНА А.*

— Для того, чтобы молиться о благополучии одного человека, кем бы он ни был, вовсе не нужно такой толпы, да еще в непотребном виде — ни стыда у вас нет, ни совести. Ты же благоразумный человек, пойми, что я тебе говорю!

— Прослушав вашу замечательную речь, мы хотим, чтобы вы выслушали и нас — от имени десяти миллионов человек мы хотим освободить вас от бремени ваших забот!

— *А, ТЫ В САМОМ ДЕЛЕ СЧИТАЕШЬ, ЧТО ПРАВ?* — угрожающе спросил карлик.— Мы привезли голову льва, чья раскрытая пасть ведет в ад, и мы должны сжечь ее в Токио! В самой гуще десяти миллионов его жителей!

— *Я УЖЕ СТО РАЗ ГОВОРИЛ: СЖИГАТЬ КОЛЕСНИЦУ В ГОРОДЕ НЕЛЬЗЯ!*

— *НУ ЧТО ЗА ЧЕПУХУ ВЫ ВСЕ НЕСЕТЕ?* — сдвинув огромную каску на затылок, подпел чиновнику пожарной охраны молчавший до сих пор пожарник.

Пожарные нервничали все сильнее, а карлик разговаривал с ними, точно с пьяными, и держался с большим достоинством. Тут вступил в разговор лжеблагоразумный черт, прикрыв маской лицо.

— Сжечь такую малюсенькую штуку, нашли о чем говорить! Неужели десять миллионов человек испугаются этого? — снова заспорил он.

Второй черт, которого только что обругали, намеренно или нет, вдруг распахнул соломенный плащ и показал спрятанную под ним небольшую красную канистру!

— Оболью керосином и подожгу! За десять минут сгорит дотла!

— *ЧТО, ЧТО, ЧТО ТАКОЕ? Я КОНФИСКУЮ КЕРОСИН!*

Подчиняясь приказу начальника, пожарник подлетел к черту и, как тот ни увертывался, надвинул ему на лицо маску и стал гоняться за ним, колотя по висевшей у черта через плечо канистре: «*БУМ-БУМ, БУМ-БУМ!*». Тут же подоспел отряд моторизованной полиции,— где он только прятался? — и достаточно было одного удара щитом полицейского, чтобы черт свалился на мостовую. У него отобрали канистру, содрали маску и соломенный плащ и оставили в одном нижнем белье лежать на асфальте. Он лежал на правом боку, обхватив руками голову, видневшееся из-под локтей загорелое лицо приняло землистый оттенок.

Ряженые в один голос произнесли: «*ФУ!*». Этот возглас можно было принять за выражение возмущения и протеста, но, обернувшись, я разглядел, что они просто смеялись! Пораженный, я поискал глазами Мори и увидел, что у стеклянной стены в некотором отдалении от группы смеющихся ряженых стоит старик, а рядом с ним секретарь *ПАТРОНА*.

Глава XII

Двое ПРЕВРАТИВШИХСЯ ссорятся между собой

1

Жмурясь и отводя глаза в сторону, будто ослепленный обликом подбежавшего к нему великовозрастного младенца, секретарь *ПАТРОНА* сказал, щеголяя своей компетентностью, которую он выказывал каждый раз, когда я приносил резюме:

— Я сразу же узнал вас, когда вы присоединились к этим ненормальным. *ПАТРОН* сказал, чтобы я привел вас к нему в палату. По всей клинике расставлены полицейские, но ничего, как-нибудь выйдем из положения. *ПАТРОН* уже несколько раз приглашал к себе этих ненормальных и заставлял их устраивать синтоистские пляски кагура. В таком виде, да еще в моем сопровождении, вы вполне сойдете за новых исполнителей кагура.

Не дожидаясь ответа, секретарь повел нас прочь от главного входа. Мы с Мори, чувствуя себя неловко в своих нарядах, покорно пошли за ним, а наши *превратившиеся* души ликовали!

— Предположим, нам удастся обмануть бдительность полиции и проникнуть в клинику, но не окажемся ли мы потом в затруднительном положении? — заискивающе спросил я.

— Я точно следую приказу *ПАТРОНА*... Во всяком случае, если с ним что-либо случится, меня уже это не будет касаться! *ПАТРОН*, считайте, кончился! Цепляется еще за какие-то давно ушедшие в прошлое химеры. Прежнего *ПАТРОНА*, хладнокровного, до мозга костей реалиста, не существует! Обхаживать каких-то сумасшедших крестьян... Кто угодно подтвердит — это отклонение от нормальной психики.

— Каким же образом вы улавливаете желания этого ненормального старика?

— Сам удивляюсь! — сказал секретарь, презрительно взглянув на меня — что, мол, пристаешь.

Когда стеклянная стена кончилась, мы повернули за угол и пошли вдоль больничного корпуса. За изгородью была проложена дорожка, потом снова шла изгородь, а за ней — другой корпус, из окон которого на нас во все глаза смотрели больные — может быть, потому, что ряженых, сидевших перед клиникой, они еще не видели, нас с Мори встретили настороженными взглядами; *даже страдая тяжелыми недугами, имеете ли вы право так открыто издеваться над нами?* — подумал я, чувствуя себя неуютно. Нырнув в служебный вход клиники, я наконец облегченно вздохнул, хотя наступил самый критический момент — чтобы добраться до палаты *ПАТРОНА*, нужно было пройти трех полицейских.

Когда мы наконец попали в огромную палату, старик с забинтованной головой, лежавший на кровати, метрах в пяти от нас, не поворачиваясь, лишь скосил в нашу сторону полузакрытые глаза, стараясь получше рассмотреть наши наряды. На лице *ПАТРОНА*, которое всегда было прекрасным, мужественным лицом современного человека, появилось старушечье выражение. Да, оно действительно превратилось в лицо древней старухи. Увидев *ПАТРОНА*, я телепатически передал Мори: *Это же беременная старая карга; что с ним произошло?!*

Мы с Мори стояли не шевелясь — ничего другого нам не оставалось, а *ПАТРОН*, еще сильнее скосив глаза, внимательно рассматривал нас. Секретарь, который привел нас сюда, и другой секретарь, находившийся в палате, не получая указаний *ПАТРОНА*, предпринять что-либо самостоятельно не решались. Вдруг раздалось громкое фырканье, и я подумал, не спряталась ли где-то здесь собака. Фырканье раздалось снизу — за вздувшимся животом *ПАТРОНА* на корточках сидел обладатель массивной лысой головы, внимательно следивший за каждым движением *ПАТРОНА*. Помнится, я уже видел однажды эту массивную голову. Это был нефтепромышленник, чуть ли не самый крупный в Японии, владелец нефтеналивных судов — после войны они с *ПАТРОНОМ* стали чемпионами по части сколачивания капитала посредством темных финансовых махинаций. Скривив свои толстые губы и глядя на нас с Мори, он громко сопел.

Будто сопенье было тайным знаком, *ПАТРОН*, поняв, что это явились мы с Мори, тихонько засмеялся и хрипло, чего я никак не ожидал от него, поскольку голос его всегда был твердым и чистым, произнес:

— Хха-хха-хха, занятную штуку ты удумал. Так тщательно все рассчитал, столько сил положил, хха-хха-хха, необыкновенный человек. В тот раз, когда ты пришел, чтобы избить меня, я решил, что это ты просто переоделся, хха-хха-хха, а сейчас вы еще чуднее вырядились и пришли вдвоем, я в самом деле могу подумать, что произошло что-то поистине необыкновенное или что вы задумали нечто сверхъестественное. Слушай, а в самом деле, в прошлый раз это все-таки был ты или же здесь сейчас не ты, а кто-то другой? У меня даже в глазах рябит от этого вашего оригинального наряда. Отдай-ка свою палку, а то я подумаю, что вы пришли еще раз избить меня, хха-хха-хха.

ПАТРОН умолк — голос у него был слабый, как писк комара,— из-под ворота пижамы выглядывала багровая кожа, под которой едва заметно билась жилка. Как только *ПАТРОН* замолчал, нефтепромышленник, восприняв его слова как указание, широким шагом обошел кровать — и могучими бицепсами, и здоровым цветом лица этот хорошо сохранившийся пожилой человек являл собой полную противоположность *ПАТРОНУ*. Брезгливо надув губы, он отобрал у Мори металлическую палку и стал

ее изучать. Лысая, прекрасной формы мощная голова, огромное лицо, на котором застыла скорбь. Секретари, неслышно ступая, долго расставляли у кровати *ПАТРОНА* два стула: *так — слишком близко, так — слишком далеко, и вообще не будет ли ПАТРОНУ неприятно, что эти двое сядут рядом с ним?* — колебались они, в общем, в отличие от нефтепромышленника их движения были значительно менее решительными.

— Ты садись вот тут,— указал на стул *ПАТРОН* и, наблюдая, как мы с Мори усаживаемся, слегка прикрыл глаза и облизнул кончиком бледного языка свои искусственные зубы. Я сидел так близко, что мне была видна даже их внутренняя сторона.— Хха-хха-хха, мне больно говорить, и я уж подумываю, не замолчать ли мне до самой смерти? Но все же существуют слова, которыми следует завершить земное существование,— вот только не знаю, какие из них выбрать, хха-хха-хха. Какими были первые в моей жизни осмысленные слова? Поскольку все мои родные умерли, а это было давным-давно, я не могу выяснить, что это были за слова, хха-хха-хха.

За полуприкрытыми веками *ПАТРОНА* мелькнули налитые кровью, казалось, пылавшие глаза — в какое-то мгновенье они наполнились слезами, которые затем просочились на морщинистые, точно у черепахи, веки. Между моей головой и головой Мори протянулась сухая, точно отполированная, без единого волоска рука и промокнула марлей слезы. Просто удивительно, до чего опытный санитар,— оставаясь в тени, он был ведущей фигурой там, где явно назревал скандал. Его розоватая, непомерных размеров рука выглядела рукой борца, выдающегося борца, он двигался необычайно проворно и целеустремленно. Если бы Мори или я сделали хоть малейшую попытку причинить *ПАТРОНУ* вред, он бы легко свернул нам шею. Стоило представить себе это, и меня всего пронизывала мысль, что жизнь моя в опасности, ха-ха.

— Я скоро умру, но не потому, что ты или твой товарищ разбили мне голову. Обследуя меня после ранения, врачи обнаружили рак. Если бы ваше нападение не запоздало, оно могло бы обернуться для меня благом, хха-хха-хха,— сказал *ПАТРОН* теперь уже менее хрипло и, приоткрыв один глаз, посмотрел на меня, а когда взглянул на Мори, глаз его торжествующе сверкнул.— ...Старики, пережившие атомную бомбардировку, часто болеют раком — оказывается, и у меня прогрессировал рак легких, опухоль дала уже метастазы в спинной мозг, и теперь боли заглушают морфием. У меня уже давно бывали боли, но...— Из глаз *ПАТРОНА*, оборвавшего фразу на полуслове, полились слезы, и санитар-нефтепромышленник проворно отер их — потом он снова громко засопел и замер в выжидательной позе.— ...Теперь, когда я, умирающий старик, оглядываюсь вокруг, то и в самом себе, и в том, что меня окружает, вижу лишь зло и жестокость. ...И мне, старику, жутко умирать, сознавая это, умирать без надежды, без благодати... Как страшно — ведь я прожил большую жизнь. Хха-хха-хха,— снова хрипло засмеялся *ПАТРОН*, но на этот раз его смех сопровождался рыданиями!

Мы с Мори сидели молча и следили, как двигается между нашими головами рука нефтепромышленника, а оба секретаря, даже тот, который столь цинично отзывался о хозяине, заплакали.

— Хха-хха-хха... это ужасно. Как мне хочется, чтобы этот отвратительный, беспощадный рак переродился в нечто противоположное... Конечно, рак есть рак, и, когда он в последней стадии, здесь уж ничего не поделаешь... Но я вынашиваю план, как сделать так, чтобы этот ужасный рак обернулся чем-нибудь грандиозным, сверкающим, как огромный фейерверк. И тут я вспомнил о тебе. Переодевшись, ты пришел и напал на меня, благодаря чему у меня и обнаружили рак... Хха-хха-хха, когда я узнал сегодня, что ты снова явился сюда со своим товарищем, мне захотелось использовать эту вашу «оригинальность»... И все же, что у вас за вид? Что с вами произошло? Хха-хха-хха... Прежде всего для чего ты или твой товарищ, загримировавшийся под тебя, совершил на меня нападение? Чтобы сообщить мне, что у меня рак? Хха-хха-хха. Что-то произошло... или ты просто уверовал, что произошло действительно что-то необычное, и это вынудило тебя, хха-хха-хха, к столь странным действиям?.. Вы гораздо больше годитесь для изгнания злых духов, чем те ряженые с моей родины, которые сидят сейчас перед клиникой. Хха-хха-хха, ну так что же ты собирался сделать?

Как только *ПАТРОН* задал этот вопрос и его хриплый голос умолк, меня всего пронизал жгучий страх! Опасаясь, что Мори вдруг заявит: *Мы пришли, чтобы сделать это,*— и бросится на *ПАТРОНА*, а протянувшаяся сзади могучая рука свернет ему шею, я дотронулся до колена старика и, тяжело дыша, заговорил:

— Я и мой сын Мори *превратились*. Однажды утром, после невыносимо тяжелой ночи, мы *превратились*. Помните, мне было тогда тридцать восемь лет. За ночь я помолодел на двадцать и стал восемнадцатилетним мальчишкой! Я понял это, посмотрев на себя в зеркало, понял, ощупав свое тело. Ощущение своего тела, которое стало жить новой жизнью, заставило меня поверить в то, что мне в самом деле восемнадцать лет. Я же обладаю опытом человека, которому однажды в жизни уже было восемнадцать. Когда моему телу стало восемнадцать лет, то не только мои чувства, но и дух, очистившись, устремились туда же, назад к восемнадцатилетней душе! Благодаря инерции памяти в эффекте *превращения* есть некоторая неравномерность — что-то устремляется вперед, что-то возвращается назад... Важно само по себе то, что сын Мори претерпел *превращение* одновременно со мной, но в противоположном направлении! Он был умственно отсталым восьмилетним ребенком, а стал и физически и духовно крепким, цветущим двадцативосьмилетним мужчиной! Я думаю, это было *превращение*, стимулом к которому послужило то, что мы отец и сын.

(*ПАТРОН* тихонько повернул в мою сторону голову и, пока я говорил, внимательно следил за мной прищуренными, точно подернутыми красным туманом, глазами. В своем мозгу, клетки которого плавились от жара и лекарств, он, казалось, подбирал нужные слова. Но у него это никак не выходило, и он, напряженно пытаясь ухватить мысль, свел брови, и если бы он сейчас и мог вымолвить что-то своими сухими посиневшими губами, то, наверно, сказал бы, перемежая речь тихими смешками, такие слова: *Твоя супруга, ах нет, она ведь говорила, что вы расстались, значит, бывшая жена, да? Так вот, она сообщила моему секретарю, что ты просто-напросто вырядился молодым, а сына нарядил человеком старше себя. После этого ты совершил на меня нападение. Поскольку вы и сейчас наряжены, я не могу проверить, правду ли ты мне сказал. Твоя супруга, или бывшая жена, заявила также, что ты, боясь, как бы тебе как следует не досталось от ее братьев, взяв с собой переодетого сына, скрылся. Хотя ей было известно, что ты, вырядившись, совершил на меня нападение, объяснить мотивы не смогла).*

— Мори и я, побуждаемые силой, которая вызвала наше физическое и духовное *превращение*, действуем сейчас на ощупь, словно в тумане... Да нет, словно в тумане действую один я, восемнадцатилетний мальчишка! Мори, *превратившийся* во взрослого мужчину, прекрасно осведомлен не только о том, где находится космическая воля, совершившая наше *превращение*, но и о миссии, которую должны выполнить *превратившиеся*. Сразу же после *превращения* Мори совершил на вас покушение — ясно, что он сделал это по приказу космической воли, выполняя миссию, возложенную на него *превращением!* Моя жена, б ы в ш а я жена, утверждает, что я, переодевшись, напал на вас, и вы наполовину верите ей, наполовину сомневаетесь в правдивости ее слов, но, уверяю вас, она ошибается. Мори, не говоря мне ни слова о приказе космической воли, совершил на вас покушение. Если бы жена, б ы в ш а я жена, услышала то, что я сейчас говорю, она бы, несомненно, сказала, что я, пытаясь возложить вину за свои преступные действия на умственно отсталого ребенка, перерядился сам, перерядил его и вместе с ним попытался скрыться! Она действительно так думает и поэтому преследует меня, сговорившись с братьями и полицией. Но на самом деле все не так. Если бы Мори после *превращения* посвятил меня в суть приказания, данного ему космической волей, я бы тоже, несомненно, участвовал в покушении... Однако Мори, видимо стремясь как старший уберечь меня, восемнадцатилетнего, не допустил этого. Родительские чувства повзрослевшего Мори — вот в чем причина. Хотя настоящий отец — как раз и есть восемнадцатилетний, которого он оберегал...

(Хха-ххха-ххха, слабо рассмеялся *ПАТРОН*. Его красные глаза под морщинистыми веками тоже смеялись. Может быть, лекарства, которые давали *ПАТРОНУ*, действовали то возбуждающе, то успокоительно? Теперь к нему вернулась агрессивность, и он, наверно, хотел сказать так: *Хха-ххха-ххха. Говоря о превращении, происшедшем благодаря космической воле, ты почему-то рассказываешь не о космическом импульсе, а о том, что творится в твоем собственном доме. Скажи мне, что представляет собой космическая воля, совершившая превращение, о котором ты говоришь? Почему по ее приказу на меня совершено нападение? Во всяком случае, я имею право спросить об этом. Хха-ххха-ххха.)*

— Я думаю так: космическая воля, совершившая наше *превращение*, передает свои приказы достигшим зрелости телу и душе Мори. И Мори точно знает, что представляет собой космическая воля, являющаяся источником этих приказов. Поэтому

я должен, участвуя в действиях Мори, помогать ему. Я твердо знаю лишь то, что из-за своей юношеской взбалмошности способен неверно понять космическую волю, ошибочно истолковать ее приказ, поэтому, веря в существование космической воли, обязан повиноваться действиям Мори. И сюда я тоже пришел вслед за Мори. Я ничего не знаю о выработанном им плане действий! Однако мне известно, что Мори находится в непосредственной связи с космической волей, и я повинуюсь его указаниям. Это, конечно, не означает, что космическая воля может как угодно помыкать Мори. В главном он свободен, я, в общем, тоже могу действовать по собственному усмотрению. Ведь это было бы просто невежливо, если бы космическая воля, не спрашивая нашего желания, не входя в наши обстоятельства, *превратила* нас, да еще бы и навязывала нам свои приказы. Ни я, ни Мори не можем разрешить космической воле подобное неуважение к нам!.. Говоря «не можем разрешить», я имею в виду то, что у нас есть способ выразить космической воле свое несогласие. Мы с Мори можем перехитрить космическую волю. Мы можем сделать так, что космический компьютер, приведенный в действие для того, чтобы совершить наше *превращение,* окажется бесполезным! Иначе говоря, мы с Мори можем совершить самоубийство и тем самым сведем на нет усилия космической воли.

(Высказав это уверенным тоном, я вдруг вскрикнул оттого, что кто-то изо всех сил сдавил мне запястье! Но кто? Не кто иной, как Мори, вложив страшную силу в свою правую руку. Мори крепко сжимал мне запястье, все сильнее и сильнее; первый раз он сдавил его, когда я заявил, что если космическая воля будет отдавать нам приказы, то проявит этим неуважение к нам, но в тот раз боли я почти не почувствовал. Вначале я испытал даже радость от того, что мою левую руку, лежавшую на мускулистой ноге *превратившегося* Мори, крепко сжала его правая рука. И спокойно продолжал разговаривать с *ПАТРОНОМ.* Но тут я ощутил боль и попытался отбросить руку Мори, но восемнадцатилетнему мальчишке это оказалось не под силу. А после моих слов, что мы можем перехитрить космическую волю, совершив самоубийство, боль сделалась невыносимой и я вынужден был замолчать, обливаясь липким потом. Я укоризненно взглянул на Мори, но за бутафорской желтоватой бородой и усами уловить выражение его лица не смог. И только когда я замолчал, давление его руки сразу же ослабло. Причинив мне боль, рука Мори стала потом меня нежно поглаживать. Так в действиях правой руки Мори я усмотрел его критическое отношение к моим словам.)

— В действиях Мори, сразу же после *превращения* совершившего на вас нападение, содержался космический смысл. Ведь нападение было сопряжено с колоссальной опасностью, оно могло перечеркнуть наше *превращение!* Вашей охране ведь ничего не стоило избить до смерти или застрелить Мори. Наконец, просто арестовать его.

Быть арестованным — что для Мори может быть страшнее! В полиции он бы, несомненно, хранил молчание; он же имеет право не отвечать на вопросы. Однако если бы власти вдруг решили установить его личность, выяснить возраст и биографию, то никакие фактические подтверждения, никакие научные выкладки не помогли бы доказать, что Мори и есть тот самый настоящий Мори!.. *Превратившись,* он стал новым человеком, а заниматься выяснением личности в масштабах земного шара невозможно. Даже если бы я заявил, что прихожусь ему отцом, и добровольно согласился, чтобы занялись выяснением моей личности, удалось ли бы мне убедить власти, что восемнадцатилетний юнец является отцом человека зрелого возраста, преступление которого доказано?

Кроме того, что стало бы с миссией, возложенной на нас *превращением,* если бы Мори был убит или арестован и ниточка между мной и им порвалась? Ведь только через Мори я могу услышать призывы космической воли, совершившей наше *превращение.* И я бы сделался подкидышем в космическом масштабе! Восемнадцатилетним подкидышем, только что пережившим *превращение,* я был бы вынужден бродить из конца в конец Вселенной в поисках ответа на вопрос: кто есть я, кем должен стать? И это теперь, когда мы вдвоем отвечаем за судьбы человечества?

(Внутреннее беспокойство заставило меня умолкнуть на полуслове. *ПАТРОН* засмеялся — хха-хха-хха,— а нефтепромышленник недоуменно хмыкнул. Секретари перестали всхлипывать и, слушая мои разглагольствования, сочувственно улыбались. Неужели Мори, сжимая мою руку, старается подбодрить меня?! Моему восемнадцатилетнему телу и духу он, как тогда во сне, передал благожелательное *ЛИ... ЛИ... ЛИ!..* Я вновь обрел уверенность и утвердился в стремлении доказать, что мы с Мори, *превратившиеся,* избраны пинчраннерами человечества в решающий момент его жизни.

Доказать это всем тем, кто смеется нам в лицо, иронически хмыкает! Я не собираюсь задавать себе вопрос, за какие наши качества мы были выбраны пинчраннерами. Если мы выдающиеся игроки, превосходящие всех людей на свете, то как постоянные члены команды уже давно должны были выйти на матч по спасению человечества. Мы не имеем права терять веру в свои силы, колебаться. Выбранные пинчраннерами, мы стоим в базе, дожидаясь благоприятного момента. Получая указания тренера — космической воли, мы с Мори напряженно думаем: бежать немедленно или чуть переждать? Мы сами обязаны выбрать момент, когда бежать! *ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ...)*

— Я, как один из ваших помощников, которые выполняли для вас одну и ту же работу, не зная друг о друге, долго служил вам! Все это время я не задумывался над тем, как связано мое дело с вашими реальными замыслами. У своих помощников вы не будили желания задумываться. Однако моя крохотная работа, слившись с работой остальных, приносила конкретные плоды! Причем наша деятельность противоречила чаяниям людей, ради которых, как нам казалось, работали мы, ваши помощники!.. Используя нас, вы создавали систему господства над людьми. Ваши действия были весьма искусны. Например, вы финансировали ядерные исследования, проводившиеся революционными группами студентов. Если бы эти махинации выплыли наружу, никто бы серьезно не отнесся к ним — *крохотной группе изготовить атомную бомбу? Смехотворная детская болезнь левизны.* А когда атомная бомба была бы изготовлена, все бы ахнули от ужаса и им бы ничего не осталось, как склонить голову перед неизбежностью. Я сам, не ведая, что творю, участвовал в реализации этого плана! Космическая воля послала вам, создателю системы господства над людьми, протест. Поскольку на Земле нет силы, способной разрушить ваши замыслы, у космической воли не было другого способа, как действовать самой... Однако здесь возникло непредвиденное обстоятельство.

Оказалось, что вы больны раком и уже обречены. Зачем нужно было совершать на вас нападение, когда вы все равно умрете? Космическая воля вполне могла ничего не предпринимать, чтобы уничтожить вашу систему господства над людьми, а просто ждать! Зачем же она совершила наше *превращение* и противопоставила нас вам? Разве все это не бессмысленно?

— Нет, это не бессмысленно,— откашлявшись, сказал *ПАТРОН* впервые за сегодняшний день ясным голосом.— Меня ждет ужасная смерть, и я теперь не в состоянии изучать резюме, связанные с проблемами космического масштаба, хха-хха-хха. Мне только хочется сделать одно замечание. Ты говоришь, что космическая воля, совершив ваше *превращение*, направила его острие против меня. Вопрос в том, как к этому отнестись. Допустим, космическая воля действительно существует, но почему своим объектом она избрала именно меня? Ответа на такой вопрос не существует. Почему я родился на планете Земля, входящей в нашу Вселенную — одну из бесчисленного множества вселенных? Задайте этот вопрос, и ответить на него вы не сможете, хха-хха-хха. Тогда можно сформулировать так: поскольку я родился именно здесь, ничего не поделаешь, вот и все. Мне остается одно — подумать, что же мне предпринять, если, как ты утверждаешь, посланцы космической воли выступают против меня. Хха-хха-хха, ведь действительно ты или твой сын сразу же после *превращения* напали на меня. Откровенно говоря, я думал, что ты сошел с ума и, притворившись еще большим сумасшедшим, чем был на самом деле, совершил на меня покушение. Хха-хха-хха.

...В результате мне был нанесен удар по голове, я потерял сознание, и врачи, обследовав меня, обнаружили, что я болен раком в последней стадии. До этого я обращался к врачу, только когда у меня болела грудь или спина, чтобы он сделал мне обезболивающий укол! Хха-хха-хха (*ПАТРОН* снова заплакал)... Я считаю, что если, как ты утверждаешь, космическая воля существует и своим объектом избрала меня, то именно она послала сигнал, сообщающий время, когда все мои счеты с жизнью будут сведены. Хха-хха-хха (на этот раз он смеялся). *Превратившиеся* — ты и твой сын — пришли сюда, чтобы помочь мне свести счеты с жизнью. В самом деле, если бы не руководство космической воли, ни один человек на Земле такого бы не придумал, хха-хха-хха.

Во всяком случае, с моей точки зрения это совсем не бессмысленно. Как только я решил свести счеты с жизнью и, готовясь к этому, стал подбирать человека, которому смог бы поручить это, появляешься ты со своим сыном. *НЕТ, ВСЕ ЭТО ОПРЕДЕЛЕННО ИМЕЕТ СМЫСЛ!*

В это время пришла сестра, чтобы поставить *ПАТРОНУ* клизму, я смущенно стал приподниматься, но стоявший за моей спиной верзила положил мне руку на плечо. Причем с такой силой, что мне показалось, будто на плечо упал какой-то огромный предмет, тяжелый и твердый. Может быть, это был превентивный удар, продиктованный опасением, что я собираюсь напасть на *ПАТРОНА*? Увидев наш с Мори наряд, сестра изумилась, но, взглянув на нефтепромышленника, вздрогнула и чуть не заплакала от страха. И пока была в палате, больше ни разу не взглянула ни на нас, ни на него.

Уже некоторое время в палату доносился непрекращающийся топот множества людей, идущих по дорожке вдоль больничного корпуса. Причем дорожка кончалась тупиком. Поэтому все они скапливались на ней, не имея возможности пройти вперед. Огромная толпа не кричала, не шумела, но все росла. Слышалось лишь глухое перешептывание. До меня долетали все эти звуки, а одновременно на старушечьем лице *ПАТРОНА*, до сих пор совершенно безразличном к шуму, доносившемуся с улицы, появилось раздражение — виной тому была, вероятно, и обострившаяся боль. Нефтепромышленник тут же уловил это, но, поскольку он должен был наблюдать за мной и Мори, остался на месте. Он мотнул массивной головой, подавая знак, и остававшийся в палате секретарь подошел к окну посмотреть, что делается снаружи.

— Ваши земляки, сэнсэй, заняли всю дорожку, идущую к новому больничному корпусу. Там что-то, похоже, начинается... Все стоят спокойно и наблюдают. Может, прогнать их?.. Вы дали указание, сэнсэй, чтобы с ними обходились помягче, вот они и распоясались, и теперь нужно...

ПАТРОН игнорировал слова секретаря, принадлежавшего к тому типу людей, которые начинают оправдываться еще до того, как их потребуют к ответу, и обернулся ко мне, понимая, что без меня ему не обойтись. Независимо от того, какие у *ПАТРОНА* были основания искать во мне поддержку, я был рад, что он отошел от темы нашей дискуссии — как наивен *превратившийся* восемнадцатилетний, ха-ха.

— Доложи конкретно, что они собираются делать и что делают сейчас. Ты, я надеюсь, лучше, чем он, поймешь, что там творят ряженые, ххa-ххa-ххa.

Под недобрым бдительным взглядом подавшегося в мою сторону нефтепромышленника, у которого от напряжения на огромном лице выступили капельки пота, похожие на шарики нефти, я подошел к пылавшему злобой секретарю. Зрелище, которое я увидел, заставило меня, повернувшись к Мори, послать ему молчаливый призыв. *О, я уже однажды видел такое же прекрасное зрелище! Это были фрески, которые покрывали стены столовой калифорнийской лаборатории! Фрески, созданные одним мексиканским художником! На них изображалась вся история жизни калифорнийских индейцев, начиная с появления конкистадоров, искавших Эльдорадо, и кончая эрой господства американцев. Но радость, которую я испытываю сейчас, несравненно глубже, обширнее радости, вызванной просто воспоминаниями о тех фресках! Будь у меня время, я бы рассказал тебе, Мори, как безгранична эта моя радость...*

Зрелище показалось мне схожим с теми мексиканскими фресками благодаря его композиционному построению. Окно в палате *ПАТРОНА* обрамлял выступавший вперед бетонный наличник, и толпа казалась вставленной в раму. На идущей вдоль ограды дорожке толпились ряженые, окружившие колесницу, а по обеим ее сторонам стояли зрители. Все были возбуждены, предвкушая празднество, в котором собирались принять участие. Над толпой из окон стоявшего напротив корпуса свешивались больные, санитарки, а на газоне у изгороди, спиной к нам, в ожидании замерли полицейские моторизованного отряда. Можно без преувеличения сказать, что открывавшийся взгляду вид действительно напоминал горизонтальную фреску Риверы [1].

Перед самой колесницей, глядя в нашу сторону, с величественным видом стояли карлик и толстуха, по обеим сторонам от них — охранники в черных костюмах. Они были до предела напряжены. Карлик и толстуха, выступающие в качестве руководителей, провозгласили начало празднества. Ряженые, до этого поникшие, разом оживились и расправили плечи. Глядя на толпу сверху, с довольно большого расстояния, я понял — то, что казалось мне, когда я находился в гуще ряженых, беспорядочным сборищем, на самом деле была структурно оформленная, хотя и несколько хаотичная группа — разнообразные костюмы ряженых воспроизводили историю их родных мест. Это, несомненно, была их собственная история, но в то же время и история всего человечества, что и вызвало мою столь глубокую радость.

[1] Диего Ривера (1886—1957) — мексиканский художник.

— Ряженые собрались вокруг колесницы, которую они привезли с собой в Токио,— доложил я *ПАТРОНУ*, напомнившему о себе кашлем.— Когда мы были с ними, ряженые олицетворяли главным образом военные и послевоенные бедствия, хотя среди них были и Чаплины, а вот смотрю сейчас и вижу там Сарудахико, Амэ-но удзумэ-но Микото[1] и даже полководцев и финансового магната Сумитомо. Видимо, подобные наряды имеют какой-то особый смысл для людей из тех мест, но наряду с этим они воскрешают историю всего человечества. Есть среди них ряженые в нарядах, которые описаны в «Фудоки»[2], есть даже император Мэйдзи и Эйнштейн...

— В общем, деревенское шествие, в котором принимают участие ряженые, начиная с костюмов времен «Фудоки» и кончая Эйнштейном? Наверно, среди них есть и Санэмори? Хха-хха-хха. У них все так тщательно продумано, что эффект от праздника будет весьма внушительным, хха-хха-хха.

Эта тирада *ПАТРОНА* прервала мой рассказ, но тут мое внимание привлекло новое зрелище. Среди толпы, окружившей ряженых, я увидел походившую на замерзшую птицу жену, б ы в ш у ю жену, в черном платье, с красным платком на шее, и великана брата, охраняющего ее. В некотором отдалении от них, но в таком месте, чтобы не упустить их из виду, стояла Ооно Сакурао в желтом пальто. Ее толкали со всех сторон, и она сама без конца наступала на ноги окружающим. Рядом с ней были двое из *Корпуса лососей* — они смотрели вверх, на здание клиники, надеясь увидеть Мори. Когда я заметил их, мне показалось, что вся эта глазеющая толпа — участники закончившегося потасовкой митинга против строительства атомных электростанций, и здесь сейчас снова собрались две враждующие революционные группы. В таком случае и присутствие моторизованной полиции необходимо, ха-ха.

Не видно было только *ДОБРОВОЛЬНОГО АРБИТРА*, но мои глаза, упорно рыскавшие по толпе в надежде, что кто-кто, а *ДОБРОВОЛЬНЫЙ АРБИТР* должен здесь обязательно быть, вдруг на мгновение выхватили из толпы маленькое личико человека в светло-коричневом хлопчатобумажном костюме — серьезное лицо *СПРАВЕДЛИВЦА!* Я весь задрожал от радости. *Мори, то, что СПРАВЕДЛИВЕЦ умер, неправда, если начнется схватка, этот пожилой математик вытащит свои вставные челюсти и будет всех подряд кусать ими, будет мужественно сражаться, посмотри туда!* — закричал я беззвучно и тут же потерял из виду *СПРАВЕДЛИВЦА* и снова отыскать его уже не мог.

— Не окажется ли этот праздник настолько чудотворным, что он уничтожит вирус рака? Хха-хха-хха, ты тоже ряженый и, несомненно, должен знать, о чем они будут молиться, хха-хха-хха. Может быть, они захотят отправить меня в безвозвратную даль и уничтожить, как вредное насекомое? Хха-хха-хха.

— О чем будут молиться, не знаю. Возможно, им и самим это как следует неизвестно. Они говорили, например, о защите десяти миллионов человек. Ясно лишь то, что ряженые вокруг колесницы своими нарядами образуют некий микрокосм... Если мы с Мори, двое *превратившихся*, вольемся в этот микрокосм, он станет более напряженным — вот что мне представляется. А если бы еще и вы влились! — сказал я и еле удержался, чтобы не продолжить: в этом своем наряде *беременной старой карги*.

— Неужели я, страдая раком и находясь на пороге смерти, могу выступать ряженым? — возмутился *ПАТРОН*, и это было вполне естественно, ха-ха.

Я вернулся на свое место, так и не получив возможности еще раз убедиться, действительно ли это был *СПРАВЕДЛИВЕЦ*. Однако недовольство *ПАТРОНА* продолжалось недолго, он только понял, что вести бесконечные споры со мной, человеком, одержимым химерами, бессмысленно, и, будучи реалистом, решил, что наступила удобная минута, чтобы кое-что предложить нам, двум *превратившимся*. Я снова оказался под надзором нефтепромышленника, а Патрон сделал мне следующее, более чем конкретное, предложение:

— Ты и твой сын должны выслушать мой план до конца. Или вы не хотите меня слушать? Если вы собираетесь уйти, не дослушав моего рассказа, то из-за недавнего нападения на меня у вас возникнут серьезные осложнения с полицией, о которых ты сам только что говорил; так вот, вам стоит меня послушать, если, конечно, ваше превращение — факт, хха-хха-хха.

— Разумеется, выслушаем,— ответил я и почувствовал на своей руке одобрительное пожатие Мори.— *Разумеется, выслушаем!*

---

[1] Божества синтоистского пантеона.

[2] «Фудоки» — историко-географический памятник древней Японии «Описания Земли и нравов» (VIII век).

— Мой план — тебе, видимо, он известен — связан с идеей ядерного вооружения студентов, хха-хха-хха. У меня здесь имеется кое-что для воздействия на студенческие группы!

ПАТРОН тяжело дышал, как регбист, прикрывавшая его простыня двигалась вверх и вниз. Он дотрагивался пальцами до своего вспухшего живота, подпиравшего подбородок. На мгновение я подумал: *Не прячет ли он там готовую атомную бомбу?!* — и пришел в ужас от того, что вырвавшийся оттуда страшный яд, обезвредить который невозможно, прольется на весь Токио!.. В это время нефтепромышленник, поняв указание, сделанное *ПАТРОНОМ* движением головы, поводя могучими, как у Нио, плечами, направился было к кровати, но, задев за стену металлической палкой, которая была у него в руках, вскрикнул от неожиданности и, присев, положил ее на пол. Продолжая приседать, он приблизился к кровати и, будто перезаряжая старинный фотоаппарат, запустил обе руки под одеяло, которым был укрыт *ПАТРОН*. От напряжения он нахмурился и крепко сжал губы. Потом из живота умирающего *ПАТРОНА*, точно извлекая плод *беременной старой карги*, вытащил вспухший кожаный саквояж!

— *...Пятьсот миллионов наличными.* Я хочу, чтобы вы употребили эти деньги для ведения работы в студенческих группах. Причем должен быть взят курс на слияние заводов обеих групп, изготавливающих атомные бомбы. Ваше дело — купите ли вы на эти деньги обе группы и заставите их слиться или, наоборот, руками одной уничтожите другую. Во всяком случае, если останется одна группа и будут объединены оборудование и ядерное сырье, за пять-шесть недель удастся создать атомную бомбу... Затем под руководством тех, кто ответствен за общественную безопасность, при моем содействии *будут арестованы все, кто тайно изготовлял атомную бомбу!*

Потрясенный, я смотрел на живот *ПАТРОНА*, выглядевший так, будто по нему проехал каток. И тут я начал смеяться. Я так смеялся, что чуть было не упал со стула. Да и как было мне не смеяться? Из живота *беременной старой карги*, врага, к которому, выполняя указания космической воли, нам удалось наконец подобраться, родилось чертово дитя, несущее человечеству неисчислимые бедствия. Появились антихристовы пятьсот миллионов нен. *Мог ли я не смеяться?!*

2

— Для осуществления своего плана я избрал именно тебя потому, что ты человек, готовый бессмысленно смеяться, невзирая на место и время. Ты прирожденный шут,— издевался надо мной *ПАТРОН*, наблюдая налитыми кровью тусклыми глазами, как я безудержно хохочу.— В отличие от пережитой мной атомной бомбардировки Хиросимы пережитая тобой «атомная бомбардировка»— комедия... Но я не обращаю на это внимания, ведь ты сейчас смеешься у постели старика, которому прекрасно известно, что он умирает от рака.

— Простите,— сказал я, но, неосторожно взглянув на плоский живот *ПАТРОНА*, снова фыркнул.

— Если ты такой комедиант... комедиант, способный утверждать, что восемнадцатилетний *превратившийся*, бывший до этого тридцативосьмилетним, вместе со своим двадцативосьмилетним сыном, бывшим до этого восьмилетним, действует на благо человечества, то полиция не заподозрит, что эти деньги имеют ко мне отношение, даже если они и будут обнаружены,— объяснял *ПАТРОН*, не мне, продолжавшему смеяться, а нефтепромышленнику, несомненно, доставившему сюда эти деньги, который снова оказался у нас за спиной.— Но поскольку именно этот человек должен будет действовать в критический момент, он и появился здесь, эта странная личность в не менее странном наряде, хха-хха-хха.

Наконец мне удалось справиться со смехом, и теперь уже беззвучно смеялся *ПАТРОН*. Глаза он прикрыл морщинистыми веками и сложил на плоском животе костлявые руки, пальцы которых казались невероятно длинными — на них почти не было мяса. Не знаю почему, я внимательно следил за тем, как на его лице, где-то у покрасневших ноздрей, у полуоткрытого рта со сверкающими искусственными зубами, у мочек ушей, рождается смех. В этом смехе *ПАТРОНА* я видел не просто насмешку над нашими нарядами — это был отвратительный смех человека, издевающегося над всеми людьми, вообще над всем, с чем он сталкивался в своей жизни, над всем, что ему пришлось пережить. И поэтому мне теперь было не до смеха.

— Таким способом вы хотите передать информацию полиции, и тогда эти несколько сот миллионов, предназначенные заводам, оснащенным необходимым для изготовления атомной бомбы оборудованием и ядерным сырьем, заводам, которыми руководит группа талантливых студентов физического факультета, вынужденных уйти в подполье в результате беспорядков в университете, послужат тому, чтобы вы могли взять контроль над всем происходящим в свои руки. Средства массовой информации назовут то, что делают студенты, *величайшим после войны антигосударственным заговором,* а все японцы сплотятся, проникшись ненавистью к группам, создавшим подпольные заводы. И тут вы превратитесь в благородного спасителя сплотившегося народа! Ведь вы окажетесь тем, кто раскрыл заговор, целью которого было либо свершение революции при помощи ядерной угрозы, либо уничтожение всех жителей Токио, включая императорскую семью. И вы умрете блистательной смертью национального героя, какого еще не знала история человечества, смертью величайшего японца нашего времени. Вместо того чтобы одиноко умереть от рака в ненависти и печали... Вы станете национальной гордостью, день вашего рождения превратится в национальный праздник, невинные дети по всей стране будут распевать в вашу честь гимны, на всеяпонском празднестве наследный принц возложит хризантемы у вашего портрета. И вы станете *ПАТРОНОМ ВСЕГО НАРОДА НАШЕЙ СТРАНЫ.* Ваш образ истинного героя ядерного века обойдет весь мир, станет достоянием всего человечества...

Мои слова не вызвали у *ПАТРОНА* никакой реакции, кроме слабой улыбки, а в это время ожидающие празднества ряженые, о которых я чуть раньше докладывал *ПАТРОНУ,* подняли под окнами бесстыдный и веселый гомон, готовясь то ли к танцам в память умерших, то ли к обряду очищения. Я замолчал — сцепленные руки *ПАТРОНА,* теперь вытянутые вдоль одеяла, чуть дрожали, и я подумал, что шум за окном, видимо, не мешает ему спать. Но на лице *ПАТРОНА* снова появилась еле заметная улыбка, и он снова заговорил, и голос его звучал еще тише, чем если бы он беззвучно касался языком своих вставных зубов.

— Ну так как, согласен? Люди, отвечающие в своих группах за финансы, выплатят тебе комиссионные, пятьдесят миллионов,— не делай такого лица, хха-хха-хха, обычная практика, существующая во всем мире, хха-хха-хха.

Спровоцированный его улыбкой, я заколебался. *В самом деле, может, и вправду взяться! Пока он до недавних пор был беременной старой каргой, я, опасаясь его идей, считал величайшим преступлением помогать ему в осуществлении честолюбивых планов. А у него из брюха явились деньги, огромные, но всего лишь деньги. Смех. Взяв на себя поручение ПАТРОНА, я смогу контролировать то, что в результате этого произойдет в мире. В конце концов обязательно настанет черед двух превратившихся. Этот больной раком старик, видя, как рушатся его ядерные планы, все равно умрет как герой. Но это не явится концом. Двое превратившихся будут располагать не только моим техническим умением и теоретическими знаниями, но и огромными деньгами! И поскольку наше превращение произошло благодаря воле-силе космического масштаба, это естественно, что единственную силу космического масштаба, которую знает человечество, а именно силу ядерного взрыва, получат двое превратившихся?*

...Думая об этом, я ощущал, как мое левое запястье все сильнее сжимает правая рука Мори. Не в силах терпеть боль, я попытался высвободиться, но железная рука Мори не выпускала моего запястья. Я взвыл, взвыл и Мори, из последних сил терзавший мою руку.

Теряя сознание от невыносимой боли, я вспомнил первое в своей жизни страдание. Еще ребенком я понял, что правой рукой могу сделать что угодно, а потом, поняв, что и левой рукой могу сделать что угодно, заставил их сражаться. Мать, увидев мои окровавленные руки, привязала каждую отдельно к столбу на кухне. *Может быть потому, что мне не удалось довести до конца сражение своих рук, я всю свою жизнь нахожусь во взвешенном состоянии, ничего не сумев завершить, подумал я, воя от боли.*

ПАТРОН, теперь открывший покрасневшие от возбуждения глаза, с нетерпением ожидая моего ответа, смотрел на меня, исходившего криком, будто насмехаясь: какие у тебя есть шансы обеспечить свое существование, кроме как капитулировать и быть у меня на побегушках. И я, обратившись то ли к космической воле, то ли к *ПАТРОНУ,* крикнул, изо всех сил напрягая голос:

— СОГЛАСЕН! — И тут же, пнув ногой кровать, бросился на стоявшего сзади противника!

Я с трудом вытащил голову, оказавшуюся между ног нефтепромышленника, которого я боднул в пах, за секунду до того, как на меня обрушился новый удар, я увидел сражающегося Мори. Мори, который в тот миг, как я бросился на стоявшего сзади нефтепромышленника, отпустил мою руку и, схватив валявшуюся на полу металлическую палку, стал избивать *ПАТРОНА*. Потом я увидел мужественное лицо Мори в тот момент, когда он, выбив окровавленной палкой стекло и искоса взглянув на преследующих его секретарей, выпрыгнул наружу, прижав к груди кожаный саквояж с пятьюстами миллионами иен! Схватившись с могучим противником, я с трудом удерживал его, чтобы тот не бросился на помощь *ПАТРОНУ*,— то, что я увидел, заставило меня трепетать от волнения, так не подходящего *превратившемуся* мальчишке родительского волнения: ради того, чтобы хоть на мгновение увидеть героические действия Мори, стоило растить и воспитывать его! И я закричал, надрывая грудь и горло: ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... Закричал изо всех сил: ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ!..

Отброшенный огромным ботинком нефтепромышленника, я упал на осколки оконного стекла, а когда с трудом поднялся на ноги, увидел в центре площадки, освобожденной галдящей толпой, пылающую колесницу. Ряженые, все до одного, вытащили спрятанные под одеждой бидоны с керосином и лили его в огонь. К полыхавшей колеснице бежал, преследуемый полицейскими, Мори. Размахивая полураскрытым саквояжем, с разбевающимися лохматыми волосами, Мори, сопровождаемый криками ряженых, криками толпы, взобрался на изгородь и прыгнул в горящую колесницу! Когда он бросился вниз головой в бушующее пламя и тело его еще летело в воздухе, уже загорелись волосы и сыпавшиеся из саквояжа деньги. Последний честолюбивый план *ПАТРОНА*, теперь мертвого, с отвисшей челюстью,— и я увидел его через плечо склонившегося над ним нефтепромышленника — превратился в пепел. И в горящего Мори. Меня снова повалили на осколки стекла, набросились полицейские — я был весь в крови, как новорожденный, и кричал изо всех сил сквозь рыдания: ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ... ЛИ!..

Путь к спасению

Восемь лет назад Кэндзабуро Оэ в беседе «Революция. Смерть. Литература (Опыт Достоевского и современность)», организованной журналом «Сэкай», говоря об одной из левацких группировок «Рэнго сэкигун», заявил: «Я уверен, что самые разные люди, на которых обрушилась лавина газетных сообщений о деле так называемой группы «Рэнго сэкигун», оторвавшись от газет, сразу же обратились к «Бесам» Достоевского. И я убежден, что благодаря «Бесам» многие смогли понять, что представляет собой эта группа. Я убежден в этом потому, что Достоевский помогает более глубокому, более объемному пониманию того, что есть человек, что есть жизнь и смерть, что есть революция и в чем спасение человечества, когда мир находится на переломе к новому». И далее: «Каждый раз, когда я задумываюсь над так называемой ядерной стратегией, я прихожу к выводу, что идеи «Бесов» имеют еще один аспект. Достоевский не напрасно приводит притчу об Ионе... Как известно, Иона, бродя по Ниневии, предсказывал скорую ее гибель и разгневался на бога за то, что тот не уничтожил города... Если посмотреть на эту притчу с позиций сегодняшнего дня, она находит конкретное воплощение в идее атомной войны. В Хиросиме я часто слышал от людей, переживших атомную бомбардировку, пожелание, чтобы и на головы остального человечества упали атомные бомбы, есть даже песня об этом. Такие люди считают, что человечество все равно по-настоящему не переменится до тех пор, пока атомная война не поставит его у порога гибели».

Эти раздумья и привели Оэ к «Запискам пинчраннера». (Пинчраннер — игрок в бейсболе, который приходит на помощь своей команде каждый раз, когда она попадает в тяжелое положение. Пинчраннер своего рода спаситель.)

Обращение Оэ к русской литературе, в частности к Достоевскому, не случайно. «Писать я учился у русской литературы. Разумеется, я не один. Японская литература нового времени и современная литература в целом учились и продолжают учиться поныне у русской литературы». Эти слова Оэ объясняют многие стороны его творчества. Решив рассказать о японских леваках, о судьбах молодежи, больной псевдореволюционностью в «Футболе 1860 года», он мысленно обратился к «Бесам» Достоевского, послужившим ему ключом к раскрытию темы. Развивая ее до постижения судеб человечества в «Записках пинчраннера», он обратился к «Мастеру и Маргарите» Булгакова, который, по словам Оэ, помог ему «выработать силу воображения».

Человечество стоит на грани катастрофы, утверждает Оэ, будь то катастрофа ядерная или экологическая. Причем такая катастрофа не нечто предопределенное, привносимое извне, а порождение самих людей, плод их неразумности, недальновидности, а подчас и злонамеренности... Что способно предотвратить надвигающуюся катастрофу, готовы ли люди, и в первую очередь молодежь,— а ведь помыслы ее должны быть обращены в будущее, в котором ей жить или не жить,— встретить эту катастрофу во всеоружии? Или, может быть, наоборот, люди и опять-таки молодежь, как главная динамическая сила общества, своими собственными руками приближают катастрофу, делают невозможным ее предотвращение.

«Воды потопа, огромного потопа, который может привести к концу света, уже дошли нам до груди. Помочь нам не в силах никто, даже бог. Спасти себя мы должны сами»,— говорит Оэ. Вот та главная проблема, которой посвящены «Записки пинчраннера».

Ситуация, предстающая перед читателем в романе, в полном смысле слова фантастическая. Физик, которого по имени его сына называют отцом Мори, облучившийся в период работы на атомной электростанции, и его умственно отсталый сын претерпевают удивительное превращение — отец становится на двадцать лет моложе, сын на двадцать лет старше. И вот они-то и берут на себя миссию спасения человечества, вернее, эту миссию возлагает на них некая космическая воля, которая видит, как человечество стремительно движется к своей гибели. На этом фоне развертываются все события в романе. Правда это или ложь, сон или явь — неизвестно. Писатель-невидимка аккуратно записывает то, что ему сообщает отец Мори. Скорее всего вымысел. Но не это главное. На такой вопрос можно смело не отвечать, по скольку не сами события, а их философское осмысление составляет стержень романа.

Оэ последовательно проводит в романе мысль, что человек ответственен за все происходящее в мире. Позиция стороннего наблюдателя самая непродуктивная, самая опасная сегодня. Не случайно, перефразируя леди Макбет, отец Мори говорит: «О делах подобных размышляй, не то сойдешь с ума». В «Макбете», как известно, сказано «не размышляй». Но в нынешних условиях не размышлять нельзя, такая позиция претит общественно активному человеку, осознавшему свою ответственность за судьбы мира.

Зачем потребовалось Оэ фантастическое превращение, да и вообще к чему подобная фантасмагория? Несколько лет назад один японский критик задавал вопрос, зачем потребовалось Абэ помещать своего героя в вымышленную деревню, якобы поглощаемую песком, когда современная японская действительность дает сколько угодно реальных примеров тяжелой жизни народа. Подобные рассуждения, к сожалению, все еще встречающиеся в японской критике, демонстрируют полное непонимание природы и назначения художественного творчества. Задавать вопрос, зачем потребовался писателю вымысел, так же нелепо, как нелепо спрашивать, ради чего Гоголь пустил гулять по Невскому проспекту Нос. Вымысел — если он органично служит художественной выразительности, служит достижению предельной яркости выявления того, ради чего писалось произведение, служит упрочению связи с реальностью, а не отрыву от нее — всегда рассматривался как вполне закономерный художественный прием реалистической литературы.

В романе Оэ превращение — это метафора. Превратившиеся олицетворяют нового человека, осознавшего свою ответственность за будущее человечества. Превращение героев Оэ — первый шаг к перестройке всех людей. Но, видимо, образ превратившихся потребовался Оэ и для другого — показать, сколь ирреально спасение человечества силами потусторонними, которые якобы совершили превращение двух героев. Не они, а в первую очередь сами люди должны позаботиться о своем будущем, поскольку превращение — это фактически духовное перевоплощение, реальное, а не сказочное, людей, осознавших, что жизнь или смерть человечества в их собственных руках.

Роман Оэ близок притче. В нем действуют не столько живые люди, сколько символы, носители тех или иных качеств. Не случайно автор почти ни одному из своих героев, включая и главных, не дает имен. Справедливец, Добровольный арбитр, Патрон. Каждый из них представляет либо силы добра (Справедливец), либо силы зла (Патрон), либо силы, стремящиеся примирить те и другие (Добровольный арбитр). А между ними действуют двое превратившихся, Мори и отец Мори, якобы посланные космической волей спасти гибнущее человечество. Но как это ни покажется парадоксальным, абстрактные символы живут в романе полнокровной жизнью, воспринимаются как вполне реальные персонажи. Достигается это тем, что автор заставляет их не только размышлять о судьбах человечества и о своей собственной судьбе, но и совершать самые обыденные действия: любить, ненавидеть, драться, есть, спать. Такое сопряжение ирреального персонажа с его вполне реальной жизнедеятельностью еще больше усиливает эффект достоверности событий, происходящих в романе.

Почему человечество находится на пороге катастрофы, какая угроза нависла над Землей? Вселенная, вечная и бесконечная в целом, конечна и в пространстве, и во времени в отдельных ее частях. Как утверждает Добровольный арбитр, идеальная Вселенная — это некая мертвая конструкция, где звезды и планеты, безжизненные, отшлифованные в виде шара совершенной формы, навечно занимают предназначенное каждой место. И для них наступает ничем не нарушаемый покой — смерть. Такова же конечная судьба Земли. В идеально круглый, безжизненный шар, по мыс-

ли Добровольного арбитра, ее превратят атомные взрывы. Но высшая космическая воля не склонна торопить события. Наоборот, она готова позволить природе действовать медленно и осмотрительно. Более того, готова дать людям отсрочку, для чего и посылает на Землю двух превратившихся, которые должны послужить детонатором превращения всех людей Земли, а значит и сохранения ее на долгие годы, может быть даже и тысячелетия.

Чтобы спасти человечество, превратившиеся должны показать людям, кто их враг, сказать правду о нем, помешать ему творить черные дела, приближая человечество к гибели. В романе зло олицетворяется Патроном. Но люди, как это ни печально, не видят в нем того, кто угрожает самому их существованию. Наоборот, они склонны воспринимать его благодушно, даже несколько иронически. Он представляется им, говорит отец Мори, чертом из дурного сна. Кончится сон — кончится и черт, то есть Патрон. Но это колоссальное заблуждение, и если человечество не прозреет немедленно, будет слишком поздно и черт из дурного сна уже наяву разрушит мир и уничтожит человечество.

Что представляет собой Патрон, против которого обращено острие превращения Мори и отца Мори? Патрон олицетворяет власть, самое реакционное ее крыло. Чтобы читатель сразу же понял, кого он имеет в виду, Оэ буквально на первых же страницах рассказывает о сне отца Мори, в котором он видит факельное шествие в связи с приходом Патрона к власти, очень похожее на факельное шествие в фашистской Германии в ознаменование прихода к власти Гитлера. Таким образом — сомнений нет,— Патрон сродни Гитлеру. Он средоточие всех пороков. Этот вещий сон служит как бы прологом ко всему, что совершается в романе.

Чем опаснее Патрон, тем решительнее нужно бороться с ним. «Гитлера уничтожил не бог, а люди,— говорит отец Мори.— Люди обязаны уничтожить Антихриста в зародыше, не дожидаясь, чтобы он явился и в борьбу с ним вступил сам Христос. Борьба людей, уничтожающих Антихриста до его появления, превращается в борьбу за жизнь без помощи бога. Но ее необходимо вести».

Патрон готовит атомную катастрофу, призванную вознести его на самую высокую ступень власти. Задача людей — не допустить этого. Именно с этой целью двое превратившихся подробно рассказывают студентам о программе Патрона, цель которой — захватить власть, и критикуют их за то, что они помогают ему в этом, простодушно надеясь использовать Патрона, вернее его деньги, чтобы самим изготовить атомную бомбу и совершить «революцию». Превратившиеся доказывают студентам, что их построения наивны. Нет, говорят они, именно молодежь будет использована Патроном в его корыстных целях, именно ее руками попытается он установить господство над людьми. В конце концов Мори убивает Патрона, освобождая человечество от нависшей над ним угрозы. Вернее все же сказать так: сначала Мори лишь ранит Патрона, чтобы продемонстрировать всем, кто есть истинный носитель зла, но потом, убедившись, что его сигнал не принят, убивает его, а сам гибнет в огне. Так он, жертвуя собой, освобождает человечество от грозящей ему гибели.

Патрону, казалось бы, должна противостоять молодежь, мечтающая о революции. Именно она должна быть той силой, которая обязана и способна разрушить замыслы Патрона. Но все гораздо сложнее. Оказывается, что молодежь, действующая в романе, стремится совершить революцию, прибегая к той же самой атомной бомбе, которую хочет использовать Патрон. С одной стороны, молодежь борется против строительства атомных электростанций, считая, что они загрязняют окружающую среду и могут нанести непоправимый ущерб здоровью людей, а с другой — пытается изготовить атомную бомбу, выступая с абсурдным лозунгом: «Ядерную энергию в руки тех, кто не стоит у власти!».

Оэ, разумеется, не столь наивен, чтобы серьезно выступать против строительства атомных электростанций. Его цель совершенно иная — показать, сколь оторваны от жизни идеалисты и сколь циничны политиканы, призывающие к отказу от атомных электростанций, то есть от мирного использования атомной энергии, и в то же время пытающиеся изготовить атомную бомбу, чтобы, угрожая ею, а может быть даже использовав ее, прийти к власти.

Молодежь занимает в романе центральное место. Объясняя свою приверженность теме молодежи, Оэ в одном из интервью говорил: «В начале своей писательской жизни я просто не знал ничего другого. Молодежь, ее мысли и надежды, трудности, с которыми ее сталкивала жизнь, проходили у меня перед глазами — я был сам представителем этой молодежи, и обращение к ней было вполне естественно и закономерно. Но и сейчас я не ухожу от этой темы, и в первую очередь потому, что молодежь — наиболее динамичная, наиболее остро реагирующая на события часть общества. Взяв ее в качестве объекта художественного исследования, можно глубже и полнее обнаружить характер общества в целом, его беды и болезни. Мне хочется, пользуясь выражением Шкловского, показать динамику души, показать не просто человека, а становление и развитие характера. Есть ли для этого лучший объект, чем молодой человек?».

В «Записках пинчраннера» Оэ не просто рассказывает о молодежи, но и показывает, сколь трудна, а подчас и бесперспективна ее борьба за утверждение в жизни в том обществе, которое стремится выбросить ее за борт. В общем, если использовать термин, получивший в последние годы большое распространение, перед молодежью стоит проблема идентификации. Было бы, правда, неверно утверждать, что

это — новомодная проблема, связанная со стремительным изменением облика мира, облика людей, этот мир населяющих. Нет, термин, возможно, и новый, а явление старо как мир. Идентификация — это самоосознание, нахождение себя и этого найденного себя в окружающем мире. Проще говоря, нахождение своего места в жизни, исходя из внутренних чувств, побуждений, понимания и оценки своей значимости.

Таким образом, проблема эта действительно не нова. Человек во все времена пытался определить для себя, что он есть, и найти место в мире, которое бы соответствовало подобному его осознанию. В этом смысле проблема идентификации действительно стара как мир. Но ничто не остается неизменным. И хотя само это явление не ново, содержание его изменилось. И не могло не измениться. Дело в том, что перемены, и перемены подчас катастрофические, претерпел и продолжает претерпевать тот мир, где молодежь ищет свое место. Он стал настолько подвижным, нестабильным, что часто место в этом мире, найденное сегодня, оказывается ложным, ошибочным. То, что еще вчера представлялось абсолютной истиной, завтра превращается в свою противоположность. Таков современный мир. Причем речь ведь идет не об абстрактных поисках своего места в жизни, но и о фактическом его нахождении. Что же говорить, когда юноша, обманутый лживой пропагандой, начинает искать то, что найти немыслимо, или устремляет свой поиск в те пласты жизни, где отыскать свое место просто невозможно.

Примерно это и происходит с героями Оэ. В любом из его романов мы сталкиваемся с обманутой молодежью. Вспомним «Опоздавшую молодежь» — роман о трагедии юноши, «опоздавшего на войну», юноши, которому годами вдалбливали в голову идею служения императору, служения родине, якобы строящей новый порядок в Азии, и «обманули» — Япония капитулировала вместо того, чтобы победить или уж во всяком случае сражаться до последнего солдата. Именно такая молодежь становится питательной средой правого и левого экстремизма. С такой же обманутой, не нашедшей своего места в жизни молодежью встречаемся мы в романах «Футбол 1860 года» и «Объяли меня воды до души моей...». Руководители молодежи, исходя из собственных эгоистических устремлений, предают ее, направляя на путь левого экстремизма, иногда ярко выраженного, иногда чуть затушеванного.

Левый экстремизм — явление реально существующее в сегодняшней Японии. Зародившись еще в 50-е годы, он приобрел ныне угрожающие размеры. Опасность его велика и далеко не однозначна. С одной стороны — это духовное разложение самой молодежи, с другой — дискредитация демократического движения. В Японии это явление усугубляется еще целым рядом моментов, объясняемых особенностями группового сознания японцев. Если японец, особенно молодой человек, причислил себя к определенной группе, воспринял себя как один из ее элементов, то, и не понимая всех тонкостей и даже конечных целей группы, он будет действовать в ней «как все», будет беспрекословно подчиняться лидерам. Поэтому судьбы юношей и девушек, примкнувших к какой-либо группе, зачастую оказываются безвозвратно искалеченными. Как правило, ими движут не идейные соображения, не приверженность принципам, пусть ошибочным, что делало бы их поведение хотя бы логичным, а именно групповое сознание, толкающее их на бездумное следование за остальными членами группы.

Именно такую молодежь изобразил Оэ в своем романе. Главным образом это студенты, в головах у них невообразимая мешанина. «Идеи Мао Цзэдуна», высказывания структуралистов, мысли Синрана, одного из основателей буддийской секты Дзёдо, жившего в XII веке, слова Паскаля, даже научные положения Ленина, и все это валится в одну кучу, без глубокого осмысления, без попытки увидеть, например, несовместимость положений Ленина и «идей Мао». Малограмотные начетчики — такими представляются эти студенты в романе Оэ. Например, так называемый Великий поход, предпринятый Корпусом лососей — подпольным партизанским формированием леваков — по примеру Великого похода китайских коммунистов в 30-е годы. Во имя чего проводит Корпус лососей свой поход, какова его цель? Это поход без цели, без пункта назначения. Собственно, его даже нельзя назвать походом в обычном смысле слова. Проводится он лишь для того, чтобы, создавая видимость беспрерывных действий, годы и годы держать в руках молодежь — участников похода,— иметь наготове людей, которые в любой момент могут совершать акции, призванные удовлетворять амбициозные устремления руководителей. Духовная и душевная пустота — вот что отличает изображенных Оэ леваков.

Японские леваки — разумеется и те, которых мы видим в романе Оэ,— превратили террор в высшую, абсолютную форму своей деятельности. Чтобы доказать молодежи, что избранный ею путь, вся ее террористическая деятельность ложна и бесперспективна, что она может привести лишь в тупик, а не к революции, к которой она якобы стремится, Оэ устами отца Мори доводит построения студентов до абсурда. Выступая перед ними вместе с сыном, он призывает их к братоубийству, называя его главным революционным принципом, и убеждает их оттачивать, совершенствовать методы убийства. Убив братьев, беритесь за родителей, провоцирует он их. Вселяйте страх, убивайте — вот призывы, обращенные отцом Мори к тем, кто причисляет себя к «истинным революционерам». Он пытается хотя бы таким способом открыть молодежи глаза на происходящее, хотя бы назвать своими словами то, что они делают — вдруг прозреют и поймут не только абсурдность своих действий, но и несовместимость их с истинными революционными принципами, с теми устремлениями, которые привели их в группу.

Роман Оэ с полным основанием можно отнести к иронико-философской прозе. Он ироничен с первой и до последней страницы, а в некоторых своих частях поднимается до высокой сатиры. Выше приводились слова Оэ о том, что силу воображения ему помог выработать Булгаков. Возможно, ироничность Оэ тоже имеет одним из своих источников «Мастера и Маргариту».

Ироническая интонация пронизывает весь роман. Это можно видеть и в карикатурном изображении руководителей леваков, людей беспринципных и циничных, использующих обманутую молодежь для достижения своих корыстных целей. Можно видеть это и во многих эпизодах в романе. Назовем, например, сцену нападения на машину, перевозившую ядерное сырье, молодых людей, прикрывшихся жестяными латами, чтобы уберечься от радиации. Причем речь идет о студентах физического факультета университета, которым должно быть прекрасно известно, что никакая жесть не способна спасти их от облучения. Просто Оэ решил таким способом окарикатурить нападавших, показать их глупость, их полную несостоятельность, неспособность ни на что серьезное. Чем иным, как не сарказмом проникнуто предложение Добровольного арбитра не убивать членов враждебных группировок, а хватать, пороть их, повторяя это много раз, чтобы в конце концов превратить их в своих единомышленников? Этот метод хорош еще и тем, утверждает Добровольный арбитр, что поркой искалечить своих будущих сторонников невозможно — не то что железными трубами, с помощью которых сейчас пытаются врагов сделать союзниками. Столь же саркастичны призывы отца Мори убивать всех подряд, начиная с братьев и отцов, что якобы свойственно истинным революционерам. А разве это не сарказм, когда отец Мори делает вид, что с полным пониманием относится к борьбе против строительства атомных электростанций, проходящей под лозунгом: «Ядерную энергию в руки тех, кто не стоит у власти!» Как будто, если это действительно произойдет, атомные электростанции перестанут загрязнять окружающую среду, а ядерные бомбы перестанут нести угрозу человечеству.

Сколько злой иронии в словах отца Мори о студентах, которые только что безжалостно избивали его. «Они все время спешат и даже не имеют времени помыть свое дурно пахнущее тело, восхищался я ими».

Роман Оэ должен быть прочитан с пониманием того, что сделан он в ироническом ключе. Тогда все, что могло бы показаться странным, а может быть даже и несуразным, встанет на свои места. Роман пронизывает мысль об угрозе, нависшей над человечеством, о бесперспективности пути, избранного частью японской молодежи. Но Оэ не просто говорит обо всем этом — предостерегая людей, он показывает и источник зла, и его носителей.

Оэ нарисовал страшную картину. Казалось бы, сегодняшняя экономически процветающая Япония особых оснований для этого не дает. Но Оэ пошел вглубь, он взломал внешнее благополучие, что позволило ему увидеть и проанализировать внутренние процессы. И перед читателем возникла трагедия, в первую очередь духовная. Духовная трагедия японского общества. Карточный домик показного благополучия рассыпается на глазах.

Оэ — художник жестокий. Но он не смакует зло. Просто его эстетические принципы находятся в русле японской художественной традиции, согласно которой не только мысли по поводу тех или иных трагических фактов, а сами факты, взятые в своем крайнем выражении, доведенные до кульминации, должны потрясти читателя. Это также следует иметь в виду, читая роман Оэ.

В. ГРИВНИН

■

ГРИВНИН ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ (род. в 1923 г.).

Советский литературовед, переводчик. Доктор филологических наук, профессор. Автор книг и статей о творчестве Акутагава Рюноскэ, Нацумэ Сосэки, Симадзаки Тосона, а также статей, посвященных послевоенной японской литературе и культуре. Переводил произведения Акутагава Рюноскэ, Ясунари Кавабата, Кэндзабуро Оэ и других.

Литературное наследие

ШАРЛЬ СЕНТ-БЕВ

Перевод с французского и вступление
ИННЫ ШАФАРЕНКО

В марте 1829 года, через три месяца после шумного успеха выпущенных 27-летним, но уже знаменитым Виктором Гюго «Восточных мотивов» — книги стихов, ошеломившей читателей яркостью красок, полетом фантазии, неслыханными ритмами и звучностью стиха,— на книжных полках Парижа появилась маленькая, скромно изданная книжка, которая называлась: «Жизнь, стихотворения и мысли Жозефа Делорма».

Имя это было никому незнакомо, фамилия «Делорм» — одна из самых распространенных и заурядных. На книгу поначалу никто не обратил внимания, нравилась она лишь небольшому числу «посвященных» — молодым литераторам. Но вскоре о Жозефе Делорме заговорила критика, а потом и разгорелся скандал. Неизвестного автора обвиняли и в грубости, и в безнравственности, и в неприличной откровенности, и в низменности вкуса, а главное — в пренебрежении к общепринятым моральным и религиозным правилам.

Книга и в самом деле была «ни на что не похожа». Она состояла из прозы и стихов: сначала шла написанная прозой биография Жозефа Делорма, составленная, как сказано в предисловии, «по оставшимся после его смерти бумагам»,— жизнеописание человека одаренного, бедного, больного, не нашедшего себе места в обществе и рано умершего «от чахотки, осложненной сердечной слабостью», а в сущности сознательно доведшего себя до гибели от отчаяния и тоски; затем следовало несколько десятков стихотворений; заключал же книгу ряд разрозненных размышлений — снова в прозе — о современной французской поэзии, объединенных общим названием «Мысли» и утверждавших принципы поэзии романтизма.

Жизнеописание создавало облик одинокого, непонятого и неприкаянного героя, уже известного европейской литературе; но здесь главным источником его несчастий была не несчастная любовь, а бедность и социальная ущемленность на фоне преуспевающего и самодовольного буржуазного общества периода Реставрации. Причиной же гибели — отвращение к этому обществу.

И все-таки взрыв негодования критики вызвали прежде всего стихи. Чем же?

В первую очередь — атеистическими мотивами; не богохульством, а скорее даже печальным, безнадежным отсутствием веры:

Да, слабы мы, когда несчастье нас придавит,
Но мыслям о конце, как и мечте о славе,
В нас веру не спасти!

Затем настойчиво звучащей темой самоубийства, которое, по католическим понятиям, было не просто грехом, а преступлением, особенно если оно было выражением протеста. Затем — «низменностью» материала и «грубостью» описаний (в стихах

появился крестьянский быт, быт городского ремесленного люда, образ девицы легкого поведения, труп утопленника-самоубийцы и даже чахоточная Муза, харкающая кровью; в них вошли такие детали, как телега с навозом, закипающий на огне чайник и т. п.). Возмущал незнакомый дотоле поэзии психологизм, детальное и откровенное воспроизведение интимных и мимолетных переживаний и душевных движений.

Раздражала и непривычность формы: сонеты, которые не появлялись во французской литературе уже более двухсот лет; необычная новая строфика; дерзкая ломка привычного александринского стиха — сдвиги цезуры, резкие переносы фразы из одной строки в другую, сбои ритма; совершенно немыслимый ранее в лирическом стихотворении диалог, передающий бытовую, нарочито прозаическую речь; невозможная до того рифма — не зрительная, а слуховая и при этом очень глубокая и звучная; странный, конкретный, наполненный «низкими» словами и даже хозяйственными терминами словарь; смелые метафоры, развернутые в подробные картины, а иногда — даже в целое стихотворение и, наконец, сложный, порой громоздкий, синтаксис. Критики считали, что стихи невозможно читать.

Кто же он был, этот умерший в 23-летнем возрасте Жозеф Делорм?

Жозефа Делорма никогда не было.

Книга была литературной мистификацией, как знаменитые «Сочинения Оссиана» Макферсона, как «Театр Клары Гасуль» и «Гузла» Мериме.

Автором книги был Шарль Огюстен Сент-Бев, впоследствии крупнейший французский критик XIX века, а тогда — медик, недавно бросивший свою науку ради занятий литературой, молодой журналист, сотрудник либерального журнала «Глоб», уже известный благодаря вышедшей в 1828 году большой работе «Исторический и критический обзор французской поэзии и театра XVI века». В ней Сент-Бев, после двух веков забвения, возродил поэтов «Плеяды» (Ронсар, Дю Белле и др.) и восстановил их значение и заслуги перед французской литературой, а попутно изложил программу новой романтической поэзии и драматургии во Франции.

К моменту выхода в свет «Жозефа Делорма» Сент-Бев был ближайшим другом и правой рукой Виктора Гюго, уже признанного вождя нового направления во французском искусстве, деятели которого объединились в дружеское и творческое сообщество, называвшее себя «Сенакль» («Кружок»). Сент-Бев был активным пропагандистом новой школы. Именно его статьи в широко читаемом журнале «Глоб» создавали популярность талантливым, хотя еще и малоизвестным публике писателям, поэтам, художникам.

Но Сент-Бев не только восхвалял романтиков в своих критических статьях. Как поэт он кое в чем и опередил их. Он ввел в французскую поэзию реальную, повседневную жизнь и демократический дух; он открыл новый пласт — внутренний мир, интимные чувства частного человека. И хотя его блистательные друзья и соратники — Гюго, Мюссе, Виньи, Готье — и превзошли его впоследствии как поэты, они многим обязаны Сент-Беву, многому у него научились. А виднейшие поэты следующего поколения — Бодлер, Верлен и ряд других — прямо называли Сент-Бева (именно его «Жозефа Делорма») своим учителем.

Значительность «Жозефа Делорма» как литературного явления сразу понял и оценил А. С. Пушкин, который писал в 1830 году в своем «Современнике»: «...в стихах его сказывается необыкновенный талант, ярко отсвеченный странным выбором предметов». И далее: «Бедный Делорм обладал свойством чрезвычайно важным, недостающим всем французским поэтам новейшего поколения,— искренностью вдохновения». А в 1832 году в письме к Хитрово он заключил: «Между молодыми талантами нашего времени Сент-Бев менее всех известен, а между тем он чуть ли не самый замечательный».

Советские читатели знакомы с Сент-Бевом — критиком, эссеистом, историком литературы — по вышедшему в 1969 году тому его избранных статей. Стихи Сент-Бева, кроме одного-двух стихотворений, на русский язык никогда не переводились. Данный перевод — попытка восполнить этот досадный пробел.

■ ■ ■

Поскольку в будущем не вижу я просвета,
А в прошлом тягостном и точки не найти,
Где бедная душа, уставшая в пути,
Могла бы отдохнуть пред погруженьем в лету,

Поскольку в детстве я не знал тепла и света,
А в двадцать лет любовь, мой ангел во плоти,
Взмахнув златым крылом, сказала мне: «Прости!»
И слава унеслась, не осенив поэта,

Поскольку с малых лет суровая нужда
Впрягла меня в ярмо унылого труда,
Для детских радостей не дав ни дня досуга,—

Не лучше ль умереть? Оставить этот мир
Без гнева и без слез. Так покидают пир
Не оправдавшего твое доверье друга.

Подражание Вордсворту

Нет, не любитель я в медлительной беседе
Зимою коротать глухие вечера.
Мне скучно слушать, как охотились вчера,
Каков был урожай... И кто мои соседи?

Охотник яростный, знаток вина и снеди,
Со сворою собак; ворчливая сестра
Судьи, да сам судья, нахмуренный с утра,
Да двое фермеров, чьи лбы темнее меди.

Предпочитаю я нелепой болтовне
Сидеть совсем один в полнейшей тишине,
Смотреть, как темнота мой домик обступает,

И слушать у огня под хриплый ветра вой,
Да ставней хлопанье, да скрип над головой,
Как головни трещат и чайник закипает.

Подражание Вордсворту

О критик-острослов, не порицай сонет:
Шекспир свою любовь в нем воспевал порою,
Петрарка придал блеск его стиху и строю,
И Тассу облегчал он жизнь в годину бед.

Изгнаньем тяготясь, Камоэнс много лет
В сонетах изливал тоску, гоним судьбою,
И Дант любил его изысканность; не скрою,
Что в дантовом венце цветка прелестней нет.

И Спенсер, возвратясь из сказочных скитаний,
Вложил в сонет всю грусть своих воспоминаний,
И Мильтон не избег его волшебных чар.

Хочу, чтоб должное у нас ему воздали:
Вез Дю Белле его из флорентийской дали,
И в нем прославился бессмертный наш Ронсар.

Ронсару

Тебе, Ронсар, кого несправедливый рок
На двести лет поверг умышленно в забвенье,
Хочу воздвигнуть я алтарь во искупленье:
На творчество твое теперь запрет истек.

Мне не восстановить сияющий чертог,
Где прежде ты блистал, но времени веленье —
Извлечь тебя на свет, чтоб наше поколенье
В судьбе твоей себе увидело урок.

Невежды и глупцы тебя оклеветали.
Пора, чтоб твой талант порочить перестали!
Пора тебе, Ронсар, вновь стать у нас в чести.

Пусть шел ты напролом, но к цели благородной.
Ты укрощал язык, от уз еще свободный,
И многим правнукам ты проторил пути.

■ ■ ■

Упорно повторял я с самых ранних лет:
Любовь? — Нет, ни за что! Уж гнаться, так за славой:
Оставить в череде столетий величавой
Бессмертья своего живой и яркий след!

Потом твердил: смешон, пустой любовный бред,
И славы ореол — один обман лукавый.
В безвестности, средь книг, отринув все забавы,
Я буду жить один, отшельник и аскет.

В те гордые слова я верил убежденно.
Но, как у нас весной в долине пробужденной
Внезапно тает лед и воды бьют ключом,

Я, увидав глаза и локоны Елены,
Забыл о мудрости, о славе вожделенной,
Растаял, словно снег под мартовским лучом.

*Госпоже ****

Позвольте вас любить! Нет, это не возврат,
Не вспышка бурная мальчишеского пыла:
Не грешное меня стремленье охватило
Вам говорить о том, как чувства ум пьянят;

Меня нескромные желанья не томят
Коснуться плеч, груди, погладить локон милый
Иль шею стройную,— не страсть мой дух смутила,—
Мой пламень чист, как дня весеннего закат.

Мне просто хочется средь праздничного бала
Вас увести от всех, в тиши пустого зала
Беспечной болтовней молчанья лед разбить,

Увидеть, как ваш взор весельем заискрится,
И, взяв вас за руку, с толпою шумной слиться,
Где легкий вальс царит... Позвольте вас любить!

Равнина

Когда окончены и жатва и косьба
И убраны с полей последние хлеба,
Как ровная стерня бесцветна и уныла!
О, хоть бы изморозь с утра ее прикрыла!

А если б, уходя за желтый косогор,
К ней осень сквозь туман свой обратила взор,
Она б увидела средь серого пространства
Домишка жалкого убогое убранство —
Чиненой крыши скат под острием конька
За голой порослью густого ивняка
(Ни искры в очаге и ни дымка над крышей!),
Отвалы извести над ямой, а повыше
Три старых мельницы: стоят их жернова
И крылья ветхие шевелятся едва;
А дальше, на холмах, над кровлями селений,
Лес, не утративший еще листвы осенней
(Ведь если дуб один стоит среди полей,
То облетает он по осени скорей,
Чем дуб в лесу, где все, друг друга защищая,
Стоят как пред врагом одна семья большая);
Закатный бледный луч мелькает в нем светло,
Тогда как все внизу уже во мрак ушло.
Что дальше? — Черные куски земли под паром,
Все в мелких бороздах, проделанных ударом
Мотыги вековой — здесь не по средствам плуг,—
Да виноградники, да выкошенный луг
С обугленным пятном кострища посредине,
Слегка припудренным золою серо-синей;
Да паренек-пастух, который по жнивью
С горбушкою в руке ведет овец семью,
А пес у ног его, одно поднявши ухо,
Следит, как в борозде копается старуха;
Еще чуть далее — груженный тяжко воз:
Старик с большим кнутом везет к себе навоз
По выжженной траве и по кустам колючим,
Давя кузнечиков под колесом скрипучим.
Все делом заняты: не до прогулок тут.
Вот разве что домой охотники бредут,
С утра до вечера прождав по доброй воле
Дичь, коей никогда там не было дотоле,
Да я, не торопясь, шагаю по полям
К любимым издавна столетним тополям.

Моя Муза

Не одалиска ты, о Муза дорогая,
Что в танце медленном плывет полунагая,
Чьи косы черные и бархат темных глаз
Восточной прелестью давно пленяют нас,
Не пери нежная, чьих крыльев переливы
Затмят павлиний хвост, раскрытый горделиво,
Не фея легкая из сказки, что шутя
Уносит в мир чудес наивное дитя,
Не дева томная, в обители старинной
Бродящая одна по галерее длинной,
Твердя возлюбленного имя; не вдова,
Чья скорбь возвышенна и боль еще жива,—
Когда она чело и бледные ланиты
Склоняет, вся в слезах, на мраморные плиты,
А черные шелка влачатся вслед за ней,
Как бы стирая след уже минувших дней...

Читатель, если вам когда-нибудь случалось
Уныло по лесу брести, не попадалась
Вам хижина? Она среди засохших пней
Стоит, ссутулившись. В овраге, рядом с ней,
Течет ручей. А там, к воде склонившись низко,
Стирает девушка. Не подходите близко:
Чужой нескромный взгляд, боюсь, ее смутит.
Она бедна, худа, застенчива на вид,
Хоть, по рождению, в изысканной карете
Могла бы разъезжать и появляться в свете,
И на балу, пленив всех юношей подряд,
К рассвету засыпать под звуки серенад.
Но рано на нее обрушились невзгоды —
Так градом бьет едва поднявшиеся всходы;
Теперь она прядет, стирает, вяжет, шьет,
Слепой старик отец — предмет ее забот;
Порой, чтоб поразвлечь несчастного больного,
Тихонько запоет; тут приступ кашля злого,
Как острый коготь, рвет ее больную грудь,
Клокочет в горле кровь и не дает вздохнуть,
И думается ей, что будет только благо,
Коль раньше, чем она, скончается бедняга.

Вот Муза бедная моя! Ей предан я!
Ночами вместе мы, но с наступленьем дня
Она скрывается, стесняясь и робея.
О, дева чистая! Пришла? Как рад тебе я!
Побудь со мной, сестра! Темно. Отец твой спит.
Пойдем вдвоем туда, где тихо лес шумит,
Где нам не встретятся беспечность и веселье:
На серую скалу иль в темное ущелье —
Там ручеек блестит на каменистом дне.
Я сяду на траву; иди сюда, ко мне,
Откинь же темное, глухое покрывало,
Забудь о горестях! Пусть, как всегда бывало,
За каплей капля, речь негромкая твоя
Струится, как вода прохладного ручья,
На сердце жаркое. В лучах луны неясной
Стань снова, ангел мой, пленительно-прекрасной,
Волну каштановых волос освободи
И руку хрупкую прижми к моей груди.
Поговорим о тех, кого уж нет меж нами,
На небо поглядим. Своими именами
Мне назови, мой друг, созвездий светлый рой,
Звезду, что радужно мерцает над горой;
Скажи, зачем в часы вечернего заката
Светило прячется, пыланием объято,
За горизонт, зачем так тонок серп луны,
Сияющий в ночи средь синей глубины,
И расскажи еще о самом главном чуде:
О том, что есть миры, где знают счастье люди.

Рифме

Рифма, в твой хрустальный звон
Я влюблен,
Ты — стихов очарованье.
Без твоих колоколов
В мире слов
Бедно их существованье.

Рифма — эхо голосов,—
Ты их зов
Повторяешь с грустной ленью;
Трубы, флейты и гобой
Пред тобой
Умолкают в удивленье.

Рифма — крепкое весло,
Чтоб несло
Легкий челн в волнах кипучих;
Пара шпор для скакуна,
Стремена
И узда — на горных кручах.

Ты — сверкающий берилл,
Что скрепил
Шарф на талии богини,
Иль кинжал из серебра
У бедра
На отважном паладине;

Трубка, из которой бьет
Водомет
Над бассейном неустанно,
Словно веер, наклоня
В блеске дня
Ткань жемчужного тумана;

В храме ты — кольца магнит,
Он хранит
День и ночь внутри ограды
Богоматери завет —
Вечный свет
Золотой святой лампады;

Ключ, в ларце от грешных глаз
И от нас
Укрывающий святыни —
Древний дар далеких стран,
Талисман,
Жизнь спасающий в пустыне;

Нет, ты — фея, чей полет
На восход
Мчит стихов моих карету:
Упряжь — тоньше волоска,
В облака
Ты несешь их к солнцу, к свету!

Рифма, кто б ты ни была,
В плен взяла
Ты меня в борьбе неравной;
Обожая госпожу,
Ей служу
Я, поэт, как раб исправный.

Недовольно не смотри!
Подари
Взгляд поэту благосклонный!
С верной музою вдвоем
Мы поем
Гимн, тобою вдохновленный.

Чтобы стих мой звонко пел,
Не хрипел,
Как в петле, от правил скучных,
Ты открой ему простор —
Весь набор
Окончаний полнозвучных!

С лирой раз наедине
В полусне
Что-то я бренчал несмело...
Вдруг прервал теченье дум
Крыльев шум —
То голубка прилетела.

От нее я песен ждал,
Но рыдал
Нежный голос голубиный:
«Помоги тоску забыть,
Снова быть
Вместе с милой половиной!»

Пусть, любовью напоен,
Лиры звон
В мир летит, презрев границы,
Чтоб волшебной силой строк
Он помог
Вам опять соединиться!

Но, спустившись с вышины,
Вы должны
Взять меня в иные сферы,
Чтоб стихи мои неслись
Прямо ввысь,
В рощи светлые Цитеры!

Осенние мысли

На склоне осени бывает иногда —
Как будто месяцев сломилась череда,—
Необычайный день, прозрачный и погожий,
Теплом и красками на осень непохожий.

Идя по улице под вечер иль с утра,
Ты видишь, что в смоле древесная кора,
Что синева ярка за сетью сучьев редкой,
А листья темные над каждой голой веткой,
Свернувшись в трубочки, концами смотрят ввысь,
Как будто это — март и почки напряглись.

Курится легкий пар над толстыми стволами,
А золотые их вершины куполами
Круглятся высоко, вздымаясь в облака,
И запахов полно дыханье ветерка.
Тогда — забыв о том, что пожелтели травы,
Что, растеряв листву, скрипит каштан корявый,—
Как бы придя в себя от тягостного сна,
Ты говоришь: «Ужель опять пришла весна?»

На склоне дня есть час и светлый, и печальный,
Когда последний взгляд любовный и прощальный
Перед уходом в ночь земле светило шлет,
Жалея, что пора, и отирая пот;
Под ласковым теплом сияющего взгляда
Природа вспыхнет вся, и смущена, и рада;
Зардевшись, облака умчатся в вышину,
Румянец озарит зеленую волну,
Рубинами роса заблещет на растеньях,
И бабочки замрут на лепестках осенних,
И птица на кусте багряном запоет:
«А может быть, сейчас не вечер, а восход?»

На склоне жизни... Да, на склоне жизни тоже
Есть день, иль час, иль миг, так на рассвет похожий,
Когда ты крепок, свеж и полон юных сил,
Когда с тобой любовь, и старость ты забыл,
И в сердце вновь бурлят надежды, ожиданья,
Как будто бы оно не знает увяданья,
И, распрямивши грудь, ты вновь глядишь вперед,
Не думая о том, что скоро жизнь уйдет,
Что ты, как все, живешь, на гибель обреченный.
Лови же дивный миг, ничем не омраченный!
Ведь для полей зима — всего лишь краткий сон,
И солнце утром вновь взойдет на небосклон,
А есть ли там весна, где мрак царит могильный,
Взойдет ли там заря — ответить мы бессильны.

■

ШАФАРЕНКО ИННА ЯКОВЛЕВНА.

Советский поэт-переводчик. В ее переводе опубликованы пьесы в стихах Ж. Расина, Вольтера, Лопе де Веги, лирика В. Гюго, А. Мюссе, а также поэтов XX века П. Реверди, П. Клоделя и др.

Критика

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА И ЛИТЕРАТУРА

Л. ТОДОРОВА

СОЦИАЛЬНАЯ «БЕСПОЛЕЗНОСТЬ» ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Напряженная международная обстановка, сложные социальные столкновения, обостренная идеологическая борьба между двумя системами заметно усилили в последние годы процесс приобщения искусства и литературы к актуальным политическим проблемам. Художник, игнорирующий это обстоятельство, скорее всего обрекает себя на неуспех. Творческая интеллигенция заняла особенно ответственное место в нашу эпоху. Это не только ответственность за создание духовных ценностей, но и за заботливое сохранение тысячелетнего богатства общечеловеческой культуры, за организацию широкого международного обмена лучшими образцами художественного творчества отдельных наций с целью воспитания гармонически развитой личности.

Пожалуй, не представляет трудности социологический анализ художественного процесса в современном буржуазном мире, когда речь идет о художниках, связавших свое творчество с борьбой рабочего класса или, наоборот, определенно отстаивающих реакционные идейно-эстетические взгляды. Но в ряде случаев мы сталкиваемся с довольно сложными явлениями, в чьей сути можно разобраться, лишь учитывая их социальное функционирование. Такой подход включает классовый анализ искусства. Будучи феноменом сложным, искусство требует раскрытия всего богатства художественного процесса, объективной оценки роли и значения каждого явления художественной культуры в условиях современности.

Хотим сразу же отметить: противоречивые процессы в культурной жизни буржуазного общества исключают однопланов ые, излишне обобщенные оценки. Неверно было бы рассматривать деятелей культуры Запада как некий «монолит», раз и навсегда сложившийся. При всех своих колебаниях они могут стать нашими союзниками в демократических, миролюбивых акциях.

В 1913 году в статье «Критические заметки по национальному вопросу» В. И. Ленин наиболее полно развил свою теорию о наличии в эксплуататорском обществе двух культур внутри каждой национальной культуры.

Борьба между двумя культурами — социалистической и прогрессивной, с одной стороны, и «элитарной» и «массовой», с другой,— *специфическим образом* отражает идеологическую борьбу в буржуазном обществе, движение противоположных классовых сил общества, их интересов и целей.

В сложной картине духовной жизни капиталистического общества на одном полюсе — крайне реакционное искусство открыто апологетического характера. Здесь «художественная» демагогия используется для разжигания национализма, воспитания шовинистических настроений, для внушения идеи о превосходстве буржуазного образа жизни.

На другом полюсе — прогрессивное искусство, отражающее борьбу трудящихся против эксплуатации. Оно раскрывает хищническую сущность капитализма, духовную деградацию буржуазии и ее попытки идейно отравить массы, отвлечь их от борьбы за защиту своих социальных, эко-

ЛИЛИЯ СТОЯНОВА ТОДОРОВА.

Болгарский ученый-социолог. Автор ряда статей по вопросам философии и современной культуры. В «Иностранной литературе» напечатаны ее работы: «Мифы о конвергенции и культурный обмен» (1978, № 1), «Свободный поток информации, или Культурно-информационный экспансионизм США» (1980, № 9).
Публикуемая статья получена в рукописи.

номических и политических интересов. Но нельзя не учитывать, что между этими двумя полюсами находятся группы художников, замкнутых в собственном ограниченном мире, подчинивших свое творчество субъективным настроениям и чувствам, или же других, напуганных чудовищным буржуазным механизмом ассимиляции человеческого духа, либо третьих, продавших свой талант и совесть художника, или четвертых, полностью принявших буржуазную философию и мораль и ставших их защитниками, а точнее, орудием распространения и внушения буржуазной системы ценностей, или пятых, колеблющихся — они-то и становятся жертвой самообмана и чуждых им эстетических концепций, вместе с тем они столь же легко могут отказаться от своих прежних позиций и взглядов. Социальная практика дает нам бесконечное множество примеров подобной идейной неустойчивости.

Буржуазные правящие круги сознательно стремятся формировать идеологически покорный тип художественной интеллигенции, который бы послушно принимал разного рода антикоммунистические платформы, но эта политика встречает сопротивление со стороны прогрессивно настроенных деятелей культуры.

Леворадикальная, верная традициям гуманизма интеллигенция своим искусством выражает протест против всего того, что ведет к разрушению личности, унификации духа. В нашу эпоху, как и во все иные, нет искусства, независимого от общества. Лозунг «независимости», «аполитичности» деятелей культуры и создаваемых ими ценностей — либо дорого оплачиваемая демагогическая поза, либо временные иллюзии наивных художников.

Реальность художественного процесса такова, что политически насыщенные литература, кино, театр, музыка, хотя и разоблачают общественные проявления социального и духовного кризиса капитализма, вместе с тем испытывают на себе его пагубное влияние, ибо господствующая идеология оказывает определенное воздействие на художественное творчество. Борьба за более полную свободу и независимость, в сущности, приобретает форму борьбы против цензуры, полицейских ограничений и в конечном итоге — против власти капитала. Художественная культура Запада, даже если она является носительницей прогрессивных идей нашего времени, на рынке культурных ценностей нередко появляется в товарном варианте, подготовленном с учетом моды и до известной степени подчиненном потребительским вкусам, воспитанным и сформированным, разумеется, буржуазией.

К тому же правящий класс создал своеобразную защитную броню — хорошо отрегулированную систему умолчания о самом факте существования иной культуры, помимо буржуазной,— а кроме того, разработал виртуозный экономический механизм удушения передовой культуры — механизм позорной торговли искусством и творцами художественных ценностей. Все это усложняет задачи, которые приходится решать прогрессивному и социалистическому искусству и литературе в борьбе против буржуазной идеологии.

Наряду с четко дифференцированными и сформировавшимися противоположными культурами, капиталистический мир производит и такую культуру, которая не может быть полностью отнесена ни к одной из упомянутых выше. В ней присутствует антибуржуазный критический дух, но дело не доходит до позитивного предложения или какой-либо завершенной концепции. В самых общих чертах эта культура могла бы быть отнесена к демократической, хотя ее прогрессивность выражена не всегда последовательно. На определенном этапе в ней открываются элементы консерватизма, ограниченности и даже реакционности — результат конкретного исторического положения демократических сил в данной стране. Повторяем, объединяет нас с этими деятелями культуры прежде всего антиимпериалистическая борьба, противодействие фашизму во всех его вариантах, войне и колониализму.

Антибуржуазность демократических движений проявляется в целой гамме социальных, нравственных и психологических аспектов, эти движения, в сущности, противопоставляют себя социальной несправедливости, моральной деградации, грубому эгоизму, механизму, разрушающему человеческую личность. Их слияние с социалистическим движением — путь к формированию широкого фронта прогрессивной культуры. Но верный вариант — не обязательно единственный. Антиимпериалистические движения иногда подпадают под буржуазные идеологические влияния, вследствие чего склонны идеализировать «буржуазный демократизм», «свободу и независимость», которые якобы предоставляются творцам художественных ценностей. В иных случаях их критика капитализма и его официальной культуры проводится с позиций полного отрицания культуры вообще. Идейная и классовая ограниченность делает их бессильными понять причины «мертворожденности» буржуазной культуры. Они механически переносят пороки буржуазной цивилизации на цивилизацию вообще, воспринимая загнивание и смерть буржуазной культуры как тотальное явление, охватившее все общество, а создаваемое на такой идейной почве искусство весьма часто оказывается абсолютизацией художественного произвола.

Неумение анализировать сущность социальных процессов и явлений не раз приводило к роковым ошибкам, которые оборачивались для иных художников творческой и личной трагедией.

Одним из распространенных приемов антикоммунизма является попытка убедить художника в том, что люди искусства «исключительны», «неповторимы», что им присущи особый тип мышления и вос-

---

Л. ТОДОРОВА

СОЦИАЛЬНАЯ «БЕСПОЛЕЗНОСТЬ» ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

приятия, особое мировоззрение и подчеркнутый вкус к уединению. Это, по выражению Камю,— «одинокие партизаны», борцы за абстрактную справедливость и еще более абстрактную свободу.

Марксистскому пониманию свободы творчества буржуазная идеология противопоставляет свою концепцию «освобождения» искусства от правдивого отражения действительности, «нейтралитета» искусства, поощряющую все варианты модернизма — абстракционизм, сюрреализм, авангардизм и другие. «Реализм» же рекомендуется для описания прелестей «индустриального», «социально мобильного и интегрированного», «без противоречий» капиталистического общества (в сущности, это рецепт создания буржуазной «массовой культуры»).

Ограниченность буржуазных взглядов на искусство и литературу состоит прежде всего в том, что создаваемые ими общечеловеческие духовные ценности оказываются как бы отделенными от классовой борьбы и революции, от социального преображения действительности.

Ярким примером этому служит опубликованный в марте 1978 года манифест «Комитета интеллектуалов за свободную Европу». В нем мотивируется необходимость найти выход из «кризиса ценностей», охватившего весь западный мир. «Мы живем в эпоху большой неуверенности, страшных тревог, крайней растерянности,— заявлял один из авторов манифеста Ален Равен в интервью газете «Фигаро». — Уже невозможно распознать, где добро, а где зло» [1].

Столь откровенная констатация социального и морального кризиса буржуазного общества — весьма распространенное явление на страницах западной печати.

Однако в данном случае важно то, что речь идет о документе, подписанном ста пятьюдесятью французскими интеллектуалами во главе с драматургом Эженом Ионеско, избранным председателем упомянутого комитета. (Оговоримся: отнюдь не рассматривая всех участников подобных организаций как «единый блок», мы в дальнейшем будем говорить главным образом об их руководителях и общей идейной направленности.)

В высшей степени симптоматично, что цель комитета, объявленная Ионеско,— «бороться за свободу, создавать культуру, защищать ее право на бесполезность» — не содержит в себе ничего нового. Ведь еще К. Юнг, один из кумиров современной буржуазной философии, определил искусство как внеисторическое, иррациональное, хаотическое. Неофрейдистские толкования природы искусства и культуры как проявления неизменной психофизиологической модели, заложенной в человеческом подсознании, стали теоретической базой многочисленных современных модернистских течений на Западе.

Во имя той же абстрактной свободы создаются удобные стандарты, предлагаемые в форме эрзац-культуры, и они как бы ставят предел духовному развитию личности. Идея об общественно-историческом характере природы человека, о его нравственном и интеллектуальном совершенствовании отметается, принимается же тезис о неизменной, фатальной порочности человеческой натуры, которая якобы изначально чужда культуре.

Призыв к «децивилизации», «деинтеллектуализации», «деидеологизации» практически означает отрицание главной миссии культуры — приобщения людей к духовным ценностям.

Манифест был создан в русле экзистенциализма, который полностью субъективизирует художественную деятельность — при этом рождается иллюзия независимости художника от реальной действительности, а художественного процесса — от закономерностей социального бытия.

Истинная свобода творчества определяется тем, насколько художник уловил и отразил существенные проблемы, прогрессивные идеи и тенденции будущего, насколько они стали его личной судьбой. Но творец, замкнутый лишь в собственных эмоциях, переживаниях и настроениях, теряет реальное представление о жизни, наступающий вследствие этого разрыв с реальностью ведет к распаду целостной человеческой личности.

По признанию Ионеско, «бесцельности» и общественной «бесполезности» культуры в буржуазных странах противостоит социалистическая культура, которая, как это хорошо известно, служит интересам народа, сохраняя, умножая и широко используя духовные ценности.

Возникает естественный вопрос: каков смысл пресловутой декларации «Комитета интеллектуалов за свободную Европу», прокламирующей право культуры на «бесполезность», в свете Заключительного акта, подписанного в Хельсинки? И в чем смысл культурного обмена между Востоком и Западом, если культура обречена на бесцельность и лишена своей содержательной стороны?

«Культура,— писали защитники «свободной Европы»,— может созидать, лишь разрушая. Любая мысль о конечной цели для нее смертоносна, тем более что культура не обязана давать отчет ни кому-либо, ни самой себе». Едва ли необходимо комментировать эту философию социальной безответственности. Но следует напомнить, что тенденция толковать художественную культуру как самоцель или автономную область человеческой деятельности как «неангажированную» красоту проявляется в периоды социальной дезинтеграции, прежде всего сказывающейся в духовной сфере общественной жизни. Она связана обычно с политическим угасанием господствующих классов, с девальвацией их идейного капитала.

Творцы «драматургии абсурда» Беккет и Ионеско и их последователи упорно отметают любую идеологию, провозглашая основой своего творчества мир хаоса. Однако в их произведениях угадывается довольно определенная идеологическая установка, а их высказывания имеют четкий политический адрес. «Мы должны избавиться от мифа о революции,— подчеркивает Ионеско.— Нас может спасти только индивидуализм». И надо сказать, что он

[1] «Le Figaro», 27.I.1978.

по-своему последователен, хотя и не очень оригинален. Привычные идеологические схемы буржуазной мысли, трагедия раздвоения личности, ее одиночество и отчуждение изображаются искусством абсурда не как следствие определенных причин — социальных, политических, психологических,— а как вечные неизменные характеристики человеческой натуры. Естественно, что такая внеисторическая, мистифицированная трактовка человеческой судьбы не только подменяет истинные процессы мнимыми, но и извращает их, лишая реального жизненного смысла.

Стремление подобных деятелей искусства (в буржуазном обществе) остаться в стороне от решения сложных проблем современности превращает их в бесстрастных созерцателей. Стараясь сохранить свое перо или кисть «чистыми», «незапятнанными» соприкосновением с социально-классовыми проблемами, они на деле отчуждают себя от человеческих радостей и трагедий, от борьбы за торжество прогресса. Бегство от «нравственной полезности», по словам Л. Толстого, не делает искусство искусством. Такое «самоцельное» творчество превращает искусство в бессмысленную игру, где художнику-отшельнику отводится незавидное место.

Деятели искусства, которые умеют видеть и чувствовать мир в его целостности, которые находятся на уровне прогрессивных идей нашей эпохи, в состоянии понять и художественно отобразить диалектику общественного процесса и духовной жизни личности, всю сложность и противоречивость борьбы между старым и новым. Только тогда талант позволяет человеку, пишет Энгельс, «видеть несколько дальше своего непосредственного окружения, не упускать из виду общей связи мировых событий и не впасть в ту самодовольную «объективность», которая не видит дальше собственного носа и именно поэтому является самой узколобой субъективностью, хотя бы она и разделялась тысячами таких субъектов»[1].

История художественной культуры и развитие эстетической мысли убедительно показывают, что тенденция толковать искусство как «самоцельную» автономную сферу человеческой деятельности лишний раз доказывает универсальную связь искусства с жизнью: ведь эта позиция также социально обусловлена нравственной и политической дезинтеграцией классов, которым служат подобные идеи.

Защитники тезиса о «бесполезности» культуры по существу равнодушны к проблемам западного искусства. Их не волнуют последствия разрушительной стихии — бизнеса, сметающего на своем пути таланты, уничтожающего идеалы, испепеляющего надежды. Именно по этой причине, как, впрочем, и в связи с определенными социально-политическими соображениями, рынок наводнен порнографией, литературой ужасов и убийств, насилия и садизма. Они становятся содержанием дешевого чтива, которое можно купить в любом киоске или универсальном магазине, их делают основой сюжетов фильмов, телевизионных и театральных постановок.

В то же время авангардизм в музыке и изобразительном искусстве, который лет десять назад хоть в какой-то степени выполнял роль «возмутителя спокойствия», сегодня перестал быть «стимулирующим» противоречием, вышел из фазы анархического бунта против всех и вся и примирился со своей ролью «антиискусства», по сути дела вписавшись в систему рыночного механизма. Буржуазия превратила в бизнес даже бунт. Бунтари оказались приручеными, стали конформистами.

Усталость, скука, безразличие. И потому новейшие течения в западном искусстве — экстравагантнейшие, безобразнейшие, порой чудовищные, созданные, чтобы шокировать сознание,— задерживаются на своем мрачном пьедестале всего по нескольку недель. И потому, если говорить о «свободном» от идеологии искусстве и культуре, то этот термин оправдан лишь в том смысле, что буржуазное искусство оторвано от актуальных жизненных проблем и таким образом «свободно» от бремени быть искусством своей эпохи.

Словесная эквилибристика вокруг «права культуры на бесполезность» и вариации на тему «свободы», как выясняется при внимательном чтении манифеста 1978 года, предназначены для того, чтобы оправдать страстное желание создателей этого манифеста «спасти свободу и культуру в социалистических странах», проявить «заботу об уважении к человеку в государствах Востока». Вот зачем, оказывается, им понадобилось отстаивать «автономную», «независимую» культуру, освобожденную от «власти идеологий» и «тоталитаризма». Буржуазия усердно провозглашает, что деятели искусства имеют право быть «еретиками», бросать вызов любому члену общества и любой идеологии. И если на эту удочку попадаются люди из социалистических стран, они становятся объектами упорной, тщательной обработки — к ним проявляется «забота» и «глубокое понимание», им оказывается «помощь»...

К концу июня 1978 года число членов «Комитета интеллектуалов за свободную Европу» достигло девятисот, что было ознаменовано 24 июня праздником в салонах парижского отеля «Шератон-Монпарнас». В последующие дни «Монд» и «Фигаро» состязались друг с другом в описаниях этого «блестящего» спектакля, во время которого скучающим французским «звездам» была предоставлена возможность поразвлечься в компании «независимых интеллектуалов», к которым Ионеско обратился с «блестящим», «крылатым» девизом: «Одинокие всех стран, соединяйтесь!». Он, однако, забыл упомянуть, зачем и кому нужно это объединение. Комитет, поста-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, с. 216.

вивший перед собой четкие политические и идеологические задачи, объявил, что эта ассоциация интеллектуалов — «вне всякого политического контекста» и якобы не имеет «никакой другой политики, кроме как не допустить, чтобы политика подчинила себе или ограничила культуру»[1]. Прилагаются огромные усилия — пропагандистские и финансовые,— чтобы доказать независимость культуры от политики. На деле же «защищенная от идеологии» культура становится — увы! — платформой для активной антикоммунистической деятельности. Недаром, откликаясь на создание «Комитета интеллектуалов за свободную Европу», болгарский ученый Добрин Спасов отмечал, что «и неразвитой социализм несравненно более демократичен, чем самый развитый капитализм», что «свобода в социалистическом обществе растет не «в связи» с реакционными нападками на него, а вопреки им»[2].

Припомним некоторые факты. В ноябре 1977 года в Венеции проводилось и весьма щедро финансировалось «Биеннале несогласных», посвященное «диссидентам» из восточноевропейских стран. Многие итальянские деятели культуры квалифицировали эту акцию как грубую политическую провокацию против социалистических стран, не имеющую ничего общего с интересами культуры и принципами Общеевропейского совещания в Хельсинки. Хотя организаторы выставки и пытались представить дело так, будто они действуют в соответствии с Заключительным актом, фактически они нанесли вред международному мирному сотрудничеству и обмену истинными художественными ценностями.

А затем в 1978 году в одном из январских номеров французской газеты «Фигаро» был опубликован и один «монолог» Эжена Ионеско, в котором содержались нападки на советско-французское культурное сотрудничество. Ионеско обратился к писателям с призывом немедленно положить конец литературным контактам между Францией и СССР. Как объяснить подобную реакцию?

Едва ли кто-нибудь взялся бы утверждать, что это предложение отвечает интересам французского и советского народов, история и культурные традиции которых дают достаточно примеров прочных духовных контактов и взаимного влияния в последние столетия. Тем необходимее и важнее эти формы сотрудничества в современную эпоху.

Едва ли нашелся бы человек, который сумел бы истолковать поистине абсурдную идею Ионеско как созвучную с духом Хельсинкских договоренностей, где подчеркивается, что культурные обмены и сотрудничество содействуют лучшему взаимопониманию между людьми и между народами и способствуют таким образом упрочению согласия между государствами.

Политические деятели, сказал на Первой международной встрече писателей в Софии (1977) Чингиз Айтматов, борются за мир своими методами, им принадлежит решающая роль, но литература обладает собственными методами изображения жизни и воздействия на человеческие души, и естественно, что мы, писатели, сопрягаем свои усилия, свое творчество, свое художественное видение с прогрессивными политическими устремлениями, направленными к великой исторической цели, в основе которой — идеи мирного сосуществования, сохранения величайших ценностей на земле — человеческой жизни и культуры.

Создатели культурных ценностей не могут быть безразличны к судьбе своего творчества, к тому, достигает ли оно широкого круга читателей, зрителей, слушателей. Они заинтересованы в такой постоянно развивающейся системе сотрудничества, которая, с одной стороны, давала бы возможность знакомиться с лучшими образцами духовной деятельности других наций, а с другой — обеспечивала доступ к их творчеству миллионной зарубежной аудитории. Назревает необходимость международного культурного обмена, подчиненного миссии защиты духовных ценностей человечества от псевдохудожественных течений, от нигилистического отрицания национального культурного наследства. Это — важнейшие проблемы нашей эпохи в духовной сфере. Но каково отношение к ним некоторых буржуазных теоретиков и правящих кругов на Западе?

В 1981 году возник новый «Комитет за свободный мир», его манифест был опубликован в газете «Ди вельт»[1]. В программной декларации цель его определена как «очищение атмосферы... от апатии и самоочернения», от которых страдают западные демократии, и энергичная борьба с «противниками свободы»,— естественно, в западном понимании этого выражения.

В декларации, между прочим, подчеркивается: «Борьба за свободу в конечном итоге будет выиграна или проиграна не на полях сражений, а на страницах книг и газет, в радио- и телепередачах, в классных комнатах... Как члены международной организации, несущей значительную часть ответственности за это, мы стремимся сознательно участвовать в охватившей весь мир борьбе идей».

Что же заставило теоретиков «деидеологизации» столь категорически сменить тактику? «Наша цивилизация (имеется в виду западная.— *Л. Т.*) действительно должна быть сохранена,— объясняют мотивы своих действий «интеллектуалы Западной Европы и Америки».— Ей угрожает опасность, она должна быть защищена. Мы думаем, что наступил час объединения усилий в международном масштабе».

Эта организация в международном масштабе, по данным «Свободной Европы», на 13 февраля 1981 года насчитывала около четырехсот известных американских и западноевропейских интеллектуалов, а также эмигрировавших на Запад «диссидентов» из социалистических стран. Комитетом руководит французский социолог Раймон Арон. В его исполнительный орган входят американский писатель Сол Беллоу, английский драматург Том Стоппард, эмигрировавший польский философ Лешек

[1] «Le Figaro», 24—25.VI.1978.
[2] «Работническо дело», 31.VI. 1978.

[1] «Die Welt», 26.I.1981.

Колаковски и другие. Среди основателей комитета — Артур Кёстлер, Милован Джилас, Эжен Ионеско. Комитет финансируется частными лицами и фондами, но «не отказывается принимать средства и от правительств или правительственных служб». Конкретной программой комитета предусмотрены три международные конференции — в Нью-Йорке, Лондоне и Париже. Тема двух первых — «Новый советский экспансионизм» и «Роль демократической идеологии и отношения западных демократий с Восточной Европой и «третьим миром». Темы, как видим, выдержаны в духе администрации Рейгана. Не напрасно США открывают двери для писателей, художников, артистов и музыкантов, готовых предпринять крестовый поход против стран социалистического содружества! Многообещающа и тема третьей конференции — «Новая внешнеполитическая концепция Запада и его друзей и союзников». Только вот эта «новая концепция» далеко не нова: антисоветизм и антикоммунизм — в данном случае выраженные в самых грубых своих формах — отнюдь не оригинальны.

Поражает «совпадение» лозунгов новых «борцов за свободу» и прежней внешнеполитической западной пропаганды. Причем совсем не обязательно приводить в пример уже упоминавшийся «Комитет интеллектуалов за свободную Европу». Подобный комитет с подобными же целями, известный как «Конгресс за свободу культуры», был создан в Европе еще в 1945 году. В своем манифесте он обещал спасти цивилизацию «открытого общества» от «коммунистического тоталитаризма». Западногерманский ученый Ральф Дарендорф в еженедельнике «Ди цайт» напомнил печальную судьбу этого амбициозного антикоммунистического начинания: «Как известно, конгресс завершил свою деятельность, утопая в далеко не благоуханном болоте», ибо оказалось, что «значительную часть средств на содержание конгресс получал от американских разведывательных служб»[1]. Вряд ли ЦРУ стало бы финансировать организацию, индифферентную к классовым и политическим интересам правящих буржуазных кругов.

Такова была первая после войны попытка объединить художественную интеллигенцию Западной Европы в борьбе против социализма и в поддержку инициаторов объявленной тогда «холодной войны».

Спустя тридцать три года — в 1978 году — вторично создается аналогичный комитет интеллектуалов, преследующий свои цели под прикрытием лозунга освобождения культуры от социальной роли и превращения ее в независимый от общества феномен.

Спустя еще три года, то есть в 1981 году, появляется третье, не менее амбициозное «движение», решившее объединить писателей, художников, музыкантов, ученых, журналистов и так далее. И вновь хочется спросить: есть ли что-нибудь новое в этом «новом» комитете? Быть может, идеи? Нет, они так же стары, как стара борьба капитализма и марксистской теории. Организаторы третьего комитета, стараясь быть ближе к первоисточнику своего «вдохновения», стремились сохранить и форму, и содержание агрессивной фразеологии Рейгана и Хейга, и бесцеремонный обвинительный тон по отношению к социалистическим странам и мировому революционному движению. Стары и лидеры движения, накопившие за последние десятилетия известный политический опыт в антикоммунистической и антисоветской деятельности. Все те же ведомства и службы — американские и европейские — финансируют «элитарную» интеллектуальную публику, которая демонстрирует озабоченность современным состоянием культуры.

«Мы допускаем,— отмечается в манифесте 1981 года,— что «распродажа» ценностей, достижений и институтов западной цивилизации, которая уже один раз была осуществлена в прошлом, а возможно, осуществится во второй раз в будущем, приведет к созданию не лучшего, а худшего мира, приведет не к мирной жизни, а к войне: для поколений 30-х годов такую роль сыграл тоталитаризм правых, сегодня мы имеем дело с тоталитаризмом левых»[1].

Действительно, 30-е годы стали мрачным периодом в истории культуры Запада, фашизм распродавал, грабил и уничтожал ценности европейских народов. Но не распроданные и уничтоженные ценности стали причиной второй мировой войны. Что же касается настоящего времени, то утверждения о том, что Европе угрожает «левый тоталитаризм», более чем абсурдны.

А может быть, Р. Арону и остальным членам руководства комитета следовало бы предварительно уточнить понятия «левый» и «правый», поскольку Запад давно не помнит таких крайне правых правительств, как некоторые теперешние.

Мир с негодованием наблюдает осуществляемую «правыми» правящими кругами Запада модернизацию вооружения и подготовку к третьей мировой войне. В этом и заключается истинная угроза не только культуре, но вообще всему миру. Но цитированный выше «взволнованный манифест» не призывает к спасению мира и цивилизации. Все его словесные усилия — повторение идей Рейгана о борьбе против социализма и международного рабочего движения, за умы западной интеллигенции, которая в свою очередь могла бы с помощью средств искусства внедрить эти идеи в сознание миллионов. Ныне все большее число представителей интеллигенции понимает, откуда исходит реальная угроза миру и культуре.

«Я принадлежу к тем людям,— пишет Дарендорф,— которые видят одну-единственную опасность для свободы — справа. Террористы и демонстранты, прибегающие к насилию, могут превратить в ад жизни многих людей, но не могут изменить ни

[1] «Die Zeit», 9.1.1981.

[1] «Die Welt», 26.1.1981.

Л. ТОДОРОВА

СОЦИАЛЬНАЯ «БЕСПОЛЕЗНОСТЬ» ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

одного общества, не говоря уже о том, что они льют воду на мельницу крайне правых сил — мельницу, которая и без того обеспечена всем необходимым»[1].

С Дарендорфом стоило бы, конечно, поспорить о том, «левые» ли террористы. Неправда и то, что все демонстранты — левые. Сегодня на улицах городов развитых капиталистических стран организуются митинги и манифестации неофашистских организаций. Факты говорят о том, что терроризм есть проявление крайне правых устремлений. Его корни — моральные и финансовые — нужно искать в фашизме и его организационных звеньях. Но Дарендорф совершенно прав, когда утверждает, что свободе угрожает только опасность «справа». Прав он и в том, что терроризм, превращающийся в орудие внушения массам страха, империалистическая пропаганда использует против прогрессивных сил мира.

В современной осложненной международной обстановке мир и война являются проблемами, волнующими все человечество. Но в то время как на Мадридской встрече идеи Общеевропейского совещания объединили представителей 35 стран, ищущих пути к укреплению сотрудничества и взаимопонимания, по инициативе известных кругов США и Западной Европы издается воинственный манифест «Комитета за свободный мир», призывающий художественную интеллигенцию к конфронтации и борьбе с социализмом во имя «сохранения западной цивилизации».

Шумные проклятия по адресу культуры и ее связей с общественно-политической жизнью не помешали руководителю комитета Раймону Арону вести активнейшую антикоммунистическую деятельность, перейдя от «деидеологизаторских» позиций к «реидеологизации» культуры. Об этом свидетельствуют не столько декларации — они слишком часто бывают способами сокрытия истины,— а дела Арона, гибкого, бесконечно верного интересам буржуазии теоретика и политического деятеля. Именно он возглавил «новых спасителей свободного мира», под его руководством подготовлен новый «манифест», политические цели которого «странно», но полностью совпадают с доктриной Рейгана и Хейга. Р. Арон и его американизированные приверженцы призывают к «срочному и энергичному переходу к самообороне» [2].

Будучи крупной фигурой в буржуазной социологии, политологии и философии, Р. Арон вот уже в течение нескольких десятилетий работает против марксистско-ленинского учения, его теории и практики. Он первым в Европе предложил вариант конвергенции социализма и капитализма. Вместе с Гэлбрайтом, Беллом и Ростоу французский политолог пытается создать альтернативу марксизму. Эта группа разработала концепцию «деидеологизации», послужившую теоретическим обоснованием выдвинутых Западом компенсационных условий разрядки. «Чтобы мирное сосуществование стало действительно мирным,— подчеркивал Арон,— оно должно касаться и идеологии»[1].

Одна из целей, которую Р. Арон преследует всю жизнь,— доказать, что возможности капитализма все еще не исчерпаны, раскрыть новые стороны культурного, экономического и политического его потенциала. Этому посвящена книга «Защита загнивающей Европы»[2], где автор предлагает запретить изучение марксизма, поскольку он якобы разлагающе действует на интеллигенцию и молодежь. Р. Арон признается, что был изумлен, узнав, сколько писателей, юристов, артистов, академиков отдали свои голоса за левые силы во время очередных выборов во Франции. Он считает своим прямым долгом вмешаться в этот идеологический конфликт, призывая интеллигенцию не голосовать за социализм, «не предавать либеральных ценностей Запада», ибо «для стран Западной Европы социализм означал бы вступление на путь рабства... Что касается Франции, то победа социалистов и коммунистов может ввергнуть страну в очень трудное положение. Французский социализм, — «пророчески» завершает Р. Арон,— никогда не существовал и никогда не будет существовать»[3].

А между тем приход французских социалистов к власти уже стал фактом. Хотя, конечно, Р. Арон сделал все, что было в его силах, чтобы помешать победе своих противников: подробно на 511 страницах книги «Защита загнивающей Европы» «предсказывал» он, какая участь ждет западную страну, если она пойдет по пути социализма.

А в 1973 году Р. Арон писал: «Интеллектуальный и политический климат изменился во всем западном мире. Революция снова в повестке дня. Социальные волнения множатся»[4]. И то был тот же самый Арон, который в 1955 году заявлял, что классовая сущность общества есть его переходная характеристика, а классовая борьба, отраженная в идеологии, является, по всей видимости, анахронизмом, «наследством мифологии XIX века»[5], что этот период завершится и наступит конец идеологиям. Свои представления об отмирании идеологии как бесполезного, никому не нужного барьера для общества Арон развил в книге «Опиум для интеллигенции»[6].

Но о каком конце идеологий и вообще о каких идеологиях идет речь? Общественно-экономический и духовный кризис буржуазной системы, обостренные классовые противоречия заставили Арона сделать

[1] «Die Zeit», 9.I. 1981.

[2] «Die Welt», 26.1.1981.

[1] R. Aron. The Industrial Society. N. Y. Wash. 1967, p. 48.

[2] R. Aron. Plaidoyer pour l'Europe décadente. P., 1977.

[3] «Encounter», 1977, № 3, 4.

[4] R. Aron. Remarques sur le nouvel age ideologique. Contrepoint. P., 1973, № 9, p. 20.

[5] R. Aron. Trois essays sur l'age industrialle. P., 1966, p. 179.

[6] R. Aron. L'opium des intellectuels. P., Calmann-Levy, 1955, p. 337 (Coll. «Liberté de l'esprit»).

переоценку своих прежних теорий и привести их в соответствие с новой обстановкой — внутренней и международной, которая, кстати, содержала достаточно неоспоримых доказательств нарастающей роли идеологий в острых столкновениях между трудом и капиталом.

Интересно, что ныне Р. Арон обращается к творческой интеллигенции с призывом к действию — тот самый Арон, который утверждал, что в Англии, например, в отличие от США, к интеллигенции относятся «более разумно» — не очень-то принимают ее всерьез, и такое отношение следовало бы распространить на всю интеллектуальную часть общества[1]. Должны ли мы считать, что последний его «манифест», адресованный этой прослойке, является выражением «несерьезного» отношения к творцам духовных ценностей? Точный ответ о степени серьезности дают сотни тысяч долларов, вложенных в это предприятие для привлечения скучающих или забытых знаменитостей, «неполитических» художников, писателей, артистов, музыкантов, «диссидентов», журналистов и, наконец, теоретиков, подобных самому Арону.

Вот, наконец, и сброшена маска «аполитичности», «демонстративного отказа деятелей культуры» вмешиваться в мирские дела. От художественной интеллигенции требуются «срочные», «энергичные» действия в защиту западной культуры. Прошло время, когда те же самые интеллектуалы хотели спасти «культуру и свободу» путем бегства от общественно-политической жизни. Сейчас «спасение» они видят в активной политической и идеологической борьбе.

«Динамичные» изменения во взглядах Арона являются красноречивой иллюстрацией социальной функции буржуазной идеологии — защитницы интересов капиталистического общества. Сегодня эти интересы заставляют Арона отказаться от теории конвергенции и «деидеологизации» и выступить в качестве приверженца «реидеологизации», причем не только на словах, а с конкретной идеологической программой объединения творческой интеллигенции Европы и Америки. Завтра или спустя пять — десять лет классовые интересы буржуазии потребуют новой концептуальной схемы, других средств и методов защиты. Скажем, потребуется заменить грубый антикоммунизм более гибкой и завуалированной формой борьбы с социалистическими странами. И тогда Арон и его коллеги начнут создавать новые варианты старых теорий или новые теории со старыми идеями, но при всех обстоятельствах они будут последовательно служить интересам буржуазии. И в этих новых вариантах деятелям науки и искусства, возможно, вновь будет отводиться определяющая роль в развитии общества, а может быть, их вновь будут призывать уйти от активной общественно-политической жизни, погрузиться в лабиринты собственного отчужденного сознания или наслаждаться «свободой» от общества и его проблем. Но это потом. А пока — интеллигенцию зовут к объединению под знаменем борьбы против коммунизма.

Буржуазные теоретики весьма точно оценили значение художественной интеллигенции в формировании мирового общественного мнения. Именно этим объясняется желание буржуазии в сложный момент идейно-политической конфронтации между двумя системами привлечь на свою сторону создателей духовных ценностей, превратить их в своих союзников, включить их в активную борьбу против Советского Союза, против социалистических стран, против рабочего и национально-освободительного движения. Новоявленный комитет интеллектуалов располагает четко сформулированной согласованной идеологической и политической программой. Но она не имеет ничего общего с желанием народов жить в мире и взаимопонимании, сотрудничать и приумножать материальные и духовные блага человечества. Подстрекательские призывы Рейгана и Хейга, теоретиков Арона, Ионеско, Пайпса и других к «борьбе против терроризма» и против «тоталитарного варварства», за сохранение западной «цивилизации» вряд ли открывают путь к сохранению цивилизации, ибо никогда еще война не спасала культуру, а уж тем более это относится к термоядерной войне. «*Мы предлагаем*,— подчеркнул Л. Брежнев с трибуны XXVI съезда КПСС,— *чтобы был создан авторитетный международный комитет, который показал бы жизненную необходимость предотвращения ядерной катастрофы.* В комитет могли бы войти виднейшие ученые из различных стран. О сделанных им выводах должен быть информирован весь мир»[1].

Международные встречи писателей в Софии явились ярким примером плодотворного претворения в жизнь идей Общеевропейского совещания. Эти авторитетные форумы стали важными событиями в жизни художественной интеллигенции, воспринявшей идеи мира и дружбы между народами. С их трибуны звучали голоса писателей, озабоченных судьбой планеты. Вместе с тем подчеркивалась социальная ответственность писателей — совести человечества — в борьбе за сохранение важнейшего условия дальнейшего материального и духовного развития человечества—мира на земле.

Стремление охватить сознанием действительность во всех ее противоречиях, проникнуть в интеллектуальные процессы, выявить значение литературы и искусства для духовного бытия нашего времени — все это характерно для огромной части творческой интеллигенции социалистических стран. Социалистические страны стали инициаторами интересных по форме и крупных по масштабам встреч и контактов между деятелями

[1] R. Aron. Opium für Intellektuellen. Köln, Berlin, 1957, s. 285.

[1] Л. И. Брежнев. Отчетный доклад ЦК КПСС XXVI съезду КПСС. М., Политиздат. 1981, с. 41.

Л. ТОДОРОВА

СОЦИАЛЬНАЯ «БЕСПОЛЕЗНОСТЬ» ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

искусства и науки с целью взаимного ознакомления, создания дружеской атмосферы в общении, выработки определенных критериев для обмена истинными произведениями литературы и искусства. Болгарии выпала честь быть устроителем ряда крупных международных форумов писателей, философов, социологов, деятелей театра и кино, музыкантов. Все они были посвящены как актуальным творческим проблемам, так и самой жгучей проблеме нашего времени — сохранению мира.

Особое значение для достижения более глубокого взаимопонимания между народами приобрели инициативы НРБ в последние несколько лет. Борьба за мир была главной темой и Всемирного парламента народов мира, и Международной детской ассамблеи «Знамя мира», и встреч писателей. «Активизация и сплочение всемирного миролюбивого потенциала,— подчеркивал товарищ Тодор Живков,— не могут произойти сами по себе, без целенаправленных усилий, инициатив и действий. Одного сознания, что война абсурдна и что силы мира могучи, недостаточно.

Наша общая задача — направить еще более широкие слои трудящихся и народных масс во всех странах, и в особенности в развитых капиталистических государствах, к сознательным и активным действиям в пользу мира. Единство миролюбивых сил должно крепиться неустанно, а их деятельность должна организовываться и направляться к конкретным инициативам в решающих областях борьбы за мир... хочу подчеркнуть, что в борьбе за такой общечеловеческий и первостепенный по важности вопрос, каким является мир, не должно быть места никакой замкнутости и сектантству, никакой недооценке деятельности какого бы то ни было отряда миролюбивых сил»[1].

В сегодняшний трудный для мира период тем более важна роль создателей художественных ценностей, долг которых,—руководствуясь гуманными принципами, выполнить свою историческую и социальную миссию, участвуя в борьбе за будущее без войны, за будущее мирного, созидательного труда на благо человечества.

---

[1] Т. Живков. Граница между двумя десятилетиями, между 70-ми и 80-ми годами, не должна стать границей между разрядкой и конфронтацией. София, 1981, с. 15, 16.

СОПОСТАВЛЯЯ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

В предлагаемом читателю диалоге А. Мулярчика и Н. Анастасьева два видных критика, опираясь на недавние публикации «Иностранной литературы», размышляют о некоторых новейших тенденциях в литературах ряда стран Западной Европы и Америки, о том, что отделяет большую, настоящую художественную прозу от ее «массовидного» суррогата. Выделенной в ходе беседы черте 70-х годов — возрастанию роли реализма — полностью отвечает практика «Иностранной литературы», предоставляющей свои страницы в первую очередь писателям реалистической ориентации, гуманистических убеждений. Вместе с тем в интересах полноты картины в разделе «Литературных иллюстраций» журнал печатал и образцы произведений авангардистского склада, хотя и оттесненных ныне на периферию литературного процесса, но все же занимающих в нем заметное место.

Мнения А. Мулярчика и Н. Анастасьева относительно отдельных произведений писателей США и Западной Европы нередко расходятся — и это естественно. Не со всеми оценками, прозвучавшими в беседе, полностью согласна и редакция; возможны, разумеется, и иные мнения по поводу книг М. Фриша, К. Фалдбаккена, У. Стайрона, И. Шоу или Дж. Фаулза. Представляется, однако, что сама форма диалога открывает благоприятные возможности для обсуждения проблем современной зарубежной литературы.

НИКОЛАЙ АНАСТАСЬЕВ,
АЛЕКСАНДР МУЛЯРЧИК

ПОВЕРИТЬ ЛИТЕРАТУРУ ЖИЗНЬЮ

А. Мулярчик. В самом начале повести Макса Фриша «Человек появляется в эпоху голоцена», опубликованной в первом номере «Иностранной литературы» за этот год, мне бросилось в глаза место, где речь зашла о домашней библиотеке господина Гайзера — главного героя книги. «Романы в эти дни вообще не годятся...» — утверждает господин Гайзер, ибо они, дескать, пишутся так, «словно почва для этого раз и навсегда обеспечена, высота моря раз и навсегда отрегулирована, земля остается землей». Какой знакомый и какой, увы, старомодный мотив! Кто только из западных критиков не писал лет 10—15 назад, что крупномасштабная художественная проза не созвучна нашему беспокойному веку, что нынешнюю «катастрофическую», «фрагментарную» и прочую действительность невозможно отразить в зеркале романа. Наступление авангардизма

АНАСТАСЬЕВ НИКОЛАЙ АРКАДЬЕВИЧ (род. в 1940 г.).

Советский критик и литературовед, кандидат филологических наук. Автор книг «Фолкнер. Очерк творчества» (1976), «Разочарования и надежды» (1979), «Творчество Эрнеста Хемингуэя» (1981) и ряда статей о писателях США XX в. (Т. Вулфе, Ф. С. Фицджеральде, Дж. Стейнбеке, Т. Уайлдере и др.).

МУЛЯРЧИК АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ (род. в 1938 г.).

Советский литературовед, критик, кандидат филологических наук. Автор книг «Творчество Джона Стейнбека» (1963), «Американский роман в 20-е годы XX в.» (1968), «Американская литература и общественно-политическая борьба: 60-е — начало 70-х гг. XX века» (1977, в соавторстве), «Послевоенные американские романисты» (1980) и многих статей по проблемам литературы и культуры США.

Александр Мулярчик

одно время чуть было не поставило под вопрос достоверность как важнейшее качество художественного произведения. Но в 70-е годы литературные дела, мне кажется, обстояли уже по-другому.

Н. Анастасьев. Наверное, не зря наш разговор начался с повести Фриша — ведь книга швейцарского писателя, лишенная скольнибудь заметных, пластически зримых примет современности, книга, обращенная к вечным проблемам человеческого существования, отличается в то же время вполне злободневным характером, о чем, в частности, свидетельствует скептическое отношение господина Гайзера к роману. Это не просто случайный душевный недуг человека, не воспитавшего в себе, судя по всему, вкуса к систематическому чтению. Это более или менее распространенное на Западе отношение к художественному слову. Только, вы правы, характерно оно скорее для недавней, но все-таки уже истории, скажем, для 60-х—начала 70-х годов. А сегодня, судя по всему, литература, роман прежде всего восстанавливают свою пошатнувшуюся во мнении иных критиков репутацию, интерес к литературе неуклонно возрастает.

Чем это вызвано? На подобный вопрос без труда ответит всякий прилежный читатель журнала, предоставившего нам свои страницы. Ограничусь поэтому тезисом.

На смену недолгому буму неоавангарда, тирания которого на Западе в немалой степени и обусловила разочарование в литературе как форме познания жизни, вновь пришел интерес к реализму, остающемуся и остававшемуся при всех колебаниях эстетической моды магистралью художественного развития XX века. Те же 60-е годы — вовсе не провал, не черная дыра в истории реалистического направления. Оно сохранялось и в ту пору, хотя и понесло немалые потери. С другой стороны, и ныне неоавангард не ушел вовсе с литературной сцены. Достаточно вспомнить, что на рубеже 70—80-х годов лидеры американской школы «черного юмора» Джон Барт и Джон Хоукс опубликовали по очередному роману; можно сослаться и на опыт Франции, где продолжаются попытки влить свежую кровь в изрядно одряхлевшую эстетику «нового романа». Но давайте все же, не впадая в упрощения, говорить о ведущих тенденциях литературы. Сейчас хорошо стало видно, что если неоавангард быстро исчерпал свою энергию, реализм ныне вновь демонстрирует богатые и гибкие возможности творческого освоения действительности.

А. Мулярчик. Представление о реализме для многих — и это, наверное, справедливо— ассоциируется в первую очередь с конкретным, правдивым как в деталях, так и в контурах «общего плана» рассказом о доподлинных человеческих судьбах и о том, как эти судьбы сопрягаются с жизнью общества. Перед нами стоит задача: рассмотреть ряд произведений прозаиков Западной Европы и Америки, напечатанных в «Иностранной литературе» в основном в 1980 году и в первой половине завершающегося года. Здесь вырисовываются самые различные грани, но в качестве основного направления беседы было бы небесполезно прежде всего попытаться, что называется, поверить литературу жизнью, столкнуть беллетристику с реальностью на Западе, какой мы ее знаем и представляем себе.

Личный опыт, конечно же, вещь незаменимая, однако трудно быть осведомленным в полном объеме о том, что происходит, скажем, в США и во Франции, в Италии и в Бразилии. С другой стороны, «текущая информация» столь велика и вместе с тем подчас монохроматична, что становится недостаточной для получения, так сказать, «сердцевинного» знания. Вот тут и возникает необходимость в ариадниной нити — ее вкладывают в руки читателей авторы, пользующиеся их доверием. Что касается литературы факта, то даже самый потрясающий документ, взятый изолированно, вне контекста, может оказаться нехарактерным, малоинтересным. Художественное же произведение (конечно, в идеале)—это как бы саморегулирующаяся система, вселенная в миниатюре; а обязанность критика, в частности, состоит в том, чтобы следить за внутренней логикой книги, оценивать степень ее убедительности — конкретно-исторической, смысловой, психологической. Именно такой подход, по-моему, и имел в виду в свое время Добролюбов, обосновывая потребность в «реальной критике»; о насущной необходимости ее развития не раз говорилось и на недавнем VII съезде советских писателей.

Н. Анастасьев. Безусловно, вкус к познанию жизни — родовое свойство реалистического искусства. Только надо договориться о том, что понимать под познанием в литературе. И на первый случай отграничить его от простого отражения, будь оно сколь угодно достоверным и увлекательно оформленным. Если достоверность становится единственным достоинством романа или повести, мне, подобно господину Гайзеру, действительно интереснее читать специаль-

Николай Анастасьев

ную литературу — исследования социологов, свидетельства очевидцев.

На мой взгляд, западная литература недавнего прошлого плохо различала за мелькающими фрагментами повседневности целостную картину жизни. В прозаических сочинениях с завидной точностью воспроизводилось актуальное время, его конфликты, но плохо чувствовалось время историческое. Именно этим я объясняю некоторое ослабление позиций романа в иерархии жанров текущей литературы Запада (хотя вовсе не согласен с теми, кто служит по нему отходную).

Но сегодня, кажется, мы являемся свидетелями обнадеживающих перемен. Литература, если вспомнить слова Ю. Н. Тынянова, движется на глубину. Я, разумеется, говорю о тенденции, потому что всегда остаются явления, нарушающие ее чистоту. Кроме того, и сама тенденция, утверждаясь, сталкивается, как увидим, с немалыми творческими трудностями.

А. Мулярчик. Да, таких трудностей немало, и на первое место я бы поставил не проблемы, связанные с самой романной формой, а проявления удивительной по нашим временам наивности в трактовке социально-исторических процессов современности. Когда книга сознательно нацеливается на иллюстративность, она — подчас вне зависимости от степени таланта ее автора — становится частью «массовой беллетристики», продолжением индустрии информации, пропаганды и развлечений.

В 70-е годы были, к сожалению, нередки случаи перехода незримой черты, за которой литература уже не открывала нового, а повторяла слышанное и читанное, заботясь лишь о внешнем, «товарном» виде изделия, о том, чтобы она читалась. При этом, пользуясь как щитом представлением о художественной специфике, нетребовательные прозаики могли позволить себе сколько угодно небрежностей — психологических, смысловых, фактических. И эта широко распространившаяся приблизительность бросала тень на роман в целом, вредила и по сей день вредит престижу настоящей литературы, которая по-прежнему остается наиболее близким аналогом действительности и одновременно одним из самых надежных средств познания ее нюансов и ее сути. Впрочем, об этом противоположении и о других чертах современного литературного развития на Западе уместнее говорить, пользуясь конкретными примерами.

Н. Анастасьев. Действительно, пора попытаться поверить теоретические рассуждения живой литературной практикой. Достаточно убедительным примером того, что литература не ограничивается частными наблюдениями, но стремится к созданию обобщенных картин современной буржуазной цивилизации, может служить, думается, книга норвежского писателя Кнута Фалдбаккена «Страна заката». И он же выразительно свидетельствует о проблемах, с которыми сталкивается ныне реалистический роман на Западе.

У Фалдбаккена нетрудно обнаружить живые черты нынешнего, актуального времени: отголоски молодежного недовольства; жестокую, принимающую порой преступные формы борьбу за сносное существование, которую ведут люди в условиях безработицы и общественного неравноправия; лицемерие системы (рассказ об унизительных мытарствах молодой четы, добивающейся социального пособия); наконец, мировой вопрос о загрязнении окружающей среды. Но все эти проблемы и связанные с ними сюжетные линии романа включены в о б щ и й художественный план.

По сути дела, перед нами антиутопия: действие книги происходит на гигантской свалке, где, убегая от эгоистических правил, навязываемых обществом, от изнурительной борьбы за существование, находят приют молодые герои романа. Метафора обнаженно ясна: капиталистическое общество, символом которого становится безымянный мегалополис (подобные образы возникали еще в литературе начала века — вспомним стихи бельгийского поэта Эмиля Верхарна: «То город-спрут, горящий осьминог, костехранилище, скелет, великий остов»),— это общество исключает индивидуальную личность из системы своих ценностей, и, чтобы обрести утраченное «я», человеку приходится уходить в воображаемое пространство (а таковым, конечно, и является, при всей его натуральной достоверности, кладбище старых автомобилей, отбросов промышленного производства).

Роман Фалдбаккена обладает проникающей силой социального критицизма, беспощадно показывая, сколь далеко разошлись интересы буржуазного общества и живого человека. Но кое-что в книге молодого прозаика меня лично и смущает. Я говорю сейчас не об избыточном натурализме, которым грешит ряд сцен. И даже не о том очевидном диссонансе, что возникает меж этой брутальностью и нотами сентиментального прекраснодушия, которые тоже звучат в повествовании, в известной мере ограничивая его художественную ценность. Меня занимает другое: как эти ноты вообще могли проникнуть в суровую по замыслу прозу? Как появилась в ней фигура старого Дока, всеобщего благодетеля, являющего высокий образец нравственной чистоты? Дело, на мой взгляд, в том, что антиутопия в какой-то момент превращается в собственную противоположность, вынужденный и трагический выбор совершенно неожиданно оборачивается умиротворенным покоем. И этого превращения не могут скрыть покровы жестокого стиля. Мне понятно и близко желание автора уйти от мрачной безысходности, обнаружить прочную моральную опору человечности, способную выдержать самое свирепое давление извне. Но слишком уж он облегчает себе (и своим героям) ее поиски.

А. Мулярчик. Обличительный пафос книги Фалдбаккена очевиден, но не менее отчетлива в романе и известная «дефектность мышления» писателя, действительно способная порой — следуя объективной

логике повествования,— так сказать, вывернуть наизнанку даже самые благородные устремления. Зададимся вопросом: насколько в конечном счете реалистична «Страна заката», кто такие персонажи Фалдбаккена и воплощают ли эти конкретные характеры идейный замысел произведения? Бросая вызов обществу, герои романа поселились на городской свалке, но как они туда попали и что представляет собой их теперешний образ жизни и символ веры?

Вот главный выразитель авторской идеи — Аллен Янг. Из крайне скупых вступительных заметок можно все же понять, что он не блистал успехами в науках и лишь благодаря счастливому случаю получил должность в солидной архитектурной фирме. Если исходить из принципа «каждому по заслугам», то Аллену надо бы жить да радоваться, что при столь заурядном человеческом потенциале ему удалось сразу же, авансом захватить для себя место под солнцем. Тем более что, как дает понять автор, его перспектива ясна: вынужденный пока быть «на подхвате», наш «молодой специалист» получил бы со временем доступ к самостоятельной и высокооплачиваемой работе.

Хотя, если задуматься, этого могло бы и не произойти. Ведь герой Фалдбаккена не привык ничего доводить до конца, он быстро теряет ко всему интерес, а потом испытывает чувство ущемленности и недовольства. Между тем самое страшное, что грозит его семье,— не безработица, не нехватка жизненно необходимого, а... переезд из шумного центра в район новостроек («никто не хотел жить в блочных башнях — никто, у кого была хоть малейшая возможность выбора»). И похоже, что это обстоятельство — не «последняя капля», а одна из основных причин, вынуждающая Янгов искать убежище на огромной свалке.

Впрочем, полно, свалка ли это? Перед читателем возникает, быть может, не Клондайк, но по крайней мере что-то вроде корабля Робинзона Крузо, на котором, помнится, можно было найти все необходимое и достаточное для жизни и даже сверх того. Создается впечатление, что в изображении Фалдбаккена свалка — это как бы сказочная скатерть-самобранка, олицетворение «общества потребления»: «Огромными грудами лежат здесь матрасы, заплесневелые покрывала и гардины, столы, кресла, диваны и мягкие гарнитуры, подушки, ковры и обитые плюшем пуфы... коробки с ножами, вилками и ложками, кухонные плиты, холодильники и радиоприемники, сотни разломанных телевизоров, ящики и коробки с книгами...» — цитата, пожалуй, слишком длинна, чтобы ее продолжать. Любопытно и то, что бациллы пресловутого «вещизма», расплодившиеся среди этого раблезианского, хотя и малость подпорченного изобилия, не оставили в покое и стремящуюся как будто бы к опрощению чету Янгов. Несмотря на желание автора видеть в их стиле жизни нечто противостоящее банальному приобретательству, они совсем небезразличны к поискам и классификации дарового богатства. Данный пример наглядно демонстрирует всю власть инстинктов, сложившихся за многие поколения,— «гони природу в дверь, она влетит в окно».

Отмеченное противоречие — лишь одно из тех, что пронизывают идейно-художественный строй книги Фалдбаккена. А может быть, это противоречие как раз и связано с противоречиями самой жизни? Антибуржуазная направленность книги, обличительная сила несомненны, и в этом — безусловная заслуга романиста. Но, может быть, критика современного Запада ослабляется тем, что наиболее желчные тирады по поводу «уродливого развития общества» и «нашего отвратительного мира» почему-то вложены писателем в уста Смайли, которого его сосед по свалке Аллен не без основания называет «грязной, мерзкой жабой»? Подобно многим полуинтеллигентам, Смайли чрезвычайно речист и, разумеется, «критичен», но если трезво взглянуть на вещи, то перед читателем предстанет законченный лентяй и эгоист, бездарный живописец, сменивший свое ремесло на гораздо более прибыльное занятие сутенерством. Инвективы Смайли, впрочем, точно комментирует сам автор, говоря, что его «циничный пессимизм... был уловкой, которая позволяла скрывать свое невежество и непонимание того, что происходит вокруг».

Показ безуспешности протеста на избранном героями пути — бесспорно сильная сторона романа Фалдбаккена. Попытки этих людей выключиться из жизни окружающего общества тщетны; кусая руку, которая их кормит, они вновь и вновь припадают к ней в поисках пищи. Так, Аллен продолжает подрабатывать на бензоколонке, а еще промышляет воровством, прихватывая все, что попадется под руку. Причем ему, в отличие от «голубого воришки» из «Двенадцати стульев», неведомо чувство стыда: ведь воровство из «идейных соображений» — это «не кража, а просто дележка», как провозглашал когда-то простодушный Пепе из «Сказок об Италии» Горького.

Неудивительно поэтому, что отсутствие прочных моральных критериев фактически подводит персонажей Фалдбаккена к отрицанию первоначально провозглашенных автором идейных императивов. И дело, думается, не в том, что антиутопия словно бы сменяется идиллией. Какая уж тут идиллия, когда в последних главах романа, отрешаясь от видимой безмятежности, автор по сути слагает, быть может, не лишенный иронии «гимн» частному предпринимательству в его «классическом», то есть свободном от гнета монополий и бюрократии, виде.

Н. Анастасьев. Но ведь о том же толкую и я! Кое-кто из героев вполне уютно пребывает там, где, казалось бы, должен испытывать чувства унижения и гнева — чувства, которые, по всей вероятности, не могут не вызывать читательского сострадания.

А. Мулярчик. А теперь вспомним, к чему в конечном счете свелась жизнь общины: Аллен ворует, Смайли разглагольствует, Мэри торгует своим телом, жена Аллена

Лиза погружена в прострацию, не умея даже (в отличие от Робинзона) вести счет дням, а доктор Фишер предпочитает жить на подножном корму, вместо того чтобы в соответствии с девизом своей профессии облегчать людские страдания. И только бывший уголовник Феликс подает признаки социальной активности: его предприимчивость — своего рода якорь спасения для всех...

И вот следует колоритный пассаж, как бы конкретизирующий итоги социально-экономических экспериментов героев Фалдбаккена, пытающихся найти некий «третий путь» для решения своих проблем, и звучащий вполне в духе современных американских «неоконсерваторов»: «Необходимость добывать продукты и товары пробудила в людях изобретательность... она вызвала к жизни новые виды деятельности и новые формы сотрудничества, развивая инициативу и гибкость, потому что здесь не существовало каких-либо правил и запретов и все определяли лишь находчивость и здравый смысл; да и сами формы общения стали более свободными и разнообразными. Казалось, в людях вдруг проявилась творческая энергия, о существовании которой они раньше даже не подозревали, и они медленно учились ею пользоваться... Никогда в жизни Аллен не видел ничего подобного и смотрел на все как зачарованный».

Конечно же, невозможно, чтобы в действительности какой-нибудь инфантильный (как это следует из его фамилии) Аллен Янг оказался столь наивным и незнакомым хотя бы в теории с «золотым правилом» «laisser faire» — невмешательством государства в экономические дела граждан. Быть может, причины этого противоречия заключены в притчеобразной форме романа, как бы «распираемой» изнутри не укладывающимися в прокрустово ложе реальными конфликтами современной жизни на Западе.

Н. Анастасьев. Полагаю, что дело не просто в той или иной художественной форме книг, обращенных к главным конфликтам современности. Возьмем еще один роман, опубликованный на страницах «Иностранной литературы»,— «Энджел-Сити, или Ангельский город» Патрика Дэвиса Смита. Из аллегорического художественного пространства «Страны заката» читатель перемещается здесь в открытое поле текущей жизни, откровенно демонстрирующей свою реальность.

Реальность эта ужасна настолько, что поверить в нее нелегко. Ведь «ангельский город», куда после долгих скитаний попадает обедневший фермер Джерид Титер,— это самый настоящий невольничий лагерь, а Криди, подрядчик и хозяин этого лагеря, воскрешает в памяти зловещие фигуры работорговцев прошлого. Обманным путем завлекая в свой «город» отчаявшихся простаков, он бессовестно наживается на их труде, связывая людей невыполнимыми по существу условиями. Путь сюда открыт любому, но выйти не может никто. Попытки протеста подавляются самым жестоким образом, вплоть до убийства.

У обитателей «ангельского города» постепенно подавляется воля к жизни, они утрачивают способность к сопротивлению, у них атрофируются чувства и стремления — кроме самых элементарных. Все это можно было бы принять за небыль, порожденную больной фантазией. Но — увы! — известно, что в основу романа положены действительные события. А если принять во внимание, что и в сюжетной завязке книги отражено реальное явление — обнищание мелких фермеров, особенно в горных районах Америки,— то всякие сомнения в достоверности рассказанной истории исчезают. При этом неправильно было бы, уверен, воспринимать «Энджел-Сити» просто как добросовестный репортаж. Писатель воссоздает художественную правду жизни, взятую в существенных своих проявлениях.

Роман наделен еще одним важным свойством — я бы назвал его творческой смелостью автора. Смит обращается к социальным слоям, которые долгое время пребывали в густой тени художественных интересов американской литературы. Правда, в последнее время появился ряд книг о трудовой Америке. И все же, думается, молодой писатель ориентируется скорее не на сегодняшний день литературы, а на классику, прежде всего на «Гроздья гнева».

В целом, полагаю, Смит плодотворно следует этой традиции; в то же время в свете высокого образца видны не одни обретения, но и некоторые художественные просчеты романа. Подобно Стейнбеку, автор не только изображает со всем бесстрашием придавленное положение человека; он также ищет положительные ценности, неиссякаемые источники жизненной энергии, причем обнаруживает их (в этом его отличие от Фалдбаккена) в самой действительности. Но там, где у классика — органический сплав страдания и неизбывной жизненной силы, у современного писателя — художественный нажим, авторский произвол. «Ангельский город» — как ад на земле — выглядит, при всем своем зловещем неправдоподобии, реально, а вот финальный бунт белых и черных рабов XX века с точки зрения художественной логики произведения выглядит искусственным.

Отчего возникает такое впечатление? Да оттого, что на полотне романа не нашлось места Ма Джоуд. Я говорю, разумеется, не о прямых аналогиях. Нелепо превращать классику в кладовую шедевров, раз навсегда задавших способ творческого постижения жизни. К тому же и сама американская действительность изменилась со времен, которые нашли отражение в книге Стейнбека. Но классические образцы задают меру глубины художественного анализа жизни — в этом, собственно, и состоит их неубывающее значение. Об этом я и говорю. Мне не хватает в романе Смита ощущения исторической продолжительности бытия, его внутреннего са-

---

НИКОЛАЙ АНАСТАСЬЕВ,
АЛЕКСАНДР МУЛЯРЧИК
ПОВЕРИТЬ ЛИТЕРАТУРУ ЖИЗНЬЮ

моразвития, которое воплощает героиня «Гроздьев гнева».

А. Мулярчик. Искусственной в «Ангельском городе» с точки зрения художественной достоверности я бы назвал не только сцену бунта. Практика чудовищной эксплуатации сельскохозяйственных рабочих и в особенности представителей национальных меньшинств широко распространена в США и подтверждается многочисленными фактами. Однако литературное произведение — не выжимка из статистики, а самостоятельная история, которая, чтобы дойти до сердца читателя, должна быть убедительна и в большом и в малом. Здесь же возникают некоторые вопросы.

Почему, к примеру, выросший в горах Западной Вирджинии Титер, вольнолюбивый, самостоятельный человек, так тушуется в обстановке лагеря и даже становится одно время чуть ли не подручным Криди? Нет ли в этом известного схематизма? А ведь в книге имеется четкое разъяснение того, что при минимальной гражданской активности рабочих вся незаконная антреприза Криди развалилась бы мгновенно, подобно карточному домику — как это, впрочем, наконец и происходит в финале произведения, благодаря приезду федерального инспектора. Думается, что поднятые вопросы касаются не столько психологии героев (она в книге весьма условна), сколько сюжетосложения, в интересах которого автору пришлось пойти на известную художественную сконструированность.

Гораздо более органичным произведением представляется повесть итальянской писательницы Лауры Конти «Заяц с лицом девочки», тоже написанная на «злобу дня» и посвященная актуальной социальной теме. Мне кажется, что эта книга — весомый аргумент в пользу беллетристики в ее продолжающемся споре с документальной литературой. Речь тут идет о конкретном факте — авария на химическом заводе в Ломбардии, вырабатывавшем сильно токсичное вещество диоксин. Об этом случае был написан ряд публицистических материалов — возмущенных, протестующих. Такой же позиции придерживается и Конти, но ценность ее повести состоит в том, что обличительные мотивы как бы «прорастают» через совокупную картину современной итальянской жизни, становятся частью ее социальной партитуры.

Авария на заводе превращает устойчивую общину в развороченный муравейник. Страсти кипят, мнения сталкиваются, и без внимательного анализа трудно уловить правоту той или иной стороны. Пример номер один: что делать ремесленникам-мебельщикам в сложившейся обстановке — соблюдать ли строгий карантин и видеть, как их заказы уплывают к конкурентам, или, рискуя распространить заразу, снова исподволь, «подпольно» заняться работой? Другой пример касается молодой итальянки Ассунтины. Кто прав — доктора и католическая церковь, выступающие против абортов, или же поборницы феминизма, пугающие героиню последствиями отравления диоксином и провозглашающие полную свободу женщин распоряжаться своим телом? Пестрая круговерть доводов и импульсивных реакций впечатляет еще и потому, что она дана в повести через восприятие двенадцатилетнего подростка, особенно чуткого ко всевозможным противоречиям и фальши. Но суд в повести вершит не рассказчик и не стоящий за кулисами автор, а сама жизнь, ее панорама, которая достаточно дифференцирована, чтобы создать представление об истинном и ложном.

Н. Анастасьев. Я тоже с интересом прочел повесть Конти, хотя, думаю, вы несколько переоценили ее достоинства. Не понимаю, почему вы ее предпочитаете роману Смита. Если «Энджел-Сити», при всей документальной бесспорности, являет собою, повторяю, художественную панораму действительности, то интерес повести Конти, также опирающейся на реальные факты, достоверным воссозданием их, пожалуй, и исчерпывается. Она слишком жестко, как мне кажется, замкнута актуальным временем, в ней практически неощутимо, как любил говорить Томас Вулф, «время рек, гор, океанов, земли». Между тем произведения, чутко откликающиеся на современную действительность, вовсе не обречены оставаться в пределах «здесь и сейчас». Сошлюсь на роман Жоржи Амаду «Возвращение блудной дочери». Что это? Рассказ о махинациях промышленных магнатов, готовых в погоне за прибылью пожертвовать природными богатствами страны? О коррупции в политических кругах? О другой жизни, где нищета превратилась в повседневный удел? Да, обо всем этом, а еще, допустим, об утрате национальной самобытности, о проникновении в Бразилию американских нравов, мод.

Борьба вокруг строительства огромных заводов в Агресте, деревушке в глухой бразильской провинции, превращается по существу в противоборство между жизнью и теми формами цивилизации, которые стали врагом всего живого на земле. Само же Агресте оказывается знаменитым «клочком земли величиной с почтовую марку», что сосредоточивает в себе человеческую историю. Недаром начинается повествование почти библейски: «Тишина и уединение, река впадает в океан, расстилающийся под ясным небом, здесь начало и конец всему». Этот образ сразу придает значительность частным и вполне современным событиям, составляющим сюжетный костяк книги.

В романе Амаду действует традиция «магического реализма» с его поэтикой мифа, естественно связывающего разделенные во времени пласты жизни. Но и в западной литературе, как я уже говорил, тоже заметна перестройка художественного времени романа: летучая современность возникает в свете истории. Можно назвать роман английского писателя Джона Фаулза «Даниэл Мартин», где вполне актуальные коллизии прорастают раздумьями о сути национального характера; и далее — роман испанца Мигеля Делибеса «За кого проголосует сеньор Кайо», в котором суетному нетерпению юных леваков противопоставлена спокойная мудрость человека земли; и еще — рост исторического романа во французской литературе 70-х годов

моразвития, которое воплощает героиня «Гроздьев гнева».

А. Мулярчик. Искусственной в «Ангельском городе» с точки зрения художественной достоверности я бы назвал не только сцену бунта. Практика чудовищной эксплуатации сельскохозяйственных рабочих и в особенности представителей национальных меньшинств широко распространена в США и подтверждается многочисленными фактами. Однако литературное произведение — не выжимка из статистики, а самостоятельная история, которая, чтобы дойти до сердца читателя, должна быть убедительна и в большом и в малом. Здесь же возникают некоторые вопросы.

Почему, к примеру, выросший в горах Западной Вирджинии Титер, вольнолюбивый, самостоятельный человек, так тушуется в обстановке лагеря и даже становится одно время чуть ли не подручным Криди? Нет ли в этом известного схематизма? А ведь в книге имеется четкое разъяснение того, что при минимальной гражданской активности рабочих вся незаконная антреприза Криди развалилась бы мгновенно, подобно карточному домику — как это, впрочем, наконец и происходит в финале произведения, благодаря приезду федерального инспектора. Думается, что поднятые вопросы касаются не столько психологии героев (она в книге весьма условна), сколько сюжетосложения, в интересах которого автору пришлось пойти на известную художественную сконструированность.

Гораздо более органичным произведением представляется повесть итальянской писательницы Лауры Конти «Заяц с лицом девочки», тоже написанная на «злобу дня» и посвященная актуальной социальной теме. Мне кажется, что эта книга — весомый аргумент в пользу беллетристики в ее продолжающемся споре с документальной литературой. Речь тут идет о конкретном факте — авария на химическом заводе в Ломбардии, вырабатывавшем сильно токсичное вещество диоксин. Об этом случае был написан ряд публицистических материалов — возмущенных, протестующих. Такой же позиции придерживается и Конти, но ценность ее повести состоит в том, что обличительные мотивы как бы «прорастают» через совокупную картину современной итальянской жизни, становятся частью ее социальной партитуры.

Авария на заводе превращает устойчивую общину в развороченный муравейник. Страсти кипят, мнения сталкиваются, и без внимательного анализа трудно уловить правоту той или иной стороны. Пример номер один: что делать ремесленникам-мебельщикам в сложившейся обстановке — соблюдать ли строгий карантин и видеть, как их заказы уплывают к конкурентам, или, рискуя распространить заразу, снова исподволь, «подпольно» заняться работой? Другой пример касается молодой итальянки Ассунтины. Кто прав — доктора и католическая церковь, выступающие против абортов, или же поборницы феминизма, пугающие героиню последствиями отравления диоксином и провозглашающие полную свободу женщин распоряжаться своим телом? Пестрая круговерть доводов и импульсивных реакций впечатляет еще и потому, что она дана в повести через восприятие двенадцатилетнего подростка, особенно чуткого ко всевозможным противоречиям и фальши. Но суд в повести вершит не рассказчик и не стоящий за кулисами автор, а сама жизнь, ее панорама, которая достаточно дифференцирована, чтобы создать представление об истинном и ложном.

Н. Анастасьев. Я тоже с интересом прочел повесть Конти, хотя, думаю, вы несколько переоценили ее достоинства. Не понимаю, почему вы ее предпочитаете роману Смита. Если «Энджел-Сити», при всей документальной бесспорности, являет собою, повторяю, художественную панораму действительности, то интерес повести Конти, также опирающейся на реальные факты, достоверным воссозданием их, пожалуй, и исчерпывается. Она слишком жестко, как мне кажется, замкнута актуальным временем, в ней практически неощутимо, как любил говорить Томас Вулф, «время рек, гор, океанов, земли». Между тем произведения, чутко откликающиеся на современную действительность, вовсе не обречены оставаться в пределах «здесь и сейчас». Сошлюсь на роман Жоржи Амаду «Возвращение блудной дочери». Что это? Рассказ о махинациях промышленных магнатов, готовых в погоне за прибылью пожертвовать природными богатствами страны? О коррупции в политических кругах? О другой жизни, где нищета превратилась в повседневный удел? Да, обо всем этом, а еще, допустим, об утрате национальной самобытности, о проникновении в Бразилию американских нравов, мод.

Борьба вокруг строительства огромных заводов в Агресте, деревушке в глухой бразильской провинции, превращается по существу в противоборство между жизнью и теми формами цивилизации, которые стали врагом всего живого на земле. Само же Агресте оказывается знаменитым «клочком земли величиной с почтовую марку», что сосредоточивает в себе человеческую историю. Недаром начинается повествование почти библейски: «Тишина и уединение, река впадает в океан, расстилающийся под ясным небом, здесь начало и конец всему». Этот образ сразу придает значительность частным и вполне современным событиям, составляющим сюжетный костяк книги.

В романе Амаду действует традиция «магического реализма» с его поэтикой мифа, естественно связывающего разделенные во времени пласты жизни. Но и в западной литературе, как я уже говорил, тоже заметна перестройка художественного времени романа: летучая современность возникает в свете истории. Можно назвать роман английского писателя Джона Фаулза «Даниэл Мартин», где вполне актуальные коллизии прорастают раздумьями о сути национального характера; и далее — роман испанца Мигеля Делибеса «За кого проголосует сеньор Кайо», в котором суетному нетерпению юных леваков противопоставлена спокойная мудрость человека земли; и еще — рост исторического романа во французской литературе 70-х годов

А. Мулярчик. Мы условились, кажется, говорить о публикациях «Иностранной литературы»...

Н. Анастасьев. Но ведь интересуют они нас прежде всего как зеркало реального движения зарубежной литературы. Потому даже полезно, на мой взгляд, время от времени отвлекаться от журнальных страниц. Тем более что ненапечатанное словно продолжает опубликованное. Я в данном случае имею в виду роман Уильяма Стайрона «Софи делает выбор». «Иностранная литература» ограничилась лишь двумя заключительными главами этого объемистого сочинения, но, во-первых, они дают известное представление о содержании и поэтике всей книги, а во-вторых, сопровождены послесловием, дающим развернутый анализ книги. Это, кстати, позволяет избежать утомительного пересказа и сосредоточиться на главном.

Проблема насилия, феномен мирового зла всегда глубоко волновали Стайрона. Но в новой книге это зло приобретает конкретно-исторические очертания — фашизм, обличению которого писатель отдает все силы своего незаурядного таланта. Однако это антифашистское произведение не того типа, что явлен, например, в романе Эммануэля Роблеса «Однажды весной в Италии» — картине непосредственной борьбы с социальной чумой. А Стайрону и его автобиографическому герою, молодому писателю Стинго, важно понять истоки разрушительного влияния идеологии и реальной практики фашизма на личность. В судьбе Зофьи Завистовской, бывшей узницы Освенцима, обнажена трагическая диалектика жертвенности-соучастия.

Роман посвящен прошлому, но это вовсе не историческое сочинение. Ведь Стинго потому столь мучительно стремится раскрыть «тайну Софи», что ощущает ее кровную причастность собственной судьбе писателя, озабоченного н ы н е ш н и м и болями людей. Так прошлое утрачивает метафизическую неподвижность, так и настоящее перестает быть самодовлеющей величиной. Формально роман разворачивается на трех хронологических уровнях: 1943 год, когда Софи была заключена в лагерь смерти; 1947 год, когда ее, чудом выжившую, встречает в Нью-Йорке Стинго; и нынешний день, с высоты которого оценивается минувшее. Однако на деле автор только к тому и стремится, чтобы создать е д и н ы й план времени, связать разные его отрезки невидимыми, но прочными нитями.

А. Мулярчик. Говоря об обращении Стайрона к Освенциму, я вспоминаю слова одного многое пережившего человека, который заметил, что лучшей памятью о погибших должно быть молчание. Это высказывание, разумеется, не нужно понимать буквально; оно обращено против поверхностного, а то и недобросовестного подхода к теме массового истребления людей в XX веке — теме, требующей для своего запечатления красок Дантова «Ада».

Об Освенциме и других лагерях смерти написано очень много. Имеются переводы на русский язык книг Тадеуша Голуя, Робера Мерля, других европейских прозаиков. Сам Стайрон ссылался на груду поднятых им материалов. Однако никакие материалы — особенно если речь идет о современности — не в состоянии заменить непосредственного ощущения или хотя бы сопереживания. В противном случае почти неизбежен привкус вторичности — не произошло ли это у Стайрона?

Хочу оговориться: Стайрон — серьезный, пытливый и талантливый художник, и когда он пишет о том, что знает из первых рук, что заложено в его генетическом коде американца и уроженца штата Вирджиния, к нему, как правило, приходит успех. И вместе с тем наивность Стайрона-писателя в некоторых вопросах порой удивляет: взять хотя бы настойчиво проводимую им в романе параллель между Польшей и старым американским Югом — по меньшей мере натянутая аналогия.

Н. Анастасьев. С теми претензиями, что вы предъявляете роману Стайрона, мне согласиться трудно. Но это не означает, будто сильная, повторяю, книга вовсе лишена творческих просчетов. Только лежат они, на мой взгляд, в иной плоскости.

Вспомним: «понять Софи» Стинго нужно для того, чтобы «понять Освенцим». Решить эту задачу в полном объеме так и не удалось. Не случайно лишь бледным фоном возникает в книге тема Сопротивления — думается, потому, что герою явно не хватает высоты сознания, чтобы уловить в частной судьбе историческую закономерность. И в финале постаревший, умудренный прожитыми годами и написанными книгами Стинго сам устало признает: «Никому не дано понять Освенцим».

Думаю, с подобного рода творческой проблемой сталкивается сегодня не один Стайрон, но и многие другие романисты, пишущие (несколько перефразируя выражение Гёте) в манере «субъективной эпопеи», где основная нагрузка ложится на личность героя, чьими глазами явлен объективный мир. С особенной силой теперь ощущается, что для создания субъективной эпопеи нужен соответствующий уровень субъективного сознания...

А. Мулярчик. Мне бы хотелось в этой связи упомянуть о примечательной тенденции, открывающейся в литературе США, да и не только в ней, на рубеже 70—80-х годов. Суть этой тенденции я бы предварительно сформулировал как шаг к г л о б а л и з а ц и и п и с а т е л ь с к о г о м ы ш л е н и я, к выходу за пределы национального опыта, к вдумчивому осмыслению судеб человечества, вступающего в чрезвычайно ответственный период истории. Этот серьезный и во многом новый подход не следует, с другой стороны, смешивать с давно и широко практикуемым на Западе жанром «боевиков на международную тему», принадлежащих по большей части к категории «легкого чтения». В качестве примера книг такого рода сошлюсь хотя бы на печатавшегося в журнале «Сицилийского специалиста» Нормана Льюиса.

Очень многое в этом объемистом романе в той или иной мере напоминает уже читанное—частично у Грэма Грина, автора «Тихого американца», «Комедиантов» и «Нашего человека в Гаване», частично — в книгах об американо-итальянской мафии. Сказанное в меньшей степени относится к сценам сицилийской жизни. Крестьянские дворы, пустынные поля, «лунные пейзажи» в горной части острова, ритуал похорон — все это, чувствуется, списано с натуры и по сравнению, например, с несколько бутафорской Америкой производит впечатление аутентичности.

Но в центре внимания писателя — именно Америка второй половины 50-х — начала 60-х годов, сюжет романа привязан к конкретным моментам ее внутренней и внешней политики. Не стоит, однако, искать в книге признаки подлинного историзма — его место заняла у Льюиса установка на известного рода развлекательность. Главная же уязвимая черта романа Льюиса видится мне в вольной или невольной героизации образа Брэдли, высокопоставленного чина ЦРУ, единственного из персонажей книги, наделенного ясным сознанием своей исторической миссии.

На протяжении двадцатилетия, составляющего хронологические рамки романа, Брэдли стремится «служить своей стране и лучшей части человечества»; это человек, который «убежден, что тяжелая рука судьбы лежит на его плече и направляет его». Кто же противостоит ему в романе? Номинально центральный персонаж Марко, слепо преданный патриархальной сицилийской иерархии? Или жена последнего, Тереза, сбитая с толку феминистскими теориями (о которых, кстати, в Америке 50-х годов еще толком не слышали)? Или то и дело возникающие на периферии рассказа группы вооруженных инсургентов, общей особенностью которых, согласно автору, является «полное отсутствие стратегии»?

Кажется, впрочем, политическая философия — не главное в этом романе Льюиса. Можно было бы упрекнуть его в некотором «переборе» описаний брутальности, насилия, хотя, с другой стороны, пожалуй, именно таковы «будни» мафии.

Случаи публикации книг, где логика чисто условна, а подмостки подчеркнуто театральны, нередки ныне в практике не только патентованных творцов «массовой беллетристики», но и писателей с вполне благопристойной репутацией. Не могу не упомянуть в этом ряду имени Ирвина Шоу, который в своих последних романах «Ночной портье» и пока у нас не переведенных «Вершине холма» и «Пустить хлеб по водам», эксплуатирует многократно использовавшиеся сюжетные ходы и идейно-психологические стереотипы.

Н. Анастасьев. Действительно, Шоу усилиями издателей становится, явно не по росту, едва ли не самым популярным у нас американским писателем. Начинал он хорошо и обещающе — романом «Молодые львы», с его искренним и о р г а н и ч н ы м протестом против милитаризма, против нравов американской военщины. Но затем пошли сочинения, которые у меня лично вызывают чувство разочарования и даже раздражения, хотя техническое мастерство беллетриста от книги к книге неуклонно возрастает. Не переменил моего отношения к этому автору и роман «Богач, бедняк...», опубликованный в четырех журнальных книжках прошлого года.

Здесь многое взято из действительности: тяжкое положение трудовой семьи иммигрантов, разного рода финансовые аферы, театральная богема Нью-Йорка, жестокие нравы профессионального спорта, даже студенческие волнения краем задеты. Словом, старый добрый социальный роман, автор которого претендует на бальзаковскую роль «секретаря общества».

Но на деле роман, хоть и не явно, возрождает, на мой взгляд, классические мифы американского образа жизни: прилежание, сметка, предприимчивость да толика удачи способны вывести человека на верхушку социальной пирамиды, сколь бы трудно ни складывались обстоятельства. Именно так описан жизненный путь одного из главных персонажей, Рудольфа Джордаха: разносчик булочек становится преуспевающим бизнесменом, мэром, попечителем университета, владельцем газеты и прочая. При этом никакого мошенничества, все добывается честным трудом.

Я вовсе не хочу сказать, что перед нами откровенная реклама американизма, упакованная в оболочку беллетристического сюжета. Для этого Шоу и слишком искушен в своем ремесле, и слишком хорошо знает, что такая апология вряд ли придется по вкусу потребителю. Недаром победительная карьера героя сопровождается срывами, порой тяжелыми: несчастная страсть жены к спиртному, гибель брата, который едва выбрался на верный путь успеха, бунт студентов, обличающих еще вчера любимого мэра и попечителя. Но меня преследует ощущение, что это только видимость конфликтной остроты.

А подлинный драматизм свойствен высокой реалистической литературе, которая, не страшась исследовать и бичевать темные стороны жизни, ищет и то, что издавна называют вечными истинами.

А. Мулярчик. Именно такое стремление к утверждению изначальных основ человеческого существования я обнаружил в романе Бернара Клавеля «Испанец», который хотя и датирован 1959 годом, но полностью созвучен, на мой взгляд, важному направлению духовных поисков на Западе после эпохи «новых левых». В этой книге, рассказывающей, как участник национально-революционной войны в Испании Пабло, перейдя французскую границу, селится на ферме и за несколько лет приводит ее в образцовый порядок, мне видится не апологетика «мелкотоварного хозяйства», а поэтизация крестьянского труда и традиционного сельского лада — практически почти то же самое, что уже почти два десятилетия возвещает и наша «деревенская проза».

Ведь кто только не писал в прошлом о проклятье, которое частная собственность накладывает на ее владельцев, о неимоверной тяжести круглогодичного нерегламентированного труда, о власти земли, не отпускающей от себя тех, кто рожден у нее на груди. В книге Клавеля тоже есть

пот и слезы, но подобно многим своим предшественникам, начиная с Гесиода, французский писатель передает и другое — радость от соприкосновения с природой, ощущение гордости творца полновесных плодов, кормильца всего человечества. В маленьком клочке Франции испанец Пабло, как верно говорит Клавель в авторском послесловии, написанном в наши дни, нашел «новую родину в самом прекрасном, самом благородном и самом забытом смысле этого слова, который часто извращают, выводя на знаменах кровью невинных».

К тому же Пабло вовсе не собственник, а батрак, которого безжалостно обманывают при окончательном расчете. Но ему изначально присущи проявляющиеся, правда, только при благоприятных обстоятельствах повадки настоящего хозяина, почти интуитивно принимающего единственно верное решение. Любопытно, что лишь однажды в романе Клавель отходит от своего «испанца» на известную дистанцию и дает ему общую характеристику. Эта оценка весьма примечательна: «Пабло был человек здравомыслящий. В высшей степени здравомыслящий». Здравый смысл героя не тождествен, впрочем, вульгарной буржуазной оборотистости — иначе Пабло не остался бы ни с чем после продажи фермы, в которую им было вложено пять лет каждодневного труда. «Здравомыслие», о котором пишет Клавель, скорее идейно-философского порядка; оно предполагает и предпочтение реального дела громкой фразе, и опору на упомянутые вами самоочевидные, или «вечные», истины, восходящие если и не к евангельским временам, то хотя бы к веку Просвещения.

Написанный, повторяю, более двадцати лет назад роман Клавеля был составной частью того течения, которое нашими литературоведами в середине 60-х годов иногда называлось «литературой испытания и личной ответственности». Мне представляется, что после значительного перерыва, вызванного наступлением левацкого нигилизма, эта тема вновь выходит на авансцену передовой западной литературы. Убедительнейшие тому свидетельства можно обнаружить в повести Макса Фриша «Человек появляется в эпоху голоцена».

Н. Анастасьев. Как и обычно, писатель создает экспериментальную ситуацию. Только здесь эксперименту придана крайняя форма: человек сталкивается с еще не сотворенным миром. На мой взгляд, ставя героя — среднего швейцарского буржуа — в подобное положение, писатель преследовал две цели. Во-первых, старая тема Фриша — метафорически изобразить предельную степень отчуждения человека. Во-вторых, и это главное,— раскинуть перед ним чистое полотно истории, на которое не нанесены еще никакие литеры, где нет еще следов цивилизации и остается полная возможность свободного строительства: себя и мира. Очевидно, что господин Гайзер этой возможностью не воспользовался, уподобившись песчинке, подхваченной вселенским потоком. Разве что формы доисторических животных (тщательно воспроизведенные в тексте) эволюционировали, превратившись в костяк человеческого тела, а духовной разницы не ощущается. Все действия господина Гайзера носят совершенно механический характер, исчерпываются сиюминутной целесообразностью, мир в его представлении сводится к монотонному перечню предметов и явлений. Вот откуда этот дробный, деловитый, лишенный каких бы то ни было эмоциональных оттенков стиль.

Тут выясняется, что эксперимент Макса Фриша не лишен некоторого лукавства: он поставлен человеком, уже знающим результат: эволюция привела к созданию одномерного человека, воплощенного в безликой фигуре господина Гайзера, о котором, во избежание недоразумений, приходится специально говорить, что он не амфибия.

Это может навести на мысль о космическом отчаянии, о модернистской трактовке истории как мертвого пространства, населенного не людьми, а особями. Но ведь повесть Фриша не бесстрастная констатация ущербности человеческого рода. Это прежде всего, как проницательно написала в послесловии к журнальной публикации Е. Книпович, жестокое свидетельство обвинения в адрес общества, которое, выстраивая свой порядок, исключило из него человека. Но и еще. Эксперимент, предпринятый Фришем, при всей своей условности, имеет и реальный смысл: развенчивая наличное положение дел, писатель оставляет человеку возможность иного, созидательного пути. Даже сам господин Гайзер не вполне исчерпывается своей столь явно бросающейся в глаза безликостью — нечто человеческое, сохранившаяся способность к сопротивлению заведенному порядку вещей угадывается в нем. Недаром Фриш в пространном интервью по поводу «Голоцена» даже выказал своему герою некую симпатию. При этом он, однако, решительно пресек всякие попытки уравнять его с собою, автором. Явно иронизируя над своим назойливым интервьюером, писатель говорил о некоем реально существующем прототипе Гайзера, который, подобно литературному персонажу, любил читать энциклопедии и справочники, правда, не обклеивал вырезками из них стены, а карябал цитаты на крышках консервных банок.

Гуманизм Макса Фриша — суровый гуманизм. Но, прямо скажу, он мне ближе, нежели то, что я назвал бы известным бодрячеством концовок некоторых книг, о которых у нас уже шла речь.

А. Мулярчик. Я целиком согласен с толкованием книги Фриша как гуманистического произведения, но именно поэтому для меня господин Гайзер не безлик и не одномерен. Он в самом деле скорее среднестатистичен, что ли, и среди его «средних» качеств есть место и любознательности, и упорству, и даже дерзновенному порыву, попытке выйти за пределы той ситуации, в которую заключают его обстоятельства.

Спору нет, герой повести, которому, напомню, уже стукнуло 74 года,— фигура

далеко не героического склада. Но уже само звание человека, принадлежность к виду homo sapiens и homo erectus обязывает, по мысли Фриша, даже вполне заурядного представителя человечества к проявлению в определенные мгновения высших качеств своей натуры.

И такие случаи были в жизни героя повести. Во-первых, в молодые годы, при восхождении на Маттерхорн, когда от него потребовалось все умение и вся сила воли, чтобы не свалиться в пропасть (этому эпизоду посвящены наиболее значительные связные фрагменты текста). И вновь — пятьдесят лет спустя, на глазах у читателя, когда какая-то внутренняя сила подняла господина Гайзера с места и заставила посреди ночи отправиться в путь через горы, в Италию, хотя бы это и выглядело, как он сам признается, «чистым безумием».

Психика одинокого старика не была, по-видимому, в полном порядке к моменту нашего с ним знакомства. Но допекающая его и упомянутая вами мысль о том, есть ли разница между ним и амфибиями, то есть, грубо говоря, близкими родственниками тех самых ящеров, которым в книге отведено так много словесного пространства и изобразительного материала,— не просто навязчивая идея. Да, такая разница есть, утверждает всем складом своего произведения швейцарский писатель. Человек не ровесник ящерам; он появился в эпоху голоцена на смену безмозглым гигантам, которые «вымерли прежде, чем человек их увидел», появился, чтобы осуществить то, в чем у него не было и нет соперников в органическом мире. И краткая справка из словаря Брокгауза, более чем уместно введенная Фришем в текст произведения, напоминает читателю об «особом положении» человека, о том, что «он способен к созданию и изменению любых природных условий благодаря своему уму, своим действиям и своему труду», о том, что только у человека «есть будущее».

Несколько выше я сделал предположение относительно наметившегося ныне в различных литературах мира сдвига к особому акценту на многомерности человеческого опыта, на глобализации художественного видения. В случае с повестью Фриша эта тенденция предстает весьма броско и оттого особенно впечатляюще — напоминаниями о геологических эрах, об эволюции видов, о долгом пути, который прошла земля, прежде чем позволить себе произвести на свет такое хрупкое и высокоорганизованное создание, как человек. И при этом лаконизм формы показался мне вполне адекватным глубокому содержанию.

Н. Анастасьев. Как видно, мы в чем-то по-разному прочитали повесть «Человек появляется в эпоху голоцена». Что ж, это вполне естественно. Так что зафиксируем наши разногласия в этом пункте и вернемся к тому, в чем, кажется, едины.

А именно: реалистическая литература, не удовлетворяясь критикой общественных институтов, нравственных норм позднекапиталистической цивилизации, обдумывает пути или хотя бы возможности выхода из тупика. Подтверждения тому можно обнаружить в опыте различных национальных литератур, представленных разными именами на страницах журнала. Вот еще одно имя — Джон Фаулз, чья повесть «Башня из черного дерева», наверное, привлекла читательское внимание. Ее герой, молодой, но уже завоевавший прочную репутацию искусствовед, отправляется к знаменитому живописцу с заданием одного журнала — написать творческий портрет старого мастера. Казалось бы, рутинное дело, но служебная, что называется, командировка неожиданно оборачивается глубоким внутренним перерождением героя. Наверное, впервые в жизни ему случилось испытать свои эзотерические взгляды на искусство живой действительностью — и привычные, такие надежные, казалось бы, представления рухнули, не выдержав этого контакта. Искусство видится теперь не системой определенным образом расположенных знаков, красок, светотени, но живой и энергической силой, способной возвысить человеческую личность.

А. Мулярчик. О том, что в основе повести Фаулза лежит контраст между двумя типами отношения к искусству и к жизни, уже писала в своем послесловии Е. Гениева. На ту же тему высказался и сам прозаик в заключающем книгу пространном комментарии, и эта «мораль под занавес» несколько нарушает, на мой взгляд, художественные пропорции произведения. Фаулз не без основания затушевывает конкретное содержание работ Генри Бресли («великие, в буквальном и переносном смысле, полотна с их доминирующими зелеными и синими тонами...»), ибо для читателя в конечном счете важнее не что и как рисует Бресли, а склад личности художника, созданный им вокруг себя своеобразный, во многом притягательный микрокосм.

Нетрудно заметить, что оппонент Бресли, критик Дэвид Уильямс, уверенно чувствует себя в спорах об искусстве, но быстро сникает под воздействием атмосферы, свободной от внутреннего самоконтроля и невольного конформизма, в какой только и может развиваться подлинное творчество. Уже в свой первый вечер в усадьбе Котминэ Уильямс ощущает нечто вроде зависти. Уединенность этого мирка, его чуждость столичной размеренной и расписанной жизни, наконец, «легкий налет чего-то порочного» или того, что кажется порочным добропорядочному отцу троих детей, — все способствует острому кризису его представлений. И все же содержание «Башни из черного дерева» не сводится к известному со времен романтиков начала XIX века противопоставлению вольной богемы буржуазному филистерству.

Хотя Уильямс и отступил перед порывом «живой жизни», оказавшись, подобно некоторым чеховским героям, не «на высоте» требований, предъявленных к нему волевой женской натурой, его образ в целом вполне гармонирует с морально-эстетическим идеалом, которым руководствуется в своей книге английский писатель. В пользу Уиль-

ямса говорят такие его качества, как непредубежденность, любознательность, терпимость, все вместе складывающиеся в уже знакомую нам по другим произведениям современных западных писателей концепцию здравомыслия. Само по себе это понятие, лишенное уничижительных кавычек, отнюдь не является атрибутом буржуазности. Воспреемниками традиции здравомыслия были Ренессанс и Просвещение; суть же ее — в установлении должного равновесия между антидогматизмом и принципиальностью, непредвзятостью и ответственностью. Не будь здравого смысла и соответствующих форм социального поведения, не было бы, по-видимому, и питательной почвы для всплесков человеческого духа, для искусства и творчества, составляющих главный предмет размышлений в глубокой, нужной нашему читателю повести Фаулза.

Н. Анастасьев. Наверное, пора подводить итоги. Литература не укладывается в удобные критические формулы, и все же, думается, некоторые общие черты, роднящие ныне самых разных писателей-реалистов, выделить можно. Это пафос социального критицизма. Это стремление взглянуть на нынешний день при свете истории. Это, наконец, поиск положительных нравственных ценностей. Конечно, не надо романтизировать реальное развитие литературы. Мы видели, сколь искусственные формы принимает порой благородное стремление изобразить упорную борьбу человека за свои неотчуждаемые права. Между прочим, и у Фаулза та самая подлинная жизнь, о которую разбиваются схематические представления героя, тоже отмечена изрядным налетом условности. Впрочем, автор и сам не скрывает несколько иронического отношения к робинзонаде старого художника, ушедшего от мирской суеты и поселившегося в уединенной усадьбе, где человеку предначертано слиться с утрачиваемой природой.

В итоге стоит подчеркнуть: речь идет именно о попытках, нечасто пока дающих полнокровный творческий результат. Но ведь не зря еще Фолкнер говорил, что лучшее в труде художника — неудача. Понятно, не слабости, не просчеты автора оправдывал замечательный писатель. Имелись и имеются в виду непрестанные поиски, без которых невозможно подлинное движение искусства.

◆

Советская литература за рубежом

БОЛГАРИЯ

Рассказы ЮРИЯ БОНДАРЕВА «Мгновения». Издательство «Профиздат».

Пьеса «Двенадцать месяцев» САМУИЛА МАРШАКА. Издательство «Български художник».

Роман-хроника МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН «Четыре урока у Ленина». Издательство «Партиздат».

ВЕНГРИЯ

Сборник стихов ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО «Послушайте!». Издательство «Кошут».

«Сентиментальный роман» ВЕРЫ ПАНОВОЙ. Издательство «Европа».

«Повесть о настоящем человеке» БОРИСА ПОЛЕВОГО. Издательство «Мора».

Повести и рассказы АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО. Издательство «Европа».

ГДР

Сборник эссе САВВЫ ДАНГУЛОВА «Пятнадцать дорог на Эгль». Издательство «Ферлаг дер национ».

Повесть ВЛАДИМИРА ТЕНДРЯКОВА «Расплата». Издательство «Фольк унд вельт».

Роман ЮРИЯ ТРИФОНОВА «Старик». То же издательство.

Стихи МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ. То же издательство.

Роман АЛЕКСАНДРА ЧАКОВСКОГО «Победа» (книга первая). То же издательство.

НИДЕРЛАНДЫ

Повесть ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА «Прощай, Гульсары!». Издательство «Пегасус».

Рассказы МИХАИЛА ЗОЩЕНКО. Издательство «Мёленхоф».

Фантастическая повесть АРКАДИЯ и БОРИСА СТРУГАЦКИХ «Пикник на обочине». Издательство «Бруна».

ПОЛЬША

Сборник произведений АЛЕКСАНДРА БОРЩАГОВСКОГО под общим названием «Три тополя». Издательство «Чительник».

Сборник АЛЕКСАНДРА ВАМПИЛОВА «Двадцать минут с ангелом» и другие произведения. Издательство «Выдавнитство литерацке».

Рассказ для детей АРКАДИЯ ГАЙДАРА «Чук и Гек». Издательство «МАВ».

А. ЛЮКСЕМБУРГ

КОНФОРМИСТЫ И БУНТАРИ В САДАХ АКАДЕМИИ

О некоторых явлениях в англо-американской «университетской прозе»

Влияние НТР на развитие литературного процесса на Западе, в частности, сказалось в явном оживлении интереса писателей к проблемам высшего образования и жизни университетов. В литературе возникла новая ветвь — то, что называют сегодня университетской прозой.

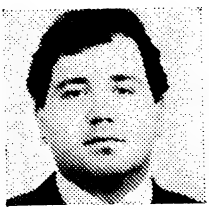
Современный университет — это разветвленная и сложная иерархия. На смену Оксбриджу [1] пришли «краснокирпичные» университеты, а затем «университеты из стекла и бетона», рассчитанные на обучение многих сотен тысяч студентов; появилась целая армия преподавателей.

Как известно, всякая организация отражает характер того общества, в котором она существует и целям которого служит. Поэтому, трактуя проблемы научной и преподавательской этики, принципы академической свободы, обращаясь к вопросам политической и фракционной борьбы, карьеризма, вскрывая пороки учебного процесса, псевдонаучность ряда изысканий,— английские и американские писатели, авторы произведений об университетах наших дней, приходят к весьма широким обобщениям. Причем университет они рассматривают не только как «предприятие для массового производства» дипломированных специалистов, но и как микромодель окружающего общества с его большими проблемами и политическими страстями. Конечно, как и прежде, выходят порою в свет образцы университетского «романа воспитания», утвердившегося еще в XIX веке,— теперь, однако, под влиянием молодежного движения, окрашенные в несколько иные тона. В наши дни внимание автора в основном сосредоточено не на тех, кто учится, а на тех, кто учит. Ведь именно они — постоянные обитатели университетских городков-кампусов. К тому же многие современные писатели сами читают лекционные курсы в тех или иных учебных заведениях, да и профессиональных ученых среди них немало.

Десятки романов психологического характера рисуют сложные нравственные конфликты в академической среде. Например, преподаватель, получивший предложение занять важный административный пост в университетской иерархии, не знает, имел ли он право пренебречь своими исследованиями. Или глава кафедры, возмущенный падением академических стандартов, восстает против заведенного порядка вещей ради спасения престижа всей системы образования. Не перечесть университетских романов, изображающих перипетии борьбы за власть в ученой среде. Да и авторов детективов привлекают возможности университетской прозы. Как полагает американский исследователь М. Р. Проктор, «соседство убийства с большой ученостью вполне естественно, ибо вымышленный колледж без труда можно населить неуравновешенными личностями, способными на серьезные преступления» [1].

[1] Разговорное наименование Оксфордского и Кембриджского университетов. (*Здесь и далее прим. автора статьи.*)

[1] M. R. Proctor. The English University Novel. Berkley and Los Angeles, 1957, p. 117.



ЛЮКСЕМБУРГ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (род. в 1951 г.).

Советский литературовед, кандидат филологических наук. Автор книги «Творческий путь Ч. П. Сноу» (1979) и ряда статей об английской и американской литературе XIX—XX вв.

Университетскую среду в Англии и США часто называют Садами Академии (The Groves of Academe) в память о роще, где Платон беседовал со своими учениками. Сама этимология этого выражения настраивает на возвышенный и серьезный лад. Однако повествуют писатели об академической среде наших дней чаще всего в манере сатирической или полемической, фарсовой, гротескной. Профессор Генри Мулкэхи, персонаж остроумного романа Мэри Маккарти, так и озаглавленного — «Сады Академии» (1952), стал, пожалуй, родоначальником всех конформистов и псевдобунтарей, которые в изобилии встречаются на страницах университетских романов 60—70-х годов.

Вряд ли кто-нибудь в наши дни на Западе серьезно разделяет веру религиозного философа и писателя XIX века Д. Г. Ньюмена в Genius loci — в благотворность влияния самого духа, присущего университету. Стремительное разрастание системы высшего образования в таких развитых капиталистических странах, как Англия и США, сопровождается многими уродливыми явлениями. Повсюду идет острая конкурентная борьба университетов за денежные субсидии, за увеличение числа студентов, за привлечение влиятельных покровителей и пользующихся престижем профессоров, за создание «сверхновых» и «оригинальных» кафедр, лабораторий, научно-исследовательских центров. Как пишет Айзек Азимов в романе «Дуновение смерти» (1968), «научная работа превратилась в игру. Ученая степень стала увлекательным призом за год-другой отсидки в лаборатории, а профессора проводят время в кабинетах, сочиняя прошения о субсидиях...» [1].

Внешнего процветания стремятся добиться любыми средствами, порой курьезными. Так в романе Малькольма Брэдбери «Шаг на Запад» (1965) ректор университета своей главной задачей считает обеспечение студентов хорошей автомобильной стоянкой, а глава кафедры английской литературы рекомендует им почаще заходить в научную библиотеку — там имеется мощный кондиционер.

В романе известного американского ученого и реформатора высшего образования С. Барра «Чисто академические проблемы» (1958) студенты выбирают лекционный курс потому, что их устраивает время занятий, или потому, что тут легко получить зачет, нисколько не интересуясь изучаемым предметом. У американского писателя А. Р. Гёрни «Развлекать незнакомцев» (1977) проходимец и невежда делает головокружительную академическую карьеру благодаря располагающей внешности, полнейшей беспринципности и... чрезвычайно красивому почерку.

Два типа героя чаще всего встречаются на страницах этих произведений: конформист, ловко извлекающий выгоду из сложившейся в науке ситуации, и бунтарь местного масштаба, возмущенный коррупцией и бесчестностью, бросающий вызов власть имущим. Правда, иногда и конформисты выступают в масках бунтарей, используя модные лозунги и теории «новых левых».

Важной проблемой для автора является выбор героя, которого обстоятельства заставляют осознать пороки высшего образования в стране и толкают на борьбу с косностью и догматизмом. Нередко им становится профессор средних лет, уставший от академической рутины, от необходимости притворяться, скрывать свои подлинные мысли и чувства. Но чаще в роли бунтаря оказывается молодой преподаватель, выступающий в качестве глашатая новых веяний. С героем такого типа, Сеймуром Левиным, мы знакомимся в романе американского писателя Бернарда Маламуда «Новая жизнь» (1961).

Человек сложной судьбы, Левин — носитель идей, которые высказывал Ч. П. Сноу в известной работе «Две культуры» — о необходимости ликвидировать разрыв между естественным и гуманитарным образованием. (Действие романа отнесено к 1950 году, но написан он был в 1961-м, то есть через два года после опубликования лекции Ч. П. Сноу, в самый разгар дискуссии на эту тему.) Попав в захолустный университет американского Северо-Запада, Левин пылко, с верой в благородство своей миссии отдается борьбе за реформы: он пытается добиться введения обязательного курса классики мировой литературы, организовать семинары для преподавателей несмежных дисциплин — технических, естественных, гуманитарных — для обмена знаниями. Но косная среда типичного американского провинциального университета со свойственным ему узким практицизмом оказывает всему этому упорное сопротивление. Глава кафедры английской литературы стремится окружить себя серыми, посредственными сотрудниками, на фоне которых он мог бы блистать, не опасаясь конкуренции. Занятия здесь сводятся к заучиванию написанного им в дни молодости компилятивного учебника.

Потерпевшему неудачу Левину остается лишь покинуть это учебное заведение. Но он не сломлен, он даже окреп духом, и симпатии автора бесспорно на его стороне.

Рисуя бунт в Садах Академии, авторы университетских романов нередко ставят своего героя в положение, когда он, поняв невозможность в одиночку повернуть громоздкую академическую машину, примиряется с существующим порядком либо же, разочаровавшись, вообще оставляет преподавание. Часто на страницах романов появляются герои, рассматривающие университет как некий заповедник, своеобразный райский уголок, где будто бы не сказываются общие закономерности буржуазного общества. И сколь часто становится очевидной вся иллюзорность их представлений.

В романах Элисон Лури, американской писательницы, преподающей английскую литературу в Корнеллском университете,— в частности, в «Любви и дружбе» (1962) и «Войне между Тейтами» (1974) — действие происходит в университетских городках.

Типичный заштатный американский колледж в восприятии Лури — «пруд, точнее,

[1] А. Азимов. Дуновение смерти. «Аврора», 1971, № 2, с. 52.

А. ЛЮКСЕМБУРГ

КОНФОРМИСТЫ И БУНТАРИ В САДАХ АКАДЕМИИ

трясина». Иногда по его поверхности пробегает зыбь, зеркало воды покрывается складками, морщинками. Набежав на берег, слабые волны движутся в обратном направлении. И так без конца. Эта развернутая метафора не случайна. Сплетни, интриги, мелочные интересы, духовное убожество — вот что такое этот колледж. И герой романа «Любовь и дружба» Холмен Тёрнер — достойный его обитатель. Сюда он мечтал попасть, здесь пустил корни и отсюда по доброй воле не уйдет. Академическую карьеру Тёрнер рассматривает как средство спастись от сложной и не всегда благоприятной для него действительности. Именно поэтому он, по иронической замечанию автора, «обдуманно карабкался все выше и выше в светлое царство интеллекта».

С едкой иронией описывает Э. Лури «гуманитарный курс С» — гордость колледжа. Навеянный неопозитивистскими доктринами, он призван внушить учащимся идеи о непознаваемости истины и относительности всех понятий. В центре «учебного процесса» — бесконечно переписываемое студентом сочинение на довольно нелепую тему, в котором должно объяснить абстрактные понятия, встречающиеся в штудируемом тексте. Именуется это мероприятие — «Практикум по семантике, основанный на позитивных и оперативных принципах».

Отношение преподавателя к студенческому движению протеста — тема, привнесенная в университетскую прозу самой жизнью. Как известно, на стыке 60—70-х годов по университетским кампусам в Англии и США прокатились мощные волнения, явившись отражением борьбы молодежи за реформы в области образования, за демократизацию университета. Но неорганизованность молодых бунтарей и пестрота их воззрений привели к тому, что справедливый протест оказался опошленным, вместе с тем множество проходимцев с помощью показного «нонконформизма» вынырнуло на поверхность.

В «Войне между Тейтами» выведен метко схваченный писательницей социальный тип преподавателя-конъюнктурщика, ловко эксплуатирующего в своих целях лозунги движения «новых левых» и шаблоны «сексуальной революции». Брайан Тейт и близкий к нему Хауард Керк, главный персонаж романа «Историческая личность» Малькольма Брэдбери (1975), и десятки сходных антигероев университетской прозы 70-х годов при всей их кажущейся шаржированности взяты из жизни. Они вовсе не обязательно преуспевают: Брайану Тейту, например, так и не удается стать «великим человеком», каким он всегда мечтал себя видеть. Вместо этого он волею обстоятельств оказывается комическим персонажем скандальной хроники. Напротив, профессор Керк у Брэдбери неимоверно удачлив — «близость к массам» приносит ему колоссальные дивиденды. Но при всех внешних отличиях в частных судьбах одно очевидно: в периоды общественного разлома полярные по существу явления порой становятся в чем-то близкими. И потому конформист, рядящийся в революционные одежды, — знамение времени.

В романах М. Брэдбери «Кушать людей нехорошо» (1959), «Шаг на Запад», «Историческая личность» можно обнаружить и бунтарей, и конформистов. Без этих книг трудно представить себе развитие англо-американского университетского романа, особенно после опубликования «Исторической личности» — по оценкам критики, в том числе и советской, одного из самых талантливых сатирических произведений английской прозы послевоенного периода [1]. Инфляция высшего образования в современной Англии раскрывается в этом романе с особой резкостью и остротой.

Брэдбери не верит в возможность улучшить дело при помощи модного экспериментирования, он отвергает идею отказа от лекционной системы и замены ее семинарами. Подобно М. Белоффу, автору монографии «Университеты из стекла и бетона» (1968), и биологу Б. Кларку он убежден, что «нет смысла обсуждать, сколько лепестков у лютика», — это следует просто выучить. В буйной стихии гротеска выявляется вся бессмысленность так называемого обмена идеями, о котором много говорится в романе. В Уотермауте (вымышленном университете, где происходит действие) занятия превратились в своеобразные хэппенинги, «моменты общего взаимодействия». Познания студентов оттеснены на задний план, ибо все здесь сосредоточено на проблемах методики и психологии обучения. Профессор Керк успешно спекулирует модой на социологические исследования. Он вносит также свой вклад в «методику», разрабатывая искусство рассаживания студентов — на его семинаре они располагаются по кругу, в центре которого сидит он сам.

Даже консервативный, по всеобщему мнению, Оксбридж с его показной традиционностью, полагает М. Брэдбери, предпочтительнее новых университетов, где внешняя ультрасовременность позволяет проходимцам от науки занимать высокие посты и приобретать академический престиж, скрывая за претензиями на оригинальность отсутствие педагогических данных. Дар обобщения позволяет автору, затронув какое-либо явление, классифицировать и анализировать его разновидности, не превращая в то же время остроумное повествование в педагогический трактат. Он с юмором рассказывает об уотермаутских новациях, о занятиях, где преподаватели исповедуются, а студенты молчат, где иногда исповедуются студенты, а порой царит общее молчание... Желание любой ценой избежать того, что привычно, ведет к профанации, к подмене учебного процесса имитациями экспериментов, к вырождению университета.

Название романа Брэдбери — «Историческая личность» — содержит в себе очевидный намек на вторую, не менее существенную проблему романа. И действительно, Хауард Керк — человек «исторический», потому что он — знамение времени, типичный представитель английской университетской среды новейшей формации; потому что стержнем его деятельности становится стремление своей «радикальностью» перещеголять прочих радикалов.

[1] См., например, Е. Г е н и е в а. Берега Малькольма Брэдбери. «ИЛ». 1980. № 1; В. И в а ш е в а. Что сохраняет время. Литература Великобритании 1945—1977. М., «Советский писатель», 1979, с. 111, 118.

Люди, кичащиеся своими левыми, «новыми левыми», суперлевыми взглядами, демонстративно выступающие чуть ли не против всего на свете, цитирующие по любому поводу Маркса, Фрейда, Бертрана Рассела и модных социологов, по сути не идут в «борьбе за свободу» дальше «свободы» сексуальной. Даже собственные интимные отношения супруги Керк строят на современной, «раскрепощенной» основе. Каждый делает все что хочет, вступает в связи, сообразуясь лишь с требованиями своего темперамента.

Супруги Керк, апостолы новой морали, живут «не как все». Разве могут они унизиться до каких-то буржуазных коттеджей или ординарных обывательских квартир? Конечно нет! И Керки поселяются в доме, предназначенном на снос, с разбитыми окнами, заваленном хламом, загаженном экскрементами. Пощечина обществу? Однако они не только наводят в доме относительный порядок, но даже извлекают определенную выгоду: их обиталище становится чем-то вроде музея для социологов, а городской муниципалитет так и не сносит его — дом достается Керкам совершенно бесплатно.

Сарказм Брэдбери обрушивается на «революционное» амплуа, которое избрали для себя некоторые представители академических кругов, стремящиеся не отставать от моды. Хауард Керк основательно вжился в роль. Его поза «активиста» предполагает, что он должен конфликтовать с администрацией. Он читает спецкурс о революциях и между делом пописывает книжонки с «сексуально-революционным» содержанием — разумеется, коммерчески рентабельные, ибо они отвечают «требованиям момента».

Метко схваченный социальный тип, Хауард Керк обрел в последующих образцах университетской прозы немало весьма сходных с ним собратьев. Таков, например, социолог Уолден Йепп, именующий себя профессором «народной историографии», в романе известного английского сатирика Тома Шарпа «Грехи предков» (1980).

Есть в «Исторической личности» много такого, что явно пришло в литературу из кино. В нашей критике уже отмечалась эта особенность. Но, пожалуй, еще более ощутима «кинематографичность» романа «Обмен местами» другого английского писателя, Дэвида Лоджа, вышедшего одновременно с романом Брэдбери.

В этой книге, носящей подзаголовок «Повествование о двух кампусах», профессор-литературовед и романист Дэвид Лодж создал яркий и по-своему страшный фарс. Через роман проходят две сюжетные линии, постоянно пересекаясь, и окончательно состыковываясь лишь в самом конце. Одна из них связана с преподавателем Филипом Своллоу из вымышленного английского университета Раммидж [1], другая — с профессором Морисом Зэппом из университета в несуществующем американском штате Эйфория. Уже сами эти фантастические наименования настраивают на определенный лад: американская «эйфория» противопоставлена убогому британскому «хламу».

Название романа относится к своеобразному эксперименту, как бы поставленному автором: что случится, если двух произвольно взятых преподавателей, работающих в сфере высшего образования, но по разные стороны океана, поменять местами?

И вот в один из дней два профессора английской литературы, сидя в креслах совершенно одинаковых авиалайнеров «Боинг 707», приближаются друг к другу со скоростью 1200 миль в час. Уже с первых строк повествованию задан фарсовый тон. Соглашение между процветающим учебным заведением на тихоокеанском побережье США и едва сводящим концы с концами «краснокирпичным» университетом в английском захолустье было заключено в связи с комическим совпадением. Авторы проектов в поисках оригинальности установили на территории обоих кампусов копии знаменитой Пизанской башни (в масштабе оригинала — из кирпича в Раммидже, из белого камня и вдвое увеличенную — в Эйфории).

Среди наиболее остроумных и запоминающихся эпизодов романа — игра в «унижение», придуманная Филипом Своллоу. Каждый участник ее называет книгу, которую он не читал, но, как полагает, читали присутствующие, и получает столько очков, сколько наберется людей, ее читавших. Это внешне невинное развлечение ведет к грандиозному скандалу. Вскрывается чудовищное невежество литературоведов-профессионалов. Выясняется, что глава кафедры английской литературы в руках не держал «Возвращенный рай» Мильтона, другой преподаватель — «Песнь о Гайавате», а молодой и самоуверенный лектор Рингбаум, желая набрать максимум очков, сознается в том, что знаком с шекспировским «Гамлетом» только по фильму с участием Лоуренса Оливье. Признание было столь ошеломляющим, что университетская администрация оказалась вынужденной отказать Рингбауму в постоянной должности.

Англо-американская университетская проза богата разнообразными, злыми шаржами на профессуру, занимающую ответственные административные посты. Но созданный Д. Лоджем образ Гордона Мастерса, главы кафедры английской литературы в Раммидже, пожалуй, не имеет равных. Речь его представляется слушателям бессмысленным мычанием. Он не написал ни единого научного труда, кафедру же получил главным образом потому, что прежнее начальство университета питало пристрастие к охоте и рыбной ловле, а в этих занятиях Мастерсу удалось отличиться.

Студенческие волнения и демонстрации зимой 1969 года в привыкшем к ним университете штата Эйфория и в застигнутом врасплох Раммидже составляют фон, на котором разворачиваются основные события романа. Д. Лодж смотрит на эти события с иронической усмешкой. Отчего бы не бастовать студентам, если университеты фак-

[1] Его название происходит от слегка измененного английского слова rummage» — «хлам».

тически выродились, и сами преподаватели используют любые предлоги, чтобы не проводить занятия. Воплощением кризиса университетской науки служит у автора корпус гуманитарных факультетов Гексагон — шестиугольное здание из массивных бетонных конструкций, кажущееся несокрушимым, но в действительности готовое вот-вот развалиться. Поэтому и издается распоряжение о максимальном весе книг, которые преподаватели могут держать в кабинетах, и наиболее совестливые из них взвешивают книгу за книгой на кухонных весах. Наглухо закрыты окна на одной стороне здания — а вдруг слишком много людей высунутся из них одновременно? Даже облицовка — замечательная керамическая плитка, рассчитанная на 500 лет, осыпается, угрожая жизни прохожих.

Автор демонстрирует большую изобретательность в области формы. Так, одна из частей книги («Переписка») выдержана в жанре эпистолярной прозы, другая («Чтение») состоит из умело подобранных сообщений университетской прессы, а последняя, шестая часть, стилизована под киносценарий. Роману придана замкнутая, кольцевая композиция. В конце его, как и в начале, два самолета-близнеца встречаются в воздухе, едва избежав столкновения, на этот раз уже над Нью-Йорком, аэродромом, куда Зэпп прилетает с женой Своллоу, а Своллоу — с женой Зэппа. Много воды утекло, но по существу ничто не изменилось, только профессора поменялись местами и женами. Автор фактически ничем не кончает свою фарсовую хронику, и персонажи романа, перенесясь через океан, продолжают кружение все в том же «шутовском хороводе» мелких и низменных страстей эры «сексуальной революции».

«Обмен местами» — книга острокомическая. Однако вредит ей (как и роману Брэдбери «Историческая личность») то, что, обнажая до предела нравы современного «сексуализированного кампуса», оба писателя злоупотребляют натуралистическими сценами и деталями.

В видении академического мира много общего с Брэдбери и Лоджем у известной американской писательницы Джойс Кэрол Оутс. Автор более двух десятков книг, Оутс сочетает творчество с преподаванием — много лет она работала в Виндзорском университете канадской провинции Онтарио. Этот опыт органически проник в ее прозу и обусловил появление сборника новелл «Голодные призраки» (1974).

Действие многих новелл Дж. К. Оутс («Путь паломника», «Освобождение от рабства», «Описательный каталог», «Рождение трагедии») происходит в небольшом вымышленном университете Хилбери на юге Канады. Как своего рода младший брат Хауарда Керка воспринимается Сол Берд, герой новеллы «Путь паломника». Изображая тот же феномен, что и М. Брэдбери, писательница избирает несколько иной тон. События фиксируются и словно бы бесстрастно описываются, что отнюдь не лишает новеллу авторской точки зрения и не делает фигуру Сола Берда менее страшной.

Этот внешне привлекательный, импозантный человек лет сорока, энергичный, с хорошо поставленным голосом, весьма убедительно претендует на роль правдоискателя. Настолько убедительно, что десятки патлатых и неряшливо одетых студентов просто боготворят его, даже некоторые преподаватели не могут устоять перед его чарами. Деятельность Берда отвечает «левым» стандартам: он постоянно протестует, собирает подписи под петициями, шлет письма в газеты. И мало кто замечает, что за всем этим нет никаких истинных идей, что главное для Берда — быть на виду, привлекать к себе внимание, поддерживать свою скандальную репутацию.

Казалось бы, числясь преподавателем кафедры английской литературы, Берд должен любить книги. Куда там! Радикал-«нонконформист», он презирает печатное слово. Ведь книги, в особенности хорошо изданные, — это порождение истэблишмента! Да и вообще Берд, как и Керк, человек действия — впрочем, такого, какое опять-таки подчеркивает его собственную значительность. Действует он преимущественно чужими руками. Так спокойнее. Он готовит демонстрацию своих сторонников с захватом учебного корпуса, но сам в ней не участвует (этого-де требует тактика!). В интервью по местному телевидению за несколько дней до этих событий он даже опровергает предположение комментатора (опирающееся на им же пущенные слухи), что такая демонстрация возможна. Он подбивает своих сторонников подавать заявления об уходе из университета в знак протеста, но заблаговременно находит другую работу для себя и жены.

Подобно метеору проносится Сол Берд по провинциальному хилберийскому небосклону, оставляя следы разрушений. В состоянии депрессии дорабатывает здесь последние месяцы лишившаяся всех своих идеалов (а заодно вкуса к жизни и к науке) Ванда Барнетт, в психиатрическую лечебницу попадает философ и поэт Эразм Хаббен, на многие годы, если не на всю жизнь травмированы десятки студентов. Впрочем, по мнению Оутс, такие, как Берд, умеют поставить дело саморекламы. Брошенные же им поклонники искренне убеждены в том, что «жертва гонений» может не выдержать и где-нибудь погибнуть.

Наивные представления! Ведь до Хилбери Берд побывал в университетах Нью-Йорка, Калифорнии, Иллинойса, Луизианы, Северной Дакоты и Онтарио — и везде «боролся». Берды адаптируются всегда, при любых обстоятельствах. Очевидно, что при внешней антибуржуазности бунт Берда, как и героев Брэдбери и Лоджа, буржуазен по своей сущности.

Если в «Пути паломника» Оутс срывает покров с современного псевдорадикализма, то в большинстве других новелл сборника объектом критики оказываются более традиционные формы обывательского бытия в Садах Академии.

К числу лучших относится новелла «Angst»[1] о торжествующем конформизме в университетской науке. Само название — экзистенциалистский термин, одно из модных штампованных словечек, давно оторвавшееся от изначального смысла, — подчеркивает отношение автора к описывае-

[1] Страх, ужас (*нем.*). В экзистенциалистской философии — страх перед бытием.

мым явлениям. В новелле известная писательница инкогнито попадает на научную конференцию, где обсуждается ее творчество. Профессора-литературоведы, труженики «критической индустрии», фрейдисты и структуралисты, представители всевозможных модных течений, бесцеремонно извращают и текст и замысел ее произведений с единственной целью — втиснуть их в заранее заданные схемы. Каждый из кожи лезет вон, чтобы блеснуть оригинальностью, выдвинуть «новую» концепцию, нисколько не заботясь об интересах истины и науки. Беспощадно осветила Оутс «ярмарку тщеславия» современных литературных споров.

В романе «Любовь нечестивцев» (1979) Дж. К. Оутс рисует более обобщенную картину высшего учебного заведения. В названии использованы слова Блаженного Августина. Оно призвано подчеркнуть глубочайшую, с точки зрения Оутс, развращенность современных академических кругов, причем не столько в сексуально-физиологическом отношении (об этом, правда, речь идет порою, и даже излишне подробно), сколько в нравственном, интеллектуальном. Престижный Вудслийский колледж, описанный Оутс, на первый взгляд может показаться образцовым храмом науки. Но очень скоро обнаруживается, что здесь главным образом стремятся к довольству и внешнему процветанию. Повествование концентрируется вокруг знаменитого, но исписавшегося английского поэта Альберта Сент-Денниса, заключившего с колледжем годичный контракт. Он, по словам автора, «бесстыдно продался», чтобы «исполнять обязанности обезьяны, танцующего медведя и болтливого попугая» перед падкой до знаменитостей академической публикой.

Сколь бы ни были специфичны ситуации, в которых оказываются конформисты и бунтари в Садах Академии, им в конечном счете приходится задумываться над теми же проблемами, что и другим англичанам и американцам, даже весьма далеким от высшей школы.

В напряженных дискуссиях о судьбах высшего образования, ведущихся на страницах англо-американской прозы, преломляются более широкие проблемы, поставленные современностью перед капиталистическим миром. Конечно же их не разрешить в пределах университетских городков-кампусов. Однако писательские размышления над этими проблемами немало способствуют развенчанию ложных кумиров и разрушению ходячих иллюзий.

◆

Советская литература за рубежом

США

Роман АНАТОЛИЯ РЫБАКОВА «Тяжелый песок». Издательство «Вашингтон пост бук уорлд».

ТУРЦИЯ

Юмористические рассказы МИХАИЛА ЗОЩЕНКО «Нервные люди». Издательство «Варлык яинлары».

Повесть КОНСТАНТИНА СИМОНОВА «Дым отечества». Издательство «Язко яинлары».

Роман МИХАИЛА ШОЛОХОВА «Тихий Дон». То же издательство.

ФРАНЦИЯ

Повествование в рассказах ВИКТОРА АСТАФЬЕВА «Царь-рыба». Издательство «Жюлиар».

Рассказы ВЛАДИМИРА СОЛОУХИНА «Первая командировка и другие рассказы». Издательство «Табль ронд».

Документальный очерк ЮРИЯ ТРИФОНОВА «Отблеск костра». Издательство «Галлимар».

Сборник рассказов ВАСИЛИЯ ШУКШИНА «Беседы при ясной луне». Издательство «Жуллиар».

ФРГ

«Записки из будущего» НИКОЛАЯ АМОСОВА. Издательство «Дрёмер Кнаур».

Поэма ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО «150 000 000». Издательство «Ауторен эдицион».

Повесть ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА «Прощание с Матёрой». Издательство «Дойче бухгемайншафт».

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

«Маленькие романы» ЭННА ВЕТЕМАА. Издательство «Словенски списователь».

Повесть И. ГРЕКОВОЙ «Кафедра». Издательство «Обзор».

Роман АЛЕКСАНДРА КРОНА «Бессонница». Издательство «Словенски списователь».

Повесть КОНСТАНТИНА СИМОНОВА «Мы не увидимся с тобой». То же издательство.

Повесть ГАВРИИЛА ТРОЕПОЛЬСКОГО «Белый Бим Черное ухо». Издательство «Младе лета».

Заметки на полях

СОЦИОГРАФИЯ: ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Недавно в совете по работе с молодыми литераторами в Союзе писателей СССР состоялась встреча, в которой принимали участие два молодых венгерских писателя: поэт Эндре Дьярфаш и прозаик Габор Ласло Хайнал. На вопрос одного из советских участников беседы о том, какой жанр в современной венгерской литературе является наиболее популярным, гости ответили единодушно — социография. А вот когда дело дошло до того, чтобы коротко и одновременно точно объяснить это понятие, в затруднении оказались и гости, и специалисты по венгерской литературе, принимавшие участие в разговоре.

В прошлом году литературной общественностью ВНР с большим интересом была встречена опубликованная в журнале «Мюхей» («Мастерская»), а затем перепечатанная литературным дайджестом «Латохатар» («Горизонт») статья известной венгерской писательницы Эржебет Галгоци.

Автор статьи «Современная венгерская социографическая литература» — лауреат премии им. Л. Кошута Э. Галгоци, с произведениями которой знакомы и советские читатели [1], имеет полное право писать об этом специфическом, характерном для венгерской литературы жанре: она проработала в этом жанре почти тридцать лет. Эржебет Галгоци справедливо утверждает:

> «Венгерское литературоведение пока еще является должником в отношении анализа развития нашей социографии».

Она напоминает читателю, что в свое время Йожеф Дарваш собирался написать «социографию социографии» под названием «От старого открытия Венгрии до нового», но ему помешала безвременная смерть. По сути дела статья Галгоци представляет собой попытку написать такую краткую «социографию социографии».

В своей статье писательница выражает согласие с определением социографии, которое дано в последнем издании венгерской литературной энциклопедии. Вот оно:

«Социография — жанр литературы, сложившийся на пересечении сфер научно-социологической и художественной литератур. Целью создания социографического произведения является описание тех или иных общественных категорий (населенного пункта, развития отрасли промышленности, завода, предприятия и т. д.) для точного показа положения тех или иных общественных групп и слоев населения...»

Думается, уместно вспомнить и определение социографии, данное в статье известного венгерского критика и литературоведа Эндре Гондоша, который еще в 1974 году писал на страницах журнала «Вопросы литературы»:

> «Говоря о социографии, нужно говорить о разновидности документальной литературы. Именно на стыке художественной литературы, научно-популярного очерка и публицистики видятся нам жанровые особенности социографии».

Э. Галгоци прослеживает историю рождения первых социографических произведений. Они были созданы в Венгрии в середине 20-х годов, когда появились группы так называемых «народных писателей» (или народников, крестьянских писателей, писателей — исследователей деревни), движение которых превратилось в одно из наиболее значительных общественных движений в истории литературной и идеологической жизни Венгрии XX столетия. По словам выдающегося венгерского писателя Йожефа Дарваша,

> «это характерный для венгерской литературы жанр, потому что только в нашей стране книги, исследующие жизнь деревни, превратились в литературное явление, более того, стали движением общественно-политического значения».

Своего пика движение народных писателей достигло в 1937 году, когда появились наиболее значительные произведения, а писатель и издатель Дердь Шаркези выступил с идеей публикации целой серии книг под общим названием «Открытие Венгрии». Он предложил условно разделить всю территорию страны на десять частей и десяти писателям попытаться нарисовать портрет общественной жизни в каждой из этих областей. Правда, в те годы в серии «Открытие

[1] Ее рассказы см. в «ИЛ», 1971, № 3. Повесть «Церковь святого Христофора» см. в «ИЛ», 1981, № 8.

Венгрии» вышло всего три книги, но и они сыграли свою роль, по словам писателя Золтана Сабо,— «возбуждая в обществе беспокойство»...

Правящая верхушка начала гонения против народных писателей, были арестованы Д. Ийеш, И. Ковач и другие. И постепенно к 1939 году это движение прекратилось, практически перестали выходить произведения в жанре социографии.

В своей статье Эржебет Галгоци пишет:

«Первые книги, вышедшие в нашей освобожденной стране, были подлинными социографическими произведениями, доказывая, что это весьма эластичный жанр неограниченных возможностей, который может идти в ногу с событиями даже самых сложных периодов в истории страны. Йожеф Дарваш написал «Город на трясине», Лайош Надь — «Дневник подземелья», Имре Ковач — «Затопленная страна», Иштван Эркень — «Народ лагерей»; все эти выпущенные тогда книги носили подлинно социографический характер».

Однако позже, в конце 40-х — начале 50-х годов, в Венгрии не было создано сколько-нибудь значительных социографических произведений. Это прежде всего объяснялось процессом глубоких социальных перемен, происходивших в жизни страны.

«Второе рождение» переживает социография в конце 50-х и особенно в первой половине 60-х годов. Эржебет Галгоци справедливо подчеркивает, что к «концу 50-х годов социография стала популярным, более того, совершенно необходимым жанром в современной венгерской литературе». Кстати, она сама была в те годы одним из наиболее активных писателей, работавших в этом возрожденном к новой жизни жанре. Достаточно упомянуть о ее нашумевшей книге «Социализм под камышовой крышей», посвященной тогдашним проблемам жизни венгерского села, и ее репортажах, посвященных переводу венгерского сельского хозяйства на социалистические рельсы, публиковавшихся на страницах венгерской литературной газеты «Элет иш иродалом».

На XXVI съезде КПСС Леонид Ильич Брежнев дал высокую оценку развитию венгерского сельского хозяйства. Он сказал: «Мы знаем, например, как умело налажена работа сельскохозяйственных кооперативов и предприятий в Венгрии...»

Эржебет Галгоци была в числе тех венгерских писателей, которые внесли свой немалый вклад в то, чтобы венгерское сельское хозяйство поднялось на этот передовой уровень.

Таким образом, венгерская социография является убедительным примером того, как в условиях социализма литература активно вторгается в жизнь. В статье «Современная венгерская социографическая литература» Эржебет Галгоци отмечает:

«Социография для меня похожа на захватывающее расследование с той только разницей, что в социографии нельзя прийти к окончательному раскрытию, к концу, потому что действительность не стоит на месте, она «движется», меняется».

И нельзя не согласиться с этой оценкой. В 60-е годы были созданы крупные социографические произведения — книги Яноша Кодоланьи «Второе путешествие в Баранью», Дюлы Чака «Глубоководное течение», Гезы Фейя «Прорастание», Габора Мочара «Мир хуторов — гибнущий мир» (эта книга была написана в соавторстве с Ференцом Тааром), Тибора Зама «Хортобадьские записки», Антала Вега «Стоячая вода» и другие.

Эржебет Галгоци напоминает о том, что в 60-е годы у социографии еще находились противники, поэтому вокруг некоторых книг тогда разгорелись довольно острые дискуссии. Писательница приводит высказывания выдающегося венгерского прозаика, бывшего председателя Союза венгерских писателей Йожефа Дарваша, который давал достойную отповедь этим ограниченным, «твердолобым» взглядам.

«Некоторые утверждают, что социография... не способна на открытие. Говорят, что у нас, дескать, вообще нечего «открывать» в том смысле, который в это вкладывали «народные писатели» в промежуток между двумя мировыми войнами. Ведь в нашем обществе исчезли антагонистические противоречия...

Действительно, антагонистические противоречия в нашем обществе ликвидированы, но сохранились значительные расхождения интересов между отдельными группами людей, коллективами, сохранились проблемы и конфликты производственного характера... Социографические произведения на самом деле содержат большой критический заряд, но направлен он не против нашего общественного строя, а на вскрытие недостатков, на освещение незаметных, но нуждающихся в решении проблем».

Подлинный расцвет получила социография в конце 60-х годов, когда по инициативе Союза венгерских писателей, одобренной партийными и государственными органами ВНР, крупнейшее будапештское издательство «Сепиродалми» («Художественная литература») стало выпускать книги серии «Открытие Венгрии», воссозданной на принципиально новой основе. Около пятидесяти писателей были обеспечены двухгодичной стипендией, им самим предоставлялась возможность сделать выбор темы для своей будущей книги, от них требовалось закончить работу за два-три года. К настоящему времени в этой серии вышло 20 книг. Среди авторов серии наиболее популярные венгерские писатели: Берта Булчу, Геза Мольнар, Дюла Чак, Дёрдь Молдова. Антал Вег, Дюла Фекете, Домокаш Варга, Иштван Лазар и другие. Много социографических произведений было опубликовано на страницах литературных журналов: «Форраш», «Тисатай», «Валошаг», «Мозго вилаг», «Элетюнк», «Ал фёльд».

С конца 60-х годов социография находится на подъеме. Эржебет Галгоци ссылается на мнение известного венгерского писателя Матьяша Домокоша, который считает: ни одно начинание в сфере венгерской культуры в истории страны не имело такой эффективной, реально осязаемой отдачи, не давало подобных позитивных результатов какие ознаменовали выход в свет книг серии «Открытие Венгрии».

В 1970 и 1974 годах Союз венгерских писателей при активном содействии Министерства культуры ВНР дважды устраивал в городе Кечкемете совещания по проблемам социографии. На них состоялся живой, заинтересованный обмен опытом, были высказаны различные мнения о дальнейших путях развития популярного жанра.

В свое время Йожеф Дарваш говорил о социографии как об исконно венгерском жанре. Сегодня во всем мире необыкновенно возрос интерес к документальной литературе, к литературе факта. Ныне документ активно используется в художественных произведениях, писатели все более активно «монтируют» его в ткань своего повествования. Наш современник живет в мире массовых коммуникаций, ежедневно, даже ежечасно он получает все новые и новые факты. Ему уже недостаточно одного писательского воображения. Оно должно опираться на прочную «документальную» основу, фундамент. И в этом залог дальнейшего развития, жизнеспособности жанра социографии.

В наши дни социография неизменно остается необыкновенно популярным жанром. Достаточно упомянуть о последних книгах писателя Дёрдя Молдовы. Он начинал как писатель-юморист, писатель-сатирик. Однако последнее время увлекся социографией. Первой его книгой в этом жанре была «Дань уважения Комло», посвященная истории и настоящему небольшого города. Огромный успех выпал на долю двух последних книг Д. Молдовы: «Окутанные паровозным дымом» (1978) и «Святая корова» (1980). Первая из этих книг была посвящена развитию венгерского железнодорожного транспорта, вторая — текстильной промышленности. Обе книги содержали много критических замечаний в адрес МАВ (Управления венгерских железных дорог) и Министерства текстильной и легкой промышленности. Писатель смело показал недостатки в подготовке специалистов, указал на ошибки и просчеты. После выхода его книг этими ведомствами были приняты конкретные меры по устранению недостатков. Показательно, что Д. Молдова был удостоен звания «Почетный железнодорожник» и права бесплатного проезда по железным дорогам. В этом — конкретное подтверждение того, насколько изменилась в наши дни позиция хозяйственных, административных органов, которые видят в писателях своих помощников и оказывают им всемерную поддержку.

Когда-то социография зародилась как жанр, освещавший в основном проблемы развития сельского хозяйства. В наши дни социографические книги пишутся на самые различные темы. О состоянии дел на том или ином предприятии, целой отрасли промышленности, о развитии городов, небольших населенных пунктов, о поисках полезных ископаемых (книга Габора Мочара), о положении тех или иных социальных групп в современном венгерском обществе (например, книга молодого писателя Габора Ласло Хайнала о положении женщин-врачей), о развитии венгерского лесного хозяйства (книга Домокаша Варги). Известный прозаик Антал Вег написал книгу о своем родном крае, об области Сабольч-Сатмар, которая прежде была одной из отсталых в Венгрии.

Статья Эржебет Галгоци представляет собой попытку ликвидировать на карте венгерского литературоведения небольшое «белое пятно». И, как нам кажется, писательнице удалось это сделать. Эта статья безусловно заставит нашего читателя вспомнить образцы советской «социографической» литературы: хотя бы опубликованную в 30-е годы «Историю русских заводов» или сравнительно недавние «Сельские очерки» В. Овечкина, статьи молодого С. Залыгина, творчество современных литераторов — Ю. Черниченко и других наших публицистов.

С. ФАДЕЕВ

◆

НА ФОРУМЕ БОЛГАРИСТОВ

Славному юбилею — 1300-летию создания своего государства — в Болгарии был посвящен ряд мероприятий самого разнообразного характера. Среди них наиболее значительным научным событием явился I Международный конгресс по болгаристике, проводившийся в Софии в мае этого года. В форуме болгаристов приняли участие около 500 представителей Болгарии и 540 зарубежных ученых из 50 стран Европы, Америки, Азии и Африки. Работа конгресса, на котором было прочитано около тысячи научных докладов и сообщений, проходила в семи секциях: «История Болгарского государства», «Историческое развитие болгарского языка», «Болгарская литература в мировой литературный процесс», «Социальные и революционные движения в Болгарии и их место в мировом революционном процессе»; «Болгарская культура и ее взаимодействие с мировой культурой», «История и современное состояние болгаристики», «Развитие науки и образования в Болгарии». Делегация Советского Союза на конгрессе насчитывала более 80 человек. Своеобразным подступом наших болгаристов к софийскому форуму послужила проходившая в январе этого года во Львове научная конференция «Советская болгаристика — итоги и перспективы», также приуроченная к 1300-летию Болгарского государства.

Работа конгресса получила самое широкое освещение в болгарской периодической печати. Газеты «Работническо дело» и «Отечествен фронт», еженедельники «Литературен фронт», «Народна култура», «Пулс», «АБВ» и многие другие издания регулярно помещали на своих страницах материалы конгресса, подчеркивали высокий научный уровень большинства выступлений, отмечали важное общественное и политическое значение этого международ-

ного форума. «Замечательное научное событие», «Обобщение тысячелетнего опыта», «Широкие перспективы научного сотрудничества», «Праздник науки о Болгарии», «Наука — язык взаимопонимания»— заголовки статей говорят сами за себя. Ректор Софийского университета профессор Илчо Димитров писал в газете «Народна култура»:

«Конгресс по болгаристике в известном смысле является единственным в своем роде форумом в международной научной жизни. Мне кажется, что такое научное мероприятие, на котором история одного народа, одного государства, его язык, культура, экономика и т. д. рассматриваются комплексно, организуется впервые. Вероятно, по примеру нашего конгресса будут организовываться в дальнейшем и другие... Первый конгресс по болгаристике положил начало новому, более высокому этапу в развитии науки о Болгарии».

С большим вниманием было выслушано приветствие участникам конгресса товарища Тодора Живкова, который особо остановился на том факте, что конгресс проходит в период между двумя знаменательными для болгарского народа датами: праздником Кирилла и Мефодия — праздником болгарского просвещения, культуры и славянской письменности — и Днем поэта и революционера Христо Ботева — днем бессмертия всех болгар, павших в неравной, но героической борьбе против мракобесия и социальной несправедливости, во имя свободы народов и творческого развития человеческой личности. В приветствии товарища Живкова, в частности, говорится:

«Думаю, не случайно, что вы заседаете в период между этими двумя замечательными днями, имеющими глубокий смысл для любого болгарина.

Они более всего характеризуют путь болгарского народа в прошедшие века и указывают ему путь в будущее.

Они более всего доказывают тесную связь между юбилеем Болгарского государства, стародавним праздником в честь дела Кирилла и Мефодия и традициями болгарского народа в борьбе за свободу, независимость и социальную справедливость.

Они более всего являются символом творческого пламени наших предшественников, неугасимого стремления нашего народа к литературе и знанию, к духовности и культурному прогрессу.

Они более всего другого утверждают закономерность того исторического факта, что именно на земле древнего Болгарского государства нашли почву и проросли семена дела Кирилла и Мефодия, а плоды этого дела поддерживали во все времена самосознание народа и его чувство государственности, помогали сохранению нашей национальной независимости, единства и национальной культуры.

...Мы надеемся, что в нынешней напряженной обстановке I Международный конгресс по болгаристике внесет вклад в борьбу за продолжение разрядки, скажет весомое слово в необходимом диалоге современности о взаимопонимании и сотрудничестве между людьми и народами, будет выражением нашей общей гуманной заботы о сегодняшнем и будущем дне человечества».

На пленарном заседании конгресса было сделано 10 докладов.

Видный историк академик Димитр Косев в докладе «Болгария — 1300 лет» рассмотрел основные общественно-политические формы исторического развития Болгарского государства. Прослеживая расцвет и упадок феодальных отношений, он специально остановился на роли болгарского Возрождения, которое содействовало как культурному прогрессу народа, так и освобождению его от османского ига, восстановлению независимости страны. Он особо подчеркнул, что наиболее крупным событием в истории буржуазной Болгарии явилось основание в 1891 году Болгарской социал-демократической партии, которая в 1919 году была переименована в Болгарскую коммунистическую партию, утвердившуюся в результате неутомимой революционной деятельности как авангард трудового народа страны. Именно это дало ей возможность во время второй мировой войны организовать массовое движение Сопротивления, создать Отечественный фронт и провести при решающей помощи Советской Армии победоносное восстание 9 сентября 1944 года. Новейший период истории Болгарского государства — построение социалистического и развитого социалистического общества — Димитр Косев охарактеризовал как период глубочайших социальных преобразований и величайших достижений во всех сферах материальной и духовной жизни.

Отмечая те факторы, которые обеспечили осуществление программы превращения Болгарии из отсталой аграрной страны в развитую индустриально-аграрную страну с механизированным земледелием и высокой духовной культурой в такой короткий исторический срок, докладчик сказал:

«Главным фактором является, бесспорно, сам болгарский народ. Тринадцативековая история Болгарского государства, юбилей которого мы сегодня отмечаем, была для него чрезвычайно суровой школой. В ней закалились присущие болгарскому народу — огромное трудолюбие и хозяйственный опыт, свободолюбивый дух и жажда социальной справедливости, ненависть к какой бы то ни было тирании и революционная смелость. В его душе всходили семена высокой культуры средневековой Болгарии, бунтарский дух богомилов и Ивайла (руководитель крестьянского восстания в 1277—1280 гг. — Н. П.), революционно-демократические мысли Левского, Ботева, Апрельского восстания, семена революционного марксизма, посеянные Димитром Благоевым и его соратниками. Источником прогрессивного духа и творческой энергии болгарского трудового народа является, таким образом, сама тринадцативековая история Болгарии, Болгарского государства».

Доклад крупного лингвиста академика Владимира Георгиева был посвящен проблемам генезиса болгарского народа и возникновению болгарского языка. Утверждая, что основа болгарского народа несомненно славянская, Владимир Георгиев в то же время указывал и на значение для его формирования других этнических групп. Болгарская народность, как и Болгарское государство, создавалась в борьбе с Византией. Чтобы сохранить свою самостоятельность, чтобы не погибнуть, болгары должны были сравняться с Византией по уровню культуры — не только материальной, но и духовной. И они достигли этого. Дело Кирилла и Мефодия, бесспорно, решило эту важнейшую для судьбы народа проблему.

Хорошо известный читателям «Иностранной литературы» академик Пантелей Зарев говорил о наиболее значительных этапах в развитии болгарской литературы, начиная с ее зарождения до наших дней. Он подчеркнул роль древнеболгарской письменной культуры для других славянских народов, остановился на свойственных болгарскому Возрождению особенностях, его патриотизме и демократизме, универсализме, влияниях других литератур. По мнению Пантелея Зарева, поэзия Христо Ботева, одного из самых ярких представителей литературы болгарского Ренессанса, периода, когда идеал национальной свободы перерастает в идеал свободы для всего человечества, не может быть измерена только меркой, соответствующей национальной литературе того времени. Здесь более уместно сравнение с такими всемирно известными поэтами, как Байрон, Лермонтов, Петефи. Литература после освобождения от османского ига продолжила прогрессивные традиции литературы Возрождения. Вместе с тем в ней появляются и существенно новые черты, соответствующие времени, как, например, недовольство противоречием между идеалом и буржуазной действительностью. Пантелей Зарев отметил неоценимое значение в развитии болгарской литературы творчества таких писателей, как Иван Вазов, Захарий Стоянов, Алеко Константинов, Элин Пелин, Пейо Яворов, Йордан Йовков, Христо Смирненский, Никола Вапцаров. Характеризуя современную литературу, он особо отметил бурный ее подъем после Апрельского пленума ЦК БКП 1956 года.

Большой интерес вызвал доклад советского академика Дмитрия Лихачева, который подчеркнул, что язык, письменность и литература, а отчасти искусство и самостоятельная церковь противостояли в Болгарии османскому игу, противостояли натиску византийской церкви. Болгарское «государство духа» и в те времена оставалось независимым, целостным и продолжало участвовать в культурной жизни всех южных и юго-восточных славян, не потеряло своего значения для России, Украины и Белоруссии. «Государство духа», по мнению Дмитрия Лихачева — это вся духовная культура народа, потому что именно в ней заключается национальное самосознание, отражающее волю народа к национальному самосохранению. Духовная культура народа — это живой организм, и, как любой организм, он приобретает способность справляться со всеми испытаниями, только общаясь с окружающей средой. Вот почему любое стремление узкого национализма оградить организм от этой среды ведет к его смерти. Национализм равен смертному приговору и означает, что носители этих идей не верят в жизненность своего народа. Истинный патриотизм не боится общения с культурой других стран.

Доклад итальянского ученого Рикардо Пиккио назывался «Место древнеболгарской литературы в культуре средневековой Европы». Рикардо Пиккио высказал убеждение, что рождение новой цивилизации в Болгарии IX—X веков дало начало очень важному периоду в истории европейского христианства, ибо в то время этническая общность, представлявшая православное славянство, распространилась на значительную часть европейской территории, создав в результате третью основную цивилизацию в Европе.

Крупнейший литературовед Петр Динеков говорил о взаимодействии болгарской и мировой культур, о том, что на болгарскую культуру повлияли два основных фактора: с одной стороны, создание и сохранение, несмотря на трудную историческую судьбу, национальной культуры, а с другой—благоприятное воздействие других литератур на болгарскую. Период национального Возрождения и XX век раскрыли для страны новые горизонты. Культура освободилась от опеки церкви, приобрела гражданский, светский характер и устремилась к просвещению, науке и прогрессу. Петр Динеков сказал:

«Болгарская культура идет по пути развития всех современных национальных культур, по пути «европеизации», по пути самопознания. Думаю, что это был в самом общем смысле ее путь на всем протяжении ее тринадцативекового существования. Она родилась в глубинах народных традиций, но развивалась и обогащалась в непрерывном контакте с другими культурами, в постоянном взаимодействии с ними. Поэтому мы сегодня с таким интересом обращаемся к ее прошлому, к ее трудному пути, к ее бесспорным и высоким достижениям, к ее роли в многовековой судьбе болгарского народа, к ее гуманизму и демократизму, к благородным целям, которые ей были свойственны, к ее месту в мире. Мы, болгары, любим и ценим ее. Это не значит, что мы недооцениваем культуру других народов. Наоборот, мы знаем, что болгарская культура развивалась не в изоляции, а в тесной связи с культурой близких и далеких народов, поэтому она неотделима от них и является частью огромной, богатой и великой мировой культуры».

Польский профессор Франтишек Славский рассмотрел в своем докладе основные тенденции развития болгарского языка. Остановившись на языке болгарских славян VI—IX веков, он отметил, что язык Кирилла и Мефодия отличается архаической близостью, даже во многих отношениях идентичностью праславянскому языку. По мнению

Франтишека Славского, дальнейшее развитие болгарского языка в результате сложных взаимоотношений с соседними балканскими народами шло по пути смены синтетического грамматического строя, свойственного славянам, аналитическим.

Видный историк академик Димитр Ангелов в докладе «Гуманизм в средневековой Болгарии» утверждал, что гуманизм как сложное явление мировоззренческого, этического, социального и литературно-художественного содержания занимает свое место в историческом развитии средневекового болгарского общества. В частности, исполнена гуманизма христианская этика, основанная на принципе равенства всех людей. Но в условиях феодального общества, острой имущественной и сословной поляризации этот гуманизм в значительной степени остается лишь теорией. Бесспорный гуманистический заряд содержится также в ряде взглядов богомильского учения. Богомильство проникает и играет большую роль в различных землях и государствах — в Византии, Сербии, Боснии, Северной Италии, Южной Франции. Докладчик остановился и на характере древнеболгарской литературы IX—X веков, в которой он отметил элементы античного наследства.

Профессор Радо Ленчек из США сделал доклад: «Корни славянской культурной истории». Ученый остановился на крещении и славянизации Болгарии, подчеркнул связь между этими процессами и значение миссии Кирилла и Мефодия. С его точки зрения, эта связь не случайна и проистекает из создавшихся в Болгарии условий, из исторической необходимости этих актов, связанных с консолидацией нации. Профессор Ленчек подчеркнул, что миссия Кирилла и Мефодия была успешной благодаря связям с Болгарией, где существовали благоприятные условия, что доказывает дальнейшее быстрое и плодотворное развитие культуры в этой стране.

Очень актуально прозвучал завершивший пленарное заседание доклад руководителя советской делегации члена-корреспондента Дмитрия Маркова. Д. Марков подчеркнул, что в прошлом болгаристика рассматривалась как одна комплексная дисциплина. В настоящее время, когда дифференциация наук отразилась и на болгаристике, ее следует понимать как целый комплекс научных дисциплин — истории, истории культуры, языкознания, литературоведения и других. Следовательно, болгаристика имеет теперь интердисциплинарный характер. В своем выступлении Дмитрий Марков сказал:

«Работа советских болгаристов ориентирована на изучение внутренних закономерностей в развитии болгарской истории и культуры, на исследование болгарской истории и культуры в контексте мирового историко-культурного процесса. Большое место в этой научной деятельности занимает обобщение опыта Болгарии и раскрытие ее вклада в мировую культуру. Другим важным направлением является изучение традиционных связей болгарского народа с русским народом и другими народами Советского Союза».

На торжественном закрытии I Международного конгресса по болгаристике со словами благодарности в адрес его организаторов и с выражением глубокого удовлетворения его плодотворной работой выступили представители ряда делегаций зарубежных стран. Единодушным было их мнение, что болгаристика и в дальнейшем будет служить поприщем научного и культурного сотрудничества, подлинного творчества ученых многих стран. Дмитрий Марков от имени советских участников конгресса заявил:

«Товарищ Живков напомнил нам, что мы живем в тревожное время. Хорошо, когда созываются такие форумы, как этот конгресс в Софии, на котором мы обсуждаем научные проблемы и стремимся углубить процесс взаимопонимания между народами».

Н. ПОНОМАРЕВА

◆

Публицистика

ВЭНС ПАККАРД

ФОРМОВЩИКИ ЛЮДЕЙ

Фрагменты книги

Вэнс Паккард в своих книгах, многие из которых становились в США бестселлерами, затрагивает наиболее острые, «больные» проблемы сегодняшней Америки. В своей новой работе «Формовщики людей» автор исследует широкий спектр вопросов, связанных с экспериментами по манипулированию социальным поведением личности, опытами по воздействию на психику человека. На большом фактическом материале он убедительно показывает, насколько реальна угроза превращения Соединенных Штатов в «полицейское государство». Впервые изданная несколько лет назад книга Вэнса Паккарда, рисующая зловещую картину тотальной слежки и контроля над человеком, не устарела и звучит особенно актуально сейчас, когда администрация Рейгана возрождает в стране реакционный дух маккартизма.

Вэнс Паккард с самых разных сторон освещает проблему «формовки» человеческой личности в США, чьи правящие круги издавна мечтают превратить индивида в идеального конформиста-робота. Будучи либерально настроенным гуманистом, автор с тревогой пишет о чудовищных экспериментах по «переделке» человека, осуждая тех буржуазных ученых, которые, цинично игнорируя научную этику, поставили достижения науки на службу жестоким, бесчеловечным целям. Характерно при этом, что Вэнс Паккард подходит к моральной оценке этих экспериментов дифференцированно, не отрицая огульно завоевания научной мысли в изучении проблем социального поведения человека.

На Западе — особенно в США — последнее время все чаще говорят и пишут о наступлении эры «биократии», даже «биологического фашизма». Подобная опасность, увы, действительно существует. Идеологический смысл экспериментов по «формовке человека» дополняя приведенные во фрагментах из книги Вэнса Паккарда факты экскурсом в историю этой проблемы, освещает в статье «Колонизаторы мозга, или Угроза биократии» советского публициста Владимира Молчанова.

© Vance Packard Bantham Books, 1977. 1979.

ВЭНС ПАККАРД — VANCE PACKARD (род. в 1914 г.).

Американский социолог, публицист. Автор книг «Закулисные гипнотизеры» («The Hidden Persuaders» 1957) «К вершине пирамиды» («The Pyramid Climbers», 1962), «Обнаженное общество» («The Naked Society», 1964) «Страна отчужденных» («A Nation of Strangers», 1972). Статьи Вэнса Паккарда регулярно печатаются в периодике.

Фрагменты из книги «Формовщики людей» («The People Shapers») печатаются по изданию 1979 г.

СЛЕЖКА И КОНТРОЛЬ В ГОСУДАРСТВЕННОМ МАСШТАБЕ

Если посмотреть на 1950—1975 годы с точки зрения усилий, предпринятых для контроля над частной жизнью американцев, и роста технических возможностей для достижения этой цели, то третья четверть нашего века окажется худшей в истории американского народа: граждан США пытались лишить личной свободы.

Причин этому много. В частности, виноваты службы безопасности и обеспечения правопорядка, тратящие миллиарды долларов на разработку хитроумных приспособлений для тайного наблюдения и выслеживания. И уникальность шпионской миниатюрной аппаратуры, изготовляемой в рамках программы космических исследований. И наступление эры электронно-вычислительных машин. И страстное желание властей обуздать радикалов. И возросшая обезличенность жизни вместе с интересом к нашим частным делам со стороны работодателей, инспекторов по социальному обеспечению, страховых компаний и кредитных ведомств.

Во всяком случае, средства слежки за гражданами, создававшиеся в тот период по последнему слову техники, сыпались как из рога изобилия. Фонтан этот бил во имя надежности, порядка, безопасности. По сей день он работает на тех, кто не брезгует ничем, стремясь сделать общество более управляемым.

Еще в 1967 году журнал «Дедалус» опубликовал прогнозы на 2000 год. Касаясь проблем личности, обозреватель Гарри Калвен писал: «Ко второму тысячелетию техника станет настолько совершенной, что с ее помощью общество можно будет превратить в подобие казармы».

Сегодня это предвидение вряд ли покажется экстравагантным. Сэмюэл Дэш, главный советник сенатской комиссии, расследовавшей уотергейтское дело, сказал о последних годах пребывания Никсона в Белом доме: «Полицейское государство — вот до чего мы докатились». В 1972 году президент Никсон, сияющий после триумфального переизбрания на второй срок, с отеческими нотками в голосе признался одному журналисту, что во многом граждане Америки — самые настоящие дети.

Но как мы обращаемся с детьми? Отцы города Провиденс (штат Род-Айленд) едва не приняли в 1975 году решения об обязательном снятии отпечатков пальцев у всех школьников. Желающие ввести подобную практику нашлись не только там. Директор паспортного стола госдепартамента настаивал, чтобы у всех граждан США взяли отпечатки пальцев: они будут нанесены на официальное удостоверение личности, которое американец должен носить при себе. Тогда правонарушитель не сможет выдавать себя за другого, борьба с преступностью упростится, а каждый гражданин станет обладателем документа, подтверждающего его личность. Вопрос ставился и перед конгрессом. Апологеты всеобщего снятия отпечатков пальцев выдвигали, настаивая на преимуществах своего «метода», и такой аргумент: легче будет установить личность утративших память или пропавших без вести.

Посмотрим, как используется научная мысль, чтобы следить за гражданами и контролировать их действия.

КАЖДОМУ ПО ПЕРЕДАТЧИКУ?

Какая простая и современная идея! Людей, которых нужно выслеживать, обяжут носить крохотные радиопередатчики. Укрепить их можно на запястье или лодыжке, у пояса, даже ввести в тело. У каждого передатчика — особый сигнал, а снимать аппарат нельзя, иначе это сочтут правонарушением. Трудно в это поверить, но если вы подумаете, что перенеслись в область научной фантастики о жителях XXV века, то, увы, ошибетесь.

Уже сегодня в США имеется вся необходимая для таких операций технология, причем разрабатывает ее множество весьма трезвых голов.

Послушаем специалистов. Ральф Швицгебель, долгие годы работавший на кафедре психологии Гарвардского университета, называет себя «бытовиком». Два года он вел исследования совместно с группой экспертов, проектирующих системы по управлению людьми. Дж. Мейер изучал способы внедрения «запросчиков-ответчиков». Данное устройство по определенной команде включается и без ведома его носителя передает радиосигналы. Мейер — специалист по ЭВМ и служит в сверхсекретном управлении национальной безопасности США. Так что ему, как говорится, и карты в руки.

Спрашивается, кто же будет носить — по доброй воле или по принуждению — эти контролирующие поведение человека устройства? Прежде всего — досрочно освобожденные из заключения. Если хотите раньше выйти на свободу, тогда нацепите на себя эту штучку, чтобы власти знали о вашем местонахождении. Не нравится? Тогда дело хозяйское — сидите дальше. Цели, как видим, преследуются самые «благородные». Швицгебель именует эту систему «электронным перевоспитанием».

«Радиофицировать» можно и условно осужденных, и малолетних правонарушителей. По мнению Швицгебеля, не следует также оставлять без внимания потенциальных самоубийц и бывших пациентов психиатрических больниц.

Мейер идет еще дальше. Почему бы не «радиофицировать» отпущенных судом под залог? (В большинстве случаев эти люди за отсутствием состава преступления вообще не привлекаются к ответственности.) Или просто задержанных полицией? А стать таковым очень легко — достаточно превысить скорость, расквасить нос обидчику, выйти на антиправительственную демонстрацию. Далее, полагает Мейер, нужно позаботиться и о лицах с преступным прошлым, прибегавших к насилию. Вот тебе, приятель, «запросчик-ответчик», носи его, так сказать, за старые «подвиги».

Общее число «сигнальщиков» в Соединенных Штатах у Мейера выходит весьма внушительным — 25 миллионов. По одному ему

ВЭНС ПАККАРД
ФОРМОВЩИКИ ЛЮДЕЙ

понятной логике Мейер считает, что в потенциале у него будет именно столько клиентов. А налогоплательщики могут не беспокоиться: в их карман не полезут. Стоимость ношения устройства — скажем, 5 долларов в неделю — оплатит сам клиент.

Однако мистер Мейер — сторонник принципа «тише едешь — дальше будешь». Он не имеет в виду сразу же охватить все 25 миллионов. Сперва органы охраны порядка получат право ввести в действие лишь несколько миллионов аппаратов. При разгуле преступности в стране это все равно что слону дробинка, но лиха беда начало.

Выдвинуто и другое предложение — оснастить такими аппаратами «ненатурализованных иностранцев» и членов «политических группировок». Подразумевается, что эти группировки состоят из людей, оказавшихся за бортом корабля под названием «американский образ жизни».

Меня, как налогоплательщика, все это очень тревожит. Если полиции вменить в обязанность ежечасно следить за произвольным передвижением миллионов людей, до каких размеров распухнет наш многострадальный бюджет?

Мейер, кстати, спокоен. При его системе практически отпадет нужда в тюрьмах и исправительных колониях. Конечно, рассуждает он, преступники во все времена пытались перехитрить стражей порядка. Но мнение Мейера таково, что его «система» окажется почти неуязвимой и всех, кто вступит с ней в спор, положат на обе лопатки.

Если же «клиента» снабдить устройством чуть посложнее, то за ним возможно не просто наблюдать, а управлять его поведением. В журнале «Иссьюз ин криминолоджи» Бартон Ингрехем и Джералд Смит приводят пример, как это реально осуществить на практике. «Освобожденный из заключения досрочно и судимый ранее за ограбление находится в центре города, около магазинов, и его физиологические данные указывают на повышенную потливость, чрезмерное напряжение мышц и возросшее содержание адреналина. Можно смело предположить, что он задумал недоброе. В этом случае ЭВМ оценивает обстановку и принимает решение вызвать к месту событий полицию или сотрудника, под чьим надзором находится этот освобожденный. Если же клиент оснащен радиотелеметром, ЭВМ передает сигнал, который сразу же отрезвит его и заставит забыть о задуманном». Кроме этого Ингрехем и Смит предлагают вводить электронные устройства прямо в мозг некоторых условно освобожденных. Стоит ЭВМ определить, что некто собирается совершить антиобщественный поступок как она посылает запрещающий сигнал.

Изучение возможностей современной техники натолкнуло Мейера на смелую мысль — создать сеть постов предупреждающей сигнализации. Они будут информировать о приближении человека, снабженного передатчиками того или иного типа. Владельцам банков магазинов и других учреждений предложат обзавестись радиоаппаратурой, принимающей их сигналы. Появится подозрительный субъект — и в комнате охраны сразу сработает сигнал тревоги.

Достаточно будет любому из означенных 25 миллионов американцев подойти к прилавку за пачкой сигарет или к окошечку кассы, как поднимется тревога,— занятно, не правда ли? Но Мейер предусмотрел и это. Он согласен, что публично клеймить всех подряд не надо. Громкий сигнал тревоги должны давать лишь те передатчики, которыми снабжены «особо опасные» бывшие уголовники. Если в магазин залетит не бог весть какая крупная птица, то за ней станут следить, но трезвонить на весь магазин не будут. Возможно, сотрудник службы безопасности просто услышит легкий свист. И носителю передатчика все равно придется пройти через унижения (хотя покупатели об этом и не узнают).

Швицгебель не скрывает, что система «электронного перевоспитания» обострит и без того злободневные вопросы о гражданских свободах. Мейер также озабочен возможными при такой системе злоупотреблениями. Кого-то, к примеру, арестовывают по сомнительному обвинению, затем нацепляют на него передатчик и отпускают, а дело передают в суд. Фактически этот человек окажется под круглосуточным наблюдением властей, которые пытаются возбудить против него дело. Другой вариант злоупотребления, над коим задумался Мейер: арест и последующая «радиофикация» участников демонстраций и митингов как средство запугивания.

С одной стороны, Мейер даже опасается, не приведет ли вдруг его «система» к возникновению «полицейского государства». Но тут же он отметает подобную мысль, заявляя: «Ведь существуют же у нас тюрьмы, полиция, суды, законы, налоги и прочее». Стало быть, главное — не переборщить, и тогда джинн останется в бутылке.

Я что-то сомневаюсь в этом.

ПОДГЛЯДЫВАЕМ

Американцы привыкли считать себя народом гостеприимным и свободолюбивым, хотя в ряде городов США вновь прибывшего первым долгом исподтишка фотографируют камерой с телеобъективом. Негатив поступает на хранение в полицию или даже отсылается в другой город — проверить по большой картотеке, не преступник ли какой пожаловал.

Во многих городах фотографируют не только приехавших, но всех, кто проходит по центральным улицам, для чего используют кинокамеры. Оснащенные трансфокатором, они могут снимать общий план или, наоборот, выхватывать из толпы лицо человека в сотне ярдов от точки съемки. В Маунт Верноне (штат Нью-Йорк) на двух концах центральной улицы установлены телевизионные камеры. В Хобокене (штат Нью-Джерси) несколько людных мест также «простреливаются» телекамерами. То же делается и в Сан-Франциско. Исправно служит телевидение и нью-йоркской полиции. В небольшом городке в окрестностях Нью-Йорка до недавнего времени работало более двадцати телекамер, укрепленных на высоких шестах и контролировавших весь центр.

Съемка в общественных местах поначалу преследовала одну цель: установить личности участников антивоенных и антиправительственных демонстраций.

Сегодня телеглаз поднимается все выше к небу — это позволяет держать под наблюдением большую часть города. Первое время

телекамеры устанавливались на крышах многоэтажных зданий: когда в Кливленде вспыхнули студенческие волнения, то с их помощью можно было сфотографировать лицо любого человека, находящегося в зоне двух квадратных миль. Власти Нью-Йорка пошли еще дальше: в случае надобности они ведут наблюдение с вертолетов. Теперь стала возможна телесъемка со спутников — некогда это казалось фантастикой,— и американские компании разрабатывают специальные «небесные» камеры для всеохватывающей слежки. Современная микроаппаратура позволяет изготовить незаметный (под цвет неба) шар величиной со снежок и поместить его на высоту в две сотни футов: он обеспечит полный зрительный и слуховой контроль за всем, что происходит внизу.

Полицейских фотографов, часто маскирующихся под газетчиков или телевизионщиков, больше всего интересуют митинги и марши протеста, сидячие забастовки и так далее. Не счесть, сколько тысяч раз в последние годы сотрудники отдела гражданского неповиновения филадельфийской полиции прибегали к скрытой съемке. Порой они снимают без маскировки, прямо в полицейской форме — считается, что это дает особенный эффект.

Здесь с точки зрения закона возникает довольно щекотливая ситуация. Свобода слова и собраний в США вроде бы гарантируется первой поправкой к конституции. Поэтому полицейский, фотографирующий граждан с целью запугивания, действует незаконно. Подобная практика возможна лишь при наличии явной угрозы национальной безопасности, но до этого за последние годы дело практически не доходило ни разу.

Митинги, марши, собрания инакомыслящих между тем фотографируют не только полицейские. Когда набрало силу движение против войны во Вьетнаме, разведуправление армии США вооружило фотоаппаратами и магнитофонами буквально тысячи агентов. Были заведены досье более чем на сто тысяч американских граждан. Законно ли это? Ведь военные имеют право вести разведработу только в сферах деятельности армии. Позднее стало известно, что и ЦРУ, которому запрещено собирать сведения по внутригосударственным вопросам, брало на заметку американцев, выступавших против войны во Вьетнаме, и пополнило свою картотеку на десять тысяч папок.

ПОДСЛУШИВАЕМ

Глава каждого авторитарного режима лелеет сокровенную мечту — держать под контролем всю информацию, доходящую до населения. В иных странах радио и телеприемники устанавливаются на центральных площадях, и нигде больше. В странах, где уже имеются миллионы телевизоров, проблема, естественно, усложняется. Что предпринять, чтобы узнать, в каких домах настроены на волну, хулящую власти?

Представьте себе, что спецы по телесвязи уже научились это делать, преследуя вроде бы вполне невинную цель — изучать запросы потребителей. Однако те же приборы можно использовать и для слежки. Например, по улице движется грузовичок с радаром и определяет, какую передачу смотрят в том или другом доме. Рассекречивать квартиры пока не научились, а «засекать» дома уже в состоянии.

Представитель исследовательского отдела министерства обороны, касаясь подслушивания разговоров в помещении, сказал мне, что крохотульки «жучки» для этого больше не требуются. Достаточно направить на окно комнаты, где идет беседа, лазерный луч, и вы будете в курсе дела.

Если вам позарез нужно уединиться с кем-то для беседы и вы идете в парк, не садитесь на скамью. Выстрел из специального ружья — и в ближайшее дерево или куст вонзится оснащенный шипом микрофон. Что же касается телефонных разговоров, то они в США прослушиваются по поводу и без повода. Иногда власти города или штата испрашивают санкцию судебных органов, а чаще подслушивают без спроса, то есть нелегально. В 1968 году утвержден проект, позволяющий с разрешения суда подслушивать телефонные разговоры. С тех пор на законном основании записали на пленку голоса как минимум двухсот тысяч ничего не подозревающих американских граждан.

В области слежки сделано и новое открытие — звуковой отпечаток. Он дает совокупность линий, по которым можно установить личность человека почти с такой же точностью, что и по отпечаткам пальцев. Пока это «почти» не удовлетворяет судебные органы, но наука идет вперед...

Сложнейшие устройства для наблюдения — звукового и визуального — используются правительственными и частными организациями все шире, и конгресс обязан принять закон, регламентирующий их применение. Иначе под серьезной угрозой окажется свобода личности американских граждан.

ЗАПОМИНАЕМ

В одном из отчетов Белого дома предлагалось создать гигантский банк памяти, где будут храниться сведения, полученные от судов, полиции и медицинских учреждений. Информация, разумеется, станет циркулировать между Вашингтоном и самыми отдаленными уголками страны.

Мысль о создании национального банка сведений не нова. Еще в 1966 году бюджетное бюро настойчиво проталкивало через конгресс план, согласно которому один гигантский компьютер должен был хранить всю информацию о всех гражданах США, каковой располагали двадцать федеральных агентств.

Сторонники этого предложения уверяли, что подобная централизация необходима лишь для того, чтобы облегчить им сбор статистических материалов и, следовательно, планирование. Однако где гарантии, что данные банка будут использоваться строго по назначению? Их, увы, нет, признали представители бюджетного бюро. Им, видимо, в голову не пришло, что при складывающемся порядке вещей всю эту систему сведений очень просто превратить в банк, содержащий досье на каждого жителя страны. Это досье зафиксирует данные о доходе гражданина, его иждивенцах, про-

хождении военной службы, работе, а также много других сведений, касающихся его личной жизни. Чтобы избежать злоупотреблений, намеревались ввести жесткие административные ограничения. Но при авторитарном режиме отменить последние ничего не стоит. И в этом случае банк будет работать против критиков существующего строя, превратится в машину запугивания и дискредитации.

Федеральное правительство имеет минимум 5000 электронных установок для хранения и накопления информации. Осталось также множество старомодных картотек — они еще не успели подвергнуться электронной обработке. В 1974 году сенатская комиссия по правовым вопросам сообщила, что в распоряжении федерального правительства находится около миллиарда досье на отдельных граждан. Цифра эта почти в пять раз превышает численность населения США. Сюда следует добавить еще миллиард досье, которые хранят правительственные агентства штатов, округов или районов. Вот список только основных официальных хранителей подобной документации:

в министерстве обороны содержится минимум 16 миллионов личных дел;

в органах госаппарата — минимум 10 миллионов объемистых досье на граждан США;

в департаменте государственных сборов имеется, что вполне понятно, более 100 миллионов досье;

около 100 миллионов дел хранится в службах социального обеспечения;

ФБР располагает минимум 6,5 миллионами личных дел граждан США, в том числе сведениями по 600 000 уголовным делам. Есть там и 100 000 досье на лиц, которые в то или иное время выказывали сочувствие коммунистической партии;

секретная служба США собрала досье на сотни тысяч лиц, «вызывающих интерес». Лицом, «вызывающим интерес», стать совсем просто: достаточно возразить против условий жизни, принять участие в демонстрации, помянуть недобрым словом вашингтонское правительство, потребовать личной встречи с каким-нибудь крупным чиновником, чтобы разрешить возникший конфликт.

Большие «банки памяти» гордятся своей репутацией: они-де работают безошибочно. Надо ли говорить, что подобная репутация не сулит гражданам ничего хорошего. Разве человек в силах поспорить с гигантской вычислительной машиной, которая выдает порочащую его информацию? Хотя, заметим, вычислительные машины на поверку ошибаются гораздо чаще, чем старомодные системы статистического учета! Корректировка ошибок предусмотрена далеко не всегда, несовершенна и техника уточнения сведений.

На десятки миллионов американцев досье заведены лишь потому, что их один-единственный раз задержала полиция. Местные полицейские власти и суды удивительно безразличны, когда речь заходит о необходимости обновить и поправить сведения об арестах. В итоге во многих личных делах так и не появляются записи «оправдан», «невиновен», «освобожден за отсутствием состава преступления» и т. д.

Президент американского союза гражданских свобод Арие Нейер однажды заметил, что сбор данных о гражданах приобрел столь гигантские размеры, что «даже не знаешь, с какого конца подступиться к вопросу о невмешательстве в нашу личную жизнь... Думаю, что сама идея сбора сведений противоречит праву человека на свободу личности». И если человек по какой-то причине попадает в число «неблагонадежных», «ему остается лишь прозябать на задворках американского общества».

РЫЧАГИ МАССОВОГО ЗАПУГИВАНИЯ

В конце 60-х — начале 70-х годов граждане США — этой страны свободного предпринимательства — получили ясное представление о том, как легко обществу скатиться к полуполицейскому государству. Недовольство американцев в те годы возросло до крайности. Белый дом наводнили эксперты по управлению народными массами, и администрации просто некогда было думать о гражданских правах населения.

Характерная черта полицейских государств — запугивание слежкой. Граждане знают, что за ними наблюдают, разговоры подслушивают, почту просматривают, что к ним в квартиру может нагрянуть полиция.

Ричард Никсон в бытность свою президентом проявлял прямо-таки нездоровую страсть к подслушиванию и угрозам. Он записывал на магнитофон разговоры журналистов, правительственных чиновников, даже собственного брата. Журналист Уильям Сэфайр, составлявший для него речи, писал в 1974 году, что «желание подслушивать стало у Никсона второй натурой».

Надзор за критиками режима и инакомыслящими (в том числе прокоммунистически настроенными гражданами) — дело, конечно, давно известное. Но в период правления Никсона он достиг невиданных масштабов, главным образом за счет новейших средств технологии слежки. Примеров тому множество:

управление национальной безопасности в течение шести лет (вплоть до 1973 года) прослушивало фактически все международные телефонные разговоры. Просматривались все международные телеграммы;

сотрудники ЦРУ на территории США незаконно вскрыли более 200 000 писем. ФБР занималось перлюстрацией частной переписки в восьми штатах;

согласно оценке научно-исследовательского центра по вопросам национальной безопасности, которая была проведена в 1975 году, под активным наблюдением находилось более 200 000 граждан США.

Я глубоко убежден, что необходимо принять федеральный закон, запрещающий правительственным агентствам — на уровне государства, штата или округа — собирать и хранить данные о политической деятельности, связях или высказываниях американских граждан. В конце концов, именно это провозглашает первая поправка к конституции США.

ФОРМОВКА «СУПЕРПОТРЕБИТЕЛЕЙ»

Специалист по маркетингу Олвин Ахенбаум давал показания перед федеральной торговой комиссией, где слушался вопрос: «Можно ли с помощью рекламы манипулировать покупателями?» Он категорически заявил, что ни о какой манипуляции здесь

речи и быть не могло, хотя члены комиссии к его словам отнеслись скептически.

Конечно, вряд ли кто возразит, что реклама — манипулирующая сила. В большинстве стран Запада она превратилась в мощнейшее средство социального контроля. Американские рекламные агентства расходуют более 33 миллиардов долларов в год, чтобы на нужный им манер перекроить вкусы покупателей. Это значит, что рекламные расходы на среднюю американскую семью ежегодно составляют 600 долларов — как тут устоять перед таким напором?

Одни рекламные объявления сообщают, где найти слесаря. Другие призваны изменить стиль жизни человека и его отношение к миру. Задача последних — пробудить у индивида повышенный интерес к собственной персоне, заставить его интересоваться только самим собой, вызвать желание жить сегодняшним днем, не думая о будущем. Сделать покупателей ненасытными — вот конечная цель рекламы. Несколько лет назад социолог Кларк Винсент заявил, что семья перестала быть лишь воспроизводящей потомство ячейкой. Приспосабливаясь к меняющимся условиям, она преобразуется в «ячейку потребляющую».

В США затрачиваются колоссальные усилия, чтобы принудить человека к тем или иным действиям. Телевидение обрушивает потоки рекламы, разливающиеся в целое море: к восемнадцати годам юные американцы успевают переварить 1800 часов телерекламы. Разделите это на 35-часовую рабочую неделю, и окажется, что целый год американские юноши и девушки смотрели только рекламу.

А радиореклама? Добавьте еще год.

Известный специалист по вопросам психологии покупателей Эрнест Дихтер утверждает, что в наши дни недостаточно просто похвалить товар. Первым делом рекламщики стараются погасить у покупателя мысль типа «мне это не нужно». Потребность в чем-либо, поясняет он, является психологическим феноменом: в чисто утилитарном смысле без большей части предлагаемых на рынке услуг и товаров можно обойтись. «Так, когда вы продаете человеку новый костюм, в действительности он покупает психологическое чувство удовольствия от обновы».

МАШИНЫ ДЛЯ ОЦЕНКИ НАСТРОЕНИЙ

Рекламщики без устали ищут способа проникнуть в черепные коробки потребителей. Прежде всего их чрезвычайно интересует, какое впечатление на нас производят их потуги. Они анализируют, как мы воспринимаем рекламные картинки и призывы в газетах и журналах, по телевизору, на консервных банках и пакетах. В начале 60-х годов психолог Экхард Гесс разработал устройство — зрачкомер,— которое мгновенно определяло уровень нашего интереса к визуальной рекламе. Оно определяет размер зрачка. Допустим, вы смотрите на рекламную картинку, а зрачок ваш при этом расширяется или сужается. Гесс доказал, что степень его расширения является мерой внимания, с каким вы смотрите на картинку.

Предварительные испытания телевизионных рекламных программ проводятся в широком масштабе, для чего применяют самую разнообразную технику. С улицы в студию приглашают прохожих и фиксируют их реакцию на рекламу при помощи различных датчиков. Если человек расслаблен и смотрит с интересом, то кожа его выделяет меньше пота, а если ерзает и не может сосредоточиться, то больше.

Исследователи сейчас все упорнее подбираются к нашему мозгу, надеясь отыскать ответ на вопрос, как прибыльнее сбыть товар. Журнал «Джорнэл оф адвертайзинг ризерч» опубликовал результаты испытаний, связанных с реакцией мозга на рекламу. Оказалось, что люди гораздо более внимательны при чтении рекламы и относительно пассивны, воспринимая ее на слух.

СОБЛАЗНЯЮТ ДЕТЕЙ ПО-НАУЧНОМУ

Всю новую методику и технику производители рекламы, желая выгоднее продать свой товар, используют для воздействия на детей, на мушку берут даже трехлетних.

Да это и не мудрено: ведь в США дети потребляют товаров и услуг на 75 миллиардов долларов, вынуждая взрослых расходовать на несколько миллиардов больше, чем тем хотелось бы. По этому поводу в журнале «Адвертайзинг эйдж» один рекламный агент писал: «Хотите как следует продать товар — берите в помощники детей. Дети теребят родителей, не дают им житья и в конце концов прорывают оборону — товар куплен».

Средний подросток в год смотрит более двадцати тысяч рекламных роликов. Корпорации расходуют на их выпуск около полумиллиарда долларов. На карту поставлены баснословные прибыли. И большинство производителей рекламы считают, что научились выколачивать монету из потребителей. «Программирование детей,— заявляет один крупный экономист,— наиболее прибыльная статья телепрограммирования».

По всей стране, словно грибы после дождя, появляются фирмы-консультанты, изучающие реакцию детей на рекламные картинки и объявления. Полученные результаты кладутся в основу изменений, призванных заставить маленького покупателя еще больше возлюбить тот или другой товар.

Чтобы проверить качество рекламных программ, компания «Одиенс стадиз» в Лос-Анджелесе даже устраивает театральные действа. Ежегодно на этой «машине интереса» проверяют около 4000 маленьких потребителей. С помощью нажатия кнопки дети оценивают увиденное по пятибалльной шкале.

Организаторы этого «театра» знают и систему Станиславского. Детям предлагают разыграть сценку: как, по их мнению, отнесутся родители к их просьбе что-либо купить? Как вы сами, милые детки, стали бы рекламировать этот товар взрослым? Будут ли вам завидовать ваши приятели?

В США сегодня налицо курс на завоевание детского рынка. Исследование, проведенное в Мичиганском университете, показало, что 80% детей пристают к родителям, требуя купить рекламируемые по телевидению игрушки. В книге «Молодежный рынок» два рекламных агента приводят дан-

---

ВЭНС ПАККАРД
ФОРМОВЩИКИ ЛЮДЕЙ

ные, собранные в ходе бесед с матерями. Сколько лишних покупок сделали матери в супермаркетах только потому, что с ними были дети? Из ответов следует, что в целом эта сумма ежегодно составляет 4 миллиарда долларов.

ПОКУПАЕМ ТОВАР, НЕ ВЫХОДЯ ИЗ СОБСТВЕННОЙ ГОСТИНОЙ

Как сделать, чтобы купля-продажа совершалась сразу же после показа рекламы? Об этом мечтают все, кто прокатывает свою рекламу по телевидению. Покупателя нужно захватить врасплох, когда он, лениво развалившись в кресле, сидит в гостиной и потягивает бренди. Он смотрит телерекламу — вот тут-то и бери его голыми руками, ведь он сейчас мысленно примеряет товар на себя. И не нужно ждать, чтобы клиент оказался около магазина, где продается ваш товар или услуги.

Пока это лишь мечта. Но действительность уже близка к ней. Существует двухстороннее кабельное телевидение: рядом с телевизором стоит кнопочная консоль, а вы, уютно устроившись в кресле, смотрите рекламные ролики. Консоль работает проще карманного калькулятора — от вас требуется нажать три или четыре кнопки. Аппарат для изготовления кубиков льда, какой-нибудь электрический прибор для бритья ног, кухонная мебель или десятискоростной велосипед, из-за которого вам нет житья от сына,— все это будет завтра утром у ваших дверей: запла́тите потом!

Кабельные телеустановки быстро распространяются в США: к концу 1976 года их насчитывалось около 11 миллионов.

Научный фонд по вопросам рекламы активно изучает потенциальные возможности торговли с помощью двустороннего кабельного телевидения. Исследования эти ведутся в Эль Сегундо (штат Калифорния) Владельцы консоли могут сразу заказать товар или услуги, рекламируемые по телевизору. Можно заказать билеты в театр, на спортивные состязания или транспорт. Хотите товар по каталогам? Пожалуйста! Хотите, чтобы товар доставили на дом для демонстрационного показа? Нет ничего проще.

Эль Сегундо — не единственное место, где применяется консольная система. Таким же образом торгуют в некоторых городах штатов Огайо, Техас, Аризона Флорида. Канзас. Основная сложность состоит в том, что «волшебная» консоль стоит пока недешево.

Отдельные энтузиасты уверяют, что кабельное телевидение — самое значительное со времен азбуки Морзе изобретение в области связи. С его помощью можно не только покупать но и заказать на домашний экран последнюю сводку новостей, ознакомиться с сегодняшним меню в местном ресторане. подключить датчики, которые в отсутствие хозяев сообщат, что в доме начался пожар или в квартиру проник грабитель. Разумеется. легко и определить как владелец консоли относится к тем или иным политическим событиям

Индустрия создания суперпотребителей безусловно, лишь затрудняет решение проблем, от которых и так страдают развитые общества. Доводимая до абсурда идея продать во что бы то ни стало, любой ценой неизбежно приведет к истощению источников энергии и других невосполнимых полезных ископаемых. Возрастет загрязнение окружающей среды — короче, жизнь в «обществе потребления» едва ли станет краше.

СУПЕРСПОРТСМЕНЫ

Во многомиллиардный бизнес превратился за последнее десятилетие и большой спорт. Тренеры сгорают от желания обнаружить у спортсменов какие-то неиспользованные резервы. Возможности для достижения физического превосходства почти исчерпаны. Может быть, выявить эти самые резервы помогут психологи и психиатры? Может, они подскажут, как определить способности новобранца, кто и на каком месте принесет команде бо́льшую пользу, как оптимально настроить игроков на ответственный матч. Что ж, ученые-бихевиористы с удовольствием — обычно за вознаграждение — им помогут.

О том, что такая работа ведется, я узнал случайно, познакомившись в аэропорту города Толидо с профессором психологии местного университета Уильямом Босеем. Он сказал мне, что по совместительству возглавляет академию, занимающуюся психологией большого спорта.

В частности, академия проанализировала «скрытый потенциал» нескольких сот футболистов из национальной футбольной лиги и более сотни автогонщиков. Босей работал с тремя национальными хоккейными командами и с тремя командами из высшей баскетбольной лиги. Он консультировал тренеров футбольных команд штата Огайо относительно подбора игроков и распределения их обязанностей. Прежде всего Босей хочет «оптимизировать» игру спортсменов на закрепленных за ними местах. На вооружении у него электронно-вычислительная техника, кассетные магнитофоны, приборы для измерения мозговых волн, осциллографы и множество психологических тестов, в том числе и «экспериментальное изучение темперамента».

Оказалось, Босей не одинок. Институт по изучению мотивировок в спорте подверг тщательному психологическому анализу несколько сот спортсменов. Его основали психологи Брюс Огилви и Томас Тутко, которые видят свою задачу в том, чтобы дать тренеру сведения об эмоциональном состоянии спортсмена и его готовности противостоять грубой опеке. Они подсказывают тренеру, в какую линию поставить новичка — в защиту или нападение, определяют, насколько он способен выполнять тренерские установки.

Какие же черты помогают спортсмену добиться успеха? Босей проанализировал личностные характеристики многих известных спортсменов В зависимости от вида спорта и выполняемой функции здесь возможны разительные контрасты Например, Босей подверг тестам тридцать пять автогонщиков. стремившихся пробиться на крупные соревнования. Удача сопутство-

вала семнадцати, и почти всех их отличала нескрываемая враждебность к окружающему миру. Кроме того, все они были людьми замкнутыми, равнодушными, властолюбивыми.

Хорошие бегуны на длинные дистанции, как правило, люди пассивные, наделенные терпимостью к поступкам других, у них до крайности развито чувство самодисциплины, они чрезвычайно требовательны к себе.

Пожалуй, спорт, в котором физическое единоборство с противником выражено наиболее ярко,— это американский футбол. И месту игрока в команде соответствуют определенные личностные характеристики. Хорошие защитники привносят в игру элемент жестокости, грубости, враждебности. Нападающие же, считает Босей, должны быть людьми другого склада. Они более сдержанны, им необходимо чувство локтя, умение работать на команду. Желательны такие черты характера, как пунктуальность и точность. Импульсивность здесь только вредит.

Изучая личностные характеристики футболистов, психиатр Арнольд Манделл выяснил, что в раздевалке ему достаточно заглянуть в шкафчик, чтобы сказать, кому он принадлежит — защитнику или нападающему. «У нападающих в шкафчиках всегда чистота и порядок, а у защитников все перевернуто вверх дном. Чем лучше защитник, тем больше беспорядка у него в шкафчике».

Многие профессиональные футболисты перед выходом на игру принимают стимулирующие таблетки; до недавнего времени в большом ходу были амфетамины. Несколько лет назад молодой тренер университетской команды в Сан-Диего обследовал примерно двести игроков из шестнадцати футбольных команд национальной лиги. Потом он написал диссертацию о применении амфетаминов в профессиональном футболе. Из его материалов следовало, что в любой матчевый день половина игроков находилась под воздействием стимулирующих средств. Вот что сказал Манделлу один из футболистов:

«Знаете, доктор, мало радости сражаться с парнем, который исходит слюной от ярости, рычит и бросается на тебя с расширенными зрачками. Другое дело, когда ты и сам в таком состоянии».

В 1975 году президент национальной футбольной лиги оштрафовал команду «Сан-Диего чарджерс» за применение стимулирующих средств и тем выразил свое отношение к проблеме.

Для «сверхнастроя» футболистов на игру консультанты прибегают к экспериментам. Например, нападающему перед матчем предлагают повторить лучший его финт несколько сот раз. В другой команде игроков перед матчем заставляли отключаться от внешнего мира, предаваться созерцанию.

Чтобы как следует настроить игроков, Босей предлагает им прослушивать специально для них подготовленную кассету с магнитофонной записью. Это не гипноз, уверяет он, но определенное гипнотическое воздействие сказывается. Босей создает у игроков такое настроение, когда они могут использовать свои физические возможности в максимальной мере. Игроков, чьи основные козыри — умение и мастерство, он усаживал в кресло и обвешивал датчиками, прикрепленными к измерительным приборам. Это помогало им успокоиться, сосредоточиться и собраться перед выходом на поле, в таком состоянии их качества раскрывались наилучшим образом. Это средство, считает Босей, годится и для теннисистов.

С защитниками он обращается по-другому. Заставляет их надевать наушники и включает запись неприятных резких звуков, которые призваны разозлить и раззадорить защитников, пробудить в них ярость. Многие игроки считают, что подобная предматчевая обработка идет им на пользу.

Свою задачу Босей видит в том, чтобы помочь спортсменам добиться более высоких результатов. Но вот что он сказал об одной конкурирующей бригаде консультантов-психологов: «Они слишком сблизились с тренерами и хозяевами, а это уже пахнет манипулированием».

СУПЕРРАБОТНИКИ

Ученики Скиннера[1] уже давно перебрались из тиши лабораторий, где им приходилось ставить опыты над крысами и голубями, в тюрьмы, школы и дома для умственно отсталых. И теперь у них возник естественный вопрос: почему бы не замахнуться на нечто большее? Промышленники ведь давно готовы раскошелиться, лишь бы нашелся способ встряхнуть вконец разленившихся рабочих.

Но профсоюзные лидеры едва ли допустят, чтобы открытия, сделанные при экспериментах над голубями, были применены непосредственно к членам профсоюзов. Еще в 60-х годах психолог Оуэн Олдис опубликовал в журнале «Харвард бизнес ревью» статью «О голубях и людях». Если голуби при определенных условиях начинают клевать быстрее и настойчивее, задавался он вопросом, то нельзя ли эти условия перенести на человека? Немедленно получать вознаграждение за сделанную работу любят не только голуби. Отсюда напрашивается вывод: промышленность должна вернуться к сдельной оплате труда, но в какой-то новой форме. Безусловно, писал Олдис, при современном производстве большую часть работы выполняет не человек, а машина. Тем не менее следует отыскать какую-то форму вознаграждения за единицу произведенной продукции. Голуби, отмечал автор, показывают наилучшие результаты, когда награда не остается постоянной, а часто меняется. Это его навело на мысль ввести в систему оплаты труда элемент случайности. Люди любят играть. Почему бы раз в неделю не вытягивать из шляпы бумажки с фамилиями рабочих? Премия, кото-

[1] Б. Ф. Скиннер — крупный американский психолог, один из ведущих представителей современного бихевиоризма

ВЭНС ПАККАРД
ФОРМОВЩИКИ ЛЮДЕЙ

рую получит самый удачливый, будет зависеть от того, насколько он превысил установленные производственные показатели.

Два психолога-бихевиориста из штата Мичиган взяли на вооружение игру на деньги, надеясь таким путем сократить число прогулов. В игре участвовало 215 рабочих с почасовой оплатой, работавших на одном предприятии. В основу своей системы психологи положили всего-навсего обычный покер. Ежедневно каждый вовремя приходивший на работу рабочий вытягивал из колоды одну карту. Если всю неделю он не опаздывал, то в пятницу у него на руках оказывалось пять карт, именно столько, сколько нужно для игры в покер. Обладатель лучшей комбинации получал 20 долларов. Кроме того, выплачивалось семь выигрышей поменьше. За четыре месяца число прогулов сократилось на 18%, а на четырех соседних фабриках возросло на 14%. Очень возможно, что «винить» в улучшении следует не деньги, а оригинальный принцип их распределения.

В 70-х годах консультирующие фирмы — последователи Скиннера — ломали головы над тем, как качественно повысить производительность труда. В тесном контакте с одной из них работает компания «Эмери эйр фрейт». Тех, кто хорошо справляется с работой, начальство этой компании хвалит и всячески поддерживает. Менее расторопных не наказывают, не ругают; наоборот, трудности, с какими они сталкиваются, выносятся на обсуждение. Такой подход вскоре принес свои плоды: возрос выход продукции, повысилась прибыльность предприятия. Похвала, как известно, стоит недорого, а от наказания больше вреда, чем пользы. Нельзя, заметил представитель компании «Дженерал электрик», чтобы рабочий перестал себя уважать.

Другой научный подход, призванный повысить производительность труда, заключается в переносе хронометрирования на служащих. Рабочие конвейерных линий давно привыкли, что каждое их движение дробится и замеряется, но до последнего времени считалось, что работа служащих труднее поддается учету, она более творческая и больше связана с умственной деятельностью.

Сейчас эксперты с секундомерами точно знают, что секретарша может открыть письмо за 7,027 секунды. Любой вид деятельности служащих подсчитан с точностью до микросекунды.

Более дюжины консультирующих фирм за месячный гонорар в 7000 долларов учат владельцев компаний, как расчленять каждую стоящую перед служащим задачу на движения рук, глаз и так далее, а потом суммировать и определять, сколько времени требуется на ту или иную операцию. Написаны специальные труды под названием «Короткие движения», «Движения руки для перемещения веса». Подобные методы применяют к служащим банков, страховых компаний. Многие специалисты, однако, убеждены, что на служащих хронометраж оказывает отрицательное психологическое воздействие.

Итак, мы пытаемся создать суперработников, а между тем недовольство с их стороны непрерывно растет. Они жалуются, что работа не приносит им радости. Начальство хватается за голову: замучали прогулы, текучесть кадров, люди приходят на работу пьяные или одурманенные наркотиками. Главы компаний сетуют, что на них постоянно оказывается давление снизу. Видимо, частично тому виной свойственный нашему времени бунт личности, крушение ее несбывшихся надежд. Миллионы людей стали слишком образованными для той работы, какую они вынуждены выполнять.

ЧЕЛОВЕК ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

Новинки, призванные контролировать социальное поведение человека, имеют свои положительные стороны, хотя личности наносится колоссальный ущерб. Многие это сознают и стремятся доказать, будто человек не пешка на шахматной доске, а существо, способное самостоятельно управлять собственными поступками.

Когда людьми манипулируют, они постепенно перестают верить, что обладают индивидуальностью, что каждый из них представляет собой целый особый мир. Человек больше не верит в свою исключительность. Но экспериментаторы продолжают выискивать все новые способы, стремясь показать, что человек вполне поддается обработке.

Столь массивная обработка людей стала возможной потому, что «жажда эксперимента», если воспользоваться выражением одного социолога, «захлестнула все принятые в обществе нормы морали». На каком-то этапе исследований не грех подумать об ответственности перед обществом, поскольку манипулирование может привести к устрашающим результатам.

Мои соображения о будущем сводятся к следующему:

Исследования, связанные с формированием людей, следует вести с учетом социальной политики, которая в ближайшие пять—десять лет должна быть направлена на улучшение условий жизни человека на земле. Изучение человеческой природы не обязательно ограничивать приятными или лестными для нас фактами и явлениями. Однако сведения о том, как влиять на поведение человека, все накапливаются, и сейчас крайне важно, чтобы социальная политика направляла и контролировала эти исследования.

Любая попытка с помощью науки изменить поведение человека является покушением на его свободу (за исключением случаев, когда это делается по его просьбе). Часто рекомендуется необходимое именно данному пациенту терапевтическое лечение, которое позволит ему в большей степени наслаждаться жизнью. Но стричь всех под одну гребенку, унифицировать поведение всех и каждого — такого допускать нельзя.

Меры по воздействию на поведение человека предпринимаются якобы для того, чтобы ему помочь. В большинстве случаев, однако, основная мотивировка куда прозаичнее: таким образом с человеком легче управиться. По моему мнению, сна-

чала необходимо тщательно и беспристрастно изучить все причины, а потом уже приступать к делу.

Существуют и серьезные опасения, что новые формы контроля за поведением могут привести к обширным злоупотреблениям в политических целях. Всем известно, что немалая часть населения земного шара живет под властью диктаторов, которые сгорают от желания еще туже затянуть петлю на шее народов. Почти каждый год в какой-нибудь стране устанавливается авторитарная власть. Тенденция к тоталитаризму может возрасти с оскудением природных ресурсов. И эксперименты над социальным поведением людей превратятся в опасную игрушку.

Сейчас появилось множество бихевиористов, прошедших специальную подготовку и способных умело контролировать поведение людей в различных ситуациях. Эти ученые приходят к выводу, что при работе с людьми в промышленности, системе образования — короче, везде — можно добиться лучших результатов, если обращаться с ними как со свободными, самостоятельными, наделенными чувством ответственности и в определенном смысле уникальными существами.

Число лиц и организаций, стремящихся перекроить наши жизни на нужный им манер, безудержно растет. Если бы даже они руководствовались самыми благими намерениями, то мы все равно обязаны тщательно взвесить наше положение и подготовиться к обороне. Но чтобы хорошо защищаться, нужно знать, к чему же стремится человек? Какие ценности важно поощрять, а какие, наоборот, предать анафеме?

Определить, к чему человек стремится,— задача сама по себе трудная. Многие из тех, кто жаждет манипулировать людьми, тоже распространяются о высших целях, выглядящих зачастую весьма банально. Не исключение и основоположник бихевиоризма Скиннер. «Пусть люди будут счастливыми, осведомленными, мастерами своего дела, примерными гражданами и хорошими работниками»,— заявил он однажды. В другой раз Скиннер заметил, что хорошее общество должно обеспечить человеку возможности для «поисков счастья». Казалось бы, вполне приемлемая формулировка, которая, к тому же, записана в Декларации независимости США. Однако австрийский психиатр Виктор Франкль даже здесь нашел, к чему придраться. Поиски счастья, по его мнению,— пустое и совершенно никчемное занятие. Человек должен посвящать себя делу, которое в конечном счете и сделает его счастливым.

В идеале для борьбы с «формовщиками людей» необходим свод положительных и отрицательных ценностей. Возможно, в будущем какой-нибудь научный фонд и займется разработкой некой иерархии человеческих ценностей. Она пригодилась бы для оценки различных предложений, призванных изменить поведение человека.

Я приведу на этот счет свои соображения, хотя допускаю, что и они могут оказаться не менее уязвимыми, чем формулировки Скиннера.

Низкий балл следует давать тем разработкам, которые делают человека:

более предсказуемым,

более безответственным,

менее человечным,

более склонным к нарушению супружеской верности,

более зависимым,

более управляемым,

менее заинтересованным в завтрашнем дне.

С другой стороны, общество должно по-настоящему ценить людей, способных:

принимать решения и отвечать за свои поступки,

выполнять намеченное,

умело воспитывать детей,

самостоятельно мыслить.

Что до самих обществ, то их следует оценивать, исходя из того, в какой степени они:

делают ставку на достоинство, силу и значимость каждого человека,

планируют предсказуемые машины, а не предсказуемых людей,

поощряют людей к активной, а не пассивной деятельности,

обеспечивают человеку невмешательство в его личную жизнь,

гарантируют свободным гражданам свободу от насилия,

противостоят новшествам, призванным изменять поведение людей,

препятствуют манипулированию.

С учетом этих ориентиров и складывается социальная политика для любого общества, где существуют революционные научные достижения, влияющие на жизнь людей.

Эти оценки позволяют также вывести реалистическую модель человека, каким его хотелось бы видеть в предстоящие годы.

Принято считать, что человек — хозяин своей судьбы. Но многие смотрят на человека иначе — их интересует, в какой степени он поддается воздействию и обработке.

Человек, разумеется, поддается обработке. Можно даже согласиться с точкой зрения детерминистов, что формирующую роль в нашей жизни играют гены, инстинкты и среда, и этими параметрами можно манипулировать.

И все-таки при желании и старании мы все в состоянии бороться с воздействием среды, обуздывать наши инстинкты, брать лучшее из нашего генетического наследия и сводить к минимуму возможности манипуляций личностью.

Принимая во внимание научные достижения, от которых не отмахнешься, а также сокровенные чаяния жителей земли, я предлагаю на ближайшие десятилетия следующую модель человека:

человек — это совокупность многих данных, достойных и не достойных восхищения, но он обладает потенциалом для самостоятельного принятия решений и значимой жизни в обществе. Когда этот потенциал беспрепятственно реализуется, человек становится наиболее полноценным.

Каждый из нас в значительной мере может стать творцом собственной судьбы.

Перевод с английского МИХ. ЗАГОТА

ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ

Колонизаторы мозга, или Угроза биократии

Западные писатели-фантасты любят изобретать новые термины. У них существует свой специальный словарь: «андроид» — синтетический человек, «бластер» — далекий потомок нашего пистолета, «пантропия» — производство людей искусственным способом, «комплекс Франкенштейна»... Просвещенный читатель тут же вспомнит роман Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей», в котором рассказывается о трагедии гениального естествоиспытателя Виктора Франкенштейна, создавшего одного из первых в мире литературных роботов.

Современный «комплекс Франкенштейна» имеет прямое отношение к роману, написанному в далеком 1816 году. Но смысл, который вкладывают в это понятие нынешние фантасты, кажется мне нелогичным. На мой взгляд, «комплекс Франкенштейна» — это мания ученого. Не каждого западного ученого, а такого, кто считает себя могущественнее, мудрее, выше всех остальных смертных и потому мнит себя хозяином жизни. А фантасты предпочитают приписывать «комплекс Франкенштейна» роботам, что перестают подчиняться человеку и всячески ему пакостят.

В жутких событиях, развернувшихся в романе Шелли, Франкенштейн виноват гораздо больше, чем сконструированный им демон. Ведь он, демон, поначалу не был таким уж отпетым негодяем. Можно сказать, он оставался вполне миролюбивым и добродушным малым, пока его не ожесточили обстоятельства. С робота или с какого-то разрушительного устройства взятки гладки: виноваты люди, которые его построили и злонамеренно применили.

Вот почему нетрудно заметить, что этот комплекс присущ тем западным ученым, которые охотно сотрудничают с монополиями, военщиной, охранкой и прочими аналогичными институтами истеблишмента. За ним скрывается целый узел навязчивых для капиталистического общества проблем.

Очередной раз убеждаешься в этом, знакомясь с получившей известность книгой американского социолога и публициста Вэнса Паккарда «Формовщики людей».

Усилиями специалистов разного профиля на Западе упорно и настойчиво продолжают попытки найти ключ к конструированию модели «нового человека»: манипулируемого, послушного воле вышестоящих, неприхотливого, неизменно всем довольного существа. Оно знает, что им управляют, за ним наблюдают, его подслушивают, но полагает: значит, так и надо — властям предержащим виднее.

В 1976 году в Соединенных Штатах проходил симпозиум, организованный специальным научно-координационным центром — «Американской ассоциацией за прогресс в науке». Собравшиеся — биологи и физики, химики и психологи, психиатры и математики — обсуждали проект вживления в человеческий мозг миниатюрного компьютера постоянного пользования. Один из участников, кибернетик из Стэнфордского университета Джон Маккарти, провозгласил: «Если (вживление) пройдет успешно — это ознаменует новый эволюционный скачок в развитии человеческого вида».

Сциентистское мировосприятие — безоглядное идолопоклонничество перед точным знанием, — как любая другая разновидность буржуазной идеологии, несет на себе печать антигуманности, жестокости, авантюризма — достаточно привести в данном случае хотя бы одну из заповедей сторонников роботизации личности: «Человек есть регулируемая, химически контролируемая машина». Американский биолог Х. Л. Ньюболд высказывается еще лаконичнее: «Человек есть компьютер». «Мягкую ЭВМ» — мозг — он предложил модернизировать с помощью химикалиев или скальпеля, предложил громогласно в своей книге «Психиатрическое программирование людей», вышедшей в 1972 году и сделавшейся затем настольным пособием сциентистов.

Ньюболд не одинок, у него немало последователей и единомышленников в западном научном мире, порой эти «прогрессисты» даже забегают вперед лидера. Некий титулованный американский психолог (фамилию его Паккард из каких-то соображений не называет) объявил, что девиз «человек — компьютер» указывает путь к психической реорганизации структуры личности, а главное —

МОЛЧАНОВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ (род. в 1939 г.).

Советский литературовед, публицист. Кандидат филологических наук. Автор статей по проблемам литературы и искусства, взаимоотношений науки и искусства, «массовой культуры» и др.

предоставляет возможность «оказывать нажим на социальный и биологический уровни» человека.

К великому сожалению социал-манипуляторов, «массовое» производство человека-робота наладить пока не удается: далеко не все в восторге от «большого глаза», «большого уха» и иных изощренных способов воздействия на сознание, о которых пишет Вэнс Паккард. Вместе с тем манипуляторы до такой степени умножают свои усилия в этом направлении, что они не могут не вызывать обоснованной тревоги в среде тех представителей буржуазной интеллигенции, кого отличает обостренное чувство социальной совестливости и ответственности. К их числу можно отнести и автора книги, с фрагментами которой сейчас познакомился читатель.

Вэнс Паккард — известный публицист, за которым в США прочно утвердилась репутация ядовитого социального критика,— не призывает ломать буржуазную общественную систему, позволяющую легко, на «законных основаниях» манипулировать мыслями и поступками граждан. Он наивно надеется ее гуманизировать, сделав более благоприятной для жизни человеческой. Собственная книга опровергает веру автора в возможность осуществления его наивных надежд. При этом сам Паккард — надо отдать ему должное — прямо указывает на главных «формовщиков людей» — правящие круги США, разумеется, делающие все, чтобы не допустить каких-либо препятствий своей деятельности по изготовлению модели «нового человека» — робота. Правда, иногда объективность изменяет Паккарду и он пытается отыскать признаки сциентизма в социалистическом обществе. Но этому противоречат сами факты, кропотливо им собранные. Капиталистический социум, и никакой другой,— питательная среда теорий, проектов и исследований по контролю над человеческим мозгом.

Немного истории. Еще в золотое для сциентистов время — шестидесятые годы, когда авторитет «большой науки» почти не ставился под сомнение, один энтузиаст «естественного роботостроения» открыто доказывал эффективность вживления электродов в мозг новорожденного. Это позволит, объяснял он, получить «самую дешевую из всех машин»: «стоимость постройки даже самого простого робота, вроде механического человека фирмы «Вестингауз», по всей вероятности, в десять раз дороже содержания и воспитания ребенка вплоть до шестнадцатилетнего возраста» [1]. Конечно, электронный контроль очень недешев, но он быстро окупится, когда ребенок подрастет, станет полезным и послушным средством производства. Изготовление опытных образцов «человека-робота», если верить Паккарду, сегодня уже реально действующая, тщательно разработанная программа, теоретически опирающаяся на фрейдистский тезис о врожденной порочности человеческой натуры, развитый и «обогащенный» ее составителями. Особенно пригодились здесь идеи философа Вильгельма Рейха, эмигрировавшего в тридцатые годы из фашистской Германии в США. На первом этапе своей научной карьеры Рейх придерживался марксистской ориентации, потом увлекся фрейдизмом, а кончил тем, что еще задолго до Маркузе попытался выработать некий мировоззренческий синтез, именуемый им «марксо-фрейдизмом»,— построение противоречивое и путаное в теоретическом отношении.

Структуру человеческой «души» Рейх подразделял на три слоя, или «страты». Исследование первого, поверхностного слоя позволяет судить об абстрактном индивиде как «сдержанном, благовоспитанном, сострадательном, совестливом» существе. К этому слою Рейх относился скептически: считал его банальнейшим средоточием конформизма, «фальши, социальной симуляции». Вторая «страта» гораздо ближе к природе человека, ибо основа ее — подсознательное во фрейдистском значении этого термина. Тут личность предстает «жестокой, садистской, похотливой, хищной». И, наконец, третий, последний слой — «биологическая сердцевина», где естественный человек проявляет себя в, так сказать, первозданном, не затронутом цивилизацией виде.

«Биологическая сердцевина» податлива ко всевозможного рода воздействиям. Если, например, она подпадает под влияние благоприятных социальных условий, то становится «эмбрионом честного, трудолюбивого, общительного животного». В противоположном случае превращается в резервуар, своеобразный отстойник злобных звериных импульсов, заложенных в подсознании.

Идея «трех страт» положена Рейхом в фундамент его концепции «массового человека» и «массового общества», конкретно — немецкого общества периода гитлеризма. Фашистская идеология, активным противником которой выступал Рейх, сумела, по его мнению, утвердиться главным образом потому, что ей удалось парализовать «биологическую сердцевину», уничтожить естественного человека. Добившись этого, она выпустила наружу темные силы подсознательного. И поэтому, полагает Рейх, в «авторитарном обществе с его машинной цивилизацией и распространенным в нем мистико-механистическим взглядом на жизнь» взошли ядовитые семена фашизма.

Изобличая этого идеологического монстра, Рейх избегает разговора о его классовой и социально-исторической подоплеке. Это весьма странно — ведь не кто иной, как сам Рейх, пишет, что «социальные условия изменяют и формируют

[1] «Life», 1963, 7 March, p. 92.

ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ

КОЛОНИЗАТОРЫ МОЗГА, ИЛИ УГРОЗА БИОКРАТИИ

первозданные биологические потребности» [1].

Недооценка классового характера фашизма неизбежно привела Рейха к следующему парадоксальному выводу: «Мистико-механистический характер человека нашего времени создает фашистские партии, а не наоборот...» [2]. Иными словами, фашистские потенции коренятся в самой личности, во второй ее «страте», и если в окружающей действительности складываются благоприятные условия для их проявления, то они бесцеремонно в нее вторгаются.

Тем самым с идеологов фашизма снимается всякая ответственность за установление бесчеловечного тоталитарного режима. В этом зле, стало быть, виноват «массовый человек», рядовой гражданин фашистского общества, ибо в нем самом — и нигде кроме — запрограммирован садизм, жажда мистического, звериное начало и многие другие мерзости.

Теория Рейха оказала заметное влияние на буржуазную философию и социологию. Точка зрения на личность как первопричину возникновения жестоких государственных режимов пришлась по вкусу власть имущим и тем, кто был занят разработкой для них «научных» рекомендаций по управлению обществом.

Известный американский социолог Эдуард Шилс явно перекликался с Рейхом, когда призывал досконально исследовать все ипостаси «ординарного гражданина индустриального общества». С его точки зрения, этот последний заметно отличается от человека девятнадцатого столетия прежде всего тем, что «слушает радио, ходит в кино и смотрит телевизор».

Однако, оказывается, в обмен на радио, кино и телевидение «массовый гражданин» платит равнодушием к религии и семейным обязанностям, беспокойством за завтрашний день, отсутствием привязанности к окружающим. Э. Шилс утверждает, будто «массовая культура» потому «приветствуется этим несчастным существом», что «позволяет ему приспособиться к пресловутой реальности, помогая подавить собственное Я. Лишенный религиозного чувства, этот человек освобождается от своих тягот только в кинотеатре» [3].

Правда, эта «атомизированная личность» обладает одним исключительно полезным социальным свойством — управляемостью. «Ординарным гражданином» можно легко манипулировать, искусно пользуясь для сей цели состоянием его всегдашней озабоченности, нервной возбудимостью, страхом перед будущим. Короче, можно воспитать из него вполне приличного «оргмэна».

Термин этот сравнительно нов, хотя пришел он в обществоведение не из физики или биологии, а из публицистической книги американца Уильяма Уайта «Человек организации», вышедшей в свет в первой половине пятидесятых годов. Книга эта не устарела, выдержала испытание временем. Высказанные в ней многие соображения перекликаются с тем разделом из «Формовщиков человека» Вэнса Паккарда, где говорится об «идеальном служащем».

У. Уайт — последователь философа Чарльза Кули, который еще в 1902 году в сочинении «Человеческая природа и социальный порядок» высказывал опасения относительно будущего американского общества. Кули сумел разглядеть в США «тенденцию к глобальному институционализму». Он описал процесс образования многочисленных групп людей, одержимых общей целью и подчиняющихся общим служебным нормам. Межличностные отношения в этих группах характеризуются отчужденностью, скованностью, автоматизмом, социальные и культурные связи между людьми дегуманизируются. Человек не в силах отстоять свое Я, борясь против организации, и поневоле вынужден приспосабливаться к ее подавляюще-бюрократическому режиму.

Со временем член дисциплинированной и послушной приказам властей массы превращается в некую социо-биологическую особь, разновидность «массового человека», которую Уайт и именует «человеком организации» («оргмэном»).

«Оргмэнами» могут быть люди самых различных профессий: чиновники (прежде всего), инженеры, ученые, врачи, учителя и т. д. Их идеология — незыблемая вера в дело родной организации, будь то промышленная корпорация, исследовательский центр, творческое объединение, политическая партия. «Оргмэн» — конформист, хотя изредка ему бывают свойственны приступы риторического недовольства, даже бунта, но опять же только словесного. Про себя «оргмэн» может считать, что христианская этика несравненно гуманнее технократической, что законы, благодаря которым власть имущие контролируют общество, слишком жестки, что, наконец, правительство безнадежно некомпетентно. Но поднять руку на организацию «оргмэн» никогда не решится.

Бывают все-таки случаи, когда поступок какого-нибудь зарвавшегося «оргмэна» отдаленно напоминает бунт: «Он может в сердцах послать босса ко всем чертям, но тут же отправляется служить другому боссу и никогда, в отличие от героев бульварных романов, не бросит все и не пойдет работать землекопом» [1]. Ни за что на свете не изменит «оргмэн» конформизму, составляющему его сущность. Именно этот неискоренимый конформизм буржуазные идеологи стали рекомендовать в качестве основного свойства проектируемой ими модели «нового человека» — робота.

Разумеется, воспитание «оргмэна» протекает не всегда гладко, иногда даже болезненно. К тому же это процесс дли-

[1] W. Reich. The Mass Psychology of Fascism. N. Y., 1946, p. 20.

[2] W. Reich. Op. cit., p. 22.

[3] «The Sewanee Review», 1957, v. 65, № 4, p. 596—597.

[1] W. Whyte. The Organization Man. N. Y., 1957, p. 13.

тельный, хлопотливый. Тем не менее в наши дни именно ему отдают предпочтение формовщики человека на Западе.

Нравственные способы формовки людей отнюдь не исключают механические. Причем многие западные специалисты по этому вопросу — сциентисты по убеждениям и методологии — настоятельно советуют своим работодателям решительнее идти по пути роботизации личности, в ногу, как они заверяют, с «эпохой кибернетического сознания».

«Новый человек», полученный искусственным путем, будет во многом схож с «оргмэном» — прежде всего рациональной покорностью обстоятельствам, которую будут культивировать в нем во много раз быстрее, а главное — экономичнее.

Призывая к усовершенствованию личности искусственным путем, сциентисты пользуются своим излюбленным аргументом — ссылкой на «ущербность» теперешней человеческой породы. Посмотрите, говорят они, какое это нервное, невзрачное, неорганизованное существо — оно вечно обеспокоено за будущее и заведомо лишено шансов на счастье, на ощущение полноты бытия!

«Счастье невозможно,— решительно заявляет Николя Шёффер, французский архитектор, скульптор, теоретик «кибернетического искусства»,— из-за внешних и внутренних факторов» [1]. Под первыми он подразумевает несовершенство общественной системы, под вторыми — человеческую личность. Впрочем, для современной науки ничего невозможного нет. Она, главным образом ее авангард — кибернетика, поможет найти выход из создавшегося тупика. «Кибернетика — это все,— восклицает Шёффер,— ведь по ее законам развивается общество и человек!»

Надо ли говорить о том, сколь легкомысленно приписывать великой науке кибернетике роль панацеи, некоего социального мумиё!

Внешние проблемы решить сравнительно легко, наивно полагает французский теоретик, надо только кибернетизировать окружающую среду, и — дело с концом,— как результат внедрения новейшей техники сами по себе возникнут «новые» законы общественного развития.

Куда труднее модифицировать личность. Конечно, она будет изменяться под влиянием окружающей среды, но не так быстро. Следовательно, необходимо вмешательство науки, все той же кибернетики, а вслед за ней экспериментальной психологии, физиологии, бихевиористики. Благодаря их совместным усилиям, надеются буржуазные идеологи, рано или поздно удастся разгадать великую тайну смысла жизни.

Человек станет совершенствоваться интеллектуально и физически, но главное — полностью избавится от болезней, в которых Шёффер и другие прожектеры усматривают первопричину социальных конфликтов. Согласно подобной логике, во всех неурядицах личного и гражданского свойства следует винить физически и психологически неполноценных людей. А если с недугами будет покончено, то создадутся реальные предпосылки для вступления буржуазного общества в новую бесконфликтную эру. Абсолютно здоровая двуногая система — человек — превратится в надежный элемент своего рода компьютерной демократии, где все заранее запрограммировано и подсчитано.

Как же планируется усовершенствовать человека? Разумеется, искусственным путем. Но, позволительно спросить, что человеческого останется в существе, прошедшем энергичную психо- и социотехническую обработку? Не превратится ли оно в биоробота, прообраз которого воссоздан во множестве произведений современной научно-фантастической литературы? Шёффер, правда, термина «робот» не употребляет, однако суть ведь не в словах, а в замыслах, сциентистской устремленности нынешних формовщиков людей.

Для западного человека все это может обернуться реальной опасностью. Ведь не только теоретики-сциентисты и мечтатели-сциентисты занимаются построением умозрительных конструкций, но и те, кто разрабатывает практические методы формовки «нового человека», распространяя при этом мнение, будто люди — создания, «обладающие почти безграничной пластичностью». Эти «новые революционеры», иронизирует В. Паккард, стремятся «изменить людей физически, эмоционально, умственно. Часто их усилия предписаны правительством» [1]. Весьма любопытное признание.

[1] N. Schöffer. La ville cibernétique. P., 1969, p. 46.

Еще несколько лет назад считалось, что изучение общественного поведения человека находится в ведении гуманитариев — социологов, социальных психологов, философов. Теперь, похоже, их монополии приходит конец. У обществоведов появились активные конкуренты — биологи. Внешне эти конкуренты настроены миролюбиво. Они призывают к комплексности — синтезу биологии и обществоведения. Но при этом уточняют: ведущая роль в синтезе принадлежит биологии.

Именно таков главный мотив книги американского профессора зоологии Эдварда Вильсона «Социобиология: новый синтез», появившейся в 1975 году. Все общественные дисциплины, полагает Вильсон, суть ответвления матери-биологии, вернее должны ими стать, ибо человек — существо биологическое. Раньше, мол, обществоведы подходили к человеку и его культуре с неправильных методологических позиций. На деле же,

[1] V. Packard. The People Shapers. N. Y., 1979, p. 12.

ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ
КОЛОНИЗАТОРЫ МОЗГА, ИЛИ УГРОЗА БИОКРАТИИ

считает Вильсон, биология — это все: агрессивность, преданность, альтруизм, конформизм, этика, геноцид, любовь, труд, подчинение военной дисциплине, ксенофобия (ненависть к иностранцам, конфликт между детьми и родителями генетически заложены в человеке, ведя свое происхождение от приматов).

Для определения человека и его социальных отношений подбираются зоологические термины. Общество именуется стадом, скажем, диких африканских собак — самых «социабельных» животных, по мнению социобиологов. Политический лидер сравнивается с вожаком обезьяньего стада. А просто человек — с ослом, обезьяной, пчелой, в зависимости от его роли и функции в социуме.

Одним словом, обнаружение социального сходства между человеком и зверем — главная задача «новой» науки.

Социобиология — многоцелевое идеологическое оружие. Предназначено оно не только для психической атаки на тех, кто недоволен антигуманными происками сциентистов. Она является еще и идейным кредо, методологическим подспорьем для «диких экспериментов», которые, в свою очередь, снабжают теоретиков вроде Вильсона «неотразимыми доказательствами» формулы «человек — обезьяна».

На самом деле эта формула состоит не из двух, а трех членов: «человек — обезьяна — биоробот». Потому что для современных франкенштейнов и человек и обезьяна — модификации одной и той же двуногой системы — машины, работающей на генетическом принципе, которой можно и должно манипулировать. А если она этому не подчинится — переконструировать ее, усовершенствовать до уровня эффективной и оптимальной модели.

Поэтому и ставятся эксперименты, каковые в ряде случаев — об этом речь впереди — планируются и оплачиваются истеблишментом.

Что же представляют собой эти новоявленные «революционеры» от естествознания? С одним из них, испанским физиологом, а в недавнем прошлом профессором Йельского университета (США) Хосе Дельгадо, знакомит читателей Вэнс Паккард. Этот «блестящий» и с виду «доброжелательный» господин входит в ведущую пятерку проектировщиков «нового человека».

Смел он, как тореадор, и не собирается ради «каких-то» этических тонкостей сдерживать свои естествоиспытательские страсти. Дельгадо убежден и старается убедить тех, кто финансирует его научные изыскания, что человеческий характер нуждается в срочной перелицовке. В свое время он горячо призывал правительство США содействовать колонизации мозга и помочь созданию «контролируемого, психо-цивилизованного общества», объявить «завоевание разума» первостепенной государственной задачей. На одной академической конференции Дельгадо заявил: «Сегодня уже не актуален вопрос «кто есть человек?» Другая проблема должна ныне занимать просвещенные умы: «какого человека собираемся мы конструировать».

Перед самим Дельгадо такие вопросы больше не возникают. Во всех деталях он провидит модель «нового человека», этакого полностью контролируемого и управляемого биоробота.

Дельгадо, решительный экспериментатор, не ограничивается только горячими призывами, а проводит блестящие, с технической точки зрения, опыты. Любимые его инструменты — «стимулятор мозга», тонюсенькая иголка, «приятно раздражающая» подкорковые центры, и миниатюрные электроды, вживляемые искусной рукой в заповедный мозг. Но Дельгадо на этом не останавливается: он научился помещать в черепную коробку крошечный компьютер, едва различаемый простым глазом микроскоп.

Восхищаясь ювелирной работой ученого, не следует забывать о главном — политической сверхзадаче его опытов, внешне столь эффектных. Однажды Дельгадо повторил подвиг мифического силача Геракла: стоя за пультом, укротил далекого потомка буйного «критского быка». Несколько сеансов «электростимуляции» сделали чудо: бык, которого обходили стороной,— всем был известен его злобный нрав,— стал покорным и пугливым.

Результат опыта обещает многое: если усмирили быка, значит, можно и человека? Почему бы сперва не опробовать электростимуляцию на сумасшедших или заключенных — этих традиционных подопытных «кроликах» господ сциентистов,— а потом перейти к более широкому внедрению бесчеловечной методики?

Наверное, Дельгадо и те, кого он сумел убедить в действенности собственного метода, надеются, что электроды станут прописывать агрессивным и социально опасным субъектам, дабы сделать их столь же смиренными и безвольными, как животных. Потом, рассчитывают «колонизаторы мозга», все люди должны будут пройти через эту процедуру, которая станет привычной, словно прививка оспы.

Подобного рода опыты вторжения в человеческий мозг уже производятся, хотя и скрытно, точнее — неофициально. Власти делают вид, будто ничего о них не знают. Эксперименты эти получили на Западе название «дикие»: ведь ставятся они главным образом на ничего не подозревающих людях.

Все-таки отдельные факты просачиваются в прессу. Стало известно об опытах с применением ЛСД и других сильнодействующих наркотиков. Достоянием гласности сделался в Америке случай «контрабандного» исследования паралича мозга. Подопытными были негры, больные сифилисом. Во имя научного познания им не оказали медицинской помощи: просто-напросто следили за тем, как протекает болезнь.

Английский психохирург Джефри Найт впрыскивал в мозг страдающим психической депрессией радиоактивный

иттрий. Триста человек прошли через руки Найта. И — о, чудо! — процент выздоровевших оказался неожиданно высоким: семьдесят. Но вот что любопытно и одновременно жутко: Найт признает, что не может понять «механику своего метода», она остается для него тайной.

То же самое могут повторить другие психохирурги. Они, как замечает французский публицист Жан-Пьер Депорт, автор критического обзора «Способы манипулирования поведением», «режут, расчленяют, прижигают мозг, игнорируя при этом законы его функционирования» [1].

В статье, напечатанной в английском журнале «Нью сайентист» и подписанной четырьмя авторами, членами «Британского общества за социальную ответственность в науке», говорится: «Социобиология представляет собой... попытку использовать методы и перспективы биологии, чтобы разрешить проблемы человеческого общества. Эта практика имеет долгую и чаще всего отвратительную историю. Одновременно с развитием современной науки идеологи мечтают о развитии теорий, которые во имя науки узаконят колоссальное социальное неравенство, порожденное западным капитализмом» [2].

Манипуляции с мозгом человека тревожат широкие общественные круги в западных странах. Поэтому «Американская ассоциация психологов» была вынуждена обнародовать специальный «этический кодекс», призывающий ученых «уважать права человека». Взбудораженное общественное мнение несколько успокоилось, но «диким экспериментам» кодекс ничуть не помешал. Они продолжаются, потому что в них заинтересованы силы куда более могущественные, нежели «Американская ассоциация психологов». Вэнс Паккард прямо их называет: это армия и служба безопасности. «В Соединенных Штатах,— пишет публицист,— учреждения федерального правительства подвергли эксперименту по воздействию на мозг по крайней мере четыре тысячи человек... Большинство этих экспериментов проводились Центральным разведывательным управлением, причем подопытные не были поставлены в известность. Как утверждают, одного экспериментируемого довели до самоубийства» [3].

В 1980 году были опубликованы признания бывшего шефа ЦРУ Уильяма Колби о разработке в США кошмарных способов воздействия на человеческую психику с помощью электрошока и наркотиков. И само собой разумеется, для этого использовались новинки научно-технического прогресса — сложнейшие приборы и химические вещества.

Сами по себе приборы и вещества не могут быть плохими или хорошими — все зависит от того, в чьих руках они находятся и для чего применяются. Преступления исходят, как писал Маркс, «не от самих машин, а от их капиталистического применения!» [1].

Но что для социал-манипуляторов жизни человеческие? Они привыкли оперировать более всеохватывающими понятиями: «неизбежная конфронтация двух систем», «ядерный конфликт глобального масштаба», «милитаризация космоса»... Не случайно «флот и военно-воздушные силы выделили специальные фонды на исследования в области модификации умонастроений посредством стимуляции мозга» [2]. Так что, несмотря на тревожные призывы к пробуждению профессиональной совести и интеллигентской чести, «дикие экспериментаторы» процветают. Время от времени «формовщиков людей» обвиняют в социальной черствости, жестокости, даже биологическом фашизме, но они и ухом не ведут. Более того, они мнят себя конкистадорами, первооткрывателями мозга.

В отличие от хвастливых ученых, их работодатели не любят выставлять напоказ свое сотрудничество с «дикими экспериментаторами». Им ни к чему сомнительная сенсационность, которая вызывает лишний шум, коего и без того хватает в беспокойной и напряженной политической жизни. «Формовщики человека» стараются учитывать это обстоятельство. Канадский психиатр Хейнц Леман предлагает другой, чем у Дельгадо, способ массовой обработки сознания — химический. Все можно сделать тихо, незаметно даже для пронырливых репортеров. Надо просто растворить тонну-другую специального «антиагрессанта» в резервуаре городской водопроводной станции. Но тут возникает серьезная проблема: что, если такой «мертвой водицы» напьется кто-нибудь, кому этого вовсе не положено, например, полицейский или армейский офицер? В этом случае они станут размягченными и терпимыми. Нет, подобное не годится. Перелицовке сознания надлежит подвергать другие категории населения.

Посему предпочтение отдается все же «электродной методе», с которой власть имущие связывают далеко идущие надежды.

Буржуазная пропаганда старается исподволь обелить в глазах населения колонизацию мозга и даже «гуманизировать» ее. Альберт Розенфельд, личность известная в американских издательских кругах, однажды расфантазировался: «Мы легко можем вообразить человека будущего, который несет в себе стимулирующие электроды. С их помощью он будет засыпать или пробуждаться, когда его душе угодно; они умерят его аппетит, ес-

[1] «La Recherche», 1974, № 47, p. 658.
[2] «New Scientist», 1976, 13 May, p. 347.
[3] V. Packard. Op. cit., p. 56.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 451.
[2] V. Packard. Op. cit., p. 56.

ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ
КОЛОНИЗАТОРЫ МОЗГА, ИЛИ УГРОЗА БИОКРАТИИ

ли он пожелает похудеть; они помогут ему облегчить боль; они придадут ему мужества, если он струсит, или успокоят его, когда он придет в ярость» [1].

От фантазии не так уж далеко до реальности. Это доказал Дельгадо своими опытами над быком, а главное — над мартышкой Луди. Нажмет ученый на кнопку — обезьянка моментально вскакивает, строит неизвестно кому рожу, вертится направо, налево, влезает на столб, спускается на землю, ворчит, дерется, потом вполне миролюбиво подходит к перепуганному ее странным поведением стаду. И происходит так в течение сорока секунд каждый раз, когда Дельгадо или его ассистент нажимают на кнопку. Не ведает несчастная Луди, что каждый ее прыжок, каждая ужимка, каждый тумак запрограммированы.

Разумеется, поступать так с человеком было бы гораздо сложнее. Человек бы криком кричал, плакал бы от бессильной злобы, если бы заставили его ни с того ни с сего гримасничать, карабкаться по столам, кусать окружающих...

Но вот гибрид человека и такой Луди, наделенной условным рефлексом повиновения в виде самостимулирующего электрода, прикидывают «формовщики», повел бы себя иначе.

Смешение разных биологических видов — сюжет традиционно фантастический. В середине шестидесятых годов американский прозаик Альфред ван Фогт опубликовал роман «Силки», так зовут центрального персонажа — сверхразумное, комплексное существо. Каких только генов в нем не намешано: человека, рыбы, дельфина, волка. Силки одновременно вольготно чувствует себя в море и на суше, по своим интеллектуальным и физическим параметрам он намного превосходит человека, бывшего царя природы. Прошло всего пятнадцать — двадцать лет, и ученые мужи начали всерьез подумывать над проблемой скрещивания человека и животного.

Пока изготовление таких суперменов, как Силки, не планируется. Речь идет о довольно-таки примитивных мутантах, предназначенных для производства всяческих подсобных работ. В «Рэнд корпорейшн», учреждении, получившем скандальную славу в годы войны во Вьетнаме, этому мутанту было дано наименование «парачеловек». Массовое производство «паралюдей» эксперты из «Рэнд корпорейшн» планируют начать году в 2025.

Чем вызвана нужда в штамповке мутантов? В будущем, терпеливо объясняют «формовщики людей», наверняка обнаружится острая нехватка чернорабочей силы. Ассенизатора, к примеру, днем с огнем будет не сыскать, а «парачеловек» на такую работу вполне сгодится. Или нужно заменить человеку какой-нибудь поврежденный орган. Отрезал у мутанта ногу или руку — и все в порядке. (Но за всем этим таится хорошо знакомая мечта — создать идеальную военную модель человека, этакого суперсолдата-робота.)

Паккард утверждает, что нынче в научных кругах всерьез приглядываются и прислушиваются к проблеме «парачеловека». Перестали быть домыслами фантастов такие проекты, как разумное шимпанзе (комбинация человечьих и обезьяньих хромосом), говорящий дельфин (тот же принцип изготовления), собака, бегающая на двух ногах и, понятное дело, до беспамятства преданная своему господину. Страшнее всего, что люди, гордо именующие себя учеными, трезво и деловито толкуют о подобных «чудесных» превращениях.

Давно уже идут на Западе разговоры о «биологическом фашизме» и «биократии». Многие встревожены, и беспокойство их, если верить фактам, в том числе и тем, которые представлены в книге Паккарда, вполне обоснованно.

Правда, при американском сенате существует «Комиссия по защите человека от биомедицинских и бихевиористских исследований». Но она решительно никакими законодательными и исполнительными полномочиями не обладает: советует, консультирует и только иногда журит не в меру зарвавшихся экспериментаторов. «Сейчас,— говорит В. Паккард,— фактически нет общественного надзора над такими действиями, «как выращивание младенцев в колбах, создание человеко-машинных и человеко-животных гибридов, психохирургия»... В том же сенате активно ведет себя могущественное «научное лобби», нередко выступающее в союзе с самыми реакционными силами. Однажды оно сорвало законопроект об организации специальной комиссии, которая контролировала бы работу генетиков.

Заглавие статьи французского ученого и публициста Поля Тюилье, напечатанной в научно-популярном ежемесячнике «Решерш», звучит зловеще: «Захватят ли биологи власть?» [1] Тюилье такую возможность допускает. Существуют явные признаки того, что некоторые ученые мужи не хотят больше выступать в скромной роли экспертов и советников. Они мечтают управлять уже не силами природы, а судьбами человечества.

Макферлайн Барнет — генетик, лауреат Нобелевской премии 1960 года — пользуется авторитетом в кругах специалистов. Однако теперь он жаждет большего, чем лабораторные эксперименты или чтение лекций: стремится к коренной переделке человека. Он представляет себя в роли социального мессии, создателя «нового человека» — робота — радостного, послушного, всегда и при всех обстоятельствах довольного жизнью.

Добиться этого, полагает Барнет, не так уж сложно. Надо только перегруппировать гены или отсортировать ненужные, «гены преступности» например. Это при современном научном уровне вполне осуществимо.

[1] V. Packard. Op. cit., p. 73.

[1] «La Recherche», 1979, № 98, p. 302—306.

«Во всех этих социобиологических рассуждениях,— с негодованием и беспокойством пишет Тюилье,— вырисовывается страшный образ биократии» [1].

Сказано, может быть, чересчур сильно, но негодование Тюилье можно понять. Отрадно, конечно, что французский публицист так близко к сердцу принимает разглагольствования барнетов. Это свидетельствует о том, что на Западе существует и оппозиция планам и операциям по формовке «человека-робота». Противники манипулирования человеком руководствуются чувством социальной ответственности ученого перед современниками и потомками. И чем больше активизируются «формовщики людей», тем сильнее нарастает ропот недовольства среди ученых-гуманистов, тем громче раздаются слова протеста вроде тех, с которыми обратился к «новым революционерам» американский естествоиспытатель Эрвин Шергофф. Он следующим, несколько патетическим образом предупреждает об опасности изготовления робота-гомункула: «Вы можете перестать расщеплять атом. Вы можете прекратить полеты на Луну. Вы можете запретить использовать аэрозоли. Вы можете даже прийти к соглашению — не уничтожать несколькими атомными бомбами все население земного шара. Но вы никогда не сможете вернуть обратно (в колбу.— *В. М.*) новую форму жизни... Я желаю только одного, чтобы мое поколение не было повинно в этом».

В конце XIX века в Западной Европе объявились люди, называвшие себя «социал-дарвинистами», выдавая за самых верных учеников великого Дарвина.

«Бедный Дарвин! — восклицал в этой связи французский марксист Поль Лафарг.— Если бы он был еще жив, он бы не пришел в особый восторг от последствий своей известности» [1]. Лафарг энергично выступал против вульгаризаторского отношения к дарвиновской теории эволюции, против тех, кто объяснял социальные пороки буржуазного общества животным происхождением человека.

Социал-дарвинисты, как и их далекие и вместе с тем удивительно близкие потомки — социобиологи, сознательно не обращали внимания на фактор классовой борьбы. Они закрывали глаза на то, что, говоря словами Маркса, «самые гнусные средства — воровство, насилие, коварство, измена», «самые низменные побуждения — вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу общего достояния — являются воспреемниками нового, цивилизованного, классового общества» [2].

Гражданская позиция таких ученых, как Шергофф, вызывает уважение. Иное дело — удастся ли им докричаться до формовщиков «человека-робота», тем более — переубедить их? В такую возможность поверить нелегко, особенно после чтения страшной и честной книги Вэнса Паккарда.

г. Ленинград

[1] «La Recherche», 1981, № 119, p. 233.

[1] П. Лафарг. Литературно-критические статьи. М., 1936, с. 249.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 99.

МАЯ УЛЬРИХ

ХУДОЖНИК ПЕРЕВОДА ИМРЕ МАКАИ

Весной этого года в одном из будапештских книжных магазинов я заметила томик, с суперобложки которого выразительно смотрели умные, тронутые печалью глаза пожилой женщины. Это был выполненный известным венгерским художником Адамом Вюртцем портрет Пелагеи Ниловны — героини романа Максима Горького «Мать», вышедшего в Венгрии в восемнадцатый раз. На титульном листе значилось: перевод с русского Имре Макаи...

Положа руку на сердце, признаемся: не так уж часто, открывая книгу зарубежного писателя, мы обращаем внимание на имя переводчика. А между тем: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется»... Правда, сказать об Имре Макаи «переводчик» значит сказать далеко не все, потому что он и ученый-филолог, и педагог, и редактор...

Был довольно холодный, но солнечный день. Маленький юркий «фиатик» легко и быстро катил нас по Будапешту. Вот уже остался позади легкий, ажурный красавец мост Эржебет, и мы свернули на набережную Дуная. Взору открылось величественное здание Парламента. Оно словно плыло по реке, и создавалось впечатление, что Габор (сын Макаи), сидевший за рулем, просто не хочет его обгонять. Разговор, как обычно бывает между людьми, долго не видевшимися, переходил с одного на другое. Неожиданно для себя я впервые обнаружила, что Макаи, перед внутренней сдержанностью которого я всегда робела, обладает необыкновенным чувством юмора. Причем юмора тонкого, истинно народного, пересыпанного жемчужинами присловий, замешанных на крестьянской мудрости жителей Альфёльда, а Альфёльд, по утверждению историков, является той частью страны, которая в значительной степени способствовала формированию венгерского национального характера.

Поэтому неудивительно, что и беседа наша по приезде домой к Макаи началась с моего вопроса о «корнях», о том, откуда у него, горожанина, такое знание народного языка. Вместо ответа Макаи снял с книжной полки и бережно передал мне красивый с золотым тиснением том. Шолохов, «Тихий Дон»— прочла я на обложке и, открыв книгу, увидела крупный размашистый почерк: «Дорогому Имре Макаи с приветом. Михаил Шолохов». В том была вложена фотография с надписью «Имре Макаи — благодарный Шолохов».

«Перевод «Тихого Дона» — одна из любимых моих работ,— сказал Макаи,— наверное, потому, что жизнь донских казаков, склад их мыслей, черты характера мне очень близки: я ведь выходец из Альфёльда, родился и вырос в местности хайдушаг, где жили и живут задунайские гайдуки. Много общего есть в судьбах и истории донских казаков и венгерских гайдуков. Мысль об их своеобразном «кровном родстве» вдохновляла меня, когда я осмелился взяться за перевод «Тихого Дона».

Он подошел к окну. В «просеке» между домами, подернутая перламутровой дымкой, угадывалась манящая даль. Макаи на мгновенье задумался. Что вспомнилось ему? Родные просторы Хортобади, близкий сердцу говор, тот далекий день юности, когда отправился он из отчего дома в Россию?

Благодаря учителю гимназии еще в 30-е годы попали в руки Имре Макаи книги Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Толстого. Это были переводы на венгерский, сделанные обычно с французского или немецкого. Человек, наделенный от природы чувством языка, Макаи интуитивно понимал их несовершенство. И вот к изучению немецкого, французского, латинского и греческого прибавились занятия русским.

В тогдашней хортистской Венгрии изучение русского языка считалось в некотором роде подозрительной экзотикой: ведь за интересом к языку могло стоять стремление познакомиться с русской, то есть советской действительностью. Именно так и было с Макаи. По мере того как он одолевал со словарем русских классиков, рос его интерес к русскому народу.

Накануне второй мировой войны хортистская печать все злее писала о Советском Союзе. А Имре страстно хотелось узнать правду, ему казалось, что если он сам увидит русских, то правда непременно ему откроется. Движимый этим чувством, он пустился в путь и почти добрался до пограничной станции. Однако там его задержала

полиция, но, к счастью, через несколько дней отпустила домой. Этим и закончилось первое «путешествие» Макаи в Россию. Но интерес к русскому языку отнюдь не ослабевал. Имре продолжал изучать его и в студенческую пору.

В трудный для Венгрии 1944 год, когда страну оккупировали гитлеровские войска, он защитил докторскую диссертацию на тему «Русская земля и русский народ в зеркале византийских исторических источников».

Все больше людей в Венгрии понимало, к чему привела страну политика фашистской клики Хорти. Ширилось движение сопротивления. Макаи не мог остаться в стороне, он вступил в партизанский отряд и с оружием в руках отстаивал независимость родины, за что в 1948 году был удостоен бронзовой медали «За заслуги перед Республикой», а в 1974 — памятной медали «Венгерский партизан».

О многом хотелось мне расспросить Имре Макаи в тот вечер: как складывалась его судьба после освобождения, с чего началась его переводческая работа, а главное, хотелось проникнуть в тайное тайных его мастерства. Однако разговор сразу сложился более широко — о природе художественного перевода, об издании и восприятии в Венгрии советской литературы, о многообразии творческих исканий в искусстве перевода вообще и лишь в этом контексте — об опыте собственной работы.

«Еще задолго до освобождения,— рассказывает Макаи,— я был уверен, что скоро наступит время, когда возникнет бóльшая необходимость в людях, знающих русский язык. И стремился, если можно так выразиться, в полном «языковом вооружении» встретить этот день. День этот настал, и свою переводческую работу я начал с произведений Ленина и Горького».

Выражение заинтересованности на моем лице заставляет Макаи снова подойти к полке, и вот я держу в руках первое появившееся в освобожденной Венгрии издание ленинских работ и сборник горьковских рассказов. Ленин и Горький...

Русская и советская литература издавна популярна в Венгрии. Кстати, роман М. Горького «Мать» впервые вышел в 1912 году в переводе Имре Барда. Естественно, что в народной Венгрии тяга к русской и советской литературе необыкновенно возросла. «Но что греха таить,— отмечал известный венгерский литературовед и переводчик Геза Кепеш,— революционный поэт Маяковский в воплощении венгерских коллег, «выросших» на переводах западных символистов и сюрреалистов, сначала больше походил на Верлена и Рильке».

В конце 40-х годов в Ленинском институте[1] была создана кафедра перевода, которой в течение многих лет руководил Имре Макаи. В ту пору он был уже автором переводов прозы Пушкина, драм Островского, «принципиально новых», по определению венгерских литературоведов, переводов произведений М. Горького, К. Тренева, Ф. Гладкова, М. Шолохова. Почему «принципиально новых»? Непосредственное знакомство Макаи с ленинскими работами, а отсюда — с реалиями революционной борьбы в России и строительства социализма позволило ему самому «пережить», а поэтому поистине вдохновенно передать пафос героических устремлений русских людей, которым были проникнуты и пьеса «Любовь Яровая», и романы «Мать» и «Тихий Дон».

Первое издание «Тихого Дона» в переводе Макаи увидело свет в 1949 году. Шло время, а Макаи не оставляла мысль о несовершенстве этой работы, о том, что не удалось донести одну из главных особенностей шолоховского таланта — естественность прямого обращения к чувствам читателя, опирающихся на язык романа, его фольклорные образы. Имре Макаи строил венгерский вариант на диалекте родного альфёльдского края (разумеется, он не мог заменить донских говоров, а служил только подспорьем), но в тексте эпопеи встречалось множество слов и выражений, значения которых он не понимал до конца. И вот в 1961 году, готовя дополненное и исправленное венгерское издание «Тихого Дона», Макаи поехал на берега Дона, чтобы собственными глазами увидеть места, где происходили события эпопеи. Он разыскивал родственников прототипов романа, встретился даже с «дочерью» Григория Мелехова, по многу часов проводил в разговорах со старыми казаками, записывал народные выражения, пословицы, поговорки, диалектные словечки. Жители Вешенской показывали венгерскому гостю старинную одежду и утварь, предметы казачьего обихода. А вот с самим Михаилом Александровичем ему довелось встретиться только в Будапеште, в 1963 году, после того, как он уже трижды побывал на родине писателя. Они договорились, что, во-первых, в следующий приезд Шолохова в Венгрию поедут охотиться на диких уток в Хортобадь, а во-вторых, когда Имре Макаи «уйдет на пенсию», то переведет «Они сражались за родину», если Михаил Александрович, «уйдя на пенсию», полностью завершит это произведение. Что до перевода «Тихого Дона», выполненного Имре Макаи, то в каждом его повторном издании можно обнаружить новые поправки — следы неустанного труда переводчика.

Макаи принадлежит выражение «диалектика перевода», используемое сейчас многими его теоретиками. Давно уже ведут они спор о том, что важнее: быть лингвистически верным оригиналу или воссоздавать прежде всего дух и красоту подлинника? «В художественной прозе всегда переводишь как будто бы слова. И все же не слова следует переводить, а только образы,— размышляет вслух Макаи.— Лишь уловив взаимосвязь между словом и образом, можно выбрать нужный синоним. В чистом виде меня не устраивает ни принцип абстрактной красоты, ни принцип абсолютной лингвистической верности. Нужно находить третий, который я называю диалектикой перевода. Гегелевская триада «тезис — антитезис — синтез» применима и к переводу, ибо хороший переводчик всегда стремится добиться синтеза двух противоположных требований: чтобы произведение было одновременно явлением и родного и чужого языка».

Хочу вникнуть в сущность этой формулы и прошу: «Повторите, пожалуйста!».

[1] Так называлось русское отделение филологического факультета Будапештского университета. (*Прим. авт.*)

Пододвинув к себе мой блокнот, Макаи с лукавой улыбкой пишет: «Перевод — как женщина. Он или верен, или красив: если красив, тогда неверен, и наоборот. В процессе перевода нужно лишь припадать к оригиналу, мягко, деликатно, а не вцепляться в него с силой».

Мне доставляет большое удовольствие постигать мастерство перевода, читая произведения русских и советских писателей параллельно на двух языках: русском и венгерском. В свое время я прочитала в переводе Имре Макаи «Войну и мир» Льва Толстого, затем многие страницы «Тихого Дона», недавно — «Котика Летаева» Андрея Белого. Какие разные задачи стояли перед Имре Макаи, когда он брался за эти произведения! В одном случае надо было донести до читателя всю философскую глубину непревзойденного художника, в другом — передать могучую народную стихию образного строя шолоховского реализма, в третьем — дать почувствовать музыкальность русской ритмической прозы.

О путях освоения «мира писателя», поисках и находках интересных индивидуальных решений в ходе творческого таинства — а только так можно назвать работу истинного *мастера перевода* — будут еще написаны увлекательные исследования. Рамки небольшого очерка позволяют сказать лишь общее, главное.

Воссоздавая на венгерском языке произведения русских и советских писателей, Имре Макаи прежде всего точно передает мироощущение авторов, всегда сохраняя психологическую и эмоциональную достоверность, обаяние авторской неповторимости, вкус, аромат и все тончайшие нюансы отдельных слов и выражений, ладовую основу стиля. А диапазон «партитур» текстов, переводимых Макаи, необычайно широк: от «симфоний» и «сюит» Толстого и Достоевского до лирических «ноктюрнов» «Капель росы» Солоухина и «инструментальных пьес» армянских новеллистов. Однако, думается, сокровенная тайна «колдовства» переводчика в еще большем. Счастливо наделенный даром мыслить образами, бережно хранящий внутри себя мир родных просторов: цвет неба, обжигающий ветер степей, запах трав,— он способен улавливать сложнейшую гамму чувств, ощущений и авторов и героев. А передать чувство гораздо труднее, чем мысль,— это человечество знает испокон веков.

«В далекие теперь уже студенческие годы,— слышу я глуховатый голос своего собеседника.— изучал я латынь и греческий. На семинарах надо было уметь хорошо интерпретировать текст. Разбирая отрывки из Эсхила, например, я научился понимать роль логики в переводе и из россыпи слов реконструировать фразу, опираясь на автора и на характеры, им созданные. И сегодня я только для себя в порядке эксперимента делаю три разных варианта перевода: первый — чисто буквальный, я его еще называю натуральным; второй — это «пересадка» на венгерскую почву местных словечек, народных оборотов речи; в результате получается нечто очень далекое от настроения, духа оригинала. Третий вариант — синтетический, то есть поиски венгерских эквивалентов. Здесь особенно проявляется взаимодействие интуиции и работы сознания (Макаи делает ударение на слове «сознание»), оно контролирует решение, принятое интуитивно. Вот почему не люблю печатать на машинке. По-моему, когда человек думает, сидя за машинкой, его покидает дух...»

Есть в манере Макаи говорить стремление привлечь собеседника к совместному размышлению, в его фразах постоянно звучит интонация вопроса: а согласны ли вы с моими доводами? В этом проявляется еще одно его дарование — педагога. Профессор Будапештского университета (он читает курс стилистики русского языка), Макаи помимо этого ведет семинары переводчиков в журнале «Советская литература». Я присутствовала на одном из таких занятий. Поздним вечером в кабинете главного редактора собралась группа переводчиков. Они пришли поделиться своими решениями перевода бунинского рассказа «Вьюга». Сложности возникли вокруг фразы: «Около двух часов дня вертящаяся сетка за окном значительно поредела...» Каждый читал собственный вариант, потом высказывали соображения и замечания сами участники. Их как бы суммировал руководитель. Темпераментно, увлеченно, артистично показывал Макаи — помогая жестами, мимикой,— как в воздухе образуется сетка из колючих снежных нитей. Реплики и определения его перемежались глубокими и интересными замечаниями об особенностях бунинской прозы.

Затем встал вопрос, как лучше перевести вводный оборот «знаете ли» в предложении «А потом мы, знаете ли, пообедаем...». Внимательно выслушав разные варианты, Макаи объяснил смысловую и эмоциональную окраску этого оборота, привел конкретные примеры воссоздания на венгерском языке особенностей русской разговорной речи.

На семинаре Макаи всецело отдавал себя слушателям, хотя слово «слушатели» меньше всего характеризовало его отношение к присутствующим. Это были молодые коллеги, друзья, помощники, с которыми он делился опытом, нажитым за годы учения, раздумий, сомнений, поисков.

Если издать собрание сочинений из всего переведенного и написанного Макаи, оно, пожалуй, составит много десятков томов — и каких разных! Гоголь и Чехов, Л. Кассиль, Б. Окуджава, В. Конецкий, рассказы армянских, грузинских, литовских, марийских, дагестанских, украинских, белорусских авторов, его собственные работы по теории перевода, наконец, эссе о русских и советских писателях, проникнутые желанием не столько оценить, проанализировать, сколько откликнуться душой, сердцем...

Русская литература стала частью его жизни. Кавалер венгерских Серебряного и Золотого орденов Труда и советского ордена «Знак Почета», дважды лауреат премии Аттилы Йожефа, лауреат советской премии имени Горького, Имре Макаи служит своему делу вдохновенно, бескорыстно, преданно.

◆

Антирубрика

С. Н. ПАРКИНСОН (Англия)

«Воля народа, или Ежегодное всеобщее собрание представителей»

Перевод с английского ЕВГЕНИИ ЕЖЕРЕЦ

Разница между английским и французским методами государственного управления общеизвестна, и зависит она не от национального темперамента, как можно было бы предположить, а от расположения мест в парламенте. Англичане, приверженцы спортивных игр с юных лет, предпочли бы заняться чем-нибудь другим, а не заседать в палате общин. Но если они не могут в это время играть в теннис или гольф, то по крайней мере они притворяются, что политика — та же игра, с двумя командами-соперницами и с похожими правилами. Если бы не эта уловка, парламент был бы еще более скучным местом, чем сейчас. Англичане, согласно врожденному инстинкту, разбиваются на две команды и спорят до полного изнеможения. Палата общин устроена таким образом, что каждый ее отдельный член вынужден встать на ту или другую сторону еще до того, как он уяснил себе доводы противников или даже понял, в чем суть спора. От ненужных умственных усилий его спасает то, что он с рождения приучен играть за свою команду. Проскользнув на свое место в конце речи, он тем не менее точно знает, как продолжить спор именно с того места, на котором тот прекратился. Если оратор играет в его команде, то он восклицает: «Слушайте, слушайте!», если же нет, то он спокойно говорит: «Чушь!» или просто: «Хм...» В ходе дальнейшей дискуссии он сможет выкроить время, чтобы спросить у своего соседа, о чем идет речь. Честно говоря, в этом нет необходимости, так как в любом случае он достаточно умен, чтобы не забить мяч в свои ворота. Люди, сидящие напротив, абсолютно неправы, их доказательства — сплошная ерунда. В отличие от них, члены его команды — настоящие государственные умы, в их речах замечательно сочетаются мудрость, красноречие и здравый смысл. Для англичанина не имеет значения, где он обучался искусству политической игры — в колледже Хэрроу или на стадионе «Астон вилла». И там и там его научили, когда выражать ликование, когда — недовольство. Не вызывает сомнения, что английская парламентская система целиком и полностью зависит от расположения мест в парламенте. Если бы скамьи в нем не стояли друг против друга, никто бы не сумел отличить правду от лжи, мудрость от глупости — разве только и в самом деле слушая все дебаты. Но ведь смешно внимать всему, что говорят, так как половина речей в силу необходимости — сплошная бессмыслица.

Во Франции с самого начала допустили ошибку, рассадив всех представителей лицом к трибуне. Легко можно вообразить проистекающую отсюда неразбериху, если бы она не была и без того печально известна. Так как не существует двух команд-соперниц, то невозможно выяснить, не присутствуя при всех дебатах, чьи доказательства более убедительны. Еще более непреодолимым препятствием является то, что все дебаты ведутся на французском языке — пример, которому Соединенные Штаты мудро отказались следовать. Но французская система плоха и не принимая во внимание лингвистические трудности. Вместо того чтобы облегчить дело и с самого начала разбиться на две команды (ту, которая всегда права, и ту, которая всегда неправа), французы разбиваются на множество команд, причем каждая играет как хочет. Когда на поле такая сумятица, игру даже начать невозможно. В зависимости от того, где они сидят, представители француз-

ского парламента делятся на правых и левых. Это вполне разумная система, но из-за полукруглой палаты различия между группами правых и левых порой едва различимы, не существует принятого в Англии четкого разграничения между правыми и неправыми. Французы, описывая политические взгляды депутата, говорят, что он левее мосье Такого и гораздо правее мосье Этакого. Что кто-нибудь может из этого понять? Разве это звучит разумно для англичанина? А что они в этом понимают сами? Ответ прост — ничего.

Это все знают. Но гораздо меньшее признание заслужил тот факт, что план расположения мест имеет первостепенное значение и для других заседаний, собраний и ассамблей — международных, национальных и местных. Более того, это также касается встреч за Круглым столом. Минутное размышление убеждает нас, что встречи вокруг Квадратного стола — нечто другое, а встреча вокруг Прямоугольного стола — уже совсем иное дело. Подобные различия влияют не только на продолжительность и оживленность дискуссий, но и на принимаемые решения, если таковые имеются. Как нам известно, результат голосования не связан с достоинствами предложения, а обусловливается множеством фактов, лишь немногим из которых мы уделим здесь свое внимание.

Следует, однако, отметить, что принятие решения в конце концов зависит от голосов представителей центра. Это не относится к английской палате представителей, где центра просто нет и быть не может. Но на всех других собраниях от представителей центра зависит очень многое. В основном члены центрального блока делятся на следующие категории:

а) Тех, кто так и не сумел разобраться во множестве написанных заранее памятных записок, бурным потоком изливающихся на головы возможных присутствующих.

б) Тех, кто слишком глуп, чтобы вообще разобраться в происходящем. Их легко узнать, так как они постоянно шепчут друг другу: «О чем говорит этот человек?»

в) Тех, кто глух. Такие сидят, приставив руку к уху, и ворчат: «Почему бы ораторам не говорить громко и отчетливо?»

г) Тех, кто утром был мертвецки пьян и пришел (бог знает зачем) с раскалывающейся головой и убеждением, что ничто не имеет никакого значения.

д) Престарелых, для которых главной заботой является сохранение здоровья. На их взгляд, они даже бодрее некоторых из теперешних молодых. «Я пришел сюда пешком, — говорят они, — совсем неплохо для человека восьмидесяти двух лет, не правда ли?».

е) Слабовольных, которые по слабости характера пообещали поддержать обе стороны и не знают, что теперь делать. Они в нерешительности — то ли им стоит воздержаться от голосования, то ли притвориться больными?

Обнаружение и подсчет голосов центрального блока — вот первый шаг на пути к получению их голосов. После этого все остальное зависит от того, где они будут сидеть. Лучше всего сразу выделить стойких приверженцев своей партии для того, чтобы они вступили в разговор с представителями центрального блока еще до начала собрания. В этой предварительной беседе сторонники партии будут старательно избегать любого упоминания о теме дебатов. В зависимости от перечисленных выше категорий представителей центра верные последователи партии будут использовать следующие начальные шаги:

а) Пустая трата времени, по-моему, выпускать все эти бумаги. Я их выбрасываю не читая.

б) Мне кажется, нам просто морочат голову этим красноречием. Как бы мне хотелось, чтобы люди говорили меньше и по существу, по моему мнению, половина из них чересчур умна.

в) Просто ужасная акустика в этом зале. Разумеется, специалисты могли бы что-нибудь изменить. Половину выступлений я не слышу, а вы?

г) Какое ужасное место для встречи! Такое впечатление, что с вентиляцией что-то случилось. Это действует на меня угнетающе, а вы как себя чувствуете?

д) Боже мой! Просто не могу себе представить, как вам это удается. В чем же секрет? Это, наверное, связано с вашей диетой?

е) И та и другая сторона во многом правы, я даже не знаю, какую из них поддержать. А вы что думаете по этому поводу?

Применив правильное начало, каждый стойкий приверженец своей партии, оживленно беседуя с представителем центрального блока, начинает осторожно направлять его к месту собрания. В это время другой верный сторонник партии незаметно занимает позицию впереди них и движется в том же направлении. Этот ход лучше всего проиллюстрировать конкретным примером. Предположим, что верный приверженец своей партии мистер X (мистер Стойкий) направляет представителя центра мистера У (мистера Колеблющегося, категории «е») к месту в первых рядах. Вперед идет стойкий сторонник партии мистера Z (мистер Верный), который вскоре садится, будто не замечая двух идущих за ним людей. Он даже отворачивается в сторону и машет кому-то рукой, а потом наклоняется к человеку, сидящему впереди, и заговаривает с ним. И только тогда, когда мистер Колеблющийся занял свое место, мистер Верный поворачивается к нему и говорит: «Мой дорогой друг! Как приятно встретиться с вами». Лишь некоторое время спустя он замечает мистера Стойкого и вздрагивает от изумления: «Как, мистер Стойкий, и вы здесь?» — «Я уже выздоровел, — отвечает Стойкий, — это была простая простуда». Таким образом порядок занятия мест кажется вполне невинным, случайным и неподстроенным. На этом заканчивается первая фаза операции.

Вторая фаза зависит от особенностей человека, на которого нужно оказать влияние. В случае с категорией «е» (мистером Колеблющимся) во второй фазе необходимо избегать любых обсуждений вопросов повестки дня и следует создать впечатление, будто все уже давно решено. Так как мистер Колеблющийся сидит в первом ряду, то

он не может видеть многих участников собрания и у него складывается мнение, что все они думают одинаково.

— Удивительно, — говорит мистер Стойкий, — зачем я сюда пришел? Ведь четвертый вопрос и так решен. Все, кого я встретил, будут голосовать «за» или «против», в зависимости от случая.

— Действительно,— отвечает мистер Верный,— я как раз собирался сказать то же самое. Практически нет никаких сомнений по этому вопросу.

— Я еще не решил окончательно, — говорит мистер Стойкий, — и та и другая сторона во многом правы. Но голосовать против — пустая трата времени. А вы что думаете, мистер Колеблющийся?

— Как вам сказать, — отвечает мистер Колеблющийся, — я должен признаться, что нахожу этот вопрос довольно сложным. С одной стороны, есть веская причина согласиться с предложением... или не согласиться. А вы думаете, это предложение пройдет?

— Мой дорогой мистер Колеблющийся, я целиком полагаюсь на вас в этом деле. Вы сами только что сказали, что все уже решено.

— В самом деле? Да, кажется, что большинство «за»... или, может быть, мне следует сказать, что...

— Благодарю вас, мистер Колеблющийся, — говорит мистер Верный, — ваше мнение очень ценно. Я думаю точно так же, но мне особенно приятно, что вы со мной согласны. Нет человека, чьим мнением я дорожил бы больше, чем вашим.

Тем временем мистер Стойкий, повернувшись назад, начинает с кем-то разговаривать. Он спрашивает шепотом: «Как ваша жена? Она уже вышла из больницы?» Но, повернувшись, он заявляет, что все сидящие сзади думают так же. Можно считать, что предложение принято. И так оно и есть, если обработка идет по плану.

В то время как другая сторона занималась подготовкой речей и составлением поправок, сторона с преобладающим техническим превосходством сконцентрировала свои усилия на том, чтобы окружить каждого представителя центра двумя своими сторонниками. В критический момент они оба поднимают руки, тем самым заставляя представителя центра последовать их примеру. Если же он спит, что часто случается с представителями центрального блока категорий «г» и «д», то его руку поднимает сосед справа. Этому правилу нужно следовать для того, чтобы случайно не поднять две его руки, так как подобный жест всегда вызывает недовольство противников. Итак, поддержка представителей центра обеспечена и предложение принимается или отклоняется в зависимости от необходимости.

Каждый раз в случае разногласий все решает воля народа, а мы знаем, что представители центра и есть народ. Произнесение речей, таким образом, — пустая трата времени, так как одна сторона ни за что не согласится с ними, а другая уже заранее согласилась. Остается только центральный блок, члены которого делятся на тех, кто не слышит, о чем идет речь, и тех, кто слышит, но все равно ничего не понимает. Чтобы обеспечить их голоса, требуется лишь наглядный пример других, голосующих по обе стороны от представителей центра. К сожалению, такое влияние часто оказывается непреднамеренным, а ведь гораздо лучше влиять на представителей центра целеустремленно, по заранее намеченному плану.

МЮРИЭЛ СПАРК (Англия)

Необыкновенно точные часы

Перевод с английского ЕВГЕНИИ ШВАРЦ

Жили-были необыкновенно точные часы по имени Тики. Как-то раз зимой много лет назад их привез из Швейцарии друг Тики профессор Хорас Джон Моррис. С тех пор профессор и Тики очень привязались друг к другу, и между ними царило полное согласие.

Профессор Хорас Джон Моррис не любил, чтобы его называли «профессор Хорас», и потому сначала Тики называл его «профессор Моррис», а потом просто «профессор Джон», что последнему было очень по душе.

Тики всегда стоял на столе возле камина — это было его излюбленное место. Каждый вечер в четырнадцать минут одиннадцатого профессор покидал свой письменный стол, подходил к часам, заводил их, а потом слушал: по-прежнему ли исправно бьется сердце Тики. Затем ставил по своим любимым часам наручные часы, а потом и все остальные часы в доме.

— Ты необыкновенно точен, Тики,— сказал однажды вечером профессор.— Ну просто секунда в секунду, никогда не спешишь и не отстаешь. Ты самый надежный из всех моих друзей.

— Счастлив слышать это, профессор,— ответил Тики.— Узнай об этом мой дедушка, что живет в Австрии в старом замке на вершине холма, он бы гордился мной.

— По чести говоря, Тики,— заметил профессор Джон,— я недолюбливаю «дедушкины» часы. Их циферблат — а это лицо часов — так высоко, что его и не разглядишь, и потому никогда не поймешь, о чем они думают. Но твой дедушка, должно быть, особенный — всегда неплохо иметь прародителей, которые живут в замке.

АНТИРУБРИКА

По четвергам профессор Джон, как обычно, заводил в доме все часы, но после этого он не шел, по обыкновению, спать, а до самой полночи засиживался со своими друзьями. Их звали:

1. Профессор Стердж Болдуин Паркер.
2. Профессор Норман Байе.
3. Профессор Раймонд Оффенбах.
4. Профессор Максимилиан Розмини.

Все они были так же умны и знамениты, как профессор Джон. И все очень доброжелательны к Тики — ведь это любимый друг профессора Джона и, главное, необычайно надежный.

Тики любил слушать эти вечерние беседы по четвергам.

Профессора всегда говорили о чем-нибудь интересном: о луне, о звездах, и казалось, эти люди знают о них столько, что Тики почти готов был поверить, что они побывали на всех планетах.

В один из таких вечеров профессор Норман Байе, родом с севера, сказал Тики:

— А знаешь, Тики, ты ведь самый умный из нас — ты, не глядя на часы, можешь сказать, который час.

И все остальные профессора согласились с ним.

— Никто из нас, — добавил профессор Джон, — не знает точно, который час, пока не посмотрит на часы. Мы можем только предполагать. А Тики всегда знает.

И он восхищенно взглянул на своего друга, который стоял на столе возле него. (Это были обыкновенные прочные деревянные часы с круглым белым циферблатом и длинными черными стрелками.)

Тики тепло поблагодарил профессора за добрые слова и сказал, что его дедушка был бы горд слышать это. И добавил:

— Я не мог бы показывать точное время, если б обо мне не заботился мой друг профессор Джон — каждый вечер ровно в четырнадцать минут одиннадцатого он заводит меня.

— Однако,— возразил профессор Стердж Болдуин Паркер, который тоже был с севера.— Если б не было тебя, Тики, как бы профессор Джон узнал, когда четырнадцать минут одиннадцатого?

На этот вопрос не мог ответить никто. И тогда профессор Максимилиан Розмини, который был родом с юга, сказал, что у него есть серьезное предложение.

— Поскольку Тики не глупее любого из нас, предлагаю отныне именовать его профессором Тики. Завтра мы подготовим документы. Все пятеро поставим наши подписи, и Тики станет профессором.

Все остальные профессора признали идею великолепной, а профессор Раймонд Оффенбах, который был с северо-северо-востока, зааплодировал: «Браво, профессор Тики!»

И тогда слово взял Тики.

— Мне очень льстит ваше предложение, — начал он. — И я уверен, моему дедушке тоже. Но я боюсь, что, если стану профессором Тики, потеряю дружбу всех остальных часов в доме. Дело в том, что, когда профессор Джон уходит по утрам в университет и когда комнаты уже убраны, в доме воцаряется тишина и только слышно, как в других комнатах тикают часы. И вот тогда мы беседуем друг с другом и рассказываем разные истории из своей жизни. Вверх-вниз летят наши «тикающие» послания, порой краткие, торопливые, порой длинные и волнующие. Часы на кухне болтают, конечно, без умолку. Весело и громко. Но больше всех мне нравится Пепита — испанские перламутровые часы, что стоят в пустой спальне. Особенно я люблю ее, когда у нее замирает маятник. Есть старинное изречение — я слышал его от деда: «Душа с душою говорит». Эти слова как будто про всех нас в этом доме. Так что, дорогие профессора, я должен отклонить ваше предложение. Мои друзья-часы никогда не смогут относиться ко мне по-прежнему. Они решат, что я слишком важен, и перестанут разговаривать со мной, а мне будет очень недоставать их. Прошу вас, не сочтите меня неблагодарным.

Выслушав речь Тики, профессора хором заявили, что теперь они восхищаются им еще сильней.

— Тики,— сказал профессор Джон.— Я всегда был уверен в твоей точности, но теперь я о тебе еще более высокого мнения. Все прочие часы в доме не так точны, как ты, и все же это очень благородно — отказаться от звания профессора ради них.

При этих словах профессор Максимилиан Розмини зааплодировал, а остальные важно закивали.

Тики улыбнулся, стрелки его показывали полночь. Гости уже собрались уходить, как вдруг Тики в раздумье добавил:

— И потом, очаровательная перламутровая Пепита, та, что в пустой комнате, она не сможет произнести слово «профессор». Она умеет говорить только «тики-тики-тики». Целые дни напролет она шепчет мне: «Тики-тики-тики».

КЕЙТ УОТЕРХАУЗ (Англия)

Альберт и лайнер

Перевод с английского ЛЮДМИЛЫ БИНДЕМАН

В городском пассаже прямо под курантами был да, по-моему, и сейчас есть, замечательный игрушечный магазин. Он казался нам сказочным, волшебным, этот магазин. Он был и цирком, и зоопарком, и пантомимой, и представлением бродячих актеров, и железнодорожной выставкой, и захватывающе интересной библиотекой, и музеем часов, и хранилищем всевозможных настольных и спортивных игр — словом, сокровищницей всех радостей, что сулили долгие зимние каникулы. Но сначала о курантах.

Раз в год нас привозили посмотреть, как

часы отбивают полдень. В нашем календаре праздников это было зрелище такое же яркое, традиционное и неизменное, как парад королевской гвардии в день рождения королевы. Все, кто хоть что-нибудь да значил, собирались за несколько минут до двенадцати на небольшой площадке под часами. Она была выложена старой плиткой и заключала в себе хитроумную мозаику рекламы сосисок в томатном соусе.

Кроме меня приходил Джек Корриген, калека из дома № 43, и даже Альберт Скинер; отец никогда никуда его не водил, даже в отдел образования — объяснить, почему сын прогуливает занятия.

Этот Скинер, вечно наголо остриженный, с торчащей поверх брюк полой рубахи, умел каким-то образом пристроиться к компании, вернее прибиться, точно приблудная собачонка. Положим, вы стоите с матерью на трамвайной остановке, разодетый, как игрушка, в честь предстоящей церемонии боя курантов. Вдруг, откуда ни возьмись, Альберт.

— Здрасте.

— Ты, надеюсь, не в город собрался в таком виде? — спрашивает мать из любопытства, а ему только этого и надо.

— Нет,— отвечает,— собирался поехать, да вот потерял деньги на дорогу.

И тогда матери становится жаль его, как он и рассчитывал.

— Ты можешь поехать с нами, Альберт,— предлагает она,— только приведи себя в порядок, заправь рубаху в брюки.

Так каждое рождество он и увязывался за кем-нибудь на церемонию боя курантов. А после того, как заводные солдатики короля отправлялись строем назад, в свои гипсовые казармы, Альберту, как и всем прочим, дозволялось прижаться носом к витрине сказочного магазина игрушек.

Когда время, отведенное на созерцание витрины, истекало, нам вручали пакетик с мятными конфетами и наказом: «Обязательно поделитесь», а потом увозили домой на дребезжащем трамвае. А дома, сидя у камина в пестрых шерстяных носках, отогревая замерзшие ноги, мы должны были сочинять послания рождественскому деду, Санта Клаусу: «Дорогой Санта Клаус, пожалуйста, подари мне к рождеству...»

— Не знаю, что писать дальше,— отчаявшись, говорили мы друг другу в надежде, что вдохновение посетит всех разом.

— Возьми да попроси салазки, как я.

— Чудак, на что тебе салазки? Вдруг снег вовсе не выпадет?

— Ну, тогда биту и ворота для крикета.

— Кто ж играет в крикет на рождество, балда ты этакая?

Альберт Скинер молчал. Да и никто другой не предложил ничего толкового за эти мучительные часы сочинения на вольную тему.

Разложив на коленях пустые блокноты, мы задумчиво сосали химические карандаши, пока язык не становился фиолетовым, но дело было вовсе не в том, что мы не могли ничего придумать. Напротив, идей было множество — салазки, крикетные биты, ворота для крикета, авторучки, динамомашины, проекторы с фильмами про Микки-Мауса — выбор был слишком велик. Ведь потрясающий игрушечный магазин, который разжигал наше экзотическое, хоть в конечном счете и бедное воображение, больше всего на свете походил на мастерскую Санта Клауса, в которой шла бойкая распродажа райских товаров.

Там был большой заводной поезд, ходивший по часовой стрелке, и маленький электровоз, ходивший против часовой стрелки, Ноев ковчег и набор для кондуктора трамвая, детская пишущая машинка, вращавшаяся на ярко освещенной стеклянной полке, и необыкновенный велосипед, свисавший с потолка на невидимой проволоке, оловянный паровой каток, комиксы, рекламные, юмористические, кино- и радиожурналы, настольные игры, наборы для юного химика и юного фокусника, столярные наборы,— короче говоря, все, за что современный мальчишка дал бы вырвать себе зуб. Все, за что дал бы вырвать себе зуб Альберт Скинер, и многое такое, чего он никогда бы не получил. И не он один. Там были такие сокровища, которые ни один разумный подросток и не мечтал получить на рождество, даже если бы позволил вырвать себе все зубы и пообещал быть пай-мальчиком до второго пришествия.

Центральное место среди игрушек, выставленных в витрине сказочного игрушечного магазина, всегда занимало что-нибудь недоступное простым смертным: Блэкпульская башня, сделанная из конструкций «Меккано», механическая карусель с лошадьми, скачущими вверх-вниз на латунных спицах,— совсем как настоящая, Виндзорский замок, сложенный из миллиона крошечных кирпичиков, Букингемский дворец, залитый светом прожекторов. Каждый из нас понимал, что такая роскошь не по карману и Санта Клаусу.

В тот год главное место в витрине занимала великолепная модель пассажирского лайнера «Куин Мэри», недавно спущенного на воду в Клайдбанке. Она была длиной в четыре фута, с настоящими иллюминаторами, настоящим паром, клубами, выходящими из труб, командой, пассажирами, спасательными лодками, кладовыми для багажа в каютах — все точь-в-точь как на настоящем лайнере. Сразу было ясно, что этот лайнер не для таких, как мы.

Вдоволь налюбовавшись на лайнер, мы тут же распростились с дорогостоящей мечтой и, посасывая карандаши, стали просить у Санта Клауса более прозаические вещи: пластилин, резиновых собачек и прочую домашнюю живность, окрашенную такой ядовитой краской, что, полизав ее, можно было отравиться, пару роликовых коньков на двоих.

Так поступили все, но не Альберт Скинер. Прикинув несколько вариантов и выслушав советы, чему отдать предпочтение — мототреку с восемью гоночными электромобилями или его любимцу куклемарионетке коту Феликсу, Альберт невозмутимо заявил, что он-де обдумал все наши предложения, но решил просить Санта

Клауса подарить ему лайнер «Куин Мэри». Можете быть уверены, что его слова были встречены с недоверием.

— Тот самый, с витрины в пассаже? С иллюминаторами, паром и прочими штуковинами? Неужто ты его попросил в подарок?

— Ну? И попросил! А что, нельзя?

— Нет, ребята, он совсем спятил! Эй, Скино, а может, попросишь солдатиков, ну, тех, что маршируют, когда бьют куранты, скорей их получишь, чем «Куин Мэри».

— Захотел бы солдатиков, их и просил бы. Только мне они ни к чему. Пусть он подарит мне лайнер.

— Кто? Санта Клаус?

— А то кто же? Не квакер же с коробки с овсянкой! Сам не соображаешь, что ли?

— Пари держу, что это враки. Ты нас разыгрываешь.

— Ей-богу, не разыгрываю. Я попросил у него в подарок «Куин Мэри».

— Покажи свое письмо.

— Не могу. Я уже засунул его в трубу камина.

— Ага, уж и засунул! Все равно твой отец не купит тебе лайнер, это ему не по карману.

— А он тут при чем? Я прошу подарок у старого доходяги Санта Клауса, а не у отца. Скажете тоже.

— А что ты еще хотел бы, Скино?

— Ничего. Мне больше ничего не нужно, только лайнер, и я его получу, вот увидите!

Что было спорить попусту? Каждый из нас про себя подумал, что Альберт — ничего не скажешь — оптимист. Во-первых, такой большой, роскошный, расцвеченный огнями корабль скорей всего не предназначался для продажи. А во-вторых, мы все прекрасно знали, что представителем Санта Клауса в доме Скинеров был мрачный, отличавшийся крутым нравом углекоп, который к тому же оказался без работы. Всем было известно, что на день рождения Альберт получил башмаки, а не быстроходный морской катер, который он тогда облюбовал. Но Альберт вопреки всему продолжал настаивать, что получит «Куин Мэри» к рождеству.

— Спросите отца, если не верите,— говорил он,— если мне не верите, спросите отца.

Но никому из нас и в голову не приходило обсуждать это дело с вспыльчивым мистером Скинером. Иногда, когда мы заходили к Альберту обменяться комиксами, он сам заводил разговор об этом.

— Отец, скажи, да или нет? Получу я на рождество «Куин Мэри»?

Мистер Скинер, угрюмо строгавший у огня кусок дерева, ворчал, не поднимая головы:

— Хорошую затрещину по уху получишь, если не кончишь трепаться.

Вполне удовлетворенный таким ответом, Альберт оборачивался к нам:

— Вот видите, получу. Будет у меня лайнер. Отец, будет? Будет?

Когда мистер Скинер возвращался из паба в дурном расположении духа, что случалось с ним нередко, мольба сына поддержать в нем надежду вызывала у него раздражение.

— Да заткнешься ты, наконец, со своей «Куин, растреклятой Мэри», гори она огнем! — кричал отец. — Недоносок безмозглый, ты что, думаешь, у меня денег куры не клюют?

Выскочив на улицу с пылающим от отцовской затрещины ухом, Альберт, кусая губы, чтоб не зареветь, упрямо повторял:

— Все равно лайнер будет мой! Вот погодите до рождества!

До рождества оставалось две недели. Большинство ребят уж догадалось по намекам матерей, что принесет им Санта Клаус или — чаще — что он им не принесет.

— Вряд ли Санта Клаус сможет подарить тебе в этом году электрическую железную дорогу, милый Терри. Говорит, она слишком дорогая. Вот самосвал у него, может быть, найдется.

Будучи реалистами, мы смирились с тем, что рождественский дед отвел нам одно из последних мест в своем списке, и очень старались убедить Альберта, что надо смириться.

— Дался тебе этот лайнер, Скино. И без него обойдешься.

— Кто это сказал?

— Моя мать. Говорит, мол, он такой большой, что не влезет в мешок Санта Клауса.

— Много она понимает. Джеку Корригану он подарит велосипед. Если мой лайнер не поместится в мешке, то как же там поместится этот чертов велосипед?

— Дурачье, при чем тут велосипед? Он принесет мне набор для фотолюбителя «Джон Булль». Сам моей матери сказал.

— А мне наплевать, что он ей сказал, а что не сказал. Санта Клаус все равно принесет мне лайнер.

Спор прекратился, когда из окна кухни вдруг выглянул мистер Скинер.

— Если я еще раз услышу хоть слово про этот проклятый лайнер, ты у меня ничего на рождество не получишь! Слышишь?

На том разговор и закончился. А через несколько дней дамы-благотворительницы из церковного союза возили того парня-калеку из дома № 43 в пассаж на церемонию боя курантов, и, вернувшись домой, он рассказал, что лайнера «Куин Мэри» в витрине игрушечного магазина больше нет.

— Знаю,— сказал Альберт, убедившись, что отца нет поблизости. — Ведь это я получу его на рождество!

Казалось, это и впрямь единственно возможное объяснение. Сказочный игрушечный магазин никогда ничего не менял в своей великолепной экспозиции до второго дня рождества — дня рождественских подарков. Это было что-то неслыханное. Конечно, какая-нибудь мелочь могла исчезнуть с витрины — Ноев ковчег, к примеру, ферма, настольная игра «Монополия». Могли исчезнуть даже две игрушки. Все это можно было понять: Санта Клаусу, обходившему детей с рождественскими подарками, не хватило игрушек, вот он и обратился к своим, так сказать, субподрядчикам. Но ни Блэкпульская башня, сделанная из конструкций «Меккано», ни ка-

русель с лошадьми, скачущими по кругу вверх-вниз, никогда не исчезали с витрины, никогда. А вот «Куин Мэри» исчезла. Что случилось? Может, рождественский дед сошел с ума? Может, мистер Скинер подкупил его? Если так, то чем? В футбольной лотерее выиграл, что ли? Или такой непоколебимой вере, как у Альберта, под силу и горы сдвинуть с места, не то что какой-то игрушечный лайнер с настоящим дымом и иллюминаторами? А один циник из нашей компании заявил, что лайнер, наверное, купили для какого-нибудь богатенького балованного сыночка из классической средней школы.

— Погодите, сами увидите,— сказал Альберт.

И вот наступило рождественское утро. После того как все шоколадные пенни были съедены, а все кухни окрест завалены ореховой скорлупой и апельсиновыми корками, мы выскочили на улицу, чтобы похвалиться подарками. Кто засунул в рот включенный электрический фонарик, отчего щеки засветились красным светом, кто подбрасывал в воздух одного или двух оловянных солдатиков с таким видом, будто дома их у него — целый полк. Те, кто мечтал об игрушечной деревянной крепости, обрадовались книжкам для раскрашивания; те, кто просил гоночные электромобили, довольствовались скромными игрушечными машинками «Динки», те, кто хотел роликовые коньки, были осчастливлены наборами карандашей.

Альберт как сквозь землю провалился. Правда, никто и не ожидал его увидеть. Но когда мы принялись гадать, что ж он все-таки получил от Санта Клауса — фуфайку или вязаный шлем,— Альберт вдруг выскочил на улицу и понесся, подпрыгивая, чуть ли не кувыркаясь в воздухе, с ликующим воплем:

— Он мой! Он мой!

Позабыв в канаве книжки для раскрашивания, стеклянные шарики и игры «Счастливые семьи», мы столпились вокруг Альберта, бережно прижимавшего к груди нечто показавшееся нам на первый взгляд простым куском дерева. Потом мы разглядели грубо вырезанные с двух сторон корму и нос корабля, трубы — ниточные катушки, прибитые к дереву. Грузовая марка была обозначена рядом гвоздей с широкими шляпками, а кусочки картона, державшиеся на клею, изображали бортовые иллюминаторы. Вся самоделка, за исключением надписи на левом борту, была выкрашена липкой сажей в черный цвет. «Куин Мэри» — прочли мы сбоку. Буквы были белые и неровные — то большие, то маленькие. Мистер Скинер никогда не слыл грамотеем.

— Теперь видите! — торжествовал Альберт. — Говорил же вам — принесет! Он и принес!

Наше одобрение, хоть оно выражалось невнятно и несколько натянуто, было вполне искренним. Конечно, альбертовский лайнер был сработан грубо, но сколько часов труда было на него потрачено, сколько любви вложено в этот труд. Сколько вечеров кропотливой работы у огня ушло на то, чтобы придать куску дерева эти неуклюжие контуры!

Мистер Скинер, заправив полы пижамы в брюки, вышел из дома и остановился у калитки. Альберт, в порыве счастья, подбежал к отцу и, обхватив его руками, крепко обнял.

— Смотри, отец, смотри, что я получил на рождество! Смотри, что мне принес Санта Клаус! Ты ведь всегда знал, что лайнер будет мой, правда?

— Да отвяжись ты, малолеток,— пробурчал мистер Скинер.

Довольный, он затянулся пустой трубкой и, по привычке дав сыну легкую затрещину, пошел домой.

◆

ОСКАР УАЙЛЬД (Англия)

Перевод с английского ЕВГЕНИИ ШВАРЦ

Фразы и афоризмы для молодых

Люди воспитанные противоречат другим. Люди умные противоречат себе.

Скука — это постаревшая серьезность.

Единственная возможность оставить о себе память в коммерческих кругах — это не платить по счетам.

Амбиция — последнее прибежище неудачи.

Хорошо знают себя только поверхностные люди.

Старики всему верят, пожилые во всем сомневаются, молодые все знают.

Вопросы никогда не бывают нескромными. Нескромными бывают ответы.

Нравственность — это мерка, с коей мы подходим к людям, которых мы не переносим.

Полюбите себя, и у вас начнется роман, который будет длиться всю жизнь.

Наши гости

Арман Лану

ФРАНЦИЯ

Творчество Армана Лану, известного французского писателя, видного общественного деятеля — он вице-президент Академии Гонкуров,— хорошо знакомо читателям «Иностранной литературы». Давний друг и постоянный автор нашего журнала, Арман Лану часто выступал на его страницах: у нас был опубликован антивоенный роман «Майор Ватрен»[1], рассказы и статьи писателя. Гость VII съезда советских писателей, Арман Лану, несмотря на крайне насыщенную программу пребывания в нашей стране — участие в заседаниях, встречи с советскими литераторами, поездки во Владимир, Суздаль, Ставрополь,— нашел время посетить редакцию вместе с супругой, поэтом и прозаиком Катрин Лану-Толстой.

Старые друзья при встрече, естественно, прежде всего стремятся узнать, что нового написано и опубликовано, обменяться мнениями о событиях общественно-литературной жизни.

— Вопросы культуры и литературы,— говорит Арман Лану — сегодня, в столь сложный период обострения международной обстановки, приобретают исключительно важное значение. Постараюсь подробнее обосновать свою мысль. В ассоциации «СССР — Франция» мне много приходится заниматься теми проблемами культурного обмена, которые имеют отношение к так называемой «третьей корзине» Общеевропейского совещания в Хельсинки.

На мой взгляд, ошибочно разделять неразрывно связанные экономические, политические и культурные вопросы. Но — повторяю, это мое личное мнение — первое место принадлежит культуре, с нее начинается все. Разумеется, я не намерен преуменьшать остроты и значительности социально-политических проблем. Однако убежден, что культура — и, конечно же, художественная литература играют первостепенную, ответственную роль в благородном деле взаимопознания и сотрудничества народов, а значит, и упрочения мира.

И в этой связи мне хотелось бы высказать свои суждения о журнале «Иностранная литература». Я не склонен к лести и не мастер делать комплименты, но искренне считаю, что ваше издание в своем роде уникальное. Во Франции, например, где к мировой литературе проявляется живой интерес, не существует подобного журнала. «Иностранная литература» способствует познанию современного литературного процесса, культуры, искусства многих народов мира. К сожалению, я не читаю на русском языке, но с помощью жены свободно им владеющей, имею возможность знакомиться с содержанием каждого номера. Не знаю я и другой страны, где с такой заинтересованностью, как в Советском Союзе, относились

[1] См. «ИЛ» № 8—10, 1957 г.

бы ко всему, что происходит во французской литературе. Несомненно, в этом сказываются традиционные связи наших стран и культур. Мы, например, избрали иностранным членом-корреспондентом Академии Гонкуров прекрасного советского писателя Валентина Катаева.

Главное, мне кажется, в работе вашего журнала—это проблема качества произведений, отбираемых для публикации. К вашей чести следует сказать, что вы ошибаетесь редко, проявляете точный, уверенный вкус. В подходе к произведениям зарубежных авторов «Иностранная литература» обнаруживает ту «открытость» — в хорошем смысле этого слова,— которая, с моей точки зрения, и есть подлинное проявление «духа Хельсинки». Журнал печатает сочинения даже тех писателей, которые не придерживаются марксистской эстетики, но создают гуманистические, по-настоящему художественно значительные вещи.

— Мой муж,— замечает г-жа Катрин Лану-Толстая,— по собственному опыту знает, какое это сложное и трудное занятие — отобрать из моря книг наиболее серьезные и достойные. Ведь все члены Академии Гонкуров, присуждающей самую авторитетную премию Франции,— к тому же настоящие литературные критики: ежегодно каждому из них приходится знакомиться почти с двумястами новинками художественной прозы.

По традиции, «сезон премий» во Франции приходится на позднюю осень. Он вызывает оживленное внимание и широких читательских кругов, и «большой прессы». Увенчанные премиями книги не всегда становятся вехами во французской литературе, являются творческими открытиями, но, взятые в совокупности, они позволяют «наглядно» представить динамику литературного процесса.

— Г-н Лану, мы понимаем, что вы не можете раскрывать нам «секретов» Академии Гонкуров, имена будущих, наверное уже наметившихся, лауреатов. Однако не могли бы вы поделиться с нами вашими мыслями об основных тенденциях французского романа наших дней?

— В короткой беседе сделать это непросто,— отвечает Арман Лану,— но я все-таки попытаюсь нарисовать своего рода микропанораму сегодняшней нашей прозы.

Сейчас во французской литературе — прежде всего это касается романа — довольно четко обозначилась поляризация сил. Еще двадцать лет назад в ней царил «новый роман», который тогда открывал перед романическим жанром определенные перспективы и казался творческим авангардом. Я испытываю чувство уважения к таким представителям этого направления, как Натали Саррот, Маргерит Дюра, Клод Симон, Мишель Бютор, Ален Роб-Грийе. Однако в оценке «нового романа» не нужно забывать о следующих обстоятельствах. Во-первых, все эти авторы — замечу, писатели талантливые — не представляли собой единой творческой школы, а были только замкнутой литературной группкой. Теперь движение за «новый роман» полностью распалось, изжило себя. Читатели не приняли подобной литературы, чрезмерно поглощенной внутренними проблемами «чистого текста», которые требовали от них слишком большого «соучастия» в ее понимании. Во-вторых, «новых романистов» стали излишне тесно связывать со структуралистами. Сразу же оговорюсь, что признаю структуральный анализ методом, имеющим большое значение для социальных наук. Но этот анализ нельзя применить к роману: отказ от историзма и сюжета, от психологизма в исследовании человеческого характера и показа социальной среды заводит жанр романа в тупик.

За последние десять лет во французской литературе наблюдается возвращение к реализму. Академия Гонкуров поддерживает тех писателей, которые стремятся художественно познавать действительность, продолжать живые традиции французского реализма и натурализма. Можно без преувеличения утверждать, что наша Академия — оплот реализма во Франции.

Среди членов Академии Гонкуров — оригинальные, своеобразные художники, и каждый из них творчески разрабатывает собственную, реалистическую в основе, манеру письма. Жан Кейроль, например, изысканно-утонченный поэт, полагает, что реализм не исключает мечты, некоей загадочно-таинственной символики, ореола поэтической дымки. Подтверждением необычного подхода Жана Кейроля к реалистическому письму может служить его прекрасный роман «История дома», пронизанный антимилитаристским духом. Ведь Жан Кейроль, в прошлом узник Маутхаузена, ненавидит фашизм и войну.

Другое значительное имя в современной французской прозе — Мишель Турнье[1]. *Он склонен к мифологизму и в последнем своем романе «Гаспар, Мельхиор и Балтазар» обратился к мифу о трех волхвах, что пришли поклониться младенцу Христу. Глубоко философски образованный писатель, Турнье пишет ярким, сильным языком, который пуританам кажется иногда слишком раскованным. Мне представляется, что Мишель Турнье обладает большим мастерством стилиста.*

Заметным явлением стали произведения тех романистов, кого во Франции называют «поколением гусаров»[2]. *Теперь бывшие «гусары» постарели, но создали ряд превосходных книг. Этим писателям — среди них были такие незаурядные мастера, как Роже Нимье и Антуан Блондэн, — присущ настоящий культ Стендаля. Настроены они очень индивидуалистически, «эгоистически», как сказал бы автор «Красного и черного», и придерживаются весьма правых политических взглядов. Именно с этих позиций они (как, например, Мишель Деон, автор известного романа «Дикие пони») резко, временами зло и ядовито критикуют современное французское общество.*

Приметой дня во французской прозе служит большое количество романов, принадлежащих перу женщин. Продолжают писать представительницы «нового романа» —

[1] Рассказы М. Турнье опубликованы в «ИЛ», 1981, № 10.

[2] Группа писателей, выступившая в начале 50-х годов, получила свое название от известного романа «Гусар на крыше» Жана Жионо, которого они считали своим метром.

Натали Саррот и Маргерит Дюра, много печатается Франсуаза Саган, но появилось немало других, весьма интересных романистов. Особо хочу сказать о новой книге Эдмонды Шарль-Ру (она известна у вас по роману «Забыть Палермо») «Сицилийское детство», напоминающей знаменитую историческую фреску итальянского писателя Томмазо ди Лампедузы «Леопард». Прелестный, своего рода «комический» роман «Комната Гёте» написала Эбрар, дочь видного писателя, члена французской Академии Андре Шамсона. Не по-женски сильно пишет Мари Карденаль. Объемистый роман «Диккикороль», посвященный «идолу» песни и показывающий нравы экзотической среды «шоу-бизнеса», молодых фанатиков своего кумира, выпустила Франсуаза Малле-Жорис, член Академии Гонкуров. Я хочу снова подчеркнуть, что они создают настоящую, серьезную литературу.

Во французской прозе также выделяется усиливающаяся в последние годы тенденция, которую я бы назвал «барочной». Несколько лет назад Гонкуровской премии был удостоен талантливый образец подобной литературы — роман Патрика Грэнвиля «Пылающие». Мировоззрение этих писателей пронизано анархизмом, им надоело все будничнo-обыденное, они жаждут и ищут необычного, странного неординарного. Интересен их язык — смесь барочного стиля с элементами поэтики комиксов.

В наши дни очень много выходит романов, написанных живым, разговорным языком, так сказать, «языком улицы». Ваш журнал уже сообщал о сенсационном успехе романов Эмиля Ажара, которые, как оказалось, были созданы недавно умершим известным прозаиком Ромэном Гари. Из подобных авторов хочу назвать Клода Курше, выпустившего любопытный роман «Китайский суп», постоянного литературного обозревателя газеты «Монд» Бертрана Пуаро-Дельпеша, чей роман «Легенда века» вызвал интерес читателей, Анри Каванна. Однако, по моему мнению, книги, написанные в «разговорном стиле», быстро устаревают, не выдерживают испытания временем.

О современном французском романе можно было бы говорить долго, но, боюсь, что я и так злоупотребил вашим вниманием.

— Спасибо вам, г-н Лану, за обстоятельный рассказ о французском романе. Надеемся, что ваши суждения помогут «Иностранной литературе» еще полнее, нагляднее, так сказать, знакомить советских читателей с литературой сегодняшней Франции. Однако невольно напрашивается вопрос о творческих планах Армана Лану.

— Я закончил две книги, которые скоро выйдут в свет. В первой рассказывается о жизни фаворитки одного из президентов Франции Феликса Фора. Это была красивая, обольстительная, но лживая женщина, отчаянная авантюристка. В 1908 году какие-то неизвестные убили ее мать и мужа, она же осталась жива. На процессе присутствовал друг принца Уэльского, пэр Англии, за которого она вышла замуж и ловко проникла в круг английской аристократии. Историю бурных похождений этой циничной авантюристки я считаю кое в чем поучительной для нашего времени и наших нравов. По книге снимается телефильм с участием известной киноактрисы Доминик Санда.

И еще я написал роман, где рассказал о богатой приключениями жизни своей бабушки. Надо все-таки лучше знать свои корни.

Года через три я планирую начать работу над мемуарами. Сейчас сын Франсуа Мориака, известный прозаик и критик Клод Мориак, публикует свою мемуарную серию, красноречиво озаглавленную «Неподвижное время». Вышло уже восемь томов, которые, скажу откровенно, показались мне слишком субъективными и скучными. На мой взгляд, в мемуарах главное — это найти оригинальную, увлекательную художественную форму. Я намерен построить свои мемуары по принципу монтажа и открытого стиля. В них будут действовать три героя: тот, кто пишет записки, тот, кто их потом перечитывает, а третьим персонажем станет История. Активно относиться к жизни я начал лет в десять, когда узнал о деле Сакко и Ванцетти. Это было моим первым соприкосновением с историческими событиями, с политикой. Сперва я узнавал о политике только из газет, повзрослев, стал пристальнее приглядываться к социальной жизни. Для меня в мемуарах основное — показать человека, живущего и действующего в Истории. Думаю, что в этом — призвание реалистической литературы.

ЛЕВ ТОКАРЕВ

Фото А. Карзанова

◆

Среди книг

Издано в СССР

О ВРЕМЕНАХ МИРНЫХ

Современная американская повесть. Перевод с английского. Составление и предисловие А. Зверева. Москва, «Прогресс», 1980.

Как ни странно, но слово «повесть» в англо-американском литературном обиходе не употребляется.

Нет слова — стало быть, нет и явления?

Но мы помним в американской литературе «Билли Бадда» и «Бенито Серено» Мелвилла, «Медведя» Фолкнера, помним «Старика и море» Хемингуэя. В каждом из этих коротких романов (или больших новелл) что-то было от романа, а что-то от новеллы — и все же куда больше оставалось своего, противостоящего и роману с его обстоятельностью, и новелле с ее стремлением «остановить мгновение». Этот «жанр без названия» и есть американская повесть, при всей, так сказать, нелегальности своего положения обладающая и богатой историей, и вполне сложившимися принципами, стремящаяся за камерным, «малоформатным» уловить пульс большой Истории.

Существует мнение, что в одном смысле Америке явно повезло. Гражданская война 1861—1865 гг. была последней войной на американской земле. И все же для американского сознания XX века понятия «война» и «насилие» знакомы и близки. «Для Америки насилие так же привычно, как пирог с вишнями»,— говорят сами американцы. Ощущением постоянного присутствия насилия в жизни страны проникнуты все шесть повестей, составивших сборник «Современная американская повесть», хотя только в двух из них действие происходит в армии и только «Пистолет» Дж. Джонса посвящен войне — второй мировой.

«Седьмого декабря 1941 года, когда на аэродром Уилер упали первые бомбы, рядовой первого класса Ричард Маст завтракал»,— так начинается «Пистолет». Событие международной важности — нападение японцев на Пирл-Харбор — уравнивается по значимости с процессом, важным для частного существования — приемом пищи. Случайность? Ни в коем случае. Именно в такой тональности и выдержан весь «Пистолет», этот блестящий этюд об индивидуализме.

Инициативная, предприимчивая личность, умеющая оставить с носом менее расторопных конкурентов и уважающая единственный авторитет: собственное хотение,— центральная фигура идеологии американизма. Но у этого голубого героя национальной мифологии имеются еще кое-какие свойства, прямо вытекающие из названных. Это безграничное себялюбие, презрение, а то и ненависть к окружающим (как к потенциальным конкурентам), умение побольше взять от общества, а взамен не дать ничего. Общество же в минуты опасности (да и в мирные времена) вынуждено вручать свою судьбу таким вот одиноким охотникам и пожинать плоды своего же воспитательного метода.

Вовсе не с фашизмом воюет Ричард Маст. Он не за страх, а за совесть сражается... с собственными же товарищами, которые всеми правдами и неправдами пытаются завладеть пистолетом, случайно доставшимся Масту в личное пользование. Пистолет для него (и для его оппонентов) нечто большее, чем личное огнестрельное оружие. Это символ личной безопасности. И не столько от военного противника, японца-самурая с саблей, который грезится Масту, сколько от всего того, что не входит в понятия «я» и «мое».

Остаться в живых — вот главная, если не единственная цель Маста во второй мировой войне. Ему нет дела до фашизма, массовых убийств, лагерей смерти. Для него все это как-то нереально. Зато реально собственное благополучие, а раз так, истинные враги — все те, кто на это благополучие покушается,— начальство, коллеги, весь мир...

Японцы же если и виноваты, то в том, что не дали Масту дозавтракать. В действиях своего героя при налете («прихватив воскресную бутылочку молока — чтоб не украли — бросился со всеми») Джонс подчеркивает этот автоматизм в стремлении не упустить своего. Так и слышится знакомое: «Свету ли провалиться или мне вот чаю не пить?» И вслед за героем «Записок из под-

полья» Достоевского Ричард Маст повторяет — не открытым текстом, но действиями, которые красноречивее слов: «Я скажу, чтоб свету провалиться, а чтоб мне всегда чай пить».

Любопытно, что похожее отношение маленького человека к большой войне не раз возникало на страницах американской «батальной» литературы. У раннего Э. Хемингуэя, Н. Мейлера, Дж. Хеллера война — любая — воспринимается персонажами как катастрофа прежде всего потому, что угрожает личному бытию. Для них она лишнее свидетельство всеобщего помешательства, тотального абсурда, когда все воюющие одинаково «хороши». Такие герои (точнее сказать, антигерои) спешат заключить «сепаратный мир», ибо верят в себя как в конечную, абсолютную ценность. Удивительно ли, что при подобном отношении их враг ближе, чем можно было бы предположить? Записывая в «фашисты» своих товарищей и командиров (которые и правда могут быть далекими от совершенства), они, увы, забывают или не хотят знать о настоящем фашизме. Впрочем, ответственность за такую близорукость литературных персонажей по справедливости должны разделить и их создатели. Мало кому из американских писателей удалось повторить путь Хемингуэя от апологии «сепаратного мира» («Прощай, оружие!») до призыва браться за оружие, если существует — и даже не дома, а в другой части света — фашистская угроза («По ком звонит колокол»).

«Человек один не может ни черта». Этот вывод одного хемингуэевского героя не раз вспоминается при чтении «Современной американской повести» Нет, не в победах над другими, а в единении с другими, в наличии общей цели сила личности. Разобщение и самоизоляция, попытки купить любой ценой индивидуальное спасение ни к чему хорошему не приводят. Горькой иронией окрашена концовка «Пистолета», где происходит разоружение Маста. Выстояв в тяжких битвах с однополчанами, он все же возвратит бесценный талисман каптенармусу, давно искавшему это «без вести пропавшее» оружие. Шанс на личное спасение оказался фикцией, канцелярской ошибкой, в конце концов армейским чиновником исправленной. Проиграв свою главную войну, Маст обречен довоевывать иную, ему чуждую и непонятную.

Кто же виноват, что маленький человек в любом общественном испытании готов усмотреть заговор против собственной персоны? Во-первых, он сам. Но и взрастившее его общество тут не без греха. Слишком часто оно внушало, что национальная безопасность под угрозой, и отправляло его «защищать демократию» в Корею и Вьетнам, Южную Америку и Западную Европу. Слишком часто идеализм и патриотизм, подогретые в маленьком человеке официальной пропагандой, отзывались внушительными прибылями «реалистов» из правящей элиты. В таких обстоятельствах индивидуализм с его недоверием к «общим целям» выступает как болезненная реакция на претензии общества подчинить себе личность, превратить ее в легко манипулируемую «безличность».

В «Долгом марше» У. Стайрона[1] речь пойдет о временах мирных — армейских учениях начала 50-х годов. Но мирные эти времена только на первый взгляд. Недаром начнется повесть эпизодом гибели восьмерых солдат от шального снаряда. Беда случилась, когда они «терпеливо стояли в очереди у походной кухни», дожидаясь обеда. Как и в «Пистолете», личности помешали как раз в тот момент, когда она заботится о поддержании своего существования.

То, что для армейской практики — несчастный случай, в повести Стайрона — закономерность. Будни армейской службы в контексте «Долгого марша» рождают обобщенный образ военной машины, образ, который, в свою очередь, выступает как знак еще более общей ситуации — американского социального механизма в целом. Американское общество воспринимается писателем как крайне опасное для человека. Дело не столько в опасности физической, сколько в той моральной обработке, которой подвергается частное лицо, когда его учат «вести себя в обществе». Пеший марш-бросок, формально устроенный ради поддержания боевого духа и товарищеской спайки,— символ такой насильной «социализации». Солдат и офицеров учат давать отпор неприятелю, но слишком многое в методах подготовки заставляет заподозрить, что неприятель видится начальством в самой личности, в ее постоянных капризах, сосредоточенности на себе, повышенной чувствительности — словом, той дури, которую истеблишмент жаждет раз и навсегда изгнать.

«Организованное общество» победило в повести-притче Стайрона. Торжествует оно и в повести-гротеске Дж. Херси «Мое прошение о дополнительной площади». Американская социальная машина принимает там облик всесильного Бюро, которое рассматривает просьбы граждан и за редким исключением всем и во всем отказывает. Всякое личное, не от общества исходящее желание — завести ли ребенка или увеличить жилплощадь — пресекается. Не хочешь неприятностей — живи как все. В этом, учит Бюро, и есть счастье.

В разные времена счастье понимается поразному. Если в «Йоннондио тридцатых годов» для Тилли Олсен (действие происходит во время Великой депрессии) счастье — это не умереть с голоду, а в «Пистолете» — не быть убитым, то, когда наступают относительно благополучные времена, выясняется, что уцелеть — это далеко не все. Возникает вопрос качества существования. Жить как все — невелика радость для героев Дж. Херси и У. Стайрона, У. Болдуина и Т. Капоте. Для героини повести Капоте «Завтрак у Тиффани» жить как все — это притворяться, лгать, продаваться. «Лучше рак, чем нечестное сердце»,— убеждена Холли Голайтли. Всеми силами пытается она найти способ существования вне буржуазности с ее псевдопорядочностью и мнимой честностью. Но жизнь наперекор прописям добродетели, богемная беззаботность и легкость связей радости не приносят. Вокруг жаждущей естественности и человечности Холли — те же буржуа, только «на каникулах», отдыхающие от

[1] См. «ИЛ», 1967, № 7.

тягот службы на благо «организованного общества». И неожиданный, на первый взгляд, финал — Холли арестована за связь с преступной организацией по торговле наркотиками — в конечном счете закономерен. Для Капоте важно не нарушение законов уголовного кодекса само по себе. Вина Холли в том, что она открыто нарушает правила хорошего тона (читай — умение жить как все), за что и следует возмездие. Но есть тут и закономерность иного рода, похоже, проступившая независимо от намерений автора. Бегство от буржуазности часто приводит не к освобождению от нее, а лишь к подмене ее внешней антибуржуазностью, при внимательном рассмотрении оборачивающейся все той же буржуазностью, только принявшей иной облик. Капоте, кажется, исходит из старого девиза, что разбойник куда лучше и честнее буржуа. Но разбойники XX века, как свидетельствует история США,— те же буржуа, делающие свой бизнес в строгом соответствии с законами общества.

Тюрьмой заканчивается эта повесть из «мирных времен». Тюрьмой начинается и повесть Болдуина «Если Бийл-стрит могла бы заговорить» [1], завершающая книгу. Что же рассказала бы улица Гарлема, обрети она дар речи? Что арестованный юноша-негр ни в чем не виноват? Или она рассказала бы, что нет ничего нового в «беззаконии закона» , что так испокон века ведется и лучше примириться с участью негра в белой стране, который изначально всегда и во всем виноват? Но времена молчаливой покорности миновали на этой улице. Тиш и Фонни, влюбленные из Гарлема, будут бороться. За свое счастье. За право на творчество (Фонни — скульптор), за право на любовь и семью. А это непросто. За ложным обвинением Фонни в изнасиловании скрывается другое обвинение. По словам Тиш, «он никому не хотел подчиняться. А это преступление в нашей хреновой свободной стране». Да, герои Болдуина живут в неблагоприятных обстоятельствах. Но не только во внешних причинах дело. Чтобы выстоять, им приходится преодолевать инерцию безнадежности, не впасть в отчаяние, не ожесточиться на всех без разбору. Только так и можно дать отпор расизму.

Повесть негритянского писателя перерастает рамки черно-белых отношений: Фонни и Тиш ведут борьбу с расизмом, суть которого в ненависти ко всем тем представителям рода человеческого, что отстаивают внутреннюю свободу. Такая борьба рождает сплоченность, в которой было отказано другим героям «Современной американской повести». В шуме и ярости болдуиновской прозы — ноты надежды, хотя до счастливого конца очень далеко. Пока Фонни отпущен на поруки. Он работает. Тиш ждет ребенка. Финал повести — финал всей книги — напряжение ожидания, пронзительность надежды: «И где-то далеко, но все ближе и ближе слышится плач, плач, плач, плач, плач, плач, плач, плач ребенка, точно он задумал пробудить мертвых». Это надежда на воскрешение мертвых душ. На рождение нового человека, который сумеет выстоять в той гражданской войне, которая, по мнению ряда наблюдателей-экспертов, и составляет особенность «мирных времен» Америки XX века.

СЕРГЕЙ БЕЛОВ

[1] См. «ИЛ», 1975, № 7.

БЛЕКЛЫЕ КРАСКИ ОСЕНИ

Барбара Пим. Осенний квартет. Перевод с английского Н. Волжиной. Предисловие И. Васильевой. Москва, «Прогресс», 1981.

Существует много формул, определяющих «самое трудное» в создании романов. Не берусь предложить свою бесспорную формулу. Но, наверное, почти все согласятся с тем, что необычайно трудно живописать — живо описать — обыденную жизнь, в которой нет никаких происшествий: обыкновенный труд, приевшиеся хозяйственные заботы, пустые домашние вечера.

И уже совсем трудно живописать жизнь одинокого пожилого человека, каких во всем мире огромное количество. Да еще если это к тому же люди, лишенные интереса к окружающей духовной жизни и вообще заторможенные ко всем внешним впечатлениям: отупляющая, монотонная работа, монотонное времяпрепровождение вне ее. И, наконец, если все это накладывается на традиционную английскую замкнутость, где девиз «мой дом — моя крепость» приобретает некий более расширительный смысл: моя личная жизнь для окружающих — за крепостной стеной.

Так постепенно все туже и туже, на все новые обороты винта закручивала Барбара Пим свой авторский замысел.

«Осенний квартет» — это четыре человека, доживающие до пенсии в каком-то заброшенном отделе большого учреждения.

Писательница не объясняет, что это за отдел и какую канцелярскую работу выполняют ее герои. Для художественной структуры повести вполне достаточно сообщения о том, что заместитель директора не знал, чем занимается отдел — «кажется, что-то связанное с отчетностью, с составлением картотек»; да и сохраняли отдел лишь до той поры, пока все сотрудники не отправятся на пенсию. Но пока все шло как в настоящем деле: обрабатывались бумаги, раз в день приходил курьер за исходящей почтой...

Где-то в середине романа обе женщины, Марсия и Летти, уходят на пенсию, а двое мужчин, Эдвин и Норман, пока остаются. И если говорить о тех оборотах, которые все туже стягивали авторский замысел, то следует, вероятно, упомянуть и то, что эти четыре человека могли бы образовать две «романтические» пары, создав обстановку этакой благородной влюбленности, столь оживившую бы весь эмоциональный настрой повествования. Но Барбара Пим отказалась и от этой выигрышной возможности. Все ее герои одиноки, да и не пытаются хоть как-то сблизиться, сдружиться друг с

другом. И когда после смерти Марсии стало известно, что она завещала свой домик Норману, все необычайно удивились. Ничто не предвещало такого шага, наоборот, ее ведь рассердило, когда Норман недавно остановился у ее дома, проявив тем самым, по ее мнению, возмутительную назойливость. Правда, поступив несколько лет назад в этот отдел, «Марсия слегка заинтересовалась Норманом, это чувство было на много градусов холоднее нежности, но некоторое время все же занимало ее мысли». Да еще они заваривали в обед кофе из одной банки: покупать на двоих большую банку экономнее, чем две отдельные. Так что ее посмертный дар — не столько акт привязанности, сколько жест безысходности: никому не завещать дом вроде нелепо, а близких людей нет — так хоть сослуживцу оставить, хотя их кроме банки с кофе ничто не объединяло. Недаром Норману оказались неприятны, а не милы приметы и предметы ее домашнего бытия, когда он осматривал унаследованный дом. У него даже возникло желание продать этот дом — настолько все здесь было чуждым ему.

Великолепно выстроен в книге и эпизод встречи квартета, когда спустя некоторое время после ухода женщин на пенсию Эдвин и Норман решили пригласить их на завтрак: нужно же для приличия поддержать былые связи. И вот они вчетвером завтракают в ресторане и вновь, как и прежде, им не о чем говорить; разговор, едва разгоревшись, быстро иссякает. И они расходятся с приятным чувством исполненного долга и с тайной радостью, что теперь можно опять много-много времени не встречаться.

Поэтому «осенний квартет» — это не слитный, сыгравшийся ансамбль, а как бы четыре контрапунктных мелодии, которые пересекают — в жизни и сюжете — одна другую и беспрестанно переплетаются, образуя некую общую мелодию. Мелодию одиночества, печали, бесполезно истаивающего существования. Наше горестное сочувствие такой жизни и наше нежелание жить ею — вот тот главный гуманистический итог, которого добивается писательница, честно воспроизведшая саму эту жизнь.

Мелодия, сыгранная квартетом, лишний раз подтверждает, что человек полноценно живет, пока у него есть стремления, пока он чего-то добивается. Без этой заветной цели жизнь быстро затухает. У этих же людей, разных по темпераменту, нет такого подогрева Работа, которую они исполняют, никому не нужна, да и сами они никому не нужны, и, значит, их дальнейшая жизнь бесцельна.

К Марсии, перенесшей трудную операцию, время от времени приходит некая дама из благотворительного центра. Марсия упорно старается не впускать ее в дом, упорно отказывается от ее помощи и от ее приглашений. Вроде бы вздорность одинокой старухи, не принимающей протянутую ей длань сочувствия! Но ведь эта дама ходит по поручению, по обязанности — и Марсия это ощущает. Заменитель тепла, заменитель чуткости ей не нужен: в холодной кастрюле еду не сваришь. Так и угасла Марсия от постепенного истощения не заботясь о себе и не принимая чужую заботу по обязанности. Да и Летти не захотела уйти в комфортабельный дом для престарелых: привычное одиночество ей уже милее непременного общения.

Можно счесть такое стремление к одиночеству некоторым сгущением красок, но скорее это трезвая и честная художническая проницательность.

Барбару Пим больше интересуют в романе женские судьбы. Не только потому, что женская психология ей ближе, но, думаю, и потому, что Марсии и Летти теперь совсем уж нечем занять себя целый день. У мужчин хоть работа пока осталась. Та работа, что безнадежно надоела и оттого освобождает от страха перед близким уходом на пенсию, но она же и спасает, позволяя убить хоть часть постылого, ненужного времени, которое столь опустошающе действует на души женщин, оказавшихся в полной праздности.

У каждого из героев своя степень одиночества: у Летти есть давняя, еще с юности, подруга, с которой они иногда встречаются. Вдовец Эдвин пока ездит в отпуск к семье дочери. Не бог весть какие отдушины, но у Марсии и Нормана и того нет.

И понятно, что у каждого из них свои странности, слабости и уже неизживаемые привычки. Кропотливо, дотошно воссоздает писательница этот микробыт каждого из героев: как выглядит их жилье, как они проводят праздничные дни, на что расходуют отпуск. Повествование переполнено подробностями их жизни, но так и должно быть: неспешное бытописание всегда держится на подобных деталях.

А некоторые из этих подробностей — что тоже часто бывает в бытописательной прозе — приобретают символическую значимость. Такова страсть Марсии собирать опорожненные молочные бутылки: а вдруг, как в прошлую войну, будет не хватать молочной посуды! Перебирая в очередной раз свои бутылочные залежи, заполнившие весь сарай, она заметила бутылку другой формы и долго думала, как могло произойти такое нарушение. Потом вспомнила: как-то Летти угощала ее привозным молоком из-за города. И вот Марсия настойчиво старается вернуть сослуживице злополучную бутылку, вплоть до того, что приходит вслед за Летти в библиотеку, где громогласно возвращает выбракованную тару. Многое заложено в этой истории: и старческая склерозная задержка на одной неотвязной мысли, и выморочная погруженность в мелочи, и страх маленького человека перед неведомыми социальными бедствиями.

Несколько лет назад, чуть раньше «Осеннего квартета», была написана эстонским прозаиком М. Траатом повесть «Кофейные зерна», где опустошенность одинокой старой женщины, которая вышла на пенсию, раскрывалась через ее поиски кофе — непременно в зернах! — в окрестных магазинах: врач рекомендовал ей пить хороший кофе по утрам, и она теперь озабочена только этим. Что и говорить, многое отличает героиню Траата от женщин Пим и, особенно, ее окружение и тот общий жизненный уклад, в котором она существует. Но многое и объединяет в изображении психологического состояния, тем более что эстонская замкнутость в чем-то сродни бри-

танской: это не общительные южные натуры, привыкшие к шуму, многолюдью, легким контактам. Много общего и в самом характере того странного смешения иронии и сострадания, которым окрашена авторская позиция.

Можно было бы провести наглядный социологический урок, сравнив внешние и внутренние условия бытия персонажей обоих произведений — и их жизненный уклад, и их психологическое состояние. Но вряд ли есть смысл сейчас иллюстрировать и без того ясное. Хочу лишь подчеркнуть, что и в бытописании возможна социальная зоркость, умение увидеть и показать социальные тенденции бытия, социальный и национальный образ жизни.

Одинокий пожилой человек стал своего рода общественным феноменом, индикатором многих исторических, социально-психологических, гуманистических и многих иных процессов. По-разному преодолевают проблему одинокой старости в социалистическом и буржуазном укладах жизни. Но и при всех наших реальных успехах и оптимистических предпосылках проблема не снята, не устранена. Блеклые осенние краски все равно не могут приобрести весеннюю яркость.

Вот почему читать роман Барбары Пим тягостно — как про всякую вымороченную жизнь. И интересно — как про всякую правдиво воссозданную жизнь. И поучительно — как про всякую жизнь, заставляющую задуматься.

А. БОЧАРОВ

О МУЖАХ ПРАВЕДНЫХ И ИСТИНУ ЛЮБЯЩИХ

Слав Христов Караславов. Солунские братья. Перевод с болгарского А. Косорукова. «Октябрь», 1981, 3—5, 8, 10, 11.

В связи с публикацией в журнале «Октябрь» романа известного болгарского поэта и прозаика Слава Христова Караславова «Солунские братья» корреспондент нашего журнала А. Николаевская встретилась с писателем и попросила его рассказать о том, как создавался роман.

— Ваш роман «Солунские братья» вышел к 1300-летию Болгарского государства. Он привлек особое внимание, и это естественно: ваши произведения пользуются заслуженным авторитетом у читателя. Но главная причина, наверное, в избранной теме — истории жизни и трудов великих просветителей славянских народов Кирилла и Мефодия. Простите, если мой вопрос прозвучит не совсем почтительно: как вы осмелились взяться за такую тему, воскресить события, за далью стольких лет сокрытые?

— Писал я свой роман пятнадцать лет. История всегда сильнее влекла меня, чем чисто художественный вымысел. Между прочим, я поступал в университет параллельно на два факультета — филологический и исторический. Но приняли меня на филологический. О создателях славянской азбуки Кирилле и Мефодии существует много научных исследований. Ученые долго спорили об авторстве «Пространного жития Константина-Кирилла Философа». Сейчас уже доказана достоверность дошедших до нас текстов, определено их авторство. Выдвигались, к примеру, предположения, что Кирилл и Мефодий не болгары, а греки. Найденное недавно в Сербском монастыре «Краткое житие Кирилла» подтверждает их болгарское происхождение. Там сказано: «Кирилл есть болгарин».

Работа с историческими фактами требует особого усердия и кропотливости — ведь при переписке тех или иных текстов неминуемо вкрадывались ошибки, возникали разночтения. К примеру, некоторые источники утверждали, что Кирилл учился вместе с наследником византийской императрицы Феодоры Михаилом в Магнаврской школе. Этого не могло быть хотя бы потому, что между ними десять лет разницы.

Я бывал во всех местах, о которых идет речь в романе,— в Самарии, в Багдаде, на левом берегу Тигра, где высится красивый и богатый христианский монастырь, названный сарацинами «Сурраманраа» — «да радуется увидевший это»,—на Пицунде, где было поселение древних хазар, в Новоафонском монастыре, в Греции. В Солуни я был дюжину раз. Долго работал в библиотеке Ватикана. Был в Риме на кладбище, где похоронен Кирилл, в Словакии — на могиле Мефодия.

Работаю я в родном селе Боженцы, что под Шипкой, оно очень старое, дому моему около трехсот лет. Историей дышит каждый камень, и потому мне хорошо пишется там. Не стану перечислять все источники, которыми пользовался. К примеру, об истории взаимоотношений Болгарии и Великоморавской державы, государства западных славян, много говорится в «Житии Климента Охридского Феофилакта».

— Когда вы работали над романом, что для вас было самым важным, о чем прежде всего вы стремились рассказать нашему современнику?

— Я пытался восстановить, на мой взгляд, самый решающий для судьбы славян период с доступной мне достоверностью; показать нашим современникам, сколь нелегок и тернист был путь Кирилла и Мефодия, важен труд братьев во благо славянских народов, их единения и культурного самоопределения. Кириллица и переведенные братьями книги были первым шагом к тому могучему и необратимому движению художественной, просветительской мысли, которое через несколько веков позволило славянам стать полноправными созидателями мировой культуры. Второй главе своего романа я предпослал эпиграф из сочинения Черноризца Храбра. Хочу привести его и сейчас: «Ибо прежде славяне не имели книг, но, будучи язычниками, чертами и резами

писали. Когда приняли крещение, вынуждены были писать славянскую речь римскими и греческими письменами без устроения... После человеколюбивый бог, который все устраивает и не оставляет рода человеческого без разума, а всех приводит к разуму и спасению, смилостивился над родом человеческим и послал ему святого Константина Философа, названного Кириллом, мужа праведного и истину любящего, и он им составил тридцать восемь букв: одни из них по образу греческому, другие по славянской речи».

1981 год для нас особенно торжественный — 1300 лет тому назад было основано первое болгарское царство на Балканах. Вы знаете, конечно, что протоболгары пришли во второй половине VII века в район Камы и Средней Волги, а другие племена во главе с Аспарухом вместе со славянами сражались против господствовавших на Балканах византийцев. Договор, в котором Византия признала независимость болгар, был заключен после взятия ими Добруджи. Существует на эту тему легенда, согласно которой византийский полководец, страдавший подагрой, покинул поле боя, чтобы принять очередной курс лечения грязями. Воины решили, что он их предал, бросили линию фронта, и, естественно, их бегство послужило сигналом к наступлению протоболгар. Путь протоболгар и славян друг к другу был не прост. Хан Омуртаг, к примеру, оставил запись на каменном столбе: «Я воевал против византийцев. Человек, будь он хорошим или плохим, смертен. Кто придет после нас, пусть на нашем опыте обретет мудрость. Ногами затопчите славян и византийцев, пока течет река Тича». Сын Омуртага — Энравота принимает христианство, призывает отца быть терпимым к славянам. Тот его бросает за «вероотступничество» в тюрьму, а брат Энравоты подвергает славян гонениям. Может, среди них был и дед Кирилла. Как повествует летописец, когда Кирилл был послан за Азовское море к хазарам и был принят хаганом, один из приближенных хагана спросил его: «Какого ты звания и рода?» Тот отвечал: «Мой дед был близок царю, он ушел из своей страны и продолжил свой род в чужих краях. А сейчас я сражаюсь за честь своего деда». В VII—IX веках болгарское государство сильно разрастается, особенно при хане Круме. При Борисе болгары сблизились с соседями-славянами. Он был с ними искренен и прям. Не пытался ставить условия, которые могли бы унизить их достоинство, никогда не пожелал того, что принадлежало им, и не руководствовался правом сильного. При Борисе болгары около 865 года приняли вслед за моравянами христианство как государственную веру.

У меня в романе есть диалог между ханом Пресияном и сыном его Борисом. «С кем мы будем?» — спрашивает Пресиян сына, приехавшего рассказать о том, что славяне-смолены, сражаясь против византийцев, вступили в союз с болгарами, а франки воюют и со славянами и между собой. Борис ему отвечает: «Со славянами, отец, ибо они ближе к нам, чем франки». Пресиян отменил запрет на брак между болгарами и славянами, покровительствовал им, несмотря на гнев боилов и багаинов, представителей высших сословий в Болгарии. Пресиян сознавал, что общение с новой верой чревато опасностями, но упрямо шел им навстречу.

Так постепенно складывалась болгарская народность. Благодаря усилиям учеников Кирилла и Мефодия — Климента, Ангелария и Наума — наступил при сыне Бориса, Симеоне, Золотой век болгарской истории. Черноризец Храбр, о котором я уже упоминал, был современником и учеником Кирилла и Мефодия, отличался высокой образованностью, несравненным даром полемиста. Некоторые историки полагают, что Симеон и Черноризец Храбр — одно лицо. Известно, что Симеон окончил Магнаврскую школу в Византии, его намеревались возвести на патриаршество в Болгарии. Трон поначалу наследовал старший сын Бориса, Владимир. Он попытался вернуть старую веру, но Борис вместе со своими приближенными сверг его, ослепил и короновал Симеона. Симеон ввел в качестве официального письменного языка славянский. Период царствования Симеона — самый светлый период болгарской истории. Потом снова наступили долгие годы византийского владычества, болгары упорно сопротивлялись иноземцам. Особенно кровавой была битва при Беласице, когда войска византийского императора Василия II полонили тогда или зверски убили 15 тысяч болгар. Из ста пленных лишь одному оставляли зрение, а 99 — ослепляли. А потом отпустили незрячих к Самуилу. Эта чудовищная картина повергла Самуила в ужас, и он умер от разрыва сердца. Василий получил прозвище Болгаробойцы. При нем была построена близ Константинополя церковь, на колоннах ее были высечены указы императора, один из которых под страхом смертной казни запрещал даже упоминать имя болгарина. В крови и зверствах потонули страшные полтора века.

В 1185—1187 годах восставшие болгары под предводительством Асена и Петра добились вновь независимости и провозгласили Второе Болгарское царство. Это — страницы далекой истории. Но и в новое время нашему народу не раз приходилось сражаться за свободу и независимость. Я же писал в своем романе о начале начал — о том времени, когда болгары осознали себя как самостоятельная народность, когда славяне сделали первые значительные шаги к единению. И не берусь судить, что было решающим — победа на поле брани или алфавит, ключ к будущей культуре славянских народов.

— Вы знаете, что советский читатель получил возможность прочитать ваш роман на страницах журнала «Октябрь»?

— Конечно. Для меня это очень лестно. Надеюсь, что и советские критики скажут свое мнение о моей работе, так сказать, оценят «по совокупности» — и с точки зрения исторической, и в плане художественном. Без скидок на трудность темы, которую я, как вы сказали, «осмелился» выбрать.

Издано за рубежом

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛА «ЛОТОС»

Журнал «Лотос», орган Ассоциации писателей стран Азии и Африки, в одном из своих последних номеров опубликовал рецензии известной пакистанской писательницы Элис Фаиз и сенегальского поэта Мамаду Вада на книги известных мастеров художественного слова — палестинского поэта Муина Бсису и сенегальского прозаика Аминаты Соу Фаль. Эти статьи мы предлагаем вниманию наших читателей.

ДОЛГИЙ ПУТЬ ПОЭТА И БОРЦА

Muin Beseiso. «Descent into the Water», Wilnette, Illinois, The Medina Press, 1980.

Муин Бсису. «Спускаясь под воду». 1980.

Муин Бсису — поэт, борец, ветеран организации Освобождения Палестины. Его книга «Спускаясь под воду» напоминает нам, что шел он в Революцию сквозь застенки, пытки, страдания, плечом к плечу со своими друзьями-коммунистами. «В 1959 году, во время большой, в духе маккартизма, охоты за коммунистами в Газе были разгромлены здания, где участники движения проводили свои занятия и работали. Власти издавали декреты, прикрываясь которыми проливали кровь коммунистов. Людей арестовывали и бросали в военную тюрьму Египта, в пересыльный лагерь Оазис, находящийся за пределами страны, но, несмотря на все преследования, борцы не отказывались от своей родины — Палестины, от коммунистических идеалов». Это главная тема книги «Спускаясь под воду».

Из книги мы узнаем о тюремных годах Муина, лишениях его собратьев, об их гордом сопротивлении репрессиям, попыткам заставить их сдаться и отречься от своих целей, нарушить клятву в обмен на свободу. Они предпочли тюрьму той мнимой свободе, которую сулили им угнетатели. Но Муин — поэт, и в прозу он привнес поэтическое содержание; образы, слова, целые фрагменты выдают власть поэтической музы над Муином.

Однако трагизм и жестокость происходящего окрашены ненавязчивым, грустным юмором, он и помогает выстоять против тех, кто ведет охоту на человека. «По ночам часовой отправляется в дозор. Ему ведь тоже хочется ночь скоротать. Заглядывает в одну камеру — на кружку чая, в другую — за сигареткой. Он, случается, передает по цепочке газету, или книжку, или кружку чая...». «Конечно, в тюрьме убеждают рукой, а не словом. Но охранники умеют ценить мужество. Они любят заглянуть во время ночных дежурств в камеру и послушать коммунистов, потому что никогда в жизни не приходилось им видеть таких людей: ведь этим узникам достаточно написать всего лишь одну фразу и получить свободу, но они отказываются».

Физические лишения — далеко не все испытания, которым подвергаются заключенные. Воды и хлеба дают в обрез. Умываться, если судьба милостива, удается раз в две недели. «Бенджамен вытаскивает сигаретку, закуривает ее, а потом протягивает мне: «Кури!» Запах табака наполняет воздух. Чувствую, как приготовился защитить горящую макушку сигареты от подступающего воздуха, даже укрыть ее своими ресницами. Раз в две недели появляется в моей камере эта невеста в огненной короне... и меня охватывает такое неистовое волнение, что кажется, будто пьешь огонь из чаши, как сказал Пабло Неруда...». Да, это поэзия в прозе.

В книге есть и стихи — песни, которые создал Муин для тех, кто томится в тюремных застенках на оккупированных врагом землях, и для тех, кто живет в изгнании. Они прекрасно переведены Филипом Овейнрином. Организация Освобождения Палестины стала колыбелью не только борцов за независимость, но и художников, писателей, поэтов. Муин Бсису по праву считается одним из самых значительных поэтов. Его стихи, пронизанные мужеством, бросающие вызов врагу, воспевающие красоту в ее самых разных проявлениях, переведены на многие языки мира. И зарубежный читатель может разделить с Муином Бсису его долгий путь поэта и борца.

ЭЛИС ФАИЗ

ВЫЗОВ БРОШЕН

Aminata Sow Fall. «La Grève des Battus». Dakar, Les Nouvelles Éditions Africains, 1979.

Амината Соу Фаль. Забастовка нищих. 1979.

Читатель помнит сцену с нищими в повести Сембена Усмана «Порча» [1]. Амината Соу Фаль использовала эту же тему люмпен-пролетариев в своем романе «Забастовка нищих». Критика в целом очень тепло встретила книгу. Самой высокой оценкой романа, произведения яркого и волнующего, стало, без сомнения, присуждение ему Гонкуровской премии, поскольку в состав жюри входят ведущие писатели-академики.

«Забастовка нищих» — история взаимоотношений группы деклассированных элементов, неимущих, которые представляют в африканских странах капиталистической ориентации немалую силу, история о том, как пробуждаются те, кто лишен социального статуса в иерархическом обществе, которое объединяет их и отвергает одновременно.

Сила буржуазии и капиталистов зиждется на том, что они владеют средствами производства и занимают ведущие посты в бюрократической системе управления государством. А сила крестьян и рабочих крепнет по мере того, как увеличивается их производительный потенциал и возможность

[1] См., «ИЛ», 1981, № 7.

стать творцами истории становится все реальнее.

Не смешно ли, не еретично ли говорить о могуществе тех, кто не имеет социального лица, «босоногих», «нелюдей», попрошаек, кто живет с протянутой рукой в надежде вымолить монетку?

Эль Хаджи Мур Ндьяй — достойный член общества, враждебно относящегося к нищим. Правда, он несколько раз совершал паломничество в Мекку, регулярно ходит в мечеть, никогда не пренебрегает ежедневной молитвой. Он опытный лицедей в обществе лицемеров, его главная профессия — притворство. К примеру, он постоянно перебирает четки бесконечные, как день,— для того, чтобы «зрители» считали его человеком набожным, милосердным. Для порочного, извращенного Эль Хаджи нищие — ничтожества; от них исходит запах, который заполняет собой город и не дает его почтенным жителям дышать полной грудью. Их следует уничтожить и вернуть городу первозданную красоту. Другой персонаж романа — Мур Адьяй Чистильщик; он знает, что такое власть. Его заветная цель — «влезть в политику», любой ценой пробраться повыше, в круг той буржуазии, что занимает ведущие посты, стать владельцем домов, автомобилей, женщин, денег! Всего того, что служит символом власти. Обеспечить себе быстрое продвижение в системе институтов, существующей в их обществе, можно двумя путями: или быть опытным политиком-демагогом, или знать, как заставить рабочих и крестьян довериться сильному хозяину, в руках которого их судьба.

Эль Хаджи полагает, что он нашел третий путь, — он решает избавить город от нищих. Этот рыцарствующий священник объявляет крестовый поход во благо общества против нищих и калек, против силы, которая до поры до времени дремлет незаметно для постороннего глаза. Иронией судьбы их сила — в их абсолютной отверженности, абсолютной нищете, в том, что единственное их богатство — подстилки, да лохмотья, да медяки. Скажем четче: корни их силы в той социальной функции, которую они выполняют.

Религиозный долг диктует тем, кто пока еще не нищий, но может стать им в любую минуту — столь неожиданны в стране экономические и политические перемены, — необходимость помогать несчастным, спасать их. Конечно, время от времени «акт милосердия» совершается, милостыня подается. К тому же до сих пор сохранилось поверье, что милостыня — добрый, магический знак.

Вот и представьте, памятуя обо всем этом, что в один прекрасный день в городе не осталось ни одного нищего или что они отказались принимать подаяние. Для нашего «добропорядочного» общества это равносильно катастрофе. Как станешь в таком случае ублажать свою совесть? Как станешь выполнять советы святых старцев-марабутов, к которым постоянно ходят в надежде получить новое назначение — продвижение в социальном, профессиональном, политическом плане,— если все нищие объявят забастовку?

Когда Эль Хаджи начинает войну против нищих, те решаются на ответный шаг, потому что прекрасно понимают: общество, в котором они являются балансирующей силой, должно будет выбрать между ними и диктатором вроде Мура Ндьяй. И нищие объявляют забастовку — перестают просить милостыню и принимать ее. Они побеждают, потому что город без них не может жить привычной жизнью. И с того момента, как нищие одержали победу, они становятся не менее почетными и уважаемыми гражданами, чем другие...

Эта последняя работа Аминаты Соу Фаль обладает рядом достоинств: она оригинальна, написана ярким языком, пронизана тонким юмором. Книга, безусловно, займет почетное место в африканской литературе.

Есть и еще одно достоинство у романа: хотя автор и не пишет о том, как искоренить нищету, она предлагает очень много верных наблюдений по поводу объективных возможностей помощи бедным и эксплуатируемым, возможностей сопротивления власть имущим.

А это верный путь к следующему шагу — организованной борьбе.

МАМАДУ ВАД

СКАЗКИ ПРЕВЕРА И СКАЗКИ О ПРЕВЕРЕ

Jacques Prévert. Contes pour enfants pas sages. Paris, Gallimard, 1980.
Жак Превер. Сказки для непослушных детей. 1980.

«Сказки для непослушных детей» Жака Превера впервые вышли в парижском издательстве «Галлимар» в 1963 году. С тех пор они выдержали несколько переизданий. Книжка, датированная 1980 годом, от своих предшественниц отличается тем, что вышла после смерти поэта, и в короткой биографической справке издатели пытаются дать общую характеристику его поэтического облика.

Эта характеристика обращена к детям, к подрастающему поколению. (Возраст читателей, указанный на задней обложке сборника,— «начиная от шести лет».)

Шестилетние малыши вряд ли уяснят смысл слов, составляющих набросок творческого портрета автора сказок, но детям постарше — так сказать, от шести до шестидесяти (Превера читают все) — есть над чем задуматься: некая мораль преподносится им еще до прочтения сказок.

«...Жак Превер,— читаем мы,— прежде всего поэт... Свободный поэт: благодаря независимости характера он держался всегда в стороне от «школ», партий и систем... Именно эта свобода позволила ему завоевать столь широкую аудиторию среди молодежи наших дней».

Свобода... Независимость характера... В сказке «Первые ослы», заключающей сборник, есть слова, которые сами собой всплывают в памяти, когда начинаешь постигать, поборником какой свободы исподволь стараются представить Превера. «Когда-то,— говорится в сказке,— ослы были совершенно дикими, то есть они ели, когда были голодны, пили, когда им хотелось пить, и бегали по траве, когда это доставляло им

удовольствие». Такой дикий и «свободный» образ жизни привел к тому, что люди без особенного труда поработили ослов, заявив: «Эти животные несомненно глупы, они не умеют ни читать, ни считать, мы будем называть их ослами, раз нам так нравится, и пускай они таскают наши тюки».

Эта насквозь проникнутая превероской иронией сказка способна, пожалуй, даже и шестилетнему читателю внушить мысль о том, что свободу надо защищать и за свободу надо бороться. Истина, не требующая, разумеется, никаких доказательств, но если буржуазная критика охотно дарует Преверу право быть «непослушным ребенком», то она с помощью самых различных приемов старается затушевать и скрыть, что поэт был не только певцом свободы, но и борцом за нее с самых первых шагов своего творчества.

«Превер восхищал сюрреалистов,— писал журнал «Пари-матч» вскоре после смерти поэта,— но широкая публика не знала этого бывшего коммерческого служащего».

«Широкая публика не знала...» Невозможно ни понять, ни оценить превероскую поэзию, не отдавая себе ясного отчета в том, что эта поэзия родилась как голос, как слово, обращенное к народу и услышанное им.

Именно как голос, чтобы улица «не корчилась безъязыкая», чтобы ей было «чем кричать и разговаривать». Голос этот прозвучал впервые перед многотысячной аудиторией в мае 1932 года на празднике газеты «Юманите», где небольшая театральная группа «Октябрь», душой и сердцем которой был Жак Превер, выступила с написанным поэтом сатирическим скетчем «Да здравствует пресса», бичующим продажную, «гнилую» журналистику. За последующие четыре года Жак Превер, работавший с бесконечной изобретательностью и неутомимостью, создал огромное количество разного рода текстов: коротких пьес, сценок, стихотворений для хоровых декламаций, маршей, в превероской чеканке была представлена программа Народного фронта.

Тексты эти в записанном и напечатанном виде в большинстве своем не сохранились. В наши дни по крупицам собирают то, что осталось в памяти соратников Превера, порой на случайно находимых листках в его хаотических «архивах».

Много разных названий перебрали участники группы «Октябрь», прежде чем остановились именно на этом. «Это был своего рода паспорт, по предъявлении которого не требовалось больше никаких вступительных теоретических речей»,— пишет один из биографов Превера.

Сколь охотно предают забвению, с каким паспортом превероская поэзия вышла на площади Парижа, на подмостки, сооружаемые на заводских дворах, на трибуны митингов.

27 мая 1932 года. Кладбище Пер-Лашез. Традиционный митинг памяти павших. Гремят строки:

...Двадцать тысяч убитых
В крови земля.
Но не единая капля
из всей этой крови
Не пролита зря,
Не пролита зря...[1]

Это — Превер.

По большим бульварам Парижа движется демонстрация. Плывут транспаранты, боевые лозунги. Скандируются стихи:

Направьте свой взор на Россию,
товарищи,
На Россию,
где право смеяться
есть у детей
и у взрослых.
Люди России
обращаются к вам
со словами:
«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Это — Превер.

В понедельник 30 января 1933 года президент Германии Пауль фон Гинденбург передал власть в руки фашистов, назначив Адольфа Гитлера рейхсканцлером. Вечером во вторник 31 января группа «Октябрь» выступает в зале «Бюллье». На сцену выходит человек, одетый во все коричневое, половину лба его закрывает свисающий клок волос. За сценой шум и скрежет железных занавесей, опускающихся на окна обанкротившихся нью-йоркских банков. Буржуа встревожен, буржуа в панике.

Он всех готов убить
на свете,
Чтоб только сохранить свой дом,
Кому бы поручить заняться
таким трудом?!
И вот он ищет человека
(Как Диоген из древней сказки).
И он находит человека
В железной бочке из-под краски.
Гитлер... Гитлер... Гитлер—
Соломенное чучело.
Чтобы разжечь огонь.

Убийца. Провокатор.
Его показывают всем
И в том числе рабочим:
— Он прост, он мил
и маляром
Служил когда-то между прочим.
. . . . . .
И в кровь окрашены теперь
Стоят рабочие кварталы.

Это — Превер.

За одну ночь им создано обозрение «Восшествие Гитлера», и это он на эстраде — предшественник Чарли Чаплина — исполняет роль «диктатора».

Париж, февраль 1934 года. Кризис. Нищета. Безработица. Группа «Октябрь» выступает с пьесой «Так живут семьи». Голодные родители, голодные дети.

Рефрен повергнутых в нищету родителей:

Разве это жизнь
Жить как мы живем?
Мы живем в аду...
Так нам написал
Дьявол на роду!

Но сыновья отвергают эту вечную песню горя и смиренья:

Нет, это не жизнь
Жить как мы живем.
Мы изменим все:
Эту жизнь — на слом,
Эту жизнь — на слом!

Это — Превер.

В номере, вышедшем в день после смерти поэта, газета «Фигаро» озаглавила посвя-

[1] Переводы стихов принадлежат автору статьи.

щенную ему статью: «Человек, который играл со словами».

И в эти же дни как бы в ответ этому заголовку критик Бернар Шардер писал: «...тем, кто считает Жака Превера лирическим клоуном, потешающим буржуа, следовало бы 1936 раз зачеркнуть эти слова красными чернилами. Между Маяковским и Брехтом необходимо оставить место для группы «Октябрь». Такая необходимость властно заявляет сама о себе, и не случайно в начале 1981 года, когда во Франции шло собирание демократических прогрессивных сил под лозунгами, знаменателем которых могли бы быть преверовские строки:

Мы — изменим все...—

коммунистический еженедельник «Революсьон» посвятил одну из своих страниц группе «Октябрь». «Это был,— пишет Клод Виллер,— один из важных и исторически четко обозначенных моментов, когда деятели культуры, артисты и писатели, отдавали свой талант тому, чтобы изменить жизнь и общество».

Это не менее четко исторически обозначенный момент истоков Превера, все творчество которого и после того, как группа «Октябрь» постепенно распалась, осталось отмеченным обращенностью к людям, к слушателям, если угодно, к зрителям, ибо поэт говорил весомо и зримо. Доказательств тому можно привести множество, почерпнув их из самых разных книг поэта. Но не будем ходить далеко. Вернемся, как говорят французы, к нашим баранам, а в данном случае к ослам, уже упомянутым нами ранее. Их судьба — теперь, правда, уже на примере лошадей — прослеживается автором в сказке «Лошадка на острове». Героиню этой сказки обуревают мятежные мысли. «Человек,— размышляет лошадка,— осыпал нас подарками, но он был слишком щедр: благодаря ему мы узнали, что такое бич, что такое хлыст, что такое шпоры, что такое шоры, он вложил нам железо в рот, он подбил нам железом ноги и, чтобы мы не мерзли, каленым железом поставил на нас клеймо...»

Лошадка собирается сказать другим лошадям: «Это все надо изменить». Она ожидает встречного вопроса: «Что же надо изменить?». И у нее готов ответ: «Надо изменить всю нашу жизнь. Она слишком тяжела. Мы слишком несчастны. Так не может больше продолжаться». Все поэтические приемы, найденные Превером в годы работы с группой «Октябрь» (разбивки на отдельные голоса, хоры и т. д.), присутствуют в этой сказке, но безукоризненно чувствующий аудиторию поэт пишет на этот раз так, чтобы его идеи могли завоевать самую многочисленную аудиторию — детей.

Героине сказки... «хочется петь, но она одна, а любит петь только в хоре, и все-таки, собрав все силы, она кричит: «Да здравствует свобода!» Этот призыв подхватывают лошади на других островах и континентах. Люди встревожены, но затем только пожимают плечами: «Ничего, это просто лошади». Сказка завершается словами: «Но они не подозревают, что лошади им готовят».

«Каждый из нас по-своему лошадь»,— писал Маяковский. Вот и Превер тоже по-своему: то вместе с другими людьми впрягается в телегу, чтобы отвезти на свалку истории хлам, отслуживший свой век, то готов превратиться в пони, катающего ребятишек на общем празднике обновления.

В своей последней книге, в скетче «Открытие университета», поэт выводит на сцену хор студентов, начинающих свою песню словами:

Зажгите свечу!
Поглядим,
не погас ли свет?

Думается мне, что светом такой свечи следует озарить многое из того, что написано о Превере, начиная от непритязательных биографических справок до солидных исследований. В них зачастую немало светлых слов — но истинный преверовский свет нередко стараются погасить те, кому он резал и режет глаза.

НИКИТА РАЗГОВОРОВ

МИР ГЛАЗАМИ КАНАДСКИХ ЖЕНЩИН

Danielle Beaulieu. Il neige sur les frangipaniers. Québec, Éditions Naaman, 1978.

Даниэль Больё. Снег над пальмами. 1978.

Середина семидесятых годов. В Руанде (Центральная Африка), в маленьком городке Бутаре живет колония белых — бельгийцы, канадцы, французы. Безликие элегантные домики, где часть вещей осталась от прежних владельцев и где хозяева чувствуют себя как в гостинице, окружены одинаковыми садами. Колония живет своей, обособленной от африканцев жизнью — теннисный клуб, однообразные soirées[1]. Мужчины работают, женщины заняты домашним хозяйством. Здесь свои проблемы: не хватает продуктов, часто нет электричества, горячей воды. Зато прислуга дешевая, каждая семья имеет горничную, кухарку, садовника, боя. И у женщин (все из средних слоев) остается непривычно много свободного времени, а заняться нечем, кроме тех же приемов или тенниса. Жены, приехавшие вместе с мужьями с Запада и сменившие привычную суету больших городов на скучно-неторопливое ничегонеделание, получили неожиданную возможность оглянуться по сторонам и задуматься: «На что же уходит жизнь? Что я здесь делаю и где мое место?» Скажем сразу — ответа на эти вопросы роман не дает. Автор просто описывает женщин, оказавшихся в африканском захолустье, и предлагает читателю разные варианты женских судеб.

«Снег над пальмами», первый роман молодой писательницы из Квебека Даниэль Больё, был награжден призом Альфреда Дероше (Ассоциация авторов восточных кантонов) за 1978 год. Как и ее герои, Больё прожила несколько лет в Руанде и хорошо знает жизнь, о которой пишет. Однако главное для нее — не проблемы африканской действительности, хотя они и затрагиваются в книге. С первых же страниц

[1] Вечер, вечеринка (*франц.*).

становится ясно, что перед нами «феминистский» роман. Феминистское движение получило на Западе широкое распространение в последнее десятилетие и действительно изменило мировосприятие женщин даже на уровне быта. Летом 1980 года парижский еженедельник «Эль» («Она»), один из популярнейших женских массовых журналов, провел опрос под названием «Идеальный мужчина». И неожиданно выяснилось, что мужчина, достойный сейчас такого названия, должен заниматься совсем не мужскими в прежнем понимании делами, а домашним хозяйством и воспитанием детей. Основное же требование, которое женщина предъявляет своему спутнику,— уважение к ее независимости. А ведь «Эль» — журнал, обращенный к самой обывательской аудитории, а вовсе не к адептам феминизма. Естественно, что подобное изменение в сознании породило обширнейшую литературу: от ширпотреба, светских романов, где эмансипация — не более чем модная приправа к любовным приключениям, а супружеские измены — единственная, доступная героиням форма проявления независимости,— и до произведений, где всерьез ставятся проблемы жизни и искусства. Но зачастую все эти книги объединяет специфический подход, когда во главу угла ставятся собственно женские проблемы, а их связь с проблемами общечеловеческими почти игнорируется.

Но вернемся к роману Даниэль Больё. В центре его — четыре женщины. Очень разные — и ставшие чуть ли не близкими подругами в тесном пространстве «цивилизованного» Бутаре. Клэр за долгое время африканского досуга не приобрела привычки думать, зато научилась изменять мужу: нужно ведь чем-то заняться в свободное время. Адюльтер стал для нее не только времяпрепровождением, но и modus vivendi[1], более того — credo[2]. Полная ей противоположность — Ли. Почти болезненно воспринимая дисгармонию окружающей действительности, она как нарочно натыкается на все острые углы. Единственная из четырех, Ли работает в местном госпитале. Грязь, отсутствие медикаментов, невежество, низкий профессиональный уровень местных врачей приводят Ли в ужас. Запутавшись в причинах и следствиях, она становится чуть ли не расисткой: «Ведь если негры терпят такое существование, значит, они и не заслуживают ничего лучшего, а здоровье, жизнь, по-видимому, имеют для них другой смысл, нежели для нас». Но Ли и сама понимает, что подобные умозаключения попросту недостойны. Отчаявшись найти выход, она кончает с собой, и тут выясняется, что подоплекой ее нравственных терзаний была личная трагедия — измена мужа. И серьезная проблема сводится опять же к адюльтеру.

Самая счастливая — Сюзанна. У нее любящий муж, прелестная дочка, идеальные семейные отношения. Выйдя замуж, она бросила университет и, живя в Канаде, была вполне довольна своей ролью образцовой хозяйки образцового дома, супруги и матери. И, быть может, так и осталась бы всего лишь элегантной женой университетского преподавателя, если бы не Африка. Что же изменилось? «Здесь нет магазинов, кино, телевидения... Здесь нет всего того, что в Квебеке оправдывало мою инертность и что я называла тогда свободой»,— отвечает героиня на вопрос мужа. Перемена образа жизни вызвала перемену в образе мыслей. Бутаре стал для Сюзанны чем-то вроде «волшебной горы», где она, по примеру множества литературных предшественников, проходит школу жизни и в результате становится ярой проповедницей феминистских идей. Она пытается приобщить к передовому образу мыслей и своих соседок, но большинство из них предпочитает не усложнять себе жизнь, и Сюзанна с грустью констатирует: «Рабыни... Рабыни, которые любят хозяина, которым нравится их зависимое положение». Однако сама Сюзанна не идет дальше рассуждений и деклараций, по стилю напоминающих статьи в феминистских изданиях. Правда, она собирается продолжить учебу в университете, изучать историю женщин Квебека, но когда это будет? Да и будет ли? Даниэль Больё достаточно трезво смотрит на жизнь, чтобы писать об этих «прожектах» без доли сомнения.

Лили — главная героиня романа — по всей видимости, наиболее близка автору. Для нее, как и для Сюзанны, Африка стала той точкой отсчета, от которой пойдет ее дальнейшая жизнь. Но Лили сумела совершить то, что не удалось другим героиням романа,— она освобождается от мужского «господства» и уезжает в Канаду.

Из душного, грязного Бутаре она попадает в сияющую белизной монреальскую зиму. И первые недели она счастлива, как только может быть счастлив вернувшийся домой человек. Она радуется всему — чистому снегу, лыжным прогулкам, шуму и сверканию большого города, знакомого с детства, звучанию родной речи. Лили как будто вернулась в свою молодость (и даже встретилась с человеком, которого когда-то любила). Но вот проходит первая радость, героиня вновь обретает способность трезво смотреть на вещи и понимает, что прошлое осталось в прошлом, а настоящее не слишком радужно — любовник любит уже другую, у задушевной подруги Марго свои заботы. Старая жизнь кончилась, надо начинать жить снова. Но как? Из Африки Лили убежала, возможно втайне надеясь, что дома, в прежней обстановке, она сможет и жить по-прежнему — без проблем. Но пребывание на «волшебной горе» не прошло даром, Лили научилась и приучилась думать, и теперь эта привычка уже не зависит от географии. Вопрос «Что я здесь делаю?», который героиня впервые задала себе в Бутаре, относится не к определенному месту жительства, а к поискам своего места в мире. На этой вопросительной интонации и заканчивается роман

Л. ЗЛОБИНА

[1] Образ жизни (*лат.*).
[2] Символ веры, убеждения (*лат.*).

◆

Из месяца в месяц

АВСТРАЛИЯ

ДАНЬ УВАЖЕНИЯ И ПРИЗНАНИЯ

Старейшина австралийских писателей Алан Маршалл, которому в этом году исполнилось семьдесят девять лет, награжден орденом Австралии за вклад в развитие литературы этой страны. Данью уважения и признания писателю явился также девятисерийный телефильм по его автобиографической трилогии «Я умею прыгать через лужи», «Это трава», «В сердце моем», который, по сообщению газеты «Уикенд острэлиан», вышел на экраны. Зрителей потрясает игра двенадцатилетнего Адама Гарнета в роли юного Маршалла, пораженного полиомиелитом. Интересно, что автор трилогии сам выбрал мальчика на эту роль, научил Адама пользоваться костылями, управлять креслом-коляской, а также взбираться на лошадь, используя для поддержки шест или забор.

Газета «Эйдж» рассказывает, что все исполнители этого фильма — известный австралийский актер Луис Фицджеральд (он играет взрослого Маршалла), Джули Гамильтон (мать писателя), Тони Барри (его отец) и другие — познакомились с самим писателем, главным героем фильма, чтобы добиться большей достоверности в передаче образа человека, не сломленного несчастьем и прожившего, по его собственной оценке (см. интервью с Аланом Маршаллом в «ИЛ», 1979, № 8), жизнь счастливого человека.

На снимке: Адам Гарнет в роли юного Алана Маршалла.

(*Газета «Уикенд острэлиан»*)

АВСТРИЯ

НОВАЯ ПЬЕСА ТОМАСА БЕРНГАРДА

«Симфонико - драматическая поэма в двух частях» — так охарактеризовал известный австрийский писатель Томас Бернгард свою новую пьесу «К цели», премьера которой состоялась в городе Зальцбурге.

Пьеса построена как почти непрерывный монолог главной героини, которая в списке действующих лиц названа «Мать». Это вдова голландского промышленника, владельца сталелитейных заводов. В первом акте она с помощью дочери готовится к поездке на море. в курортное местечко Катвейк; во втором, добравшись туда, знакомится с неким писателем, которого ухитряется подчинить своей недюжинной воле. К этому, по сути, сводятся все внешние события; однако содержание пьесы рецензент газеты «Франкфуртер альгемайне» Хильда Шпиль называет «значительным и глубоким».

В бесконечных монологах героини раскрывается история бедной девушки, которая без любви вышла замуж за богача и всегда испытывала отвращение к нему; она рассказывает дочери, а затем писателю о рождении и смерти первого ребенка-калеки, о ежегодных поездках к морю. Теперь все в жизни кажется ей утерявшим смысл; символом этой бессмысленности и тщеты становится на сцене бесконечное запаковывание и распаковывание массы ненужных вещей. «Цель», о которой идет речь в заглавии,— это не просто курортный городок Катвейк, куда стремится героиня; по мнению рецензента, заглавие можно трактовать и в духе известных слов Монтеня о смерти как конечной цели нашей жизни.

Но героиня не только рассказывает о своей жизни, она излагает и некую личную философию, которую критик характеризует как «своего рода аристократический анархизм», соединяющийся с «глубокой враждебностью массам». Она полагает, что в современном мире «рабочие все диктуют, все определяют, они хотят покончить с нами»; она призывает своих слушателей «положить конец этому безобразию». Многое в этих разговорах напоминает об идеологии нынешних «новых правых», поэтому рецензент называет проблематику пьесы «весьма современной».

Для драматургии Бернгарда такой интерес к злободневной проблематике — явление новое. «В отличие от многих других авторов,— пишет Хильда Шпиль,— он развивался от абстрактного, общего, аллегорического к конкретному, частному, непосредственному. Он сравнительно поздно начал писать автобиографические романы и задумываться над контекстом происходящего».

Публика очень тепло встретила постановку, осуществленную известным режиссером Клаусом Пэймэном.

БОЛГАРИЯ

РОМАН СТЕФАНА ДИЧЕВА НА ЭКРАНЕ

Жестоко подавлено Апрельское восстание болгар против османского ига. Русское правительство пытается по дипломатическим каналам облегчить судьбу братского славянского народа. Столкновение интересов крупных европейских стран на Балканах, конференция великих держав в Стамбуле, большие и малые события тех лет легли в основу сюжета известного исторического романа болгарского писателя Стефана Дичева «Встреча сил». Наряду с вымышленными пер-

сонажами в романе действуют реальные исторические личности, такие как граф Игнатьев, маркиз Солсбери, сэр Эллиот, Мидхад-паша, полковник Артамонов...

«В этом, как и в других романах Дичева, — пишет журнал «Филмови новини»,— присутствуют подлинные исторические факты и художественный вымысел». Все это и привлекло к роману известного режиссера Владислава Икономова, который в интервью журналу подчеркнул: «Работа над романом С. Дичева принесла мне подлинное удовлетворение, и, не скрою, я намерен и в будущем продолжить с писателем творческое содружество».

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

«ТАЛАНТ ОЧЕВИДЕН»

Питер Джей известен в основном своими работами в области перевода — как классической поэзии, так и современной, как западноевропейской, так и русской. В авторском же сборнике «Раздвигая границы» представлены его оригинальные стихи за пятнадцать лет. «Сборник небольшой по объему,— пишет рецензент «Бритиш бук ньюс» Гейвин Эварт,— но он чрезвычайно разнообразен, и талант поэта очевиден. В нем явно и незримо присутствуют учителя Джея, те, кого он переводил, и те, перед кем преклоняется. Одно из стихотворений так и называется — «Вариации на пушкинские темы», а другое — «Элегия, пронизанная нежностью, благодарностью к Одену». Если ранние стихи поэта слишком усложнены и не всегда доступны конкретному толкованию, то стихи последних лет — легко звучащие, простые по форме — говорят о том, что поэт действительно «раздвигает границы» своего мастерства, своего видения».

ВЗЫСКУЯ ИСТИНЫ И ЛЮБВИ

«...Смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит колокол: он звонит и по тебе». Это слова Джона Донна, великого английского поэта, потомка Томаса Мора.

350 лет тому назад колокол зазвонил по Джону Донну, его смерть до сих пор для многих его соотечественников — личная потеря, ибо по нему они сверяют свое отношение к миру, смысл жизни, верность выбора. «Сделать выбор,— говорил Донн,— значит совершить поступок; быть на ничьей стороне — значит быть ничем». А сделать выбор в век всеобщего скептицизма, коим был поздний Ренессанс, убедить, что человек — венец природы в атмосфере воинствующего католицизма, было чрезвычайно непросто. Многие поплатились за это жизнью.

Книга известного английского критика Джона Кери «Джон Донн: жизнь, интеллект, искусство», вышедшая недавно, прежде всего рассказывает нам о том, как Донн решился на отступничество, отказался от довлеющих над его современниками догм. Как он участвовал в военной экспедиции против испанцев, являя чудеса мужества, как писал свои стихи — лирические и религиозные — и лишь крайняя нужда заставляла его их печатать, как принял протестантство и стал настоятелем собора святого Павла. «Донн, пожалуй, самый умный английский поэт, а Кери, пожалуй, самый умный современный английский критик. Встреча этих двух величин, как и следовало ожидать, оказалась знаменательной», — отмечает критик Кристофер Хилл, автор статьи «Стремления отступника», опубликованной в «Таймс литерари сапплмент».

Во многих отношениях поэт был достойным преемником Шекспира. Он окончательно освободил стих от чуждых ему канонов, создал новую систему стихотворного отражения внутреннего мира поэта. Он стал главой английских поэтов-метафизиков; во многом благодаря ему Англию той поры называли «гнездом поющих птиц». Веруя во всемогущество человека, Донн создавал глубоко оптимистическую, лишенную трагической безысходности лирику. Недаром он отрицал столь чтимый католиками культ чудес: «Как только душа моя отойдет к небесам, я смогу наконец сказать ангелам... да и самому Иисусу Христу: «Я ведь такой же, как вы, и потому подвиньтесь, я сяду одесную бога отца». Этот вызов был брошен тем, кто воспитывал в людях унылое благолепие, слепое почитание сверхъестественного и самоуничижение.

По мнению рецензента, книга Кери правдиво восстанавливает эпизоды жизни поэта, верно воссоздает исторический фон, но главное — передает всю сложность и важность философских исканий поэта для последующих поколений.

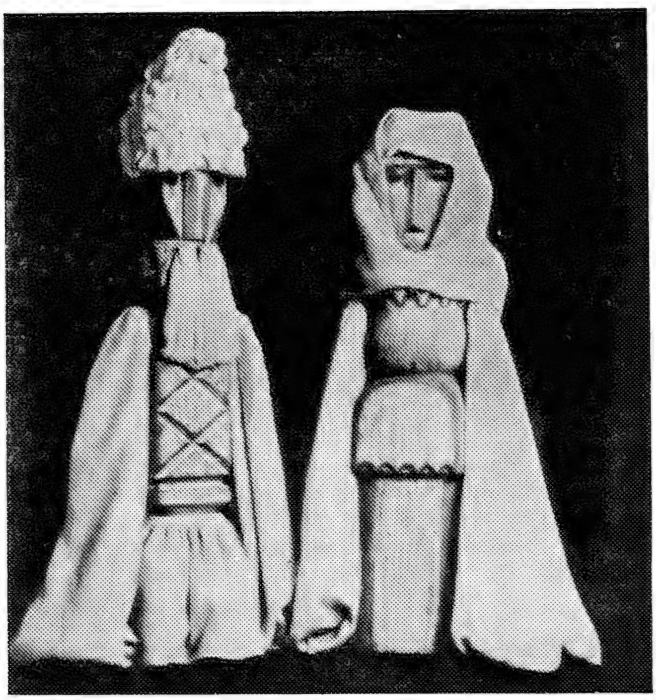
ВЕНГРИЯ

«МУЗЫКА СКАЗОЧНЫХ ВИДЕНИЙ»

1981 год был для музыкального искусства Венгрии «годом Бартока»: страна широко отмечала 100-летний юбилей этого выдающегося

На снимке: герои спектакля «Музыка сказочных видений».

(Журнал «Синхаз»)



Мекленбургский государственный театр (город Шверин) показал инсценировку известного романа Анны Зегерс «Седьмой крест». Рецензенты газеты «Нойес Дойчланд» и журнала «Театер дер цайт» считают эту постановку большой удачей театра, сумевшего сохранить основное содержание романа. Вместе с тем благодаря интересным находкам авторов инсценировки Бербель Якш и Хайнера Мааса и режиссера Кристофа Шрота спектакль по-новому раскрывает зрителю лицо «обыкновенного фашизма», о которых поведала в романе Анна Зегерс.

(*Журнал «Театер дер цайт»*)

композитора, пианиста и ученого XX века, о чем «ИЛ» сообщала в мартовском номере за этот год.

В связи с юбилеем Белы Бартока журнал «Синхаз» поместил статью Роберта Девеньи, посвященную новому спектаклю Государственного театра кукол по произведениям Б. Бартока под общим названием «Музыка сказочных видений».

«Известно,— пишет автор статьи,— что большую часть спектаклей театра составляют инсценировки, созданные по музыкальным произведениям. В этом отношении имя Белы Бартока занимает одно из ведущих мест в репертуаре театра. Спектакли, созданные по мотивам его опер, музыкальных пьес, балетов, имели огромный успех в стране и за рубежом...

Поэтому еще одно представление театра по произведениям Белы Бартока, несмотря на некоторые просчеты,— это новый вклад в дело популяризации творчества композитора среди современной молодежи».

ГДР

ИНТЕРВЬЮ С МАНФРЕДОМ ЕНДРИШЕКОМ

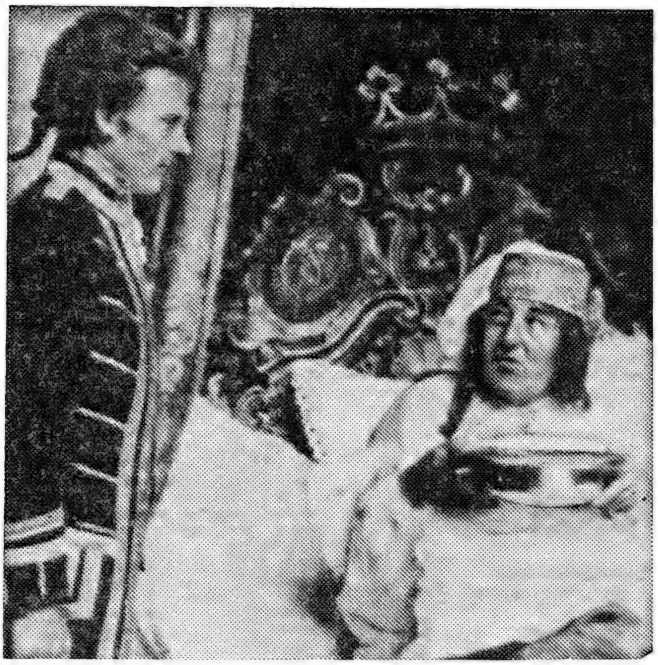
Еженедельник «Зонntаг» поместил интервью с известным писателем Манфредом Ендришеком, автором романов, рассказов и стихов (см. «ИЛ», 1969, № 10; 1972, № 5; 1973, № 8). Отвечая на вопросы корреспондента еженедельника, Ендришек рассказал о своих творческих планах и о книгах, недавно вышедших и готовящихся к изданию.

— Поэтический сборник «Равнина», так же как и книгу миниатюр «Огненный жонглер на льду», которая скоро появится на прилавках книжных магазинов, можно назвать своеобразными дневниками. Мне хотелось в двух последних сборниках выразить свои взгляды, рассказать о своих наблюдениях. В творчестве писателя бывают разные периоды. Несколько лет назад я не мог писать прозу и полностью занялся поэзией. Тогда мне казалось, что только так я могу выразить свое «я». Последнее время я опять пишу прозу. Сейчас я работаю над романом, в котором обращаюсь к своему детству, юности, периоду учебы и вступления в жизнь. Одна из важных проблем романа — взаимоотношения «абитуриента» с рабочими, столкновение иллюзий и реальности. На этом фоне происходит становление главного героя. Я надеюсь, что мне удастся правдиво отразить в романе проблемы, волнующие людей, их труд и быт. В этом мне, как всегда, поможет многолетнее сотрудничество с химическим комбинатом Буна, где я познакомился с производством, с рабочими — словом, с настоящей подлинной жизнью...

ДАНИЯ

«ИЕППЕ С ГОРЫ»

Новая кинокомедия режиссера Каспара Рострупа сделана по мотивам одноименной пьесы датского драматурга-классика Людвига



На снимке: Бустер Ларсен в роли Йеппе.

(*Газета «Ольборг Стифтстиденде»*)

Хольберга, написанной им в 1722 году и известной в Дании каждому школьнику.

Нехитрая история «Йеппе с горы» сводится к тому, что бедный и бесправный крестьянин, хлебнув с вечера лишнего, просыпается утром в постели своего господина. Появляющаяся прислуга уверяет Йеппе, что именно он и является бароном. Постепенно и не без удовольствия Йеппе входит в новую роль и, в отличие от настоящего барона, раскрывает всю щедрость и широту своей души. Но во время роскошного завтрака бедняга снова напивается и просыпается на сей раз не в барских хоромах, а в хлеву. В трактовке образа Йеппе режиссер К. Роструп подчеркивает его природный ум и изобретательность, цельность его характера.

Современное прочтение классической пьесы Хольберга, отмечает критика, еще более заострило ее социальное звучание.

Роль бедняка Йеппе, по отзывам прессы, с блеском исполнил Бустер Ларсен.

ИНДИЯ

ПРЕМИЯ МАЛАЯЛЬСКОМУ ПИСАТЕЛЮ

В Индии существует множество литературных премий, учреждаемых различными организациями как на уровне отдельных штатов, так и в общеиндийском масштабе. Наиболее престижными считаются премии, присуждаемые Литературной Академией Индии и крупнейшим издательством страны «Бхаратья Гьянпитх».

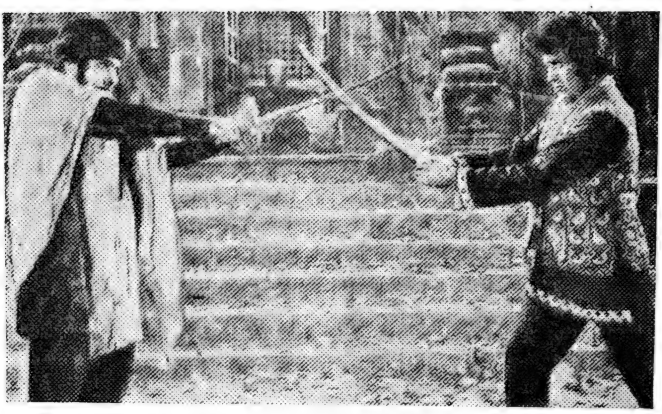
Как сообщает газета «Джан юг», комитет по присуждению премий издательства «Бхаратья Гьянпитх», собравшийся в Бомбее под председательством известного общественного деятеля Нихар Ранджана Рая, единодушно решил присудить премию прогрессивному малаяльскому писателю Потеккату (род. в 1913 г.) за роман «Сказ об одной стране», удостоенный, кстати, премии Литературной Академии за 1972 год. В связи с решением комитета комментатор замечает, что это второй случай, когда столь весомая премия Индии присуждается представителю литературы малаялам: первым лауреатом премии «Гьянпитха» стал малаяльский поэт Шанкара Куруп (род. в 1917 г.).

Потеккат внес значительный вклад в развитие литературы на языке малаялам. Ему принадлежит свыше 50 книг — повести, сборники рассказов, семь романов. Лучшие его произведения переведены на основные языки Индии.

Фильм «Восстание» режиссера и исполнителя одной из главных ролей Манодж Кумара, как сообщает газета «Джан юг», с большим успехом прошел на экранах индийской столицы и других городов Северной Индии. В фильме показана одна из наиболее драматических страниц индийской истории — годы, предшествовавшие великому национальному восстанию 1857—1859 годов, положившему основы английского колониального господства.

На снимке: Дилип Кумар и Манодж Кумар в фильме «Восстание».

(*Газета «Джан юг»*)



КАНАДА

НОВЫЕ КНИГИ ПОЭТОВ

Эла Парди и Маргарет Этвуд критики единодушно называют крупнейшими на сегодняшний день англоязычными канадскими поэтами. Каждая новая книга Парди и Этвуд неизменно встречается с интересом в широких читательских кругах: ведь с их именами обычно связывается мощный всплеск творческой активности поэтов Канады в конце 60-х — начале 70-х годов, вошедший в литературную историю страны под названием «ка-

надского поэтического возрождения». Впрочем, пути, которые выбрали себе Парди и Этвуд, были достаточно несхожи.

Парди — поэт-реалист, начинавший с регионалистской лирики, а позднее значительно расширивший свой поэтический кругозор, ставя в своем творчестве вопросы глубоко философского звучания. Недавний его сборник «Каменная птица» (вышел в издательстве «Макклеланд энд Стюарт») продолжает серию поэтических книг, выпущенных им в прошлом десятилетии.

Излюбленный жанр Парди — лирический дневник путешественника (этот жанр в современной англоязычной поэзии обычно называют «трэвелог»). Парди раскрывает богатые творческие возможности «трэвелога». У канадского поэта это не просто описательная лирика этнографического характера: в поле зрения поэта-путешественника органично входят самые злободневные проблемы общественно-политической жизни планеты и «вечные» вопросы человеческого существования и смысла человеческой истории. По словам рецензента литературно-критического ежемесячника «Куилл энд куайр», Парди соединил в своей новой книге два столь присущих его позднему творчеству ракурса видения: «трэвелог» и миф. Сборник составляют две большие группы стихотворений: дневники-воспоминания о поездках в Советский Союз и Мексику, на Галапагосские острова и в Испанию и «бестиарий», поэтические портреты животных, где впечатления путешественника приобретают философскую насыщенность притчи. «Лейтмотивом всего сборника,— пишет рецензент ежемесячника,— является мысль о вечной преемственности жизни — от времени возникновения ее на Земле и вплоть до наших дней». Завершает книгу «блестящее стихотворение, давшее название этому сборнику, — восторженный гимн бытию». По мнению рецензента, в «Каменной птице» поэт достиг «абсолютного пика своего таланта, создав произведение, отмеченное совершенством поэтической техники и проникнутое тем гуманистическим пафосом, который присущ подлинной поэзии».

Девятый по счету поэтический сборник Этвуд «Правдивые истории» (вышел в издательстве «Хаус оф Энэнси») тоже привлек к себе большое внимание читателей и критиков. Маргарет Этвуд — поэтесса несколько иного склада, чем Парди. Ее поэзия во многом формировалась под влиянием лирики французских сюрреалистов. Этвуд, пишет рецензент журнала «Кенэдиен форум», отличает стремление к многоперспективному видению. Потому в поэтический мир Этвуд вторгаются причудливые образы сновидений и галлюцинаций: здесь обитают фантастические животные и цветут диковинные растения. «Правдивые истории», которые составили последнюю книгу поэтессы, пишет рецензент, — это фрагменты неизбывного природного цикла жизнь — смерть. Проникая в потаенные глубины природы, Этвуд с горечью осознает, что насилие и страдание господствуют в животном и растительном мире. Тот же закон насилия, по Этвуд, управляет и отношениями между людьми. Апокалипсический ужас, которым проникнуты стихи поэтессы, не столько плод ее воображения, сколько результат раздумий о печальной, но «правдивой истории» жизни человека в современном капиталистическом мире.

КУБА

ЭКРАНИЗАЦИЯ «СЕСИЛИИ ВАЛЬДЕС»

В Гаване завершились съемки киноленты под названием «Сесилия» — по мотивам романа «Сесилия Вальдес» классика кубинской литературы Сирило Вильяверде (1812—1894). Это крупнейший из кинематографических замыслов, когда-либо осуществлявшихся за всю двадцатилетнюю историю кубинского кино.

В создании фильма, ставшего первой совместной работой Кубинского института киноискусства и киноиндустрии и одной испанской кинофирмы, приняла участие большая группа виднейших кубинских и испанских актеров. Режиссером картины является Умберто Солас, автор таких широкоизвестных лент, как «Мануэла», «Лусия», «Симпарале», «Кантата о Чили». В главной роли снялась популярнейшая кубинская актриса Дейси Гранадос.

Авторы фильма не преследовали цели полностью передать все сюжетные ходы романа Сирило Вильяверде. Свой фильм они называют «свободной киноверсией». Взяв за основу фабулу романа, Умберто Солас, автор сценария, воссоздает увиденную глазами нашего современника эпоху, в которой действуют герои Вильяверде. С того времени прошло уже более ста лет, и, естественно, необходимо было творческое «переосмысление» событий, отраженных писателем.

«Мы никоим образом не хотим сказать, что роман Вильяверде содержит ошибки, — говорит Умберто Солас в интервью для кубинской печати. — Я отношусь с глубоким уважением и восхищением к писателю. Но в рамках своей исторической эпохи Вильяверде не мог разглядеть многие из проблем, которые мы берем на себя смелость проанализировать, исходя из марксистско-ленинской методологии. В частности, персонажей нашего фильма мы показываем прежде всего с точки зрения их классового положения, их классовых позиций».

МАРОККО

«ЛИТЕРАТУРА МАГРИБА»

Журнал Академии арабского языка в Дамаске опубликовал рецензию на вышедшую недавно в г. Касабланке (Марокко) книгу марокканского литературоведа доктора Аббаса аль-Джарари «Литература Магриба: ее жанры и проблемы».

На снимке: исполнительница главной роли в фильме «Сесилия» Дейси Гранадос, известная советскому зрителю по фильму «Портрет Терезы». Она была удостоена приза за лучшее исполнение женской роли на XI Международном фестивале в Москве.

(Газета «Гранма»)

Аль-Джарари преподает литературу стран региона в университете имени Мохаммеда V в Рабате. Ему принадлежат книги «Культура Сахары» и «Тема борьбы в арабской поэзии Магриба».

Новая книга марокканского исследователя, как указывает автор рецензии, представляет собой сборник статей о средневековой и современной литературе Марокко и отчасти других стран региона, большинство которых публиковалось в марокканских журналах.

Аль-Джарари подчеркивает в своей книге самобытный характер марокканской культуры, хотя и считает ее частью общеарабского культурного наследия. Возникновение марокканской литературы на арабском языке он относит к IV веку Хиджры (примерно соответствует X в. н. э.).

Большое место в книге уделяется различным видам народной поэзии, а также устному народному творчеству в целом.

Одна из глав книги посвящена современным молодым поэтам Марокко. По мнению автора, эти поэты «переживают период беспокойства и волнений, потому что, с одной стороны, они чувствуют потребность выразить огромные изменения, которые происходят в обществе, а с другой, им недостает для этого художественно-изобразительных средств».

К лучшим страницам книги аль-Джарари принадлежит, по мнению рецензента, рассказ о замечательном поэте аль-Мутамиде Ибн-Аббаде (XI в.) — эмире Севильи, который был сослан в Марокко захватившими Андалусию берберами Альморавидами. Этот рассказ иллюстрируется стихами Ибн-Аббада, написанными в заточении.

ПОЛЬША

«ВЕЛИКОЛЕПНАЯ КНИГА»

Такую оценку дает рецензентка журнала «Нове ксёнжки» Мария Боярская книге Эдварда Павляка «Василий Шукшин», вышедшей в Издательстве литературы по искусству и кино (ВАиФ).

М. Боярская считает главным достоинством книги Э. Павляка, что он сумел выявить в «феномене Шукшина» главное — верность художника самому себе, его целеустремленность». Э. Павляк анализирует фильмы и роли Шукшина, пишет о некоторых его литературных произведениях, приводит отзывы критиков, кинематографистов, писателей о Шукшине, но самое главное — он стремится (и совершенно справедливо) выдвинуть на первый план удивительное единство жизни и творчества Василия Шукшина. Ведь он, что подтверждают и его волнующие письма и подчас забавные истории, жил для творчества, отдаваясь ему безраздельно, жил, чтобы выразить не себя, а свою правду. И в то же время он творил для жизни, для своих современников, творил для того, чтобы понять, как жить, чтобы передать эту мудрость другим. В какой бы области Шукшин ни творил, он всегда был далек от так называемых «художественных» искусственных конструкций. Феномен? Да. Несомненно, но, как подчеркивает Э. Павляк, феномен «истинно русский».

РУМЫНИЯ

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ЮБИЛЕЙ

Как большой праздник культуры отметила румынская общественность столетие со дня выхода первого номера научного и литературного журнала «Контемпоранул», ныне еженедельника Совета по культуре и социалистическому воспитанию СРР. «Ромыния литераръ», «Вяца ромынаскэ», «Стяуа», «Трибуна» и другие журналы посвятили юбилею большое количество статей, в которых освещается столетний путь «Контемпоранула».

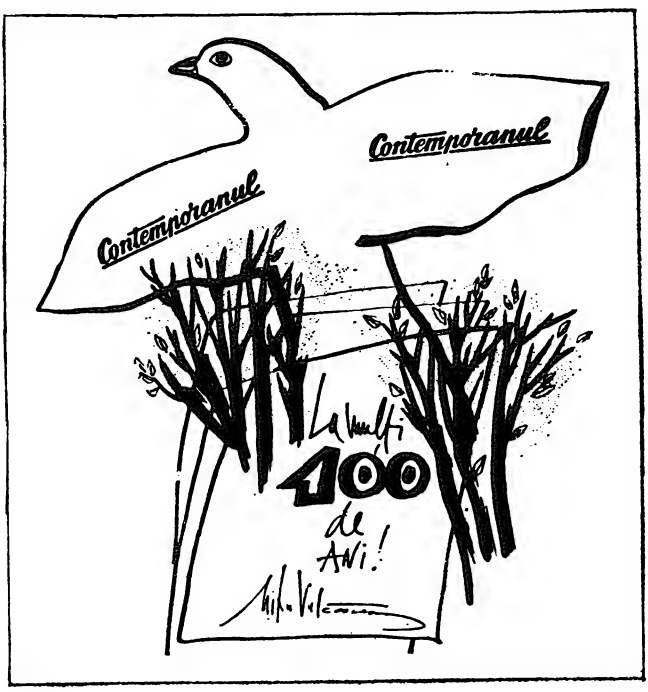
Юбилейный номер журнала «Контемпоранул» вышел в праздничном оформлении, да и объем его почти втрое превышает обычный. На страницах еженедельника встречаются имена самых видных писателей и ученых страны. Все они подчеркивают значение журнала в истории румынской культуры нашего столетия и в их собственной творческой судьбе. Редакционный коллектив «Контемпоранула» награжден орденом «23 августа» I степени «за вклад в утверждение диалектико-материалистического мировоззрения и принципов научного социализма, в утверждение ценностей румынской культуры и науки, в осуществление культурной политики партии и государства».

США

«ЧЕЛОВЕК — ЭТО ЕГО СТРАСТЬ»

По мнению корреспондента журнала «Сатердей ревью» К. Таккера, эти слова Роберта Пенна Уоррена с полным правом могут быть отнесены к самому писателю: 10 романов, 13 сборников стихов, 8 публицистических и критических книг, пьеса и две объемные антологии — результат его плодотворной писательской деятельности на протяжении пяти десятилетий. Сегодня он — один из известнейших писателей США, трижды лауреат самой почетной литературной

На снимке: один из рисунков Миху Вулкэнеску, помещенных в юбилейном номере журнала.



На снимке: Роберт Пенн Уоррен.

(*Журнал «Сатердей ревью»*)

Пулитцеровской премии (за роман «Вся королевская рать» и дважды за поэзию), удостоен награды, присуждаемой гражданским лицам,— «Медали за свободу».

— Почему вы пишете? — спрашивает его Таккер.

— Почему расцарапываешь то место, которое зудит? Это неизбежно. Это будоражит. Я знаю тысячи историй, кто их не знает! Но одна не дает покоя... Я могу вынашивать роман двадцать лет. А некоторые стихи еще дольше. Бывает, строка преследует меня годами.

— Всегда ли вы мечтали стать поэтом?

— Нет, я собирался стать морским офицером или натуралистом.

— Список выдающихся романистов, которые одновременно были и незаурядными поэтами и наоборот, не так велик. В чем отличие источников поэзии и романа?

— Роман — это своего рода документальное повествование... Он результат долгих блужданий. Стихотворение подобно единственному смертельному выстрелу...

— У каждого писателя есть свои географические границы. Как охарактеризовали бы вы «ландшафт Уоррена»?

— Совершенно по-разному для поэзии и прозы. Я не могу писать романы, в которых действие хотя бы частично не происходило на Юге. Если бы я там не жил, как я узнал бы, что там едят на завтрак? Поэзия — иное дело. Я писал о Крите, Эгейском море, много об Италии, Франции, Кентукки... Но все это словно дарится вам, вы же не являетесь частью этих мест. Подобная связь в поэзии мне не нужна.

На вопрос о том, насколько автобиографичны его книги, Уоррен ответил, что не чувствует тесной связи со своими персонажами. Часто замыслы рождаются из наблюдений за жизнью окружающих его людей.

— Если бы кто-то составлял библиотеку для потомства, что из своих книг вы хотели бы в нее включить?

— Лучшие мои три романа: «Вся королевская рать», «Достаточно места и времени» и последний («Прибежище») ...из стихов — разное.

Критик замечает, что часто талантливые американские писатели рано исчерпывают себя. Уоррен думает, что залог его плодотворной работы — активный образ жизни, включающий большую физическую нагрузку и удаленность от «официальной литературной жизни». «Я не живу в городе, чтобы сохранить возможность длительного одиночества».

— Увидим ли мы новые романы Роберта Пенна Уоррена?

— Что ж, я не говорю «нет». Но в известном возрасте начинаешь сознавать, что на роман нужно много времени — два года тюрьмы,— если вообще закончишь работу. Но кто знает! Завтра я могу проснуться с желанием начать роман. Никогда не знаешь, когда это произойдет.

ФРАНЦИЯ

«МАЛЕНЬКАЯ ОСА»

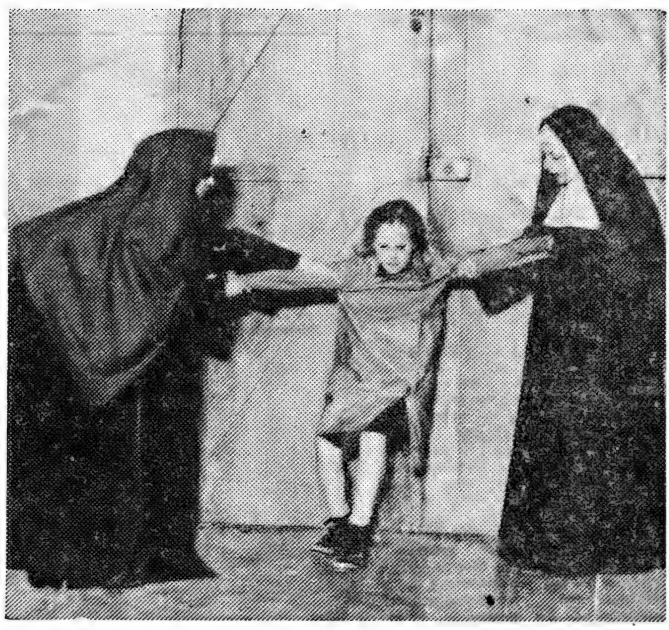
В автобиографическом романе Вивиан Вилламон описана история, в которой радужное детство девочки по прозвищу Маленькая Оса омрачено разрывом между родителями. Банальная, казалось бы, история под пером начинающей писательницы становится криком протеста против неразумия родителей, не щадящих ребенка.

Роман послужил основой фильма режиссера-дебютанта Жоска Пилисси. В фильме мы встречаемся с Вивиан в возрасте пяти лет и расстаемся, когда ей исполнилось десять. За эти годы мир взрослых уготовил девочке худшие испытания: ее отторгают от любимого отца и по злой воле матери помещают в монастырскую школу, где главный принцип воспитания — лицемерие и жестокость. Все это лишает Вивиан природной жизнерадостности, подавляет в ней все живое, превращает в дьяволенка. Фильм, как и роман, резко антиклерикальный, он убеждает, что ад на земле творят сами люди.

Главную роль исполняет дочь романистки, школьница Эмили. Юная актриса, несмотря на успех, не изменила своего решения стать учительницей.

На снимке: кадр из фильма «Маленькая Оса».

(*Бюллетень «Унифранс фильм»*)



СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
за 1981 год
№ 1—12

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

Андре Робер — Дитя-зеркало (Повесть. Перевод с французского Мориса Ваксмахера). № 6.

Ван Мэн — Ночью в большом городе (Рассказ. Перевод с китайского И. Смирнова), № 11.

Вежинов Павел — Измерения (Повесть. Перевод с болгарского Л. Лихачевой), № 2.

Габай Иван — Мария. Стадо овец (Рассказы. Перевод со словацкого И. Богдановой и Т. Мироновой), № 3.

Галгоци Эржебет — Церковь святого Христофора (Повесть. Перевод с венгерского Е. Малыхиной), № 8.

Гарсиа Маркес Габриэль — Хроника объявленной смерти (Повесть. Перевод с испанского Л. Новиковой). № 12.

Гутьеррес Хоакин — Листок на ветру (Повесть. Перевод с испанского Ю. Грейдинга), № 5.

Дыонсаван Чантхи — Чужбина (Рассказ. Перевод с лаосского А. Матвеева), № 5.

Зарьяб Азам Рахнавард — Записки птицы (Рассказ. Перевод с языка дари и вступление Д. Рюрикова), № 4.

ИЗ КИТАЙСКОЙ ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ (Предисловие Л. Эйдлина — «Великая культурная революция» и китайская литература), № 11.

ИЗ МОЛОДОЙ ПРОЗЫ ЧССР, № 3.

Ковачевич Велько — Бела (Роман. Перевод с сербскохорватского В. Сахарова. Послесловие Ивана Сладнюка), № 6.

Конти Лаура — Заяц с лицом девочки (Повесть. Перевод с итальянского и послесловие С. Токаревича), № 5.

Костргун Ян — Каникулы (Повесть. Перевод с чешского И. Ивановой), № 3.

Лабарка Годдард Эдуардо — Пароль (Рассказ. Перевод с испанского Татьяны Балашовой), № 3.

Ли То — Послушай эту песню (Рассказ. Перевод с китайского А. Желоховцева), № 11.

Ли Чжунь — Манго (Рассказ. Перевод с китайского М. Шнейдера), № 11.

Мертенс Пьер — Автостоп (Рассказ. Перевод с французского О. Тимашевой), № 8.

Нгуги Ва Тхионго — Кровавые лепестки (Главы из романа. Перевод с английского А. Файнгара. Послесловие В. Иорданского), № 2.

Отеро Сильва Мигель — Лопе де Агирре, Князь Свободы (Роман. Перевод с испанского Л. Синянской. Предисловие Юрия Дашкевича), № 9, 10.

Оэ Кэндзабуро — Записки пинчраннера (Роман. Перевод с японского и послесловие В. Гривнина), № 11, 12.

РАССКАЗЫ БЕЛЬГИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, № 8.

РАССКАЗЫ ПИСАТЕЛЕЙ ЛАОСА (Вступление М. Ильинского), № 5.

Ринзер Луиза — Черный осел (Роман. Перевод с немецкого Л. Симонян и В. Котелкина), № 7, 8.

Роблес Эммануэль — Однажды весной в Италии (Роман. Перевод с французского Ю. Жукова и Р. Измайловой), № 4, 5.

Родореда Мерсе — Площадь Диамант (Роман. Перевод с каталанского Э. Брагинской. Послесловие Хуана Кобо), № 11.

Смит Патрик Д. — Энджел-Сити, или Ангельский город (Роман. Перевод с английского И. Якушкиной под редакцией Л. Огульчанской. Послесловие Майка Дэвидова — Кровь и помидоры. Перевод с английского Л. Огульчанской), № 2.

Стайрон Уильям — Софи делает выбор (Главы из романа. Перевод с английского Т. Кудрявцевой. Послесловие Г. Злобина), № 1.

Сувантхонг — Война народная. Одна граната (Рассказы. Перевод с лаосского А. Матвеева), № 5.

Турнье Мишель — Зона отдыха «Ландыши». Да пребудет радость со мною (Рассказы. Перевод с французского Г. Ерофеевой), № 10.

Усман Сембен — Порча (Роман. Перевод с французского А. Карлова. Вступление Ю. Рытхэу), № 7.

Устинов Питер — Крамнэгел (Роман. Перевод с английского Ю. Зараховича), № 8 — 10.

Фаллада Ганс — Крестьяне, бонзы и бомбы (Главы из романа. Перевод с немецкого Н. Бунина. Послесловие М. Федорова), № 4, 5.

Фукс Герд — Мужчина на всю жизнь (Повесть. Перевод с немецкого Н. Литвинец. Послесловие Н. Португалова), № 3.

Хайтов Николай — Восход солнца и др. рассказы (Перевод с болгарского В. Викторова), № 9.

Хань Шаогун — Юэлань (Рассказ. Перевод с китайской В. Сорокина), № 11.

Цэмбэл Дамбын — Мелодии четырех времен года (Новелла. Перевод с монгольского Джангара Пюрвеева. Вступление автора), № 7.

Шавир Ришад Абу — Плач на груди любимой (Повесть. Перевод с арабского В Шагаля. Вступление Р. Ланды), № 1.

Шао Хуа — Язык. Письмо (Рассказы. Перевод с китайского И. Лисевича и В. Сухорукова), № 11.

Шаркади Имре — В Хортобади и др. рассказы (Перевод с венгерского и вступление Л. Васильевой), № 1.

Эпарс Альбер — Возвращение в Шатейон (Рассказ. Перевод с французского Норы Галь), № 8.

СТИХИ

Ай Цин — Горький опыт и др. стихи (Перевод с китайского Л. Черкасского), № 11.

Арендт Эрих — Карибская ночь и др. стихи (Перевод с немецкого В. Вебера, В. Куприянова и Г. Раттауза), № 10.

Бехер Иоганнес Р. — Двадцатилетним и др. стихи (К 90-летию со дня рождения. Вступление и перевод с немецкого Г. Раттауза), № 6.

Боске Алеи — Из цикла «Сонеты конца века» (Перевод с французского и вступление М. Кудинова), № 3.

Браун Фолькер — Представление и др. стихи (Перевод с немецкого В. Куприянова и Е. Колесова), № 10.

Гайтав Ц. — Да здравствует коммунизм! Комната на двоих (Перевод с монгольского Марка Сергеева), № 7.

Германов Андрей — Ярмарка в День богородицы и др. стихи (Перевод с болгарского Лорины Дымовой. Вступление Божидара Божилова), № 9.

Гуджрал Шила — Душа и др. стихи (Перевод с хинди и английского Сергея Северцева и Н. Гусевой), № 6.

Динеску Мирча — Обет и др. стихи (Перевод с румынского Льва Беринского. Вступление Кирилла Ковальджи), № 7.

Еленков Лучезар — Высокая жизнь (Перевод с болгарского О. Шестинского), № 5.

Жимферэ Пере — Солнцестояние. Заклинание (Перевод с каталанского М. Самаева), № 4.

ИЗ КАТАЛОНСКОЙ ПОЭЗИИ (Предисловие И. Тертерян), № 4.

ИЗ МОНГОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ, № 7.

ИЗ ПОЭЗИИ ГДР, № 10.

Кансани Д. Ариэль — Скупцы и др. стихи (Перевод с испанского и вступление Владимира Резниченко), № 1.

Карнэ Жозеп — В сумерках и др. стихи (Перевод с каталанского Павла Грушко), № 4.

Куарт Пере — Ной (Перевод с каталанского Павла Грушко), № 4.

Левчев Любомир — Стихи последних лет (Перевод с болгарского Лорины Дымовой), № 3.

Ли Фамо — Мост (Перевод с китайского Л. Черкасского), № 11.

Луци Марио — Стихи разных лет (Перевод с итальянского и вступление Евгения Солоновича), № 11.

Монтано Эриберто — Сеньор Имярек (Перевод с испанского Валерия Краско. Предисловие автора), № 11.

Оксанен Ауликки — Стихи о Кампучии (Перевод с финского и вступление Николая Добронравова), № 8.

Рахман Шамсур — Этот город и др. стихи (Перевод с бенгальского Б. Девятинского), № 12.

Руй Мануэл — Ливень и др. стихи (Перевод с португальского Владимира Резниченко. Вступление Е. Ряузовой), № 5.

Салват-Папасейт Жоан — Рождество. Ремесла, которые по мне (Перевод с каталанского Павла Грушко), № 4.

Тарзи Махмуд — Электричество и др. стихи (Перевод с языка дари Александра Наумова. Вступление Шаислама Шамухаммедова), № 5.

То Хыу — Путь на юг (Поэма. Перевод с вьетнамского и вступление Евг. Долматовского), № 2.

Фан Бин — Вина (Перевод с китайского Л. Черкасского), № 11.

Фойш Жозеп-Висенс — «Один, в отрепье, скорбный и больной...» и др. стихи (Перевод с каталанского Павла Грушко), № 4.

Цэдэв Д. — Песня о лесах. «Одно лишь слово...» (Перевод с монгольского Марка Сергеева), № 7.

Чимид Ч. — В актовом зале лицея. «К морю Добра я пришел...» (Перевод с монгольского Марка Сергеева), № 7.

Шэн Е — Удивительное приключение в бамбуковой роще (Перевод с китайского Л. Черкасского), № 11.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ

Найпол В. С. — Флаг над островом. Фантазия для маленького экрана (Перевод с английского В. Голышева. Предисловие Юрия Дашкевича), № 4.

Фриш Макс — Человек появляется в эпоху голоцена (Повесть. Перевод с немецкого Е. Кацевой. Послесловие Е. Книпович), № 1.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

ИЗ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ. В пути (Перевод с китайского и комментарий Л. Эйдлина), № 10.

Рембо Артюр — Из «Последних стихотворений» (Перевод с французского и вступление М. Кудинова), № 8.

Сент-Бев Шарль — «Поскольку в будущем не вижу я просвета...» и др. стихи (Перевод с французского и вступление Инны Шафаренко), № 12.

КРИТИКА

Анастасьев Николай, Мулярчик Александр — Поверить литературу жизнью, № 12.

Беляев А. — Мифы Деминга Брауна, № 2.

ВЗГЛЯНУТЬ В ЛИЦО ВРЕМЕНИ. Панорама: 70-е годы в литературах социалистических стран Европы, № 2, 3.

ВОПРОШАЮЩИЕ РАЗДУМЬЯ АНДРЕ МАЛЬРО, № 10.

Голик И. — Нравственный императив доктора Киппенберга, № 3.

ГОРИЗОНТЫ ИНДИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, № 9.

ДВИЖЕНИЕ ЖИЗНИ — ДВИЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ. Характерные явления в литературах стран Латинской Америки 70-х годов (Беседа в редакции), № 5.

Делюсин Л. — Великий китайский писатель и его время (К 100-летию со дня рождения Лу Синя), № 10.

Дуттал Картар Сингх — Писатель в нынешней Индии, № 9.

Зонина Л. — Память-мифотворец, № 10.

Зорина И. — Диалектика взаимопонимания (Советско-американская встреча писателей в Лос-Анджелесе, некоторые итоги и надежды), № 11.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА И ЛИТЕРАТУРА, № 2, 9.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ЗА РУБЕЖОМ, № 9.

ИЗ ХРОНИКИ КУЛЬТУРНОГО ОБМЕНА, № 9.

Коренева М. — Пьесы последних лет и кризис американского духа, № 7.

Лихачев Д., Андреев Ю. — Истоки и характер содружества братских литератур Европы, № 4.

Люксембург А. — Конформисты и бунтари в садах академии (О некоторых явлениях в англо-американской «университетской прозе»), № 12.

Мальро Андре — Бренный человек и литература (Фрагменты книги. Перевод с французского И. Кузнецовой), № 10.

Межелайтис Эдуардас — Страна древняя и новая, № 9.

Млечина И. — Художник, творчество, жизнь (Читая книги писателей ГДР), № 6.

Мотылева Т. — Актуальность антифашистского романа (Размышления о нескольких книгах), № 8.

Потабенко С. — Ветер перемен, № 9.

Ржевская Н. — Заметки о современной французской новелле (А. Дотель, М. Турнье, Ф. Саган, П. Саватье), № 10.

Рожновский С. — Прошлое и настоящее австрийской словесности (Не совсем академические раздумья), № 9.

Салганик М. — По закону ускорения (О некоторых явлениях в литературе 70-х годов), № 9.

Смит Уильям Джей, Васильева Лариса — Ключ к пониманию поэта (Перевод стихов У. Дж. Смита с английского Ларисы Васильевой), № 6.

СОДЕЙСТВОВАТЬ РАЗВИТИЮ КУЛЬТУРЫ. Из выступлений участников VI конгресса МАЛК (Переводы с английского и французского И. Гуровой и В. Зубовой), № 3.

Соловьева Н. — Раздумья и надежды английских драматургов, № 7.

СОПОСТАВЛЯЯ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, № 1, 5, 6, 12.

США И АНГЛИЯ — ДРАМА В 70-Х ГОДАХ, № 7.

Тимашева О. — Контур лица (О современной франкоязычной литературе Бельгии), № 8.

Тодорова Л. — Социальная «бесполезность» или социальная ответственность литературы и искусства, № 12.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА (Беседа в редакции), № 1.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Надь Ласло — Посылаю вам ветвь золотую... (Вступительное слово и перевод с венгерского Елены Малыхиной), № 7.

Федоренко Николай — Евтим Евтимов: дар жизни, № 5.

ОТКЛИКИ, ВСТРЕЧИ, ВПЕЧАТЛЕНИЯ

ДОРОГАМИ НАШИХ ПРИВЯЗАННОСТЕЙ, № 4.

Жуков Ю., Измайлова Р. — Беседуя с Эмманюэлем Роблесом, № 6.

Перехватов В. — Эфиопский блокнот, № 8.

Попова Н. — С Карамзиным по Швейцарии, № 11.

Серебряков Константин — Простота духа, № 4.

Тэсс Татьяна — Однажды у Иво Андрича, № 4.

Ульрих Мая — Художник перевода Имре Макаи, № 12.

ИНТЕРВЬЮ

Роже Гренье: «...счастлив, что отныне существую на русском языке» (Беседу записала и перевела Лия Завьялова), № 4.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ

Ряузова Е. — Поиски и труды Фернандо Наморы, № 11.

Яцковская К. — Цэндийн Дамдинсурэн — писатель и ученый, № 7.

КУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Заметки на полях

Балашова Т. — На земле Марселя (По страницам литературного журнала «Сюд»), № 2.

Ващенко А. — «Служить конкретным целям» (По страницам периодики индейцев США), № 8.

Голованов Леонид — Свобода и ее социальный критерий, № 3.

Кашлев Ю., Петровский В. — От Хельсинки до Мадрида, № 7.

М. С. — Чертова дюжина гитлеров, или Насколько забавен фашизм, № 7.

Погосов Ю. — Пора зрелости (Кубинская литература на страницах журнала «Революсьон и культура»), № 1.

Померанцева Е. — В спорах рождается..., № 5.

Пономарева Н. — На форуме болгаристов, № 12.

Ротенберг Т. — «Как поживает роман?», № 6.

Тимашева О. — Рабочая тема: репортаж и художественное исследование, № 9.

Фадеев С. — Социография: что это такое, № 12.

ПУБЛИЦИСТИКА

Алимжанов Ануар — Под одним небом, № 1.

Баталов Э. — Между прошлым и будущим (О книге Олвина Тоффлера «Третья волна»), № 9.

Батракова С. — Утопия «открытого искусства», № 5.

Боноски Филлип — Из пномпеньской тетради (Перевод с английского М. Леонидова), № 5.

Бруин Дженет — Голоса Хиросимы (Перевод с английского В. Воронина), № 8.

Вальраф Гюнтер — Рождение сенсации. Человек, который в «Бильд» был Гансом Эссером (Фрагменты книги. Перевод с немецкого Н. Федоровой), № 6.

Вальраф Гюнтер — Свидетели обвинения. Описание «Бильд» продолжается (Перевод с немецкого Н. Федоровой), № 10, 11.

Долгов К. — Память и забвение отчужденного сознания (Размышления о творчестве Алена Рене), № 6.

Каграманов Ю. — Стародум из Индианы и прочие, № 3.

Каграманов Ю. — Еще о носорогах (По поводу некоторых новейших идеологических трансформаций на Западе), № 8.

Казинс Норман — Резервы человеческого духа (Перевод с английского Ф. Лурье), № 3.

Молчанов Владимир — Колонизаторы мозга, или Угроза биократии, № 12.

Моргнер Ирмтрауд — Добраться до ядра... (Перевод с немецкого А. Гутнина и Т. Холодовой), № 3.

Наг Мартин — Нурдаль Григ в Москве (Перевод с норвежского Л. Горлиной), № 2.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЖИЗНЬ (Из выступлений зарубежных гостей VII съезда писателей СССР. Тексты речей Л. Левчева, Г. Канта, А. Хамиси, Альдо Де Яко, Я. Козака, Д. Олдриджа, П. Гамарра, З. Плугаржа, Г. Гупперта, Р. Рубио, Э. Смит, Ю. Вондарева, Э. Фишера, Р. Мелика, С. Зиеу, А. Несиина, Р. Андре, Я. Пиларжа, Ф. А. Фаиза, Ф. Хитцера, О. Штайгера, И. Новотного, Ф. Боноски, Д. Олдриджа, А. Рундберга, Э. Фэкса и др.), № 1, 2.

Паккард Вэнс — Формовщики людей (Фрагменты книги. Перевод с английского Мих. Загота), № 12.

ПРОБЛЕМЫ ИДЕОЛОГИИ, № 8.

Раб Жужа — Из лирического дневника (Перевод с венгерского и вступление Т. Воронкиной), № 4.

Скотт Рэчел — Мускулы и кровь (Перевод с английского М. Загота. Предисловие М. Лапицкого), № 3.

Федоренко Николай — Морские записи, № 7.

Хайновский В., Шойман Г. — Кампучия — гибель и возрождение (Сценарий документального фильма. Перевод с немецкого М. Осиповой), № 4.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

Феллини Федерико — Делать фильм (Перевод с итальянского Ф. М. Двин), № 9—11.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Прожогин Н. — Достоевский во Флоренции, № 8.

Старцев А. — Джон Рид и Хелла Вуолийоки, № 11.

НАШ КАЛЕНДАРЬ

«...В МОИХ КНИГАХ ЕСТЬ ТОЛЬКО ТО, ЧЕГО Я НЕ МОГ НЕ СКАЗАТЬ» (К 70-летию Иржи Тауфера. Вступление и перевод с чешского Л. Будаговой), № 9.

Седых В. — Творец пролетарского гимна (К 110-летию Парижской Коммуны), № 3.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ СИБИРИ. Творчество Георгия Маркова в критике разных стран, № 6.

АНТИРУБРИКА

АВСТРАЛИЙСКИЕ РАССКАЗЫ, № 8.

Азимов Айзек — Буква закона (Рассказ. Перевод с английского Анатолия Мельникова), № 7

Биэн Брендан — В книжном магазине (Рассказ. Перевод с английского А. Ливерганта), № 5.

Браутиган Ричард — Литературная жизнь в Калифорнии и др. рассказы (Перевод с английского Сергея Таска), № 5.

Ганчев Марко — Стихи (Перевод с болгарского Фаины Гримберг), № 9.

Донливи Дж. П. — Камо грядеши. Два письма (Рассказы. Перевод с английского Ольги Мацарской), № 11.

Доннел К. М. — Гибкая позиция (Рассказ. Перевод с английского Якова Берлина), № 5.

Краус Карл — Афоризмы (Перевод с немецкого А. Репко), № 8.

Минготе Анхель Антонио — Корова на рельсах. Звонарь (Рассказы. Перевод с испанского А. Балжи), № 8.

Мизн Томас — Il talento mysterioso. Ничего личного (Рассказы. Перевод с английского Аркадия Гаврилова), № 10.

Незнакомов Петр — Как была создана первая комедия Шекспира (Рассказ. Перевод с болгарского Маи Тарасовой), № 9.

Нурани Джалал — Интеллигенты, или Как стать любимым и др. рассказы (Перевод с языка дари И. Батрова и В. Игнатьева), № 3.

Нэдлер Мэгги — Последнее новшество (Рассказ. Перевод с английского Анатолия Мельникова), № 7.

Остин Джейн — Три сестры (Рассказ. Перевод с английского Евгении Шварц), № 7.

Паркер Дороти — Но тот, что справа... (Рассказ. Перевод с английского Евгении Шварц), № 10.

Паркинсон С. Н. — «Воля народа, или Ежегодное всеобщее собрание представителей» (Рассказ. Перевод с английского Евгении Ежерец), № 12.

Плакта Дэнни — Оживили... (Рассказ. Перевод с английского Анатолия Мельникова), № 7.

Попль Морин — Шекспиру повезло! (Рассказ. Перевод с английского Л. Завьяловой), № 8.

Рассел Рэй — Комната (Рассказ. Перевод с английского Анатолия Мельникова), № 7.

Робертсон Робин — Вам же хуже (Рассказ. Перевод с английского Л. Завьяловой), № 8.

Родари Джанни — Аферы синьора Кота (Рассказ. Перевод с итальянского Л. Каневского), № 3.

Синьити Хоси — Притча (Перевод с японского Григория Чартхишвили), № 9.

Слезар Генри — День экзамена (Рассказ. Перевод с английского Анатолия Мельникова), № 7.

Спарк Мюриэл — Необыкновенно точные часы (Рассказ. Перевод с английского Евгении Шварц), № 12.

Уайльд Оскар — Фразы и афоризмы для молодых (Перевод с английского Евгении Шварц), № 12.

Уотерхауз Кейт — Альберт и лайнер (Рассказ. Перевод с английского Людмилы Биндеман), № 12.

Фэллоу Л. М. — Собиратели пуговиц (Рассказ. Перевод с английского Л. Биндеман и [В. Лимановской], № 1.

Шоу Джордж Бернард — Деревенское сватовство (Маленькая комедия для двух голосов. Перевод с английского Григория Бабенышева и Людмилы Биндеман), № 4.

Шоу Джордж Бернард — Афоризмы, высказывания, шутки (Перевод с английского Людмилы Биндеман), № 7.

НАШИ ГОСТИ

Багров И.— Юджин Нелсон (США), № 3.
Веселицкий А.— Альдо Де Яко, Элио Филиппо Аккрокка (Италия), № 8.
Веселицкий А.— Сильвана Де Видович (Италия), № 3.
Дожоогийн Цэдэв, Бэгзийн Явуухулан (МНР), № 9.
Киямова Н.— Дороти Лайвси (Канада), № 10.
Матяш Н.— Хосе Агустин Гойтисоло (Испания), № 4.
Соколюк Виктор — Яннис Рицос (Греция), № 2.
Токарев Лев — Арман Лану (Франция), № 12.
Т. Р.— Джузеппе Д'Агата (Италия), № 11.

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Аленикова С.— Ракель Фаброга, № 3.
Верников Владимир — Художники Кубы, № 9.
Володина С.— Жан Эффель, № 5.
Д. П.— Современная монгольская живопись, № 7.
Дьяков Л.— Ян Баух, № 4.
Кудрявцева Т.— Роже Сомвиль — художник, борец, гражданин, № 6.
Л. Д.— Вальтер Вомака, № 2.
Л. Д.— Лиджия Маковей, № 3.
Львова Е.— Светлин Русев, № 1.

СРЕДИ КНИГ

РУССКАЯ И СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА РУБЕЖОМ, № 2.

Гамарра Пьер — Горький: от горечи к революции, № 2.
Корреа Васкес Педро — За одно только слово, № 2.
Попов И.— Из американской жизни Дмитрия Сергеевича Лопухова, № 2.
Тавареш Родригеш Урбано — Константин Симонов и тема войны, № 2.

Издано в СССР

Белов Сергей — О временах мирных (Современная американская повесть), № 12.
Белоусов Роман — Камоэнс — принц поэтов (Луис де Камоэнс. Лирика), № 10.
Бочаров А.— Разные объективы, единый взгляд (Камило Хосе Села. Семья Паскуаля Дуарте. Улей. Повести и рассказы), № 5.
Бочаров А.— Блеклые краски осени (Барбара Пим. Осенний квартет), № 12.
«Ваша страна протягивает нам руку дружбы...» Интервью с Гунасеной Витаной (Право на жизнь. Рассказы и повести) № 1.
Гениева Е.— Любите ли вы Диккенса? (М. Тугушева. Чарльз Диккенс. Очерк жизни и творчества), № 5.
Зверев А.— По существу и без упрощений (Д. Затонский. В наше время. Книга о зарубежных литературах XX века), № 4.
Зверев А.— Торжественный настрой (Эмили Дикинсон. Лирика), № 8.
Каграманов Ю.— Тысяча и один «безумный день» (Фредерик Грандель. Бомарше), № 7.
Ким Анатолий — Человеческий огонь (Современная японская новелла. 1945—1978), № 6.
Киреева Алла — Кентавр по-нигерийски (Нкем Нванкво. Мой «мерседес» больше), № 9.
Литвинец Н.— Лоцман в книжном море (Основные произведения иностранной художественной литературы), № 8.
Михайлов Ю.— Кризис манипуляции и другие проблемы (П. С. Гуревич. Буржуазная идеология и массовое сознание), № 3.
Молчанов В.— Рынок образов (Богомил Райнов. Массовая культура), № 1.
Николаев Б.— Прошлое и надежды (Современная австралийская новелла), № 10.
Николаевская А.— Труд и разуменье (То Хоай. Избранное), № 9.
О мужах праведных и истину любящих. Интервью с болгарским писателем (Слав Христов Караславов. Солунские братья), № 12..
Попова Н.— Маленький большой мир (Яромира Коларова. Наш маленький, маленький мир), № 1.
Попов И.— Пионеры (Россия и США: становление отношений. 1765—1815. Сборник документов), № 7.
Рифтин Б.— Жизнь в осажденной крепости (Цянь Чжуншу. Осажденная крепость), № 7.
Ростовцева И.— Под небом, полным птиц (Мэри Лэвин. Среди полей), № 10.
Сергеев М.— В мире «несчастного сознания» (Петер Хандке. Повести), № 6.
Славина Зинаида — Хашар — понятие емкое (Элтон С. Фэкс. Хашар), № 11.
Смирнова Н.— Связь времен (Иво Андрич. Травницкая хроника. Проклятый двор. Барышня. Заяц), № 3.
Топоров Виктор — Книга раздумий (Современная шведская поэзия), № 3.
Федоренко Н. Т.— Традиции жанра и самобытность (Современный японский детектив), № 9.

Издано за рубежом

Ален Боске: «Я констатирую неблагополучие...». Интервью с писателем (Ален Боске. Жан-Луи Трабар, врач), № 6.
Апт С.— Тоска по человечности (Отто Штайгер. Поймать вора. Сильвио Блаттер. Люби меня нежно), № 11.
Белов Сергей — Конец игры (Ирвин Шоу. Вершина), № 9.
Вад Мамаду — Вызов брошен (Амината Соу Фаль. Забастовка нищих), № 12.
Вюрмсер Андре — Всего лишь ошибка (Андре Стиль. Врач-чародей), № 6.
Злобина Л.— Восхождение Анри Постэля (Рене Депестр. Столб с призом), № 5.
Злобина Л.— Мир глазами канадских женщин (Даниэль Больё. Снег над пальмами), № 12.
Злобин Г.— Не только про любовь (Бел Кауфман. Любовь и все остальное), № 8.
Иллеш Ласло — Книга, увенчавшая трилогию (Дюла Ийеш. Пажи Беатриче), № 7.
Иорданский В.— Жизнь... как падающая звезда (Надин Гордимер. Дочь Бургера), № 1.

Кин Ц.— На всю жизнь (Джорджо Амендола. Остров), № 7.

Малевич О.— Роман о миролюбивом воителе (Богумил Ржига. И остался только меч), № 6.

Марков Л.— Победа на Евфрате (Мухаммед Ибрахим аль-Али. Великий поворот), № 5.

Мельников А.— Свидетельствует австралийский писатель (Тревор Шиерстон. Что-то в крови. Сборник рассказов), № 4.

Минушин Валерий — Туда, где действие (Джон Сейлес. Съезд анархистов), № 6.

Митина С.— Лев выйдет на автостраду (Надин Гордимер. Солдатское объятие), № 10.

Мотылева Т.— Непринужденно и всерьез (Герман Кант. К документам. Публицистика 1957—1980 гг.), № 11.

Озеров Лев — Тютчев по-болгарски (Ф. И. Тютчев. Стихотворения. Перевел Григор Ленков), № 4.

Парникель Б.— Роман, сочиненный на острове Буру (Прамудья Ананта Тур. Мир человеческий), № 8.

Попова Н.— Открытие Бретани (Пьер-Жакез Элиас. Истории мои и не мои), № 8.

Разговоров Никита — Продолжение преследует (Мишель Пьеду. Быть не с кем), № 3.

Разговоров Никита — В лучах волчьего солнца, № 7.

Разговоров Никита — Сказки Превера и сказки о Превере (Жак Превер. Сказки для непослушных детей), № 12.

Ротенберг Т.— Размышляя о будущем (Джемейк Хайуотер. Солнце, оно умирает), № 10.

Сергеев М.— Последний урок Франца Кина (Альфред Андерш. Отец убийцы), № 10.

Тарасов Б., Турбин В.— Французский ученый о русском писателе (Жак Катто. Литературное творчество Достоевского), № 9.

Токарев Лев — Самоучки тревоги (Эмиль Ажар. Тревога царя Соломона), № 3.

Урнов Д.— Правнук президента (Р. П. Блэкмур. Генри Адамс), № 3.

Фаиз Элис — Долгий путь поэта и борца (Муин Бсису. Спускаясь под воду), № 12.

Хачатурян Дм.— «Бесплодная смоковница» (Диса Хостад. Беседы с советскими писателями), № 1.

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА РУБЕЖОМ, № 6, 7, 8, 10, 12.

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ, № 7.

ИЗ МЕСЯЦА В МЕСЯЦ, № 1—12.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Н. Т. ФЕДОРЕНКО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
О. С. ВАСИЛЬЕВ (зам. главного редактора), **Л. А. ГВИШИАНИ, Ю. В. ДАШКЕВИЧ, Е. А. ДОЛМАТОВСКИЙ, И. Ф. ЗОРИНА, Т. П. КАРПОВА, Е. Ф. КНИПОВИЧ, А. А. КОСОРУКОВ, Т. А. КУДРЯВЦЕВА, Т. Л. МОТЫЛЕВА, П. В. ПАЛИЕВСКИЙ, Е. Н. ПРАЛЬНИКОВ, А. Н. СЛОВЕСНЫЙ, Е. В. СТОЯНОВСКАЯ, М. Г. ФЕДОРОВ** (отв. секретарь), **К. А. ЧУГУНОВ** (зам. главного редактора), **М. А. ШОЛОХОВ, Л. З. ЭЙДЛИН.**

Художественный редактор **Л. Б. Филиппова.** Технический редактор **Е. П. Поляков.**

Адрес редакции: 109017, Москва, Ж-17, Пятницкая ул., д. 41, телефон 233-51-47.

Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР».
Москва, Пушкинская пл., 5.

Журнал выходит один раз в месяц.

Сдано в набор 2.10.81. Подписано в печать 20.11.81. А 04853. Формат 70×108 1/16.
Печать высокая, 17 п. л. (23,8) усл. п. л., уч-изд. л. 31,5.

Тираж 525 000 экз. (1-й завод: 1 — 400 000 экз.) Зак. 3253.

Ордена Трудового Красного Знамени типография «Известий Советов народных депутатов СССР» имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва, Пушкинская пл., 5.

БАБУШКА МОЗЕС. США. Лето на реке

Цена 80 коп.

ИНДЕКС 70394